

**Федеральное государственное образовательное бюджетное
учреждение высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
Ярославский филиал**

МОЛОДЕЖЬ, НАУКА, ПРАКТИКА

*Сборник научных трудов
66-й Международной научно-практической конференции
студентов, магистрантов и аспирантов,
посвященной 90-летию Ярославской области*

Том 2

Ярославль 2026

УДК 33:061.3
ББК 65
М 83

Печатается по Плану изданий
Ярославского филиала Финансового
университета при Правительстве
Российской Федерации

М83 Молодежь, наука, практика / Сборник научных трудов 66-й Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов в 2 томах. Том 2 / кол. авторов; под ред. А.Д Бурыкина, А.В. Юрченко. – Ярославль: ООО «ПКФ «СОЮЗ-ПРЕСС», 2026. – 592 с.

978-5-6054059-4-8

УДК 33:061.3
ББК 65

В сборник включены тезисы докладов участников 66-й Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов «Молодежь, наука, практика», посвященной 90-летию Ярославской области.

В издании представлены результаты актуальных исследований в области экономики и финансов; банковского сектора; менеджмента и маркетинга; информационных технологий; государственного и муниципального управления; социально-гуманитарных и исторических аспектов развития современного общества; экономической безопасности и управления рисками; страноведения, межкультурной и массовой коммуникаций, правового регулирования деятельности бизнеса и органов власти.

Тезисы докладов представлены в авторской редакции по материалам, представленным в электронном виде. Ответственность за содержание материалов несут авторы и их научные руководители.

© Коллектив авторов, 2026
© Ярославский филиал
Финуниверситета, 2026

978-5-6054059-4-8

Оглавление

Приветственное слово Сенатора Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от Ярославской области	13
Секция 5. Социально-гуманитарные и исторические аспекты развития современного общества	14
<i>Абдулова М.М.</i> Биологические и социальные факторы улучшения качества здоровья подросткового населения Астраханской области.....	14
<i>Андреанова А.А.</i> Прогнозирование индекса качества жизни в РФ на основе макроэкономических показателей.....	16
<i>Астайкина А.С.</i> Рок-культура и молодёжные субкультуры как механизмы социокультурной динамики	19
<i>Афанасьева В.В.</i> К вопросу о совершенствовании института принудительных мер воспитательного характера	22
<i>Басик Д.Д.</i> Развитие института принудительных мер безопасности и лечения в период нахождения земель Беларуси в составе Российской империи	26
<i>Баясгалан Гансук.</i> Российско-монгольские взаимоотношения - многолетняя история двустороннего взаимодействия	30
<i>Белицкий А.В.</i> История страны в биографии героя: Маршал СССР Л.А. Говоров.....	32
<i>Белюсова П.С., Шмыкова В.С.</i> Социально-гуманитарные и исторические аспекты развития общества в условиях цифровизации.....	34
<i>Беляев Ф.А.</i> Соблазн готовых ответов: конструирование традиционных ценностей в современной России	36
<i>Бойченко Д.В.</i> Исторические аспекты становления воздухоплавания в России.....	40
<i>Бузина О.А., Каменева К.Р.</i> Динамика численности населения Российской Федерации: анализ и прогноз.....	44
<i>Варданян М.С.</i> Цифровизация повседневных практик россиян	47
<i>Виноградова Е.С.</i> Этико-экологические проблемы и практика их решения в Ярославской области.....	50
<i>Галузо Д.А.</i> Ресоциализация осужденных к лишению свободы: сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации	53
<i>Горнушкина О.С.</i> Проблемы и перспективы развития социального предпринимательства в современной России (на примере Ярославской области)	56
<i>Городова А.С.</i> Неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху: нравственные и правовые границы «права быть забытым»	60

<i>Грецакая Т.А.</i> Криминологическая характеристика алкоголизма как детерминанты преступности: анализ теоретических подходов и общественного мнения	63
<i>Гущина А.А.</i> Эволюция понятия туристский продукт в российском законодательстве	67
<i>Дракунов Д.Д., Чернов О.В.</i> Решение проблемы отцов и детей в рамках проекта «Отцовский клуб»	71
<i>Дубовой В.А.</i> Из истории формирования армии современной России: Крымский перелет	75
<i>Дьяченко В.А.</i> Спорт как инструмент социализации молодежи: правовые и социальные гарантии	76
<i>Ерофеевский М.А., Чистов М.С.</i> Этические аспекты использования студентами языковых моделей в учебном процессе.....	79
<i>Железнова П.А., Лебедева Д.А.</i> Тенденции рождаемости в РФ: основные факторы влияния	83
<i>Забелина А.С.</i> Влияние туризма на экологию и устойчивое развитие территорий	87
<i>Закиров А.М.</i> Цифровая социализация студентов: противоречия между образовательными практиками и требованиями рынка труда.....	90
<i>Зданович В.С.</i> Общественное восприятие актуальных проблем реинтеграции осужденных в Республике Беларусь	94
<i>Иващенко П.И.</i> Кадровый дефицит экологов в Ярославской области: анализ ключевых проблем.....	98
<i>Киселева Е.М.</i> Модель формирования эмоционально-волевой устойчивости студентов вузов	101
<i>Кислякова К.А.</i> Демографическая ситуация в студенческой среде	105
<i>Клопченко В.В.</i> Миус-фронт: история подвига	109
<i>Коляго А.В.</i> К проблеме уголовной ответственности за причинение телесных повреждений во время проведения спортивных соревнований	111
<i>Кунин Л.Н.</i> Цена Великой Победы: из истории Великой Отечественной войны	115
<i>Наметкина А.А., Скрыбина Д.В.</i> Тенденция изменения индекса человеческого развития в Российской Федерации	116
<i>Павлов И.А.</i> Историческое моделирование в изучении военной истории	119
<i>Самознаев В.В.</i> Из истории военного дела в древнем Египте	121
<i>Сафонова А.И.</i> Односторонний предварительный договор: анализ целесообразности законодательных изменений	122

<i>Ширневич А.Э.</i> Криминологико-виктимологический анализ механизма совершения изнасилований в Республике Беларусь.....	125
<i>Шнитко А.В.</i> Историческое становление правовой регламентации института уголовной ответственности несовершеннолетних	128
<i>Щепетинщиков К.М.</i> Образ русских воинов в произведениях церковного изобразительного искусства.....	132
<i>Юфин В.Н.</i> От доступа к привилегиям: как цифровое неравенство меняет выгоды онлайн-сервисов для пожилых жителей малых городов.....	134
<i>Яблокова Е.С.</i> Философские основания для внедрения и реализации профессиональных стандартов	137
Секция 6. Экономическая безопасность и управление рисками: современные вызовы и угрозы.....	142
<i>Адмухамедов Д.А., Калугина А.Л.</i> Место и роль системы внутреннего контроля в обеспечении экономической безопасности организации на примере ООО «Роквул».....	142
<i>Белосов Г.П.</i> Внешняя торговля Республики Беларусь: современные вызовы и угрозы	146
<i>Белюсова П.С., Шмыкова В.С.</i> Экологические и экономические риски в системе обеспечения национальной безопасности: вызовы и угрозы 2026 года	150
<i>Букреева М.Н.</i> Методы выявления, анализа и оценки наиболее критичных рисков в оптовых фармацевтических компаниях	152
<i>Введенский Е.А., Торбеев С.Н.</i> Информационные технологии в системе экономической безопасности предприятия	156
<i>Волков В.В.</i> Комплаенс-контроль как организация текущего контроля процедур по управлению комплаенс-рисками	159
<i>Глазунов А.Д., Скобелев М.С.</i> Совершенствование методов аудита экономической безопасности хозяйствующего субъекта	163
<i>Гордиевич Е.Э.</i> Риски реализации продукции растениеводства и их влияние на экономическую безопасность предприятия.....	166
<i>Добренькая Е.А.</i> Оценка воздействия роста числа плательщиков НПД на объем страховых поступлений в регионе (на примере Ярославской области).....	169
<i>Елисеев В.О., Стройнов Д.П.</i> Принципы управления финансовыми рисками (теоретический аспект).....	173
<i>Елисеева Е.Д., Храменок И.А.</i> Конкурентная разведка: особенности ее ведения современными российскими предприятиями на примере МКПАО «Яндекс».....	176
<i>Зайцева О.И., Кулигина А.А.</i> Кадровые риски и корпоративное мошенничество в деятельности предприятия	181

<i>Захарченко М.А., Люляев Н.С.</i> Риски мошенничества как угроза экономической безопасности хозяйствующего субъекта	184
<i>Иванова Д.Д., Моржухина А.В.</i> Кадровая безопасность Ярославской области: отток молодёжи и дефицит специалистов.....	187
<i>Игнатькова В.А., Мамонов А.Н.</i> Разработка агрессивной инвестиционной стратегии для управления временно свободными денежными средствами предприятия: модели оптимизации и практика применения на российском рынке	190
<i>Карпинская З.Я.</i> Влияние входящих прямых иностранных инвестиций на экономическую безопасность Российской Федерации	194
<i>Костров А.М.</i> Энергетическая безопасность региона: риски тарифного регулирования и износа инфраструктуры (на примере Республики Хакасия)	197
<i>Крикунова М.С.</i> Трансформация политики импортозамещения под влиянием санкционного давления: оценка вклада в укрепление экономической безопасности.....	201
<i>Малюхо А.В.</i> Энергопереход и его влияние на экономическую безопасность России.....	205
<i>Матвиенко В.Г.</i> Управление кадровыми рисками в системе экономической безопасности предприятия гостиничной сферы	208
<i>Монов Д.С., Казарян Д.А.</i> Обеспечение финансовой безопасности предприятия на примере компании ООО «Интернет решения» (Ozon) ..	212
<i>Мохорев Д.А., Сацута К.Д.</i> Геополитические санкции и их влияние на таможенные процедуры: вызовы для цепочек поставок и меры по обеспечению экономической безопасности	214
<i>Панчишикина А.А.</i> Трансформация платежной инфраструктуры как фактор финансовой устойчивости организаций Республики Беларусь.....	218
<i>Полякова А.О., Сакулина П.И.</i> Коммерческая тайна в системе противодействия корпоративному мошенничеству компании ООО «Яркамп».....	222
<i>Поплёвина Е.М.</i> Выявление признаков подозрительности в финансово-экономической деятельности организации (на примере ПАО «Аэрофлот»).....	225
<i>Пряхина А.А., Скорюкова В.А.</i> Обеспечение экономической безопасности сельхозтоваропроизводителей в условиях санкций.....	229
<i>Раков М.Д.</i> Экономическая безопасность и риски в цифровой среде.....	231
<i>Симонятова С.Д.</i> Политика комплаенс-контроля и особенности их реализации в организации	234
<i>Соколов А.Д.</i> Доступность мер социальной поддержки семей с детьми в условиях современных демографических вызовов	237

<i>Терехина П.А.</i> Роль БРИКС в обеспечении экономической безопасности Российской Федерации	240
<i>Тоталин В.С.</i> Цифровизация риск-ориентированного налогового контроля НДС: роль банковских данных и платформы АИС «Налог-3».....	243
Секция 7. Страноведение и межкультурные коммуникации	247
<i>Olnov A.G.</i> Rock and Roll Is Alive: How Foreign Rock Music Changed the World.....	247
<i>Ardukhanyan L.A., Korolkova A.P.</i> Ecological disaster: Animal extinction in Australia — causes, consequences and conservation measures.....	250
<i>Амрошкин Г.В., Горячева А.Н.</i> AI Slop: How Generative Models Are Changing the Quality of Digital Video Content.....	252
<i>Барини Хусам.</i> Влияние цифровизации на региональные интеграционные процессы в Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива.....	255
<i>Бувина О.Е.</i> Сотрудничество Китая и Индонезии: современные тренды и цифровые направления	258
<i>Венчакова Д.А., Маслова В.А.</i> Влияние Китайского Нового года на цепочки поставок в Россию	261
<i>Гонко И.В.</i> Рост цифровизации в АСЕАН как направление развития интеграционного объединения на страновом и региональном уровнях..	265
<i>Denisov A.I., Chervyakov P.S.</i> Apple: How One Company Changed Technology	268
<i>Esipenkova K.S.</i> Environmental and Socio-Economic Consequences of Wildfires in California	272
<i>Етимова К.К.</i> Integrated marketing communications in brand promotion «The act»	274
<i>Иванова В.В., Малинова Д.М.</i> Measures of State Support for the Sustainable Development of the Agro-Industrial Complex in Russia and the Yaroslavl Region	278
<i>Казакова А.С.</i> Влияние ChatGPT и онлайн-переводчиков на изменение культурных кодов и языкового этикета	281
<i>Лисицов А.В.</i> Традиционные ценности в российских и англоязычных медиатекстах Интернет-СМИ: лингвостилистический анализ.....	283
<i>Наджафов Р.Н.</i> Исследование особенностей цифровой торговли стран Аравийского полуострова с Китаем и Россией	287
<i>Nechaeva V.A.</i> The «Pseudo-Expert» Archetype: The Role of Speech Errors in Creating Comic Characters in Film and Animation.....	290
<i>Погосова А.Р.</i> Основные МТК в инициативе «Один пояс, один путь» ...	292
<i>Саидов А.А.</i> Цели региональной экономической интеграции в ЕАЭС и необходимость их развития.....	295

<i>Самсонова Е.А.</i> A Comparative Analysis of the Russian Translations of Thomas Harris's Novel Red Dragon.....	298
<i>Сычиков А.С., Чернышов И.Д.</i> The Migration Crisis in Europe and Its Implications for Russia in the 21st Century	301
<i>Уемлянин Г.Е.</i> Технологическая кооперация в ЕАЭС: необходимость и возможность.....	305
<i>Федотов С.С.</i> Анализ статей в СМИ англоязычной лингвокультуры периода проведения СВО	308
<i>Чухарев А.В.</i> Необходимость и возможность решения «продовольственных разрывов» на глобальном и региональном уровнях в рамках современных глобальных тенденций цифровизации и экологизации и необходимость межстранового взаимодействия.....	310
<i>Scherbakova D.A.</i> Video editing as a way to promote media products in modern media	313
Секция 8. Актуальные проблемы массовой коммуникации.....	317
<i>Андреева В.В.</i> Особенности представления социокультурных проектов в медиапространстве	317
<i>Бойцова М.О.</i> Коммуникационное сопровождение услуг аренды загородной недвижимости в цифровой среде	320
<i>Буторина Т.С.</i> Медиапроект «Ближе к делу» как двусторонняя платформа профорientации и HR-коммуникаций.....	324
<i>Воронова Д.С.</i> Типология моделей подкастов культурной тематики в русскоязычном медиапространстве.....	328
<i>Ворохобина С.Д.</i> Просветительские подкасты как способ формирования информационной грамотности	331
<i>Галкина А.С.</i> Гость как архитектор диалога: анализ интервью в программе «Подкаст.Лаб»	333
<i>Горбань М.М.</i> Книжный клуб как социокультурное пространство (проект на основе модели RACE).....	337
<i>Грибанова Н.О.</i> Медиаобраз образовательных организаций в цифровой сфере (на примере онлайн-школы «Вебиум»).....	341
<i>Дубова В.С.</i> Медиаобраз Ярославского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.....	344
<i>Зюзикова П.П.</i> Соотношение элементов продакт-плейсмент в литературных произведениях и телевизионных сериалах (на примере произведений Т. Устиновой).....	347
<i>Иванова К.Ю.</i> Формирование традиционных духовно-нравственных ценностей средствами современной киноиндустрии	349
<i>Кангина С.А.</i> Метод контент-анализа как инструмент исследования музыкальной культуры	352

<i>Кузнецова А.О.</i> Средства адресации в рекламе молодежных товаров	354
<i>Лебедева Н.В.</i> Отражение ценностей патриотизма и исторической памяти в текстах песен современных российских исполнителей	357
<i>Мухомина К.Г.</i> Использование социальных медиа в разработке стратегий продвижения российских брендов в индустрии моды	361
<i>Назарычева А.М.</i> Этика журналиста в эпоху персонализированного контента.....	364
<i>Нордиво А.Б.</i> Дезинформация в российском онлайн-пространстве: масштабы, источники и общественные последствия	367
<i>Петрова В.К.</i> Цифровая верификация в эпоху информационных войн: фотография как доказательство	371
<i>Реутова И.А.</i> Влияние редакционной политики издания на освещение новостей в мире моды.....	373
<i>Рыбакова А.А.</i> Цифровой медиаобраз губернатора Ярославской области: роль социальных сетей и онлайн-СМИ.....	377
<i>Сафонова П.Г.</i> Речевая агрессия в телевизионных ток-шоу и ее восприятие молодежной аудиторией.....	380
<i>Сергеева В.Ю.</i> Антикризисные коммуникационные стратегии бренда: сравнительный анализ кейсов	383
<i>Силаева Е.А.</i> Факторы влияния на формирование медиаграмотности молодого поколения.....	385
<i>Ситникова Е.Ю.</i> Оценка инфографики в урбанистическом пространстве (на примере города Ярославль).....	389
<i>Соболева А.Е.</i> Актуальные проблемы коммуникации в работе ООО «Спектр».....	391
<i>Соколова Е.А.</i> Способы продвижения танцевальных фестивалей для молодежной аудитории (на примере К-поп cover dance)	393
<i>Стельмаченко М.С.</i> Особенности PR-стратегий продвижений направлений подготовки «Медиакоммуникации» в вузах Ярославля.....	395
<i>Стренин А.А., Удодова К.</i> Переключение информационной повестки как инструмент кризисных коммуникаций: кейс Дональда Трампа	399
<i>Титова Е.Н.</i> Трансформация образа женщины в рекламе «нового» глянца	401
<i>Тумакова М.Д.</i> Оценка ценностных ориентаций студентов Ярославского филиала финансового Университета при правительстве РФ	404
<i>Турчина М.К.</i> Трансформация образов мультипликационных героев: сравнительный анализ	407
<i>Филиппова Е.С.</i> Создание коммуникационной стратегии для кадрового агентства.....	410
<i>Харитонов А.А.</i> Цифровые платформы как средство коммуникации	413

<i>Хуснутдинова В.А.</i> История трэвел-журналистики в России	415
<i>Шаверина Д.А.</i> Оценка интернет-мемов молодежной аудиторией	419
<i>Шемакина М.И.</i> Влияние редакционной политики телеканала на способы подачи новостей	421
<i>Щербакова А.А.</i> Бинарность гендерных ролей в рекламе для детей	425
<i>Щербакова Д.А.</i> Феномен ностальгии и его репрезентация в современном медиапространстве	429
Секция 9. Актуальные проблемы и пути развития правового регулирования деятельности бизнеса и органов власти	431
<i>Абдулина П.О.</i> Полномочия Банка России при осуществлении банковского надзора за деятельностью кредитных организаций: проблемы правоприменения	431
<i>Бабаджанян Г.А.</i> Концессионное соглашение как инструмент балансирования публичных и частных интересов в рамках региональной инвестиционной политики	434
<i>Бараева А.А.</i> Процедура медиации как альтернативный способ урегулирования спора	439
<i>Барашкова М.С., Добренькая Е.А.</i> «Трудовая подмена» при samozанятости: анализ практики и пути совершенствования правового регулирования	443
<i>Бодрова К.О.</i> Конституционная формула «человек, его права и свободы – высшая ценность» как основа для принятия управленческих решений	447
<i>Бугакова А.П.</i> Защита прав граждан России за рубежом в условиях санкционного режима: роль консульских учреждений и МИД	450
<i>Бухаркина С.С.</i> Проблемы классификации гостиниц (правовой аспект)	454
<i>Волкова К.А., Смирнова В.Д.</i> Конституционная ценность семьи и её обеспечение через механизмы права	459
<i>Гераскин И.В.</i> Правовые аспекты вовлечения в хозяйственный оборот неиспользуемого федерального имущества и объектов культурного наследия	463
<i>Грищенко М.А.</i> Институт президентской власти и эффективность разделения властей в России: является ли система сдержек и противовесов рабочей моделью?	466
<i>Демирли К.И.</i> Роль и значение права на мир в социальном развитии современного общества	470
<i>Евсеева Е.А.</i> Деформация правосознания как фактор влияния на вероятность участия в финансовом мошенничестве в современный период	473
<i>Желтикова М.В.</i> Потребительский «экстремизм»: новый правовой феномен или злоупотребление правами	477

<i>Жукова Е.Е.</i> Цифровизация процедур банкротства: актуальные проблемы правового регулирования и пути развития механизмов реализации	481
<i>Захаров И.А.</i> Свобода рынка или контроль государства? Теоретические подходы к правовому регулированию бизнеса	484
<i>Захарова С.А.</i> Договорная форма сопровождения инвестиционных проектов по принципу «одного окна»: анализ на примере судебной практики разрешения споров в сфере инвестиционных проектов	488
<i>Захарченко М.А., Люляев Н.С.</i> Правовые возможности использования специальных налоговых режимов как инструмента управления рисками легитимности для субъектов малого и среднего бизнеса.....	491
<i>Зейсина А.Р.</i> Доверительное управление наследственным имуществом как инструмент обеспечения стабильности бизнеса	495
<i>Зиновьева А.Н.</i> Проблемные вопросы правореализации в сфере кадрового обеспечения государственной службы в органах МЧС России аттестованных сотрудников	498
<i>Иноземцева Е.А.</i> Государственное регулирование предпринимательской деятельности в условиях цифровизации экономики	502
<i>Колесник А.В., Саханович В.Д.</i> Аспекты определения страны происхождения товара	504
<i>Кусин И.Н., Товаровский В.А.</i> Правовые проблемы и перспективы развития антимонопольного регулирования в Российской Федерации на примере деятельности Федеральной антимонопольной службы	509
<i>Лобачев Р.А.</i> Проблемы и пути совершенствования антикоррупционного механизма в Российской Федерации	511
<i>Мазова К.Р.</i> Правовые аспекты взаимодействия органов прокуратуры с органами государственного контроля (надзора) и органами муниципального контроля.....	515
<i>Макеева М.О.</i> Правовые основы преднамеренного и фиктивного банкротства	519
<i>Малышкин П.В.</i> Проблема ограничения прав продавцов-предпринимателей в зависимости от функциональных возможностей маркетплейса: правовой и технологический аспект	522
<i>Малюшина А.А.</i> Статистический анализ факторов преступности в Российской Федерации	525
<i>Метликова М.О.</i> Правовое регулирование молодёжной политики в Ярославской области: анализ регионального законодательства	529
<i>Мясникова В.И.</i> Молодежное предпринимательство – одно из направлений государственной политики.....	531
<i>Николенко Д.Ю.</i> Понятие и правовая природа корпоративного договора	534

<i>Новикова А.А.</i> Право на «творческое выражение» и право на «защиту»: практические коллизии реализации свободы творчества в современной России.....	537
<i>Перфильева Е.А.</i> Правила одобрения крупных сделок в обществах с ограниченной ответственностью	541
<i>Пимакова А.А.</i> Гарантии индивидуальной предпринимательской деятельности	545
<i>Порошина Д.О.</i> Аудит как форма независимого контроля деятельности организаций: нормативно-правовое регулирование в РФ и его соотношение с международными стандартами.....	549
<i>Савина Е.С.</i> Проблемы правового регулирования расчетных операций с использованием платежных карт.....	552
<i>Сафарова Э.Н.</i> Понятие и сущность социального обеспечения граждан, имеющих детей.....	556
<i>Сергеева А.А.</i> Некоторые правовые аспекты преференциального режима свободный порт Владивосток	560
<i>Смирнова Д.А.</i> Правовое регулирование отношений, связанных с проведением процедуры банкротства застройщика, проблемы правоприменения	563
<i>Сухарева Е.К.</i> Историко-правовой аспект запроса котировок как способа определения поставщика (подрядчика, исполнителя) для государственных и муниципальных нужд	566
<i>Трошина А.Д.</i> Публичное назначение земель и коммерческие интересы: проблемы правового регулирования застройки в зоне ЮНЕСКО на примере города Ярославля	569
<i>Трузгина Д.А.</i> Сценический костюм и художественный образ как объекты интеллектуальной собственности.....	573
<i>Фомина М.В.</i> Право и мораль: грани взаимодействия в современном обществе.....	575
<i>Чемармазович И.О.</i> Проблемные вопросы при формировании плана закупок отдельными видами юридических лиц.....	579
<i>Шнейдер М.А.</i> От Вестфалии к чему? Траектория развития государственного суверенитета	582
<i>Юрченко И.А.</i> Европейский опыт и зарубежные модели правового регулирования института обжалования в административном праве	586

**Приветственное слово
Сенатора Совета Федерации Федерального Собрания Российской
Федерации от Ярославской области, Члена Комитета Совета Федерации
по социальной политике**

Уважаемые участники конференции! Дорогие друзья!

66-я Международная научно-практическая конференция «Молодежь, наука, практика» проводится в сложных геополитических и социально-экономических условиях. Экономические санкции в отношении России, проведение специальной военной операции привели к необходимости переосмысления современной экономической политики. Поэтому сегодня, как никогда, необходимы детальная оценка перспектив развития отечественной экономики, новые идеи и решения.

В 2026 году Ярославская область отмечает 90-летие со дня своего образования, что является важной вехой для культурной и экономической жизни региона, имеющего богатую историю и высокую значимость для страны.

Регион является важным культурным и промышленным центром, столицей «Золотого кольца России». Поэтому очень значимо то, что конференция посвящена этому знаменательному событию.

На конференцию поступили материалы, содержащие результаты более 350 научных исследований, более 150 участников представят полученные результаты в очном формате. Среди участников и представители зарубежных вузов.

В современных условиях развития общества и утверждения компетентностной модели образования, к выпускникам вузов предъявляются новые высокие требования по формированию компетенций - создавать, приобретать и интегрировать внутренние и внешние компетенции для их быстрого реагирования на изменения среды. Это подтверждает мысль о необходимости формирования у молодого поколения исследовательской культуры, которая достигается посредством участия в научной деятельности.

Коллектив Ярославского филиала Финуниверситета вносит достойный вклад в развитие научной деятельности, воспитание нового поколения молодых ученых и внедрение результатов исследований в практику работы бизнеса и органов власти Ярославской области.

Дорогие друзья, желаю Вам плодотворной работы в ходе конференции, а в последующем успешной реализации научных идей!

С уважением, Косихина Наталия Владимировна

Секция 5. Социально-гуманитарные и исторические аспекты развития современного общества

УДК: 614.1:616-053.2(470.46)

Биологические и социальные факторы улучшения качества здоровья подросткового населения Астраханской области

Абдулова М.М.

Научный руководитель: Берлякова Е.М., канд. мед. наук

Астраханский государственный медицинский университет

Здоровье является основным социально-гуманитарным аспектом развития человека, обеспечивающим активную жизнедеятельность. Оно определяет качество жизни и служит показателем социального прогресса, развития человеческого потенциала.

В соответствии с Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 одними из национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года является сохранение населения и укрепление здоровья [1]. Сохранение здоровья подростков - один из важнейших факторов сохранения и укрепления здоровья населения в целом.

К подростковому населению относятся граждане от 15 до 17 лет. Численность подростков составляет 35 тыс. человек [3], доля подросткового населения около 4% от общей численности [5]. Структура, ранжирование и динамика заболеваемости подросткового населения Астраханской области за период с 2021 по 2023 гг. (на 100 тыс. детей) [4, с. 31] представлена в таблице 1.

Снижение заболеваемости зафиксировано в 2023 году по следующим болезням: болезни органов пищеварения (на 4,92%), болезни глаза (на 37,92%), болезни эндокринной системы (на 11,33%), глаза (на 5,53%), психические расстройства (на 14,15%). По другим позициям уровень заболеваемости увеличился. Наибольшее увеличение наблюдалось по болезням: болезни кожи и подкожной клетчатки (на 50,12), Болезни уха и сосцевидного отростка (на 25,84%), Болезни крови, кроветворных органов (на 26,79%).

К основным факторам, влияющим на состояние здоровья подростков, относятся: биологические (возраст, конституция, наследственность, экологическая обстановка и т.д.), социальные (условия быта, образования, отдыха, питания и т.д.) и другие. Положительную роль играет санитарно-

просветительная работа среди взрослого и детского населения Астраханской области, а также проведение профилактических прививок в соответствии с приказом Министерства здравоохранения РФ от 6 декабря 2021 г. № 1122н о календаре прививок [2].

Таблица 1. Структура, ранжирование и динамика заболеваемости подросткового населения Астраханской области за период с 2021 по 2023 гг. (на 100 тыс. детей)

№	Болезни (классы)	2021 год	2022 год	2023 год	Среднее значение за 3 года
1	Болезни органов дыхания	74579,36	65657,50	72204,67	70813,84
2	Травмы, отравления	9669,35	8312,63	8917,72	8966,57
3	Болезни глаза и его придаточного аппарата	7745,98	9475,17	5882,35	7701,17
4	Болезни органов пищеварения	7051,34	7653,14	7276,98	7327,15
5	Болезни мочеполовой системы	6474,02	7073,40	8048,74	113,79
6	Болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	5433,61	5573,45	5997,81	5668,29
7	Болезни уха и сосцевидного отростка	4600,04	3754,49	4724,72	4359,75
8	Болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ	5714,55	5147,08	4563,68	5141,77
9	Болезни кожи и подкожной клетчатки	2605,66	1874,18	2813,56	2431,13
10	Некоторые инфекционные и паразитарные	2142,57	2469,25	2549,22	2387,01
11	Болезни системы кровообращения	1058,94	947,82	1142,44	1049,73
12	Врожденные аномалии (пороки развития)	92,6	331,28	413,22	279,04
13	Болезни крови, кроветворных органов	870,61	766,85	972,29	869,92
14	Психические расстройства и расстройства поведения	682,29	644,15	552,99	626,48
15	Новообразования	305,64	297,54	391,95	331,71

В результате анализа качества здоровья подросткового населения Астраханской области зафиксировано статистически достоверное снижение заболеваемости по ряду позиций. Однако увеличение заболеваемости по болезням кожи и подкожной клетчатки, болезням уха и сосцевидного отростка, болезни крови, кроветворных органов отрицательно повлияло на общую статистику. Для улучшения состояния здоровья подростков необходимо проводить санитарно-просветительную деятельность, поддерживать гигиену, соблюдать график профилактических прививок, придерживаться здорового питания, богатого железом, витаминами B12 и фолиевой кислотой. В целях снижения заболеваемости среди подростков целесообразно проводить мастер-классы в форме игры, соревнований, викторин, практических

занятий по личной гигиене, культуре питания, соблюдению чистоты, физкультуре и отказу от вредных привычек.

Библиографический список

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309.

2. Об утверждении национального календаря профилактических прививок, календаря профилактических прививок по эпидемическим показаниям и порядка проведения профилактических прививок: приказ Министерства здравоохранения РФ от 6 декабря 2021 г. № 1122н.

3. Возрастно-половой состав населения Астраханской области на 1 января за 2012-2024 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya>.

4. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Астраханской области в 2024 году: государственный доклад - Астрахань: Управление Роспотребнадзора по Астраханской области, 2024 – 176 с.

5. Оценка численности постоянного населения по Астраханской области [Электронный ресурс]. URL: <https://30.rosstat.gov.ru/folder/162742>.

УДК 338.984

Прогнозирование индекса качества жизни в РФ на основе макроэкономических показателей

Андреанова А.А.

Научный руководитель: Чубрина Г.Н., канд. пед. наук

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Ярославский филиал

Индекс человеческого развития (ИЧР) – это обобщенный показатель, разработанный Программой развития ООН для комплексной оценки уровня жизни населения [1]. Он объединяет три ключевых измерения: продолжительность здоровой жизни, уровень образования и величину доходов на душу населения. Значение ИЧР варьируется от 0 до 1, где более высокие значения соответствуют лучшему качеству жизни.

Данное исследование посвящено анализу влияния основных макроэкономических факторов на динамику ИЧР в России за период 2014-2023 годов и формированию прогноза на 2024-2028 годы.

В качестве независимых переменных рассмотрены: валовой внутренний продукт на душу населения в текущих ценах (руб.), индекс потребительских цен - ИПЦ (% к декабрю предыдущего года) и уровень безработицы населения в возрасте 15-72 лет (%). Данные получены из официальных источников: ИПЦ и безработица – Росстат [2]; ИЧР – отчеты UNDP [1].

Для анализа использован временной ряд из десяти наблюдений, охватывающий период экономической волатильности, включая последствия внешних шоков и внутренних адаптационных процессов (табл. 1).

Таблица 1. Основные показатели за 2014-2023 годы

Год	ИЧР	ВВП на душу населения (руб.)	ИПЦ (%)	Безработица (%)
2014	0,831	539424,12	111,35	5,20
2015	0,833	565361,83	112,91	5,60
2016	0,835	580916,04	105,39	5,50
2017	0,838	621870,53	102,51	5,20
2018	0,845	702627,74	104,26	4,80
2019	0,847	741097,43	103,04	4,60
2020	0,818	728860,20	104,91	5,80
2021	0,813	915156,82	108,39	4,80
2022	0,826	1070120,57	111,94	4,00
2023	0,832	1191160,56	107,42	3,20

Для количественной оценки зависимостей применена модель множественной линейной регрессии методом наименьших квадратов:

$$\text{ИЧР} = \beta_0 + \beta_1 * \text{ВВП}_{\text{на душу}} + \beta_2 * \text{ИПЦ} + \beta_3 * \text{Безработица} + \varepsilon$$

Модель демонстрирует высокую объясняющую способность. Коэффициент корреляции $R = 0,893$, коэффициент детерминации $R^2 = 0,797$ (79,7% вариации ИЧР объяснено включенными факторами), скорректированный $R^2 = 0,696$. F-статистика равна 7,864 при p-значении 0,017, что подтверждает статистическую значимость модели на уровне 5% (табл. 2).

Таблица 2. Коэффициенты регрессии и статистическая значимость

Параметры	Переменные (независимые)			
	Константа (β_0)	ВВП (β_1)	ИПЦ (β_2)	Безработица (β_3)
Значение	1,0976	$-7,83 \cdot 10^{-8}$	-0,00096	-0,0211
Стандартная ошибка	0,0656	$1,85 \cdot 10^{-8}$	0,00052	0,0052
t-статистика	16,73	-4,24	-1,84	-4,07
P-значение	<0,001	0,005	0,115	0,007
95,0%-доверительный интервал	[0,9371; 1,2581]	$[-1,23 \cdot 10^{-8}; -3,32 \cdot 10^{-8}]$	[-0,00224; 0,00032]	[-0,0337; -0,0084]

Коэффициент при уровне безработицы ($p=0,007$) статистически значим на уровне 1% и свидетельствует о выраженном отрицательном влиянии: увеличение безработицы на 1 процентный пункт ассоциировано со снижением ИЧР на 0,0211 пункта при прочих равных условиях. Коэффициент при ВВП на душу населения ($p=0,005$) также значим, но отрицателен, что отражает преобладание инфляционно-курсовых эффектов над реальным ростом благосостояния в рассматриваемом периоде. Влияние ИПЦ статистически незначимо ($p=0,115$), что может объясняться небольшим объемом выборки и корреляцией с другими факторами.

Прогнозные значения ИЧР получены путем подстановки ожидаемых значений независимых переменных в уравнение регрессии. Для безработицы принят консервативный сценарий, учитывающий текущие тенденции рынка труда России: уровень безработицы остается в узком диапазоне 2,5-3% на всем горизонте прогнозирования. Это отражает высокую структурную занятость, дефицит кадров в ряде отраслей и ограниченные возможности дальнейшего существенного снижения показателя без учета демографических ограничений (табл. 3).

Полученная траектория демонстрирует умеренный, но устойчивый рост ИЧР при условии сохранения безработицы в диапазоне 2,5-3% и постепенного замедления инфляции.

Таблица 3. Прогнозные значения индекса человеческого развития и исходных данных 2024-2028 годы

Год	ВВП (руб.)	ИПЦ (%)	Безработица (%)	Прогноз ИЧР
2024	1384473	109,52	2,5	0,844
2025	1523000	105,59	2,7	0,856
2026	1600000	105,00	2,6	0,861
2027	1680000	104,50	2,6	0,865
2028	1764000	104,00	2,5	0,869

Относительно стабильный уровень занятости выступает главным фактором поддержки положительной динамики индекса, в то время как вклад номинального роста ВВП на душу населения остается ограниченным из-за сохраняющегося влияния инфляционных процессов.

Проведенный анализ показал, что в период 2014-2023 годов на динамику индекса человеческого развития в Российской Федерации доминирующее отрицательное влияние оказывал уровень безработицы – фактор с наибольшей силой воздействия и высокой статистической значимостью.

Номинальный рост ВВП на душу населения в рассматриваемом периоде не обеспечивал достаточного повышения реального

благополучия населения, что проявилось в отрицательном и статистически значимом коэффициенте, обусловленном высокой инфляцией и снижением покупательной способности рубля.

Влияние индекса потребительских цен оказалось наименее выраженным и статистически незначимым.

Прогноз на 2024-2028 годы при сохранении безработицы на уровне 2,5-3,0% и постепенном снижении инфляции указывает на возможность устойчивого, хотя и умеренного роста ИЧР. При этом следует учитывать критическую роль политики занятости и целевой стабильности для дальнейшего повышения качества жизни населения.

Ограниченный объем выборки требует осторожности при интерпретации долгосрочных тенденций и предполагает необходимость расширения анализа за счет более продолжительных временных рядов и дополнительных факторов.

Библиографический список

1. UNDP Human Development Reports [Электронный ресурс]. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/documentation-and-downloads>.

2. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force.

УДК 316.723

Рок-культура и молодёжные субкультуры как механизмы социокультурной динамики

Астайкина А.С.

*Самарский национальный исследовательский университет имени
академика С.П. Королева*

В последние два десятилетия в западной и российской культуре наблюдается всплеск молодёжных субкультур — нередко эпатажных и вызывающих. Несмотря на относительно небольшую долю их приверженцев в обществе, эти движения играют значимую роль в социокультурных процессах: они позиционируют себя либо как оппозиция господствующим нормам, либо как выразители альтернативного жизненного уклада. С точки зрения социально-гуманитарного анализа причины такого противостояния официальной культуре кроются в двух ключевых факторах: во-первых, в дисбалансе социально-нравственных ориентиров — следствии глобализации, цифровизации и размывания традиционных ценностных систем; во-вторых, в трудностях социализации

молодёжи — усложнении социальной структуры, росте конкуренции, неопределённости профессиональных траекторий и ценностных установок. При этом феномен контркультурности уже не рассматривается исключительно как маргинальное явление: в современной культурологии он воспринимается как механизм культурной динамики, способный выявлять кризисные точки общества, формировать новые модели идентичности и генерировать альтернативные ценностные системы.

История демонстрирует, что локальные ценностные системы могут выходить за рамки изначальной среды и влиять на широкие социальные группы — в таких случаях речь идёт уже не о субкультурах, а о контркультурных течениях, которые бросают вызов доминирующим идеологиям, предлагают новые модели поведения и трансформируют культурные нормы. Культурное развитие в этом контексте предстаёт не как механическое накопление ценностей, а как динамичный, порой революционный процесс, где контркультура выступает катализатором изменений.

Одним из наиболее ярких примеров трансформационных процессов стала рок-культура 1960–1970-х годов. Её влияние на общественное сознание было настолько значительным, что изучение этого феномена остаётся актуальным для философии и культурологии XXI века. Социально-исторические предпосылки успеха рока включали глобальные потрясения — войну во Вьетнаме, движения за гражданские права и антивоенные акции; кризис традиционных институтов — семьи, религии, образования; а также технологический прогресс — развитие звукозаписи, радио и телевидения, сделавшее музыку доступной для широких масс. Рок-музыка стала символом молодёжного протеста против устаревших моральных норм, авторитарных структур власти и духовной пустоты потребительского общества. Её демократичность и свобода от академических ограничений (в отличие от джаза и классической музыки) сделали рок универсальным языком поколения.

Изначально рок был социальным манифестом, но со временем обрёл высокую художественную ценность (прогрессив-рок, арт-рок), вышел за рамки молодёжной аудитории и стал частью мирового культурного наследия. Сегодня перед исследователями стоит вопрос: сохраняет ли современный рок связь с традициями 1960–1970-х или трансформировался в нечто иное? Мнения расходятся: одни видят в новых формах продолжение контркультурной традиции, другие говорят о «выхолащивании» протестного духа и превращении рока в коммерческий продукт.

Хотя термины «рок-музыка» и «рок-культура» часто используют как синонимы, их следует различать. Рок-музыка — это прежде всего музыкальное явление (жанры, стили, техники исполнения), тогда как рок-культура — более широкое понятие, включающее образ жизни (стиль одежды, поведение, ритуалы), идеологию (протестные настроения, утопические идеалы) и коммуникативные практики (концерты, фестивали, фан-сообщества). В 1960–1970-е годы эти понятия почти совпадали: музыканты (Джон Леннон, Джим Моррисон, Мик Джаггер) были не только исполнителями, но и идеологами контркультуры.

Дискуссия о том, что важнее в роке — музыка или социальный посыл, отражает двойственную природу феномена. Музыканты, музыковеды и искусствоведы акцентируют внимание на эволюции жанров, технических инновациях, исполнительском мастерстве, тогда как социологи, культурологи и журналисты подчёркивают роль рока как инструмента социальной критики и формирования идентичности. Однако обе стороны взаимосвязаны: музыкальная форма усиливает социальный посыл, а идейная наполненность придаёт искусству глубину.

Мировая сокровищница рок-музыки преимущественно состоит из западных произведений, но русский рок развивался в особых социокультурных условиях. Западный рок делал упор на мелодичность, драйв и визуальную экспрессию, тогда как русский — на текстовую составляющую, философскую глубину и поэтическую образность. Это различие требует специального исследовательского подхода, в том числе привлечения филологического анализа рок-поэзии.

Изучение контркультуры и рок-музыки опирается на работы ведущих мыслителей и исследователей. Среди зарубежных теоретиков значимы Т. фон Роззак и Ч. Рейч, заложившие основы теории контркультуры; Н. Браун, исследовавший психологические аспекты протестных движений; Г. Маркузе, анализирувавший идейные корни рок-культуры. В отечественной науке весомый вклад внесли Г.С. Кнабе (работа «Рок-музыка и рок-среда как формы контркультуры», где рок рассматривается как культура протеста), Ю. Н. Давыдов и И.Б. Роднянская (в «Социологии контркультуры» рок анализируется в контексте массовой культуры), а также С.Н. Иконникова, З.В. Сикевич, А.Ю. Мельвиль, К.Э. Разлогов, изучавшие молодёжные движения. Музыковедческий анализ представлен в монографии В. Сырова «Стилевые метаморфозы рока или путь к „третьей“ музыке» (исследование арт-рока), в работе А. Цукера «И рок, и симфония» (параллели между академической и рок-музыкой) и в книге В. Конен «Третий пласт: новые массовые жанры в музыке XX века» (анализ эволюции массовых жанров).

Для анализа рок-культуры как социально-гуманитарного феномена применяются общеполитические принципы (анализ, сравнение, системность), диалектический подход (связь исторического и логического), сравнительно-исторический метод (эволюция ценностей через тексты и практики), аксиологический, деятельностный и репрезентативный подходы (культура как система идей и практик), герменевтика Г.-Г. Гадамера (интерпретация смыслов в контексте эпохи) и концепция Ф. Ницше о противопоставлении аполлоновского и дионисийского начал.

Рок-культура — это не просто музыкальное направление, а целостный социально-исторический феномен, отражающий динамику общества. Её изучение позволяет понять механизмы культурной трансформации, роль молодёжи в социальных изменениях и эволюцию ценностных систем. Современные субкультуры продолжают эту традицию, демонстрируя, как локальные движения могут влиять на глобальные процессы.

Библиографический список

1. Стракович Ю.В. Музыкальная культура в цифровую эпоху: трансформация социального функционирования: автореферат дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01 [Место защиты: Гос. ин-т искусствознания]. М., 2010. 32 с.
2. Шаповалов С.В. Динамика социокультурных ценностей рок-музыки: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 24.00.01 [Место защиты: Юж. федер. ун-т]. Ростов-на-Дону, 2010. 26 с.

УДК 343.915

К вопросу о совершенствовании института принудительных мер воспитательного характера

Афанасьева Е.В.

*Научный руководитель: Катушонок О.В., магистр юрид. наук
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой*

Проблема преступности несовершеннолетних сохраняет высокую актуальность в условиях гуманизации уголовной политики. В Республике Беларусь, как и в других странах СНГ, приоритет отдается мерам, способствующим исправлению подростков без изоляции от общества.

В Республике Беларусь принудительные меры воспитательного характера (далее – ПМВХ) представляют собой альтернативные наказанию меры. Они сочетают методы убеждения и педагогического воздействия,

стремясь исправить юного преступника. При их реализации основное влияние на подростка оказывается через убеждение, помогая ему осознать ошибочность своего поступка и предотвратить будущие общественно опасные деяния. Считается, что для несовершеннолетних приоритетным является именно нравственное исправление, которое достигается через воспитательный процесс.

Статистические данные об осужденных несовершеннолетних, представленные на сайте Верховного Суда Республики Беларусь, позволяют провести сравнительный анализ и выявить определенные закономерности применения ПМВХ. Так, в 2025 г. было осуждено 430 несовершеннолетних (по сравнению с 2024 г. наблюдается снижение на 27,5% – было 593 осужденных) [3]. Из них лишение свободы было назначено 102 осужденным (23,7%), ограничение свободы – 140 (32,6%). ПМВХ были применены к 89 несовершеннолетним (20,7% осужденных). Для сравнения, в 2024 г. ПМВХ были применены в отношении 134 лиц (22,6%), в 2023 г. – в отношении 157 лиц (22,7%). Сравнивая аналогичные показатели за более ранний период, стоит отметить, что в последнее время идет тенденция в сторону снижения количества несовершеннолетних, в отношении которых принимаются ПМВХ (в 2020 г. 27,1%, 2021 г. – 29,7%) [1].

Вместе с тем, статистические данные, отражающие количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, показывают их постоянный рост. Так, в 2024 г. было выявлено 1436 таких преступлений, что составило 103,1% к уровню 2020 г. (1393 факта) и 106,1% к уровню 2023 года. Таким образом, можно сказать, что практическая реализация института осуждения несовершеннолетних требует корректировки, т.к. назначение несовершеннолетним наказания в виде лишения или ограничения свободы (в 2025 г. два наказания – 56,3%) не способствует достижению целей уголовной ответственности, закрепленных в ч. 2 ст. 44 УК Республики Беларусь как «предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами».

Согласно ст. 117 УК Республики Беларусь суд выносит обвинительный приговор и применяет одну или несколько ПМВХ, если исправление несовершеннолетнего лица возможно без назначения наказания. Перечень данных мер включает в себя: предостережение, обязанность принести извинения потерпевшему, возмещение ущерба (с 15 лет при наличии дохода), ограничение досуга (до 6 месяцев с запретами на определенные места, ночное пребывание вне дома и регистрацией), помещение в специальное воспитательное учреждение (до 2 лет). Эти меры применяются к несовершеннолетним, совершившим преступления, не

представляющие большой общественной опасности, или впервые осуждаемым за совершение менее тяжкого преступления, когда их исправление возможно при помощи воспитательных мер без назначения наказания [1].

На основе анализа данных, представленных Белорусским Национальным статистическим комитетом, по преступлениям, совершенным несовершеннолетними, наибольший рост наблюдается именно по менее тяжким преступлениям: за последние 5 лет мошенничество выросло в 3,5 раза (с 21 до 74 случаев, +252,4%), грабеж – на 52,1% (с 48 до 73) [4]. Помимо этого, преобладающими преступлениями являются хулиганство и кражи. Таким образом, рост преступности несовершеннолетних происходит преимущественно за счет менее тяжких преступлений. Это доказывает, что назначение несовершеннолетним наказания в виде лишения или ограничения свободы не способствует достижению целей уголовной ответственности, а именно: предупреждению новых преступлений (ч. 2 ст. 44 УК Республики Беларусь) [3]. В связи с этим, полагаем, за менее тяжкие преступления в отношении несовершеннолетних целесообразно шире применять ПМВХ вместо реального наказания.

Согласно ст. 90 УК Российской Федерации принудительные меры воспитательного воздействия (далее – ПМВВ) применяются как основание освобождения от уголовной ответственности для преступлений небольшой или средней тяжести, совершенных впервые [2]. В данном случае, в отличие от Республики Беларусь, суд не выносит обвинительный приговор и состояние судимости не возникает. Перечень данных мер включает в себя: предупреждение, передачу под надзор родителей, возложение обязанности загладить причиненный вред, ограничение досуга [2].

По мнению И.В. Черненко, перечень ПМВВ стоит расширить. Так, он предлагает включить в ст. 90 УК РФ «указание об опеке (воспитательная опека), указание принять участие в курсах социального тренинга», а также такие известные уже белорусскому законодателю меры, как обязанность принести извинения потерпевшему и указание находиться дома в ночное время, в выходные и праздничные дни [5].

Лишение свободы, по мнению И.В. Черненко, не исправляет подростка, а лишь служит «школой повышения криминального мастерства»: несовершеннолетние теряют положительные связи с семьей и сверстниками, приобретают криминальные, что резко повышает рецидив [5]. Автор исходит из того, что даже оступившийся несовершеннолетний в силу возраста является объектом повышенной правовой защиты, а международные стандарты (Пекинские правила, Эр-Риядские

руководящие принципы, Токийские правила) требуют принципа максимального содействия его благополучию и применения мер, соизмеримых с особенностями личности и обстоятельствами деяния. В Республике Беларусь, где ПМВХ применяются с сохранением состояния судимости, высказывания данного автора являются актуальными.

Мы считаем, что ПМВХ по примеру Российской Федерации должны стать альтернативой уголовной ответственности, а не уголовного наказания. Для достижения данной цели следует расширить перечень ПМВХ, так как имеющийся перечень мер (как в ст. 90 УК Российской Федерации, так и в ст. 117 УК Республики Беларусь) недостаточен для полноценной индивидуализации и ресоциализации несовершеннолетних.

При решении данного вопроса следует учитывать специфику преступности несовершеннолетних, где основную массу составляют менее тяжкие преступления против собственности, мотивация которых связана с возрастными психологическими особенностями подростков. Полагаем, что расширение перечня ПМВХ превратит их в гибкий, индивидуализированный инструмент, который будет способствовать снижению вероятности совершения несовершеннолетними новых преступлений. Кроме того, суды будут иметь возможность шире применять данные меры за совершение несовершеннолетними менее тяжких преступлений, по которым, согласно статистическим данным, в Республике Беларусь и наблюдается наибольший рост.

Таким образом, для повышения эффективности исправления несовершеннолетних преступников и снижения риска повторного совершения ими преступлений целесообразно:

- расширить содержащийся в УК Республики Беларусь перечень ПМВХ (например, добавить курсы социального тренинга, работу с психологами или иными специалистами);
- по модели Российской Федерации перевести ПМВХ в разряд альтернативной меры уголовной ответственности и применять их в отношении несовершеннолетних без вынесения обвинительного приговора;
- ограничить помещение несовершеннолетних в специальные воспитательные учреждения случаями исчерпания иных мер.

Реализация этих предложений приблизит белорусское законодательство к международным стандартам и обеспечит полноценную ресоциализацию несовершеннолетних.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: 9 июля 1999 г. № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом

Республики 24 июня 1999 г.: в ред. от 20 октября 2025 г. № 101-З: с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2026 г.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г.: в ред. от 20 февраля 2026 г.

3. Верховный Суд Республики Беларусь. Данные судебной статистики за 2025 год об осужденных несовершеннолетних [Электронный ресурс]. – URL: https://court.gov.by/justice_RB/statistics/children/1467a84418884a8d.html.

4. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Численность несовершеннолетних, совершивших преступления [Электронный ресурс]. URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10108000008>.

5. Черненко И.В. Особенности уголовной ответственности и альтернативных ей мер в отношении несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Томский гос. ун-т. Томск, 2006. 24 с.

УДК 343.85

Развитие института принудительных мер безопасности и лечения в период нахождения земель Беларуси в составе Российской империи

Басик Д.Д.

*Научный руководитель: Катушонок О.В., магистр юрид. наук
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой*

На территории современной Республики Беларусь становление института принудительных мер безопасности и лечения лиц с психическим расстройством, совершивших преступление, уходит корнями в период существования Великого княжества Литовского. Вместе с тем научный и практический интерес представляет развитие данного института в период вхождения белорусских земель в состав Российской Империи, так как правоприменительный опыт тех времен сформировал основу, на которой построено современное уголовное законодательство.

В результате поэтапного раздела Речи Посполитой белорусские земли отошли в состав Российской империи. Начиная с 1772 г., где Статут Великого княжества Литовского 1588 г. – уникальный свод законов, охватывающий различные сферы права. Он распространял свое действие более 250 лет. После его отмены с 1840 г. стали действовать правовые предписания Свода законов Российской империи 1832 г.

Существенные положения, касающиеся душевнобольных, были закреплены в Указе об устройстве специальных светских лечебниц для душевнобольных правонарушителей, изданном Екатериной II в 1766 г. Применение данного указа по большей части выражалось в изоляции душевнобольных нежели в их лечение. Нахождение в специальных светских лечебницах сопровождалось антигуманностью, так как содержание происходило в «лечебницах с решетками на окнах и цепями» [1, с. 14].

Последующим изменением института принудительных мер стало принятие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в 1845 году, которое считалось первым систематизированным документом наподобие современных уголовных кодексов. Уложение устанавливало основания для непривлечения к ответственности за совершенное деяние лиц, у которых было «безуміе, сумасшествіе и припадки болѣзни, приводящіе въ умоисступленіе или совершенное безпамятство» [2]. Над такими лицами предусматривалась возможность установления попечительства в лице родителей или родственников душевнобольного лица, совершившего преступление. Однако если данное лицо совершило убийство, посягало на жизнь другого лица или свою собственную, то над лицом нельзя было установить попечительство, и оно направлялось в дом умалишенных. Также принудительное лечение могло быть назначено к лицам, «потерявшихъ умственные способности и разсудокъ отъ старости или дряхлости, и на лунатиковъ (сонноходцевъ), которые, въ припадкахъ своего нервнаго разстройства, дѣйствуютъ безъ надлежащаго разумѣнія» [2]. В Приложение IV Уложения определялась необходимость перед направлением лица, нуждающегося в лечении, проведения освидетельствования, после которого душевнобольные отправлялись в специальные учреждения. Срок содержания составлял 2 года, однако была закреплена возможность, в соответствии с которой срок мог быть досрочно прекращен в случае полного излечения лица.

Анализ норм Уложения 1845 г. показывает, что был внесен ряд существенных и положительных изменений в институт принудительных мер безопасности и лечения:

- выделен расширенный круг субъектов, к которым могло применяться принудительное лечение: излечению подлежали не только лица с безумием или сумасшествием, но и лица с лунатизмом и потерявшие рассудок от старости;

- было закреплено положение о недопустимости привлечения душевнобольных к уголовной ответственности. Положение

свидетельствует о том, что психическое расстройство рассматривалось как явление, исключающее вину;

- были установлены разграничения в применение принудительного лечения по степени общественной опасности совершенного преступления душевнобольным;

- возможность нахождения лица на попечение у родителей или родственников можно рассматривать как двойственное явление, сочетающее в себе предотвращения стигматизации, а также отсутствие должного медицинского лечения;

- в качестве медицинского критерия применения данных мер закреплялось обязательное освидетельствование лица, что предотвращало излишнее или необоснованное лишение свободы здоровых или излечившихся лиц в специальном учреждении.

Дальнейшее совершенствование принудительных мер безопасности и лечения было отражено в Уголовном уложении 1903 г. Положения о принудительных мерах безопасности и лечения были закреплены в отделе четвертом, посвященном условиям вменения и преступности деяний. В Уложении, а именно в статье 39, было определено, что к уголовной ответственности не может быть привлечено лицо «которое, во время его учинения, не могло понимать свойства и значение им совершаемого или руководить своими поступками вследствие болезненного расстройства душевной деятельности, или безсознательного состояния, или же умственного неразвития, происшедшего от телесного недостатка или болезни» [3]. К обозначенным лицам мог быть применен институт попечительства. Так, в соответствии с решением суда вышеуказанных лиц суд мог передать на попечение родителям или иным лицам, которые желали принять лицо на свое попечение, а также направить во врачебное заведение. Обязательное помещение во врачебное заведение применялось в тех случаях, когда лицо совершало «убийства, весьма тяжкого телесного повреждения, изнасилования, поджога или покушения на одно из сих преступных деяний» [3]. Данный перечень, обозначенный законодателем, является исчерпывающим, так как перечисленные в нем преступления, что в период существования Российской империи, что в настоящее время, характеризуются высокой степенью общественной опасности.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что последний кодифицированный уголовно-правовой акт Российской империи закрепил более усовершенствованный институт принудительного лечения душевнобольных. Круг субъектов в Уложение 1903 г. описан с использованием медицинской терминологии, в частности критерий невменяемости стал сочетать в себе и интеллектуальный, и волевой

признак. Законодателем был расширен и конкретизирован перечень преступлений, за которые лицу в обязательном порядке назначалось лечение во врачебном заведении. Также на попечение душевнобольных могли принять не только родители или родственники, как было закреплено в Уложение 1845 г., но и иные лица, желающие установить попечительство.

В заключение следует отметить, что исследование исторического развития института принудительных мер безопасности и лечения в период вхождения белорусских земель в состав Российской Империи имеет большое значение для истории уголовного права современной Беларуси. Важность данного института в уголовном законодательстве обусловлена необходимостью лечения лиц с психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния, обеспечения безопасности общества, а также предупреждения совершения данными лицами новых преступлений. Институт начал формироваться еще в период существования Великого княжества Литовского и за время вхождения белорусских земель в состав Российской империи претерпевал существенные изменения, начиная с круга лиц, подлежащих лечению, до внедрения в законодательство медицинской терминологии. Становление и последующее совершенствование в период существования Российской империи института ПМБЛ сформировало базис для разработки современных положений данного института. Накопленный за рассматриваемый период времени правоприменительный опыт, вне зависимости от различия в идеологических парадигмах, позволил выявить проблемные аспекты в применении принудительного лечения.

Библиографический список

1. Горшков М.М. Исторический обзор формирования в России института принудительных мер медицинского характера / М.М. Горшков, О.И. Гутникова, Е.А. Едомский // Омский психиатрический журнал. 2020. № 1(23). С. 13-17.

2. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ulogenie_o_nakazaniyah_ugolovnih_i_ispravitelnih_1845_goda.pdf.

3. Уголовное уложение 1903 года [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulogenie_1903_goda.pdf.

Российско-монгольские взаимоотношения - многолетняя история двустороннего взаимодействия

Баясгалан Гансүх, Республика Монголия

*Научный руководитель: Мудреватский А.Ю., канд. экон. наук, доцент
Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны
имени Маршала Советского Союза Л.А. Говорова*

Монголия – уникальная страна в центре Азии, не имеющая выхода к морю и расположенная между двумя гигантами мировой экономики – Россией и Китаем. После мирной демократической революции 1990 года страна взяла курс на строительство рыночной экономики, отказавшись от советской модели планового хозяйства. За три десятилетия реформ Монголия превратилась из аграрно-индустриальной страны в один из быстрорастущих сырьевых регионов мира, привлекающий миллиардные инвестиции в горнодобывающую промышленность. Монголия обладает огромными запасами стратегического сырья – меди, коксующегося угля, редкоземельных металлов, что делает ее важным игроком на мировых сырьевых рынках. Во-вторых, опыт Монголии интересен как пример "голландской болезни" в чистом виде – страна демонстрирует классические симптомы сырьевой зависимости. В-третьих, экономические связи Монголии с Россией и Китаем имеют ключевое значение для развития российских регионов Сибири и Дальнего Востока.

Российско-монгольские отношения опираются на многолетнюю историю двустороннего взаимодействия, отличаются традиционным добрососедством, носят всеобъемлющий характер, ориентированы на дальнейшее развитие в духе стратегического партнерства [1]. Первые правовые основы двустороннего сотрудничества между двумя странами были заложены 5 ноября 1921 года. В этот день в Москве было подписано Соглашение между правительством РСФСР и народным правительством Монголии об установлении дружественных отношений между двумя странами.

Сегодня двусторонние отношения также опираются на Улан-Баторскую (2000) и Московскую (2006) декларации, а также на Декларацию о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией от 25 августа 2009 года [2].

Огромное значение для развития двустороннего сотрудничества имел официальный визит в Монголию президента России Владимира Путина 3

сентября 2019 года, в ходе которого глава российского государства принял участие в торжественных мероприятиях, посвященных 80-летию совместной победы на реке Халхин-Гол.

Как известно, Советский Союз в свое время помог Монголии в войне с империалистической Японией в 1939 году, одержав совместную победу на реке Халхин-Гол, а позже — наоборот, Монголия активно помогала СССР в войне с фашистской Германией. На средства МНР и ее жителей были построены танковая бригада «Революционная Монголия» и эскадрилья «Монгольский арат». Кроме того, каждый пятый конь на фронте Великой Отечественной войны был монгольским — их было предоставлено около полумиллиона.

Проблемы и перспективы развития сегодня. Исторически экономика Монголии сталкивается с системными вызовами, которые требуют комплексного решения:

1. Сырьевая зависимость («голландская болезнь»). Сосредоточение ресурсов в добывающем секторе приводит к деиндустриализации и стагнации других отраслей.

2. Инфраструктурные ограничения. Отсутствие современных дорог, дефицит электроэнергии и воды, особенно сегодня, когда идёт ближневосточная война, сдерживают развитие промышленности. Энергосистема страны работает на пределе, часть электроэнергии приходится импортировать из России.

3. Экологические проблемы.

Экономика Монголии сталкивается с системными вызовами, которые требуют комплексного решения. Современные направления развития:

1. Диверсификация экономики. Необходимо развивать переработку сельхозпродукции (производство готовых кашемировых изделий, а не экспорт сырья) и высокотехнологичные производства.

2. Зеленая энергетика. Монголия обладает огромным потенциалом солнечной и ветровой энергии (пустыня Гоби). Развитие ВИЭ может решить проблему энергодефицита и снизить загрязнение Улан-Батора — как одно из самых загрязненных столиц мира.

3. Туризм. Уникальная природа, культура кочевников и история Чингисхана имеют огромный туристический потенциал.

4. Транзитный потенциал. Создание экономического коридора Россия-Монголия-Китай может превратить страну в важный транспортный узел.

4. Сжигание низкокачественного угля в юрточных районах в сочетании с автомобильными выхлопами создает критический уровень смога зимой.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что сегодня, по словам Путина, «сотрудничество между Россией и Монголией носит комплексный, многосторонний характер и охватывает политическое (межрегиональное и приграничное сотрудничество), торгово-экономическое, инвестиционное, финансовое, промышленное, сельскохозяйственное сотрудничество, а также, оказание Монголии военно-технической помощи и в других сферах». Монгольская сторона, в свою очередь, уверена, что Россия играет большую роль в вопросах международной безопасности. «Мы уверены, что наш вечный сосед Российская Федерация станет лидером в деле установления мира, безопасности, устойчивого развития и благополучия человечества во всем мире, а также внесет свой ценный вклад в укрепление доверия, взаимного уважения и сотрудничества между нашими странами» — отметил монгольский президент Ухнагийн Хурэлсух [3].

Библиографический список

1. Межгосударственные отношения РФ и Монголии [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20231017/diplomatiya-1903189568.html?ysclid=mbavozskxv132877044>.

2. Не только бизнес: делегации России и Монголии подписали пять новых соглашений [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1753090/alena-nefedova/ne-tolko-biznes-delegacii-rossii-i-mongolii-podpisali-piat-novykh-soglashenii>.

3. Русский с монголом – братья навек. Путин заключил в Улан-Баторе бессрочный договор о дружбе [Электронный ресурс]. URL: <https://tsargrad.tv/articles/russkij-s-mongolom-bratja-navek-putin-zakljuchil-v-ulan-batore-bessrochnyj-dogovor-o-druzhbe>.

УДК 97(57)

История страны в биографии героя: Маршал СССР Л.А. Говоров

Белицкий А.В.

*Научный руководитель: Кабанова Л.В., канд. ист. наук, доцент
Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны
имени Маршала Советского Союза Л.А. Говорова*

История жизни и боевой путь Леонида Александровича Говорова являются неотъемлемой частью самых значимых страниц летописи России. Начав службу в царской армии простым солдатом-артиллеристом, в годы Гражданской войны Говоров непродолжительное время находился

в рядах войск Колчака (чин младшего лейтенанта). Последующий переход на сторону Красной армии позволил ему завершить боевые действия в должности командира артиллерийского дивизиона.

Благодаря неустанному профессиональному росту в период между войнами, Говоров сформировался как видный деятель военной элиты СССР. В годы Великой Отечественной войны он блестяще реализовал свой полководческий потенциал, что закономерно привело его к маршальскому чину и статусу дважды Героя Советского Союза.

Благодаря уникальному дару — замечать мельчайшие нюансы на карте и выстраивать из них стройную логическую цепочку будущих шагов неприятеля, — Говоров часто переигрывал противника. В среде военных его за глаза называли «Аптекарем», подчеркивая его педантичность и точность расчетов. В ходе планирования Ленинградской наступательной операции маршал Говоров проявил полководческую смелость: главный уряд был нацелен не на слабые, а на наиболее укрепленные рубежи вермахта. При разработке кампании по выводу Финляндии из войны он также отказался от шаблонов, учтя специфику рельефа, делавшую бесперспективным использование крупных танковых соединений.

Признанием заслуг Леонида Александровича стало присвоение ему звания Маршала Советского Союза 18 июня 1944 года, а в январе 1945-го он был удостоен звания Героя Советского Союза. Кульминацией его военной биографии стало участие в Параде Победы: именно Говоров командовал сводным полком Ленинградского фронта на Красной площади 24 июня 1945 года.

В послевоенный период, когда в 1948 году войска ПВО оформились в самостоятельный вид Вооруженных сил, Говоров стал их первым начальником. Он инициировал структурные реформы и техническое переоснащение: на вооружение поступили новые зенитные ракетные комплексы, реактивные истребители и радиолокационные станции.

Биография этого военачальника остается ориентиром для каждого офицера противовоздушной обороны, являя собой образец доблести и беззаветной преданности Родине.

Библиографический список

1. Баканеев С.А. Говоров - Маршал Великой Отечественной / Вклад Маршала Советского Союза Л.А. Говорова в военную науку и практику. Санкт-Петербург, 21-22 февраля 2017 года. Сборник статей межвузовской научно-теоретической конференции, 2017. 223 с.

Социально-гуманитарные и исторические аспекты развития общества в условиях цифровизации

Белоусова П.С., Шмыкова В.С.

Научный руководитель: Кокиц Е.В., канд. экон. наук, доцент

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия

Современная цивилизация находится на этапе фундаментального сдвига, обусловленного переходом к постиндустриальному и цифровому обществу. В этих условиях социально-гуманитарные аспекты развития выходят на первый план, так как именно они определяют способность социума сохранять идентичность в условиях ускоряющихся технологических изменений. Центральным элементом социальной стабильности становится историческая память как ментальный «якорь», позволяющий индивиду интериоризировать прошлое в эпоху размытых идентичностей [3].

Цифровизация радикально меняет принципы человеческого поведения и формирования мировой картины. Она перестает восприниматься как совокупность технических инноваций и превращается в ключевое условие социального взаимодействия [5]. Процессы медиатизации создают новую коммуникационную реальность, где информационно-коммуникационные технологии становятся посредниками в каждом акте социального обмена.

В цифровой век наблюдается переход от коллективной памяти к коннективной. Этот процесс характеризуется смешением индивидуального и публичного в непрерывном потоке визуального присутствия [5]. Одной из значимых характеристик доцифровой эпохи было «время распада»: носители информации (бумага, пленка) были подвержены старению, что создавало естественные условия для забывания. Цифровая эпоха отменяет эти правила: информация потенциально вечна, что ведет к формированию культуры «пост-дефицита», где основной проблемой становится управление избытком данных.

Современный человек взаимодействует с прошлым через призму алгоритмов, что порождает феномен «технологического бессознательного». Это состояние, при котором повседневные привычки памяти иницируются и регулируются множеством устройств без явного осознания процесса пользователем. Алгоритмы социальных сетей не просто хранят данные, но активно выбирают, какие моменты из прошлого

предъявить пользователю, стремясь создать аффективную связь. Этот процесс ведет к «серилизации» памяти: прошлое упаковывается в готовые форматы, стимулирующие сетевое взаимодействие (лайки, репосты) без глубокого диалога о смыслах [3].

Вступление в эпоху генеративного искусственного интеллекта (ИИ) знаменует новую веху. ИИ становится активным агентом, бросающим вызов исторической правде. Генеративные модели способны создавать синтетические воспоминания, которые выглядят реалистично, что приводит к ситуации, когда человеческое прошлое «отвязывается» от настоящего. Социальные последствия включают дестабилизацию исторического нарратива и появление «глочных воспоминаний», когда ошибки ИИ воспринимаются как истинные детали прошлого.

В ответ на вызовы глобализации РФ разрабатывает систему стратегического планирования по защите национальных интересов. основополагающим документом в этой сфере является Указ Президента РФ № 809, определяющий традиционные ценности как нравственные ориентиры, обеспечивающие единство народа [1]. Государственная политика направлена на противодействие фальсификации истории и укрепление культурного суверенитета.

Важнейшим аспектом исторического развития остается сохранение материальных свидетельств прошлого. В Республике Беларусь реализуется Государственная программа «Увековечение памяти о погибших при защите Отечества», направленная на поддержание воинских захоронений и проведение архивно-исследовательских работ [2]. В условиях «геополитического шторма» обращение к героическим страницам национальной истории становится мобилизующей духовной силой [4].

Тем не менее, цифровизация несет и гуманитарные издержки. Ускоренные темпы трансформации рискуют усилить социальную изоляцию групп, не обладающих цифровой грамотностью. К основным рискам относятся утрата приватности, формирование «информационных пузырей» и рост агрессии в цифровой среде. Социально-гуманитарное знание в XXI веке приобретает прикладной характер, становясь инструментом проектирования безопасной и инклюзивной среды.

Подводя итог, можно утверждать, что будущее общества зависит от способности синтезировать технологические возможности с гуманистическими ценностями. Социально-гуманитарные и исторические аспекты развития определяются динамическим равновесием между инновациями и традициями. Цифровизация предоставляет инструменты для сохранения прошлого, но требует от общества высокой степени

ответственности для предотвращения угроз дегуманизации и потери преемственности.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809.
2. О Государственной программе «Увековечение памяти о погибших при защите Отечества» на 2021–2025 годы.
3. Цифровизация как фактор актуализации феномена исторической памяти [Электронный ресурс]. URL: <http://e.biblio.bru.by/bitstream/handle/>.
4. Данилович: историческая память — надежный фундамент для белорусской государственности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sb.by/articles/pravda-obedinyaet.html>.
5. Историческая память как важнейший фактор цивилизационного кода (социологический дискурс) [Электронный ресурс]. URL: <https://doklady.belnauka.by/jour/article/view/530/534>.

УДК 177.7

Соблазн готовых ответов: конструирование традиционных ценностей в современной России

Беляев Ф.А.

*Научный руководитель: Громова М.В., старший преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В современном российском общественно-политическом дискурсе укоренилась концептуальная иллюзия, согласно которой традиционные ценности воспринимаются по аналогии с природными ресурсами — как нечто безусловное, самодостаточное и подлежащее преимущественно охранительным, а не аналитическим стратегиям. Доминирует представление, согласно которому в России существует незыблемый фундамент традиционных ценностей, требующий лишь актуализации и укрепления для обеспечения поступательного развития. Подобный подход, однако, представляется теоретически уязвимым, поскольку игнорирует фундаментальное свойство ценностных систем: их конститутивную обусловленность социально-историческим, политическим и культурным контекстом.

Указ Президента РФ № 809 фиксирует перечень ценностных ориентаций, включающий жизнь, достоинство, патриотизм, крепкую семью, справедливость и коллективизм [1]. Реализация Указа в данном

направлении затруднительна, т.к. презентация указанного перечня представляет собой набор самоочевидных, «безусловных» истин. В то время как семантическое наполнение категорий справедливости или гуманизма варьируется диаметрально противоположным образом в зависимости от мировоззренческой парадигмы субъекта. Для сохранения актуальности ценностных систем необходима их постоянная реинтерпретация, коррелирующая с долгосрочными стратегиями национального развития.

Необходимым условием концептуализации данной проблемы выступает отказ от «презумпции безусловности» традиции. Апелляция к безусловности в условиях утраты смысловых оснований неизбежно продуцирует формализм и редуцируется к административному императиву.

Концепт «изобретения традиции» часто вызывает эпистемологический дискомфорт в среде ортодоксальных традиционалистов. Тем не менее, с момента вхождения России в модернизационную парадигму процесс реконструкции традиции становится неизбежным. Дилемма заключается не в выборе между изобретением и его отсутствием, а в осознанности данного процесса: осуществляется ли он при участии широких общественных слоев либо делегируется бюрократическому аппарату, что закономерно ведет к имитационным практикам.

Важно подчеркнуть, что «изобретение» не тождественно произвольному конструированию *ex nihilo* (из ничего). Формирование жизнеспособных традиций возможно исключительно на основе наличных элементов общественной практики. Представления о «естественном» генезисе традиций являются идеологическим конструктом, сформировавшимся как реакция консервативной мысли на Французскую революцию. Фундаментальным свойством традиции выступает ее способность к трансформации, обеспечивающая согласование исторического наследия с актуальными общественными задачами.

Рассмотрим категорию «крепкая семья». При декларативном консенсусе относительно ее значимости отсутствует концептуализация желаемого семейного типа. Как отмечают Е.В. Матвеева и А.В. Сат в своем кросс-региональном исследовании семейных ценностей студенческой молодежи, устойчивость семейных традиций как фундаментального ценностного основания оказывает непосредственное воздействие на особенности политических настроений и процесс политической социализации молодого поколения [2]. Исследователи выявляют, что независимо от региона проживания ценность семьи сохраняет высокую значимость наряду с карьерой и материальным достатком. При этом

фактор воздействия социальных сетей в подавляющем большинстве случаев оказывает негативное влияние на семейные отношения, что актуализирует проблему трансформации ценностных ориентаций в цифровой среде [2].

В свою очередь, Н.Н. Козлова с соавторами, анализируя аксиологические основания дискурсивного поля семейных онлайн-сообществ, приходят к выводу, что безусловной фундаментальной ценностью их контента является фамелизм [3]. Комплементарные фамелизму ценности детоцентризма, материнства, отцовства, связи поколений выражены с разной степенью интенсивности, однако контенты сообществ замкнуты на семью и околосемейную сферу, изолированы от публичной (политической) жизни. Семья представлена как микромир, основной задачей которого является забота о детях, обеспечение их безопасности от угроз большого мира [3].

Аналогичная проблематика характеризует категорию патриотизма. Г. Ю. Щекин и А. И. Лукаш, исследуя этику патриотизма социологическими методами, демонстрируют, что в структуре патриотических ценностей российского общества первые места занимают представления о семье, заботе о близких (16% респондентов), привязанность к «малой родине» (14-15%) и взаимопонимание [4]. Исследователи подчеркивают, что патриотическое воспитание может быть максимально эффективным лишь при ориентации на эти конкретные ценности, а не на абстрактные идеологемы [4].

В контексте цифровизации проблема интериоризации традиционных ценностей приобретает новое измерение. Д. А. Будко и Г. В. Лукьянова, анализируя ценностный базис современного российского общества в виртуальном пространстве, отмечают, что виртуальное пространство выступает особым коммуникативным пространством, способным оказать большее воздействие, нежели общение с близким кругом [5]. Исследователи фиксируют, что тема виртуального и реального переплетается, становясь единым целым: большинство современных процессов протекают параллельно в двух средах, что создает новые вызовы для трансляции традиционных ценностей и требует концептуального осмысления феномена «цифрового империализма» [5].

Национальный вопрос также обнаруживает концептуальные лакуны. Дискуссия о приоритете «многонациональности» либо «русского этнического ядра» нередко редуцируется к готовым идеологическим схемам. Однако фундаментальная проблема заключается в ином: оба сценария предполагают появление консолидированного политического субъекта («народа»), способного артикулировать требования к правящей

бюрократии, привыкшей к монопольному положению единственного актора.

Таким образом, традиционные ценности сопряжены со значительными концептуальными трудностями. На них возлагаются ожидания консолидации общества и формирования образа будущего. Однако исторический опыт демонстрирует, что попытки «возрождения» прошлого неизбежно продуцируют качественно новые феномены.

Возвращаясь к исходной экономической аналогии: неэффективно использовать природные ресурсы без их глубокой переработки. Аналогичным образом, простая апелляция к «традиционным ценностям» без их смысловой концептуализации и согласования с современными реалиями обречена на имитационный характер. Без применения социальных технологий, направленных на прояснение ценностного содержания, идеологическая сфера рискует остаться пространством неэффективного использования наличного ресурса.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

2. Матвеева Е.В., Сат А.В. Кросс-региональный анализ семейных ценностей студенческой молодежи в регионах Сибирского федерального округа // Вестник Пермского университета. Политология. 2025. № 1. С. 148-155.

3. Козлова Н.Н., Рассадин С.В., Овчарова О.Г., Васильева Е.Н. Аксиологические основания дискурсивного поля семейных онлайн-сообществ современной России // Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 100-111.

4. Щекин Г.Ю., Лукаш А.И. Этика патриотизма в зеркале социологии // Биоэтика. 2024. Т. 17. № 2. С. 36-40.

5. Будко Д.А., Лукьянова Г.В. Ценностный базис современного российского общества в виртуальном пространстве: теоретический аспект // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20. № 3. С. 439-452.

Исторические аспекты становления воздухоплавания в России

Бойченко Д.В.

*Научный руководитель: Сазонов А.И., канд. ист. наук, доцент
Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны
имени Маршала Советского Союза Л.А. Говорова*

После поражения в Крымской войне 1853-1856 гг. Россия приступила к крупным военным реформам, в ходе которых особое внимание уделялось развитию техники в интересах военного дела. В 1866 году было образовано Русское техническое общество, которое занималось в т.ч. и проблемами отечественного воздухоплавания.

17 декабря 1869 года Военно-научный комитет Главного штаба русской армии представил военному министру Д.А. Милютину доклад, в котором обосновывалась необходимость начала работ по созданию военного воздухоплавания и создания специального органа Военного министерства для руководства воздухоплавательной службой в армии. После одобрения предложений при Главном инженерном управлении была создана Комиссия для обсуждения вопросов применения воздухоплавания к военным целям во главе с генералом Э.И. Тотлебенем [1, с. 40]. При этом эта Комиссия была постоянно действующим органом по делам военного воздухоплавания.

Таким образом в ходе проводимых военных реформ в 1860-1870 гг. были заложены предпосылки создания отечественного воздушного флота. Однако консервативность военного аппарата России не позволила довести до конца начатое в 70-х годах XIX века создание военного воздухоплавания. Несмотря на известные успехи в разработке материальной части, русские военные воздухоплаватели вынуждены были вскоре прекратить свою работу, а Комиссия к этому времени самораспустилась.

Международная обстановка 80-х годов XIX века, опасность новой войны содействовали тому, что особенно остро встал вопрос о новом техническом оснащении русской армии. Начиная с 1884 года разворачивается работа по созданию военного воздухоплавания. Для этого при Главном инженерном управлении создается новая Комиссия по применению воздухоплавания, голубиной почты и сторожевых вышек к военным целям. На Комиссию возлагались вопросы улучшения службы воздухоплавания и голубиной почты, утверждение и обучение команд

воздухоплателей, обсуждение способов использования воздухоплавания в мирное и военное время. Комиссия просуществовала более пяти лет. В январе 1892 года ее заменил Электротехнический комитет, созданный в составе электротехнической части Главного инженерного управления.

В 1885 году в Санкт-Петербурге создается первая в русской армии кадровая воздухоплавательная команда. Команда имела два свободных аэростата «Сокол» из перкаля и один аэростат «Орел» из китайского шелка объемом по 1000 м³ каждый. Приобретены они были во Франции. Однако в связи с отсутствием газодобывающих аппаратов, аэростаты наполняли светильным газом. Причем из-за постоянной утечки светильного газа аэростат «Орел» был забракован.

Летом 1885 года на Волковом поле были проведены первые подъемы воздушного шара, а в октябре состоялся первый в России свободный полет аэростата «Сокол». Аэростат поднялся на высоту 1570 метров и после пятичасового полета приземлился близ Новгорода.

В 1890 году был сформирован Учебный воздухоплавательный парк – это первая воздухоплавательная часть в России. На воздухоплавательный парк возлагались следующие задачи: готовить офицеров воздухоплателей и нижних чинов для формирования воздухоплавательных частей; заготавливать воздухоплавательное имущество; разрабатывать и совершенствовать материальную часть; производить опыты и рассматривать новые предложения по воздухоплаванию, а в военное время – формировать полевые воздухоплавательные роты. В состав парка входила офицерская воздухоплавательная школа, мастерские для строительства оболочек аэростатов и плетения сетей и склад воздухоплавательного имущества.

Впоследствии, в 1910 году, парк был преобразован и включен в состав офицерской воздухоплавательной школы.

В 1891 году в Варшаве было сформировано первое крепостное воздухоплавательное отделение. В 1893 году были созданы Ивангорские и Новогеоргиевские крепостные воздухоплавательные отделения, а затем были основаны отделения в Осовце, Ковне, Бресте и Яблоне (крепостное отделение Варшавского укрепленного района). Кроме свободных полетов, крепостные отделения и Учебный воздухоплавательный парк часто привлекались на полевые маневры войск Петербургского, Варшавского, Киевского и др. округов [3].

Однако тяжелая материальная часть, импровизированные команды не обеспечивали достаточную маневренность крепостных воздухоплателей, да и для начальствующих лиц недостаточно были ясны пределы их использования. Поэтому остро встал вопрос о создании

особенных полевых частей с облегченной материальной частью. Но отсутствие кредитов задерживало формирование таких полевых частей, и только начавшаяся в 1904 году русско-японская война заставила решить эти проблемы. Были сформированы полевые воздухоплавательные части с имуществом, более-менее приспособленным и для поля, и для крепостей. Перед самой русско-японской войной начались испытания змейковых аэростатов, однако на театр военных действий они попали только в ходе Первой мировой войны.

Во время русско-японской войны была сформирована Санкт-Петербургская воздухоплавательная рота, затем в июне 1904 года была сформирована первая полевая Воздухоплавательная часть: 1-й Восточно-Сибирский полевой воздухоплавательный батальон 2-х ротного состава. В 1905 году были созданы 2-й и 3-й Восточно-Сибирские воздухоплавательные батальоны. Таким образом к концу кампании каждая армия имела полевому воздухоплавательному батальону.

При формировании полевых батальонов предполагалось, что каждая рота может действовать самостоятельно и поднять, один привязанный аэростат для рекогносцировки и содержать одну сигнальную станцию. Как в военное, так затем и в мирное время эти полевые батальоны были достаточно подвижными и маневренными, поэтому в ходе передвижения они не отставали от войск.

Кроме этих частей, в январе 1905 г. была сформирована Владивостокская крепостная воздухоплавательная рота. В 1910 г. все воздухоплавательные части были переформированы в роты привязных аэростатов и роты управления аэростатов.

Для подготовки специалистов воздухоплавания в 1910 году была создана Офицерская воздухоплавательная школа с авиационным отделом в Санкт-Петербурге на Волковом поле, которая готовила офицеров для службы в воздухоплавательных частях для обслуживания сферических, змейковых и управляемых аэростатов. В штате состояло 30 офицеров, исключительно сапер, но, с разрешения военного министра, допускались военнослужащие других родов войск, сверх комплекта. Срок обучения составлял 11 месяцев [3, с. 353].

Первоначально Офицерская воздухоплавательная школа создавалась как школа воздухоплавания. Однако бурное развитие авиации вносило свои коррективы в первоначальные планы. Всего в 1911 году было обучено полётам 10 офицеров, подготовлено 6 наблюдателей из офицеров Генерального штаба, ознакомлено с авиационным делом и получили практику полётов 32 офицера переменного состава Офицерской воздухоплавательной школы. Кроме этого, обучено ремонту аэропланов 10

солдат, сборке и регулировке аппаратов – 21 солдат, подготовлено 15 мотористов [3].

Офицерская воздухоплавательная школа была оборудована мастерскими, лабораториями, физическим, метеорологическим и фотографическим кабинетами, имела эллинги и два аэродрома.

В том же 1910 году была открыта Севастопольская авиашкола отдела воздушного флота, менее чем через год состоялся первый выпуск военных лётчиков в России. Теоретический курс обучения офицеры проходили при Политехническом институте в Санкт-Петербурге. Там же они работали в аэродинамической и аэрологической лабораториях, в лаборатории двигателей внутреннего сгорания, в столярной и слесарной мастерских [3, с. 353].

По окончании обучения и успешной сдаче экзаменов офицеры командировались в Севастополь, где течение 4 месяцев проходили обучение сначала в общем классе, а затем после успешной сдачи экзамена переводились в специальный класс. В общем классе офицеры обучались сборке и обслуживанию аэропланов, а также полетам на них, а в специальном классе обучались полетам на дальние расстояния с выполнением разного рода тактических задач. После успешной сдачи экзаменов офицеры получали звание «лётчика-наблюдателя». По окончании авиационной школы возвращались в свои части, числились в списке лётчиков-наблюдателей, привлекались летать в формируемые авиационные отряды и могли быть прикомандированы к постоянным авиационным отрядам при воздухоплавательных частях.

До лета 1912 года авиация и воздухоплавание считались составной частью инженерного дела и находились в ведении воздухоплавательного отдела Главного инженерного управления Военного министерства. 12 августа 1912 года приказом по военному ведомству вопросы воздухоплавания и авиации были изъяты из ведения Главного инженерного управления и переданы специально созданному органу – Воздухоплавательной части Генерального штаба. Эта дата считается днём образования военной авиации России.

Библиографический список

1. Лашков А.Ю., Лозыченко Ю.М. Зарождение военного воздухоплавания в России // Военно-исторический журнал. 2002. № 8. С. 40-46.
2. Друзь П.Д. История воздухоплавания и авиации в России. М.: Машиностроение, 1981. 272 с.
3. Военная энциклопедия: в 18 томах, том 6. СПб: т-во И.Д. Сытина, 1912. 389 с.

Динамика численности населения Российской Федерации: анализ и прогноз

Бузина О.А., Каменева К.Р.

*Научный руководитель: Краснова Г.Н., старший преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Численность населения является важным демографическим показателем, отражающим уровень воспроизводства населения, социально-экономическое развитие страны и качество жизни. Анализ её динамики позволяет выявить масштабы демографических изменений и факторы, влияющие на долгосрочную устойчивость развития.

В работе выполнен статистический анализ динамики численности населения Российской Федерации за 2006-2024 гг. на основе официальных данных с расчётом ключевых показателей рядов динамики - абсолютных приростов, темпов роста и темпов прироста. Цель исследования состоит в выявлении тенденций изменения численности населения и прогнозировании её дальнейшей динамики (табл. 1) [1].

Таблица 1. Основные показатели динамики населения Российской Федерации за 2006-2024 гг.

Год	Численность населения, млн. чел.	Абсолютные приросты, чел.	Темпы прироста, %	Абсолютное содержание, 1% прирост, чел.
		базисные	базисные	
Все население				
2007	142,8	-0,4	-0,279	1,432
...	...	...	...	...
2021	147,4	4,2	2,933	1,479
2022	147,0	3,8	2,654	1,474
2023	146,4	3,2	2,235	1,47
2024	146,1	2,9	2,025	1,464
Итог	2760,0	-	-	-
Мужчины				
2007	66,0	-0,3	-0,452	0,663
...	...	...	...	...
2021	68,5	2,2	-0,291	0,687
2022	68,4	2,1	-0,145	0,685
2023	68,1	1,8	-0,438	0,684
2024	67,9	1,6	-0,293	0,681
Итог	1279,3	-	-	-
Женщины				

2007	76,8	-0,1	-0,130	0,769
...	...	...	...	...
2021	78,9	2	-0,379	0,792
2022	78,6	1,7	-0,380	0,789
2023	78,3	1,4	-0,382	0,786
2024	78,2	1,3	-0,128	0,783
Итого	1480,7	-	-	-

В 2006-2024 гг. наблюдается постепенное замедление темпов роста численности населения Российской Федерации. После периода умеренного увеличения в 2010-2015 гг. с 2021 г. формируется устойчивая тенденция сокращения населения, сопровождающаяся отрицательными темпами прироста. Основными причинами являются естественная убыль населения и снижение миграционного прироста.

Таблица 2. Тенденция изменения численности населения Российской Федерации за 2026-2024 гг.

Год	Численность населения млн. чел	Трехлетняя скользящая средняя, чел	t	$\bar{y}_t$	$(y-\bar{y}_t)^2$
Все население					
2006	143,2	-	-9	142,407	0,629
...	...	...	...	...	...
2021	147,4	147,4	6	147,167	0,054
2022	147	146,9	7	147,485	0,235
2023	146,4	146,5	8	147,802	1,966
2024	146,1	-	9	148,119	4,078
Итого	2760	-	0	-	26,379
Мужчины					
2006	66,3	-	-9	65,764	0,288
...	...	...	...	...	...
2021	68,5	68,533	6	68,377	0,015
2022	68,4	68,333	7	68,551	0,023
2023	68,1	68,133	8	68,725	0,391
2024	67,9	-	9	68,899	0,999
Итого	1279,3	-	0	-	5,842
Женщины					
2006	76,9	-	-9	76,624	0,076
...	...	...	...	...	...
2021	78,9	78,900	6	78,803	0,009
2022	78,6	78,600	7	78,948	0,121
2023	78,3	78,367	8	79,094	0,630
2024	78,2	-	9	79,239	1,079
Итого	1480,7	-	0	-	6,913

Динамика численности мужского населения имеет аналогичный характер: после периода роста наблюдается последующее сокращение. Сходная тенденция отмечается и среди женского населения - после достижения максимальных значений численность постепенно снижается.

Общая нисходящая тенденция подкрепляется показателями скользящих средних. Трехлетние средние значения для общего населения снижаются с 147,8 млн. (2021 г.) до 146,9 млн. (2024 г.). Квадратические отклонения указывают на наличие расхождений в фактической динамике относительно тренда. Это отражает нестабильность демографической ситуации. Прогноз на ближайшие годы предполагает сохранение негативной динамики при отсутствии существенных социально-экономических мер, направленных на повышение рождаемости и улучшение демографической структуры страны.

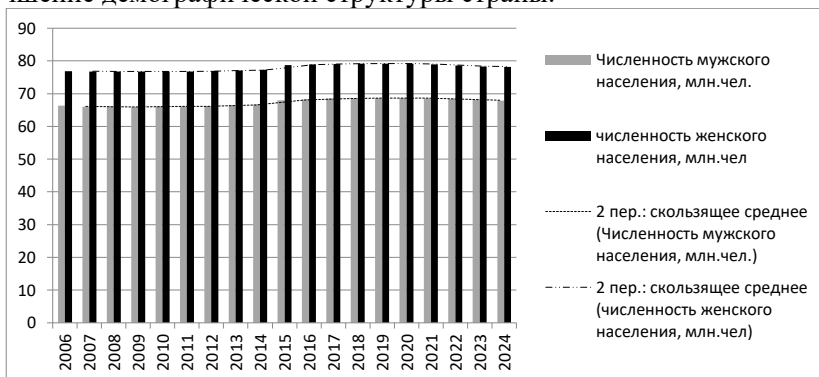

Рисунок 1. Динамика изменения численности населения Российской Федерации за 2006-2024 гг.

Проведённый статистический анализ динамики численности населения Российской Федерации за 2006-2024 гг. показал изменение демографической тенденции от периода относительного роста к устойчивому снижению. После умеренного увеличения численности населения в предыдущие годы с 2021 г. наблюдается постепенное сокращение как общей численности населения, так и численности мужчин и женщин, что свидетельствует о неблагоприятных демографических процессах.

Сложившаяся динамика обусловлена естественной убылью населения и снижением миграционного прироста. В условиях сохранения данных тенденций дальнейшая стабилизация демографической ситуации требует реализации мер, направленных на поддержку рождаемости, улучшение

качества жизни населения и развитие эффективной демографической и миграционной политики.

Библиографический список

1. Батракова Л.Г. Социально-экономическая статистика: учебник. М.: Логос, 2020. 481 с.
2. Кашепов А.В. Прогнозы численности населения России // Демис. 2023. № 2. – С. 9-11.
3. Рыбаковский Л. Л. Демографическое будущее России: прогнозы и реальность // Народовластие. 2023. № 3. С. 4-7.
4. Численность и состав населения. Численность мужчин и женщин (в млн. человек). [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/invest_sub.xlsx.

УДК 316.4:004

Цифровизация повседневных практик россиян

Варданын М.С.

Научный руководитель: Мильто А.В., канд. ист. наук

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Процессы цифровизации и информатизации, активно внедряющиеся в последние десятилетия во все сферы жизнедеятельности, способствуют упрощению рутинных задач, экономят время и повышают доступность новых технологий для россиян [4]. Цифровые технологии стимулируют рост производительности труда, оптимизацию бизнес-процессов, создание новых рабочих мест и бизнес-моделей. Они открывают новые возможности для обучения, удалённой работы и международного общения.

Самыми популярными устройствами в повседневной практике являются смартфоны, компьютеры, ноутбуки и планшеты. С их помощью значительная часть граждан ежедневно пользуется различными сервисами и технологиями, такими как:

- социальные сети и мессенджеры (позволяют мгновенно связываться с друзьями и родными по всему миру, обеспечивают быстрые сообщения вместо звонков, групповые чаты для решения общих задач);
- онлайн-платежи (мгновенные переводы денег, удобная оплата счетов и покупок в интернет-магазинах);

- госуслуги (например, онлайн-запись к врачу, оплата коммунальных услуг, подача заявлений);
- онлайн-торговля (широкий выбор товаров с возможностью сравнения цен, доставка на дом или в пункт выдачи заказов);
- нейросети и сервисы ИИ (автоматизация рутинных задач).

Среди граждан, активно использующих цифровые технологии, можно выделить следующие категории:

- молодые люди. Они чаще других осваивают новые технологии и используют больше цифровых инструментов;
- жители городов-миллионников. Урбанизация способствует более активному использованию цифровых сервисов;
- материально обеспеченные граждане. Доступ к современным устройствам и услугам часто зависит от уровня дохода;
- технологические активисты. Те, кто сразу начинает использовать новые продукты после их выхода на рынок [2].

Активное использование цифровых сервисов изменило традиционные модели взаимодействия, что повлекло за собой как позитивные, так и негативные изменения. К позитивным последствиям применения цифровизации относятся следующие:

1. Увеличились информационные возможности. Доступ к разнообразному контенту способствует повышению осведомленности населения, формированию альтернативных точек зрения и развитию гражданской активности. Нейросети и ИИ помогают в работе, творчестве, обучении.

2. Расширился доступ к международным информационным потокам, способствуя культурному обмену и интеграции в мировое сообщество.

3. Упростилось решение бытовых задач - оплачивать счета, заказывать товары, получать услуги стало легче и быстрее, что, в свою очередь, снижает уровень стресса, связанный с нехваткой времени.

4. Облегчилось получение банковских услуг, инвестирования, кредитования и контроля бюджета и проведение банковских операций и электронных расчетов.

5. Повысилась доступность медицинских консультаций через телемедицину. Жители отдалённых районов могут получать медицинские консультации или образование дистанционно.

6. Выросла мотивация заниматься спортом и вести здоровый образ жизни благодаря фитнес-приложениям и трекерам активности [1].

К негативным последствиям применения цифровизации относятся:

1. Выросла доля виртуального общения и снизилась значимость личного контакта. Виртуальное взаимодействие частично замещает личные контакты, что может приводить к социальной изоляции.

2. Увеличился разрыв между теми, кто свободно владеет технологиями, и теми, кому сложно адаптироваться, что создает социальную дифференциацию внутри общества. Наблюдается разрыв между горожанами и жителями сельской местности, между разными возрастными и социально-экономическими группами.

3. Наблюдается информационная перенасыщенность, риски зависимости от гаджетов и виртуальных развлечений, что может вызывать усталость и стимулировать стресс, проблемы с концентрацией внимания, особенно у детей.

4. Снижается потребность самостоятельно анализировать ситуацию и находить решение проблем по причине привычки полагаться на готовые интернет-решения.

5. Увеличивается число случаев мошеннических действий в сфере онлайн-финансов (утечки данных, мошенничество, хакерские атаки).

6. Сокращается количество рабочих мест в сфере малого бизнеса, поскольку крупные игроки рынка, такие как маркетплейсы, вытесняют локальные магазины и предприятия [3].

Для минимизации негативных последствий предлагается:

- развивать цифровую грамотность (особенно важно обучать пожилых людей и жителей сельской местности);
- совершенствовать инфраструктуру (обеспечить доступ к интернету в отдалённых регионах, повышать стабильность цифровых сервисов);
- усилить кибербезопасность (внедрять современные технологии защиты данных, проводить просветительскую работу с населением);
- поддерживать баланс между онлайн и офлайн-активностью (поощрять живое общение, физическую активность, другие нецифровые формы деятельности);
- развивать программы переобучения (помогать людям адаптироваться к изменениям на рынке труда, связанным с цифровизацией).

Жизнь россиян стала более технологичной и удобной, но потребовала адаптации к новым условиям. Появилась необходимость постоянно учиться и развивать новые навыки. Цифровизация продолжает развиваться, и ее влияние на общество будет только усиливаться.

Библиографический список

1. АНО «Национальные приоритеты» [Электронный ресурс]. URL: https://pizhanka-r43.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti-193_2770.html.

2. Исследование Яндекс 360 и НАФИ: тенденции проникновения интернет-технологий и сервисов в жизнь россиян [Электронный ресурс]. URL: <https://nafi.ru/analytics/otnoshenie-rossiyan-k-tehnologicheskim-servisam/>.

3. Почти половина россиян негативно относятся к цифровизации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.comnews.ru/content/2021-12-07/2021-w49/pochti-pоловина-rossiyan-negativno-otnosyatsya-k-cifrovizacii>.

4. Россияне видят в технологиях инструмент для улучшения качества жизни [Электронный ресурс]. URL: <https://www.computerra.ru/325237/rossiyane-vidyat-v-tehnologiyah-instrument-dlya-uluchsheniya-zhizni/>.

УДК 17.026:504.03

Этико-экологические проблемы и практика их решения в Ярославской области

Виноградова Е.С.

Научный руководитель: Мильто А.В., канд. ист. наук

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Ярославская область обладает значительным природно-ресурсным потенциалом, который исторически стал основой её хозяйственного освоения и культурной идентичности.

Регион расположен в зоне смешанных лесов, обладает разветвленной гидрографической сетью, главной артерией которой является р. Волга, и имеет различные природные ископаемые. Однако, высокая степень хозяйственной освоенности территории, наличие крупных промышленных центров и уязвимость водных экосистем к антропогенному воздействию формируют напряженную экологическую ситуацию.

Ключевыми проблемами выступают использование устаревших технологий, ухудшение качества атмосферного воздуха, увеличение вредного влияния загрязнения окружающей среды на состояние здоровья населения и др. [1]. Такое сочетание богатого, но уязвимого природного наследия с комплексом нерешенных экологических проблем создает парадоксальную ситуацию: регион продолжает развиваться, расти промышленно и хозяйственно, однако накопившиеся экологические вопросы не находят должного решения и реальных действий от населения.

Как пример можно взять обычного человека, который может не убрать за собой мусор после пикника в лесу, выбросить окурок или пустую бутылку из окна автомобиля, пройти мимо урны, даже если она находится в двух шагах. Такое отношение превращает природу в большой замусоренный двор, за чистоту которого никто не отвечает.

Возникает вопрос: что важнее — краткосрочная выгода или долгосрочное благополучие окружающей среды?

Этот вопрос выходит далеко за рамки отдельного поступка. Он касается фундаментальных основ нашего взаимодействия с природой. Поведение человека, оставляющего после себя мусор, — это лишь видимое проявление отношения к миру, при котором природа существует отдельно от человека и служит лишь фоном для его деятельности. Такое восприятие формирует потребительское отношение, где личный комфорт и сиюминутная выгода неизменно оказываются выше общего блага. Так кто же в ответе за природу, если каждый думает только о своем удобстве? И в какой момент мелкий мусор превращается в большую экологическую трагедию?

Данный эгоизм — это лишь часть проблемы. В основе лежит идея, что природа — источник ресурсов, которые можно бесконечно брать, а не основа нашей жизни, без которой человек не сможет существовать.

Такое отношение к природе не остается просто словами — оно напрямую влияет на наши каждодневные привычки. Особенно остро это противоречие проявляется в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами. Жители Ярославской области требуют ликвидации несанкционированных свалок и модернизации системы утилизации [2]. Однако, когда нужно действительно что-то делать — сортировать мусор, мыть и копить вторсырье, — начинаются отговорки: «все равно потом смешают», «у меня нет места на кухне», «это бесполезно».

Возникает классический этический конфликт: люди хотят жить в чистом регионе, но не готовы менять собственные привычки и прикладывать усилия. Лень и привычка к бездумному потреблению оказываются сильнее любви к природе на словах, что делает проблему отходов не столько технической, сколько мировоззренческой.

И таких противоречий на данный момент еще достаточно много. С чего же начать, чтобы все изменить?

Ответ кроется не в ужесточении наказаний и увеличении штрафов, а в формировании новой экологической культуры и этики. На практике это означает переход от потребительской позиции к позиции заботы. В нашем регионе уже есть положительные примеры таких изменений. Волонтерские движения регулярно проводят акции по очистке берегов

Волги и уборке лесных массивов. В школах региона внедряются уроки экологической грамотности. Активные жители не просто требуют ликвидации свалок, но и участвуют в грантовых программах по озеленению дворов и установке контейнеров для раздельного сбора отходов [3]. Именно такие, пусть пока точечные, инициативы показывают: ситуацию можно изменить, если каждый начнет с себя. Требуется системный подход: от переработки отходов и установки очистных фильтров на предприятиях до экологического просвещения и экономического стимулирования бизнеса, внедряющего зеленые технологии.

Сегодня, когда человек уже способен оценить последствия своего поведения, он приходит к экологически осознанным решениям. Результатом становятся сокращение использования пластика, экономия ресурсов, осознанное потребление и др. На уровне государства такой подход проявляется в создании просветительских мероприятий, создании системы обращения с отходами, снижении выбросов опасных загрязняющих веществ в атмосферу, сохранении лесов. И хотя этих мер пока недостаточно для кардинального изменения ситуации, они уже сегодня позволяют снизить нагрузку на экосистемы и уменьшить наш экологический след ради будущих поколений.

Библиографический список

1. Постановление Правительства Ярославской области от 27 марта 2024 года N 399-п Об утверждении государственной программы Ярославской области «Охрана окружающей среды в Ярославской области» на 2024 – 2030 годы и о признании утратившими силу отдельных постановлений Правительства области. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/407229140?ysclid=mm3x968y8x211504797>.

2. Мусорный «пирог». Незаконные свалки пугают жителей региона [Электронный ресурс]. URL: <https://yar.aif.ru/society/persona/musornyy-pirog-nezakonnye-svalki-pugayut-zhiteley-regiona>.

3. Экопровинция: как жительница Мышкина научила горожан сортировать вторсырье [Электронный ресурс]. URL: <https://urbanintonations.ru/ecoprovince>.

Ресоциализация осужденных к лишению свободы: сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации

Галузо Д.А.

Научный руководитель: Катушонок О.В., магистр юрид. наук

Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой

Проблема ресоциализации осужденных представляет собой комплексную межотраслевую проблему, направленную на возобновление лицами, освободившимися от отбывания наказания, социально-полезных связей, восстановление у них качеств и навыков, необходимых для полноценной жизнедеятельности в обществе. На наш взгляд данный вопрос особенно актуален при отбывании наказаний, предусматривающих изоляцию осуждённого от общества. Длительная изоляция лица может привести к десоциализации, в связи с чем необходимость в эффективной интеграции человека обратно в общество ощущается наиболее остро.

Анализируя цели наказания, закрепленные в уголовном законодательстве Республики Беларусь, следует констатировать их сходство с целями наказания, содержащими в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ). По мнению А.А. Тита, указанное сходство целей в союзных республиках «в значительной степени обусловлено их общим постсоветским наследием» [4, с. 114].

Так, УК РФ в ч. 2 ст. 43 установил следующие цели: 1) восстановление социальной справедливости; 2) исправление осужденного; 3) предупреждение совершения новых преступлений [1]. В свою очередь Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) закрепляет, что «уголовная ответственность имеет целью исправление лица, совершившего преступление, предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и другими лицами» [2].

Согласно ч. 2 ст. 7 Уголовно-исполнительного Кодекса Республики Беларусь (далее – УИК Республики Беларусь), исправление осуждённых – это формирование у них готовности вести правопослушный образ жизни [3]. На стимулирование правопослушного поведения в контексте понятия «исправление осужденного» указывается и в российском уголовно-исполнительном законодательстве [4].

И. В. Шмаров одним из первых ещё в период существования СССР подчеркнул проблему длительной изоляции и важность помощи в адаптации осуждённых после освобождения, считая, что фиксация правил социальной адаптации в законе поможет уменьшить рецидив [7, с. 74]. В целом мы согласны с позицией автора, однако считаем, что в современных реалиях одного лишь законодательного закрепления общих положений социальной адаптации недостаточно. На наш взгляд, для значительного снижения рецидива требуется создание комплексной, многоуровневой системы постпенитенциарной поддержки, включающей не только правовые механизмы, но и обязательные индивидуальные программы ресоциализации, активное вовлечение институтов гражданского общества, психологическую и профессиональную реабилитацию, а также мониторинг эффективности мер на протяжении нескольких лет после освобождения.

Анализируя уголовно-исполнительное и уголовное законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь, нами было замечено отсутствие чётко определённого, юридически закреплённого понятия ресоциализации осужденного. Однако, опираясь на отдельные положения УИК, можно сделать вывод о том, что, несмотря на фактическое отсутствие прямого упоминания данного термина, как самостоятельной категории, в правовой базе предусмотрены меры, направленные на содействие осуждённым при их социальной адаптации и реинтеграции в общество. В частности, ч. 3 ст. 7 УИК Республики Беларусь и ч. 2 ст. 9 УИК РФ закрепляют основные средства достижения исправления осужденных, которые включают воспитательную работу, общественно полезный труд, получение осуждённым образования, общественное воздействие [3; 4].

По мнению С.А. Борсученко, на процесс «возвращения» осуждённого в социум, направлены и такие меры, как поддержание связи с внешним миром, получение посылок, передач и бандеролей, переписка, получение и отправление денежных переводов, просмотр кинофильмов и телепередач [8, с. 76-77]. Такие нормы предусмотрены как российском, так и в белорусском законодательстве.

Несмотря на то, что проблеме социальной адаптации и ресоциализации освобожденных от наказания в виде лишения свободы, уделяется внимание не только практическими работниками, но и учеными, данный вопрос не нашел однозначного разрешения в законодательстве и научном сообществе как Республики Беларусь, так и Российской Федерации. Данный факт свидетельствует о необходимости более детального рассмотрения выше указанной темы.

Вместе с тем, нужно отметить, что в РФ был принят специальный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [5]. Он представляет собой системный нормативный акт, создающий правовую базу для всесторонней ресоциализации, социальной адаптации и реабилитации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы. Указанный закон вводит систему пробации, представленную тремя этапами: исправительный, пенитенциарный и постпенитенциарный. Поэтапное деление обеспечивает последовательное сопровождение лица от момента отбывания наказания и до полноценного возвращения его в социум. Ключевой составляющей системы пробации является индивидуальный план, который разрабатывается с учётом потребностей индивида. Это обеспечивает личностный подход, учитывающий особенности каждого лица. Закон также чётко определяет функции и регулирует взаимодействие различных участников процесса пробации, включая создание единого информационного реестра.

Республика Беларусь в определенной мере сталкивается с проблемой рецидивной преступности. Так, согласно данным Национального статистического комитета в 2024 году доля лиц, имеющих судимость, среди всех лиц совершивших преступления, составила 31,6 % (в 2023 г. – 31,7 %). Несмотря на то, что за последние годы удельный вес данной категории лиц немного снизился (в 2020 г. – 38,2 %), на фоне недостаточно скоординированной работой государственных структур в области постпенитенциарной адаптации проблема ресоциализации осуждённых и предотвращения рецидива представляется всё актуальнее.

Хоть белорусский законодатель и предусматривает меры по воспитанию, обучению и трудоустройству осуждённых, они все же не объединены в единую, системную модель, подобную пробации. Внедрение же подобного законодательного акта может повысить эффективность предупредительной деятельности для достижения целей уголовной ответственности и наказания.

Таким образом, анализ уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь, указывает на наличие значительного количества средств исправления и социальной адаптации осуждённых. Однако в Республике Беларусь, в отличие от Российской Федерации, отсутствует чёткое правовое закрепление понятия и самого процесса ресоциализации.

В целях повышения результативности и более эффективного достижения целей уголовной ответственности нами представляется необходимым разработка и правовое закрепление в белорусском законодательстве самого понятия и этапов ресоциализации как

самостоятельной категории, включая постпенитенциарный период. Это позволит существенно снизить рецидивную преступность и обеспечить полноценное возвращение индивида в общество в качестве законопослушного гражданина.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Респ. Беларусь: 16 июля 1999 г. № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: с изм. от 20 окт. 2025 № 101-З.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г.: в ред. Федер. закона от 20 февр. 2026 г. № 38-ФЗ.

3. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь: 11 января 2000 г. № 365-З: принят Палатой представителей 14 декабря 1999 г.: одобр. Советом Респ. 22 декабря 1999 г.

4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: 8 января 1997 г. № 1-ФЗ: принят Гос. Думой 18 дек. 1996 г.: одобр. Советом Федерации 25 дек. 1996 г.: в ред. от 31 июля 2025 г.: с изм. от 17.12. 2025.

5. О пробации в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 февр. 2023 г. № 10-ФЗ : принят Гос. Думой 25 янв. 2023 г. : одобр. Советом Федерации 1 февр. 2023 г.

6. Тит А.А. Ресоциализация как цель наказания (на примере Республики Беларусь) // Вестник Кузбасского института. 2020. № 2 (43). С. 113-121.

7. Шмаров И.В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания. Проблема социальной адаптации. М.: Юрид. лит., 1974. 136 с.

8. Борсученко С.А. Ресоциализация и социальная адаптация осужденных к лишению свободы: понятие, содержание, правовое регулирование // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 2. С. 74–79.

УДК 338.46

Проблемы и перспективы развития социального предпринимательства в современной России (на примере Ярославской области)

Горнушкина О.С.

*Научный руководитель: Мильто А.В., канд. ист. наук
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Социальное предпринимательство – популярный вид общественной деятельности, неразрывно связанный как с получением прибыли, так и с созданием общественных благ. В современном мире, где государство стремится к индивидуальной поддержке, а бизнес ищет новые модели устойчивого развития, социальное предпринимательство перестает быть просто помощью для нуждающихся и превращается в движущую силу экономики.

Представители данного сектора помогают решать вопросы занятости населения, а также помогают социально уязвимой категории лиц, которые не могут работать как все остальные граждане. Именно социальные предприятия берут на себя функцию интеграции в общество людей с инвалидностью, многодетных родителей, пенсионеров и выпускников детских домов, предоставляя им не просто рабочие места, а возможность для самореализации себя как личности. Миссией социального предпринимательства является создание доступной рабочей среды и уникальных индивидуальных условий труда для данной категории граждан.

Социальное предпринимательство давно развито за рубежом, но в России только начинает набирать обороты. 26 июля 2019 года вступил в силу Федеральный закон № 245-ФЗ, согласно которому в стране появилась отдельная группа лиц - социальные предприниматели. В тексте закона указано, что «социальное предпринимательство - предпринимательская деятельность, направленная на достижение общественно полезных целей, способствующая решению социальных проблем граждан и общества и осуществляемая в соответствии с условиями» [1].

Социальные предприниматели разрабатывают свои проекты в разных сферах: образовании, медицине, культуре и экологии. Оно включает создание детских развивающих центров и развитие дополнительного образования; услуги по уходу за пожилыми людьми, производство медицинского оборудования и создание реабилитационных центров; производство и продажу экологически чистых товаров, экологический туризм и предоставление населению альтернативных источников энергии.

Социальное предпринимательство нацелено на:

- трудоустройство социально уязвимых категорий населения. Например, инвалидов; пенсионеров, выпускников детских домов, беженцев, лица без определенного места жительства и других людей, нуждающиеся в социальной помощи. (Доля социально уязвимых работников должна быть не менее половины от общего количества работников, и не менее двух человек);

- реализацию продуктов и услуг, производимых социально уязвимой частью населения;
- производство товаров, предназначенных для социально уязвимых граждан;
- достижение общественно полезных целей и решение социальных проблем общества, в том числе укрепление равенства и борьбу с дискриминацией, работу с культурными ценностями.

По данным на начало марта 2026 года доля социальных предприятий составила 49157 организаций. В пятёрке лидеров по числу таких предприятий Московская и Свердловская области, Краснодарский и Пермский край, а также республика Татарстан. В десятку лидеров вошли еще Новосибирская, Челябинская, Самарская области, республика Башкортостан, и Ханты-Мансийский автономный округ. На эту десятку лидеров из субъектов РФ приходится примерно 27% от общего числа всех социальных предприятий [2].

В качестве примеров социальных предприятий в России можно привести Воронежский экологический центр «Собиратор» (предлагает просветительскую программу: лекции, выставки, экскурсии, мероприятия, а также площадки для обмена вещами), Московский центр ремёсел «Семейные традиции» (предоставляет возможности для трудоустройства женщинам предпенсионного возраста, потерявшим работу, и женщинам, воспитывающим детей с ограниченными возможностями здоровья); инклюзивный центр «Лекотека» (Сыктывкар) (в центре вместе занимаются дети с особенностями развития. Центр помогает им подготовиться к школе: учит концентрироваться, работать в команде, проявлять инициативу и справляться с эмоциями).

В Ярославской области по состоянию на март 2026 года зарегистрировано 484 социальных предприятий [2]. Все они обладают грантами, субсидиями и помощью со стороны государства. Одной из самых новых социальных ассоциаций является «Общество друзей Переславского музея-заповедника». В самом городе Ярославль зарегистрировано 9 предприятий, в том числе:

- Благотворительный фонд «Просвещение»;
- Частное учреждение дополнительного профессионального образования «Институт повышения квалификации профит»;
- Частное образовательное учреждение дополнительного образования «автошкола «Магистраль»;
- Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «образовательный центр «Профи»;

- Ярославское областное отделение общероссийской общественной организации – физкультурно-спортивного общества профсоюзов «Россия»;

- Автономная некоммерческая организация «центр развития туризма «Ярославия»;

- Частное учреждение дополнительного профессионального образования «учебный комбинат «Мелиоратор».

Среди представленных социальных ассоциаций города Ярославля большая часть занимается образовательной деятельностью.

Развитие социального предпринимательства в Ярославской области требует дополнительных мер. Можно использовать богатый историко-культурный потенциал области для создания инклюзивных туристических маршрутов и программ для пожилых людей. Важным направлением должно стать создание специализированных магазинов и ярмарок для реализации товаров, произведенных социально уязвимыми категориями граждан, а также продукции, предназначенной для них. Это повысит экономическую устойчивость предприятий.

Необходимо внедрение образовательных модулей по социальному предпринимательству в вузах, например, на базе Ярославского филиала Финуниверситета и проведение систематических информационных кампаний для популяризации успешных историй социальных предпринимателей области, что поможет привлекать в сектор новых инициативных людей.

Социальные предприниматели сталкиваются с трудностями такими как: дефицит кадров, нехватка финансирования, сложности с арендой, низкая доходность и проблемы во взаимодействии с властью. Именно поэтому государство предоставляет поддержку всем, кто захотел не только зарабатывать, но и помогать уязвимой группе лиц. В пункте 5 статья 24.1 Федерального закона от 24.07.07 № 209-ФЗ) предусмотрены:

1. Финансовая помощь. В 2025 году государство продолжило выдавать гранты на социальные бизнес-проекты — до 500000 рублей, а в Арктической зоне — до 1 млн рублей. Предлагаются льготные кредиты (от 1% годовых) и льготные микрозаймы от государства.

2. Налоговые льготы. Предусмотрены пониженные ставки на упрощённой системе налогообложения — как правило, 1% на УСН «Доходы» и 5% на УСН «Доходы минус расходы», а также освобождение от НДС для тех, кто производит товары для людей с инвалидностью, оказывает услуги по уходу за социально уязвимыми гражданами или занимается другими видами деятельности (продажей медицинских

товаров, ветеринарными услугами, присмотром и уходом за детьми, перевозкой пассажиров и др.); освобождение от налога на прибыль.

3. Административная поддержка, в том числе бесплатные консультации и помощь с арендой помещений [1; 3].

Проведенный анализ позволяет заключить, что социальное предпринимательство в современной России сформировалось как самостоятельный и значимый институт гражданского общества и рыночной экономики. Легитимация этого статуса на федеральном уровне создала правовую основу для деятельности субъектов, ориентированных на достижение общественно полезных целей. Основной функцией социальных предприятий является интеграция социально уязвимых категорий граждан в общественную жизнь через трудовую занятость и создание доступной среды для их функционирования.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 26.07.2019 № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие».

2. Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций, сформированный в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2021 г. № 1290.

3. Статус социального предпринимателя: как получить и что даёт в 2025 году [Электронный ресурс]. URL: https://www.sberbank.com/ru/s_m_business/pro_business/kak-poluchit-status-socialnogo-predprinimatelja.

УДК 342.7

Неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху: нравственные и правовые границы «права быть забытым»

Городова А.С.

Научный руководитель: Селезнёв Р.Н., преподаватель

*Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева,
Дальневосточный филиал*

В настоящее время всё большее значение приобретают информационные способы развития. Однако стремительное развитие технологий ставит перед обществом новые вызовы, среди которых особое место занимает вопрос сохранения личностной автономии и достоинства

человека в цифровом пространстве. Открытость информационного ресурса способствует высокой скорости обработки данных. С помощью различных поисковых систем и баз данных глобальная сеть становится важнейшим источником получения информации на сегодняшний день.

Это позволяет утверждать, что сеть Интернет обладает значимой характеристикой: быстрый и легкий способ овладения знаниями неизбежно ведет к сохранению цифрового следа человека – это данные о пользователе, его активности в сети, которые можно отследить. Следовательно, перед обществом встает вопрос о способах защиты личных данных, т.к. утечка конфиденциальной информации становится реальной угрозой для всех, кто пользуется информационно-телекоммуникационными сетями.

Пользователи публикуют разнообразную информацию, включая персональные данные: реальные имя и фамилию, дату рождения, домашний адрес, фотографии, круг общения. Стоит отметить, что наиболее активную часть аудитории социальных сетей составляют подростки. Для регистрации на подобных ресурсах существует учетная запись – данные о пользователе, необходимые для его опознавания и предоставления доступа к его данным и настройкам.

Вопрос защиты информации с каждым днём приобретает всё большую значимость. В Российской Федерации данный аспект регулируется Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [2; 3].

В этих условиях особое место занимает личное неимущественное право граждан – «право на забвение» (от англ. – «right to be forgotten»), позволяющее требовать удаления сведений из цифровых ресурсов [4].

Следует отметить, что в техническом плане реализация права на забвение чаще означает затруднение доступа к информации. Поэтому говорить о том, что цифровое пространство может в буквальном смысле «забыть» ту или иную информацию, некорректно. В законодательстве Российской Федерации нет точного определения «права на забвение», что отражает сложность осмысления нового феномена.

В гуманитарной науке право быть забытым обосновывается важностью понятия личности человека и необходимых условий для ее развития, в число которых входят неприкосновенность частной жизни и контроль за распространением информации персонального характера. Защита неприкосновенности частной жизни, включающая в себя право быть забытым, оценивается как уважение достоинства человека и его изначальной автономности.

Следует сказать, что право на забвение является противоречивым. С одной стороны, каждый гражданин Российской Федерации имеет право на личную неприкосновенность и нераспространение информации о его частной жизни, право на защиту своей чести и доброго имени, а также на тайну переписки, телефонных разговоров. С другой стороны, каждому гарантируется свобода мысли и слова, а также гарантируется свобода информации, что противоречит праву на забвение [1; 2]. Важно учитывать индивидуальные права граждан, которые были нарушены в связи с несанкционированным доступом к их персональным данным.

Резюмируя, можно сказать, что защита граждан Российской Федерации в цифровом поле общества, включая право на забвение, является актуальной проблемой, требующей внимания. На данный момент регулирование данного аспекта со стороны законодательства включает содержание статей Конституции Российской Федерации и упомянутых Федеральных законов.

В связи с этим возникает необходимость в защите «права на забвение», то есть права граждан на удаление своих персональных данных из цифровых хранилищ и архивов. Это право является существенным инструментом для защиты личной неприкосновенности, сохранения тайны личной жизни и достоинства человека в цифровом пространстве.

Нравственная сторона защиты прав граждан на забвение связаны, прежде всего, с уважением к личности, ее правам и свободам. Публикация и распространение информации о человеке без его согласия может привести к негативным последствиям для его деловой репутации, чести, личной безопасности и психологическому состоянию.

Резюмируя, можно сказать, что защита граждан в цифровом поле общества, включая право на забвение, является актуальной социальной проблемой, требующей общественного внимания. Распространение цифрового следа пользователя в России напрямую не регулируется, а защита осуществляется опосредованно, через законы о персональных данных и информации. Право на забвение выступает одним из ключевых инструментов защиты личных сведений, позволяя человеку сохранить контроль над своей идентичностью в сети. Дальнейшее осмысление и совершенствование моральных и правовых норм в этой сфере поможет обеспечить сохранение конфиденциальности и безопасности личности, а также повысить доверие к цифровым технологиям как к среде, уважающей человеческое достоинство.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных».

4. Волкова Г.Е. Судебная защита «права на забвение» в современной России: вопросы теории и практики // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета, 2022. Т. 9. № 2. С. 165–171.

УДК 343.9

Криминологическая характеристика алкоголизма как детерминанты преступности: анализ теоретических подходов и общественного мнения

Грецкая Т.А.

Научный руководитель: Катушонок О.В., магистр юрид. наук

Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой

Актуальность исследования проблематики алкоголизма как формы девиантного поведения и его взаимосвязи с преступностью обусловлена высокой значимостью данного явления. Алкоголизм выступает одним из ключевых деструктивных факторов, подрывающих общественное здоровье, провоцирующих рост правонарушений и ведущих к социальной дезинтеграции личности.

Развернутую модель влияния алкоголя на преступность еще в начале XX века предложил С.В. Познышев. Он выделил три основных механизма:

– психопатологический (прямой) – алкоголь выступает катализатором, провоцируя патологическое возбуждение и импульсивные агрессивные действия;

– социально-деградационный – хронический алкоголизм ведёт к утрате трудоспособности и статуса, толкая индивида на преступления ради существования;

– генетико-социальный – алкоголизм родителей оказывает деструктивное влияние на потомство, детерминируя рост детской смертности, наследственной патологии и психофизиологических отклонений, что в конечном итоге приводит к пополнению контингента несовершеннолетних правонарушителей [1].

Если С.В. Познышев анализирует алкоголь как глубинную социально-патологическую причину преступности, то А.В. Наумов [2] рассматривает опьянение прежде всего как конкретное обстоятельство, сопутствующее преступлению. По мнению А.В. Наумова, ключевое отличие обычного опьянения от психического расстройства заключается в его добровольной природе и зависимости от дозы, а также во влиянии личностных факторов (воспитание, культурный уровень). Данное разграничение принципиально важно для оценки степени вины и вменяемости субъекта.

Кроме того, позиция А.В. Наумова актуализирует проблему добровольности приобщения к алкоголю и необходимости разграничения болезни и осознанного девиантного поведения, что критически важно при разработке программ профилактики пьянства и алкоголизма.

Рассмотренные теоретические положения о взаимодействии алкоголя и преступности легли в основу социологического опроса в целях анализа мнения общественности по рассматриваемой проблеме. В качестве респондентов выступили студенты юридического факультета Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой, сотрудники органов внутренних дел (далее – ОВД), учреждений образования, иных профессиональных групп (медицинские и социальные работники). Всего в опросе приняло участие 111 респондентов.

Выбор указанных групп обусловлен характером деятельности респондентов: сотрудники ОВД непосредственно сталкиваются с лицами, совершающими преступления и правонарушения в состоянии алкогольного опьянения, педагоги взаимодействуют с семьями, где формируются деструктивные модели поведения. Медицинские работники должны не только непосредственно заниматься вопросами профилактики алкоголизма, но и своим поведением показывать образец для подражания. Поставленные вопросы позволяют выявить общие закономерности общественного восприятия взаимосвязи алкоголизма и преступности.

Результаты опроса показали, что все группы респондентов выделяют три ключевых фактора совершения преступлений в состоянии алкогольного опьянения. Наиболее значимым респонденты считают систематическое злоупотребление алкоголем / зависимость (70%); на втором месте – влияние социального окружения (например, пьющая компания) – 60% всех респондентов. Низкий уровень культуры и правосознания отметили 55% опрошенных. По мнению общественности, существенное влияние на совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения оказывают и кризисные жизненные ситуации (безработица, стресс, семейные конфликты) – 55% опрошенных.

Что касается мер противодействия, то наиболее популярными, по

мнению опрошенных, являются: развитие системы лечения и реабилитации лиц с алкогольной зависимостью (60%), ужесточение уголовной и административной ответственности (50%), пропаганда здорового образа жизни (45%).

Надо отметить, что сотрудники ОВД в большей степени сделали акцент на мерах принуждения. Ужесточение уголовной ответственности выбрали 65% респондентов этой группы, что выше среднего значения. Кроме того, в их ответах одним из направлений работы с правонарушителями фигурирует наказание «по всей строгости закона». Подобные варианты ответов мы можем объяснить спецификой профессиональной деятельности сотрудников ОВД, которая в первую очередь направлена на сдерживание противоправного поведения и неотвратимость наказания виновных лиц.

В то же время студенты и работники учреждений образования демонстрируют более гуманистический подход профилактического воздействия на лиц, совершавших преступления в состоянии алкогольного опьянения. Так, по 70% из них указали на необходимость развития системы лечения и реабилитации, а также оказания психологической помощи в качестве главного фокуса работы с правонарушителем. Представители этих групп значительно чаще выбирали такие меры, как пропаганда здорового образа жизни и повышение правовой культуры. Подобная дифференциация, на наш взгляд, обусловлена спецификой профессиональной деятельности: сотрудники ОВД в силу своих обязанностей делают акцент на сдерживании и наказании, тогда как педагоги – на исправлении и устранении социальных причин девиации.

Также большинство сотрудников ОВД и студентов (по 65% в каждой из этих групп) считают, что совершение преступлений в состоянии алкогольного опьянения более свойственно мужчинам. В тоже время в целом 29% опрошенных придерживаются мнения, что эта проблема в равной степени характерна для обоих полов. Мнение о большей склонности женщин к таким деяниям оказалось статистически незначимым 1% от общего числа опрошенных. Это может объясняться как влиянием традиционных социальных стереотипов в молодежной среде, так и спецификой работы ОВД, которая в своей ежедневной практике сталкивается преимущественно с мужским контингентом правонарушителей. Иную позицию демонстрируют представители других профессиональных групп, где доля респондентов, считающих проблему общей для обоих полов, достигает 50%, что может отражать специфику профессионального опыта медиков и социальных работников, которые в своей практике чаще сталкиваются с семьями, где алкоголизация обоих

родителей приводит к равным по тяжести социальным последствиям, и в этих условиях гендерные различия отступают на второй план.

На вопрос: «Согласны ли вы с утверждением: «Пьяный человек не может контролировать свои действия и потому не должен нести полную ответственность за преступление?»» 81% сотрудников ОВД и 80% работников учреждений образования ответили отрицательно. Состояние алкогольного опьянения, по мнению респондентов, не может служить основанием для смягчения ответственности. Это полностью соответствует позиции А.В. Наумова, который подчёркивал добровольность опьянения, и сохранение вменяемости и способности лица нести ответственность за свои действия.

Как видно из анализа, полученные данные обнаруживают прямую связь с теоретическими подходами С.В. Познышева и А.В. Наумова. Выделенные респондентами факторы подтверждают три механизма криминогенного влияния алкоголя: психопатологический (импульсивная агрессия), социально-деградационный (утрата статуса ведёт к противоправному поведению) и генетико-социальный (семейное неблагополучие). Позиция А.В. Наумова о добровольном характере опьянения коррелирует с акцентом респондентов на низком уровне правосознания как самостоятельной причины преступлений. Опрос также выявил двойственность восприятия: большинство опрошенных не согласно с утверждением, что пьяный человек не должен нести полную ответственность, что соответствует позиции А.В. Наумова о вменяемости лиц в состоянии опьянения.

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Теоретические модели криминогенного влияния алкоголя, разработанные в начале XX века, сохраняют свою актуальность в современный период и подтверждаются эмпирическими данными. Результаты опроса свидетельствуют о сложном, двойственном восприятии проблемы общественным мнением: с одной стороны, алкоголизм признаётся заболеванием, требующим лечения и реабилитации (что подтверждает модель С.В. Познышева), с другой – индивид не освобождается от ответственности за противоправные действия, совершённые в состоянии опьянения, что отражает правовую позицию А.В. Наумова. Выявленные различия во взглядах между сотрудниками ОВД и представителями социально-педагогической сферы указывают на необходимость дифференцированного подхода к разработке профилактических мер воздействия на лиц, совершающих преступления в состоянии алкогольного опьянения. Эффективная политика противодействия подобным преступлениям должна сочетать в себе как

меры сдерживания и неотвратимости наказания, так и широкий спектр реабилитационных, просветительских и социально-поддерживающих программ, направленных на устранение глубинных причин, а не только следствий этого негативного явления.

Библиографический список

1. Познышев С.В. Алкоголизм как фактор преступности. М., 1915. 93 с.
2. Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996. 196 с.

УДК 338.48

Эволюция понятия туристский продукт в российском законодательстве

Гущина А.А.

*Научный руководитель: Алфёрова Ю.Н., канд. юрид. наук
Ярославский государственный университета им. П.Г. Демидова*

Понятие «туристский продукт» является системообразующим для всей туристской отрасли. Оно определяет предмет договорных отношений, распределяет риски, устанавливает объём ответственности туроператора и формирует в рамках правового поля способы защиты прав потребителя-туриста. Вместе с тем его законодательное определение на протяжении десятилетий остаётся предметом острой научной и практической дискуссии, порождая правовую неопределённость и сложности в правоприменении. Путь переосмысления данной дефиниции отражает поиск оптимальной модели регулирования: от первоначальной абстрактной конструкции «права на тур» (1996 г.) к современному определению туристского продукта как «комплекса услуг по перевозке и размещению» (с 2007 г.).

Несмотря на устоявшийся подход, действующая редакция Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (далее — Закон о туризме) обнаруживает существенные пробелы, особенно в части регулирования внутреннего и въездного туризма, где классическая модель «перевозка и размещение» часто не соответствует рыночным реалиям. Накопленные вопросы привели к появлению законодательной инициативы (проект Федерального закона № 918087-8), предлагающей кардинальный пересмотр понятия через его дифференциацию в зависимости от вида туризма. Цель настоящего исследования — проследить поэтапное развитие термина «туристский

продукт» в российском праве, а также дать комплексную оценку обоснованности и возможных последствий предлагаемых изменений.

Анализируя историю возникновения данного определения, необходимо отметить, что изначально этот термин появился в первой редакции Федерального закона № 132-ФЗ от 24 ноября 1996 года для правового обоснования регулирования туристических услуг нормами о купле-продаже. Определение первоначально звучало следующим образом: «туристский продукт — право на тур, предназначенное для реализации туристу». В 1990-е годы законодатель понимал туристский продукт как товар или имущественное право, подлежащее реализации. Такой подход, имевший экономическую основу, допускал юридическую возможность последующей перепродажи, дарения или наследования этого права.

Однако данная правовая конструкция вступала в фундаментальное противоречие с природой услуг, которые по своей сути не могут быть отчуждены подобно вещным правам. Этот подход ослаблял позицию туриста, поскольку обязанность туроператора формально ограничивалась передачей «права», а не обеспечением реального оказания услуг третьими лицами.

Как справедливо отмечают авторы А.С. Кусков и Н.В. Сирик, «такое повышенное внимание к указанному понятию "туристский продукт" не случайно, так как именно он является квинтэссенцией туристской деятельности, системообразующим понятием для всего отраслевого законодательства, определяющим не только субъектный состав правоотношений, но и формирование и функционирование всей совокупности законодательных гарантий защиты прав потребителей-туристов» [2, с. 65].

Принципиальный поворот произошёл в 2007 году. Законодатель отказался от понятия «тур» и ввёл новое определение: туристский продукт — это «комплекс услуг по перевозке и размещению, оказываемых за общую цену (независимо от включения в общую цену стоимости экскурсионного обслуживания и (или) других услуг) по договору о реализации туристского продукта». Это изменение имело фундаментальное, прикладное значение. Во-первых, был преодолён дуализм предыдущей редакции: законодатель перешёл от оторванной от реальности модели «право на услуги» к модели «сами услуги», объединённые единым обязательством. Во-вторых, в статье 9 была закреплена прямая ответственность туроператора за оказание всех услуг, входящих в туристский продукт, «независимо от того, кем должны были оказываться или оказывались эти услуги». Это сформировало правовую конструкцию туроператора как исполнителя, несущего ответственность за

действия третьих лиц (гостиниц, перевозчиков), что положительно сказалось на правовой защищённости туриста. В-третьих, введение обязательного финансового обеспечения (страхование ответственности, банковская гарантия), создание единого федерального реестра туроператоров и уточнение существенных условий договора о реализации туристского продукта — все эти меры стали возможны благодаря новой редакции определения, которая способствовала усилению ответственности туроператора.

Действующая редакция Закона о туризме 2025 года сохранила определение, введённое в 2007 году, без лексических изменений. На определённом этапе развития законодательства стабильность дефиниции позволила усовершенствовать смежные институты: правила реализации туристского продукта, требования к финансовому обеспечению, порядок ведения реестра туроператоров. Поэтому можно сказать, что определение «туристский продукт» в редакции 2025 года представляет собой важный этап концептуального развития, закрепившего модель, ориентированную на защиту прав потребителя с учётом справедливого распределения правовых рисков.

Однако, несмотря на стабильность, действующая редакция содержит ряд существенных недостатков. Во-первых, сам термин «продукт» является сомнительным, так как по своей правовой природе предмет регулирования представляет собой комплекс услуг, а не продукт в классическом понимании. Во-вторых, законодатель исключил из понятия туристского продукта комплексные предложения, не включающие перевозку, что не отвечает современным реалиям, особенно во внутреннем и въездном туризме. На практике нередки ситуации, когда туристы приобретают перевозку самостоятельно, а туроператор предоставляет только размещение, питание и экскурсии. Такие предложения формально не подпадают под определение туристского продукта, что лишает их правового режима, предусмотренного Законом о туризме.

В связи с накопленными проблемами был разработан проект федерального закона № 918087-8 «О внесении изменений в Федеральный закон "Об основах туристской деятельности в Российской Федерации"». На дату написания статьи законопроект принят Государственной Думой в первом чтении 24 сентября 2025 года. Цель законопроекта, указанная в пояснительной записке, — «совершенствование нормативного правового регулирования понятия "туристский продукт" с учетом современных тенденций развития туризма и правоприменительной практики».

Анализ текста законопроекта позволяет определить ключевые направления эволюции понятия. Согласно новой редакции, предлагается

следующее определение: «туристский продукт — комплекс туристских услуг, предоставляемых за общую цену (независимо от набора услуг, включаемых в общую цену) по договору о реализации туристского продукта, формируемый туроператором с учетом особенностей, установленных настоящим Федеральным законом». Вместо конкретных «услуг по перевозке и размещению» вводится понятие «комплекс туристских услуг», минимальный состав которых закреплён в новой статье 9.1 законопроекта и принципиально различается для выездного и въездного/внутреннего туризма. Для выездного туризма сохраняется классическая модель — перевозка и размещение. Для въездного и внутреннего туризма устанавливается принципиально новая модель — размещение и не менее одной дополнительной услуги из открытого перечня (экскурсия, трансфер, аренда автомобиля, питание, содействие в оформлении визовых услуг и другое). В тексте законопроекта указывается, что комплекс услуг, сформированный самим средством размещения, не является туристским продуктом, что разграничивает ответственность туроператора и непосредственного исполнителя.

Представленная в законопроекте конструкция порождает, по мнению автора, значительные проблемы и риски. К положительным аспектам можно отнести попытку учесть реалии рынка: перевозка может осуществляться туристом самостоятельно, поэтому введение альтернативного состава туристского продукта для внутреннего туризма является ответом на запросы отрасли. Также легальное закрепление широкого перечня дополнительных услуг (трансфер, питание, экскурсии) легитимизирует уже существующие на рынке комплексные предложения, выводя их под действие особого законодательного режима с финансовым обеспечением и ответственностью туроператора.

Вместе с тем реализация данной модели создаёт риски, которые могут привести к результату, противоположному изначальным целям законодателя. Главным недостатком является нарушение единой концепции понятийного аппарата. Отказ от универсального определения и замена его на три составных части по видам туризма создаёт три разных правовых режима: выездной туристский продукт (перевозка + размещение), въездной/внутренний (размещение + одна доп.услуга) и комплекс услуг от непосредственного исполнителя размещения. Такая редакция усложнит правоприменение и создаст почву для будущих судебных разбирательств о квалификации договора.

Кроме того, формальное требование о минимальном составе услуг для внутреннего туризма вынудит туроператора включать в пакет небольшой трансфер или формальную экскурсию только для того, чтобы

соответствовать определению «туристский продукт». Это приведёт к навязыванию дополнительных услуг туристу и исказит реальное рыночное предложение.

Подводя итог всему вышесказанному, следует заключить, что эволюция определения «туристский продукт» в российском праве проходит переломный этап. Классическая модель, соединяющая услуги перевозки и размещения, фактически перестала соответствовать реалиям туристского рынка, особенно в сегменте внутреннего и въездного туризма.

Переход к диверсифицированной модели, учитывающей особенности разных видов туризма и расширяющей содержательную часть, который предлагает проект Федерального закона № 918087-8, сопряжён со значительными рисками для представителей малого и среднего бизнеса, специализирующихся на внутреннем и въездном туризме.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 24.11.1996) "Об основах туристской деятельности в Российской Федерации" (вступ. в силу с 03.12.1996).

2. Кусков А.С., Сирик Н.В. Понятие «комплексная туристская услуга»: нормативно-правовое обоснование // Хозяйство и право. 2022. № 11. С. 64–74.

3. Сергиенко С.Ю., Гриб В.Г. О туристском продукте в контексте современного туристского законодательства // Туризм: право и экономика. 2025. № 2. С. 2–4.

4. Федеральный закон от 05.02.2007 № 12-ФЗ (ред. от 04.06.2018) "О внесении изменений в Федеральный закон "Об основах туристской деятельности в Российской Федерации".

5. Паспорт проекта Федерального закона № 918087-8 «О внесении изменений в Федеральный закон "Об основах туристской деятельности в Российской Федерации"».

УДК 316.3

Решение проблемы отцов и детей в рамках проекта «Отцовский клуб»

Дракунов Д.Д., Чернов О.В.

Научный руководитель: Уланова Г.А., преподаватель

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Проблема «отцов и детей» остается одной из центральных в социальной психологии, приобретая особую остроту в условиях цифровой трансформации общества и дефицита «живого» общения, а также обеспечения психологического благополучия. Современные исследователи, такие как И.С. Кон, подчеркивают, что традиционная модель отцовства трансформируется, требуя от мужчины перехода от роли «добытчика» к роли эмоционально вовлеченного наставника [3]. Актуальность этой трансформации подтверждается данными Е.П. Ильина, указывающими на прямую связь между качеством детско-родительского взаимодействия в подростковом возрасте и успешной социализацией личности [2]. Статистика ВЦИОМ последних лет наглядно демонстрирует запрос молодых людей на более доверительные отношения с отцами, что делает внедрение подобных инициатив стратегически важным для укрепления института семьи. Таким образом, формирование глубокой эмоциональной связи через общие впечатления становится не просто досуговым решением, а фундаментом психологического благополучия будущих поколений. Быть отцом – большое счастье, но и большая ответственность перед детьми, перед людьми, перед государством [4]. Но в то же время в ходе октябрьского опроса 71% россиян сообщили, что отцы принимали участие в их воспитании.

Практическим воплощением партнерской модели воспитания является так называемое вовлеченное отцовство, подразумевающее активное участие отца в жизни ребенка наравне с матерью, однако часто между отцами и сыновьями в возрасте 13-17 лет часто есть эмоциональная дистанция и недопонимание. Отец хочет быть «хорошим отцом» для своего сына, но не знает, как именно проявить себя, а у сына чаще всего есть общие темы с друзьями/онлайн-знакомыми, но не с отцом. Это подтверждается исследованием команды вице-спикера Госдумы Бориса Чернышова проводившееся в июле 2023 года с целью выявления проблемы, когда отец в семье уделяет мало внимания своим родительским обязанностям, согласно которому 89% отцов хотели бы больше уделять внимания воспитанию детей и проводить с ними время и 23% отцов признались, что не знают, как организовать совместный отдых [4].

В ответ на проблему малой вовлеченности отца в воспитание сына в рамках программы "Я в деле" был разработан проект «Отцовский клуб», который выступает как необходимый инструмент преодоления коммуникативного разрыва через создание пространства общих смыслов и совместной деятельности.

Целью данного проекта является сближение отцов и сыновей через совместное качественное время и общие впечатления, помощь им слышать

и понимать друг друга, в дальнейшем укрепляя доверие и формируя близкие отношения на всю жизнь.

В ходе реализации проекта были поставлены и решены следующие исследовательские задачи:

- выявление детерминант, препятствующих реализации вовлеченного отцовства в современных семьях.
- верификация предпочтительных форм совместной досуговой деятельности субъектов взаимодействия.
- оценка экономического потенциала и востребованности платных социально-педагогических услуг в данном сегменте.

Эмпирическую базу исследования составил анкетный опрос отцов (22 участника, возрастная категория 38–50 лет). Анализ полученных данных позволил сформулировать следующие выводы:

- Факторы барьерности: доминирующими препятствиями для установления глубокой межличностной связи являются профессиональная гиперзанятость («трудоголизм»), феномен «цифрового эскапизма» и отсутствие готовых сценариев конструктивного взаимодействия.
- Запрос на комплексность: выявлена потребность в интегративном подходе, сочетающем физическую активность, когнитивное развитие и совместное творчество, что коррелирует с теорией И.С. Кона о необходимости деятельностного сближения поколений.
- Прагматический аспект: подтверждена готовность респондентов к инвестированию средств в структурированное «качественное время», что обосновывает устойчивость модели «Отцовского клуба».

На основе интерпретации результатов была разработана программа интенсива, направленная на преодоление коммуникативного дефицита через событийную общность.

Выбор конкретных форм активности в программе (экстремальный спорт, кулинария, туризм) обусловлен психологическими механизмами формирования мужской идентичности. Согласно концепции И.С. Кона, передача мужского опыта наиболее эффективно происходит не в вербальной форме ("нотации"), а через совместную предметную деятельность [3]:

1. Экстремальные и игровые практики (пейнтбол, квадроциклы) способствуют выработке общих гормональных реакций (адреналин, дофамин), что формирует устойчивую эмоциональную привязанность и доверие через проживание "общего испытания".
2. Прикладные мастер-классы (приготовление пищи, ремонт) реализуют механизм трансляции маскулинных навыков, где отец

выступает в роли значимого наставника, повышая свой авторитет в глазах сына.

3. Рекреационные выходы (походы, рыбалка) обеспечивают "цифровую детоксикацию" и создают условия для неформальной самораскрытия, что, по мнению Е.П. Ильина, является необходимым условием для преодоления коммуникативных барьеров и гармонизации межличностных отношений [1].

Расширение вариативности услуг проекта (совместное моделирование, парные квесты, тандем-тренировки по единоборствам) направлено на создание многовекторной среды развития. Включение в программу элементов прикладного творчества и спорта позволяет задействовать как мелкую моторику, так и физическую активность, что способствует комплексной психоэмоциональной разгрузке участников.

Перспективный план развития проекта («дорожная карта») предполагает поэтапный переход от апробации модели к ее институционализации:

1. Этап формирования партнерской сети: установление коллабораций с профильными организациями и досуговыми центрами.

2. Этап количественного и качественного роста: масштабирование охвата целевой аудитории (с увеличением кратности оказания услуг) и внедрение системы обратной связи для оценки социальной эффективности.

3. Этап инфраструктурного развития: переход к использованию собственных площадок и территориальная экспансия (выход на уровень Московской области).

Подводя итоги, следует отметить, что проект «Отцовский клуб» представляет собой жизнеспособную модель преодоления межпоколенческого разрыва. Результаты эмпирического исследования подтверждают гипотезу о наличии высокого социального запроса на форматы вовлеченного отцовства, свободного от назидательности и цифровых барьеров.

Особую значимость проект приобретает в контексте государственной семейной политики. Интеграция методик «Отцовского клуба» в рамки национального проекта «Семья», инициированного Президентом РФ В.В. Путиным в 2024 году, позволит экстраполировать накопленный опыт на федеральный уровень. Это обеспечит системную поддержку института отцовства, способствуя укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей и формированию гармоничных внутрисемейных отношений в долгосрочной перспективе.

Библиографический список

1. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. СПб: Питер, 2012. 576 с
2. Исследование: московские отцы уделяют детям в среднем 35 минут в день [Электронный ресурс]. URL: <https://snob.ru/news/issledovanie-moskovskie-otcy-udelayut-detyam-v-srednem-35-minut-v-den/>.
3. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2020. 496 с.
4. Пазова Л.М. Роль отца в воспитании сына [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-otsta-v-vospitanii-syna>.

УДК 978

Из истории формирования армии современной России: Крымский перелет

Дубовой В.А.

*Научный руководитель: Кабанова Л.В., канд. ист. наук, доцент
Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны
имени Маршала Советского Союза Л.А. Говорова*

Момент распада СССР был смутным и сложным временем. В 1991 году в Крыму, в Саках, базировался 1063-й ЦБП и ПЛСКА (Центр боевого применения и переучивания летного состава корабельной авиации), тот самый центр, где находится знаменитый тренажер НИТКА. Начальник центра по летной подготовке, заслуженный военный летчик РФ, полковник Геннадий Бакулин постоянно докладывал обстановку в Москву, командующему авиацией ВМФ генерал-полковнику Виктору Павловичу Потапову.

Еще до беловежских соглашений в 1991 году, когда о принятии украинской присяге, даже речи не шло, в Киеве со всеми кандидатами на руководящие посты в вооруженные силы Украины (ВСУ) проводил специальное собеседование Вячеслав Черновол (один из авторов Акта о провозглашении независимости Украины). Главный вопрос звучал так: «В случае военного конфликта будете ли вы воевать с Россией?». Если ответ был нет - человека не брали в руководящий состав ВСУ. А сразу после подписания Беловежских соглашений Киев жестко поставил вопрос о том, чтобы все советские военнослужащие на территории Украины второй раз приняли присягу - украинскую. Россия второй раз принимать присягу не требовала.

Как только Киев жестко поставил вопрос о принятии украинской присяги ТАВКР «Тбилиси» (затем «Адмирал флота Советского Союза

Кузнецов») был экстренно и тайно выведен из Севастополя и переведен на Северный флот. Геннадий Бакулин совместно командиром 100-го корабельного истребительного полка Центра Корабельной авиации ВМФ (базовый аэродром Саки) Тимуром Апакидзе составили списки нужных для корабельной авиации людей, проводили беседы. Многие сами заявляли: «Я украинскую присягу принимать не буду» и просили направить их служить в Россию. Группа летчиков, чьей прямой задачей являлось обеспечение работы главной ударной силы ТАВКР - самолетов Су-33, готовилась работать с авианосца.

Одним из летчиков ушедших в Россию с Тимуром Абакидзе был тогда майор Виктор Викторович Дубовой. В 1992 году перешёл в состав ВВС Северного флота, в гарнизон Североморск-3. В 1994 году одним из первых лётчиков совершил посадку на палубу тяжёлого авианесущего крейсера «Адмирал флота Советского Союза Кузнецов», освоил дозаправку в воздухе и элементы высшего пилотажа «Колокол» и «Кобра Пугачёва». После окончания академии продолжил службу в ВВС Северного флота, был заместителем командира 279-го отдельного корабельного истребительного авиационного полка ВВС Северного флота, старшим лётчиком-инспектором отдела боевой подготовки штаба ВВС Северного флота. К 2004 году Дубовой имел на личном счету свыше 200 посадок на палубу авианесущего крейсера и свыше 2 000 часов налёта, освоил шесть типов самолётов, был участником ряда дальних морских походов. Такие летчики как Апакидзе, Дубовой и их товарищи сохранили для страны высокий уровень российской авиации в эпоху распада страны. Они заложили традицию российской корабельной морской авиации трамплинного взлета.

Библиографический список

1. Мельников В.Ю. Российское государство на пути своего становления. М.: ООО «Фонд науки и образования». 2021. 494 с.

УДК 316.614

Спорт как инструмент социализации молодежи: правовые и социальные гарантии

Дьяченко В.А.

*Научный руководитель: Баханец А.А., преподаватель
Сибирский университет потребительской кооперации*

В современных условиях проблема интеграции молодого поколения в общественную жизнь приобретает особую значимость. Молодежь представляет собой социальную группу, наиболее чувствительную к внешним воздействиям, поскольку именно в этот период происходит становление ценностных ориентиров. Одновременно с этим общество сталкивается с серьезными вызовами: снижение двигательной активности, распространение зависимостей, рост асоциальных проявлений. В сложившихся обстоятельствах спорт способен выполнять важную воспитательную функцию, выступая пространством для формирования социально одобряемых моделей поведения. В рамках данной работы ставится цель выявить, каким образом государственные меры поддержки в области физической культуры влияют на процессы социализации подрастающего поколения.

Региональная практика последних лет демонстрирует результативность системного подхода к развитию спортивной инфраструктуры. Так, в Новосибирской области с 2019 года действует региональная составляющая федерального проекта «Спорт – норма жизни». Благодаря реализации упомянутого проекта количество спортивных объектов на территории региона увеличилось в 2,5 раза относительно показателей предыдущей пятилетки. За период с 2019 по 2023 годы введено в эксплуатацию 1268 новых спортивных сооружений. Дополнительно оснащено 82 площадки, предназначенных для выполнения нормативов ГТО. Уровень обеспеченности населения спортивной инфраструктурой вырос на 14%, а доля регулярно занимающихся физической культурой жителей достигла 50% [4].

Как отмечает двукратный олимпийский чемпион Роман Власов, в условиях временного отстранения российских атлетов от международных стартов особое значение приобретает внутренняя соревновательная повестка. Качество проводимых турниров повышается, конкуренция усиливается, что формирует дополнительную мотивацию для юных спортсменов. По мнению Власова, важно, что ведущие спортсмены остаются в стране и могут служить ориентиром для начинающих – традиция передачи опыта через мастер-классы и личные встречи продолжает играть ключевую роль в воспитании нового поколения [4].

Спорт формирует у подростков силу воли и целеустремленность, а также множество других необходимых и важных качеств личности [3, с. 77]. В рамках спортивных занятий моделируются реальные социальные отношения. Для подростков, находящихся в сложной жизненной ситуации, спортивная секция нередко становится пространством, компенсирующим

дефицит поддержки со стороны семьи или школы и предлагающим альтернативу деструктивному окружению.

Правовые гарантии в сфере спорта для молодежи в Российской Федерации закреплены в Федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [1]. Согласно ст. 3 данного нормативно-правового акта ключевыми принципами являются: свободный доступ к физической культуре и спорту; запрет на дискриминацию и насилие в данной области; непрерывность и преемственность физического воспитания граждан, относящихся к различным возрастным группам. Социальные гарантии реализуются через систему мер государственной поддержки. Это развитие инфраструктуры по месту жительства, предоставление налоговых льгот организациям, развивающим детский спорт, и реализация программ, таких как Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне» (ГТО) [2].

Несмотря на позитивные сдвиги, анализ ситуации в Новосибирской области позволяет выявить ряд факторов, ограничивающих социализирующий потенциал спорта. Сохраняется диспропорция между городскими и сельскими территориями по уровню оснащенности спортивными объектами. Также для значительной части семей расходы на занятия в коммерческих секциях являются труднопреодолимыми. Кроме того, сохраняется перекос в сторону развития профессионального спорта при недостаточном внимании к массовой дворовой инфраструктуре.

Для повышения эффективности спорта как инструмента социализации необходимо совершенствование правового механизма. Представляется целесообразным:

1. Внести изменения в региональное законодательство, предусматривающие дополнительные льготы по аренде муниципальных спортивных сооружений для некоммерческих организаций, работающих с «трудными» подростками.

2. Продолжить практику муниципальных проектов по возрождению дворового спорта и организации досуга по месту жительства, используя успешный опыт реализации проекта «Спорт – норма жизни» [4].

3. Усилить контроль за исполнением законодательства в части обеспечения беспрепятственного доступа к спортивной инфраструктуре для лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Таким образом, спорт выступает не просто средством физического развития, но и важнейшим социальным лифтом, механизмом интеграции молодежи в общество. Опыт Новосибирской области подтверждает, что последовательная инфраструктурная политика способна обеспечить рост вовлеченности населения в спортивную деятельность. Существующие

правовые и социальные гарантии создают для этого необходимую основу, однако их реализация требует дальнейшего совершенствования с учетом региональной специфики и актуальных социальных вызовов. Необходим комплексный подход, позволяющий реализовать социализирующий потенциал спорта.

Библиографический список

1. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 28.11.2025).
2. Об утверждении Положения о Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО): Постановление Правительства РФ от 11.06.2014 № 540 (ред. от 10.07.2025).
3. Кожемяко А. Влияние спорта на социализацию молодежи // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2020. № 5. С.73-78.
4. Министерство спорта Новосибирской области [Электронный ресурс]. URL: <https://sport.nso.ru/>.

УДК: 37.013.42:004.8

Этические аспекты использования студентами языковых моделей в учебном процессе

Ерофеевский М.А., Чистов М.С.

*Научный руководитель: Воеводина Е.И., старший преподаватель
Ярославский государственный технический университет*

Развитие технологий в последние десятилетия привело к широкому распространению нейросетевых технологий в повседневной жизни человека. В особенности больших языковых моделей (LLM), которые представляют собой разновидность искусственного интеллекта, которая, анализируя большие массивы данных, формирует ответы на запросы пользователя [1].

По данным опроса 2555 студентов Университета Ливерпуля, 50,9% респондентов использовали или рассматривали возможность использования генеративных нейросетей в академических целях, тогда как 35% никогда не применяли и не рассматривали их использование [3]. Приведённые данные свидетельствуют о том, что студенты активно используют генеративные нейросети в академической жизни.

Отсутствие чётко определённых правил может способствовать распространению академического мошенничества, снижению качества

образовательных программ и замедлению профессионального развития студентов. В условиях недостаточности текущих механизмов контроля разработка соответствующих этических правил становится актуальной задачей.

Цель данного исследования заключается в анализе существующих подходов и материалов, а также формулировании рекомендаций по этичному использованию генеративных языковых моделей студентами в системе высшего образования и академическом письме.

Методология исследования основана на комплексном использовании различных методов анализа: анализа источников, сравнительного анализа и метода синтеза, позволивших интегрировать полученные данные и сформировать целостное представление об этических аспектах использования языковых моделей в образовательной сфере.

Этика искусственного интеллекта — это совокупность правил и принципов, которые исключают любое потенциально опасное взаимодействие с пользователем. Академическая добросовестность — это моральные правила, основанные на принципе отказа от любых форм мошенничества. Этические нормы в образовании очень важны, так как именно они обеспечивают качественное и справедливое образование, потому что воспитывает в учащихся уважение к чужому труду, обеспечивают равные условия обучения и поддерживают честную конкуренцию.

Однако широкое внедрение языковых моделей создаёт серьёзную угрозу фундаментальным принципам академической честности. Современные языковые модели способны создавать тексты, практически неотличимые от человеческих: в слепом рецензировании эксперты корректно идентифицировали лишь 68% тезисов, сгенерированных ChatGPT, при этом системы антиплагиата оценивали оригинальность такого контента в 100%. Следовательно языковые модели способны эффективно перефразировать текст и повышать его оригинальность и это создает проблему, где плагиат и списывание, традиционными методами нельзя распознать. Подобный этому пример нарушения в России академической ценности это прецедент защиты диплома, полностью подготовленного нейросетью. Вопрос авторства также становится критически важным: следует определить, кому принадлежит право на интеллектуальный продукт — человеку или машине [1].

Кроме вопросов академической добросовестности, использование LLM влияет на когнитивную активность и критическое мышление студентов. Исследования показывают, что хоть и LLM развивают навыки академического письма, уверенности в себе и упорядочивания

исследовательских задач, но связано со снижением креативности, повышением в зависимости от технологий и понимании учебного материала [4]. Хотя степень влияния зависит от уровня личностного развития, интеллекта и мотивации студента. Чем выше развитие этих характеристик, тем эффективнее студент использует языковую модель для поддержки собственного когнитивного роста [2]. В особенности беря во внимание «галлюцинаций» — создании внешне логичных, но фактически сфабрикованных ответов, чрезмерное доверие студентов снижает критическое мышление. Проблема усугубляется из-за риска связанных с социальными предубеждений, присутствующих в тренировочных данных, что способствует дискриминации и создаёт угрозу конфиденциальности пользователей. Помимо академических рисков, есть риски психологические и социальные. В особенности формирования технологической зависимости, что снижает мотивацию к подлинному обучению и ограничивает живое общение студентов и преподавателей. Это влияет на развитие эмоционального интеллекта и эмпатии, особенно у младших студентов [4].

Ключевую роль в формировании этически корректного использования ИИ в образовании играют преподаватель и образовательная организация. Роль преподавателя заключается в развитии у студентов принципов академической честности, разъяснении границ допустимого применения языковых моделей и формировании навыков критической оценки сгенерированной информации. Важно, чтобы преподаватель не прибегал к радикальным запретам, а обучал студентов ответственному и осознанному использованию ИИ как вспомогательного инструмента анализа, структурирования материала и рефлексии.

Роль образовательной организации в создании нормативной и методической основы. В её задачи входит разработка политики использования ИИ, установление единых правил для факультетов, подготовка преподавателей к работе с текстами, созданными при помощи языковых моделей, и обеспечение прозрачной и безопасной среды, в которой студент может открыто указывать факт использования ИИ, а также введение педагогических практик, направленных на снижение рисков злоупотребления ИИ: переход от преимущественно текстовых заданий к проектным формам, разработку задач, которые невозможно выполнить исключительно средствами нейросети, и систематическую воспитательную работу по формированию культуры ответственного использования технологий.

Ответственность за корректную интеграцию ИИ распределяется между студентами, преподавателями, образовательными организациями и разработчиками технологий.

Принципы применения нейронных сетей в образовательном процессе должны учитывать выявленные факты и отвечать на этические вызовы, связанные с использованием ИИ. Одним из ключевых принципов является прозрачность. Студент обязан открыто указывать факт использования ИИ при выполнении учебной работы, тогда как разработчики должны обеспечивать максимально возможное раскрытие логики работы моделей и происхождения данных, на основе которых формируются ответы. Ответственность за корректность информации, взятой из LLM, несёт студент: он обязан критически оценивать полученные сведения, перепроверять факты и сопоставлять их с надежными источниками. Генеративные нейросети допустимо использовать для поиска информации, анализа материалов, редактурных правок или поддержки процесса самообучения. Полностью заменять ими собственные рассуждения или выдавать текст, созданный моделью, за оригинальный авторский труд недопустимо. Со стороны разработчиков необходимы меры по предотвращению неэтичного использования ИИ. Модели не должны предоставлять доступ к конфиденциальным или закрытым данным, а также должны разрабатываться таким образом, чтобы минимизировать культурные, социальные и политические предубеждения. Обработка персональных данных пользователей должна осуществляться строго с их согласия и минимизироваться для снижения рисков утечек. Сам факт использования ИИ не является отрицательным действием. Применение нейросетей в рамках этических норм может рассматриваться как полноценный элемент современного образовательного инструментария. Пресечению подлежит не использование технологий как таковое, а случаи нарушения академической честности, приводящие к подмене самостоятельной работы.

В ходе исследования были выявлены ключевые этические риски использования студентами языковых моделей в образовательном процессе. К ним относятся риски академического мошенничества, снижения когнитивной активности, недостоверности получаемых данных, формирования зависимости от технологий и размывания ответственности за результаты работы. Одновременно были обозначены подходы к минимизации указанных рисков: развитие культуры ответственного обращения с языковыми моделями, а также определение роли преподавателя и образовательной организации в формировании этически выверенной практики взаимодействия с ИИ.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных выводов при разработке образовательных программ, нормативных актов и методических рекомендаций по применению языковых моделей в обучении.

Библиографический список

1. Капустина Л.В., Ермакова Ю.Д., Калюжная Т.В. ChatGPT и образование: вечное противостояние или возможное сотрудничество? // Концепт. 2023. № 10.
2. Емельяненко В.Д. Влияние искусственного интеллекта на когнитивную сферу человека в контексте ценностно-мировоззренческого анализа // Манускрипт. 2025. № 2.
3. Johnston H., Wells R.F., Shanks E.M. et al. Student perspectives on the use of generative artificial intelligence technologies in higher education // Int J Educ Integr. 2024. Vol. 20, № 2.
4. Zhai C., Wibowo S., Li L.D. The effects of over-reliance on AI dialogue systems on students' cognitive abilities: a systematic review // Smart Learn Environ. 2024. Vol. 11, № 28.

УДК 314.04

Тенденции рождаемости в РФ: основные факторы влияния

Железнова П.А., Лебедева Д.А.

Научный руководитель: Чубрина Г.Н., канд. пед. наук

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Ярославский филиал

Демографическая ситуация в Российской Федерации является предметом постоянного научного и общественного интереса. Снижение рождаемости – одна из наиболее острых проблем, требующая глубокого анализа причин и выработки эффективных мер государственной политики.

Рождаемость как демографический процесс формируется под воздействием совокупности факторов (табл. 1).

Таблица 1. Классификация факторов, влияющих на рождаемость [1]

Факторы	Составляющие элементы
Экономические факторы	уровень доходов населения, жилищные условия, стоимость воспитания детей, состояние рынка труда и безработица
Социальные факторы	образование, социальный статус, занятость женщин, доступность дошкольного образования
Демографические факторы	возрастная структура населения, брачность, разводимость
Социокультурные факторы	репродуктивные установки, традиции, религиозные нормы.
Институциональные факторы	меры государственной поддержки семей с детьми

Рождаемость в Российской Федерации находится под пристальным вниманием государства на протяжении многих лет, что обусловлено демографическими вызовами и стратегическими задачами развития страны. Для их решения был разработан комплекс мер, направленных на стимулирование рождаемости и поддержку семей с детьми. Эти меры можно разделить на несколько ключевых направлений.

Финансовая поддержка семей – это самый известный и широко используемый блок государственных программ. Его основная цель – облегчить финансовое бремя, которое несут семьи при появлении ребенка, и стимулировать родителей к решению о рождении новых детей.

Помимо прямых финансовых выплат, государство предоставляет семьям с детьми различные льготы и привилегии, направленные на улучшение их социального и экономического положения: налоговые вычеты; льготы по оплате услуг ЖКХ, проезда, детских садов; приоритетное предоставление мест в детских садах.

Основные государственные программы, направленные на повышение рождаемости представлены в таблице 2.

Таблица 2. Основные государственные программы

Программа	Основные положения программы
Программа материнского (семейного) капитала	Это мера государственной поддержки российских семей, воспитывающих детей. Средства можно направить на улучшение жилищных условий или образование детей. Программа действует с 1 января 2007 года.
Семейная ипотека	Специальные программы ипотечного кредитования для семей с детьми, предлагающие пониженные процентные ставки. К таким программам относятся «Семейная ипотека» для семей с детьми, рожденными с 2018 года, и «Дальневосточная арктическая ипотека», включающая особые условия для семей.
Федеральный проект "Развитие детского здравоохранения"	Проект нацелен на создание в России современной и качественной системы оказания медицинской помощи детям, начиная с самых ранних этапов их жизни.
Федеральный проект «охрана материнства и детства»	Программа ориентирована на комплексную поддержку — от подготовки к беременности до наблюдения за здоровьем подростков. Главная цель — повышение качества и доступности медицинской помощи для женщин и детей.

Кроме федеральных программ действуют региональные программы поддержки семей. Многие субъекты РФ разрабатывают и реализуют собственные программы, направленные на повышение рождаемости, которые дополняют федеральные меры. Это могут быть региональные выплаты при рождении детей, субсидии на приобретение жилья, льготы по оплате коммунальных услуг, предоставление земельных участков многодетным семьям.

Ряд институциональных мер служит для смягчения негативных экономических и социальных факторов, влияющих на решение о рождении детей, и создают более благоприятные условия для семей: развитие системы дошкольного образования; улучшение системы здравоохранения; создание условий для совмещения родительства и карьеры (поддержка гибких форм занятости, развитие услуг по уходу за детьми).

Для количественной оценки влияния названных выше факторов на рождаемость в исследовании применен метод множественного регрессионного анализа. Множественная регрессия позволяет изучить взаимосвязь одной зависимой переменной, то есть результативного признака, и нескольких независимых переменных, то есть факторов.

Информационной базой исследования послужили данные Росстата за период 2013-2023 гг. (табл. 3).

Для определения влияния факторов на рождаемость строится уравнение множественной линейной регрессии вида:

$$y_x = a + b_1x_1 + b_2x_2 + b_3x_3 + \varepsilon.$$

В качестве зависимой переменной (у) выступил общий коэффициент рождаемости — число родившихся на 1000 человек населения. Независимые переменные включали:

x_1 — реальные располагаемые денежные доходы населения, в % к предыдущему периоду;

x_2 — уровень занятости женщин в возрасте 20-49 лет, имеющих детей дошкольного возраста (%);

x_3 — уровень безработицы населения в возрасте 15-72 лет.

Таблица 3. Динамика показателей рождаемости и влияющих факторов в РФ (2013-2023 гг.) [2]

i	y	x_1	x_2	x_3
2013	13,2	104,0	69,8	5,5
2014	13,4	100,9	64,0	5,2
2015	13,2	101,9	64,0	5,6
2016	12,8	100,3	64,9	5,5
2017	11,4	101,3	65,8	5,2
2018	10,9	101,2	67,1	4,8
2019	10,0	102,2	67,4	4,6
2020	9,7	101,3	65,8	5,8
2021	9,5	101,7	67,7	4,8
2022	8,9	103,1	68,2	4,0
2023	8,6	103,1	68,3	3,2

В процессе расчетов было получено уравнение регрессии:

$$y_x = -36,0172 + 0,7234x_1 - 0,5111x_2 + 1,5031x_3.$$

Коэффициент при x_1 положителен, что соответствует теоретическим представлениям: рост реальных располагаемых доходов населения способствует повышению рождаемости. При увеличении доходов на 1 п.п. рождаемость возрастает в среднем на 0,72 единицы.

Коэффициент при x_2 имеет отрицательный знак, это объясняется эффектом конкуренции между репродуктивной и профессиональной занятостью женщин. Высокий уровень профессиональной занятости женщин с детьми дошкольного возраста означает сокращение времени и ресурсов, необходимых для воспитания детей, ограничивает возможность рождения последующих детей.

Коэффициент при x_3 положителен, при прочих равных условиях, увеличение уровня безработицы на 1% ведет к увеличению общего коэффициента рождаемости примерно на 1,5031 единицы.

Тесноту совместного влияния факторов на результат оценивает индекс множественной корреляции.

$$R = \sqrt{\sum r_{yx_i} \beta_{yx_i}} = \sqrt{r_{yx1} \beta_{yx1} + r_{yx2} \beta_{yx2} + r_{yx3} \beta_{yx3}}.$$

$$R = \sqrt{(-0,268) * 0,434 + (-0,496) * (-0,523) + 0,702 * 0,632} = \sqrt{0,587} = 0,7663.$$

Связь между признаком y и факторами x_i сильная. Согласно шкалам интерпретации, значения от 0,7 до 0,9 считаются показателями сильной линейной связи. Это означает, что существует выраженная тенденция к тому, что y изменяется по мере одновременного изменения x_1, x_2, x_3 .

Коэффициент детерминации $R^2 = 0,7663^2 = 0,5872$.

Индекс множественной корреляции ($R = 0,7663$) свидетельствует о сильной тесноте совместного влияния исследуемых факторов на рождаемость, а коэффициент детерминации ($R^2 = 0,5872$) показывает, что около 59% вариации общего коэффициента рождаемости в РФ за период 2013-2023 гг. объясняется изменением реальных располагаемых денежных доходов, уровня занятости женщин с детьми дошкольного возраста и уровня безработицы. Оставшиеся 41% вариации рождаемости обусловлены другими, неучтенными в модели факторами, такими как изменения в законодательстве, доступность жилья, культурные установки, медицинские технологии и т.д.

Анализ динамики рождаемости в РФ за период 2013-2023 гг. показывает устойчивую тенденцию к снижению общего коэффициента рождаемости. Исследование подтвердило, что на уровень рождаемости оказывают комплексное влияние экономические факторы, включая доходы и безработицу, социальные факторы, такие как занятость женщин, а также институциональные факторы.

Для стабилизации и дальнейшего роста рождаемости необходимо комплексное совершенствование существующих мер государственной поддержки, а также учет и возможное стимулирование социально-экономических тенденций.

Библиографический список

1. Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М.: ТЕИС, 2006. 399 с.
2. Данные по динамике рождаемости и влияющим факторам в РФ за период 2013–2023 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 06.03.2026).

УДК 338.48

Влияние туризма на экологию и устойчивое развитие территорий

Забелина А.С.

*Научный руководитель: Колесов Р.В., канд. экон. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Туризм является одной из значимых отраслей современной экономики и оказывает существенное влияние на развитие территорий. Туристическая деятельность связана с перемещением людей с целью отдыха, знакомства с другими культурами, занятий спортом или оздоровления.

Развитие туристической сферы способствует созданию новых рабочих мест, притоку инвестиций и совершенствованию инфраструктуры регионов. Это объясняется тем, что туристская деятельность активизирует предприятия, ориентированные на обслуживание путешественников, привлекает капитал в территории с высоким рекреационным потенциалом и требует развития инфраструктуры [3].

В то же время интенсивный рост туристических потоков может оказывать заметное воздействие на состояние окружающей среды. В условиях увеличения количества путешественников особую значимость приобретает проблема обеспечения устойчивого развития туризма и сохранения природных ресурсов.

Несмотря на очевидные экономические преимущества, туристическая деятельность способна негативно отражаться на экологическом состоянии территорий. Рост числа посетителей усиливает нагрузку на природные экосистемы. Одной из наиболее серьезных проблем становится чрезмерное использование природных ресурсов. Массовый туризм может приводить к следующим негативным последствиям:

- перегрузка природных экосистем. Значительные потоки туристов сосредотачиваются в ограниченном числе популярных локаций, что приводит к повышенному антропогенному давлению на природные комплексы;

- истощение ресурсов. Посетители активно потребляют воду, электроэнергию и продукты питания, что особенно ощутимо в регионах с ограниченными ресурсными возможностями;

- загрязнение окружающей среды. Отходы, оставляемые туристами, включая пластиковые изделия, стекло и другие материалы, могут загрязнять почву и водные объекты;

- шумовое воздействие. Повышенный уровень шума негативно влияет на животных и нарушает естественные условия их обитания, особенно в местах, где представители фауны чувствительны к изменениям окружающей среды;

- эрозия почвы и повреждение туристических троп. Интенсивное передвижение посетителей по маршрутам способствует разрушению почвенного покрова, изменяет естественный рельеф и может приводить к дополнительному загрязнению водных систем;

- нарушение местной флоры и фауны. Чрезмерное туристическое присутствие способно вмешиваться в естественные процессы экосистем, включая периоды размножения и гнездования животных, что в долгосрочной перспективе может привести к сокращению численности отдельных видов и нарушению экологического равновесия региона.

Кроме того, неконтролируемое развитие туристической деятельности может нарушать природные процессы в экосистемах и приводить к исчезновению отдельных видов флоры и фауны. В связи с этим становится необходимым рациональное регулирование туристической деятельности и развитие экологически ответственного туризма.

Одним из направлений решения экологических проблем является развитие экологического туризма. Данный вид туризма ориентирован на бережное отношение к природе и предполагает минимизацию негативного воздействия на окружающую среду. В последние годы всё большую популярность приобретает агротуризм. Это направление позволяет туристам отдыхать на сельских территориях, знакомиться с природой, традициями и культурой местного населения. Агротуризм привлекает людей, желающих отдохнуть от городской суеты и погрузиться в природную среду.

Развитие экологического туризма способствует сохранению природных ресурсов, формированию экологической культуры у туристов и поддержке устойчивого развития территорий. В качестве примера

территории, обладающей значительным потенциалом для развития экологического туризма, можно рассмотреть Республику Алтай.

Республика Алтай предлагает возможности для экологического туризма — формы устойчивого туризма, сфокусированной на посещениях относительно нетронутых природных территорий. Регион обладает условиями для развития экотуризма: около 22% площади республики занимают особо охраняемые природные территории (заповедники, заказники, природные парки и многочисленные памятники природы). В 1998 году ряд объектов, таких как гора Белуха, плоскогорье Укок, Телецкое озеро и заповедники, были включены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО [1].

Кроме того, подобная ситуация наблюдается и на других уникальных природных территориях России. Одним из наиболее известных примеров является озеро Байкал, которое ежегодно привлекает значительное количество туристов. На Байкале и в его окрестностях есть направления экологического туризма — экотуризма, который предполагает посещение мест с относительно нетронутой природой, путешествие по местностям, сохранившим первозданный вид, посещение памятников природы [4]. Особенность экотуризма — минимальное и контролируемое воздействие на природу. Туристы стремятся получить экологические знания, извлечь из путешествия представление о природных и этнографических особенностях местности, максимально слиться с природой и при этом не допустить серьёзного вмешательства в целостность экосистемы.

Сейчас проблема экологической нагрузки на национальные парки России актуальна, так как увеличение туристического потока может привести к загрязнению, деградации почвы, разрушению биоразнообразия растительного и животного мира. Рассмотрим некоторые меры, которые могут помочь регулировать туристические потоки и сохранять природные ресурсы:

- ограничение доступа. Можно устанавливать квоты на число посетителей в определённое время, вводить плату за вход;
- создание экотроп. Организованная тропа с установленными местами для сбора мусора, лавочками и возможностью перекусить в конце пешего похода окажет лучшее влияние на природу, чем нерегулируемое её посещение;
- использование искусственного интеллекта. Он позволит точно прогнозировать и управлять нагрузкой на экологически важных участках. С помощью алгоритмов машинного обучения можно оптимизировать маршруты, распределять их равномерно и предотвращать перегрузку на популярных экообъектах [2];

- разработка единой федеральной методики. Она должна включать стандартизированные показатели, инструменты сбора данных и порядок их анализа, а также обязательства по внедрению систем мониторинга на всех федеральных и региональных национальных парках.

Таким образом, туризм оказывает как положительное, так и отрицательное влияние на развитие территорий. С одной стороны, он способствует экономическому росту регионов и развитию инфраструктуры. С другой стороны, увеличение туристических потоков может приводить к ухудшению экологической ситуации и истощению природных ресурсов.

В этих условиях особое значение приобретает развитие устойчивого туризма, который предполагает рациональное использование природных ресурсов, сохранение биоразнообразия и ответственное отношение к окружающей среде. Реализация данных принципов позволит обеспечить гармоничное развитие туристической отрасли и сохранение природного наследия территорий.

Библиографический список

1. Воробьева Е.Е. Экологический туризм в республике Алтай // Вестник науки. 2025. № 6 (87).
2. Как туризм влияет на социальное и экономическое развитие регионов [Электронный ресурс]. URL: <https://cspo.ru/articles/turizm-i-gostepriimstvo/kak-turizm-vliyaet-na-socialnoe-i-ekonomicheskoe-razvitie-regionov/?ysclid=mmt02qtke669665021>.
3. Статья из Дзена [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/ZsK7IxxCd0ekYAMg>.
4. Трухачев А. Туризм: введение в туризм [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/book/aleksandr-truhachev/turizm-vvedenie-v-turizm-12236009/chitat-onlayn/>.

УДК 316.4

Цифровая социализация студентов: противоречия между образовательными практиками и требованиями рынка труда

Закиров А.М.

*Научный руководитель: Ефлова М.Ю., д-р социол. наук, профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Цифровая социализация студенческой молодежи стала одним из ключевых факторов профессионального становления в условиях цифровой

трансформации общества. Цифровая среда сегодня выступает не только пространством коммуникации, но и средой усвоения норм, моделей поведения, способов поиска информации и профессионального самоопределения. При этом включенность студентов в цифровые практики сама по себе еще не означает готовности к эффективной профессиональной деятельности в условиях меняющегося рынка труда. В современной литературе подчеркивается, что цифровая социализация влияет на повседневные практики, идентичность и образовательные траектории молодежи, но ее результаты зависят от качества формируемых компетенций и характера цифровой среды [1; 2].

Содержательно цифровая социализация студентов проявляется в нескольких взаимосвязанных направлениях: когнитивном, коммуникативном и идентификационном. В когнитивном измерении она связана с формированием навыков поиска, отбора, проверки и интерпретации информации; в коммуникативном — с включением в сетевые формы взаимодействия, совместной деятельности и профессиональных сообществ; в идентификационном — с трансформацией самопрезентации, самооценки и профессионального образа будущего [1]. Однако в реальной образовательной практике эти измерения развиваются неравномерно: наиболее быстро расширяются коммуникативные и потребительские цифровые практики, тогда как аналитические, критические и безопасностные компоненты нередко формируются слабее [2; 3].

В этой связи цифровую компетентность целесообразно рассматривать не как совокупность отдельных технических навыков, а как многокомпонентное образование, включающее технологический, когнитивный, коммуникативный и безопасностный компоненты. Такой подход позволяет точнее оценить, насколько цифровая активность студентов может быть конвертирована в профессионально значимый ресурс. Исследователи справедливо указывают, что владение цифровыми сервисами без развитого критического мышления, навыков верификации информации и ответственного поведения в цифровой среде не обеспечивает устойчивой адаптации к современной занятости [2; 3; 4]. Рассмотрим направления цифровой социализации студентов (табл. 1).

Как видно из таблицы 1, цифровая социализация имеет прямое отношение к профессиональной адаптации, однако ее результативность определяется не интенсивностью использования цифровых технологий как таковой, а качеством осваиваемых практик. Здесь возникает ключевое противоречие: студенты активно присутствуют в цифровой среде, но значительная часть этой активности сосредоточена в сфере коммуникации,

развлечения и фрагментарного потребления контента. Между тем рынок труда предъявляет спрос на иные качества: способность к непрерывному обучению, работе с данными, участию в цифровых командах, осмысленному использованию платформенных и информационных ресурсов [3; 5].

Таблица 1. Направления цифровой социализации студентов и их значение для профессиональной адаптации

Направление	Содержание	Профессионально значимый результат
Когнитивное	Поиск, отбор, проверка и интерпретация информации	Способность работать с информационными потоками, принимать обоснованные решения
Коммуникативное	Сетевое взаимодействие, участие в цифровых сообществах, совместная работа	Навыки коллаборации, проектной деятельности, профессиональной коммуникации
Идентификационное	Самопрезентация, цифровой образ, профессиональное самоопределение	Формирование профессиональной идентичности и стратегии карьерного позиционирования
Безопасностное	Защита данных, цифровая гигиена, оценка рисков	Снижение уязвимости и повышение устойчивости в цифровой среде

Проблема усугубляется тем, что в восприятии самих студентов цифровизация труда оценивается неоднозначно. С одной стороны, она ассоциируется с новыми карьерными возможностями, гибкостью занятости и расширением каналов самореализации; с другой — с ростом нестабильности, усложнением требований работодателей и необходимостью постоянного обновления компетенций [4; 5]. Отсюда следует, что цифровая социализация не должна рассматриваться как стихийный и самодостаточный процесс: без педагогической и институциональной настройки она не устраняет, а иногда даже усиливает разрыв между образовательной средой и профессиональными требованиями. Рассмотрим основные противоречия цифровой социализации студентов (табл. 2).

Как показывает таблица 2, центральной проблемой является разрыв между повседневной цифровой включенностью и профессионально значимой цифровой компетентностью. Именно поэтому в образовательной политике вуза необходимо сместить акцент с формального внедрения цифровых сервисов на развитие продуктивной цифровой социализации. Речь идет о такой организации образовательной среды, при которой цифровые инструменты становятся средством решения учебных, исследовательских и профессионально ориентированных задач, а не только каналом доступа к контенту [2; 3].

Таблица 2. Основные противоречия цифровой социализации студентов и направления их преодоления

Выявленное противоречие	Проявление	Направление преодоления
Высокая цифровая активность при недостатке профессиональных цифровых навыков	Уверенное пользование платформами сочетается со слабой аналитической подготовкой	Интеграция цифровых задач в профильные дисциплины
Преобладание потребительских и коммуникативных практик	Цифровая среда используется главным образом для общения и потребления контента	Развитие проектной, исследовательской и практико-ориентированной работы
Формальное владение инструментами без критической оценки информации	Отсутствие устойчивых навыков верификации и интерпретации данных	Усиление подготовки по цифровой грамотности и критическому мышлению
Несоответствие вузовской подготовки запросам рынка труда	Освоенные в обучении сервисы не всегда связаны с реальными трудовыми функциями	Сближение образовательных программ с практикой работодателей

Таким образом, цифровая социализация студентов представляет собой сложный социально-образовательный процесс, который непосредственно влияет на качество профессиональной адаптации молодежи. Ее эффективность определяется не степенью технологической насыщенности повседневной жизни, а способностью образовательной среды переводить цифровую активность студентов в устойчивые компетенции, востребованные рынком труда. В условиях цифровой экономики конкурентоспособность выпускника все в большей степени зависит от того, насколько успешно вуз обеспечивает переход от спонтанного цифрового опыта к осмысленной, критической и профессионально ориентированной модели цифрового поведения [1; 4; 5].

Библиографический список

1. Закиров А.М. Цифровая социализация студенческой молодежи в России: тенденции, риски и стратегии адаптации в образовании и на рынке труда // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2.
2. Кальницкая И.В., Максимочкина О.В. Модель цифровой компетенции студентов // Проблемы современного образования. 2022. № 4.
3. Салганова Е.И., Осипова Л.Б. Цифровая грамотность студентов: компетентностный подход // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16. № 1.
4. Ермолаева С.Г. Влияние цифровизации на рынок труда: мнение студентов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 2 (65).

5. Зинич А.В. Молодежь на рынке труда: влияние цифровизации и неопределенности мира профессий // Society and Security Insights. 2023.

УДК 343.541.2; 343.988

Общественное восприятие актуальных проблем реинтеграции осужденных в Республике Беларусь

Зданович В.С.

*Научный руководитель: Катушонок О.В., магистр юрид. наук
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой*

Исследование вопросов ресоциализации осужденных в настоящее время представляется весьма актуальным. В первую очередь, ресоциализация – это основной инструмент снижения уровня рецидивной преступности, что напрямую повышает безопасность общества. По данным Национального статистического комитета Республике Беларусь каждое третье лица, совершившее преступление, ранее судимо (на протяжении последних трех лет удельных вес таких лиц – 31,7%) [1].

Социальная значимость ресоциализации заключается и в восстановлении у бывшего осужденного связей с семьей и обществом, предотвращая их дальнейшую маргинализацию. С точки зрения экономики, выгоднее помочь человеку стать налогоплательщиком, чем нести постоянные расходы на его повторное помещение в исправительное учреждение (далее – ИУ) для отбывания наказания.

Социализация лица происходит под влиянием общества или его отдельных групп. На протяжении этого процесса индивид получает и усваивает социальные нормы и культурные ценности того общества, в котором он находится. По сути, когда осужденному, привыкшему к уже устоявшемуся образу жизни в условиях отбывания наказания и принявшему достаточную часть соответствующих социальных установок и норм, приходится внедряться в общество за пределами ИУ происходит внутренний конфликт. Этот конфликт может проявляться в противоречиях между личными убеждениями и новыми социальными требованиями и ожиданиями. Процесс адаптации зачастую приводит к состоянию фрустрации, при котором человеку трудно принять новые нормы и адаптироваться к ним. Фрустрация возникает, когда стремления и ожидания индивида не совпадают с реальностью, и это приводит к чувству неудовлетворенности.

Однако не только внутриличностные конфликты способны оказывать

негативное влияние на ресоциализацию лица. Как бы не было парадоксально, но барьером перед интеграцией в общество для осужденного является само общество. В этих обстоятельствах наиболее ярко выделяется нравственный атрибут уголовного наказания: порицание совершенного деяния и самого лица со стороны общества. В своей диссертации Е.Э. Попова указывает, что «восприятие осуждённым уголовного наказания не только как меры государственного принуждения, но и как отрицательной оценки его поведения со стороны общества через общественное мнение, заставляет его понять, что преступное поведение отторгается обществом, не принимается им и, следовательно, такое поведение со стороны осуждённого лишено будущего» [2, с. 125]. И, с одной стороны, это осуждение должно служить неким мотиватором для осужденных не совершать более общественно опасных деяний, но, с другой стороны, постоянное порицание и вовсе не будет приносить никакой пользы.

Под влиянием постоянного отождествления осужденного с «плохим человеком», лицо будет подвергаться состоянию вышеупомянутой фрустрации с еще большей скоростью. Постоянное пребывание лица в состоянии самоуничтожения, пустоты и нежелании доказывать обратное – вся эта совокупность рано или поздно способна подтолкнуть человека повысить свой статус в обществе совершением нового преступления, путем совершения более легкого, на его взгляд, привычного поступка. Интересно, что при таких обстоятельствах отражается концепция теории аномии. В контексте ресоциализации осужденных эта теория наиболее полно отражалась Р. Мертоном. Он отмечает: «Именно когда система культурных ценностей превозносит до небес, ставит буквально выше всего некоторые общие цели успеха и навязывает их всему населению в целом, в то время как социальная структура жёстко ограничивает или полностью перекрывает для значительной части того же самого населения доступ к одобряемым способам достижения этих целей, – именно тогда принимает широкие масштабы девиантное поведение» [3, с. 263].

Навешивание ярлыков на освобожденное лицо, как уже отмечалось, увеличивает риск рецидивности. Индивиду в таких условиях невозможно восстановить свой социальный статус и реабилитировать межличностные отношения.

Нами было проведено социологическое исследование, основной целью которого являлось выявление общественного восприятия актуальных проблем ресоциализации осужденных: деструктивного влияния пенитенциарной среды, трудностей, возникающих после освобождения (ostracism и стигматизация со стороны общества, затруднения с

трудоустройством, утрата социально полезных связей и т.д.), оценки потенциальной эффективности мер социальной адаптации. В качестве респондентов выступили студенты ВУЗов Республики Беларусь, обучающиеся средних школ, работники различных сфер деятельности. Всего в опросе приняло участие 159 человек.

Полученные результаты позволяют не только оценить степень информированности общества по проблемным вопросам ресоциализации осужденных, но и провести содержательную проверку рабочих гипотез.

В ряде вопросов фокус был смещен с анализа личности, прошедшей через деформацию во время отбывания наказания в ИУ, на общество, в которое эта личность возвращается. Поставленная нами гипотеза постулирует, что риск возврата к преступной деятельности детерминирован не столько личными качествами освободившегося, сколько комплексом взаимосвязанных препятствий, с которыми он сталкивается сразу после выхода на свободу. Наиболее критичными среди них предполагаются экономические (дискриминация на рынке труда) и социально-психологические (стигматизация, разрыв социальных связей).

Результаты анкетирования предоставляют исчерпывающее подтверждение выдвинутой гипотезы, наглядно демонстрируя наличие указанных барьеров. Доминирующей трудностью, с которой, по мнению респондентов, сталкиваются освободившиеся, является «клеимирование со стороны общества». Это отметили 83,3% опрошенных (132 человека), что делает данный фактор абсолютным лидером в перечне проблем. Данный факт является прямым эмпирическим свидетельством действия теории навешивания ярлыков, согласно которой, отношение к индивиду как к девианту создает ролевые ожидания, предполагающие нарушение норм. Ярлык «бывшего осужденного» становится «мастер-статусом», который переопределяет все другие социальные роли человека, формируя у окружающих устойчивое предубеждение и недоверие, блокируя тем самым возможности для социального принятия и интеграции.

Неразрывно с социально-психологическим барьером связан барьер экономический. «Затруднения в трудоустройстве» были названы 76,2% респондентов как одна из наиболее серьезных жизненных трудностей.

При этом пессимистичные оценки самих респондентов относительно шансов на трудоустройство лишь подкрепляют этот вывод: 54,7% (87 человек) оценивают эти шансы всего в 25%. Такая оценка указывает не на случайные сложности, а на глубоко укоренившуюся системную дискриминацию на рынке труда, где наличие судимости становится барьером к трудоустройству. При приеме на работу работодатель скорее отдаст предпочтение в сторону несудимого кандидата. Конечно,

наимателя можно понять, ведь сложно гарантировать то, что бывший осужденный не совершит нового общественно опасного деяния.

Более того, указанные барьеры усиливаются и дополняются «возможным отсутствием близких родственников/друзей или их недоверием» (50%, 80 человек). Это констатирует деформацию социальных связей – ключевого защитного фактора против рецидива. Согласно теории социальных связей Трэвиса Хирши, девиантное поведение предотвращается путем взаимодействия четырех элементов: привязанностью, а равно близкими взаимоотношениями с людьми, приверженностью социальным нормам морали, вовлеченностью, отчего у индивида попросту отсутствует время на совершение или осмысливание девиантных поступков, и убежденностью в нормы морали.

Представленные данные формируют картину взаимосвязанного и взаимоусиливающегося комплекса проблем. Стигматизация со стороны общества лишает человека социальной идентичности, поддержки и веры в его исправление, одновременно напрямую затрудняя его трудоустройство. Невозможность найти легальную работу, в свою очередь, лишает осужденного экономической основы существования, социального статуса и, в какой-то степени, самоуважения, что углубляет психологический кризис и изоляцию. Этот замкнутый круг, выявленный в ходе опроса, является классической иллюстрацией системного характера барьеров и подтверждает гипотезу о том, что именно они, а не «порочная натура» индивида, становятся ключевой детерминантой рецидивной преступности.

На основании проведенного исследования можно констатировать, что главные детерминанты рецидивной преступности имеют не столько индивидуально-личностную, сколько социально-структурную природу. Клеймирование со стороны общества и дискриминации на рынке труда образуют для бывшего осужденного так называемую «ловушку исключенности». Лишенный социального признания и легальных возможностей для создания «экономической подушки безопасности», лицо оказывается перед риском возврата к преступной деятельности как единственной доступной и привычной стратегии получения финансов. Данный вывод смещает фокус профилактики рецидива с работы исключительно с личностью осужденного на необходимость трансформации социальных институтов и общественных отношений.

Библиографический список

1. Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации [Электронный ресурс]. URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/rubric-info/10620>.

2. Попова Е.Э. Общественное воздействие как основное средство исправления осужденных: теория, законодательство, практика: дисс. ... на уч. степ. докт. юр. наук: 12.00.08; ЧОУ ВО «Междун. юридич. институт». М., 2021. 701 с.

3. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ–Хранитель, 2006. 872 с.

УДК 504.03

Кадровый дефицит экологов в Ярославской области: анализ ключевых проблем

Иващенко П.И.

Научный руководитель: Мильто А.В., канд. ист. наук

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В Ярославской области современная экологическая ситуация требует незамедлительного вмешательства квалифицированных специалистов. На сегодняшний день регион испытывает острую нехватку около 50 профессионалов в области экологии, что создает серьезную угрозу для устойчивого развития и сохранения природных ресурсов. Данный кадровый дефицит отражает глубокие структурные проблемы в подготовке и удержании экологов, что сказывается на общем состоянии окружающей среды региона [1].

Ярославская область является динамично развивающимся индустриальным центром Центральной России. Рост промышленного производства и расширение урбанизированных территорий сопровождаются возрастающим давлением на природную среду. Климатические изменения в последние десятилетия приводят к новым вызовам, требующим специализированных знаний и компетенций экологов. На предприятиях, включая такие значимые объекты, как Ярославский химический завод, отмечается отток кадров и недостаточная подготовка молодых специалистов, что усугубляет кадровый вакуум и снижает эффективность экологического контроля.

Анализ рынка труда свидетельствует о стабильном повышении спроса на экологов со стороны промышленных предприятий и государственных структур. Например, в 2023 году Ярославский завод «Синтез» объявил о необходимости привлечения 10 новых экологов для улучшения мониторинга и обеспечения соответствия экологическим нормам. Тем

временем предложение специалистов ежегодно сокращается примерно на 5%, что приводит к усилению дефицита квалифицированных кадров и ставит под угрозу экологическую безопасность региона.

Статистика показывает, что количество выпускников экологических направлений значительно отстает от потребностей региона. В 2023 году число выпускников составило лишь примерно треть от требуемого количества специалистов, что указывает на системные проблемы в образовательной сфере и демотивирующее влияние недостатка карьерных перспектив. Данный дисбаланс ведет к хронизации кадрового дефицита и необходимости срочных мер по развитию профильного образования и поддержке студентов [1].

Дефицит экологов наиболее остро проявляется на крупных промышленных площадках, где экологический риск особенно высок. Так, Ярославский химический завод сталкивается с нехваткой специалистов для контроля качества выбросов и обеспечения нормативных требований, что может привести к экологическим авариям. Водохранилища и водные объекты региона страдают из-за отсутствия сезонного мониторинга и анализа состояния водных экосистем, а лесохозяйственные предприятия испытывают трудности в реализации программ лесовосстановления и защиты биологических ресурсов.

Снижение престижа профессии эколога среди молодежи существенно ограничивает приток новых специалистов в отрасль. Многие молодые люди воспринимают экологию как менее перспективное направление в сравнении с другими техническими или IT-специальностями. Кроме того, недостаток тесного взаимодействия между высшими учебными заведениями и промышленными предприятиями снижает качество практической подготовки, что негативно сказывается на компетентности выпускников. Миграция молодых экологов в крупные мегаполисы, такие как Москва и Санкт-Петербург, обусловлена дефицитом карьерных возможностей и недостаточным финансированием экологических программ в регионе, что приводит к утечке талантов и потере потенциала [2].

Крупные промышленные объекты Ярославской области оказывают значительное влияние на формирование спроса в секторе экологии. Заводы и химические предприятия требуют постоянного мониторинга выбросов и внедрения мер по снижению загрязнения. В связи с этим растет потребность в специалистах, способных обеспечивать соответствие экологическим стандартам и внедрять инновационные технологии контроля. Однако при отсутствующем или слабом взаимодействии с образовательными учреждениями возникает разрыв между теоретической

подготовкой и требованиями производства, что усугубляет дефицит кадров [3].

Современная кадровая структура в экологической сфере региона характеризуется доминированием представителей старших возрастных групп, тогда как доля молодых специалистов не превышает четверти. Это приводит к снижению инновационного потенциала и ограничивает адаптивность управления экосистемами. Меньшая представленность молодых кадров затрудняет обновление профессионального сообщества и внедрение современных методов работы, усиливая риски деградации экологического контроля и устойчивого развития.

Для исправления ситуации необходимо внедрять комплексные меры. Организация мастер-классов и стажировок в вузах способствует формированию интереса студентов к реальным профессиональным задачам и развитию практических навыков. Партнерство с промышленными и экологическими предприятиями обеспечивает площадки для практической подготовки и обмена опытом. Использование социальных платформ в целях популяризации профессии способствует формированию активного сообщества молодых специалистов. Проведение научно-практических конференций укрепляет взаимодействие между образованием и отраслью, создавая возможности для обсуждения актуальных проблем и инновационных подходов.

Решение проблемы дефицита экологов требует комплексного подхода, который включает повышение престижа профессии через общественное признание и информационные кампании, развитие практического образования с усилением взаимодействия вузов и промышленных предприятий, поддержку и мотивацию молодых кадров, а также значительное увеличение финансирования отрасли. Такая стратегия обеспечит баланс между экологическим контролем и промышленным развитием, способствуя устойчивому развитию Ярославской области и сохранению природного наследия для будущих поколений.

Библиографический список

1. Доклад о результатах деятельности министерства образования Ярославской области, итогах 2024 года и перспективах развития системы образования в 2025 году [Электронный ресурс]. URL: https://portal.yarregion.ru/deptsdobr/doc/section.php?section_code=doklady&showall_1=1.
2. Бураева Е.В. Аграрное образование: место и роль в кадровом обеспечении АПК // Вестник ОрелГАУ. 2017. № 6 (69) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agrarnoe-obrazovanie-mesto-i-rol-v-kadrovom-obespechenii-apk>.

3. Куприянова М.Ю., Шаронова Е.Г., Арестова И.Ю. Об экологическом образовании в дискурсе концепции устойчивого развития (из опыта педагогического вуза) // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2021. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-ekologicheskom-obrazovanii-v-diskurse-kontseptsii-ustoychivogo-razvitiya-iz-opyta-pedagogicheskogo-vuza>.

УДК 378.1

Модель формирования эмоционально-волевой устойчивости студентов вузов

Киселева Е.М.

*Научный руководитель: Кислов В.Р., канд. пед. наук
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Подготовка высококвалифицированных специалистов является фундаментом развития системы высшего образования Российской Федерации и занимает важное место в научно-образовательной деятельности государства. Несомненно, повышение мотивации, ответственности и профессионализма студентов на сегодняшний день является актуальной задачей, стоящей перед преподавателями и обучающимися, поскольку требования к уровню подготовки выпускников постоянно растут, а образовательная среда и профессиональные задачи совершенствуются и усложняются.

Многочисленные исследования, посвященные прагматическо-профессиональным аспектам подготовки студентов высших учебных заведений, и недостаточная разработанность проблемы становления их эмоционально-волевой устойчивости порождают противоречие между необходимостью формирования данного качества и отсутствием достаточной теоретической базы, а также потребностью профессорско-преподавательского состава вузов в научно-методическом обеспечении этого процесса.

Целью рассмотрения данной темы является изучение сущности эмоционально-волевой устойчивости, выявление её основных характеристик и структуры, а также определение способов её развития и эффективного применения в учебной деятельности студентов.

Существуют различные точки зрения на содержание понятия «эмоционально-волевая устойчивость». Так, Л.М. Аболин считает, что

«это свойство, характеризующее индивида в процессе напряженной деятельности, отдельные эмоционально-волевые компоненты которого, гармонически взаимодействуя между собой, способствуют успешному достижению поставленной цели» [1, с. 36]. В.М. Писаренко утверждает, что под эмоционально-волевой устойчивостью следует понимать «ее способность отвечать на напряженные ситуации таким изменением эмоционального состояния, которое приведет не к уменьшению, а к увеличению работоспособности» [4, с. 51]. Автор убежден, что «в основе крепкой эмоционально-волевой устойчивости находится высокая степень автоматизации и большой запас профессиональных навыков, базирующихся на разнообразной физической подготовленности» [4, с. 54]. Е.А. Милерян указывает, что под эмоционально-волевой устойчивостью следует понимать, «с одной стороны, невосприимчивость к эмоциональным факторам, оказывающим отрицательное влияние на психическое состояние человека, а с другой – способность контролировать и сдерживать свое поведение в напряженной обстановке». Исследователь связывает эмоциональную устойчивость «с проявлением волевых качеств личности, способностью сознательно управлять возникающими эмоциями». К.К. Платонов определил эмоционально-волевою устойчивость как «способность управлять своими эмоциями, сохранять высокую профессиональную работоспособность, осуществлять сложную и опасную деятельность без напряженности, несмотря на эмоциогенные воздействия» [5, с. 170–171]. Среди зарубежных авторов проблемой эмоциональной устойчивости занимался американский психолог Дж. Гилфорд, который рассматривал ее как преобладание процессов торможения над процессами возбуждения, а эмоциональную неустойчивость как характеризующуюся пессимистичностью, легкой возбудимостью и колебанием настроения.

Вслед за Л.М. Аболиным мы подразумеваем под эмоционально-волевой устойчивостью, включающей в себя ценностные ориентации, эмоциональные характеристики, систему волевых качеств и морально-психологическую готовность к преодолению учебных и жизненных трудностей, свойство личности, позволяющее контролировать проявление эмоций и адекватно действовать в напряжённых эмоциональных ситуациях, связанных с учебной деятельностью студентов. Будучи дополненной комплексом необходимых когнитивных и волевых качеств, эмоционально-волевая устойчивость способствует успешному освоению учебного материала, преодолению учебных трудностей и эффективной учебной деятельности студентов.

Методологической основой формирования эмоционально-волевой устойчивости выступают самостоятельная деятельность и рефлексия, согласно рефлексивно-деятельностному подходу, разработанному ярославской педагогической школой (Л.В. Байбородова, Т.Н. Гущина, М.И. Рожков, А.П. Чернявская и др.). Современная педагогика изучает обучающегося как субъекта – «высшую системную целостность человека» [2, с. 24]. Субъектность как интегративная сущностная характеристика личности проявляется прежде всего в активности, рефлексии и осознанности ценностных ориентаций [3, с. 17]. Объединение данных качеств в структуру субъекта обеспечивает его целостность. При рефлексивно-деятельном подходе действие является средством и решающим условием развития личности, так как без активного участия самого субъекта деятельности будет трудно организовать рефлекссию опыта и прогнозировать будущее. Развитие субъектности обучающегося принято рассматривать в системном взаимодействии педагогов и обучающихся. По мнению Т.Н. Гущиной, «подобное взаимодействие будет направлено на создание педагогических условий для выражения внутренних побуждений обучающегося к пониманию собственных возможностей и к дальнейшей эффективной деятельности. Идея поддержки и уникальности каждой личности трансформировалась в идею педагогического сопровождения, которая в настоящее время приобрела системный характер» [3, с. 20–21]. Такой подход, без всякого сомнения, должен способствовать формированию эмоционально-волевой устойчивости студентов высших учебных заведений, поскольку активизирует не только образовательный, но и мотивационный и коммуникативный потенциалы будущих специалистов.

К основным условиям эффективности формирования эмоционально-волевой устойчивости относятся: целенаправленное развитие и ежегодный мониторинг у студентов вуза ценностных ориентаций, мотивационной сферы и социально-психологического климата в коллективе и учебных группах; насыщение образовательной среды вуза целевыми программами и методическими разработками по профессионально-психологической подготовке студентов, различными тренингами эмоционально-волевой саморегуляции, авторскими методиками подготовки и проведения учебных занятий по формированию структурно-функциональных компонентов эмоционально-волевой устойчивости в учебном процессе.

Формирование эмоционально-волевой устойчивости студентов включает несколько ключевых этапов:

1. Аналитико-диагностический – представляет собой исследование, сбор, обработку и анализ информации, диагностику уровня

сформированности и развития эмоционально-волевой устойчивости по следующим методикам: 1. Диагностика уровня личной готовности к риску (RSK Шуберта). 2. Опросник «Уровень субъективного контроля» Джулиана Роттера. 3. Методика «Ценностные ориентации» (М. Рокич). 4. Методика комплексной визуальной диагностики волевых типов. 5. Опросник для самооценки настойчивости (Е.П. Ильин, Е.К. Фещенко и др.).

2. Этап осознания ценностей и целей формирования эмоционально-волевой устойчивости студентов – представляет собой формирование педагогом у студентов базовых знаний об эмоционально-волевой устойчивости и системе характеристик личности, а студент должен овладеть базовыми знаниями, а также начать рефлексию своего эмоционального состояния и волевых качеств личности.

3. Практическая деятельность по формированию эмоционально-волевой устойчивости курсантов – студенты демонстрируют навык индивидуального и группового анализа и осмысления сущности понятий «ценностные ориентации», «эмоциональные характеристики» и др.

4. Аналитико-коррекционный – представляет собой контроль преподавателей над теоретическими и операционными знаниями об эмоционально-волевой устойчивости, а также стимуляцию развития данного качества.

Таким образом, формирование эмоционально-волевой устойчивости студентов вуза представляет собой целостную систему, направленную на развитие у обучающихся способности эффективно управлять своими эмоциями, сохранять внутреннюю устойчивость и проявлять волевые качества в условиях учебной и профессиональной деятельности. Реализация данной модели предполагает комплексное взаимодействие педагогических условий, методов и форм работы, ориентированных на развитие саморегуляции, ответственности, стрессоустойчивости и целеустремлённости студентов.

Библиографический список

1. Аболин Л.М. Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека. Казань: Издательство Казан. Унта, 1987. 264 с.

2. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2008. 406 с.

3. Гущина Т.Н. Педагогические основания развития субъектности старшеклассников в системе дополнительного образования: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических. М., 2013. 44 с.

4. Писаренко В.М. Устойчивость эмоционального состояния спортсмена в условиях соревнований / Пути достижения трудной цели в спорте: материалы по теории и методике психологической подготовки для тренеров и спортсменов / под общ. ред. В.А. Алаторцева, Л.В. Юрасова. М.: Физкультура и спорт, 1964. С. 51–68.

5. Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий. М.: Высшая школа, 1984. 227 с.

УДК 314

Демографическая ситуация в студенческой среде

Кислякова К.А.

*Научный руководитель: Кораблева О.Н., канд. хим. наук, доцент
Ярославский государственный технический университет*

Демографическая ситуация в России считается сложной, с 2015 года в стране наблюдается снижение всех демографических показателей: снижается рождаемость, стареет население, есть миграционные риски, что, несомненно, оказывает значительное негативное воздействие на социально-экономическое развитие регионов и государства в целом. В связи, с чем государством принимаются все возможные меры по сохранению населения и его приумножению, особенно это касается проведения демографической политики в части семьи, материнства и детства. В сложившейся ситуации молодёжь становится ключевой силой, решения которой относительно жизненного пути оказывают непосредственное воздействие на перспективы развития государства [1].

Если обратиться к официальной статистике, то можно увидеть, что численность населения России с 2020 по 2025 годы сократилась на 1,8 млн. человек, что подчёркивает серьёзность демографического вызова. Повышенный уровень смертности, в особенности в трудоспособных возрастных группах обуславливает отрицательные значения естественного прироста населения. Президент Владимир Путин заявил, что минимальный коэффициент рождаемости в России должен составлять 2,1 ребенка на одну женщину, что существенно превышает значение текущего коэффициента почти в 1,5 раза [5]. Параллельно отмечается отчётливая тенденция к более позднему заключению браков и рождению первенца. Среди молодёжи средний возраст вступления в первый брак все чаще переходит отметку в 25 лет, а появление первого малыша в семье в большинстве случаев откладывается до 27-28 лет, а также на более поздний

возраст. Несмотря на то, что подобная отсрочка родительства может быть объяснена желанием сначала построить карьеру и добиться профессиональной стабильности, она, в сочетании с низким уровнем рождаемости, усугубляет демографические проблемы в масштабах страны, что вызывает опасения о будущем нации [2; 3].

Сегодняшние студенты – это разноплановая в социальном и демографическом плане категория населения. Данные онлайн-исследования «Семья. Семейные ценности студенческой молодёжи» показывают, что, несмотря на существующие трудности, студенты демонстрируют оптимизм в отношении института семьи. Порядка 90% респондентов поддерживают идею брака, а 40% хотят завести двоих детей в будущем. Это свидетельствует о наличии выраженных планов по созданию семьи, однако их осуществление сопряжено с определёнными сложностями. Согласно полученным результатам, основным препятствием для заключения брака (порядка 45% опрошенных) назвали отсутствие подходящего человека. Это свидетельствует скорее не об отрицании семейных ценностей, а о взвешенном подходе и стремлении к обдуманному решению при выборе партнёра [1, с. 16].

Анализ социологических исследований демонстрирует, что среди студентов наблюдается противоречие между стремлением к браку и фактической зрелостью для вступления в него. Переходу от планов к реализации препятствуют такие обстоятельства, как материальные затруднения, жилищные проблемы, интенсивная учёба и опасения упустить перспективы в образовании и карьере [3, с. 3].

Социальные и налоговые льготы для семей с детьми в 2026 году представлены на рисунке 1.

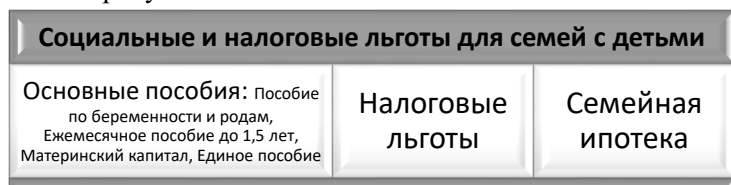

Рисунок 1. Перечень основных мер поддержки семей с детьми

Такие меры, безусловно, напрямую сокращают финансовые и бытовые трудности, с которыми сталкиваются молодые семьи, что позволяет им без снижения успеваемости создавать свою семью и планировать рождение детей.

Одним из важнейших элементов поддержки студентов является полное и своевременное предоставление информации, дающее им

возможность использовать все положенные им права. Университеты должны быть одним из основных источников информации о государственных программах и изменениях в законодательстве. Например, с начала сентября 2025 года начинает действовать обновленный механизм выплат пособий по беременности и родам для учащихся через Социальный фонд РФ. В обязанности университета входит быстрое оповещение студентов о новом порядке и содействие в правильном оформлении требуемых документов [4].

Предоставление информации о доступных мерах поддержки, включая размер прожиточного минимума и правила расчёта универсального пособия для семей с детьми, является частью социальной миссии вуза по отношению к своим студентам, создавая ощущение безопасности и уверенности в будущем.

В качестве наглядного примера всесторонней поддержки можно привести меры социальной поддержки Ярославского государственного технического университета (ЯГТУ), где функционирует «Единое окно», предназначенный для помощи молодым семьям (рис. 2).

Подобная разносторонняя система, значительно облегчает доступ студенческих семей ко всем видам необходимой помощи.

Нельзя забывать о том, что помимо финансовой помощи, огромное значение имеет работа с системой ценностей студентов. В техническом университете в рамках внеучебных программ организуются занятия по психологии семьи, управлению финансами и навыкам воспитания детей, где можно получить советы по вопросам взаимоотношений, планирования семьи и способам борьбы со стрессом. Кроме того, создаются молодёжные семейные клубы и студенческие объединения, формирующие атмосферу поддержки, чтобы совмещение учёбы и родительских обязанностей воспринималось как обычное явление.

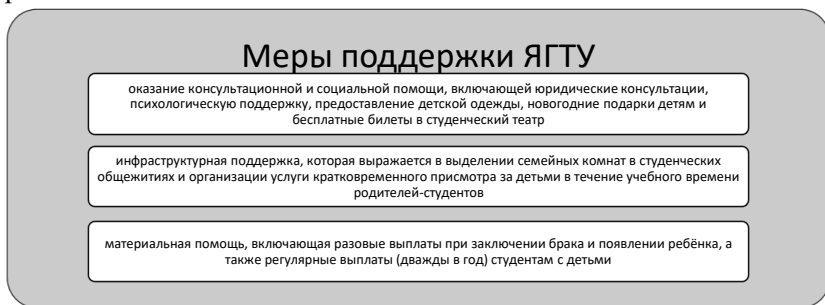

Рисунок 2. Меры поддержки семей с детьми ЯГТУ

Все перечисленные меры поддержки способствуют формированию благоприятного представления о семье как о важном жизненном проекте, которое можно успешно сочетать с получением образования и профессиональным ростом.

Таким образом, можно констатировать, что современные программы поддержки концентрируются на трёх основных аспектах: оказание финансовой и социальной поддержки семьям студентов, построение ценностной и психологической атмосферы, способствующей созданию семьи, изменение образовательного процесса, уменьшающее напряжение у студентов.

Основной вывод, заключается в следующем: студенты – это не просто учащиеся, а ценный ресурс для будущего страны. Университеты должны не только давать знания, но и создавать условия, где семья будет продолжением образования. Карьерный рост и создание семьи могут не быть взаимоисключающими приоритетами, а, наоборот, дополнять друг друга. Одна из основных задач государства при решении демографического вопроса является пропаганда крепких семей, рождения детей, и многодетности. Используя средства массовой информации с помощью законодательных инициатив, рекламы, телепередач и фильмов, а также задействуя социальные сети необходимо формировать положительный образ традиционной большой (многодетной) семьи.

Библиографический список

1. Доклад о положении молодёжи в Российской Федерации за 2024 год / Федеральное агентство по делам молодёжи (Росмолодёжь). М., 2025. С. 16.
2. Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. Национальный демографический доклад – 2020 / С.В. Рязанцев, В.Н. Архангельский, О.Д. Воробьева [и др.]; Отв. ред. С.В. Рязанцев. М.: ООО «Объединенная редакция», 2020. 156 с.
3. Фидря М.А., Коваленко С.В. Психологическое сопровождение молодых семей-студентов: теории, проблемы и решения // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12. № 3. С. 3-5.
4. Социальная поддержка студентов // Ярославский государственный технический университет [Электронный ресурс]. URL: <https://ystu.ru/information/students/sotsialnaya-pomoshch/>.
5. Федеральная служба государственной статистики. Демография [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.

Клопченко В.В.

*Научный руководитель: Кабанова Л.В., канд. ист. наук, доцент
Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны
имени Маршала Советского Союза Л.А. Говорова*

История Великой Отечественной войны наполнена примерами беспримерного мужества и стратегического противостояния, среди которых особое место занимает борьба за Миус-фронт. Этот оборонительный рубеж, созданный германскими войсками на западном берегу реки Миус, являлся одной из самых укрепленных.

Геополитическое положение Миус-фронта определялось его ролью как «восточной границы» Третьего рейха, которую Адольф Гитлер стремился закрепить на долгосрочную перспективу. Удержание позиций на реке Миус гарантировало вермахту обладание Донецким каменноугольным бассейном, который являлся ключевым промышленным районом, необходимым для поддержания военного потенциала Германии. Миус-фронт был объявлен «границей, за которую нет отступления»

Высокий правый берег реки Миус представлял собой естественную крепость, господствующую над окружающей местностью. В планах вермахта Миус-фронт должен был стать плацдармом для будущих наступательных операций вглубь Кавказа и к Волге.

Инженерное обустройство Миус-фронта представляло собой вершину немецкой фортификационной мысли периода Второй мировой войны. Основная оборонительная полоса была возведена на крутом правом берегу реки Миус, который естественным образом возвышался над левобережьем, обеспечивая защитникам идеальный обзор и сектор обстрела на многие километры. Глубина эшелонирования обороны достигала 40-50 километров, включая в себя три основные полосы, каждая из которых состояла из разветвленной сети траншей, ходов сообщения и опорных пунктов. Немецкие инженеры максимально использовали скалистый грунт и многочисленные балки, превращая каждую высоту в автономную крепость, способную вести круговую оборону даже в условиях полного окружения.

Структура укреплений базировалась на создании мощных узлов сопротивления, связанных между собой сплошными траншеями полного профиля. На один километр фронта приходилось до 15-20 долговременных огневых точек, сооруженных из железобетона, броневых колпаков и

местных материалов, таких как камень-известняк и дубовые бревна. Особое внимание уделялось противотанковой обороне: перед передним краем были вырыты глубокие рвы, установлены надолбы и созданы сплошные минные поля невероятной плотности. В ряде случаев плотность минирования достигала 2000 мин на один километр фронта, что делало любое продвижение бронетехники без предварительной инженерной разведки практически невозможным. Внутри оборонительных районов располагались замаскированные позиции для противотанковых орудий и самоходных установок, имевших возможность вести огонь прямой наводкой по наступающим частям. Каждая деревня и хутор в полосе обороны превращались в укрепленный пункт с амбразурами в стенах каменных зданий и подвалах, что создавало эффект «слоеного пирога», где за каждой преодоленной линией траншей следовал новый очаг сопротивления.

Использование естественных преград в сочетании с искусственными заграждениями создавало уникальную оборонительную систему, которую сами немцы сравнивали с линией Зигфрида. Прорыв такой структуры требовал от советского командования не только огромного численного превосходства, но и разработки специальных методов штурма, включая создание штурмовых групп и применение тяжелой артиллерии особой мощности.

Первые попытки советских войск отбросить противника в ходе Ростовской наступательной операции осени 1941 года позволили лишь частично стабилизировать линию фронта, но не привели к ликвидации вражеского плацдарма. Период 1941-1942 годов характеризовался изнурительными сражениями, которые в литературе часто называют «забытыми». Этот период продемонстрировал, что без комплексного подавления инженерной системы противника и массированного применения технических средств будет невозможен прорыв Миус-фронта. Таким образом, первые неудачи заложили основу для будущих побед 1943 года, став необходимым, хотя и крайне болезненным этапом в истории освобождения южных регионов страны. Несмотря на отсутствие немедленного стратегического результата, эти бои заставили противника расходовать последние резервы и не позволили перебросить значительные силы под Курск.

Ликвидация Миус-фронта, а, следовательно, и утрата Донбасса, стали для Гитлера не только материальным, но и глубоким психологическим поражением, так как именно этот регион рассматривался нацистским руководством как фундамент долгосрочного присутствия на востоке. Прорыв на Миусе окончательно похоронил надежды Берлина на

стабилизацию фронта и переход к затяжной позиционной войне, выгодной для истощенной Германии.

Библиографический список

1. Медведев М.В. Наступление южного фронта 17 июля - 2 августа 1943 г.: успехи и неудачи операции // Русская старина. 2020. № 11(1). С. 14-25.

УДК 343.619

К проблеме уголовной ответственности за причинение телесных повреждений во время проведения спортивных соревнований

Коляго А.В.

*Научный руководитель: Катушонок О.В., магистр юрид. наук
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой*

На сегодняшний день проблема правовой квалификации вреда, причиненного здоровью в ходе спортивных соревнований, остается одной из наименее урегулированных и спорных областей уголовного права. В нынешних условиях любая деятельность человека сопряжена с определенными рисками, однако именно в спорте грань между правомерным поведением и преступным деянием остается максимально размытой.

Критическим пробелом действующего уголовного законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации является отсутствие четкого механизма квалификации действий, выходящих за рамки спортивной борьбы, а также специальных норм, прямо регулирующих ответственность за причинение тяжких телесных повреждений или смерти во время спортивных соревнований. В результате чего в подавляющем большинстве случаев лица, причинившие вред здоровью соперника, фактически никак не привлекаются к ответственности, а произошедшее списывается на несчастный случай.

В настоящее время в Республике Беларусь основным видом ответственности за нарушения, совершённые во время спортивных соревнований и тренировок, является дисциплинарная ответственность. Согласно ст. 51 Закона Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» и статьям 132–136 Проекта Спортивного кодекса Республики Беларусь, за нарушение правил вида спорта, регламентов соревнований, антиспортивное поведение или иные виновные действия спортсмены, тренеры, судьи и другие участники могут быть привлечены к следующим

мерам: предупреждение, штраф, спортивная дисквалификация (на определённый срок или количество матчей), лишение завоёванных наград, техническое поражение и иные санкции, установленные федерациями [1; 2]. Эти меры применяются непосредственно спортивными федерациями и лигами и имеют оперативный характер в пределах спортивной отрасли.

Такая система вполне эффективна для большинства типичных спортивных нарушений (неспортивное поведение, отступления от правил, допинг и т.д.), поскольку позволяет быстро реагировать и восстанавливать справедливость внутри спортивного сообщества. Вместе с тем, когда действия спортсмена приводят к тяжким повреждениям или смерти, применение исключительно дисциплинарных мер ответственности является явно недостаточным и несправедливым. Дисквалификация на несколько месяцев или даже лет не может компенсировать утрату здоровья или человеческую жизнь и не обладает должным предупредительным и карательным воздействием.

Следует отметить, что в Республике Беларусь выстроена развитая система обеспечения безопасности в сфере физической культуры и спорта. Государством реализуется комплексный подход к минимизации спортивного травматизма, который сочетает совершенствование законодательства, усиление контроля, внедрение инновационных технологий и повышение квалификации специалистов. На сегодняшний день известно относительно немного известных случаев причинения спортивных травм, однако мы убеждены, что полностью исключить вероятность причинения вреда невозможно, поскольку жизнь и здоровье являются высшими ценностями, охраняемыми государством. Именно поэтому в ситуациях, когда спортсмены руководствуются не спортивным интересом, а личной неприязнью или преступным легкомыслием, причиняющим тяжкий, менее тяжкий вред здоровью или смерть, применение исключительно дисциплинарных санкций является явно недостаточным и несправедливым.

Использование общих статей 147 УК Республики Беларусь (умышленное причинение тяжкого телесного повреждения) и 155 УК Республики Беларусь (причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения по неосторожности), статья 111 УК Российской Федерации (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), статья 112 УК Российской Федерации (умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью) и статья 118 УК Российской Федерации (причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности) при квалификации спортивного травматизма крайне затруднительно. Они не учитывают специфику соревновательной деятельности, где действия виновного зачастую связаны

не с криминальным умыслом, а спортивным азартом и желанием победить любой ценой. В спорте важно учитывать контекст применения запрещенных приемов и грубого нарушения регламента, которые выступают реальной причиной травмы, а не стремлением совершить преступное деяние.

Л.М. Демьянова и другие рассматривают спортивный травматизм через призму обстоятельств, исключая преступность деяния, связывая их с согласием участников соревнований на причинение им вреда при проведении тренировочных и спортивных мероприятий, и указывают, что обстоятельство распространяется лишь на случаи, когда отсутствовал факт нарушения правил спортивного состязания конкретного вида виновным и данные действия не повлекли причинение смерти или тяжкого вреда здоровью [3, с. 253].

В законодательстве обеих стран предусмотрены соответствующие положения, касающиеся обоснованного риска: 39 статья УК Республики Беларусь и статья 41 УК Российской Федерации. В них обоснованный риск определяется как деяние, причиняющее вред охраняемым уголовным законом интересам (в данном случае – жизни и здоровью), но совершаемое ради достижения общественно полезной цели. Для признания риска обоснованным необходимо соблюдение двух условий: во-первых, должны быть приняты все возможные меры по предотвращению вреда; во-вторых, цель не могла быть достигнута иными, не связанными с риском действиями.

Мы в свою очередь убеждены, что причинение травм во время спортивных соревнований не может рассматриваться как обстоятельство, исключаящее преступность деяния. Стремление к победе в спорте является личным мотивом, а не общественно значимой целью. Кроме того, в любом виде спорта существуют четко установленные правила и регламенты, которых спортсмены обязаны придерживаться, используя свои навыки, опыт и знания, что, по сути, и означает принятие всех необходимых мер по предотвращению или минимизации вреда и исключает элемент риска как неотъемлемой части достижения цели. Успех должен быть достигнут честным путем, без намеренного причинения вреда сопернику. Именно поэтому мы не рассматриваем согласие спортсмена на риск как обстоятельство, исключаящее уголовную ответственность.

Мы убеждены, что уголовное право обязано реагировать на противоправные деяния, угрожающие жизни и здоровью человека в сфере спорта. Эти ценности являются фундаментальными и неотчуждаемыми для каждого индивида, и их охрана должна быть безусловной, независимо от профессиональной или иной деятельности субъекта.

На основании изложенного, представляется целесообразным введение специальных норм, устанавливающих уголовную ответственность для спортсменов, умышленно нарушивших установленные спортивные правила, вследствие чего сопернику был причинен вред здоровью или жизни [4, с. 76].

Исходя из этих целей мы предлагаем внести в УК Республики Беларусь статью 147-1, которая установила бы ответственность за умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, совершенное в ходе официальных спортивных соревнований или тренировочного процесса при грубом умышленном нарушении правил спорта либо с использованием запрещенных приемов. Кроме того, в статью 147-1 следует предусмотреть квалифицированный состав за аналогичные деяния, повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего. Подобным образом предлагается внести в УК Республики Беларусь статью, устанавливающую ответственность за причинение менее тяжкого телесного повреждения, тяжкого телесного повреждения или смерти по неосторожности вследствие умышленного нарушения спортивных правил в ходе официальных спортивных соревнований или тренировок.

Мы придерживаемся мнения, что профессиональный спорт и спортивная площадка – это территория строгой дисциплины. Каждый спортсмен несет ответственность не только за себя, но и за своего оппонента, поэтому мы считаем необходимым восполнить существующий пробел. Предлагаемые нормы позволят чётко разграничить допустимый спортивный риск от преступного деяния, обеспечивая привлечение к ответственности грубых нарушителей и гарантируя справедливую правовую защиту всем участникам соревнований. Реализация данных мер будет способствовать как повышению уровня защиты здоровья атлетов и формированию атмосферы нетерпимости к нарушениям и агрессии, так и укреплению в спорте идеалов честной игры, гуманизма и уважения к личности при сохранении его соревновательной сущности и социальной ценности.

Библиографический список

1. Проект Спортивного кодекса Республики Беларусь // Верховный Суд Республики Беларусь.
2. О физической культуре и спорте: Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2014 г. № 125-З: в ред. от 16.10.2025.
3. Демьянова Л.М. Проблемы привлечения к ответственности за причинение вреда здоровью спортсменам в их профессиональной деятельности / Л.М. Демьянова, Н.А. Дьяконова, А.В. Зайцев // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 250–254.

4. Медведев А.А. Причинение вреда во время спортивных соревнований как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Вопросы российской юстиции. 2019. № 4.

УДК 9(с)27

Цена Великой Победы: из истории Великой Отечественной войны

Кунин Л.Н.

*Научный руководитель: Кабанова Л.В., канд. ист. наук, доцент
Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны
имени Маршала Советского Союза Л.А. Говорова*

Великая Отечественная война 1941-1945 годов стала самым трудным и вместе с тем героическим испытанием в истории нашей великой непобеждённой страны. Она определила не только судьбу Советского Союза, но и ход всей мировой истории XX века. Победа над нацистской Германией досталась советскому народу ценой огромных жертв и невообразимых усилий. Понятие «цена Победы» включает в себя не только человеческие потери, но и разрушение экономики, моральные страдания, утрату культурных ценностей, изменение судьбы миллионов людей.

Современные исследования показывают, что общие человеческие потери СССР в годы данной войны составили, по разным оценкам, от 26 до 27 миллионов человек, из которых значительная часть - мирное население. Однако «цена Победы» измеряется не только материальными и демографическими показателями. Это и морально-психологические последствия войны: утраты, травмы, память поколений, а также духовное возрождение народа, сплотившегося перед лицом смертельной опасности.

Война оставила глубочайший след в истории СССР, унеся жизни 11444000 военнослужащих и гражданского населения. Среди погибших солдат – почти 7 миллионов павших в боях и умерших от ран, а также более 1,8 миллиона тех, кто не вернулся из плена. Гражданское население пострадало еще сильнее: более 13,6 миллиона человек погибли в результате целенаправленного истребления, принудительного труда и лишений, вызванных войной. Экономика страны понесла невосполнимые потери, оцениваемые в 26 триллионов долларов, Великая Победа не просто событие, ушедшее в прошлое, а живой элемент культурной идентичности нации, память о героизме великой страны и народа. Цель исследователя сегодня - передать историческую память будущим поколениям, чтобы не

допустить переписи исторических фактов и забвения подвига советских воинов.

Библиографический список

1. Саванина С.И. Оценки потерь СССР в Великой Отечественной войне: историография, причины и дискуссии о цене Победы / Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: историческая память и вызовы современности. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции, приуроченной к годовщине Победы в Великой Отечественной войне. М.: Издательство ФГБОУВПО «Московский государственный строительный университет», 2025. С. 384-389.

УДК 316.42

Тенденция изменения индекса человеческого развития в Российской Федерации

Наметкина А.А., Скрябина Д.В.

Научный руководитель: Чубрина Г.Н., канд. пед. наук

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Ярославский филиал

Индекс Человеческого Развития (ИЧР) является одним из ключевых интегральных показателей, характеризующих качество жизни и уровень развития стран. Мониторинг его изменений позволяет оценить уровень и качество жизни населения и положения страны в целом, а также выявить долгосрочные тенденции в таких областях, как здравоохранение, образование и доход населения. В связи с этим анализ динамики ИЧР в Российской Федерации представляет собой актуальную исследовательскую задачу, позволяющую оценить место страны в глобальном контексте и перспективы дальнейшего развития.

Целью данной работы являлось изучение динамики ИЧР и построение прогноза его значений. Эмпирическую базу исследования составили статистические данные Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) за период с 2010 по 2023 год.

Для выявления основной тенденции ряда динамики и осуществления прогнозирования был применен метод аналитического выравнивания, после чего был применен метод наименьших квадратов. В качестве аппроксимирующей функции была выбрана полиномиальная модель второй степени (квадратичная функция). Выбор данной модели обусловлен ее способностью улавливать не только линейный тренд, но и

точки перегиба (ускорение или замедление темпов роста), что часто характерно для сложных социально-экономических показателей.

На основе построенной модели были рассчитаны прогнозные значения ИЧР на 2024-2026 годы. Результаты моделирования и фактические данные были визуализированы, что позволило наглядно оценить качество аппроксимации и ожидаемую траекторию развития.

В таблице 1 представлены исходные данные и результаты расчетов, выполненных для построения трендов методом наименьших квадратов (МНК).

Таблица 1. ИРЧП в Российской Федерации за 2010-2023 гг.

Год	t	t ²	t ⁴	y · t	y	y _t	y · t ²	(y – y _t) ²
2010	-13	169	28561	-9,347	0,719	0,758	121,511	0,001503
...	...	...	...	...	...	...	...	...
2014	-5	25	625	-3,990	0,798	0,785	19,95	0,000177
...	...	...	...	...	...	...	...	...
2019	5	25	625	4,120	0,824	0,818	20,6	3,23E-05
2020	7	49	2401	5,810	0,830	0,825	40,67	2,45E-05
2021	9	81	6561	7,398	0,822	0,832	66,582	9,55E-05
2022	11	121	14641	9,031	0,821	0,839	99,341	0,000306
2023	13	169	28561	10,816	0,832	0,845	140,608	0,000175
Итого	0	910	105742	3,061	11,221	11,221	718,845	0,003263

Составлено авторами

Пояснение к таблице: t - порядковый номер периода, выступающий как независимая переменная (шаг равен 2, так как значение выборки чётное); y - показатель индекса человеческого развития; y_t — это выравненный уровень ряда, который сглажен от случайных колебаний.

Представим данные результаты графически:

Рисунок 1. ИЧРП в Российской Федерации за 2010-2023 гг.

Из расчетов таблицы 1 построено линейное уравнение тренда вида $(Y(t))^- = 0,8015 + 0,003364t$, с коэффициентов детерминации $R^2 = 0,7593$. Так как R достаточно низкий, мы решили построить полином второй степени вида:

$(Y(t))^- = -0,000226t^2 + 0,003364t + 0,81619$, с $R^2 = 0,9345$ для более точного анализа. Уравнение рассчитывалось по формуле $y = at^2 + bt + c$, а показатели a , b и c находились из следующей системы уравнений:

$$\begin{cases} \sum y = na + c \sum t^2 \\ \sum yt = b \sum t^2 \\ \sum yt^2 = a \sum t^2 + c \sum t^4 \end{cases}, \text{ откуда } a = -0,000226, b = 0,00336, c = 0,81619.$$

Таблица 3. показатели качества и приемлемости вариации и полученных результатов

Показатель	Формула	Значение	Пояснение
Среднеквадратическое отклонение	$\sigma = \sqrt{\frac{\sum (y - \bar{y})^2}{\sum f}}$	0,011911	Данные сгруппированы, разброс минимальный
Коэффициент вариации, %	$V = \frac{\sigma}{\bar{y}} * 100\%$	1,4861%	Лежит в промежутке 0-10%, что означает высокую однородность
Коэффициент детерминации	$R^2 = 1 - \frac{\sum (y - \bar{y})^2}{\sum (y - \bar{y})^2}$	0,9345	На 93% наша модель объясняет вариацию данных

Составлено авторами

На основе построенных моделей рассчитаем прогноз на 2024-2026 гг.:

— точечный прогноз ИРЧП:

2024 г. ($t=15$): $\overline{Y(t)} = -0,000226 * 15^2 + 0,003364 * 15 + 0,81619 \approx 0,8158$.

2025 г. ($t=17$): $\overline{Y(t)} = -0,000226 * 17^2 + 0,003364 * 17 + 0,81619 \approx 0,808064$.

2026 г. ($t=19$): $\overline{Y(t)} = -0,000226 * 19^2 + 0,003364 * 19 + 0,81619 \approx 0,79852$.

— интервальный прогноз:

$t=3$, $P=0,997$.

$\overline{Y(t)} - 3\sigma \leq \overline{Y(t)} \leq \overline{Y(t)} + 3\sigma$

За 2024 г.:

$0,8158 - 3 * 0,011911 \leq \overline{Y(t)} \leq 0,8158 + 3 * 0,011911$.

$0,780067 \leq \overline{Y(t)} \leq 0,851533$.

За 2025 г.:

$0,808064 - 3 * 0,011911 \leq \overline{Y(t)} \leq 0,808064 + 3 * 0,011911$.

$0,772331 \leq \overline{Y(t)} \leq 0,843797$.

За 2026 г.:

$$0,79852-3*0,011911 \leq \overline{Y(t)} \leq 0,79852+3*0,011911.$$

$$0,762787 \leq \overline{Y(t)} \leq 0,834253.$$

Таким образом, применение метода наименьших квадратов к ряду динамики ИЧР в РФ позволило не только описать основную тенденцию развития показателя, но и построить прогноз на краткосрочную перспективу. Графический анализ и расчеты показывают, что прогнозируемые значения на 2024-2026 годы имеют тенденцию к снижению по сравнению с актуальными данными. Это свидетельствует о выходе показателя на стадию спада и необходимости поиска новых драйверов роста для преодоления негативного тренда.

Библиографический список

1. Программа развития организации объединенных наций. Выход из тупика. Переосмысление сотрудничества в поляризованном мире // Доклад о человеческом развитии за 2023-2024 гг. С. 27-30.

2. Программа развития организации объединённых наций. Неопределённые времена, неустроенные жизни: формируя наше будущее в меняющемся мире // Доклад о человеческом развитии за 2022-2021 гг. С. 24-27.

3. Программа развития организации объединенных наций. Следующий рубеж. Человеческое развитие и антропоцен // Доклад о человеческом развитии 2020 г. С. 16-19.

4. Программа развития организации объединённых наций. За рамками уровня доходов и средних показателей сегодняшнего дня: неравенство в человеческом развитии в XXI веке // Доклад о человеческом развитии 2019 г. С. 22-25.

УДК 93

Историческое моделирование в изучении военной истории

Павлов И.А.

*Научный руководитель: Кабанова Л.В., канд. ист. наук, доцент
Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны
имени Маршала Советского Союза Л.А. Говорова*

Современная наука активно интегрирует разнообразные исследовательские подходы и техники, заимствуя их из множества областей знания - начиная от математики и заканчивая социальными теориями и игропрактиками. Для исторической дисциплины особое

значение приобретает концепция моделирования. Так что же скрывается за понятием «модель» применительно к изучению прошлого?

Модель представляет собой специально сконструированную абстрагированную версию сложной реальности, позволяющую наглядно представить исторический процесс, будь то отдельная битва, крупномасштабная война или глобальная стратегия. Моделирование способствует фиксации конкретных фактов, проверке научных предположений, оценке возможных вариантов развития событий и выявлению глубинных взаимосвязей.

Рассмотрим пример Бородинского сражения 1812 года. Классический метод исследования даст нам детальные сведения о численном составе армий, расположении подразделений и основных этапах битвы. Однако как учитывать влияние второстепенных факторов вроде погодных условий, особенностей ландшафта или уровня подготовки командного состава? Тут на помощь приходят современные технологии моделирования и аналитического подхода. К примеру, цифровые симуляции помогают воссоздать ход сражения и оценить роль всех указанных переменных.

Другой яркий пример - применение методов статистики и теории сетей. Изучение иерархии руководства немецкой армии периода Второй мировой войны посредством построения социального графа позволило ученым выявить значимую зависимость принимаемых решений от личного взаимодействия военных руководителей. Такой подход раскрывает человеческое измерение конфликта, часто остающееся незамеченным при традиционном подходе к источникам.

Также нельзя игнорировать пользу интерактивных форматов изучения военного дела, таких как настольные игры и компьютерные стратегии. Эти способы погружают участников в сложную ситуацию выбора, позволяя ощутить трудности принятия решения, с которыми сталкивались военные лидеры прошлого.

Таким образом, применение моделей выходит далеко за рамки простого визуального воспроизведения исторических событий. Они открывают путь к глубокому осмыслению природы конфликтов, расширяют понимание политических, экономических и психологических механизмов, влияющих на исход столкновений. Модели объединяют традиционные гуманитарные дисциплины с современными аналитическими инструментами, способствуя формированию целостного взгляда на историю и причины её динамики. Использование подобного арсенала инструментов позволяет приблизиться к решению

фундаментальной задачи исторического познания - проникнуть в суть происходивших изменений и раскрыть механизмы их реализации.

Библиографический список

1. Демченко В. Строим диорамы. М.: ООО Издательство «Цейхгауз» 2021. 96 с.

УДК 94 (32)

Из истории военного дела в древнем Египте

Самознаев В.В.

*Научный руководитель: Кабанова Л.В., канд. ист. наук, доцент
Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны
имени Маршала Советского Союза Л.А. Говорова*

На протяжении всего времени своего существования Древний Египет вёл активную завоевательную политику и тысячелетиями совершал походы на Нубию, Ливию, Синайский полуостров, Сирию, Палестину и другие земли. Наиболее ярким отражением военного искусства древних египтян по праву считается битва при Кадеше в 1312 году до н.э. На пятом году своего правления фараон Рамсес II снова направился в сторону Евфрата на город Кадеш, что был опорным пунктом хеттов на юге. Учёные полагают, что общее число египетских войск, выступавших против хеттов, достигло 20000 человек, – цифра небывалая для тех времен. Они были разделены на четыре армии, носившие названия главных египетских богов - Амона, Ра, Птаха и Сета. Царю хеттов Муваталлу удалось сколотить большую военную группировку. Основной ударной силой этой армии были отряды хеттских боевых колесниц.

2500 хеттских колесниц переправились на западный берег Оронта и с фланга ударили по армии Ра, находившийся на марше и совершенно неподготовленной к сражению. Большая часть египтян была перебита на месте, уцелевшие же в панике бежали вперед, к лагерю Рамсеса II, бросая оружие и снаряжение. Рамсес II Кадеш, разумеется, не взял, но и хеттам не удалось добиться решающей победы. Во время правления Тутанхамона всесторонняя экспансия Египта была приостановлена, и вызвала развитие науки. Среди древних исторических источников обнаружили подтверждения тому, что учёным со всего мира удалось открыть в прошлом веке с помощью современных технологий.

Завоевательная политика Древнеегипетской империи заключалась в северо-восточных походах на Сирию и Палестину для захвата медных

рудников, Финикию для подвоза древесины; в южных походах на Нубию для захвата рабов и месторождений золота; в северо-западных походах на Ливию с целью пополнения рядов древнеегипетской армии и рабочей силы. Вооружённые Силы должны быть готовы отразить агрессию любого противника. Это требует внимательного наблюдения за его политикой, тонкости которой призвана объяснить история. Отсюда явственно ощущается необходимость изучения истории российскими военнослужащими.

Библиографический список

1. Русанов В.Ю., Шипунов А.В. Предистория военной науки. М.: Издательство Общевойсковая академия 2016. 87 с.

УДК 347.441

Односторонний предварительный договор: анализ целесообразности законодательных изменений

Сафонова А.И.

Научный руководитель: Кузьмич А.П., магистр

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия

Институт предварительного договора является важным инструментом организации и стабилизации имущественного оборота, позволяя сторонам зафиксировать достигнутые договоренности о заключении будущей сделки.

В литературе обычно выделяют две основные ситуации, когда востребован предварительный договор. Во-первых, необходимость в предварительном договоре возникает, когда до подписания основного соглашения сторонами должны быть совершены определенные действия (одобрение «крупной» сделки органами юридического лица, получение необходимых правоустанавливающих документов, проведение ремонтных работ).

Во-вторых, стороны могут прибегнуть к предварительному договору и в том случае, когда в отсутствие явных препятствий для заключения основного договора, их воля направлена на заключение именно предварительного соглашения [4].

Необходимо отметить, что существует позиция, согласно которой предварительный договор призван дать сторонам дополнительное время для оценки целесообразности заключения основной сделки. Это актуально, когда потенциальный участник сделки намерен изучить рыночные

альтернативы, но при этом стремится сохранить отношения с текущим контрагентом.

Помимо этого отмечалось, в частности в исследовании А.Н. Кучер: «И последняя особенность предварительного договора, которая делает целесообразным в ряде случаев использование именно этой конструкции, а не заключения сразу основного договора – это возможность установить в предварительном договоре одностороннюю обязанность одной из сторон заключить основной договор, в то время как у второй стороны будет только право по собственному усмотрению в течение срока, установленного в таком предварительном договоре, требовать заключения основного договора...» [3, с. 264-265].

Однако с позицией А.Н. Кучер нельзя согласиться, поскольку согласно действующей редакции п. 1 ст. 399 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. №218-З (далее – ГК Республики Беларусь) п. 1 ст. 429 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (далее – ГК Российской Федерации) «по предварительному договору стороны обязуются заключить в будущем договор... на условиях, предусмотренных предварительным договором» [2]. Сама формулировка нормы прямо указывает на взаимный (двусторонний) характер данного договора.

Необходимо отметить, что в литературе неоднократно поднимался вопрос о возможности закрепления в законодательстве возможности одностороннего предварительного договора, например, Ралько В.В. отмечает: «По нашему мнению, возможно, стоит внести в п. 1 ст. 429 ГК РФ соответствующие изменения, предусмотрев возможность заключения одностороннего предварительного договора, что облегчило бы на практике применение данной конструкции» [1, с. 95-96].

Идея введения в правовую конструкцию одностороннего предварительного договора, безусловно, заслуживает внимания с точки зрения расширения автономии воли и договорной свободы участников оборота, однако ее реализация путем внесения изменений в законодательство является издешней.

Так в настоящее время действующая редакция ст. 399 ГК Республики Беларусь и 429 ГК Российской Федерации предварительный договор квалифицируется как консенсуальное, двусторонне обязывающее соглашение. Его сущность заключается в том, что обе стороны принимают на себя обязательство по заключению в будущем основного договора. В свою очередь введение односторонней модели, при которой только одна сторона принимает на себя обязанность заключить договор в будущем, а другая сторона обладает лишь правом требования, но не несет встречной

обязанности, по сути, уже закреплена в виде опционных соглашений. Опцион на заключение договора и опционный договор как раз и предоставляют одной из сторон право потребовать в будущем заключения сделки или исполнения по сделке, часто за отдельную плату (премию). Эти конструкции полностью покрывают ту потребность, на которую указывают сторонники одностороннего предварительного договора.

Также нельзя обойти вниманием и терминологический аспект, поскольку введение в гражданское законодательство категории «односторонний предварительный договор» неизбежно порождает коллизию с устоявшимся понятием «односторонняя сделка»

Поэтому введение формулировки в ст. 399 ГК Республики Беларусь и ст. 429 ГК Российской Федерации будет излишним.

Таким образом предварительный договор является важным элементом в структурировании будущей сделки. Как показал анализ, действующее законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации квалифицирует его как двусторонне обязывающее соглашение, не предусматривая односторонней модели. Хотя сама концепция одностороннего обязательства заслуживает внимания, ее функции на современном этапе реализуются через опционные соглашения.

Предлагаемые поправки, с точки зрения автора, представляют собой регресс в развитии договорного права. Поскольку в иных правовых системах, например, Германии и США, последовательно дифференцируют договорные институты, разграничивая опционные конструкции и предварительный договор. Смешивание их существенных признаков в рамках одной нормы неизбежно спровоцирует правоприменительные коллизии.

В связи с этим законодателю целесообразно сохранить классическую конструкцию двустороннего предварительного договора, стимулируя участников оборота к использованию опционных форм в ситуациях, требующих связанности лишь одной стороны.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы гражданского права: монография / Под ред. Р.В. Шагиевой и Н.Н. Косаренко. М.: РААН, 2017. 194 с.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.
3. Кучер А.Н. Преддоговорный процесс и преддоговорные отношения: юридический аспект. М.: Статут, 2004. 384 с.
4. Крохина МС. Контроль в предварительном договоре: проблема закрепления и реализации права // Журнал о праве. 2021. № 3. С. 28–37.

Криминолого-виктимологический анализ механизма совершения изнасилований в Республике Беларусь

Ширневич А.Э.

*Научный руководитель: Катушонок О.В., магистр юрид. наук
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой*

В контексте криминологии изнасилование представляет собой особый состав преступления, механизм которого невозможно полноценно раскрыть без изучения роли потерпевшего. Актуальность настоящей работы заключается в необходимости комплексного подхода, сочетающего традиционный криминологический анализ личности преступника с виктимологическим исследованием поведения и характеристик жертвы. Такой подход позволяет перейти от упрощенной схемы «преступник-жертва» к пониманию преступления как результата социальной интеракции.

Основу эмпирической части исследования составляют официальные статистические данные о количестве выявленных лиц, совершивших изнасилование, а также их жертв на территории Республики Беларусь с 2015 по 2024 гг. Только на основе достоверных статистических данных можно выявить устойчивые тенденции и оценить эффективность профилактических мер.

Динамика показателя, отражающего количество преступников, за указанный период носит волнообразный характер. Начальное значение в 2015 году составляло 67 человек. После снижения в 2016 году (43 лица) наблюдался рост до 58 лиц в 2018 году. Минимальное значение за период, 46 лиц, зафиксировано в 2020 году. Существенный рост произошел в 2023 году – до 76 лиц, что является максимальным показателем за весь период, после чего в 2024 году численность снизилась до 59 лиц. Таким образом, общая численность лиц, совершивших изнасилование, к 2024 году сократилась по сравнению с 2015 годом, однако динамика характеризуется значительными колебаниями, включая резкий подъем в 2023 году.

Расчет относительных показателей позволяет конкретизировать эту динамику. Темп роста численности преступников в 2024 году по отношению к 2015 году составил 88,1% (снижение на 11,9%), к 2020 году – 128,3% (рост на 28,3%), но относительно 2023 года наблюдается снижение на 22,4%. Это подтверждает неустойчивый характер тренда с резкими колебаниями. Число зарегистрированных преступлений

демонстрирует схожую нестабильную динамику, достигая максимума в 184 факта в 2017 году и минимума в 64 факта в 2020 году.

Наиболее тревожным аспектом статистики по изнасилованиям является вовлеченность данной категории лиц в их совершение. На протяжении большей части рассматриваемого периода (2015-2022 гг.) численность лиц, совершивших изнасилование в несовершеннолетнем возрасте, колебалась на низком уровне: от 1 до 5 человек в год. Удельный вес таких лиц в общем числе лиц, совершивших изнасилование, демонстрирует резкий рост в 2023-2024 гг. Так, если в период с 2015 по 2022 год их доля не превышала 8,7% (в 2020 г. всего 4 человека), то в 2023 году она достигла 21,1% (16 человек), а в 2024 году составила 16,9% (10 человек) [1]. Это свидетельствует о качественном изменении структуры данного вида преступности и возрастании роли подростковой среды, что требует особого криминологического осмысления. Наглядно динамика и структура представлены на рисунках 1 и 2.

Полученные статистические данные служат отправной точкой для теоретического осмысления механизма изнасилования. «Преступление не совершается изолированно; оно является кульминацией развития ситуации, в которой пересекаются мотивы и поведение двух ключевых фигур – преступника и жертвы. Современная криминология, обогащенная виктимологическим подходом, отказывается от рассмотрения жертвы как пассивного объекта». Как отмечается в научной литературе, переломным моментом стала работа Ганса фон Гентинга «Преступник и его жертва», где он впервые указал, что взаимоотношения между будущими жертвой и преступником детерминируют формирование преступного умысла. Таким образом, «триада «преступник – жертва – ситуация» становится ключом к пониманию генезиса преступления, где жертва выступает активным субъектом взаимодействия» [2].

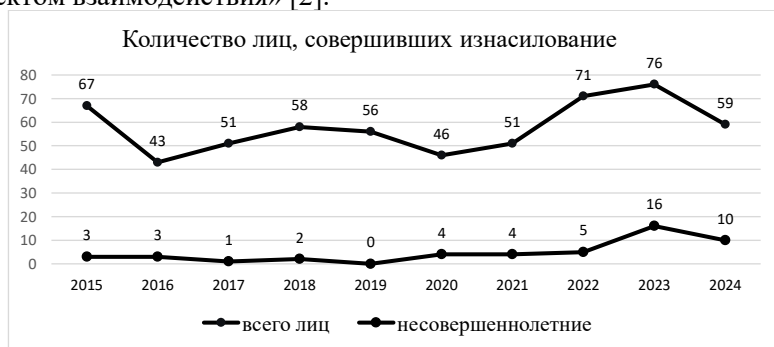

Рисунок 1. Динамика выявленных лиц, совершивших изнасилование (2015-2024 гг.)

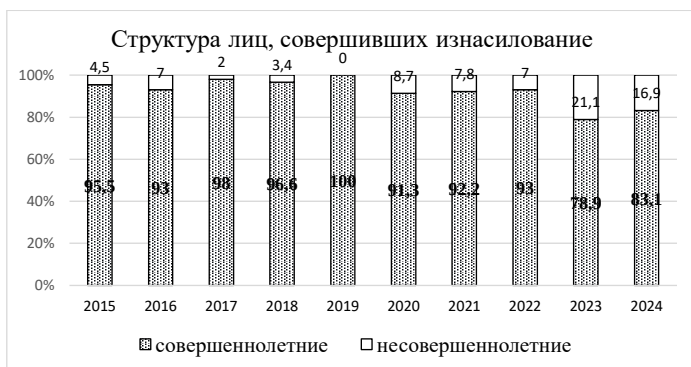

Рисунок 1. Удельный вес несовершеннолетних в общей структуре лиц, совершивших изнасилование (2015-2024 гг.)

Эмпирические исследования в области виктимологии последовательно подтверждают тезис о значительном влиянии поведения потерпевшей на генезис преступной ситуации. В научной литературе такое поведение классифицируется, в частности, на провоцирующее (или толчковое), создающее у преступника изначальную уверенность в возможности противоправных действий, и благоприятствующее, которое, не являясь прямым провокационным сигналом, объективно формирует для преступника обстановку, облегчающую совершение преступления [3]. Поведенческий компонент со стороны жертвы выступает не как оправдывающее обстоятельство, а как важный элемент криминологической структуры преступления.

Статистический анализ лиц, пострадавших от изнасилований, также показывает их волнообразное движение, затрудняющее прогнозирование данного вида преступления. Наибольшее количество жертв изнасилований было зафиксировано в период с 2015 (90 жертв) до 2018 года (87 жертв). Вместе с тем на фоне резкого снижения зарегистрированных жертв изнасилований в 2020 году (36 пострадавших) их абсолютное число в 60 человек в 2024 году вызывает особую тревогу (167% к 2020 году). Надо отметить, что за последние 5 лет количество жертв рассматриваемого преступления находится на уровне 2019 года [1].

Теоретические выкладки виктимологии позволяют глубже интерпретировать статистику Республики Беларусь. Хотя в предоставленных данных не детализируются обстоятельства совершения преступлений, научные исследования однозначно указывают на ключевые виктимогенные факторы. К ним относится, прежде всего, состояние алкогольного опьянения жертвы, которое значительно снижает

способность к критической оценке ситуации и сопротивлению, а также характер знакомства между потерпевшей и преступником, поскольку большинство изнасилований совершается лицами из ближнего социального окружения [4]. Следовательно, выявленные статистикой Республики Беларусь колебания, такие как пик 2017 года или рост подростковой преступности в 2023-2024 гг., могут быть связаны не только с внешними факторами, но и с распространением в определенных социальных группах моделей поведения, повышающих виктимный риск. Это включает рискованные формы досуга, употребление психоактивных веществ и некритичное построение социальных контактов.

Таким образом, можно сказать, что механизм совершения изнасилования предстает как сложный процесс, в котором статистические показатели являются внешним отражением глубинных социальных взаимодействий. В основе лежит динамика между личностью преступника, обладающего готовностью к насилию, и потенциальной жертвой, чье поведение в конкретной ситуации может существенно повысить вероятность реализации преступного замысла

Библиографический список

1. Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации [Электронный ресурс]. URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/rubric-info/10620>.
2. Белослудцев О.С. Взаимодействие преступника и его жертвы / О.С. Белослудцев, Е.В. Ведерникова, Е.А. Котельникова // Вестник НАСА. 2011. № 1 (7).
3. Абызов Р.М. Виктимное поведение в генезисе изнасилования / Р.М. Абызов, И.Н. Заварыкин // Известия АлтГУ. 2015. № 2 (86).
4. Морозов Б.В. Виктимологическая характеристика негативного поведения жертв изнасилований / Б.В. Морозов, А.А. Давыдова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2008. № 18 (118).

УДК 343.2

Историческое становление правовой регламентации института уголовной ответственности несовершеннолетних

Шнитко А.В.

*Научный руководитель: Катушонок О.В., магистр юрид. наук
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой*

Правовое закрепление института уголовной ответственности несовершеннолетних в различные временные периоды развития уголовного законодательства претерпевало значительные изменения. Так, рассматриваемый институт постепенно развивался и трансформировался, начиная от фактически бесправного положения несовершеннолетних лиц перед законом и судом, продолжая гуманизацией уголовного законодательства в отношении таких лиц и расширением правовой регламентации.

На территории ВКЛ правовая регламентация института ответственности несовершеннолетних началась с положений Судебника Казимира 1468 г. (далее – Судебник), закрепивших правовой статус детей по отношению к преступлениям своего отца. Так, в ст. 1 отмечалось, что при совершении отцом противоправных деяний, если его жена и взрослые дети знали об этом, то «жоною и детми заплатити, ... а малыи дети, ниже семи годов, тыи в том невинни» [1]. Ст. 5 Судебника регламентировала также и положение, касающееся случаев, когда отец совершает кражу, при том, что дети не знали о его злодеянии: «...злодей терпи, а жона и дети и дом их невинен» [1]. Так, исходя из анализа рассмотренных норм, дети до 7 лет от уголовной ответственности за преступления отца освобождались. Уже в этот период можно говорить о некоторой гуманизации уголовного законодательства в части ответственности несовершеннолетних лиц, поскольку в предшествующих Судебнику нормам «Русской правды» (1016 г.) – древнейшего русского кодекса, – существовало положение о том, что дети привлекаются к ответственности за преступления отца, независимо от того, знали ли они о таких деяниях.

Следующим этапом развития уголовного законодательства стало принятие Статутов Великого княжества Литовского. Статут 1529 г. впервые регламентировал принцип личной уголовной ответственности, что также влекло за собой положения о том, что дети не несут наказания за преступления отца. Впоследствии данный принцип сохранялся неизменным в уголовном законодательстве последующих исторических периодов вплоть до современного этапа. Статут 1588 г. в ст. 11 раздела XIV содержит положения об освобождении от ответственности за воровство лиц младше 16 лет: «Если бы ся трафило, ижбы шляхтич в летех шестнадцати, а не болш, обвинен о злодейство або приведен был з лицом, тогды таковому про молодость лет его не маеть быти поличоно за злодейство и не маеть быти до ката в руки и на муку даван» [2]. Иными словами, при совершении кражи лицом, не достигшим 16 лет, такое лицо в силу молодого возраста не может быть привлечено к смертной казни или подвержено пыткам. Однако за это «злодейство» наказание должны были

нести отец, мать или иные родственники преступника. При этом, в случае совершения нескольких краж, по усмотрению суда, лицо младше 16 лет могло быть подвергнуто телесным наказаниям. Таким образом законодатель ограничивает совершение преступления несовершеннолетним лицом впервые, предположительно в силу малолетства и не осведомленности об ответственности, от рецидива, когда воровство представляется осмысленным.

Следующим этапом становления уголовного законодательства об ответственности несовершеннолетних стало принятие в 1649 году Соборного уложения. В данном акте был регламентирован минимальный возраст ответственности за убийство – 7 лет: «...аще отрок седми лет убьет, то не повинен, есть смерти» [3]. При совершении детьми иных преступлений, помимо убийства, они несли ответственность наравне со взрослыми. Такое положение может быть рассмотрено как начальный этап законодательной дифференциации минимального возраста уголовной ответственности в зависимости от характера, степени тяжести, категории совершенного преступления.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, принятое в 1845 году (далее – Уложение 1845 г.), к ряду причин, по которым деяние не может быть вменено в вину, относил следующее: «малолѣтство въ такомъ возрасте, когда подсудимый не могъ еще имѣть понятія о свойствѣ дѣянія» [4]. Помимо этого, согласно ст. 136 Уложения 1845 г. малолетство и несовершеннолетие входили также в перечень обстоятельств, признаваемых «уменьшающимъ вину и строгость наказанія» [4]. В соответствии со ст. 4 приложения I к Уложению 1845 г. в отношении отдельных категорий детей (детей церковнослужителей, купцов и др.) не допускалось применение телесных наказаний. Такого рода положение указывает на несоблюдение в рассматриваемый период принципа равенства граждан перед законом, поскольку освобождение от наказаний телесного характера связывается законодателем с принадлежностью детей к определенному сословию. По мере исторического развития общества такой подход в законодательстве был искоренен.

Уголовное Уложение 1903 года предусматривало недопустимость вменения преступного деяния в вину при его совершении малолетним, не достигшим десяти лет. Помимо этого, от ответственности освобождались лица в возрасте от 10 до 17 лет при условии, если они не могли понимать значение совершаемых ими действий или руководить ими. В таком случае виновный мог быть отдан под надзор родителям или иным лицам, на попечении которых они находятся, а при совершении им тяжких преступлений допускалось помещение виновных в воспитательно-

исправительные заведения либо специализированные помещения при тюрьмах и арестных домах (в женские монастыри – в отношении несовершеннолетних женского пола) до достижения ими двадцати одного года. Кроме того, в соответствии с разделом шестым Уложения 1903 г., на несовершеннолетних лиц от 10 до 17 лет, а также от 17 до 21 года, распространяются особые правила замены наказания более мягким.

На протяжении исторического развития института уголовной ответственности несовершеннолетних четко прослеживается тенденция гуманизации, а также становление более полной регламентации. Так, Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. содержат четкий возрастной критерий ответственности несовершеннолетних: лица до 14 лет не подлежат суду и наказанию. К ним применяются лишь воспитательные меры (приспособления). Такие же меры применяются в отношении «лиц переходного возраста 14–18 лет, действующих без разума» [5]. В рамках данного положения законодателем также обращается внимание на критерий осознания несовершеннолетним характера своих действий, в случае отсутствия которого (лицо действовало «без разума») такое лицо подлежать наказанию не будет.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. регламентировал признаки субъекта преступления, такие как возраст и вменяемость. Наказание по рассматриваемому кодексу не применялось в отношении лиц, не достигших 14 лет, а также лиц в возрасте от 14 до 16 лет, если для их исправления возможно было ограничиться мерами медико-педагогического воздействия.

В свою очередь, на территории Беларуси уголовная ответственность несовершеннолетних регламентировалась Уголовным кодексом БССР 1928 г., в нормах которого прослеживался дифференцированный подход в зависимости от совершенного преступления. По общему правилу минимальный возраст уголовной ответственности составлял 16 лет, по отдельным составам преступлений (кража, причинение насилия, телесных повреждений, увечий, убийство или попытка убийства) – 12 лет.

В более поздний советский период действовали Основы уголовного законодательства ССР и союзных республик 1958 г. Этот акт считался наиболее гуманным по отношению к несовершеннолетним и также предусматривал уголовную ответственность с 16 лет. Пониженный возраст ответственности (14 лет) имел место в случае совершения лицом таких преступлений, как: убийство; умышленное нанесение телесных повреждений, причинивших расстройство здоровья; изнасилование; разбойное нападение; кража; злостное хулиганство; умышленное уничтожение или повреждение государственного, общественного

имущества или личного имущества граждан, повлекшее тяжёлые последствия; умышленное совершение действий, могущих вызвать крушение поезда. Помимо этого, могло иметь место применение к лицу младше 18 лет вместо наказания принудительных мер воспитательного характера в тех случаях, когда исправление такого лица при условии совершения им преступления, не представляющего большой общественной опасности, могло быть достигнуто без применения наказания.

Таким образом, исследование исторического становления правовой регламентации института уголовной ответственности несовершеннолетних в период с XV по XX вв. позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемый институт претерпел множество постепенных изменений, соответствующих временным периодам с различным политическим и общественным строем. В целом, уголовное законодательство шло по пути гуманизации, укрепления соблюдения принципа личной виновной ответственности, смягчения уголовной ответственности несовершеннолетних и повышению ее минимального возраста.

Библиографический список

1. Судебник Казимира 1468 г. (подлинник) [Электронный ресурс]. URL: https://ravo.by/upload/pdf/krim-pravo/sudebnik_kazimira_1468_god.pdf.
2. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г. [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/upload/pdf/pamjatniki-prava/Statut_1588_g_str.41.pdf.
3. Соборное Уложение 1649 года [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/sobornoe_ulogenie_1649_goda.pdf.
4. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ulogenie_o_nakazaniyah_ugolovnih_i_ispravitelnih_1845_goda.pdf.
5. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901870462>.

УДК 930.85

Образ русских воинов в произведениях церковного изобразительного искусства

Щепетинщиков К.М.

Научный руководитель: Саблина А.А., канд. ист. наук

Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны имени Маршала Советского Союза Л.А. Говорова

Тема образа русских воинов в произведениях церковного искусства сегодня актуальна: она отражает не только воинские традиции нашей страны. Изображения небесных воинов и покровителей напоминают о подвигах, готовности военных беззаветно служить Родине, отдать жизнь за нее.

Иконография разрабатывает воинскую тему уже с самого начала своего существования: раннехристианские рельефы содержат изображения стражей, стоявших у гроба Христа [1].

В русской иконографии сложилось несколько традиционных образов, олицетворявших русское воинство: Спас Нерукотворный, Архангел Михаил, Георгий Победоносец, равноапостольный князь Владимир и благоверный князь Александр Невский [3].

В музеях города Ярославля хранятся многие иконы с изображением святого воинства.

Икона «Собор архангела Михаила» (г. Ярославль) – это композиция со множеством фигур, где архангел Михаил присутствует на прославлении Бога.

Икона «Спас Нерукотворный» (г. Ярославль) тесно связана с народным ополчением 1612 года и спасением города от эпидемии. Икона была воспроизведена во многих списках, наиболее известный из которых датируется 1757 годом.

Икона «Святой князь Александр Невский» (г. Ярославль, начало XX века) изображен в доспехах воина в его руках написаны меч и ножны. Искусствоведы считают, что данная икона по стилю написания может быть отнесена к произведениям мастерских мастеров (Владимирская область).

Икона «Преподобный Сергей Радонежский, с житием и сценами Сказания о Куликовской битве» (г. Ярославль) уникальна по своей композиции: в ней соединены повествование о житии Сергея Радонежского и два исторических сказания о Куликовской битве. Основной сюжет иконы и ее нижнее поле были написаны в разное время. Анализ изображений на иконе позволяет говорить о том, что в ее клеймах отражена не только сама Куликовская битва, но и подготовка к ней, например, посещение Дмитрием Донским преподобного Сергея Радонежского и получение от него благословения. Икона как бы иллюстрирует «сказание о мамеевом побоище», в котором сохранена память о подвиге русских воинов в Куликовской битве.

На иконах русские воины (особенно это относится к мученикам и благоверным князьям) изображены в одеждах, подобных тем, что надевали как в Византии, так и в Древней Руси. Одежда была написана не только исторически достоверно, но и ее изображение имело при этом глубокий

подтекст – воин-христианин должен быть добродетелен, только это поможет ему в борьбе со злом и грехом.

Изображения русских воинов на иконах можно рассматривать как обещание защиты и покровительства военным в их нелегком деле; как образы, перед которыми молодые воины дают присягу на верность Отчизне; как один из символов победы, которую добро неминуемо одержит над злом; в историческом аспекте (как, например, изображение Дмитрия Ивановича Донского, а также русских воинов, среди которых были инок Пересвет и Ослябя на иконах, посвященных Куликовской битве) [2].

Воинская иконография имеет огромное значение как для курсантов, кадровых военных, так и для всех, кто принес Родине присягу, так как это позволяет им осознавать те духовные ценности, которые сформировались у русского воинства на протяжении веков.

Библиографический список

1. Фомина М.С. Эстетический образ святых воинов: избранные размышления // Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. 2022. № 60. С. 248-253.

2. Покровители военных в православии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sofija.ru/blog/pokroviteli-voennykh-v-pravoslavii>.

3. Христианство в искусстве [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icon-art.info>.

УДК 316.4.051.62

От доступа к привилегиям: как цифровое неравенство меняет выгоды онлайн-сервисов для пожилых жителей малых городов

Юфин В.Н.

*Научный руководитель: Вдовина М.В., д-р социол. наук, профессор
Российский государственный социальный университет*

В современном мире цифровизация услуг перестраивает каналы взаимодействия граждан и организаций, меняя реальную доступность институциональных ресурсов. При этом цифровизированная услуга, которая ранее предоставлялась только в оффлайн формате, требует прохождения цифрового маршрута взаимодействия с сервисом, и доступность сервиса все в большей мере становится вопросом возможности заявителя пройти этапы этого взаимодействия и завершить процедуру. Для пожилых пользователей наиболее проблемными зонами в

этом процессе могут быть: вход и создание доступа, идентификация и подтверждение, интерфейс и контроль результата.

Исследования цифрового неравенства показывают, что различия связаны не только с доступом к самим технологиям, но и с автономией потребителей сервисов, их навыками, целями обращения и наличием социальной поддержки [5]. Для пожилых пользователей эти различия складываются также из их состояния здоровья, уровня образования, материальных возможностей, степени мобильности и наличия близких, готовых помочь в прохождении цифрового маршрута. В этой логике акцент смещается от самого факта доступа к технологиям к тому, как ими пользуются и что в итоге удастся получить [5]. Для пожилых жителей малых городов вопрос привилегий начинается с географии, еще до входа в приложение. Сервис формально есть, но практический путь к результату неравен для разных групп его потребителей. Город может быть малым по численности, но не по территории, которую человеку преклонных лет сложно преодолеть, чтобы добраться до МФЦ или до родственников.

Нормы сервисов «по умолчанию онлайн» (которые изначально представлены только в цифровом формате) требуют вторичной цифровой социализации и нередко компенсируются помощью близких. Поздняя цифровая социализация разворачивается в условиях сформированного габитуса и усиливает зависимость от посторонней помощи [1]. При этом сами пожилые пользователи не образуют однородную группу, поскольку к цифровому исключению их приводят разные жизненные обстоятельства и разные траектории вхождения в цифровую среду. В этом контексте семья становится ключевым пространством трансляции и перераспределения различных форм капитала, необходимых для включения в цифровую повседневность [1].

В условиях цифровизации в семье формируются новые роли, и участие пожилого человека в цифровом пространстве может строиться через разнообразную помощь: обучение пожилого родственника, совместное выполнение задачи, ее делегирование более молодым членам семьи, контроль или подстраховка [4]. При этом цифровое сопровождение, с одной стороны, снижает барьеры, но, с другой, может закреплять зависимость и перераспределять контроль над доступом к ресурсам между пожилым пользователем и его сопровождающим [4]. В малых городах доступность еще труднее: меньше мест и ситуаций, где можно получить квалифицированную помощь, и выше зависимость от семейных посредников, которые могут и не помочь. Поэтому поддержка родственников в освоении сервисов и оснащении пожилого человека

устройствами выступает скорее как моральное обязательство внутри семьи, чем как формально гарантированное право на содействие.

Как отмечает М. В. Вдовина: «Многие проблемы семьи носят не только индивидуально-личностный и внутригрупповой характер, но и выходят на институциональный, общесоциальный уровень» [3, с. 63]. В качестве институционального пункта помощи можно рассматривать цифровое сопровождение в МФЦ, где заявителю помогают оформить услугу онлайн: «Если же заявитель испытывает затруднение в работе с электронными сервисами, то на помощь придут цифровые кураторы, они окажут консультационную помощь в заполнении заявления, помогут отсканировать документы и т.д.» [2].

Уверенный пожилой пользователь превращает цифровое участие в свою выгоду, а для тех, кто не располагает автономией в цифровых действиях, сервис становится зоной риска и фактически труднодостижим. Цифровое исключение из пользования услугами проявляется как устойчивое ограничение доступа к институциональным ресурсам в ситуациях, когда пожилой человек не может завершить цифровой маршрут. Чтобы привилегии онлайн сервисов стали реальностью для пожилых жителей малых городов, важно наличие социальной поддержки и сопровождения, чтобы трудности прохождения цифрового маршрута не превращались в исключение пожилого пользователя из доступа к услуге.

Библиографический список

1. Бурдые П. Формы капитала / Пер. с англ. // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Под ред. В.В. Радаева. М.: РОССПЭН, 2004. С. 519-536.

2. Быстро и удобно! В ГАУ «МФЦ» запущен третий сектор пользовательского сопровождения для получения электронных услуг [Электронный ресурс]. URL: <https://penza.mdocs.ru/news/bystro-i-udobno-v-gau-mfc-zapuschen-tretyi-sektor-polzovatelskogo-soprovozhdeniya-dlya>.

3. Вдовина М.В. Социальная работа с семьей: подготовка специалистов // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 4. С. 63-68.

4. Designing Assisted Digital Support [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/service-manual/helping-people-to-use-your-service/designing-assisted-digital>.

5. DiMaggio P., Hargittai E., Celeste C., Shafer S. Digital Inequality: From Unequal Access to Differentiated Use // Social Inequality / ed. by K. Neckerman. New York: Russell Sage Foundation, 2004. P. 355-400.

Философские основания для внедрения и реализации профессиональных стандартов

Яблокова Е.С.

*Научный руководитель: Громова М.В., старший преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В современном словаре иностранных слов - стандарт имеет два значения. Согласно первому, под стандартом понимается «образец, эталон, модель, принимаемые за исходные для сопоставления с ними других подобных объектов». Согласно второму, стандарт — это нормативно-технический документ, устанавливающий единицы величин, термины и их определения, требования к продукции и производственным процессам, требования, обеспечивающие безопасность людей и сохранность материальных ценностей и т.д.» [3]. При чем такое понимание распространяется не только на техническую, материальную сферу, но и на социальную. Соответственно в современном профессиональном мире стандарты выступают как система координат – они задают нормы качества и этики. Новые условия требуют от специалистов не только владения навыками, но и способности быстро адаптироваться. В этих обстоятельствах особую актуальность приобретает вопрос о соотношении профессиональных стандартов и критического мышления.

С одной стороны, можно считать, что стандарты – это фундамент профессиональной деятельности. Они представляют собой формализованные правила, описывающие требования к квалификации, компетенциям и результатам труда. Профессиональные стандарты выполняют некоторые важные функции, а именно: задают эталон качества труда, обеспечивают безопасность процессов в работе, содействуют коммуникации между специалистами, служат основой для оценки и аттестации персонала. Но, с другой стороны, можно увидеть, что бездумное следование стандартам может принести серьезные риски, такие как, консерватизм (неспособность реагировать на новые вызовы), формализм (подмена сути процедуры соблюдением формы), подавление инициативы, этические конфликты (следование регламенту вопреки здравому смыслу или человеческому достоинству).

Профессиональные стандарты не могут затронуть все многообразие реальных ситуаций. Мир меняется быстрее, чем обновляются нормы.

Поэтому критическое мышление становится ключевым навыком современного профессионала. Оно позволяет: анализировать актуальность существующих стандартов, адаптировать правила к конкретным условиям, предлагать улучшения на основе опыта и данных.

Трудно найти баланс между необходимостью следовать нормам и потребностью их критически переосмысливать. Есть ли возможность совместить стабильность и устойчивость, которую дают стандарты, с гибкостью, которую требует реальность?

Философия предлагает концептуальные инструменты для анализа соотношения внешнего (нормы, правила) и внутреннего (разум, свобода воли личности).

Взгляды на понятие «стандарт» существенно менялись на протяжении истории. Во времена античности стандарт воспринимался как идеал или образец. Платон связывал его с вечными идеями-эйдосами, Аристотель – с логическими категориями и нормами добродетели. В период средневековья стандарты приобрели религиозно-нормативный характер. Нормы фиксировались в канонах – церковных, художественных и ремесленных. С развитием науки и технологий стандарты стали рациональными правилами для упорядочения практики. Формируется идея стандартов как инструментов прогресса: в науке – нормы научного метода (Бэкон, Декарт), в производстве – унификация деталей, мер и веса. В 18-19 вв. осмысление роли стандартов усиливается. Иммануил Кант переосмысливает стандарт как нормативно-критический принцип разума: не следование догме, а способность критически проверять основания норм. В 20 веке стандартизация превращается в систему технических и социальных норм. Стандарт должен адаптироваться к опыту и новым задачам, а критическое мышление помогает его совершенствовать. Выбор Иммануила Канта и Джона Дьюи для обоснования позиции в данной работе обусловлен их фундаментальным вкладом в понимание природы критического мышления, его роли в познании и образовании, а также комплементарностью их идей. Эти философы предлагают разные, но взаимодополняющие подходы к дальнейшему осмыслению понятия стандарта.

В своих работах «Критика чистого разума» (1781) и «Что такое Просвещение» (1784) Иммануил Кант разделил критическое мышление и догматизм, провозгласил автономию разума как условие взросления человечества, отметил, что истинная мораль (и профессионализм) невозможна без свободного суждения.

В эссе «Что такое Просвещение?» Кант формулирует ключевой принцип: «Sapere aude!» («Имей мужество пользоваться собственным

умом!»). Эта идея актуальна и сегодня: специалист должен не только выполнять инструкции, но и понимать их смысл, оценивать их актуальность.

Кантовская этика основывается вокруг категорического императива – безусловного морального закона. В профессиональном контексте стандарты можно рассматривать как аналог категорического императива: они задают универсальные правила и призваны обеспечить объективность и справедливость. Однако Кант акцентирует: следование правилу должно быть осознанным. Специалист, применяющий стандарт, обязан понимать его моральное и практическое обоснование, а также проверять, не противоречит ли следование стандарту другим фундаментальным принципам – гуманизму и безопасности [2].

Другой философский взгляд предлагает Джон Дьюи, который рассматривал критическое мышление как инструмент решения практических проблем. В книге «Опыт и природа» (1925) он развивал мысль: истинно то, что работает, что помогает решать реальные проблемы. Для профессионала это означает: стандарты – не догмы, а инструменты, которые нужно адаптировать к ситуации. В другой своей работе Дьюи утверждал: обучение должно быть активным, а не пассивным. Молодой специалист учится лучше, когда сталкивается с реальной проблемой, ищет способы ее решения, обсуждает с другими, тестирует на практике и анализирует ошибки. Джон Дьюи считал, что критическое мышление – конечная интеллектуальная цель образования, которая имеет ценность как для отдельной личности, так и для всего общества. Его исследования заложили основы для современных подходов к образованию, ориентированных на развитие гибкости мышления, способности адаптироваться к новым условиям и критически оценивать информацию.

В рамках написания научной статьи было проведено анкетирование среди 18 студентов-выпускников высшего учебного заведения, данные результаты позволяют глубже осмыслить связь между профессиональными стандартами и критическим мышлением.

Опрос подтвердил, что подавляющее большинство респондентов (99,9% в совокупности) признают важность критического мышления для будущей профессии. Это соотносится с фразой И. Канта «Имей мужество пользоваться собственным умом!», студенты готовы брать на себя ответственность за осмысление решения, а не слепо следовать инструкциям. А также данный результат полностью согласуется с позицией Дьюи.

50% опрошенных полностью согласны с утверждением, что следование стандартам иногда мешает проявлять критическое мышление,

33,3% скорее согласны с этим утверждением. Это подтверждает кантовскую идею о необходимости баланса: стандарты важны, но они не должны становиться догмой. Студенты интуитивно чувствуют потребность в гибкости – в способности адаптировать нормы к конкретным ситуациям.

Несмотря на признание ограничений стандартов, большинство студентов готовы предлагать улучшения в профессиональные нормы. 55,6% (10 человек) заявили, что обязательно будут предлагать изменения, если увидят несовершенство стандартов, а 22% готовы это делать при наличии реальной возможности. Такой настрой соответствует кантовской концепции автономии разума: профессионал не просто следует правилам, но и критически оценивает их, предлагая рациональные улучшения.

Анализ выбора ценностей показывает, что студенты стремятся к балансу между разными аспектами профессиональной жизни. Наиболее значимыми оказались профессиональное мастерство (44,4%), баланс работы и личной жизни (38,9%), творческая самореализация и материальное благополучие (33,3%).

На вопрос «Считаете ли вы, что критическое мышление – это навык, который можно и нужно развивать в рамках профессионального образования» большинство (61,1%) ответили, что это обязательная часть подготовки специалиста, однако 33,3% считают, развивать нужно, но в ограниченном объеме, важнее практические навыки. Эта позиция частично пересекается с концепцией Дьюи: он не противопоставлял теорию и практику, а предлагал их интеграцию через проблемное обучение. Респонденты, выбирающие практические навыки, отражают прагматическую направленность педагогики Дьюи, где знания служат действию.

Отдельно стоит отметить высокий спрос на дополнительное обучение критическому мышлению. Половина опрошенных готовы с удовольствием пройти соответствующий курс, а еще 33,3% заинтересованы при условии практико-ориентированной программы. Этот результат подтверждает, что студенты не только признают ценность навыка, но и готовы инвестировать свое время в его развитие.

Кант заложил философские основы критического мышления как метода анализа границ познания, подчеркнув важность осознания ограничений разума. Дьюи развил эту идею, связав критическое мышление с образованием и практикой, сделав его инструментом адаптации стандартов к реальным условиям. В контексте профессии это означает, что стандарты должны сочетаться с умением критически оценивать их

применимость, корректировать и создавать новые подходы на основе опыта и рефлексии.

Таким образом, результаты анкетирования демонстрируют целостное соответствие как философскому подходу Иммануила Канта к проблеме стандартов и критического мышления, так и ключевым положениям Джона Дьюи. Связь с философией Канта проявляется в подтверждении актуальности идеи о критическом мышлении как фундаменте для формирования интеллектуальных и профессиональных стандартов, современные студенты осознают ценность критического мышления и его роль. Корреляция с идеями Джона Дьюи выражается в признании критического мышления ключевым компонентом образования, понимании важности обучения с реальной профессиональной практикой, подтверждении тезиса Дьюи о развиваемости мышления через практический опыт и целенаправленное обучение.

Библиографический список

1. Степанова А.В. Критическое мышление как основа профессионального самоопределения личности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 1А. С. 123-128.
2. Некрасова Н.А., Некрасов С.И. Философские основания становления метода критического мышления [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-osnovaniya-stanovleniya-metoda-kriticheskogo-myshleniya>.
3. Кондратьев В.М. Философские основания федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-osnovaniya-federalnogo-gosudarstvennogo-obrazovatel'nogo-standarta-fgos>.

Секция 6. Экономическая безопасность и управление рисками: современные вызовы и угрозы

УДК 339.137

Место и роль системы внутреннего контроля в обеспечении экономической безопасности организации на примере ООО «Роквул»

Адмухамедов Д.А., Калугина А.Л.

Научный руководитель: Быков В.А., канд. экон. наук, доцент

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В 2025–2026 годах российская экономика функционирует в условиях беспрецедентного уровня неопределенности. Геополитическая напряженность, технологические санкции и кардинальная трансформация регуляторной среды формируют новый ландшафт угроз для хозяйствующих субъектов. Промышленные предприятия столкнулись с необходимостью перехода от реактивного к проактивному управлению рисками на фоне геополитической нестабильности, кадрового голода и роста кибератак. Одновременно с этим государство усиливает фискальный контроль: 2026 год ознаменовался повышением ставки НДС до 22%, ужесточением требований к валютному контролю и тотальной цифровизацией налогового администрирования, что кратно увеличивает риски привлечения бизнеса к ответственности. В этих условиях система внутреннего контроля (СВК) перестает быть просто инструментом бухгалтерской сверки и превращается в ключевой элемент экономической безопасности, обеспечивающий не только сохранность активов, но и соблюдение требований в условиях жесткого государственного мониторинга.

Система внутреннего контроля (СВК) представляет собой непрерывный процесс, организуемый руководством организации для получения разумной уверенности в достижении целей в области эффективности деятельности, достоверности отчетности и соблюдения законодательства. В 2026 году СВК выходит за рамки сугубо бухгалтерской функции.

Вопрос оценки эффективности системы внутреннего контроля является ключевым для понимания ее реальной роли в обеспечении экономической безопасности. Традиционный подход, основанный на подсчете количества выявленных нарушений или сумм предотвращенного

ущерба, в 2025–2026 годах признается недостаточным. Современная методология базируется на интеграции нескольких концептуальных подходов, позволяющих оценить как качественные, так и количественные параметры контрольной среды. Если до недавнего времени эффективность СВК измерялась преимущественно ретроспективно (по результатам проверок), то сегодня, в условиях тотальной цифровизации и усложнения бизнес-процессов, на первый план выходит проактивная парадигма. Как подчеркивается в материалах Ассоциации НОВАК, идеал, к которому стремятся компании — это переход от реактивного выявления проблем к их предвосхищению. Соответственно, и методология оценки должна измерять способность системы не просто фиксировать ошибки, но и предотвращать их. Для ООО «Роквул», функционирующего в условиях внешнего управления и отраслевого спада, именно такая, проактивная и риск-ориентированная СВК становится критическим фактором выживания.

Ключевое событие, кардинально изменившее положение компании, произошло в конце декабря 2025 года. Указом Президента РФ от 31.12.2025 № 1011 100% долей ООО «Роквул» и 68% долей ООО «Роквул-Волга» были переданы во временное управление АО «Развитие строительных активов». Датская головная компания утратила контроль над российскими активами и 13 января 2026 года официально объявила об их деконсолидации.

Финансовые показатели российского бизнеса за 2025 год, обнародованные материнской структурой, демонстрируют масштаб деятельности: выручка составила 261 млн евро, операционная прибыль (ЕБИТ) — 78 млн евро. При этом общий размер собственного капитала, подлежащего списанию, оценивался в 469 млн евро по состоянию на 31 декабря 2025 года. В общей сложности датский концерн потерял денежными средствами в России 243 млн евро.

Система корпоративного управления ROCKWOOL A/S включает четкое распределение полномочий между общим собранием акционеров, советом директоров и исполнительным руководством группы. Ключевыми элементами этой системы являются политика управления рисками, кодекс деловой этики, политика комплаенс и механизм whistleblowing (информирования о нарушениях).

Однако наиболее существенные изменения в структуре СВК российского подразделения произошли во второй половине 2025 года, когда компания инициировала масштабный проект по цифровизации процессов управления рисками и внутреннего контроля. Это свидетельствует о том, что менеджмент компании осознавал

необходимость усиления контрольных процедур и повышения прозрачности управления рисками еще до наступления событий, кардинально изменивших юридический статус предприятия. Переход под внешнее управление создает беспрецедентные риски для интеллектуальной собственности и ноу-хау компании. Датская головная структура публично заявила о намерении отстаивать свои права, включая обращение к механизмам двустороннего инвестиционного договора между Россией и Данией. Однако, по собственному признанию компании, в текущих обстоятельствах она не испытывает оптимизма относительно перспектив отмены решения о передаче активов.

В этой ситуации автоматизация контрольных процедур в части разграничения доступа к информации, мониторинга действий пользователей и фиксации всех операций в системе приобретает критическое значение. Внедренная система позволяет управлять пользователями и их правами доступа, что создает основу для контроля за движением информации.

ООО «Роквул» к началу 2026 года создало технологически современную основу для управления рисками и внутреннего контроля, автоматизировав ключевые процессы на платформе 1C:ERP. Однако система оказалась не готова к экстраординарному событию — утрате контроля со стороны материнской компании и переходу под внешнее управление. Это обнажает фундаментальное противоречие: даже самая совершенная автоматизированная система контроля не может гарантировать экономическую безопасность, если риски находятся за пределами компетенции менеджмента и требуют решений на уровне собственников и государства. В текущих условиях ключевой задачей становится адаптация существующей СВК к новым реалиям: перестройка контуров отчетности, переподтверждение полномочий, обеспечение преемственности данных и настройка контрольных процедур под требования нового собственника и усилившийся регуляторный контроль.

Проведенный анализ функционирования системы внутреннего контроля ООО «Роквул» в условиях 2025–2026 годов позволяет выявить ряд системных проблем, которые снижают ее эффективность как инструмента обеспечения экономической безопасности. Эти проблемы носят как объективный характер (связанный с экстраординарными внешними событиями), так и субъективный (связанный с ограничениями самой системы).

Первой проблемой становится разрыв между технологической оснащенностью и стратегической уязвимостью. Внедренная в 2025 году автоматизированная система управления рисками на платформе «1C:ERP.

Управление холдингом» представляет собой современный инструмент, позволяющий вести реестр рисков, проводить их оценку, организовывать самоанкетирование и формировать планы действий. Однако, как показали события декабря 2025 – января 2026 года, система оказалась бессильна перед риском, находящимся за пределами компетенции менеджмента — утратой контроля со стороны материнской компании и передачей активов во временное управление. Датская головная структура публично заявила, что российские заводы «являлись одними из самых сильных в группе» и обладали значительным объемом специализированных ноу-хау, однако наличие современной СВК не предотвратило потерю управленческого контроля.

Второй проблемой является риск технологической и компетентностной деградации. Аналитики Kepler Cheuvreux предупреждают, что потеря контроля над специализированными ноу-хау и технологиями может оказаться более серьезной проблемой, чем непосредственные финансовые потери. С 2022 года датская головная компания не оказывала российским заводам поддержки в виде экспертных знаний, оборудования, запасных частей, инвестиций и сырья. Однако даже пассивное владение предполагало сохранение методологического единства и доступа к лучшим практикам управления рисками. В новых условиях этот канал окончательно утрачен, что создает риск постепенной деградации контрольной среды из-за невозможности обновления методологической базы.

Также кадровые риски и утрата ключевых компетенций является одной из ключевых проблем. Неопределенность, связанная со сменой собственника, всегда создает риски оттока ключевых сотрудников. Для ООО «Роквул» этот риск усугубляется двумя обстоятельствами. Во-первых, система управления рисками, внедренная в 2025 году, требует наличия специалистов, обладающих компетенциями в области риск-менеджмента и работы с автоматизированными системами. Во-вторых, производство каменной ваты является технологически сложным процессом, и утрата ключевых технологов может привести к необратимым последствиям для качества продукции и эффективности производства.

История ООО «Роквул» в 2025–2026 годах является яркой иллюстрацией фундаментального сдвига в понимании экономической безопасности. В эпоху геополитической турбулентности и трансформации моделей управления система внутреннего контроля перестает быть исключительно инструментом надзора и становится стратегическим механизмом сохранения стоимости бизнеса и обеспечения его суверенитета. Даже самая совершенная автоматизация бессильна перед

экстраординарными внешними событиями, однако именно качественная контрольная среда позволяет предприятию пройти через "идеальный шторм" с минимальными потерями, сохранив главное — людей, технологии и способность функционировать.

Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на разработку методологии оценки рисков, учитывающей не только экономические, но и геополитические факторы, а также на формирование моделей СВК, способных эффективно функционировать в условиях смены собственников.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2025 № 1011 «О внесении изменений в перечень движимого и недвижимого имущества, ценных бумаг, долей в уставных (складочных) капиталах российских юридических лиц и имущественных прав, в отношении которых вводится временное управление, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 25 апреля 2023 г. № 302».

2. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2025 № 1011 «О временном управлении некоторым имуществом».

3. Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 23.12.2025 № 03-07-11/125182 «О применении налога на добавленную стоимость при реализации товаров после 1 января 2026 года».

4. Датская Rockwool спишет стоимость переданных во временное управление российских активов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.finmarket.ru/database/news/6542809>.

5. Rockwool считает указ Путина о временном управлении активами незаконным [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/economics/2026/01/14/rockwool-schitaet-ukaz-putina-o-vremennom-upravlenii-aktivami-nezakonnym.html>.

УДК 339

Внешняя торговля Республики Беларусь: современные вызовы и угрозы

Белосов Г.П.

Научный руководитель: Маслак Д.А., магистр

Академия Управления при Президенте Республики Беларусь

Республика Беларусь осуществляет многовекторную внешнеэкономическую политику и активно участвует в международных

интеграционных процессах. Беларусь является экспортоориентированным государством с развитым промышленным и сельскохозяйственным секторами. Экспорт составляет большую часть в структуре ВВП, из-за чего является основным из источников поддерживающих стабильное экономическое развитие страны. Республика Беларусь экспортировала товаров и услуг на сумму \$49 600,9 млн в 2024 г. Отношение данного показателя к ВВП (экспортная квота) превышает 60%.

В 2024 Беларусь экспортировала более 1100 видов товарных позиций на рынки 161 страны мира. Экспорт товаров составил 40,3 млрд. Долларов США и увеличился на 1,2% по отношению к предыдущему году. Основные товары сбыта - продукция машиностроения, металлургии, пищевой и нефтехимической промышленности.

Основные торговые партнеры Беларуси: Россия, страны СНГ, ЕАЭС, ЕС. Так же Республика Беларусь расширяет экспорт на перспективные рынки стран Азии, Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки. Евразийский экономический союз, членами которого являются Республика Беларусь, Российская Федерация, Республика Казахстан, Армения, Кыргызстан, осуществляет поддержку Беларуси в дифференциации рынков сбыта экспортных товаров путём установления экономических отношений со «странами дальней дуги».

Экспорт услуг в 2024 составил 9,9 млрд. долларов, что на 14% больше уровня 2023 года. Динамика роста экспортируемых Республикой Беларусь услуг в млрд. долларов США за 2020–2024 гг. представлена на рисунке 1.

Исходя из данных, представленных выше, можно сделать вывод, что Экономическое положение Республики Беларусь напрямую зависит от экспорта. Это ставит Беларусь в положение прямой зависимости от международных отношений и напрямую от стран партнеров.

Подписанный 8 декабря 1999 года договор о создании Союзного государства является правовой основой белорусско-российских отношений. Россия является основным торговым партнером Беларуси и крупнейшим рынком сбыта экспортных товаров и услуг. Около 60% всего экспорта Беларуси приходится на Российскую Федерацию. Товарооборот между Беларусью и Россией в 2024 году составил, по заявлениям официальных лиц, \$56,7–60 млрд (включая товары и услуги), достигнув рекордных показателей. Двусторонняя торговля в последние годы показывает стабильный рост. По итогам 2023 года товарооборот Беларуси и России составил \$53 млрд, превысив на 6% результат предыдущего, 2022 года.

Рисунок 1. Динамика роста экспортируемых Республикой Беларусь услуг в млрд. долларов США за 2020–2024 гг.

Каждые два года Беларусь и Россия заключают программу согласования действий в области внешней политики, что координирует действия этих стран на современной политической арене. В 2024 году был принят закон "О ратификации Договора между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о гарантиях безопасности в рамках Союзного государства". В международном Договоре закреплены взаимные гарантии по осуществлению необходимых мер в случае посягательств на безопасность Беларуси и России, а также Союзного государства в целом.

Союзное государство Беларуси и России является уникальным геополитическим субъектом, предоставляющий государствам обширный спектр возможностей для совместного развития социальных, культурных, экономических и других сфер. Однако геополитическая обстановка в мире оказывает прямое и негативное влияние на данный союз в целом и на его участников по-отдельности. Для примера можно взять следующие санкции: регламент Совета (ЕС) № 765/2006 от 18 мая 2006 г. и решение Совета № 2012/642/CFSP от 15 октября 2012 г. А так же учитывая санкции, введённые США, ЕС и отдельно взятыми странами Европы, в Республике Беларусь складываются неблагоприятные условия для развития торговли с западными государствами, что влечёт за собой консолидацию со вторым союзным государством. Зависимость Беларуси от Российской Федерации в экономических отношениях ставит под вопрос устойчивость этих самых отношений.

По оценке Росстата прирост ВВП за 2025 года составил 1% после 4,9% за 2024 год в целом. На фоне жёстких денежно-кредитных условий видно охлаждения экономики – падение внутреннего потребительского, и инвестиционного спроса. Замечено значительное снижение прироста ВВП в различных сферах экономики. Замедление темпов роста реальных

денежных доходов населения и напряжённая ситуация на рынке труда Российской Федерации снижает потребительский спрос на покупку товаров. Высокая кредитная ставка так же оказывает большое влияние, в частности, на инвестиции. Экономическая политика Российской Федерации помогла сохранить макроэкономическую стабильность, снизить инфляцию. Но это не способствовало увеличению спроса, в том числе на белорусскую продукцию.

Для Беларуси это значит замедление темпов роста экспортируемых товаров. Помимо высокой конкуренции в сферах, составляющих основу белорусского экспорта, а именно машиностроение, сокращается общий объём закупок и инвестиций. В ситуации, где государство не может в краткий срок сменить рынок сбыта из-за его объёмов и отсутствия спроса, под угрозу ставится экономическая безопасность страны. По словам Владислава Ярошевича, кандидата экономических наук: «Любые пертурбации на экспортных рынках, особенно ключевых, таких, как Россия, тут же сказывается на нашей экспортоориентированной промышленности, которая является драйвером всей экономики».

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что Республика Беларусь находится в состоянии нужды поиска новых экономических партнеров. Разведывание рынков сбыта и установление партнерских отношений, происходящие в данный момент, не могут дать стабильность и уверенность как в ближайшем, так и в далеком будущем. Ориентация на российский рынок и на потребности Российской Федерации сужает круг стран, чьи интересы могли бы быть удовлетворены продукцией Республики Беларусь.

Подводя итог, следует отметить выгоду отношений, установившихся с Российской Федерацией. Но быстрота изменений в мировой политике заставляет задуматься о том, насколько безопасно ориентировать производство и сбыт товар в основной своей массе на один рынок. Республика Беларусь должна быть готовой к повороту своей экономической политики в любую сторону без разрушительного урона для государства и его населения.

Библиографический список

1. Официальный интернет портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://visityaroslavia.ru/ru>.
2. Официальный портал Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belstat.gov.by/>.
3. Официальный сайт Министерства Экономического Развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economy.gov.ru/>.

4. Официальный сайт Посольства Республики Беларусь в Королевстве Бельгия [Электронный ресурс]. URL: <https://belgium.mfa.gov.by/ru/>.

5. Финансовый портал Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://myfin.by/>.

УДК 504.03

Экологические и экономические риски в системе обеспечения национальной безопасности: вызовы и угрозы 2026 года

Белоусова П.С., Шмыкова В.С

Научный руководитель: Кокищ Е.В., канд. экон. наук, доцент

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия

В 2026 году экологическая повестка в России окончательно трансформировалась из маркетинговой стратегии в критически важный элемент операционной устойчивости и экономической безопасности. Современные вызовы характеризуются жестким переплетением фискального давления, необходимости технологического суверенитета и предиктивного анализа климатических угроз.

С 1 января 2026 года в России начинают действовать обновленные ставки платы за негативное воздействие на окружающую среду, утвержденные правительственным распоряжением на период до 2030 года. Основной угрозой для экономической устойчивости предприятий становится резкий рост издержек: в среднем ставки увеличились на 50–80%, однако по ряду категорий зафиксирован кратный скачок. Например, сбор за полимерную упаковку на бумажной основе вырос практически в 11 раз, что создает беспрецедентное давление на ценообразование в пищевой и логистической отраслях.

Для руководителей компаний это означает необходимость экстренного пересмотра бюджетов и планирования авансовых платежей. Экономическая безопасность предприятия в 2026 году напрямую зависит от эффективности экологического менеджмента. Несвоевременная уплата или представление недостоверной отчетности теперь караются штрафами, суммы которых увеличились в 2–4 раза, достигая сотен тысяч рублей за разовое нарушение. Таким образом, риск-менеджмент в сфере экологии переместился из вспомогательных функций в разряд приоритетных задач высшего руководства.

Главной технологической тенденцией 2026 года стало использование искусственного интеллекта для моделирования климатических сценариев

и анализа цепочек поставок на предмет рисков для биоразнообразия. Устойчивое развитие перешло от концепции минимизации вреда к логике построения сверхэффективных производств. Предиктивная аналитика позволяет снижать счета за электроэнергию и сокращать время простоя оборудования за счет оперативного мониторинга выбросов и сбросов.

Однако цифровизация порождает собственные вызовы. Центры обработки данных, обеспечивающие работу ИИ, стали основными потребителями «чистой» энергии, что в 2026 году привело к дефициту мощностей в ряде регионов. Экономическая безопасность здесь рассматривается через призму стабильного энергоснабжения и способности сетей адаптироваться к новым темпам подключения. Внедрение реестровой модели разрешительной деятельности (КЭР) ускорило легализацию бизнеса до 9 рабочих дней, что повысило прозрачность, но потребовало от компаний высокого уровня цифровой зрелости.

Наряду с экологическими вызовами, экономическая безопасность 2026 года сталкивается с демографическим давлением. Прогнозы указывают на снижение рождаемости на 14% по сравнению с предыдущими периодами, что провоцирует дефицит кадров и рост затрат на привлечение специалистов. В условиях санкционного давления и инфраструктурных ограничений особую остроту приобретает продовольственная безопасность. Высокие транспортные расходы и риски несвоевременной доставки продукции вынуждают государство и бизнес искать новые модели распределительной логистики, защищенные от внешнего влияния.

Библиографический список

1. Угрозы в сфере обеспечения экономической безопасности государства. Пути их нейтрализации [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugrozy-v-sfere-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti-gosudarstva-puti-ih-neytralizatsii>.

2. Социально-демографический аспект национальной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-demograficheskij-aspekt-natsionalnoy-bezopasnosti>.

3. Роль искусственного интеллекта в развитии экологически устойчивых городских систем [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/327307/1/184-188.pdf>.

4. Глобальная трансформация [Электронный ресурс]. URL: <https://econs.online/articles/finansovaya-stabilnost/globalnaya-transformatsiya>.

Методы выявления, анализа и оценки наиболее критичных рисков в оптовых фармацевтических компаниях

Букреева М.Н.

*Научный руководитель: Чистякова В.И., канд. экон. наук, доцент
Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск*

Фармацевтическая отрасль характеризуется высокой степенью регуляторного контроля, строгими требованиями к качеству продукции и значительной социальной ответственностью. В связи с этим управление рисками является важнейшим элементом устойчивого функционирования фармацевтических компаний.

Критичные риски представляют собой угрозы, обладающие высокой вероятностью возникновения и значительными последствиями для деятельности компании и системы здравоохранения в целом. Их реализация может привести к остановке операционной деятельности, крупным финансовым потерям, отзыву продукции с рынка и утрате доверия со стороны потребителей и регулирующих органов.

Можно выделить наиболее характерные критичные риски фармацевтических компаний [2]:

1. Политические и макроэкономические риски. Они связаны с геополитическими изменениями, санкционными ограничениями, колебаниями валютных курсов и изменениями внешнеэкономической политики.

2. Логистические риски. Фармацевтическая продукция требует строгого соблюдения условий транспортировки и хранения [3].

3. Риск срыва поставок. Зависимость от ограниченного числа поставщиков может привести к дефициту лекарственных препаратов и невыполнению контрактных обязательств.

4. Финансовые риски. К ним относятся рост дебиторской задолженности, задержки платежей по контрактам и снижение ликвидности компании [4].

5. Репутационные и регуляторные риски. Нарушение требований законодательства, ошибки маркировки или поставка недоброкачественной продукции могут привести к штрафам, судебным разбирательствам и снижению доверия потребителей.

Следовательно, критичные риски фармацевтических компаний имеют комплексный характер и требуют применения специальных методов анализа и оценки.

В практике риск-менеджмента используется широкий спектр методов оценки рисков [1]. Наиболее распространёнными являются: экспертные методы оценки, матрица «вероятность – последствия», метод анализа видов и последствий отказов (FMEA), сценарный анализ, причинно-следственный анализ.

Для оценки рисков в фармацевтической деятельности особенно эффективным является метод «галстук-бабочка» (Bow-Tie Analysis), который позволяет одновременно анализировать причины возникновения риска и последствия его реализации, системно представить структуру риска и определить ключевые точки контроля [5].

Метод представляет собой схематическую модель развития опасного события: в центре располагается ключевое риск-событие, слева отображаются причины его возникновения, а справа — возможные последствия. Между ними располагаются барьеры контроля, направленные на предотвращение риска или снижение ущерба.

Применение метода «галстук-бабочка» показывается в форме диаграммы (рис. 1). Ее построение начинается с определения ключевого риск-события, которое может привести к негативным последствиям. Выявляются причины возникновения риска. Слева на диаграмме от центрального события указываются факторы, способные привести к его возникновению. Определяются последствия реализации риска. В правой части схемы фиксируются возможные последствия. Затем разрабатываются и применяются профилактические меры и защитные барьеры, направленные на предотвращение возникновения риска и снижению ущерба.

Рисунок 1. Диаграмма «галстук-бабочка»

Выявление критичных рисков методом «галстук-бабочка» предлагается дополнить причинно – следственным анализом и количественной экспертной оценкой возможных потерь в форме ожидаемого ущерба. Ожидаемый финансовый ущерб можно рассчитать по формуле: $EL=P \times L$, где P — вероятность возникновения события, L — величина возможного ущерба. Такой комбинированный подход позволит более точно оценить критичные риски особенно в процессах логистики и хранения.

Критичным риск-событием определено превышение допустимого температурного диапазона хранения термолабильных реагентов. Данный риск является одним из наиболее характерных для фармацевтической дистрибуции и может привести к порче продукции, её последующему списанию, а также финансовым и репутационным потерям компании.

Для повышения точности количественной оценки рисков в исследовании применялся экспертный метод, основанный на привлечении специалистов, обладающих практическим опытом работы в фармацевтической дистрибуции.

В состав экспертной группы вошли четыре профильных специалиста: ведущий логист, менеджер по качеству (ответственный за GDP), юрист, финансовый аналитик. Им было предложено оценить вероятность возникновения каждой причины риска и возможные его последствия. Оценка проводилась по балльной шкале от 1 до 5. Эксперты также оценивали: эффективность существующих барьеров контроля; вероятность реализации негативных последствий при отсутствии барьеров защиты. Результаты экспертной оценки позволили определить усреднённые значения вероятностей возникновения факторов риска, которые впоследствии были использованы для расчёта ожидаемого финансового ущерба. На основе полученных результатов средние экспертные оценки были преобразованы в вероятностные значения и использованы при расчёте ожидаемого финансового ущерба.

Для количественной оценки возможных финансовых потерь был выполнен расчёт ожидаемого ущерба по основным причинам возникновения логистического риска (табл. 1).

Совокупный ожидаемый ущерб (EL) составил 16,75 млн тенге.

Полученные результаты показывают, что наибольший вклад в общий уровень риска вносит нарушение контрактных обязательств поставщиком (6,25 млн тг), а также сбой транспортной логистики (5,4 млн тг).

В результате исследования предложен комбинированный подход, который позволяет не только выявлять причины возникновения рисков, но и количественно оценивать их экономические последствия.

Количественно обосновано, что деятельность оптовых фармацевтических компаний сопровождается значительным количеством рисков, связанных с логистикой, финансовыми операциями, регуляторными требованиями и внешнеэкономическими факторами.

Таблица 1. Расчёт ожидаемого финансового ущерба от реализации логистического риска в оптовой фармацевтической компании

Причина риска	Вероятность	Потери (млн тг)	Ожидаемый ущерб, млн тг
Сбой транспортной логистики	0,30	18	5,4
Задержка оплаты	0,30	12	3,6
Ошибка маркировки	0,15	10	1,5
Нарушение контракта поставщиком	0,25	25	6,25
Совокупный ожидаемый ущерб	1,0	65	16,75

Наиболее эффективным инструментом анализа рисков является метод «галстук-бабочка», который позволяет системно представить взаимосвязь причин, риск-события и последствий. Его сочетание с экспертными методами количественной оценки позволяет рассчитать ожидаемый финансовый ущерб и определить приоритетные направления управления рисками. Внедрение предложенного комбинированного подхода позволит фармацевтическим дистрибьюторам минимизировать вероятность нарушения «холодовой цепи», сократить финансовые потери и обеспечить бесперебойное снабжение системы здравоохранения качественными препаратами.

Библиографический список

1. ГОСТ Р ИСО/МЭК 58771-2019. Менеджмент риска. Технологии оценки риска. М.: Стандартинформ, 2019. 14 с.
2. Букреева М.Н. Критичные риски фармацевтических компаний в обеспечении общественного здоровья / М.Н. Букреева, В.И. Чистякова // материалы XIV Международной научно-практической конференции. 19–20 сентября 2024 г. / отв. ред. Ю. Ю. Шурыгина. В 2 т. - Улан -Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2025. Т. 1. С.91.
3. Кононов А.Н. Кризис фармдистрибуции: факторы деформации условий контрактации в товаропроводящей логистической цепи рынка // Журнал монетарной экономики и менеджмента. 2024. № 12. С. 8–14.
4. Ерохина В.Н. Развитие методологии финансового анализа и оценки рисков коммерческой организации / В.Н. Ерохина, Н.А. Антонова // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2024. № 12 (93-94). С. 31–36.

5. Фильберт Р.А. Методологии оценки рисков ИБ: сравнительный анализ // Шаг в науку – 2024: сборник трудов региональной научно-практической конференции (Новосибирск, 2024 г.). Новосибирск: [б. и.], 2025. С. 284–288.

УДК 338.2

Информационные технологии в системе экономической безопасности предприятия

Введенский Е.А., Торбеев С.Н.

*Научный руководитель: Быков В.А., канд. экон. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Высокий темп цифровизация экономики радикально меняет характер угроз для бизнеса и делает информационные технологии неотъемлемым элементом системы экономической безопасности предприятия. Рост объёмов данных, распространение облачных сервисов, «интернета вещей» и удалённых форм занятости приводит к расширению «поверхности атаки» и повышает уязвимость хозяйствующих субъектов. Вследствие этого экономическая устойчивость предприятия всё чаще зависит не только от традиционных финансовых и производственных факторов, но и от способности управлять информационными рисками и защищать ключевые цифровые активы. Подобная трансформация внешних и внутренних условий требует от руководителей пересмотра подходов к организации защиты бизнеса, поскольку игнорирование информационных угроз может привести к существенным потерям и подрыву конкурентных позиций на рынке.

В экономической литературе экономическая безопасность предприятия определяется как состояние защищённости его жизненно важных интересов от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее стабильное функционирование и развитие в долгосрочной перспективе. Среди основных функциональных составляющих выделяются финансовая, производственная, кадровая, правовая и информационная подсистемы, причём информационная компонента постепенно приобретает системообразующий характер. Через информационные потоки проходят все ключевые процессы управления, от принятия стратегических решений до оперативного контроля, поэтому нарушение защищённости

информации затрагивает все остальные подсистемы безопасности предприятия [3, с. 59].

Информационная безопасность в контексте бизнеса трактуется как состояние защищённости информационных ресурсов и потоков от несанкционированного доступа, искажения, уничтожения и утечки, необходимое для устойчивого развития хозяйственной системы. Это понятие включает технические, программные и организационные меры, направленные на защиту процессов формирования, обработки, хранения и передачи сведений, имеющих ценность для предприятия. Нарушение информационной безопасности перетекает в экономические потери через простой производственных процессов, штрафы со стороны регуляторов, ущерб деловой репутации и утрату конкурентных преимуществ. Особенно чувствительны к подобным рискам компании, работающие с персональными данными клиентов, поскольку утечка такой информации влечёт не только финансовые санкции, но и потерю доверия клиентов и партнёров.

Информационные технологии обладают двойственной природой в системе экономической безопасности предприятия: с одной стороны, формируют новые риски, с другой — предоставляют инструменты для их выявления, предотвращения и минимизации. Широкое внедрение цифровых платформ, электронного документооборота, систем дистанционного банковского обслуживания и облачных сервисов усиливает зависимость бизнеса от устойчивости информационной инфраструктуры и качества киберзащиты. С каждым годом компании становятся более зависимыми от бесперебойной работы информационных систем, поэтому любой сбой или атака могут парализовать хозяйственную деятельность на продолжительное время.

В то же время исследования показывают, что создание и внедрение специализированных информационных систем экономической безопасности позволяет повысить эффективность мониторинга, прогнозирования и управления угрозами. Автоматизация процессов идентификации подозрительных операций, анализ аномалий в финансовых и логистических потоках, интеграция данных из разнородных источников существенно сокращают время реакции на инциденты и уменьшают потенциальные убытки. В итоге информационные технологии становятся ключевым ресурсом, который при грамотном использовании преобразует безопасность из затратной функции в фактор стратегического преимущества предприятия.

Современная система экономической безопасности предприятия базируется на комплексе технологических решений, охватывающих как

уровень инфраструктуры, так и уровень бизнес-процессов. Во-первых, это технологии информационной безопасности: межсетевые экраны, системы предотвращения вторжений, средства защиты от DDoS-атак, решения класса WAF, DLP и SIEM. Их применение обеспечивает фильтрацию трафика, предотвращение утечек конфиденциальной информации, централизованный сбор и корреляцию событий безопасности, что создаёт основу для оперативного управления инцидентами. Во-вторых, важную роль играют аналитические решения на основе «больших данных» и машинного обучения, позволяющие выявлять сложные и скрытые угрозы через анализ транзакций, логов и производственных показателей с целью обнаружения аномалий, типичных для мошенничества или коррупции. В-третьих, облачные технологии обеспечивают масштабируемость и бесперебойность критически важных сервисов, позволяя снизить издержки на поддержание собственной ИТ-инфраструктуры и усилить защищённость за счёт средств кибербезопасности провайдера. Отдельное место занимают технологии управления доступом и идентичностью, где корректная настройка прав доступа, многофакторная аутентификация и мониторинг операций снижают вероятность злоупотреблений со стороны персонала и атак через компрометацию учётных данных [3, с. 60].

Эффективность применения информационных технологий во многом зависит от их интеграции в нормативно-правовую среду. В российской практике значимым ориентиром выступает Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», устанавливающий базовые принципы обработки личной информации и обязывающий операторов принимать необходимые меры для защиты данных от неправомерного доступа [2]. Дополнительно Постановление Правительства Российской Федерации от 01.11.2012 № 1119 «Об утверждении требований к обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» утверждает конкретные требования к обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах [1]. Нарушение этих требований влечёт крупные штрафы и иные санкции, что так же делает инвестиции в системы безопасности экономически обоснованными.

Наряду с правовым регулированием важнейшим фактором выступает подготовка кадров. Обучение персонала основам кибергигиены, формирование культуры ответственного обращения с данными и развитие компетенций аналитиков по работе с цифровыми системами риска становятся обязательными элементами стратегии экономической и информационной безопасности предприятия. Даже самые совершенные

технические средства не гарантируют защищённости без грамотных действий сотрудников, поскольку человеческий фактор остаётся одним из наиболее уязвимых мест в системе защиты [3, с. 61].

Проведённое исследование позволяет сформулировать ключевые выводы. Прежде всего, процесс цифровизации приводит к трансформации структуры потенциальных угроз, делая управление информационными рисками обязательным условием экономической устойчивости предприятия. Во-вторых, информационные технологии обладают двойственной природой: создавая новые уязвимости, они одновременно предоставляют инструменты защиты. В-третьих, соблюдение нормативных требований (152-ФЗ, Постановление № 1119) делает инвестиции в безопасность экономически обоснованными. Так же стоит отметить, что эффективность системы защиты зависит от системного подхода, объединяющего технологические решения, правовые механизмы и развитие компетенций персонала, но не стоит упускать из виду и человеческий фактор. Таким образом, экономическая безопасность современного бизнеса немыслима без комплексного использования информационных технологий, обеспечивающих защиту активов и непрерывность деятельности в условиях переменчивости текущий реалий.

Библиографический список

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 01.11.2012 № 1119 «Об утверждении требований к обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» (ред. от 29.03.2019).

2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 04.08.2023).

3. Мамателашвили О.Р., Рафиков Г.Р. ИТ-технологии в обеспечении экономической безопасности предприятия // Экономика. Бизнес. Банки. 2025. Т. 4. № 1. С. 59–62.

УДК 338.1

Комплаенс-контроль как организация текущего контроля процедур по управлению комплаенс-рисками

Волков В.В.

*Научный руководитель: Быков В.А., канд. экон. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В условиях ужесточения регуляторных требований и роста числа международных санкций вопросы комплаенса приобретают особую актуальность для организаций любого масштаба. Несоблюдение законодательных норм и отраслевых стандартов может привести к существенным финансовым потерям (штрафы, санкции) и репутационным рискам [1]. Согласно международным стандартам ISO 37301:2021, комплаенс-контроль представляет собой непрерывный процесс мониторинга и оценки соответствия деятельности организации нормативным требованиям [2]. В российских компаниях внедрение эффективных механизмов комплаенса становится обязательным условием работы на международном рынке и привлечения инвестиций.

Цель исследования — раскрыть роль комплаенс-контроля в системе управления рисками и предложить подходы к его совершенствованию. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: определить сущность и функции комплаенс-контроля, описать этапы организации текущего контроля комплаенс-процедур, проанализировать методы выявления и оценки комплаенс-рисков, сформулировать рекомендации по повышению эффективности системы. Объектом исследования выступают процессы управления комплаенс-рисками в организациях, предметом — механизмы комплаенс-контроля.

Комплаенс (от англ. *compliance* — соответствие) означает соблюдение организацией внешних и внутренних нормативных требований. Комплаенс-контроль — это система мероприятий, направленных на мониторинг соблюдения законодательства, выявление нарушений и потенциальных рисков, а также предотвращение негативных последствий, таких как штрафы и репутационные потери [3, с. 45].

Ключевые функции комплаенс-контроля включают предупредительную, контрольную, аналитическую и реагирующую составляющие. Предупредительная функция направлена на минимизацию рисков через обучение персонала и разработку регламентов. Контрольная функция обеспечивает проверку соответствия операций установленным нормам. Аналитическая функция предполагает оценку эффективности действующих процедур, а реагирующая — принятие мер при выявлении нарушений [4, с. 112].

Эффективный комплаенс-контроль строится на циклическом процессе, который включает несколько последовательных этапов. На первом этапе осуществляется идентификация рисков — анализ внешних (законы, санкции) и внутренних (процессы, сотрудники) факторов, способных привести к нарушениям. Примером такого риска может служить вероятность коррупции при взаимодействии с контрагентами [1].

Второй этап — оценка рисков — предполагает количественную и качественную оценку вероятности и последствий с использованием матриц рисков. Каждому сценарию присваивается уровень: низкий ($P < 0,3$), средний ($0,3 \leq P \leq 0,7$) или высокий ($P > 0,7$) [3, с. 67].

На третьем этапе происходит разработка процедур — создание регламентов, политик и контрольных точек. В качестве примера можно привести внедрение «правила четырёх глаз» для финансовых операций свыше [4, с. 120]. Четвёртый этап — мониторинг — подразумевает регулярную проверку выполнения процедур через аудиты, автоматизированные системы отслеживания транзакций и опросы сотрудников [2]. Пятый этап — отчётность — связан с формированием отчётов для руководства и регуляторов, где ключевыми факторами выступают прозрачность данных и оперативность реагирования [3, с. 88]. Завершающий шестой этап — корректировка — предусматривает внесение изменений в политику на основе результатов мониторинга [4, с. 135].

Для реализации текущего контроля применяются различные методы и инструменты. Ручное тестирование включает выборочные проверки документов и интервью с сотрудниками. Автоматизированные системы охватывают программное обеспечение для мониторинга транзакций (например, выявление аномальных платежей) и инструменты анализа больших данных для прогнозирования рисков. Внутренний аудит представляет собой независимые проверки соответствия процессов стандартам. Рейтинги комплаенс-зрелости позволяют оценить уровень развития системы по шкале от базового (формальное соблюдение норм) до продвинутого (интеграция с бизнес-стратегией) [2; 4, с. 142].

На практике организации сталкиваются с рядом проблем, снижающих эффективность комплаенс-контроля. К наиболее распространённым трудностям относятся фрагментарность данных из-за отсутствия единой ИТ-системы, сопротивление сотрудников изменениям и высокая стоимость внедрения автоматизированных решений [3, с. 95]. Для преодоления этих сложностей можно предложить несколько рекомендаций. Во-первых, интеграция с ERM (Enterprise Risk Management) позволяет объединить комплаенс-контроль с общей системой управления рисками. Во-вторых, обучение персонала через регулярные тренинги по актуальным регуляторным требованиям способствует повышению осведомлённости сотрудников. В-третьих, использование искусственного интеллекта, в частности алгоритмов машинного обучения, помогает выявлять скрытые паттерны нарушений. Наконец, формирование культуры комплаенса создаёт корпоративную среду, где соблюдение норм становится нормой поведения [4, с. 150–155].

Важным аспектом внедрения комплаенс-контроля является его адаптация к специфике отрасли и масштабу организации. Например, в финансовом секторе особое внимание уделяется противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма (ПОД/ФТ), что требует интеграции специализированных модулей в систему комплаенса. В производственных компаниях акцент смещается на соблюдение экологических норм и стандартов охраны труда. Малый бизнес, в свою очередь, может использовать упрощённые процедуры с фокусом на ключевые регуляторные требования, чтобы минимизировать затраты на внедрение системы [3, с. 110].

Особую роль в развитии комплаенс-контроля играют международные практики и опыт транснациональных корпораций. Многие зарубежные компании уже внедрили системы непрерывного мониторинга в режиме реального времени, что позволяет оперативно реагировать на изменения регуляторной среды. Перспективным направлением является использование блокчейна для обеспечения прозрачности транзакций и смарт-контрактов с встроенными комплаенс-правилами. Адаптация этих решений для российских реалий может значительно повысить эффективность отечественных систем контроля [4, с. 175].

Таким образом, комплаенс-контроль является неотъемлемой частью системы управления рисками, обеспечивая устойчивое развитие организации в условиях высокой регуляторной нагрузки. Его эффективность зависит от чёткой методологии идентификации и оценки рисков, внедрения современных технологических инструментов и вовлечённости всех уровней персонала. Перспективным направлением развития выступает цифровизация процессов, позволяющая перейти от реактивного реагирования к проактивному управлению комплаенс-рисками [2; 4, с. 160]. Внедрение комплексных решений, сочетающих автоматизацию, обучение и культурное развитие, даёт организациям возможность не только минимизировать риски, но и использовать комплаенс как стратегическое преимущество в конкурентной среде.

Библиографический список

1. Федеральный закон № 115-ФЗ «О противодействии легализации доходов, полученных преступным путём».
2. ISO 37301:2021 Compliance management systems.
3. Иванов А.В. Управление комплаенс-рисками: теория и практика. М.: Проспект, 2023. 240 с.
4. Smith J. Compliance in the Digital Age. London: Risk Press, 2022. 185 p.

Совершенствование методов аудита экономической безопасности хозяйствующего субъекта

Глазунов А.Д., Скобелев М.С.

*Научный руководитель: Быков В.А., канд. экон. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Современная деловая среда характеризуется повышенной переменчивостью рыночных условий, что создаёт существенные вызовы для отечественных компаний в вопросах сохранения устойчивости бизнеса, поскольку постоянные изменения законодательства, рост конкуренции и возникновение новых рисков требуют от организаций создания надёжных систем защиты экономических интересов, в связи с чем контроль экономической безопасности выходит на первый план в управленческой практике, а аудиторские процедуры становятся неотъемлемым элементом защитных механизмов.

Целью работы выступает формирование практических рекомендаций по улучшению методического содержания аудита экономической безопасности через критический обзор действующих подходов и обнаружение их слабых мест, для чего в исследовании применён комплексный метод, включающий классификацию известных методик, их сопоставительный анализ и логическое обобщение полученных результатов.

Под аудитом экономической безопасности понимается независимая экспертиза уровня защищённости организации от потенциальных угроз внутреннего и внешнего характера, способных причинить материальный ущерб или подорвать репутацию компании, при этом существующие подходы к проведению такого аудита содержат ряд методологических пробелов, снижающих их прикладную ценность, что определяет актуальность поиска путей их модернизации [5].

Изучение профильных источников демонстрирует наличие множественных концептуальных моделей оценки защищённости предприятий, различающихся по полноте информационной базы и вычислительной трудоёмкости, где индикаторная модель базируется на сопоставлении текущих параметров деятельности с нормативными ориентирами, к достоинствам которой можно отнести доступность расчётов и минимальные временные затраты, а к недостаткам — высокую

долю субъективности при установлении критических значений и частичного охвата проблемных зон [1]. Функционально-ресурсная модель рассматривает отдельные направления работы организации и позволяет детализировать оценку по каждому направлению и адаптировать под отраслевую принадлежность, однако ограничения связаны с неустоявшимся перечнем оцениваемых функций и преобладанием исторических данных над прогнозными. Модель рисков фокусируется на выявлении и классификации дестабилизирующих факторов, даёт возможность проработать конкретные сценарии угроз, но сложности возникают при попытке количественного описания динамических характеристик организации в контексте внешних перемен. Комплексная модель опирается на вычисление сводного индекса безопасности, обеспечивает всесторонний учёт влияющих факторов, однако обратная сторона заключается в высокой вычислительной нагрузке и многоуровневом характере процедуры оценивания. Анализ выявил системные затруднения, мешающие организациям достигать приемлемого уровня защищённости, среди которых доминирование реактивных мер над превентивными, недостаточная отлаженность внутренних каналов информации и концентрация усилий на ликвидации последствий вместо предотвращения причин [2].

Ключевой задачей видится построение управленческой системы с постоянным отслеживанием внешней среды и позиционирования организации в ней, так как опора исключительно на экспертное чутье не гарантирует оптимальных результатов в конкурентной борьбе [4]. Предлагаемая методика улучшения аудита включает последовательные шаги, начиная с создания информационного фундамента аудита, где базой служат бухгалтерская отчётность, ключевые производственно-экономические индикаторы, сведения о человеческих ресурсах и другие значимые массивы данных. Затем следует выявление оценочных индикаторов для каждого структурного элемента организации, что критически влияет на результативность всей защитной системы, после чего применяется комплексный расчёт с отраслевой адаптацией, где индекс безопасности выводится из группировки показателей по функциональной принадлежности, временному горизонту или приоритетности для данной организации. Далее устанавливается градационная шкала с фиксированными пороговыми значениями, где ключевое требование заключается в прозрачности интерпретации и доступности вычислений, и завершается процесс встраиванием итогов аудита в процесс разработки управленческих решений, чтобы он трансформировался из эпизодического мероприятия в компонент

постоянного наблюдения. Координация действий между подразделениями внутреннего контроля и экономической безопасности даёт возможность обнаруживать и нейтрализовать источники потерь через установление ответственных лиц, что усиливает персональную ответственность и сокращает финансовые издержки, а включение внутреннего аудита в контур экономической безопасности способствует рациональному использованию внутренних резервов и улучшению экономических показателей. Оперативная диагностика состояния защищённости даёт возможность своевременно парировать угрозы или адаптироваться к изменившимся обстоятельствам, гарантируя стабильность бизнес-процессов [3; 5].

По итогам исследования сформулированы следующие положения: при вариативности трактовок термина «экономическая безопасность» научное сообщество единодушно признаёт необходимость её регулярной диагностики в управленческом цикле; рассмотрение известных методик подтверждает наличие у каждой из них как сильных сторон, так и зон уязвимости, не всегда позволяющих с достаточной точностью зафиксировать реальное состояние организации; наибольшую перспективность демонстрирует комплексный подход с агрегацией данных в итоговую оценку, скорректированный под уникальные характеристики конкретного субъекта хозяйствования; набор аудиторских методов и средств выступает критически важным средством для быстрого реагирования на вызовы и своевременному проектированию управленческих мер, являясь основным компонентом системы защиты экономических интересов.

Библиографический список

1. Скворцов М.А. Основные методики оценки экономической безопасности предприятия // Московский экономический журнал. 2022. Т. 7. № 9.
2. Кобзев А.А. Аудит в системе управления экономической безопасностью хозяйствующих субъектов // Евразийский научный журнал. 2024. № 5.
3. Экономическая безопасность организации: анализ, задачи, факторы, риски и угрозы [Электронный ресурс]. URL:https://focus.kontur.ru/site/news/52180ekonomicheskaya_bezopasnost_organizacii.
4. Кузнецова А.Ю. Анализ и оценка состояния экономической безопасности предприятия // Международный научный журнал «Вестник науки». 2022. № 3 (48). Т. 1. С. 43-44.
5. Климова Е.З. Показатели оценки экономической безопасности

предприятия / Е.З. Климова, И.А. Павлова // Инновационные аспекты развития науки и техники: сборник статей XII Международной научно-практической конференции, Саратов, 12 августа 2021 года. Саратов: Индивидуальный предприниматель Емельянов Н.В., 2021. С. 101-105.

УДК 631.162:631.16:338.43

Риски реализации продукции растениеводства и их влияние на экономическую безопасность предприятия

Гордиевич Е.Э.

*Научный руководитель: Ржеуцкая О.В., старший преподаватель
Белорусская государственная сельскохозяйственная академия*

Экономическая безопасность сельскохозяйственного предприятия представляет собой состояние защищенности его финансовых, производственных и рыночных интересов от внутренних и внешних угроз. Ключевым элементом экономической безопасности выступает стабильность процесса реализации продукции растениеводства, поскольку именно на стадии сбыта формируется выручка и прибыль предприятия. Реализация продукции растениеводства сопряжена с многочисленными рисками, которые при неблагоприятном стечении обстоятельств могут подорвать финансовую устойчивость хозяйства и поставить под угрозу его дальнейшее функционирование [1, с. 45].

Теоретической основой исследования выступает концепция риск-менеджмента в агропромышленном комплексе, согласно которой риски реализации классифицируются по нескольким группам. Ценовые риски связаны с высокой волатильностью рыночных цен на продукцию растениеводства. Сезонность производства и скоропортящийся характер продукции вынуждают производителей реализовывать товар в сжатые сроки, часто по невыгодным ценам. Рыночные риски проявляются в потере ключевых покупателей, усилении конкуренции, изменении потребительских предпочтений. Риски неплатежей возникают при недобросовестности контрагентов, задержках оплаты, что создает кассовые разрывы и угрожает своевременному проведению посевной кампании. Логистические риски связаны с перебоями в транспортировке, порчей продукции при перевозке и хранении. Нормативно-правовые риски обусловлены изменением правил торговли, налогового законодательства, таможенных барьеров при экспорте продукции растениеводства.

Особенностью аграрного сектора является тесная взаимосвязь всех групп рисков. Падение цен на продукцию растениеводства может привести к невозможности рассчитаться с поставщиками и, как следствие, к потере деловой репутации и отказу от дальнейшего сотрудничества. Задержка оплаты от покупателей способна парализовать текущую деятельность предприятия, если у него отсутствуют резервные фонды. Снижение урожайности из-за неблагоприятных погодных условий усугубляет действие ценовых рисков, создавая эффект «ножниц цен», когда при низком урожае затраты на единицу продукции возрастают, а рыночная цена может оставаться на прежнем уровне или даже снижаться.

Высокая степень концентрации доходов на ограниченном ассортименте продукции растениеводства создает существенный рыночный риск. Предприятия, специализирующиеся на выращивании монокультур, в наибольшей степени подвержены влиянию неблагоприятной рыночной конъюнктуры, колебаний цен и изменения спроса. Сокращение посевных площадей под отдельными культурами, наблюдаемое в практике сельскохозяйственных организаций, часто является ответной реакцией на выявленную убыточность производства и стремлением снизить соответствующие риски.

Динамика цен реализации продукции растениеводства характеризуется значительными колебаниями. Отдельные культуры могут переходить из категории убыточных в категорию высоко rentабельных в течение одного производственного цикла. Такая волатильность обусловлена множеством факторов: объемом предложения на рынке, урожайностью в текущем сезоне, импортными поставками, изменением потребительского спроса. Рост дебиторской задолженности при одновременном увеличении объемов реализации может указывать на ухудшение платежной дисциплины покупателей либо на вынужденное предоставление отсрочек для стимулирования сбыта, что создает дополнительные риски ликвидности.

Ситуация, когда операционная деятельность предприятия не генерирует денежные средства, а потребляет их, является классическим проявлением риска ликвидности. Дефицит денежных средств покрывается за счет финансовой деятельности – привлечения кредитов и займов, вкладов собственников.

Методология управления рисками реализации продукции растениеводства предлагает комплекс мер, направленных на обеспечение экономической безопасности предприятия. Диверсификация каналов сбыта позволяет снизить зависимость от отдельных покупателей и рыночных сегментов. Страхование коммерческих рисков является

эффективным инструментом защиты, особенно в сочетании с государственной поддержкой агрострахования. Формирование резервных фондов и поддержание достаточного уровня ликвидности обеспечивает финансовую подушку безопасности на случай неблагоприятного развития событий.

Диверсификация производства выступает фундаментальной стратегией снижения рисков. Расширение ассортимента выпускаемой продукции растениеводства, развитие переработки, освоение производства высокомаржинальных культур позволяют компенсировать возможные потери от одного направления доходами от других. Оптимизация структуры посевных площадей на основе маржинального анализа способствует перераспределению ресурсов в пользу наиболее рентабельных культур. Развитие собственной логистической и складской инфраструктуры снижает риски потери продукции растениеводства при транспортировке и позволяет реализовывать товар в периоды наиболее благоприятной ценовой конъюнктуры, а не сразу после уборки урожая.

Формирование системы мониторинга дебиторской задолженности и работа с проблемными долгами минимизирует риск неплатежей. Использование форвардных контрактов позволяет зафиксировать приемлемый уровень цен на будущие периоды, что особенно актуально для продукции растениеводства с длительным производственным циклом.

Таким образом, риски реализации продукции растениеводства являются объективным фактором деятельности аграрных предприятий, оказывающим непосредственное влияние на их экономическую безопасность. Высокая концентрация доходов на ограниченном ассортименте продукции, волатильность цен, рост дебиторской задолженности, проблемы с ликвидностью создают угрозы финансовой устойчивости. Обеспечение экономической безопасности требует комплексного подхода, сочетающего диверсификацию производства и сбыта, страхование, создание резервов, развитие инфраструктуры и постоянный мониторинг рыночной ситуации. Своевременная идентификация и минимизация рисков реализации позволяет укрепить финансовую стабильность предприятия и обеспечить его устойчивое развитие в условиях неопределенности рыночной среды.

Библиографический список

1. Миренков А.А., Миренкова И.В. Методология идентификации и анализа рисков организаций агропромышленного комплекса: монография. Могилев: БГУТ, 2020. 156 с.
2. Мусина Г.С., Кусайынов Т.А., Кадринов М.Х. Экономическая эффективность сельскохозяйственных предприятий: критерии и

показатели оценки, воздействие рисков // Проблемы агрорынга. 2025. № 4. С. 90–101.

3. Романова С.В., Кудашева В.С. Учет и оптимизация рисков предприятий аграрного сектора // Управленческий учет. 2025. № 12. С. 45–53.

УДК 331.5

Оценка воздействия роста числа плательщиков НПД на объем страховых поступлений в регионе (на примере Ярославской области)

Добренькая Е.А.

*Научный руководитель: Быков В.А., канд. экон. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В последние годы структура занятости в России существенно меняется: все больше граждан переходят от наемного труда к самостоятельной деятельности. В ответ на этот тренд с 2019 года был введен экспериментальный режим — налог на профессиональный доход (НПД), призванный легализовать работу «на себя» [1]. Однако массовое оформление самозанятости порождает неоднозначные последствия, порождая опасения относительно недополучения страховых взносов и рисков для бюджетной системы.

Эмпирической базой исследования послужили данные ФНС и ЕМИСС по Ярославской области. С помощью регрессионного анализа полугодовых показателей за 2017–2024 годы оценивалось влияние двух факторов (численности самозанятых и уровня средней зарплаты) на объем страховых поступлений в регионе. Гипотеза исследования заключается в том, что увеличение числа самозанятых ведет к статистически значимому сокращению страховых поступлений в бюджет. Для проведения анализа сформирован массив статистических данных (табл. 1, 2 и 3).

Как видно из таблицы 1, количество самозанятых в регионе неуклонно растет. Наиболее интенсивный прирост фиксируется в 2021–2024 годах, что говорит о высокой востребованности данного режима [4].

Из таблицы 2 следует, что в целом наблюдается увеличение сумм страховых взносов. Вместе с тем во втором полугодии 2022 года отмечено заметное падение сбора, что вероятно связано с общей экономической ситуацией [2].

Таблица 1. Численность плательщиков НПД в Ярославской области по полугодиям 2020-2024 гг. (данные на 1 июля и 1 января)

Год	2020	2021	2022	2023	2024
1 полугодие. Число самозанятых (чел.)	-	13719	33549	54864	78644
2 полугодие. Число самозанятых (чел.)	6529	23375	44332	67060	91115

Таблица 2. Поступление страховых взносов в консолидированный бюджет по Ярославской области по полугодиям (2017-2024 гг., рублей)

Год	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Данные за 1 полугодие	17513	19579	20619	20931	24016	25058	26549	39490
Данные за 2 полугодие	23000	25097	26643	27463	30533	27756	44784	46097

Приведенные в таблице 3 данные демонстрируют устойчивый рост заработной платы, что типично для общероссийской динамики. Это обстоятельство важно учесть в модели, так как уровень зарплаты прямо влияет на объем отчислений во внебюджетные фонды [3].

Таблица 3. Среднемесячная номинальная зарплата работников организаций Ярославской области по полугодиям (2017-2024 гг., рублей)

Год	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Данные за 1 полугодие	29623	33027	34641	36696	40006	44524	51453	61652
Данные за 2 полугодие	30501	33786	35571	37922	41434	46544	54119	64566

Для количественной оценки воздействия НПД на доходную часть бюджета была построена эконометрическая модель. Период наблюдений включает 2017-2024 годы с разбивкой по полугодиям. Поскольку за первое полугодие 2020 года отсутствуют полные данные по числу самозанятых, это наблюдение исключено. Итоговая выборка насчитывает 15 точек. В рамках моделирования выделены следующие переменные:

– Y (Эндогенная): «Поступление страховых взносов за полугодие» (руб.)

– x_1 (Экзогенная): «Среднемесячная зарплата за полугодие» (руб.);

– x_2 (Экзогенная): «Число самозанятых» (по полугодиям, чел.). Для 2017-2019 гг. $x_2 = 0$ чел.

Сравнивались две модели:

1. Модель А (базовая): Парная регрессия (рост зарплат).

$$\hat{y}_i = b_0 + b_1 b x_{i1}$$

2. Модель Б (полная): Множественная регрессия, включающая фактор самозанятости.

$$\hat{y}_i = b_0 + b_1bx_{i1} + b_2bx_{i2}$$

Для полной диагностики мультиколлинеарности применен тест Фаррара-Глоубера.

Определитель матрицы R_{xx} : $|R_{xx}| = (1*1) - (0,965*0,965) \approx 0,069$.

Определитель матрицы близок к нулю, что является основным признаком наличия мультиколлинеарности. Приведем расчетную статистику:

$$FG_{\text{расч}} = -(n - 1 - \frac{1}{6}(2m + 5)) * \ln(|R_{xx}|)$$

$$n = 15, m = 2$$

$$FG_{\text{расч}} = -(15 - 1 - \frac{1}{6}(2 * 2 + 5)) * \ln(0,069)$$

$$FG_{\text{расч}} = -(14 - 1,5) * (-2,674) \approx 33,43$$

Критическое значение χ^2 при числе степеней свободы $v = 0.5 * m(m-1) = 1$ и уровне значимости 0,05 равно 3,841. Так как $33,43 > 3,841$, нулевая гипотеза об отсутствии мультиколлинеарности отвергается. Наличие тесной связи между факторами подтверждено статистически.

Сравним итоги оценивания модели А и модели Б (табл. 4).

Таблица 4. Сравнительные результаты регрессионного анализа

Показатель	Модель А ($Y \sim X_1$)	Модель Б ($Y \sim X_1 + X_2$)
Коэффициенты:		
b_0 (константа)	-13674752	-13675564
b_1 (Зарплата, X_1)	926,3	926,4
$b(b_1)_2$ (Самозанятые, X_2)	—	-0,015
t-статистика:		
t	7.46	7,15
t (b_2)	—	-0,007
R^2 (Коэф. детерминации)	0,811	0,811
$\bar{R}^2$ (Скорр. R^2)	0,797	0,780
F-статистика	55,7	26,1
Значимость (p-value):		
p-value (b_1)	< 0,0001	< 0,0001
p-value (b_2)	—	0,994
p-value (F-тест)	< 0,0001	< 0,0001

Модель А показала, что около 80% вариации страховых взносов объясняется динамикой заработной платы, причем этот фактор

статистически высокосignificant. Добавление в модель численности самозанятых (X_2) привело к классическим последствиям мультиколлинеарности: коэффициент при X_2 оказался отрицательным ($-0,015$), но статистически незначимым ($p=0,994$), а скорректированный R^2 снизился. Из-за высокой корреляции между зарплатой и численностью самозанятых ($r=0,965$) выделить самостоятельное влияние второго фактора не представляется возможным, поэтому гипотеза о негативном воздействии роста самозанятости на страховые отчисления не подтвердилась.

Внедрение НПД не ухудшило ситуацию с бюджетными поступлениями. Определяющим фактором остается уровень зарплаты в официальном секторе, мультиколлинеарность указывает на взаимодополняющий характер связи между самозанятостью и традиционной занятостью.

С позиции государства главный итог — легализация доходов без потерь для бюджета: поступления страховых взносов не сократились, а расширение налоговой базы создает основу для экономического роста. Для общества режим самозанятости снижает административные барьеры и открывает доступ к легальной деятельности с минимальной налоговой нагрузкой, однако добровольный характер пенсионных взносов не формирует пенсионных прав, что способно породить социальные риски.

Проведенное исследование подтвердило, что рост числа самозанятых в Ярославской области не привел к сокращению страховых взносов: определяющим фактором остается уровень зарплаты. Режим НПД успешно легализует доходы, не создавая фискальных рисков. Развитие самозанятости отвечает интересам и государства, и граждан, но требует доработки механизмов социальной защиты для устойчивости пенсионной системы.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход».
2. Данные ФНС России [Электронный ресурс]. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn/related_activities/statistics_and_analytics/forms.
3. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в экономике с 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57824>.
4. Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной

предпринимательской инициативы» [Электронный ресурс]. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html>.
УДК 336

Принципы управления финансовыми рисками (теоретический аспект)

Елисеев В.О., Стройнов Д.П.

*Научный руководитель: Колодяжная А.Ю., канд. экон. наук, доцент
Оренбургский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова*

Прежде чем разобрать управление финансовыми рисками и принципы, реализуемые при его реализации, необходимо рассмотреть само понятие финансовые риски.

Так финансовые риски представляют собой определенные ситуации или условия, в результате возникновения которых есть вероятность возникновения непредвиденных убытков или получение уровня прибыли, не соответствующего плану компании. Таким образом, это события, в результате наступления которых, финансовые результаты компании оказываются хуже прогнозируемых [1].

Причины возникновения финансовых рисков весьма различны, так некоторые из них представлены на рисунке 1.

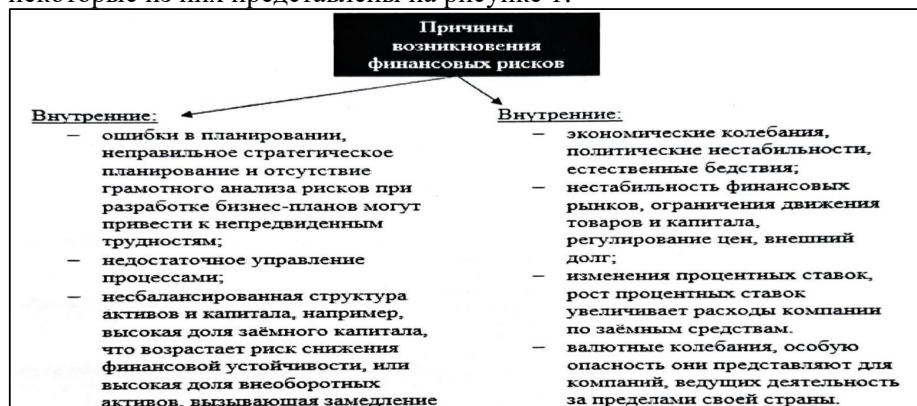

Рисунок 1. Причины возникновения финансовых рисков

В зависимости от предрасположенности компании к возникновению, в ходе реализации деятельности, рисков по тем или иным причинам, применяются разные подходы к управлению ими.

Управление финансовыми рисками представляет собой процесс, реализуемый с целью минимизации потенциального ущерба, в результате реализации финансовых рисков. Управление финансовыми рисками это процесс предвидения и подготовки компании, при реализации прогнозов по возникновению финансовых рисков [2].

Также в контексте управления финансовыми рисками возникает такое понятие как хеджирование, так хеджирование представляет собой совокупность способов защиты финансовых вложений за счет снижения рисков через заключение сделок, которые нивелируют потенциальные риски от основной деятельности. Цель хеджирования - защита от неблагоприятных изменений цен. Некоторые виды хеджирования представлены на рисунке 2.

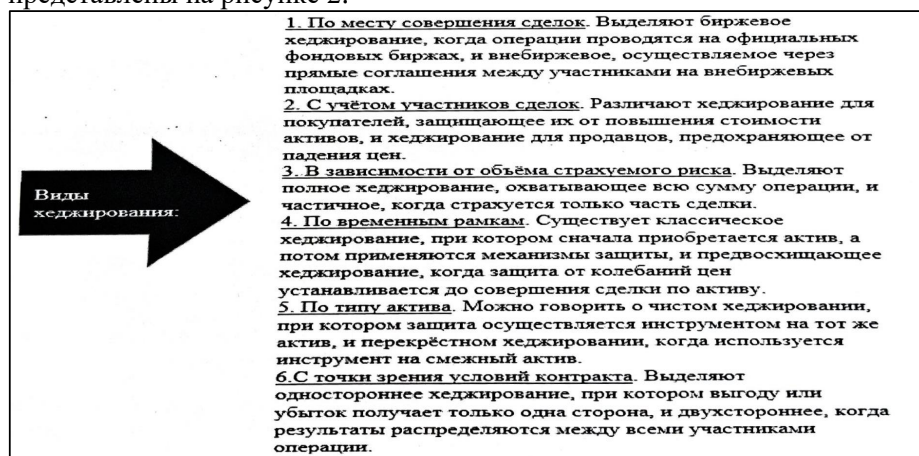

Рисунок 2. Виды хеджирования

Хеджирование применяется с помощью фьючерсов, форвардов и свопов, которые применяются при заключении контрактов с контрагентами. Также хеджирование реализуется в контексте применения тех или иных стратегий: прямое хеджирование; перекрестное хеджирование и парное хеджирование.

Управление финансовыми рисками осуществляется в несколько этапов:

1. Идентификация, на этом этапе происходит определение перечня финансовых рисков, которым подвержена компания.

2. Оценка, на этом этапе проводится комплексная оценка степени реализации рисков, в соответствие с чем каждому из них присваивается статус, в зависимости от степени их реализации.

3. Разработка планов по обеспечению финансовой безопасности направленных на снижение вероятности их возникновения и реализации рисков.

4 Реализация планов, в соответствии с разработанными планами, некоторые меры необходимо реализовывать либо заблаговременно, либо на постоянной основе.

5. Мониторинг и контроль, в соответствии с реализацией планов мероприятий необходимо на постоянной основе осуществлять их мониторинг и контроль, что позволит оценить степень эффективности принятых мер.

Для предотвращения и минимизации последствий от реализации финансовых рисков, необходимо применять следующие методы:

1. Избегание рисков, то есть, отказ от действий, которые изначально несут в себе непрогнозируемые или неопределённые последствия, при применении данной стратегии необходима точная оценка потенциальных финансовых рисков.

2. Диверсификация, то есть распределение ресурсов на реализацию разных направлений деятельности, направления не должны зависеть друг от друга, это нужно для того, чтобы при реализации финансовых рисков в одном направлении деятельности, другое направление не пострадало и могло исправно приносить прибыль.

3. Формирование резервов и подушки безопасности, то есть формирования резервов, в зависимости от степени риска реализуемой деятельности.

4. Страхование, при определенных финансовых рисках данный инструмент помогает минимизировать последствия их реализации, например, природные катаклизмы, нарушение условия договоров и т.д., применение подобных инструментов позволит сделать положениям организации более устойчивым.

5. Контроль дебиторской задолженности, здесь необходимо проводить мониторинг задолженности, а также минимизировать уровень просроченной задолженности, этого можно добиться с помощью внедрения условий в типовые формы договоров, которые будут способствовать выполнению договорных обязательств в установленные сроки.

6. Оптимизация налоговой нагрузки.

7. Внутренний контроль и обучение персонала [3].

Таким образом, на основе проведенного исследования теоретических аспектов управления финансовыми рисками, можно сделать следующие выводы:

- финансовые риски – это события, в результате наступления которых, финансовые результаты компании оказываются хуже прогнозируемых;
- причины возникновения финансовых рисков по характеру возникновения подразделяются на внутренние и внешние;
- управление финансовыми рисками – это процесс предвидения и подготовки компании, при реализации прогнозов по возникновению финансовых рисков;
- финансовые риски подразделяются на кредитный, ликвидности, процентный, валютный, операционный, инвестиционный и т.д.;
- хеджирование это – совокупность способов защиты финансовых вложений за счет снижения рисков через заключение сделок, которые нивелируют потенциальные риски от основной деятельности;
- выделяют прямое хеджирование, перекрестное хеджирование и парное хеджирование;
- в рамках управления финансовыми рисками выделяют этапы идентификации, оценки, разработки и реализации планов, а также мониторинга и контроля.

Библиографический список

1. Бланк И.А. Финансовый менеджмент Учебный курс. Киев: Эльга, Ника-Центр, 2004. 656 с.
2. Ковалев В.В. Финансовый менеджмент: теория и практика. М.: Проспект, 2017. 1104 с.
3. Финансовые и банковские риски: учебник / Л.И. Юзвович, Ю.Э. Слепухина. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский государственный экономический университет. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 336 с.

УДК 339.137

Конкурентная разведка: особенности ее ведения современными российскими предприятиями на примере МКПАО «Яндекс»

Елисеева Е.Д., Храменок И.А.

*Научный руководитель: Быков В.А., канд. экон. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В условиях современной цифровой экономики информация стала одним из ключевых стратегических ресурсов для бизнеса. Компании, работающие в условиях высокой конкуренции и быстрого изменения

потребительских предпочтений, обязаны не только создавать продукты и услуги, но и системно изучать рыночную среду, действия конкурентов, стратегические тренды и поведение потребителей для своевременного принятия управленческих решений. Такое целенаправленное изучение внешней среды бизнеса известно как конкурентная разведка (Competitive Intelligence) — легальный и этический процесс сбора, анализа и интерпретации информации о конкурентной среде с целью получения устойчивого конкурентного преимущества и повышения эффективности стратегического управления.

Актуальность темы конкурентной разведки особенно возросла к 2025–2026 годам в связи с несколькими объективными факторами. Во-первых, современная бизнес-среда характеризуется высокой динамичностью, цифровой трансформацией и усилением глобальной конкуренции, в которой успех компаний всё больше зависит от качества и скорости стратегической информации. Компании, регулярно использующие конкурентную разведку, получают важное преимущество: они способны заранее обнаруживать угрозы, прогнозировать действия соперников, корректировать стратегические планы и оперативно адаптироваться к изменениям рынка.

Во-вторых, развитие цифровых технологий, включая аналитические платформы, большие данные (Big Data), машинное обучение и автоматизированные системы мониторинга, существенно расширило возможности бизнес-разведки. Эти технологии позволяют собирать и обрабатывать большие объёмы информации из разнообразных источников — от официальных публикаций и финансовых отчётов до данных о поведении пользователей в интернете. В современных реалиях компании вынуждены не только отслеживать публичные данные, но и использовать цифровые инструменты для анализа конкурентных стратегий, продуктовых изменений и рыночных трендов.

Кроме того, конкурентная разведка становится важной частью корпоративной культуры и управленческих практик. Многие ведущие компании включают CI-процессы в систему стратегического планирования, рассматривая их как обязательный элемент процесса принятия решений. Практика показывает, что отказ от систематической разведки приводит к ошибкам в прогнозировании, снижению адаптивности бизнеса и потере доли рынка в конкурентной борьбе.

В российской практике конкурентная разведка приобретает всё большую значимость на фоне специфики национального рынка: усиления государственного регулирования, технологических санкций, ограниченного доступа к некоторым международным информационным

ресурсам и необходимости локальной адаптации стратегий. Эти условия требуют от отечественных компаний разработки собственных подходов к сбору и анализу информации, что делает тему исследования особенно востребованной.

Проблема конкурентной разведки в научной и прикладной литературе рассматривается как важное направление стратегического исследования, однако степень её разработки существенно различается в зависимости от контекста и уровня анализа. В зарубежных источниках активное внимание уделяется не только теоретической модели CI (Competitive Intelligence), но и практическим трендам, связанным с цифровыми технологиями и искусственным интеллектом, что подтверждается ростом рынка CI-инструментов и появлением специализированных аналитических отчетов. Согласно данным аналитической платформы, в 2025 году рынок решений и сервисов для конкурентной разведки оценивался примерно в 50,9 млрд USD, и ожидается его устойчивый рост до 122,8 млрд USD к 2033 г., что отражает растущий интерес бизнеса к интеграции CI в стратегическое принятие решений. При этом подчеркивается ключевая роль искусственного интеллекта и автоматизации в оптимизации процессов сбора, обработки и интерпретации конкурентной информации [2; 3].

Практика конкурентной разведки в крупной технологической компании всегда тесно связана с её общей стратегией управления данными, анализа рынков и прогнозирования изменений среды. Яндекс — одна из ведущих технологических платформ в России, объединяющая поисковые и рекламные сервисы, облачные решения, ИИ-инструменты и экосистему цифровых продуктов. Комбинация огромного объёма данных и собственных аналитических технологий обеспечивает компании значительное преимущество при мониторинге конкурентной среды и адаптации продуктовых стратегий.

Стратегия Яндекса как технологической компании строится на активном использовании аналитики данных и машинного обучения в ключевых продуктах и сервисах. Компания позиционирует себя как разработчик сервисов, которые помогают пользователям решать реальные задачи с помощью интеллектуальных продуктов — от поиска и рекомендаций до обработки данных и автоматизации рабочих процессов. Подход к продуктам основывается на глубоком анализе пользовательского поведения и данных, полученных из различных источников, что позволяет компании более точно понимать рынки и реагировать на конкуренцию как в России, так и за её пределами.

Яндекс постоянно обновляет свои принципы работы и ориентируется на получение объективной информации, а также интегрирует

технологические решения в инструменты мониторинга и анализа, что отражено в корпоративной политике по созданию сервисов на базе технологий и данных.

Одним из ключевых источников данных для конкурентной разведки в Яндексе является собственная аналитическая инфраструктура. Компания активно использует данные поисковых запросов, пользовательские метрики и поведение аудитории для оценки актуальных трендов и поведения пользователей — критически важные компоненты для анализа конкурентов в цифровой среде. Например, доля поиска Яндекса на российском рынке составляет значительную часть интернет-активности, что позволяет компании получать репрезентативные данные о спросе и предпочтениях аудитории.

Кроме того, продукты Яндекса, такие как рекламная платформа, рекламные метрики, облачные BI-системы (например, Yandex Cloud DataLens) служат корпоративным инструментом анализа данных и позволяют формировать дашборды по ключевым бизнес-показателям, что важно не только для внутреннего анализа, но и для оценки динамики внешних событий и конкурентных сигналов.

Яндекс внедряет собственные аналитические и искусственно-интеллектуальные решения, которые служат основой для конкурентной разведки и анализа. В компании используются гибкие платформы обработки информации, включая облачные решения, машинное обучение и модели обработки больших данных, чтобы анализировать тренды, поведение пользователей и эффективность бизнес-инициатив. Благодаря этому Яндекс способен не только отслеживать изменения внешней среды, но и прогнозировать развитие рынков на основе агрегированных данных.

Проведённый анализ практики ведения конкурентной разведки в деятельности крупной российской технологической компании — Яндекса — позволяет сделать несколько существенных выводов, которые подтверждают важность и актуальность выбранной темы исследования. Полученные результаты демонстрируют, что конкурентная разведка не только присутствует в управленческой практике организации, но и служит важнейшим инструментом стратегического развития, адаптации к рыночным изменениям и укрепления позиций на рынке.

Во-первых, данные финансовой отчетности компании за 2025 год свидетельствуют о продолжении устойчивого роста основных бизнес-показателей, что является косвенным подтверждением успешной адаптации стратегий к конкурентной среде. Выручка компании выросла на значительные проценты год к году в основных сегментах, включая поисковые и облачные направления, а доля на российском поисковом

рынке продолжила увеличиваться, достигнув более двух третей общего рынка. Эти результаты отражают способность организации эффективно реагировать на рыночные сигналы, что является одной из задач конкурентной разведки [1].

Во-вторых, практическое применение аналитических и цифровых инструментов в деятельности Яндекса позволяет компании не только фиксировать и оценивать текущие рыночные тренды, но и прогнозировать развитие ключевых сегментов. Интеграция искусственного интеллекта, машинного обучения и собственных аналитических платформ в процессы обработки данных существенно расширяет возможности аналитической функции и делает её неотъемлемой частью принятия стратегических решений. Такая интеграция характерна для современного подхода к конкурентной разведке в технологических компаниях.

Вместе с тем практика конкурентной разведки в Яндексе сталкивается с определёнными ограничениями, характерными для российского контекста. Это включает в себя требования к регулированию доступа к информации, вопросы информационной безопасности и необходимость балансировать между корпоративной прозрачностью и защитой бизнес-данных в условиях усиленного контроля. Такие ограничения влияют на стратегический выбор источников информации и методы анализа, требуя от компании сочетания открытых данных и собственных внутренних инсайтов.

Таким образом, конкурентная разведка в Яндексе выступает не просто вспомогательной функцией, а органичной частью системы стратегического менеджмента. Она помогает компании адаптироваться к внешним вызовам, оперативно реагировать на действия конкурентов, прогнозировать развитие рынков и обеспечивать устойчивость бизнеса.

Библиографический список

1. МКПАО «Яндекс». Яндекс объявляет финансовые результаты за I квартал 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <https://ir.yandex.ru/press-releases?year=2025&id=25-04-2025>.

2. Выручка «Яндекса» за девять месяцев впервые превысила 1 триллион рублей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/business/29/10/2025/6901b51f9a794712ab8eccc3>

3. Совокупная выручка Yandex B2B Tech за 2024 год составила 32,2 млрд рублей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2025/03/27/1100583-sovokupnaya-viruchka-yandex> .

Кадровые риски и корпоративное мошенничество в деятельности предприятия

Зайцева О.И., Кулигина А.А.

*Научный руководитель: Быков В.А., канд. экон. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В условиях усиливающейся конкуренции и цифровизации бизнес-процессов устойчивость предприятия определяется не только рыночной стратегией, но и качеством управления человеческими ресурсами. Практика показывает, что значительная часть внутренних потерь организаций связана не с ошибками технологии или конъюнктурой рынка, а с действиями персонала - умышленными или непреднамеренными. В этой связи кадровые риски выступают системным фактором корпоративной нестабильности, а корпоративное мошенничество - их наиболее опасным проявлением.

Согласно исследованиям международной ассоциации специалистов по противодействию мошенничеству, внутренние злоупотребления ежегодно наносят бизнесу значительный экономический ущерб, а средний срок выявления мошеннических схем превышает один год. Это свидетельствует о необходимости комплексного анализа взаимосвязи кадровых рисков и мошеннической активности.

Цель работы - исследовать природу кадровых рисков и определить их связь с корпоративным мошенничеством, а также предложить практические меры по снижению соответствующих угроз в деятельности предприятия.

Кадровые риски представляют собой вероятность возникновения негативных последствий, обусловленных действиями или бездействием сотрудников. Их источником выступают как объективные факторы (низкая квалификация, текучесть, недостатки контроля), так и субъективные (конфликты интересов, личная мотивация, оппортунистическое поведение).

В научной литературе кадровые риски классифицируются по следующим основаниям (табл. 1).

Особое место занимают риски, связанные с недобросовестным поведением сотрудников, поскольку именно они формируют основу корпоративного мошенничества.

Классической концепцией объяснения мошеннического поведения является «треугольник мошенничества». Согласно данной модели, противоправные действия возникают при одновременном наличии трех условий: давления, возможности и рационализации. В корпоративной среде эти элементы усиливаются при слабой системе внутреннего контроля и непрозрачной организационной культуре.

Таблица 1. Классификация кадровых рисков

Критерий классификации	Виды рисков
По характеру проявления	Ошибочные действия; недобросовестные действия; бездействие
По стадии управления персоналом	Подбор и найм; адаптация; мотивация; оценка; увольнение
По последствиям	Финансовые; репутационные; правовые; стратегические

Корпоративное мошенничество – это умышленное действие сотрудника или группы лиц, направленное на получение личной выгоды путем злоупотребления служебным положением. Его формы разнообразны и зависят от специфики предприятия.

Наиболее распространенные виды мошенничества включают:

- хищение активов (материальных ценностей, денежных средств);
- манипулирование бухгалтерской отчетностью;
- коммерческий подкуп;
- использование инсайдерской информации.

Особое значение проблема получила после корпоративных скандалов, связанных с компаниями Enron и WorldCom, когда искажение финансовой отчетности привело к банкротствам и масштабным потерям инвесторов. Эти случаи продемонстрировали, что кадровые риски затрагивают не только операционный уровень, но и стратегическое управление.

Связь между кадровыми рисками и мошенничеством проявляется в следующем:

1. Некачественный подбор персонала повышает вероятность допуска лиц с высокой склонностью к девиантному поведению.
2. Отсутствие ротации и контроля создает возможности для злоупотреблений.
3. Дисбаланс системы мотивации формирует внутреннее давление.
4. Низкая корпоративная культура способствует рационализации незаконных действий.

Таким образом, корпоративное мошенничество следует рассматривать не как изолированное правонарушение, а как результат управленческих дефицитов в кадровой политике.

Эффективное управление кадровыми рисками предполагает системный подход, включающий организационные, правовые и аналитические инструменты.

1. Совершенствование процедур подбора персонала-проверка деловой репутации кандидатов, анализ рекомендаций и оценка конфликтов интересов позволяют снизить вероятность приема сотрудников с высоким риском недобросовестного поведения.

2. Развитие внутреннего контроля-разграничение полномочий, автоматизация учета, внедрение принципа «четырёх глаз» снижают возможность злоупотреблений.

3. Формирование этической среды-кодекс корпоративной этики, анонимные каналы сообщений о нарушениях и регулярные тренинги способствуют снижению уровня рационализации противоправных действий.

4. Оценка и мониторинг рисков-регулярный аудит кадровых процессов позволяет выявлять уязвимые участки.

Современные предприятия все чаще внедряют риск-ориентированный подход к управлению персоналом. Его сущность заключается в идентификации потенциальных угроз на каждом этапе работы с сотрудниками и оценке вероятности их реализации.

Особую роль играет цифровизация. Информационные системы позволяют анализировать аномалии в операциях, выявлять конфликты полномочий и отслеживать изменения финансовых показателей. Однако технологии не заменяют управленческие решения: ключевым элементом остается ответственность руководства.

Следовательно, эффективная модель противодействия корпоративному мошенничеству должна включать:

- участие высшего менеджмента;
- независимый внутренний аудит;
- прозрачную отчетность;
- регулярную оценку кадровых рисков.

Только комплексное сочетание данных элементов формирует устойчивую систему защиты предприятия.

Проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, кадровые риски являются неотъемлемой частью деятельности любого предприятия и напрямую влияют на финансовые и репутационные показатели. Во-вторых, корпоративное мошенничество выступает наиболее опасной формой реализации этих рисков, возникая при сочетании управленческих недостатков и личных мотивов сотрудников. В-третьих, предупреждение мошенничества возможно лишь при системном

подходе, объединяющем контроль, грамотную кадровую политику и развитие корпоративной культуры.

Таким образом, управление кадровыми рисками должно рассматриваться как стратегическая задача предприятия. Формирование прозрачной и ответственной организационной среды снижает вероятность противоправных действий и способствует долгосрочной устойчивости бизнеса.

Библиографический список

1. Федеральный закон "О противодействии коррупции" от 25.12.2008 № 273-ФЗ (последняя редакция).
2. Кузнецова Е.И. Экономическая безопасность: учебник и практикум для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2026. 338 с.

УДК 330.1

Риски мошенничества как угроза экономической безопасности хозяйствующего субъекта

Захарченко М.А., Люляев Н.С.

*Научный руководитель: Быков В.А., канд. экон. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В условиях постоянной нестабильности национальной и мировой экономики обеспечение экономической безопасности хозяйствующих субъектов становится главной задачей экономистов. Риски мошенничества выходят на первый план в системе угроз экономической безопасности предприятия. В статье рассматриваются современные тенденции корпоративного и внешнего мошенничества, анализируются их масштабы и влияние на финансовую устойчивость компаний.

Экономическая безопасность хозяйствующего субъекта представляет собой состояние защищенности от негативных воздействий, при котором достигается стабильное функционирование и развитие. В современной бизнес-среде одной из наиболее трудно прогнозируемых и масштабных угроз становится мошенничество. Речь идет не только о прямом хищении активов, но и о сложных многоходовых схемах, использующих как человеческий фактор (доверие, некомпетентность), так и уязвимости цифровых систем.

Мошенничество в отношении хозяйствующего субъекта можно разделить на два крупных блока: внешнее (действия третьих лиц) и внутреннее (действия сотрудников и менеджмента).

Внешние угрозы. Наиболее динамично развивающейся категорией является кибермошенничество. Согласно глобальным исследованиям, кибермошенничество лидирует как по распространенности, так и по наносимому ущербу, усиливая эффект от всех других видов угроз. Среди распространенных схем выделяется фишинг — рассылка писем или сообщений, имитирующих официальные запросы от банков, налоговых органов или партнеров [3]. Целью таких атак является получение логинов, паролей или реквизитов для доступа к счетам компании.

Также широко распространены фальшивые предложения о сотрудничестве, когда мошенники, маскируясь под крупных контрагентов, предлагают выгодные условия и исчезают после получения предоплаты. Отдельную группу риска составляют мошенничества в логистике, когда хищение груза происходит с участием фальшивых экспедиторских компаний или недобросовестных водителей.

Внутреннее (корпоративное) мошенничество. Эта угроза исходит от сотрудников компании. Исследования показывают, что в 2024 году с внутренними нарушениями столкнулись 70% предпринимателей [1]. Наиболее распространенной формой является неправомерное присвоение активов (хищение денежных средств, товаров, основных средств), на долю которого приходится до 89% всех случаев внутрикорпоративных нарушений. Далее следуют мошенничество в закупках (откаты, завышение цен) и коррупционные схемы.

Крупные компании также сталкиваются с фальсификацией финансовой отчетности, целью которой является завышение стоимости бизнеса, получение бонусов или сокрытие кассовых разрывов [2]. В результате искаженные данные вводят в заблуждение инвесторов и кредиторов.

Влияние мошенничества на экономическую безопасность хозяйствующего субъекта носит комплексный характер и проявляется на нескольких уровнях.

Финансовый уровень. Прямые убытки выражаются в хищении денежных средств со счетов, краже товарно-материальных ценностей, списании средств в пользу «фальшивых» контрагентов. Эти потери снижают ликвидность и могут привести к кассовым разрывам, особенно критичным для малого и среднего бизнеса, где запас прочности невелик.

Операционный уровень. Мошенничество приводит к простоям производства, необходимости восстановления баз данных и

информационных систем. Например, атака с использованием программ-шифровальщиков может остановить работу предприятия на недели.

Репутационный и стратегический уровень. Утечка коммерческой тайны или клиентских баз подрывает конкурентные преимущества. Для госкомпаний и предприятий с госучастием последствия усугубляются потерей контрактов и крупными штрафами. Кроме того, сам факт возбуждения уголовного дела о мошенничестве в отношении менеджмента компании наносит непоправимый урон деловой репутации, ведет к оттоку клиентов и партнеров.

Эффективная защита от мошенничества требует построения целостной системы управления рисками, а не применения разрозненных мер. Специалисты выделяют несколько ключевых направлений такой системы:

1) создание «трех линий обороны». Первая линия — операционные менеджеры, которые обязаны контролировать свои процессы. Вторая линия — службы внутреннего контроля и экономической безопасности, которые выявляют нарушения и оценивают риски. Третья линия — независимый внутренний аудит, проверяющий эффективность всей системы;

2) технологические меры. Внедрение систем мониторинга финансовых потоков в режиме реального времени, использование антивирусной защиты и многофакторной аутентификации. Современные решения на базе искусственного интеллекта позволяют выявлять аномалии в поведении сотрудников и нехарактерные транзакции, что повышает шансы на раннее обнаружение угроз;

3) кадровая политика и корпоративная культура. Поскольку значительная часть мошенничеств совершается инсайдерами, необходима тщательная проверка кандидатов на ключевые должности (особенно материально ответственных);

4) правовая защита. Компаниям необходимо четко фиксировать договорные отношения, проводить юридическую экспертизу контрагентов, проверять их благонадежность через ЕГРЮЛ и реестры недобросовестных поставщиков. Страхование грузов и имущества также является важным элементом минимизации последствий.

Риски мошенничества представляют собой одну из самых серьезных угроз экономической безопасности современных хозяйствующих субъектов. Эволюция схем обмана, ускоряемая развитием технологий, требует от компаний постоянного совершенствования защитных механизмов. Инвестиции в системы безопасности, обучение персонала и создание прозрачной корпоративной культуры — это не просто способ

предотвратить потери, а необходимое условие выживания и устойчивого развития в условиях высокой турбулентности рынка. Борьба с мошенничеством должна перейти от реактивной модели к проактивной модели управления рисками, встроенной во все бизнес-процессы предприятия.

Библиографический список

1. Перемены в российском бизнесе привели к росту числа мошенничеств. URL: <https://rb.ru/news/biznes-rost-moshennichestv/>.
2. Текеева Х.Э. Последствия искажения данных финансовой отчетности // Управленческий учет. 2022. № 11-3. С. 942–947.
3. Фишинг оказался самым популярным видом кибератак на компании URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/10/16/26968352.shtml>.

УДК 331.5

Кадровая безопасность Ярославской области: отток молодёжи и дефицит специалистов

Иванова Д.Д., Моржухина А.В.

*Научный руководитель: Быков В.А., канд. экон. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В современном российском обществе молодое поколение играет важную роль в социальных, экономических и демографических сферах жизни страны. Молодежь является тем поколением, которое закладывает основы политического курса, делает вклад в экономическое развитие и формирует общественное мнение России.

Политика Российской Федерации направлена на поддержку молодежи и привлечения этой группы населения в различные области для развития страны. Для нашей страны характерны демографические и социально-экономические угрозы, среди которых основными являются отток молодежи из регионов, а также появление дефицита квалифицированных специалистов во многих сферах общества.

Правительство Ярославской области активно проводит молодежную политику: ярославская молодежь активно принимает участие в решении различных вопросов по развитию региона, также для них предусмотрены меры поддержки и социальные лифты [1]. Однако, несмотря на предпринимаемые меры численность молодежи в регионе, согласно официальной статистике, представленной в таблице 1, за последние 5 лет

(2020–2025 гг.) сокращается [4]. С точки зрения кадровой безопасности основными проблемами, вызванными снижением численности молодежи, являются сужение базы воспроизводства трудовых ресурсов, снижение качества человеческого капитала (наиболее быстро происходит отток наиболее мобильных, образованных и активных слоев молодежи, которые создают основу для развития региона), замедление темпов инновационного развития.

За период 2020–2025 гг. численность молодёжи в возрасте 14–35 лет в Ярославской области сократилась на 18521 человек в процентном выражении это составляет 12,63%.

Таблица 1. Численность молодежи в Ярославской области за 2020–2025 гг.

Год	Численность молодежи 14-35 лет в Ярославской области, чел.	Абсолютные приросты, чел.		Темпы роста, %		Темпы прироста, %		Абсолютное содержание 1% прирост, чел.
		цепные	базисные	цепные	базисные	цепные	базисные	
2020	146598	-	-	-	-	-	-	-
2021	142028	-4570	-4570	96,89	96,89	-3,11	-3,11	1465,98
2022	137747	-4281	-8851	97,00	93,96	-3,00	-6,04	1420,28
2023	133542	-4205	-13056	96,95	91,10	-3,05	-8,90	1377,47
2024	130446	-3096	-16152	97,68	89,00	-2,32	-11,00	1335,42
2025	128077	-2369	-18521	98,19	87,37	-1,81	-12,63	1304,46
Итого	818 438	-18521	-	-	-	-	-	-

Ежегодно численность молодёжи снижалась, но темпы снижения постепенно замедлялись: наибольшее сокращение наблюдалось в 2021 г. (-4570 чел., -3,11%); в последующие годы абсолютное значение ежегодного снижения уменьшалось; аналогично снижались и темпы прироста: с -3,11% в 2021 г. до -1,81% в 2025 г. Абсолютное содержание 1% прироста отражает, сколько человек приходится на каждый процент изменения численности. Данный показатель постепенно снижался с 1465,98 чел. в 2021 г. (рассчитано от уровня 2020 г.) до 1304,46 чел. в 2025 г. (рассчитано от уровня 2024 г.). Разница между максимальным и минимальным значением составила 1,12 раза. Данный вывод представлен на рисунке 1.

Уравнение тренда для статистических данных по динамике численности молодежи в Ярославской области будет иметь вид:

$$\bar{y}_t = 136406,3 - 1879,37t * t [2].$$

Коэффициент вариации представлен как: $K_{\sigma} = \frac{\sigma}{\bar{y}} \times 100\% = \frac{2489,44}{136406,3} \times 100\% \approx 1,83\%$.

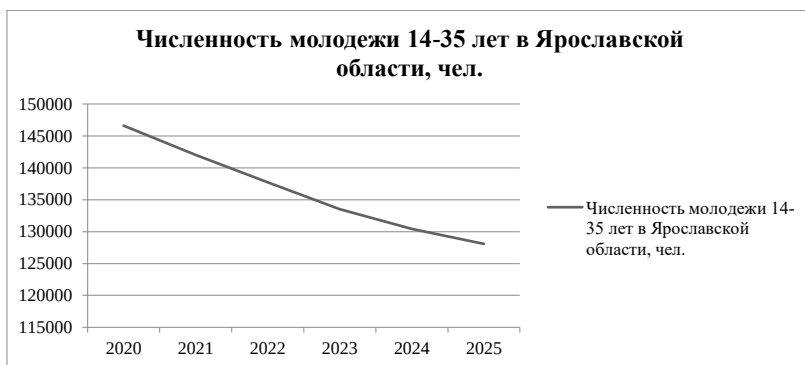

Рисунок 1. Динамика численности молодежи в Ярославской области за 2020-2025 гг.

Поскольку рассчитанный коэффициент вариации не превышает 33%, то на основании уравнения тренда будет достоверен прогноз на ближайшие 3 года: так в 2026 году численность молодежи в Ярославской области будет равна 123250,71 человек, в 2027 году 119491,97 человек, а в 2028 году 115733,23 человек [3].

Заметно, что согласно прогнозным значениям, риск оттока молодежи в регионе сохраняется вплоть до 2028 года, это указывает на недостаточную конкурентоспособность на рынке труда, ограниченное число высокооплачиваемых должностей, слабый карьерный рост для молодых специалистов и многие другие причины. Отток молодежи напрямую указывает на угрозу кадровой безопасности в регионе: дефицит врачей, учителей, инженеров и технических работников и работников других значимых специальностей.

Если данная тенденция к снижению численности молодежи в Ярославской области сохранится, то данный процесс усилит риск замедления социально-экономического развития региона, приведет к демографическому старению населения и усилит зависимость региона от центра. Предупредить дальнейшее снижение можно такими способами, как усиление региональных программ обеспечения жильем молодых семей и специалистов; предоставления льготного кредитования и грантов для молодежного предпринимательства в регионе, которые обеспечат создание рабочих мест, и другие меры, направленные на поддержку инициатив молодежи.

Библиографический список

1. Постановление Правительства Ярославской области от 31.03.2021 № 174-п «Об утверждении государственной программы Ярославской области

«Развитие молодежной политики и патриотическое воспитание в Ярославской области» на 2021 - 2025 годы и признании утратившими силу отдельных постановлений Правительства области».

2. Батракова Л.Г. Социально-экономическая статистика: учебник. М.: Логос, 2020. 480 с.

3. Федеральная служба государственной статистики // официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/>.

УДК 336.6

Разработка агрессивной инвестиционной стратегии для управления временно свободными денежными средствами предприятия: модели оптимизации и практика применения на российском рынке

Игнаткова В.А., Мамонов А.Н.

*Научный руководитель: Быков В.А., канд. экон. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Традиционный подход к управлению временно свободными денежными средствами (ВСДС) предприятия базируется на консерватизме и поддержании ликвидности. Однако в условиях высокой инфляции и волатильности рынков избыточно консервативная политика приводит к обесценению капитала и упущенной выгоде. Цель статьи — определить критерии отбора активов и предложить модели оптимизации для агрессивного портфеля, формируемого из ВСДС предприятия, с учетом текущей рыночной ситуации.

В теории финансового менеджмента применительно к предприятию выделяют три типа инвестиционной политики по критерию рискованных предпочтений: консервативную, умеренную (компромиссную) и агрессивную. Агрессивный портфель в корпоративных финансах нацелен на максимизацию доходности в кратко- и среднесрочной перспективе. Его структура включает повышенную долю акций (в т.ч. «второго эшелона»), высокодоходных облигаций, товарных активов и ограниченно — деривативов. Такой портфель требует активного управления, постоянного мониторинга и частой реструктуризации.

Применение агрессивной стратегии допустимо только при соблюдении трех условий: устойчивый положительный денежный поток от основной деятельности предприятия, четкое разделение капитала на операционный и инвестиционный пулы, а также формализованные VaR-

лимиты. Эти ограничения выступают «защитной подушкой», гарантирующей, что инвестиционные риски не повлияют на текущую платежеспособность предприятия [1]. Объектом агрессивной стратегии могут стать только средства, не задействованные в обеспечении операционной деятельности.

Выбор конкретных активов для агрессивного портфеля предприятия должен основываться на многофакторном анализе, а не только на обещании высокой доходности. Доходная часть агрессивного портфеля, составляющая 60–70%, может включать: долевые инструменты (акции «второго эшелона»); высокодоходные облигации с рейтингом не ниже «В»; вложения в золото, нефть или другие сырьевые товары через биржевые паевые инвестиционные фонды (БПИФы) для хеджирования инфляционных и валютных рисков. Использование фьючерсов и опционов должно быть строго ограничено (до 5–10%) и допускается только для хеджирования или ограниченных спекуляций с контролируемым риском.

Отбор активов для агрессивного портфеля должен учитывать:

- ликвидность — возможность экстренного выхода из позиции (до 20 дней) по рыночной цене;
- низкую корреляцию с основным бизнесом — чтобы отраслевой кризис не усиливал убытки;
- диверсификацию: лимит на одного эмитента — не более 5–10%, доля акций — не более 50–60%. Защитная часть (госбумаги, «голубые фишки») — не менее 15–30% [2].

Наиболее эффективным для агрессивной стратегии является сценарный подход, однако целесообразно учитывать и классические модели: модель Г. Марковица, индекс Шарпа (Sharpe Ratio). Сценарный анализ предполагает оценку доходности и рисков для нескольких вариантов будущего (базовый, оптимистичный, стрессовый — например, рост ключевой ставки или девальвация рубля). Оптимальной считается структура, устойчивая во всех сценариях. Метод Монте-Карло позволяет рассчитать распределение вероятностей убытков, максимальную просадку портфеля и точно оценить VaR, что обеспечивает соблюдение корпоративных риск-лимитов [1].

Текущая макроэкономическая и геополитическая ситуация в России предъявляет особые требования к агрессивной стратегии управления ВДС. С одной стороны, высокая ключевая ставка (16% и выше на начало 2026г.) и сохраняющиеся инфляционные ожидания делают консервативные инструменты (депозиты, классические ОФЗ) относительно привлекательными, но не решают задачу долгосрочного прироста капитала. С другой стороны, санкционное давление, высокая

волатильность фондового рынка и укрепление рубля создают как риски, так и новые возможности [2]. Рассмотрим несколько показательных кейсов применения, описанных выше подходов:

В условиях неопределенности с траекторией ключевой ставки, классические облигации с фиксированным купоном несут высокий процентный риск (падение цены тела облигации при росте ставок). Альтернативой для агрессивного портфеля становятся облигации с переменным купоном (флоатеры), доходность которых привязана к ключевой ставке.

Пример инструмента: биржевой паевой инвестиционный фонд (БПИФ) «Т-Банк Пассивный доход» (тикер ТРАУ). Фонд инвестирует в корпоративные флоатеры и короткие облигации с рейтингом не ниже ВВВ.

Практическая значимость для предприятия:

1. Вложения в ТРАУ позволяют получать доходность, синхронизированную с рынком. Если Центральный банк продолжит цикл снижения ставки, купонный доход по бумагам фонда снизится, но вырастет цена его паев, компенсируя потери. Это соответствует принципу сбалансированности портфеля;

2. Необходимо учитывать комиссию фонда (0,99%) и то, что сам индекс рассчитывается управляющей компанией, что требует дополнительной экспертизы при отборе. Кроме того, в периоды редких рыночных шоков тело флоатеров может краткосрочно проседать.

Укрепление рубля в 2025 - начале 2026 года, хоть и помогает сдерживать инфляцию, снижает рублевую стоимость валютной выручки экспортеров и обесценивает валютные сбережения. Для диверсификации валютных рисков в рамках агрессивной стратегии предприятия могут использовать инструменты с «квазивалютной» природой.

Пример инструмента: замещающие облигации. Это ценные бумаги, выпущенные взамен еврооблигаций, номинал которых привязан к валюте (доллар, евро), но расчеты происходят в рублях. С начала 2026 года вступил в силу закон, позволяющий эмитентам обменивать «токсичные» валютные бонды на рублевые, что упрощает инвесторам процесс замещения активов.

Практическая значимость для предприятия:

1. Валютная диверсификация: замещающие облигации позволяют застраховать портфель от ослабления рубля (которое эксперты прогнозируют при снижении ставки), оставаясь при этом в периметре российской финансовой системы.

2. Бумаги сочетают в себе потенциальный валютный доход (от роста курса) и рублевую купонную доходность, которая часто выше, чем по прямым валютным вкладам.

3. Для предприятий, работающих с восточным направлением, перспективным выглядит размещение части ликвидности в ОФЗ, номинированных в юанях, или облигациях российских эмитентов в юанях, которые сохраняют потенциал рублевой доходности при ослаблении нацвалюты.

Агрессивная стратегия может быть реализована через вложения в БПИФы, ориентированные на компании с высоким потенциалом роста, не коррелирующим с основным бизнесом предприятия-инвестора.

Пример инструмента: БПИФ «Первая - Фонд Ответственные инвестиции» (тикер SBRI). Фонд инвестирует в акции компаний, обладающих высоким потенциалом роста. Структура фонда включает как сырьевых гигантов («Норникель», «Алроса»), так и IT-сектор, хотя и в меньшей степени.

Практическая значимость для предприятия:

1. Доступ к быстрорастущим секторам: через такие фонды предприятие получает доступ к компаниям сектора, в которые у него может не быть компетенции для прямых инвестиций.

2. Сценарии доходности [3] демонстрируют, что при нейтральном сценарии доходность может составить 32%, но при негативном — убыток может достичь 34%. Это накладывает жесткое требование к соблюдению VaR-лимитов, установленных предприятием для такого рода вложений.

Таким образом, предложенные критерии и модели оптимизации позволяют предприятиям эффективно управлять временно свободными денежными средствами в рамках агрессивной стратегии, обеспечивая баланс между доходностью и контролируемым риском на современном российском рынке.

Библиографический список

1. Фрайс В.Э., Мокеева Д.В. Сравнительный анализ активных и пассивных стратегий управления инвестиционным портфелем в условиях текущей биржевой политики // Региональная и отраслевая экономика. 2024. № S1. С. 122–129.

2. Оптимизация финансовых потоков на предприятии [Электронный ресурс]. URL: <https://efsol.ru/articles/optimization-of-cash-flow/>.

3. Фонд Накопительный [Электронный ресурс]. URL: <https://first-am.ru/individuals/fund/pif-nakopitelniy>.

Влияние входящих прямых иностранных инвестиций на экономическую безопасность Российской Федерации

Карпинская З.Я.

*Научный руководитель: Казанцева Е.Г., д-р экон. наук, доцент
Кемеровский государственный университет*

Продолжительное время прямые иностранные инвестиции считались универсальным инструментом для устойчивого экономического роста и интеграции в мировое экономическое сообщество. Однако на фоне геополитической нестабильности появилась необходимость в пересмотре инвестиционной стратегии. От безусловного доверия к иностранному капиталу страны перешли к избирательной политике, в которой главными целями стали национальная экономическая безопасность, в том числе технологическая и экономическая независимость.

Рисунок 1 демонстрирует высокую волатильность объема прямых иностранных инвестиций в Россию за период с 2020 по 2024 годы. В 2022 году наблюдается существенное снижение показателя до 15205 млн долл. В 2023 году зафиксировано частичное восстановление до 8998 млн долл., но в следующем году объем снова сократился до 3346 млн долл. Общий уровень объема инвестиций из-за рубежа снизился почти в 4 раза относительно 2021 года. Это объясняется санкционным шоком, который повлек за собой отток прямых иностранных инвестиций. Данная ситуация привела Россию к увеличению нагрузки на внутренний рынок капитала, а также побудила переориентироваться на альтернативные источники инвестиций, а именно, страны Азии и Ближнего Востока.

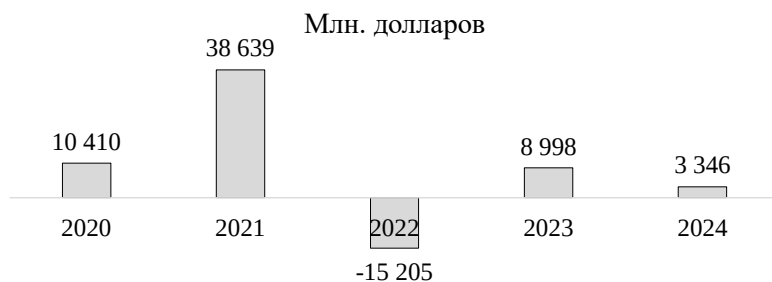

Рисунок 1. Объем прямых иностранных инвестиций в РФ в 2020-2024 гг.
[5]

Во втором квартале 2025 года прямые иностранные инвестиции в Россию сократились на 500 миллионов долларов США. Данное событие продолжает тенденцию 2022 года на фоне геополитической напряженности.

Модель экономического развития, в которой иностранный капитал был драйвером модернизации, исчерпала свой потенциал в новых геополитических условиях. Теперь, в период нестабильности, крупные зарубежные инвестиции подвергаются тщательной проверке на предмет соответствия национальным интересам [4]. Сегодня проблема заключается в том, насколько прямые иностранные инвестиции способствуют укреплению национального суверенитета и способны ли они компенсировать масштабный отток капитала, который наблюдался с 2022 года.

На Петербургском международном экономическом форуме (2026 год) консалтинговая фирма ЕУ представила данные, свидетельствующие о возрождении интереса иностранных инвесторов к российскому рынку. За 2025 год число новых инвестиционных проектов с участием зарубежного капитала увеличилось на 61%, и составило 201. Однако это возвращает Россию пока только к уровню 2010 года [3]. Наиболее привлекательной отраслью для иностранных инвесторов является сфера производства (фармацевтика, энергетика, телекоммуникации и строительство, а также ИТ).

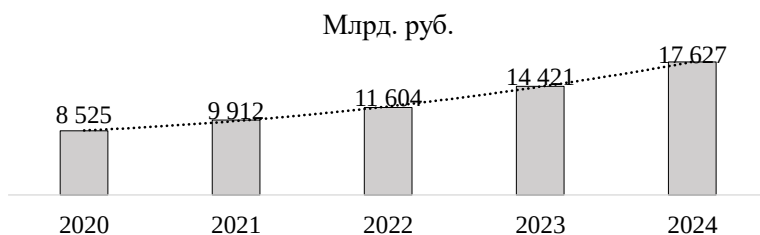

Рисунок 2. Объем инвестиций собственных средств 2020 - 2024 гг. [2]

Если объемы прямых иностранных инвестиций в РФ сокращаются, то динамика инвестиций из собственных средств, представленная на рисунке 2, наоборот, показывает стабильный рост. Государственная поддержка и защита внутреннего рынка создают благоприятные условия для инвестиций в отечественное производство. Это позволяет частично компенсировать отток иностранного капитала и минимизировать риски социально-экономической дестабилизации.

На сегодняшний день Россия продолжает развивать свою инвестиционную политику. Для привлечения иностранного капитала

используются такие меры, как особые экономические зоны с таможенными и налоговыми льготами, снижение бюрократических барьеров и усиление правовой защиты инвесторов.

Нововведением стал Указ Президента РФ «О дополнительных гарантиях прав иностранных инвесторов» №436 от 01.07.2025, главная цель которого вернуть иностранный капитал, создав для инвесторов безопасный и предсказуемый режим. Счета «Ин» созданы для иностранных инвесторов, включая недружественные страны, как безопасный канал для ввода капитала, инвестиций в российские активы и гарантированного вывода прибыли. Это решает проблему отсутствия гарантий, ранее отпугивавшую инвесторов. Однако успех зависит от их готовности рисковать в условиях санкций [1].

Таким образом, в современных условиях прямые иностранные инвестиции уже не воспринимаются, как универсальный инструмент роста, а все чаще рассматриваются в контексте стратегической устойчивости, экономического и технологического суверенитета и долгосрочной экономической безопасности. Приоритет отдается инвестициям, способствующим локализации производства и внедрению новых технологий. Главным двигателем экономического роста остаются внутренние ресурсы, а иностранный капитал будет полезен, как дополнительный фактор, при строгом соблюдении национальных интересов и курса на технологический суверенитет. Стратегическая цель – построить сбалансированную инвестиционную модель, которая будет открыта для внешних вложений, но при этом гарантирует защиту жизненно важных секторов экономики. Успешное решение этой задачи определит долгосрочную экономическую безопасность страны.

Библиографический список

1. О дополнительных гарантиях прав иностранных инвесторов: Указ Президента РФ № 436 от 01.07.2025.
2. Инвестиции в основной капитал в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/.xls>.
3. Иностранные инвесторы возвращаются в Россию [Электронный ресурс]. URL: https://forumspb.com/news/news/inostrannye-investory-vozvrashchayutsya-v-rossiyu/?utm_referrer=https%3A%2F%2F.
4. Казанцева Е.Г. Обеспечение национальной безопасности при ввозе и вывозе прямых иностранных инвестиций // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7, № 6. С. 1589-1608.
5. World Investment Report: Russian Federation – Fact Sheet 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/non-official-document/wir_fs_ru_en.pdf.

Энергетическая безопасность региона: риски тарифного регулирования и износа инфраструктуры (на примере Республики Хакасия)

Костров А.М.

*Научный руководитель: Кочеткова Е.Н., канд. экон. наук, доцент
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова*

Энергетическая безопасность региона представляет собой состояние защищенности экономики и населения от угроз дефицита энергоресурсов, сбоев в энергоснабжении и неконтролируемого роста цен на энергоносители [1]. Для Республики Хакасия данная проблематика приобретает особую остроту в силу ряда объективных факторов: суровые климатические условия, высокая энергоемкость экономики, наличие крупных промышленных потребителей (Саяногорский алюминиевый завод, угледобывающие предприятия) и одновременное сосредоточение генерирующих мощностей (Саяно-Шушенская ГЭС, Майнская ГЭС).

Актуальность исследования обусловлена тремя ключевыми обстоятельствами. Во-первых, в республике сохраняется критический уровень износа коммунальной и энергетической инфраструктуры, создающий высокие аварийные риски. Во-вторых, тарифная политика в регионе характеризуется сложным балансированием между социально приемлемыми ценами для населения и необходимостью обеспечения инвестиционных ресурсов для модернизации. В-третьих, развитие новых энергоемких производств (в частности, майнинговых центров) создает дополнительные нагрузки на энергосистему и обостряет проблему перекрестного субсидирования [3].

Состояние инженерных сетей и генерирующего оборудования является фундаментальным фактором энергетической безопасности. По данным Министерства ЖКХ Республики Хакасия, износ инженерных сетей в регионе по итогам 2024 года составил 54,4%. Динамика данного показателя за последние годы представлена в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, наблюдается устойчивая, но крайне медленная положительная динамика, ежегодное снижение износа составляет 0,3-0,4 процентных пункта. При таких темпах для достижения нормативного уровня износа (не более 30%) потребуется более 60 лет, что неприемлемо с точки зрения обеспечения надежности энергоснабжения.

В 2025 году в Хакасии стартовала федеральная программа «Модернизация коммунальной инфраструктуры» в рамках нацпроекта «Инфраструктура для жизни». Планируется направить 193,4 млн рублей на капитальный ремонт 4 тепловых сетей и 13 сетей водоснабжения в 12 населенных пунктах. Будет заменено 21,3 км сетей (13,8 км водопроводов и 7,5 км теплотрасс). Однако масштаб проблемы требует значительно больших объемов финансирования, общая протяженность только тепловых сетей в регионе превышает 500 км.

Таблица 1. Динамика износа инженерных сетей в Республике Хакасия [4]

Год	Уровень износа, %	Абсолютное изменение (к предыдущему году), п.п.
2021	55,4	-
2022	55,0	-0,4
2023	54,7	-0,3
2024	54,4	-0,3
2025	54,0	-0,4

Составлено автором

Тарифная политика в сфере энергетики выступает важнейшим инструментом обеспечения баланса интересов потребителей, поставщиков ресурсов и государства. В Республике Хакасия тарифное регулирование характеризуется рядом особенностей и противоречий.

Хакасия традиционно входит в число регионов с наиболее низкими тарифами на электроэнергию для населения, занимая второе место в России после Иркутской области. С 1 января 2026 года в республике установлены следующие тарифы:

3,30 руб./кВт·ч - для городского населения с газовыми плитами;

2,31 руб./кВт·ч - для сельского населения и горожан с электроплитами или электроотопительными котлами [2].

Рост одноставочного тарифа составил 8,2% (22 копейки), что соответствует минимальному предельному уровню, установленному ФАС России для региона. Примечательно, что правительство Хакасии изначально выходило с предложением сохранить все коммунальные тарифы, включая электроэнергию, без роста, однако федеральный центр не поддержал эту инициативу. Динамика тарифов на электроэнергию для населения Хакасии представлена в таблице 2.

Низкие тарифы для населения имеют обратную сторону - механизм перекрестного субсидирования, при котором финансовая нагрузка по покрытию разницы между экономически обоснованными тарифами и льготными тарифами для населения перекладывается на промышленных и

прочих потребителей. Для Хакасии, где расположены крупные энергоемкие производства, это создает существенные риски: снижение конкурентоспособности региональной промышленности; сдерживание инвестиционной активности; стимулирование перехода крупных потребителей на собственную генерацию и рост нагрузки на бюджет при выпадении доходов энергоснабжающих организаций [2].

Таблица 2. Тарифы на электроэнергию для населения Хакасии [2; 4]

Период действия	Тариф для горожан с газовыми плитами, руб./кВт·ч	Темп роста, %	Тариф для сельчан и электроплит, руб./кВт·ч	Темп роста, %
2023 (I полугодие)	2,49	-	1,74	-
2023 (II полугодие)	2,67	+7,2	1,87	+7,5
2024 (II полугодие)	2,89	+8,2	2,03	+8,6
2025 (II полугодие)	3,10	+7,3	2,18	+7,4
на 01.01.2026	3,30	+6,4	2,31	+5,9

Составлено автором

Особую остроту проблема приобретает в связи с развитием в регионе майнинговой индустрии. Неурегулированный статус майнеров как потребителей создает дополнительные риски для энергосистемы.

В отличие от электроэнергии, тарифы на теплоснабжение, водоснабжение, водоотведение и обращение с ТКО в Хакасии с 1 июля 2024 года до второго полугодия 2025 года остаются неизменными. Это стало возможным благодаря действию регионального закона о льготных тарифах для населения, предусматривающего компенсацию недополученных доходов коммунальных предприятий из республиканского бюджета [2]. Однако такая политика несет скрытые риски: консервация убыточности предприятий ЖКХ; отсутствие у ресурсоснабжающих организаций средств на модернизацию; накопление кредиторской задолженности перед поставщиками топлива и риск «тарифного шока» при отмене льготного регулирования.

К макроэкономическим рискам можно отнести зависимость от угольной генерации и экологические ограничения. Энергобаланс Хакасии исторически сложился с высокой долей угольной генерации, что создает комплекс проблем: высокий уровень загрязнения воздуха в городах (особенно в Черногорске и Абакане) и зависимость от поставок угля и роста цен на него.

Развитие майнинга как новый фактор риска. Хакасия в 2024-2025 гг. активно развивается как центр промышленного майнинга криптовалют благодаря низким тарифам на электроэнергию и наличию энергетической

инфраструктуры СУЭК. Это создает новые вызовы для энергобезопасности: рост нагрузок в период пикового потребления; риски локального дефицита мощности и давление на тарифы для прочих потребителей. Системные диспропорции и бюджетные риски. Располагая мощнейшими генерирующими источниками (Саяно-Шушенская ГЭС), регион сталкивается с дефицитом бюджетных средств для модернизации инфраструктуры [2].

И так, энергетическая безопасность Республики Хакасия характеризуется действием двух групп рисков. Первая группа связана с высоким износом инфраструктуры (54,4% инженерных сетей) и недостаточными темпами его снижения. Даже при реализации федеральных программ модернизации существующие объемы финансирования не позволяют кардинально улучшить ситуацию. Вторая группа рисков обусловлена противоречиями тарифного регулирования. Социально низкие тарифы для населения, с одной стороны, поддерживают доступность энергоресурсов, но с другой - порождают перекрестное субсидирование, сдерживают инвестиции в модернизацию и создают нагрузку на промышленность [3]. Противоречие между федеральным и региональным уровнями власти в вопросах тарифной политики дополнительно обостряет ситуацию. Появление новых энергоемких потребителей (майнинговых центров) создает дополнительные вызовы, требуя балансировки интересов развития цифровой экономики и обеспечения надежности энергоснабжения традиционных потребителей. Минимизация выявленных рисков требует комплексного подхода, сочетающего увеличение инвестиций в инфраструктуру, реформирование тарифной политики и совершенствование механизмов управления энергетическим комплексом региона.

Библиографический список

1. Пыхов П.А. Актуальное состояние энергетической безопасности регионов России // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2024. № 4(80).
2. Республика Хакасия. Износ инженерных сетей в республике составляет 54,4%. URL: <https://portal1.asdg.ru/-2>.
3. Смирнова Е.М. О корректировке подхода к оценке уровня энергетической безопасности регионов / Е.М. Смирнова, С.М. Сендеров // Методические вопросы исследования надежности больших систем энергетики: Материалы 97-го заседания Международного научного семинара, Новосибирск, 06–12 июля 2025 года. Иркутск: Институт систем энергетики им. Л.А. Мелентьева СО РАН, 2025. С. 123-131.

4. Обновление коммунальной инфраструктуры Хакасии: важный шаг к повышению качества жизни // Правительство Республики Хакасия. URL: <https://r-19.ru/news/zhkhk/177958/>.

УДК 338.2

Трансформация политики импортозамещения под влиянием санкционного давления: оценка вклада в укрепление экономической безопасности

Крикунова М.С.

*Научный руководитель: Бабаджанян Г.А., старший преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Ярославский филиал*

Период 2022–2025 годов характеризуется беспрецедентным по масштабу санкционным давлением на экономику Российской Федерации, что привело к разрыву устоявшихся логистических и технологических связей с недружественными государствами. Данные условия потребовали кардинального пересмотра подходов к обеспечению национальной экономической безопасности.

Если на предыдущих этапах импортозамещение реализовывалось преимущественно как инструмент повышения конкурентоспособности отечественных товаров и снижения импортной зависимости в «мирных» условиях, то в новых геополитических реалиях оно трансформировалось в базовый элемент стратегии достижения технологического суверенитета. Экономическая безопасность в данном контексте понимается не только как стабильность макроэкономических показателей, но и как способность национальной экономики к устойчивому функционированию ключевых отраслей, обеспечению населения необходимыми благами и поддержанию оборонного потенциала вне критической зависимости от иностранных поставщиков.

Целью данной статьи является оценка эффективности адаптации политики импортозамещения к условиям санкционных ограничений 2022–2025 гг. и определение ее вклада в укрепление экономической безопасности РФ.

В 2022 году экономика РФ столкнулась с пакетом санкционных ограничений, направленных на разрыв технологических цепочек в отраслях с высокой долей импорта (автопром, авиастроение, станкостроение). Как показано в таблице 1, следствием стали не только

производственные спады, но и вторичные эффекты: ускорение инфляции (вследствие дефицита товаров и усложнения логистики) и отток квалифицированных кадров из секторов, покинутых иностранными компаниями. Данная ситуация сформировала запрос на экстренную трансформацию промышленной политики, направленную на купирование угроз технологической и кадровой безопасности [3].

Таблица 1. Влияние санкций на промышленные отрасли

Отрасль	Характер влияния
Автопром	Падение производства на 67% (по итогам года), остановка конвейеров иностранных брендов, дефицит комплектующих, угроза массовых увольнений.
Авиация	Запрет поставок запчастей и техобслуживания Boeing/Airbus.
Станкостроение	Зависимость от импорта (80–90%) создала риск остановки линий ОПК.

Ответом на санкционные вызовы 2022–2025 гг. стала перестройка нормативно-правовой базы, ключевым вектором которой определен переход от «импортозамещения» к «технологическому суверенитету» — способности государства обеспечивать критически важные технологии независимо от внешних поставщиков. Базовым документом стратегического планирования выступает Стратегия экономической безопасности РФ до 2030 года (Указ Президента № 208) [1]. В развитие ее положений в 2023–2025 гг. сформирована трехуровневая система нормативного обеспечения технологического суверенитета (табл. 2).

Таблица 2. Нормативно-правовое обеспечение перехода к технологическому суверенитету.

Уровень	Документ / Механизм	Суть изменений и вклад в экономическую безопасность
Стратегический	Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 года».	Определяет цели противодействия внешним угрозам и сохранения экономического суверенитета как базовый ориентир.
Институциональный	Постановление Правительства № 835 от 02.06.2025.	Расширение полномочий Правительственной комиссии по импортозамещению. Усиление координации промышленной политики через определение параметров инвестпроектов по выпуску приоритетной продукции.
Отраслевой (промышленность)	Закон о технологической политике (№ 523-ФЗ) от 28.12.2024.	Закрепление правовых основ технологического суверенитета: механизмы реализации крупных проектов (от 10 млрд руб.), поддержка сквозных технологий и малых технологических компаний.

Отраслевой (цифровизация)	Поручения Правительства РФ от 03.07.2025 (по итогам X конференции «Цифровая индустрия промышленной России»).	Определение приоритетов цифрового суверенитета: методика замещения зарубежного ПО, переход на отечественный софт
---------------------------	--	--

Такая структура задала вектор достижения технологического суверенитета как ключевого фактора экономической безопасности, обеспечив переход от «импортозамещения» к способности государства самостоятельно обеспечивать критически важные технологии.

Адаптация отраслей носила неравномерный характер, что подтверждают данные таблицы 3 [2]. Ключевым фактором успеха выступила предшествующая база: в сельском хозяйстве и ИТ, где политика импортозамещения реализовывалась с 2010-х годов, удалось не только компенсировать спад, но и перейти к опережающему развитию.

Таблица 3. Сравнительный анализ отраслей: 2022 против 2025 года.

Отрасль	2022 год (Кризис)	2025 год (Адаптация)
Автопром	Остановка конвейеров, дефицит, рост цен на 80%	Восстановление объемов до 80–90% от докризисного уровня за счет брендов КНР и локализации моделей на ушедших платформах
ИТ и связь	Уход западных вендоров (Cisco, Oracle, SAP), риск остановки корпоративных систем	Массовая миграция госсектора и госкомпаний на отечественное ПО (Astra Linux, «МойОфис»), создание доверенной инфраструктуры
Станкостроение	Критическая зависимость от поставок из ЕС и Азии (доля импорта до 90%)	Запуск новых производственных линий при поддержке ФРП, сохранение зависимости в высокоточном оборудовании
Сельское хозяйство	Зависимость от семян и племенного материала	Инвестиции в селекцию и генетику, укрепление продовольственной безопасности

В отраслях с исторически высокой импортозависимостью (станкостроение, микроэлектроника) результаты 2025 г. следует оценивать, как «управляемый кризис»: физический коллапс производства предотвращен благодаря реинжинирингу и переориентации на поставки из Азии, однако фундаментальная технологическая зависимость (в части литографического оборудования, высокоточных станков с ЧПУ) сохраняется. Особняком стоит автопром, где восстановление объемов достигнуто преимущественно за счет брендов КНР, что ставит вопрос о качественном, а не количественном импортозамещении.

Проведенный анализ позволяет выделить качественные изменения в понимании роли импортозамещения для экономической безопасности:

1. Смена критериев эффективности. Приоритет сместился от минимизации затрат к обеспечению надежности поставок: наличие отечественного аналога или поставщика из дружественной страны стало критически важным, даже при более высокой себестоимости, что снижает уязвимость к санкциям.

2. Кадровый суверенитет как фактор безопасности. Дефицит инженерных и IT-кадров осознан как стратегическая угроза. Программы льготной ипотеки для IT-специалистов и увеличение приема в вузы стали вкладом в долгосрочную устойчивость импортозамещения.

3. Регионализация производства. Логистические риски стимулировали создание производственных кластеров в регионах, снижая зависимость от импорта через ограниченное число портов и повышая устойчивость системы.

Таким образом, период 2022–2025 гг. стал этапом трансформации импортозамещения из инструмента экономической политики в механизм обеспечения национального суверенитета. Адаптация носила неравномерный характер: значимые успехи достигнуты в IT и АПК, где удалось не только заместить импорт, но и создать задел для развития; в высокотехнологичном секторе (станкостроение, микроэлектроника) политика позволила предотвратить системный сбой, сохранив фундаментальную технологическую зависимость.

Главным итогом стало изменение парадигмы экономической безопасности: приоритет сместился от краткосрочной эффективности к надежности поставок, кадровому потенциалу и регионализации производства. Дальнейшее укрепление безопасности требует перехода от политики замещения к опережающему инновационному развитию и интеграции с рынками дружественных стран.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Президент. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ № 208: [принят 13 мая 2017 года].

2. Демичева А. Десятилетие на балансировку [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5407049>.

3. Кононов И. Российский рынок труда на фоне структурных перемен в экономике: чего ждать в ближайшие месяцы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eg-online.ru/article/455862/>.

Энергопереход и его влияние на экономическую безопасность России**Малюхо А.В.***Научный руководитель: Казанцева Е.Г., д-р экон. наук, доцент
Кемеровский государственный университет*

Современный мировой энергетический рынок переживает глубокую трансформацию, вызванную геополитической напряженностью и климатическими изменениями, что значительно повлияло на глобальную систему обмена энергоресурсами, актуализировав для большинства стран задачу по развитию возобновляемых источников энергии. Несмотря на то, что ископаемое топливо все еще остается основным лидером на энергетическом рынке, возобновляемые источники энергии все чаще становятся предметом общественной повестки. Под энергопереходом понимается глобальный процесс изменения структуры мировой энергетики, который подразумевает постепенный отказ от традиционных ископаемых видов топлива в пользу возобновляемых источников энергии и безуглеродных технологий [3].

Использование традиционных источников энергии сопряжено со многими проблемами, такими как истощаемость ресурсов и неравномерное распределение энергии в мире, но самое главное – это выбросы парниковых газов, ведущие к изменению климата, и проблемы утилизации отходов. Снижение выбросов парниковых газов является одним из трендов на пути к «зеленой» энергетике. С 2010 года мир избежал использования 1371 ЭДж ископаемого топлива и выброса 109 гигатонн парниковых газов за счет возобновляемых источников энергии [5].

Возобновляемые источники помогают не только решить проблемы использования традиционных источников, но и способствуют достижению частичного энергетического суверенитета для стран, зависящих от импорта энергии. В связи с этим все больше стран развивают «зеленую» энергетику. Такие технологии, как ветряные, солнечные, гидро- и геотермальные, использующие отечественные ресурсы, уменьшают потребность в импорте энергии. Возможности этих технологий использует, в частности, Китай. Хотя Китай по-прежнему зависит от импорта энергии, он смог покрыть 25% общего спроса на энергию в 2024 году благодаря возобновляемым источникам и избежать импорта 87 ЭДж за последние 5 лет [5].

США и Европа также активно развивают технологии возобновляемой энергетики, особенно геотермальной. По словам главного советника генерального директора Российского Энергетического Агентства Минэнерго России В. Дребенцова, такие технологии, как EGS и AGS, позволят извлекать геотермальную энергию не только в районах с геотермальными источниками и другими проявлениями близости геотермальной энергии к поверхности Земли [2].

Россия также развивает возобновляемые источники энергии, но не так быстро, как другие развитые страны. Это связано с тем, что Россия обладает огромной территорией и уникальной структурой энергобаланса. Больше половины территории страны не охвачены централизованным электроснабжением, тем самым, создавая потенциал для развития генерации возобновляемых источников. Однако это требует колоссальных инвестиций для замещения уже существующих мощностей, которые работают на традиционных источниках энергии. Но инвестиции в возобновляемую энергетику сталкиваются с высокой ключевой ставкой Центрального Банка, из-за которой инвесторы закладывают в новые проекты до 20% доходности, тем самым снижая их инвестиционную привлекательность. В то же время внешние ограничения и необходимость импортозамещения оборудования делают реализацию проектов затратной и небезопасной [4].

Несмотря на то, что Россия не входит в число лидеров по выработке возобновляемой энергетики, значение «зеленой» повестки постоянно возрастает. Для сокращения парниковых газов разработаны три сценария: «без принятие мер», «с мерами» и «с дополнительными мерами». Во всех трех сценариях до 2030 года ожидается рост объема выбросов парниковых газов; их сокращение возможно только после 2030 года по сценарию «с дополнительными мерами». В настоящее время Россия сохраняет приверженность цели достижения углеродной нейтральности к 2060 году [1].

Проблема заключается в том, что Россия уязвима перед механизмами трансграничного углеродного регулирования, которые уже внедряют или планируют к внедрению импортеры ее энергоресурсов. С одной стороны, углеродные сборы увеличивают стоимость российского экспорта, делая его менее конкурентоспособным по сравнению с продукцией из других регионов или с местными энергоресурсами стран-импортеров. С другой стороны, эти платежи перекладывают бремя климатической повестки на российского производителя, который вынужден либо снижать цену, теряя прибыль, либо уступать рыночную долю. В условиях, когда доходы от экспорта углеводородов формируют значительную часть федерального

бюджета, снижение маржинальности поставок окажет негативное влияние на экономическую безопасность.

Вместе с этим, следует отметить, что традиционное энергетическое лобби в мире не собирается сдавать свои позиции. Вопреки мировому тренду на расширение климатической повестки и развитие возобновляемой энергетики, Президент США Дональд Трамп занимает жесткую альтернативную позицию по этому вопросу и рассчитывает с пользой для США удерживать мировой энергетический рынок в зависимости от традиционных углеводородов. Это намерение США по энергетическому доминированию приведет к обострению конкуренции на мировом энергетическом рынке и побуждает Россию к сохранению вновь обретенных, возвращению утраченных и поиску новых рынков сбыта газа, нефти и угля.

Таким образом, энергопереход в перспективе может оказать неоднозначное влияние на экономическую безопасность Российской Федерации, поскольку прогнозируется сокращение экспорта российских энергетических товаров (даже при условии, что санкции по геополитическим причинам отменены). В этой связи сокращение доли нефтегазовых доходов в структуре доходной части федерального бюджета и его пополнение за счет доходов, поступающих от других секторов, выступает важной задачей.

Библиографический список

1. Власти сочли невыгодной форсированную декарбонизацию в условиях санкций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/08/02/2025/67a49faf9a7947d44b2c1bc3?from=newsfeed>.

2. Дребенцов В. Пять трендов в мировой энергетике в 2026 году [Электронный ресурс]. URL: <https://www.atomic-energy.ru/statements/>.

3. Салихов А.В., Казанцева Е.Г. Будущее нефтяной промышленности в контексте устойчивого развития // Экономическое развитие в XXI веке: тенденции, вызовы и перспективы: Сборник научных трудов XI Международной научно-практической конференции: в 2 ч., Москва, 06 апреля 2023 года. Москва: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2023. С. 101-106.

4. Что мешает развитию возобновляемой энергетики и почему ее доля продолжит расти [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2025/12/03/chto-meshaet-razvitiu-vozobnovliaemoj-energetiki-i-pochemu-ee-dolia-prodolzhit-rasti.html?utm_source=rreda&utm_medium=redirect&utm_campaign=link&utm_content=news&utm_term=quote.

5. Statistical Review of World Energy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.connaissancedesenergies.org/sites/connaissancedesenergies.org/files/pdf-actualites/Statistical%Review%20of%World%Energy%283%29.pdf>.

УДК 331.108

Управление кадровыми рисками в системе экономической безопасности предприятия гостиничной сферы

Матвиенко В.Г.

*Научный руководитель: Глотова А.С., канд. экон. наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет*

Гостиничная индустрия является одной из наиболее зависимых отраслей от внешних и внутренних факторов, поэтому формирование системы экономической безопасности представляется как ключевое условие для стабильного развития отрасли в нынешних условиях неопределенности. Одним из важнейших направлений экономической безопасности гостиничного предприятия является кадровая безопасность, так как от её обеспечения зависит результативность деятельности организации. Такие исследователи, как Альсова Е.М., Беланова Н.Н., Литвинова О.И. отмечают, что персонал занимает ключевое место в организации деятельности гостиничного предприятия, поэтому его экономическая безопасность находится под сильным воздействием кадровых рисков. Примечательно, что причинами их появления в организации могут быть изменения как во внешней, так и во внутренней среде.

Причины, связанные с внешней средой, могут проявляться следующим образом:

- несоответствие предложения спросу, что указывает на недостаточное количество квалифицированных кадров в гостиничной индустрии;
- нестабильная экономическая ситуация в городе, региона, стране, влияющая как на снижение уровня заработной платы работников сферы, так и на отток квалифицированных кадров и рост текучести кадров;
- несоответствие подготовки соискателей требованиям работодателей [1, с. 63].

На появление кадровых рисков влияют такие причины, вызванные изменениями во внутренней среде, как слабая система мотивации, некачественное формирование управленческих решений, в том числе задач

и целей работы персонала, неэффективная система обучения и повышения квалификации [1, с. 63].

Альсова Е.М. и Беланова Н.Н. выделяют четыре основные категории кадровых рисков, которые могут негативно влиять на экономическую безопасность предприятия, в том числе гостиничного предприятия. К ним относятся риски найма, обучения и развития, мотивации, неблагонадежности и отсутствия лояльности персонала [1, с. 64].

Риски найма персонала напрямую связаны с особенностями развития рынка труда гостиничной индустрии. Они включают такие риски, как риск недостаточного количества соискателей, риски недостаточной квалификации и некачественного отбора персонала.

Риски обучения и развития персонала представлены рисками его перегруженности, некачественного обучения, слабой мотивации, сопротивлением новым знаниям, умениям и навыкам.

Риски мотивации считаются ключевыми в системе экономической безопасности. Чем более замотивирован персонал, тем ниже вероятность наступления рискованных ситуаций. Риск мотивации персонала может возникнуть в следующих случаях: неэффективное распределение рабочих обязанностей между сотрудниками, слабая система материальной и нематериальной мотивации, отсутствие корпоративного духа [2, с. 101].

Примечательно, что Альсова Е.М. и Беланова Н.Н. считают риски мотивации персонала наиболее негативно влияющими на экономическую безопасность предприятия [1, с. 65]. Кроме того, отсутствие работы предприятия над сплоченностью коллектива может привести к формированию неблагоприятного психологического климата, характеризующегося высоким уровнем конфликтности.

Последняя группа кадровых рисков представлена рисками неблагонадежности и отсутствия лояльности персонала. Данная группа включает рискованные ситуации, связанные с рисками нарушения конфиденциальности, нанесением материального ущерба и негативным влиянием на репутацию гостиничного предприятия [2, с. 102].

На основании вышеописанного было определено, что кадровые риски могут сказаться не просто на ослаблении эффективности деятельности гостиничного предприятия, а на значительном нарушении его экономической безопасности, что в конечном итоге может привести к отсутствию возможностей для борьбы с внутренними и внешними угрозами.

Высокий уровень негативного влияния кадровых рисков на систему экономической безопасности гостиничного предприятия указывает на важность организации эффективной системы управления, которая

позволит снизить вероятность наступления такого рода рисков. Система управления кадровыми рисками в деятельности гостиничного предприятия должна быть представлена совокупностью подсистем: подготовка соискателей, отбор и прием новых сотрудников, мотивация, повышение лояльности персонала, обучение и развитие сотрудников (совокупность подсистем представлена авторской разработкой).

Подсистема подготовки соискателей базируется на взаимовыгодном сотрудничестве с университетами и колледжами, которые осуществляют подготовку специалистов в области гостиничного бизнеса и туризма. Такого рода сотрудничество позволит гостиничным предприятиям формировать условия для подготовки квалифицированных кадров для работы выпускников в гостиничной индустрии в соответствии с актуальными требованиями работодателей.

Подсистема отбора и приема новых сотрудников подразумевает под собой наличие в организации совокупности методик, которые позволяют максимально оценить личностные и профессиональные характеристики соискателя. Основа отбора должна быть представлена оценочным интервью, основанным на объективной оценке умений, навыков и знаний кандидата. Кроме того, оценка должна включать использование психологических тестов, опросников и анкет, которые позволяют комплексно оценить личность потенциального сотрудника гостиницы. Немаловажным является и тот факт, что отбор должен осуществляться компетентным сотрудником, обладающим необходимыми знаниями в сфере управления персоналом.

Подсистема мотивации должна соответствовать потребностям персонала и максимально мотивировать его к достижению поставленных задач и целей. Материальные мероприятия должны включать премии и бонусы за выполнение или перевыполнение плановых показателей, процент от продаж дополнительных услуг, снижение стоимости услуг предприятия для его сотрудников, формирование условий для добровольного медицинского страхования. Среди нематериальных мероприятий наиболее действенными являются различные виды похвалы (похвальные листы, доска почета, участие персонала в принятии управленческих решений), корпоративные мероприятия, в том числе спортивного, творческого или иного характера. Совокупность материальных и нематериальных мероприятий позволяет сформировать условия для поддержания высокого уровня производительности персонала и снижения вероятности наступления рисков демотивации, ухудшения психологического климата в коллективе.

Подсистема повышения лояльности персонала основывается на

необходимости создания привлекательного образа предприятия в глазах персонала. В обязательном порядке с сотрудниками должен быть заключено соглашение о неразглашении конфиденциальной информации. Кроме того, в компании должна быть разработана корпоративная культура, направленная на сплочение трудового коллектива. Корпоративная культура выстраивается на основе ценностей компании, которые должны быть связаны с потребностями персонала, например, для более молодых сотрудников важны похвала и финансовые бонусы, для более старшего поколения сотрудников – возможность карьерного роста и участия в процессе принятия решений. В целом, должны быть сформированы такие условия, которые будут направлены на подтверждение значимости и высокой ценности сотрудника для предприятия. Чем выше в гостинице ценится сотрудник, тем выше его производительность и лояльность.

Подсистема обучения и развития персонала должна быть тщательно вплетена в трудовую деятельность персонала. В современном мире эффективнее будет использовать возможности онлайн-обучения, которые дают возможность персоналу обучаться в любое время и в любом месте. При этом подсистема должна включать возможности для повышения квалификации, развития новых навыков, умений, которые необходимы специалистам в сфере гостиничного бизнеса.

Формирование комплексной системы управления кадровыми рисками, включающей пять подсистем, позволит повысить эффективность работы управленческого звена с процессами предупреждения, минимизации или устранения такого рода рисков, чтобы снизить вероятность наступления неблагоприятного исхода.

Таким образом, сильная зависимость гостиничной индустрии от внешних и внутренних факторов обуславливает её сильную подверженность кадровым рискам, которые негативно влияют на деятельность гостиничных предприятий, в том числе на его прибыльность и конкурентоспособность. Рассмотрение кадровых рисков позволило определить, что они могут негативно влиять как на процессы движения персонала, так и на процессы выполнения им обязательств. Некачественное выполнение обязательств и низкая мотивация приводят к хрупкости экономической безопасности предприятия. На основании описанной классификации кадровых рисков была сформирована система управления ими, включающая пять подсистем. Совокупность подсистем, предложенная в статье, позволит гостиничным предприятиям снизить вероятность наступления кадровых рисков и повысить качество функционирования своей системы экономической безопасности.

Библиографический список

1.Альсова Е.М., Беланова Н.Н. Оценка кадровых рисков как инструмент оптимизации непредвиденных расходов организации // Инновационные стратегии управления человеческими ресурсами: сборник научных трудов II Всероссийской научно-практической конференции. Самара: Самарский научный центр РАН, 2020. С. 62-66.

2.Литвинова О.И. Кадровый менеджмент в условиях кризиса в гостиничном бизнесе // Научный вестник МГУСиТ: спорт, туризм, гостеприимство. 2022. № 2(72). С. 98-107.

УДК 338.2

Обеспечение финансовой безопасности предприятия на примере компании ООО «Интернет решения» (Ozon)

Казарян Д.А., Монов Д.С.

*Научный руководитель: Быков В.А., канд. экон. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В современных условиях цифровой трансформации экономики и роста онлайн-торговли особую значимость приобретает обеспечение финансовой безопасности компаний электронной коммерции. Одним из крупнейших представителей данного сектора в России является компания Ozon, деятельность которой связана с высокой динамикой финансовых потоков, масштабными инвестициями и значительными операционными рисками.

Финансовая безопасность предприятия представляет собой состояние защищенности его финансовых ресурсов и интересов от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее устойчивость функционирования и развитие бизнеса. Для компаний e-commerce данная категория приобретает особую специфику, связанную с высокой конкуренцией, зависимостью от потребительского спроса, логистической инфраструктуры и цифровых технологий.

К числу внешних угроз финансовой безопасности Ozon относятся макроэкономическая нестабильность, инфляция, изменение потребительской активности, валютные колебания (учитывая закупки импортных товаров), усиление государственного регулирования и санкционные ограничения. Внутренние угрозы включают рост операционных расходов, увеличение затрат на логистику и маркетинг, возможные кассовые разрывы, а также киберриски.

Особенностью финансовой модели Ozon является активное привлечение инвестиций и использование заемного капитала для масштабирования бизнеса. Компания исторически демонстрировала высокие темпы роста оборота, однако значительные инвестиции в развитие логистической инфраструктуры, IT-платформы и маркетинга оказывали давление на показатели прибыльности. В этих условиях поддержание финансовой устойчивости требует грамотного управления структурой капитала и долговой нагрузкой.

Одним из ключевых элементов финансовой безопасности является управление ликвидностью. Для Ozon критически важным является поддержание достаточного объема оборотных средств для финансирования складских запасов, расчетов с поставщиками и обеспечения бесперебойной логистики. Применение инструментов финансового планирования, прогнозирования денежных потоков и сценарного анализа позволяет минимизировать риск кассовых разрывов.

Существенную роль играет управление рисками. В деятельности Ozon можно выделить следующие основные финансовые риски:

- операционный риск (сбои в логистике, IT-инфраструктуре);
- кредитный риск (работа с партнерами и продавцами маркетплейса);
- рыночный риск (снижение спроса, изменение ценовой политики конкурентов);
- валютный риск;
- киберриск.

Для минимизации данных угроз компания применяет диверсификацию поставщиков, развитие собственной логистической сети, автоматизацию процессов, страхование отдельных видов рисков и внедрение систем внутреннего контроля.

Особое значение для финансовой безопасности Ozon имеет цифровая защита. Как крупная онлайн-платформа, компания обрабатывает значительные объемы персональных данных и финансовых транзакций. Нарушение информационной безопасности может привести к прямым финансовым потерям и снижению доверия клиентов. Поэтому инвестиции в кибербезопасность и совершенствование IT-инфраструктуры являются важнейшим направлением обеспечения устойчивости бизнеса.

Дополнительным фактором финансовой устойчивости является развитие экосистемной модели бизнеса: запуск собственных финансовых сервисов, расширение ассортимента услуг, развитие партнерских программ. Диверсификация источников дохода способствует снижению зависимости от одного сегмента рынка и укрепляет финансовую безопасность компании.

Таким образом, обеспечение финансовой безопасности Ozon представляет собой комплексную систему мероприятий, включающую управление капиталом, ликвидностью, рисками и цифровой защитой.

В условиях высокой конкуренции и нестабильной внешней среды устойчивое развитие компании возможно только при стратегическом подходе к финансовому управлению и постоянном совершенствовании механизмов контроля и анализа рисков.

Библиографический список

1. Грачев А.В. Финансовый менеджмент: учебник. М.: Юрайт, 2023.
2. Ковалев В.В. Финансовый анализ: методы и процедуры. М.: Финансы и статистика, 2020.
3. Савицкая Г.В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия. М.: Инфра-М, 2022.
4. Годовая отчетность Ozon. URL: <https://ir.ozon.com> (дата обращения: 01.03.2026).

УДК 338

Геополитические санкции и их влияние на таможенные процедуры: вызовы для цепочек поставок и меры по обеспечению экономической безопасности

Мохорев Д.А., Сацута К.Д.

*Научный руководитель: Турбан Г.В., канд. экон. наук, доцент
Белорусский государственный экономический университет*

В современном мире геополитические санкции становятся одним из ключевых инструментов международной политики, существенно влияющих на функционирование глобальных экономических процессов. С 2022 года их число стремительно растет, охватывая тысячи товаров, технологий и финансовых операций, что приводит к фрагментации мировой торговли и замедлению темпов экономического роста. По прогнозам ведущих международных организаций, в 2026 году мировая торговля может сократиться на несколько процентов из-за усиления протекционистских мер и торговых ограничений, что повлечет за собой сокращение объемов международной торговли, рост логистических издержек и нарушение цепочек поставок, что особенно уязвимо бьет по малому и среднему бизнесу, зависящему от стабильных экспортно-импортных потоков. Эти процессы создают системные риски для экономической безопасности государств ЕАЭС, включая Республику

Беларусь и Российскую Федерацию, где усиление таможенного контроля и введение дополнительных нетарифных барьеров удлинляют сроки доставки и повышают операционные риски. В этой связи особую актуальность приобретает анализ того, как именно геополитические санкции трансформируют таможенные процедуры и создают системные вызовы для функционирования международных логистических цепочек.

Геополитические санкции кардинально изменили таможенные процедуры в странах ЕАЭС, из-за чего в 2026 году количество досмотров выросло более чем на треть по сравнению с предыдущими периодами, а время оформления деклараций для нефтепродуктов увеличилось до 15-20 дней [1]. Также Решением Коллегии ЕЭК от 23.09.2025 № 84 были дополнены механизмы прослеживаемости, согласно данному Решению, стало обязательным использование навигационных пломб для грузоперевозок начиная с 11 февраля 2026 г., что требует детального документирования движения санкционно-чувствительных товаров – нефтепродуктов, металлов, электроники и компонентов двойного назначения. Компании вроде «БелАЗ» и «Гомсельмаш» столкнулись с блокировкой 25-30% поставок электроники из ЕС из-за правил прослеживаемости и усиленного контроля, что привело к простоям производства на 10-15 дней.

Одновременно государства отвечают цифровизацией таможенных процессов: внедрение Единого окна ВЭД позволило перевести практически 100% деклараций в электронный формат, однако системы автоматического анализа рисков в 2026 году отклоняют 15-22% заявок на санкционные товары еще на этапе предварительного информирования, требуя ручной проверки. Логистические издержки российских и белорусских экспортеров выросли на 22-27% из-за обязательного лицензирования металлов и автокомпонентов, а также ужесточения процедур «обеления» импорта [2]. Параллельный импорт через Турцию и Индию стал дороже на 15-20%, поскольку таможи усилили контроль за страной происхождения и наценкой (свыше 50% приводит к полной проверке), вынудив бизнес тратить дополнительно 8-10% бюджета на обеспечение соответствия требованиям.

Эти изменения привели к реальным сбоям: экспорт калийных удобрений из Беларуси в ЕС сократился более чем на 30% в первом квартале 2026 года из-за задержек на границе и нетарифных барьеров, а транзит нефти через порты Балтии упал более чем на 40% [3]. Для наглядности рассмотрим ключевые меры контроля в таблице 1.

функционирование международных цепочек поставок, создавая сбои в логистике и повышая операционные риски для предприятий ЕАЭС. Время

оформления деклараций выросло до 15-20 дней для санкционно-чувствительных товаров, а среднее время доставки контейнеров из Азии в Беларусь увеличилось с 21 до 38 дней, критически сказываясь на машиностроении и химической промышленности. Логистические издержки экспортеров выросли на 22-27%, вынуждая малый и средний бизнес сокращать маржу или отказываться от экспортных контрактов. В машиностроении и химической промышленности наблюдается дефицит комплектующих и сырья из-за запрета реэкспорта и блокировок поставок, что вызывает простои производства и рост себестоимости на 12-18%. Экспорт калийных удобрений в страны ЕС сократился более чем на 30% в первом квартале 2026 года из-за задержек на границе и нетарифных барьеров, вынудив перенаправить значительную долю поставок в Азию и Латинскую Америку через более дорогие маршруты с перевалкой. Транзит энергоносителей через порты Балтийского моря упал более чем на 40%, что привело к переориентации потоков через Каспий и Суэц с ростом фрахтовых ставок на 35%.

Таблица 1. Основные меры таможенного контроля под влиянием санкций в ЕАЭС в 2026 г.

Мера контроля	Пример применения	Основное влияние (2026 г.)
Прослеживаемость	Нефтепродукты, металлы	+15-20 дней на оформление
Лицензирование	Товары двойного назначения	Блокировка 25-30% поставок
Усиленный досмотр	Электроника из ЕС	+20-27% логистических затрат

Эти изменения в таможенных процедурах напрямую нарушают

Валютные ограничения усугубляют ситуацию: переход на расчеты в национальных валютах сопровождается ужесточением таможенного контроля, блокирующего 18-22% деклараций из-за несоответствия курсовым разницам. Дефицит контейнеров в ЕАЭС достиг 25% от потребности, а рост схем параллельного импорта через третьи страны повысил риски штрафов до 100% контрактной стоимости. Для Беларуси характерно падение экспорта машиностроительной продукции в ЕС на 28% за 2025 год с дальнейшей тенденцией к снижению, при этом доля ЕАЭС в общем экспорте выросла до 68%, создавая зависимость от единого рынка.

Такие системные вызовы для цепочек поставок требуют от предприятий ЕАЭС перехода к применению активных мер в области экономической безопасности, позволяющим не только минимизировать убытки, но и адаптироваться к новой геоэкономической реальности.

Для минимизации рисков бизнесу ЕАЭС необходимо внедрять меры по диверсификации торговых потоков и укреплению устойчивости. Первоочередная стратегия – переориентация экспорта на растущие рынки Азии, Африки и Латинской Америки, где доля торговли с Индией и Вьетнамом выросла на 47% в 2025 году, что снижает зависимость от западных направлений. Создание свободных экономических зон и промышленных парков в Беларуси (например, СЭЗ «Гродноинвест») позволяет локализовать производство комплектующих, сокращая риски логистических сбоев на 30-40%.

Второй блок мер связан с цифровизацией цепочек поставок посредством ERP-систем и блокчейн-контрактов, которые обеспечивают прозрачность документооборота, сокращая время таможенного оформления на 25%. Страхование санкционных рисков и переход на национальные валюты минимизируют валютные потери. Корпоративное управление включает антисанкционные отделы и обучение соблюдению требований таможенного регулирования.

Третья группа мер касается корпоративного управления рисками, что подразумевает разработку антисанкционных отделов в компаниях, обучение соблюдению требований таможенного законодательства и создание карт рисков по странам-партнерам. Нормативно-правовая база поддерживает эти инициативы, предусматривая упрощение процедур для стратегических отраслей. Комплексный подход позволяет бизнесу не только выстоять в условиях санкционного давления, но и повысить конкурентоспособность на глобальных рынках [4; 5].

Геополитические санкции, трансформируя таможенные процедуры и нарушая цепочки поставок, создают объективные вызовы для экономической безопасности государств и предприятий ЕАЭС, однако одновременно стимулируют переход к диверсифицированной модели международной торговли и внутреннему технологическому развитию. Предложенные меры – от локализации производства и цифровизации логистики до корпоративного управления рисками – позволяют не только минимизировать текущие убытки, но и повысить долгосрочную конкурентоспособность бизнеса на глобальных рынках, снижая зависимость от традиционных торговых партнеров.

В перспективе частичное смягчение санкционного давления возможно при геополитическом урегулировании ключевых конфликтов, однако бизнесу следует ориентироваться на самостоятельную реализацию комплексных стратегий экономической безопасности в соответствии с национальными программами. Такой подход обеспечит устойчивость

международных операций в условиях продолжающейся глобальной нестабильности.

Библиографический список

1. Государственный таможенный комитет Республики Беларусь. Статистика таможенного контроля и оформления товаров [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.by>.
2. Евразийская экономическая комиссия. Таможенное регулирование в Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org>.
3. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Внешняя торговля Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belstat.gov.by>.
4. Указ Президента Республики Беларусь от 19.04.2022 № 197 «О развитии внешнеэкономической деятельности».
5. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org>.

УДК 338,336

Трансформация платежной инфраструктуры как фактор финансовой устойчивости организаций Республики Беларусь

Панчишкина А.А.

*Научный руководитель: Малыхина С.И., канд. экон. наук, доцент
Академия управления при Президенте Республики Беларусь*

В современных условиях бесперебойное функционирование платежной системы выступает фундаментальным условием экономической безопасности страны. Внешние шоки в финансовой сфере оказывают прямое влияние на каналы расчетов, вызывая несвоевременное исполнение финансовых обязательств, дефицит ликвидности и ухудшение операционной эффективности организаций, приводя к нарушению ритмичности производственных циклов и, как следствие, к снижению рентабельности и чистой прибыли. Происходящая трансформация платежной инфраструктуры направлена на ограничение платежного риска, который оказывает влияние на финансовую устойчивость организаций Республики Беларусь. Под платежным риском в общем смысле понимается риск участника платежного рынка или платежной системы. Национальным

законодательством риск в платежной системе определен как потенциальная возможность (вероятность) потери денежных средств (электронных денег), работоспособности основных программно-технических комплексов, на которых функционирует платежная система, доверия к платежной системе, иных количественных, качественных потерь (убытков) и дополнительных затрат, недополучения запланированных доходов [1]. Барьеры при проведении платежей ухудшают состояние расчетов белорусских организаций, тем самым ослабляя их финансовое состояние, что показывают данные таблиц 1 и 2.

Таблица 1. Финансовые результаты работы организаций [2]

	2024 г.	2025 г.	Рост, в %
Выручка от реализации, млн руб.	482 456,7	527 641,7	109,4
Прибыль от реализации, млн руб.	31 503,0	35 993,2	114,3
Чистая прибыль, млн руб.	18 947,1	23 038,9	121,6
Рентабельность продаж, %	6,5	6,8	x
Убыточные организации, единиц	998	1 118	112,0
Удельный вес убыточных орг-ий, %	11,9	13,3	x

Таблица 2. Состояние расчетов организаций [2]

	На 01.01.2026 г., млн руб.	К 01.02.2025 г., в %	К 01.12.2025 г., в %
Дебиторская задолженность	100 134,3	112,5	99,4
в т. ч. просроченная	10 427,5	106,5	91,4
Внешняя дебиторская задолженность	23 539,8	100,2	96,4
в т. ч. просроченная	1 316,5	114,1	84,7
Кредиторская задолженность	119 990,4	114,0	99,98
в т. ч. просроченная	11 758,3	101,3	94,9
Внешняя кредиторская задолженность.	24 518,4	110,4	101,2
в т. ч. просроченная	2 842,4	88,1	96,6

По данным Национального банка Республики Беларусь, выручка от реализации продукции, товаров, работ, услуг организаций за 2025 г. составила 527,6 млрд руб., по сравнению с 2024 г. она увеличилась на 9,4% в номинальном и уменьшилась на 1,5% в реальном выражении. В 2024 г. по сравнению с 2023 г. прирост составил 13,5% в номинальном выражении и 1,2% в реальном выражении. Данные наглядно показывают, что капитал стал оборачиваться медленнее, реальная выручка снижается, несмотря на видимый рост доходов. Такие дисбалансы мешают организациям сохранять финансовую устойчивость в долгосрочной перспективе.

Несмотря на то, что в 2025 г. совокупная прибыль от реализации достигла 36 млрд руб. (+14,3% к 2024 г.), а чистая прибыль – 23 млрд руб., финансовая устойчивость организаций остается под давлением внешних факторов. Рост рентабельности продаж до 6,8% не в полной мере отражает реальную платежеспособность организаций, так как часть прибыли зафиксирована в дебиторской задолженности. Подтверждением их высокой уязвимости служат данные Национального банка, согласно которым в 2025 г. доля низкорентабельных организаций (с рентабельностью продаж от 0% до 5%, рассчитанная к общему числу рентабельных организаций) составила 36,5%. Для таких организаций любое удорожание платежных услуг или задержка транзакции критичны, что подтверждается финансовым результатом 1118 организаций (13,3% от общего количества) в 2025 г. стали убыточными. Состояние расчетов организаций на 01.01.2026 характеризуется нарастанием долговой нагрузки: совокупная кредиторская задолженность организаций достигла 119,9 млрд руб., превысив дебиторскую (100,1 млрд руб.) на 19,8%. Такой дисбаланс указывает на дефицит ликвидности, для покрытия которого организации вынуждены восполнять нехватку оборотных средств за счет кредитов и займов, чей объем достиг 140,2 млрд руб. [3].

Наиболее остро платежные риски проявляются во внешнеэкономической деятельности Республики Беларусь. Ключевым дестабилизирующим фактором служит обострение санкционного давления, одной из форм которого стало поэтапное, начиная с 2022 г., отключение белорусских банков, в том числе системно значимых, от международной платежной системы SWIFT. К 2026 г. такие санкции распространены на 8 банков, или 38 % банковского сектора страны. Хотя SWIFT технически является каналом обмена сообщениями, его блокировка лишила банки возможности быстро передавать финансовую информацию контрагентам, что усложнило систему межбанковского взаимодействия и проведение расчетов через корреспондентские счета. Ограничение доступа к проведению расчетов с зарубежными финансовыми институтами и нехватка альтернативных систем передачи финансовой информации привели к тому, что привычные схемы расчетов разрушились, комплаенс-проверки платежей стали занимать гораздо больше времени. Вследствие этого, к началу 2026 г. просроченная дебиторская задолженность из-за рубежа выросла на 14,1%, достигнув 1,3 млрд руб., а общая просроченная кредиторская задолженность составила 11,8 млрд руб. Полученная валютная выручка замораживается на счетах в иностранных банках, в то время как долги белорусских организаций растут быстрее, чем их доходы.

Платежный риск имеет накопительный эффект: организации теряют не только свободные деньги для текущей деятельности, но и саму возможность покупать необходимое импортное оборудование. Получается, что даже если у организации есть прибыль, она не может потратить её на обновление техники и развитие. Это приводит к тому, что производство перестает развиваться и начинает технически отставать. В такой ситуации трансформация системы платежей путем использования альтернативных каналов и запуска цифрового белорусского рубля становится ключевым инструментом обеспечения финансовой стабильности и независимости экономики страны от зарубежных технологий.

В Республике Беларусь основной акцент сделан на риск-ориентированный оверсайт платежных систем и контроль за соблюдением законодательства в сфере платежных систем и платежных услуг. Для защиты системы от рисков была введена обязательная регистрация поставщиков платежных услуг в едином реестре, который к началу 2025 г. включал 89 организаций. Сформированная многоуровневая инфраструктура, включающая операторов систем, расчетные центры и агрегаторы, позволяет эффективно замещать зарубежные сервисы и обеспечивать бесперебойность внутренних расчетов. Примером успешного импортозамещения стало внедрение единого национального стандарта QR-платежей «КРОК», который снижает зависимость экономики от западных технологий.

Параллельно проводится трансформация внешних каналов, включая переход от системы SWIFT к ее российскому аналогу СПФС, китайской платформе CIPS и другим. Это позволяет обходить блокировки западных клиринговых центров и поддерживать работу с ключевыми торговыми партнерами. Однако, учитывая риски вторичных санкций и ограниченный охват этих систем, стратегически важным решением становится внедрение цифрового белорусского рубля, которое, впрочем, также может генерировать дополнительные риски [4]. В отличие от традиционных безналичных платежей, платформа цифрового рубля позволяет проводить расчеты напрямую между центральными банками дружественных стран, минуя западную банковскую систему. Использование смарт-контрактов в такой валюте гарантирует автоматическое исполнение сделок только при выполнении условий поставки, что решает проблему «заморозки» средств и обеспечивает финансовый суверенитет.

Проведенное исследование показало, что комплексное развитие национальной платежной среды и трансформация платежной инфраструктуры способствует повышению финансовой устойчивости

организаций и тем самым служит инструментом укрепления экономической безопасности и технологического суверенитета Республики Беларусь в условиях глобальной нестабильности.

Библиографический список

1. О платежных системах и платежных услугах: Закон Респ. Беларусь, 19 апр. 2022 г., № 164-З.
2. Национальный статистический комитет Республики Беларусь // Финансы организаций. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/finansy-organizatsiy/>.
3. Национальный банк Республики Беларусь, Основные тенденции в экономике и денежно-кредитной сфере. URL: https://www.nbrb.by/publications/ectendencies/rep_2026_01_ot.pdf.
4. Малыхина С.И. Риски внедрения цифрового белорусского рубля в финансовом секторе // Банковская система: устойчивость и перспективы развития : XV междунар. науч.-практ. конф. по вопросам финансовой и банковской экономики, Пинск, 25 окт. 2024 г.: сб. науч. ст. / Полес. гос. ун-т; ред. кол.: В.И. Дунай [и др.]. Пинск. 2024. С. 70-73.

УДК 338.33

Коммерческая тайна в системе противодействия корпоративному мошенничеству компании ООО «Яркамп»

Полякова А.О., Сакулина П.И.

*Научный руководитель: Быков В.А., канд. экон. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В современной экономике, где бизнес-процессы всё больше переходят в цифровую среду, возрастает значение защиты служебной и коммерческой информации. Утечка таких данных может привести не только к финансовым потерям, но и к злоупотреблениям внутри организации, поэтому режим коммерческой тайны выступает важным инструментом предупреждения корпоративного мошенничества. В данной работе рассматриваются правовые основы коммерческой тайны, её значение для обеспечения экономической безопасности, а также особенности защиты конфиденциальной информации в деятельности компании ООО «Яркамп».

Коммерческая тайна - режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю при существующих или возможных

обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду.

К ключевым признакам коммерческой тайны относятся значимость сведений для бизнеса, ограниченный доступ, формальный режим защиты и ответственность за разглашение. Такой режим позволяет организации не только контролировать использование информации, но и создавать юридические основания для привлечения к ответственности сотрудников или контрагентов в случае нарушений.

ООО «Яркамп» — крупный российский холдинг, специализирующийся на полном цикле работы с коммерческим транспортом: продаже автобусов (ПАЗ, ЛиАЗ), грузовиков (ГАЗ, ISUZU, КАМАЗ) и спецтехники. Компания обеспечивает сервисное обслуживание, продажу запчастей, предоставляет услуги лизинга и пассажирских перевозок.

Рисунок 1 наглядно демонстрирует, как различные типы конфиденциальной информации, используемой в деятельности компании, соотносятся с вероятностью злоупотреблений и необходимыми мерами защиты.

Рисунок 1. Уровень риска корпоративного мошенничества для ООО «Яркамп»

В ООО «Яркамп» к коммерческой тайне относятся сведения о поставщиках и условиях закупок, клиентская база, ценовая политика, финансовые показатели и ключевые условия договоров с контрагентами. Установление и соблюдение режима конфиденциальности этих данных обеспечивает защиту экономических интересов компании и снижает риск финансовых потерь.

Защита информации выполняет одновременно охранительную и превентивную функции: ограничение доступа к критически важным данным сокращает возможность злоупотреблений, а разграничение прав доступа к сведениям о закупочных ценах и маржинальности препятствует

их использованию в личных целях. Обязательства сотрудников, закреплённые в соглашениях о неразглашении, дисциплинируют персонал и повышают ответственность за сохранность информации.

В ООО «Яркамп» разграничение доступа к клиентской базе и условиям договоров позволяет снизить риск передачи информации конкурентам, предотвращает использование ресурсов компании в личных целях и облегчает выявление аномальных операций. Таким образом, коммерческая тайна становится неотъемлемым элементом внутреннего контроля и корпоративного комплаенса.

Недостаточная защита конфиденциальной информации создаёт условия для корпоративного мошенничества. В таких компаниях, как ООО «Яркамп» это может проявляться, когда сотрудник передаёт сведения о минимальных ценах или условиях закупок контрагенту за вознаграждение, что ведёт к завышению стоимости поставок и финансовым потерям. Утечка коммерческой информации подчёркивает необходимость строгого соблюдения режима конфиденциальности.

В целом, коммерческая тайна выполняет двойную функцию: она защищает экономические интересы компании и одновременно служит инструментом предупреждения корпоративного мошенничества. Для ООО «Яркамп» это означает необходимость не только юридического закрепления режима конфиденциальности, но и регулярного контроля за его соблюдением, чёткой регламентации доступа к информации и формирования культуры ответственности среди сотрудников.

Ниже представлена таблица 1, в которой систематизированы виды конфиденциальной информации ООО «Яркамп», связанные с ними риски и меры защиты, демонстрируя практическую реализацию режима коммерческой тайны.

Анализ показывает, что ООО «Яркамп» применяет системный подход к защите коммерческой тайны: тип информации сопоставлен с мерами предотвращения утечек, а разграничение доступа и контроль операций снижают риск мошенничества. При этом улучшение технических средств контроля и координации между подразделениями остаётся актуальной задачей.

Для повышения внутреннего контроля целесообразно вести системный учет операций с клиентской базой и договорами, а также автоматизированный аудит действий сотрудников. Это позволит своевременно выявлять нестандартные действия и предотвращать использование информации в личных интересах.

В организации «Яркамп» антимошеннические процедуры включают аудит финансовых операций и условий договоров, проверку конфликтов

интересов и обучение сотрудников выявлению злоупотреблений. Организационные меры охватывают разграничение доступа и закрепление ответственности за нарушение коммерческой тайны, а технические — контроль баз данных и ограничение копирования файлов. Эти меры повышают надежность защиты информации, снижают риски мошенничества и укрепляют внутренний контроль.

Таблица 1. Практика защиты коммерческой тайны в ООО «Яркамп»

Вид информации	Основные риски утечки	Применяемые меры защиты
Клиентская база	Использование данных для личного бизнеса, передача конкурентам	Разграничение доступа, NDA, контроль копирования данных, инструкции для сотрудников
Договорные условия	Сговор с контрагентами, финансовые потери	Регламент доступа, ответственность за разглашение, внутренний контроль
Ценовая политика и маркетинговые стратегии	Потеря конкурентного преимущества, снижение прибыли	Ограничение доступа, учет изменений, обучение персонала
Финансовые показатели	Манипуляции с решениями, злоупотребление полномочиями	Разграничение полномочий, внутренний аудит, контроль операций
Внутренние регламенты и процессы	Утечка производственных схем, снижение эффективности	Положение о коммерческой тайне, защита документов, регламенты работы с информацией

Таким образом, в компании ООО «Яркамп» защита коммерческой тайны строится на сочетании организационных, правовых и технических мер. Сопоставление типов информации с механизмами контроля снижает риск мошенничества, а усиление внутреннего контроля и внедрение дополнительных инструментов повышают надежность системы, минимизируют утечки данных и укрепляют корпоративный контроль.

Библиографический список

1. Федеральный закон "О коммерческой тайне" от 29.07.2004 № 98-ФЗ (последняя редакция).
2. Зайцева Т.Л. Защита коммерческой тайны на предприятии: правовые и организационные аспекты // Право и безопасность. 2019. № 2. С. 88-101.

УДК 336.64

Выявление признаков подозрительности в финансово-экономической деятельности организации (на примере ПАО «Аэрофлот»)

Поплёвина Е.М.

*Научный руководитель: Быков В.А., канд. экон. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

ПАО «Аэрофлот» — системообразующее предприятие российской авиатраслы, деятельность которого находится под пристальным вниманием регуляторов. В условиях санкционного давления и трансформации бизнес-модели возрастает значимость системы экономической безопасности компании.

Проведем анализ признаков подозрительности в деятельности «Аэрофлота» на основе данных его публичной отчетности за 2023–2025 гг., разделив индикаторы на количественные и качественные.

1. Количественные индикаторы:

А. Чрезвычайно высокая концентрация активов. Балансовая стоимость активов в форме права пользования (арендованные самолеты) составляет 374,3 млрд руб. Это 40% от общей стоимости всех активов компании. С точки зрения риск-анализа, такая концентрация в одном классе активов является «желтым флагом» - финансовая устойчивость компании становится критически зависимой от одного фактора;

Б. Существенность оценочных значений. Сам факт того, что аудитор выделил учет аренды как ключевой вопрос, указывает на вовлеченность в отчетность огромных сумм, точность которых зависит от субъективных оценок руководства (ставки дисконтирования, сроки аренды). Любое, даже небольшое изменение в этих оценках может привести к многомиллиардным корректировкам в отчетности.

2. Качественные индикаторы:

А. Сложность и субъективность учета аренды (ФСБУ 25/2018). Аудитор прямо указывает, что применение этого стандарта «оказывает существенное влияние на бухгалтерскую отчетность, а также на применение существенных суждений». Необходимость самостоятельно рассчитывать ставки дисконтирования и определять сроки аренды создает поле для манипуляций с целью завышения активов или занижения обязательств;

Б. Существенные изменения в договорной базе. В 2025 году произошло урегулирование отношений с иностранными арендодателями, расторжение старых договоров и заключение новых (с новой компанией-арендодателем). Такие масштабные изменения в структуре ключевых контрактов — это зона повышенного риска ошибок или недобросовестных действий при отражении выбытия и поступления активов;

В. Наличие нестандартных операций. Аудиторские процедуры включали анализ «корректности отражения операций выбытия предметов аренды в связи с расторжением договоров». Сама по себе массовая смена лизингодателей в сложных геополитических условиях — операция

нестандартная, требующая особого внимания к документальному оформлению и оценке;

Г.Риски, связанные с контрагентами. Аудитор проверял подтверждения, полученные «от новой компании-арендодателя». В условиях санкционного давления появление новых, возможно, ранее неизвестных или специально созданных структур в качестве ключевых контрагентов требует тщательной проверки их благонадежности и реального места в бизнес-процессах.

Выявленные индикаторы формируют зоны повышенного внимания для службы экономической безопасности. Для своевременного выявления и предотвращения связанных с ними рисков в ПАО «Аэрофлот» применяется комплекс методов, включающий как автоматизированные системы мониторинга, так и углубленные проверочные процедуры:

1. Автоматизированный мониторинг транзакций и расчетов. С 2018г. в организацию была внедрена «Витрина данных ПАО «Аэрофлот», которая объединяет информацию из множества источников в едином пространстве для налогового мониторинга, что сократило количество запросов от ФНС вдвое, а объем бумажного документооборота — на 90%;

2. Сквозная проверка контрагентов и финансовый анализ. Оценка благонадежности партнёров проводится через сервисы СПАРК и «Контур.Фокус», а также углублённый аудит поставщиков топлива и техобслуживания. Финансовый блок включает коэффициентный анализ (ликвидность, рентабельность, долговая нагрузка) с сравнением с отраслевыми бенчмарками (S7, Utair) и контроль дебиторской задолженности через отчёты AR-control. Дополнительно применяются инструменты Big Data для формирования «цифровых профилей» контрагентов и скользящий прогноз ликвидности для оценки кассовых разрывов;

3. Контроль внутренних и внутригрупповых операций с элементами комплаенс. Ведётся проверка внутригрупповых цен на соответствие принципу «вытянутой руки» и анализ маржинальности дочерних компаний. Система мониторинга отслеживает корректировки в учёте, отклонения от бюджетов и операции с аффилированными лицами. Регулярно проводятся ежегодные внутренние аудиты и обучение сотрудников по стандарту KYC.

Представленные методы выявления рисков позволяют своевременно фиксировать отклонения и подозрительные операции, однако ключевое значение для обеспечения экономической безопасности имеет система превентивных мер, направленных на недопущение нарушений ещё на стадии их зарождения. В ПАО «Аэрофлот» сформирован многоуровневый

комплекс таких мер, охватывающий как корпоративное управление и внутренний аудит, так и информационную безопасность с антикоррупционными процедурами:

1. Система внутреннего аудита. В «Аэрофлот» действует централизованная функция внутреннего аудита, подчинённая Совету директоров и генеральному директору и проверяющая ключевые процессы — от учёта бонусных миль до организации казначейства и контроля закупок авиатоплива. Для оптимизации проверок внедрено решение SAP Audit Management, которое повышает прозрачность процедур и контроль исполнения рекомендаций.

2. Система управления рисками (СУР). Корпоративная система управления рисками (КСУР) распределяет полномочия между Советом директоров, Комитетом по аудиту, Правлением и подразделениями. В компании работает отдел управления рисками: он разрабатывает методологию, обучает сотрудников и анализирует портфель рисков. Также утверждены Реестр и Карта рисков «Аэрофлот», на основе которых совершенствуют бизнес-процессы.

3. Противодействие коррупции. ПАО «Аэрофлот» реализует антикоррупционную политику с комплексом мер по предотвращению и пресечению коррупционных проявлений. Высокий рейтинг противодействия коррупции (AA+) от РСПП в 2023 году подтверждает эффективность принятых мер. Стандарты поведения закреплены в Кодексе корпоративной этики и других внутренних документах.

4. Информационная безопасность. Компания применяет технические меры защиты: двухфакторную аутентификацию (2FA), шифрование данных и мониторинг угроз. После хакерской атаки 2024 года введены дополнительные меры — ежеквартальная смена паролей, сегментация сетей и резервное копирование данных. Регулярные тренинги учат сотрудников распознавать фишинговые атаки.

Таким образом анализ деятельности ПАО «Аэрофлот» показывает, что даже крупные системообразующие компании подвержены рискам подозрительной финансово-экономической деятельности. Ключевыми проблемами остаются непрозрачность лизинговых схем, высокая доля валютных расчётов и сложная структура группы.

Эффективная система экономической безопасности требует сочетания автоматизированных инструментов мониторинга и экспертных оценок. Перспективным направлением является внедрение технологий Big Data для анализа транзакций в реальном времени.

Система мониторинга транзакций компании демонстрирует высокую эффективность благодаря внедрению «Витрины данных», ERP-систем и других ИТ-решений.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма».

2. Методические рекомендации Банка России от 21 июля 2017 г. № 18-МР «О подходах к управлению кредитными организациями риском легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма».

3. Аудиторское заключение независимого аудитора о бухгалтерской (финансовой) отчетности публичного акционерного общества «Аэрофлот - российские авиалинии» по итогам деятельности за 2025 год : аудиторское заключение независимого аудитора / Л. В. Беспрозванная ; Аудиторская организация: Юникон Акционерное Общество – Москва : URL: https://ir.aeroflot.ru/fileadmin/user_upload/files/rsbu/Bukhgalterskaja_otchetnost_za_2025_god.pdf (дата обращения 01.03.2026)

4. Витрина данных ПАО «Аэрофлот» для налогового мониторинга : Кейсы – 2018 // RAMAX Group : URL: <https://www.ramax.ru/projects/vitrina-dannykh-pao-aeroflot-dlya-nalogovogo-monitoringa/>.

УДК 338.43

Обеспечение экономической безопасности сельхозтоваропроизводителей в условиях санкций

Пряхина А.А., Скорюкова В.А.

Научный руководитель: Быков В.А., канд. экон. наук, доцент

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Введение беспрецедентных санкционных ограничений в отношении Российской Федерации сделало более актуальным вопрос экономической безопасности субъектов хозяйствования, особенно в агропромышленном комплексе. Сельскохозяйственный сектор имеет стратегическое значение, поскольку он обеспечивает продовольственную независимость страны. Экономическая безопасность сельскохозяйственных производителей – это состояние защиты их ресурсного потенциала и финансовых интересов от

внутренних и внешних угроз, позволяющее расширить воспроизводство даже в условиях турбулентности рынка. [1; 3, с. 110]

Давление, вызванное санкциями, ограничивающими доступ к импортному оборудованию, семенам, ветеринарным препаратам и кредитным ресурсам, создало новые проблемы и вызовы. Однако политика импортозамещения и контрсанкций (продовольственное эмбарго) открыла «окно возможностей» для отечественных производителей. Главным риском 2022–2024 годов стало резкое увеличение стоимости материально-технических ресурсов при относительной стагнации закупочных цен на сырье, что привело к снижению маржинальности [2, с. 58].

С целью оценки влияния внешних факторов на экономическую безопасность сельскохозяйственных товаропроизводителей Центрального федерального округа нами был проведен анализ динамики рентабельности (с учетом субсидий). Полученные результаты свидетельствуют о разнонаправленных тенденциях в зависимости от масштаба сельского хозяйства. Данные представлены в таблице 1 [4].

Таблица 1. Динамика рентабельности сельхозпроизводства (выборка малых и средних предприятий Ярославской области) за 2019–2023 гг., %

2019	2020	2021	2022	2023
14,5	16,2	19,8	12,1	15,3

Как показано в таблице 1, пик рентабельности пришелся на 2021 год (эффект постковидного восстановления спроса и начала активной фазы государственной поддержки). В 2022 году, в период адаптации к жестким санкциям и нарушениям логистических цепочек, мы видим снижение до 12,1%. Восстановительный рост в 2023 году, достигший 15,3%, был обеспечен не столько рыночными условиями, сколько мерами государственной защиты: льготными кредитами, расширением лизинговых программ для бытовой техники и субсидиями на транспортировку продукции.

Инструменты обеспечения экономической безопасности в новых условиях требуют изменения традиционных методов. Устойчивое развитие зависит не только от финансовой независимости, но и от технологического суверенитета. Анализ структуры затрат сельхозпроизводителей, отраженных в таблице 2, показывает изменение доли импортных комплектующих.

Как показано в таблице 2, снижение доли импорта по всем ключевым статьям демонстрирует эффективность политики замещения, однако критическая зависимость от продукции ветпрепаратов (48%) и семян (28%)

сохраняется, что создает потенциальные уязвимые места для экономической безопасности [4].

Таблица 2. Структура импортной составляющей в затратах сельхозтоваропроизводителей (в среднем по Российской Федерации, %)

Статья затрат	2021 год	2023 год	Изменение (+/-)
Семена	38	28	-10
Запчасти для техники	45	35	-10
Ветеринарные препараты	62	48	-14
Племенной материал (КРС)	25	18	-7

Таким образом, в условиях санкций парадигма экономической безопасности смещается с чисто финансовых показателей (ликвидность, платежеспособность) на показатели адаптивности и логистической устойчивости. Для смягчения этих угроз необходимо дальнейшее развитие механизмов сельскохозяйственного страхования при государственной поддержке, стимулирование инвестиций в центры селекции и производства семян, а также цифровизация производственных процессов для снижения издержек.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» (ред. от 09.11.2020).
2. Гребнев Е.Т., Соколова М.И. Адаптация аграрного сектора к санкционным ограничениям: региональный аспект // Экономика сельского хозяйства России. 2024. № 3. С. 56–62.
3. Коваленко Н.Я. Экономическая безопасность в АПК: новые вызовы и механизмы обеспечения // Вопросы экономических наук. 2023. № 4 (116). С. 108–113.
4. Доклад о состоянии агропромышленного комплекса в 2023 году / Министерство агропромышленного комплекса Ярославской области [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yarregion.ru>.

УДК 338.28

Экономическая безопасность и риски в цифровой среде

Раков М.Д.

Научный руководитель: Бычкова Л.В., канд. экон. наук, доцент
Финансовый университет при правительстве Российской Федерации,
Курский филиал

Цифровая трансформация является ключевым драйвером развития современной экономики. Внедрение информационных технологий, автоматизация бизнес-процессов и использование больших данных открывают новые возможности для повышения эффективности предприятий. Однако, наряду с преимуществами, цифровизация порождает принципиально новые вызовы и угрозы экономической безопасности хозяйствующих субъектов. Традиционные риски дополняются специфическими угрозами, связанными с киберпреступностью, технологической зависимостью и уязвимостью данных [1].

В структуре угроз экономической безопасности в цифровой среде можно выделить несколько ключевых блоков. Прежде всего, это киберугрозы, которые включают хищение персональных данных, промышленный шпионаж, а также блокировку работы информационных систем с помощью программ-вымогателей. Согласно статистике, ущерб от кибератак для малого и среднего бизнеса ежегодно увеличивается. В России за 2024 год более 70% инцидентов информационной безопасности, приведших к утечке данных, были спровоцированы именно кибератаками. При этом в 34% случаев утечек известны названия хакерских группировок, и более 60% из них совершено проукраинскими хактивистами. Наибольшее количество атак пришлось на сферу торговли (23,5%), государственные учреждения (16,8%) и сектор ИТ и информационной безопасности (10,9%). Эти цифры подтверждают, что киберпространство стало ареной геополитического противостояния, а бизнес несет прямые потери [2].

Второй блок угроз связан с использованием устаревших технологий или критической зависимостью от зарубежного программного обеспечения и оборудования. В условиях санкционного давления и ограничений на поставки такая зависимость может привести к частичной или полной остановке производственных циклов, что напрямую угрожает экономической устойчивости предприятия. Кроме того, в цифровой среде возрастают риски, связанные с человеческим фактором. Недостаточная цифровая грамотность сотрудников, их невнимательность или халатность могут привести к случайным утечкам конфиденциальной информации или создать условия для успешных фишинговых атак. Социальная инженерия становится одним из самых эффективных инструментов в руках злоумышленников [3].

Анализ современных тенденций показывает, что ландшафт угроз стремительно меняется под воздействием нескольких ключевых факторов. Главными драйверами роста рынка средств сетевой безопасности, а значит

и основными источниками новых рисков для бизнеса, являются: рост многовекторных атак и моделей «вымогательство как услуга» (27%), активная миграция компаний в облачную инфраструктуру (19%), а также массовое распространение устройств промышленного интернета вещей и операционных технологий (17%), требующих сложной сегментации сетей. Эти факторы усложняют защиту корпоративных периметров и требуют от предприятий принципиально новых подходов к обеспечению безопасности. Как отмечают исследователи, формирование цифровой зрелости организаций различных отраслей напрямую влияет на их способность противостоять новым киберугрозам.

Система обеспечения экономической безопасности предприятия на современном этапе требует интеграции классических методов, таких как контроль и ревизия, с новыми инструментами, адаптированными к цифровой реальности. Для минимизации рассмотренных угроз необходим комплексный подход, включающий технические, организационные и правовые меры [4]. Техническая защита подразумевает использование современных антивирусных программ, межсетевых экранов, систем обнаружения вторжений и организацию регулярного резервного копирования данных [5]. Организационные меры включают повышение квалификации сотрудников в области цифровой гигиены, разработку строгих регламентов доступа к информации и разграничение полномочий. Правовая защита может выражаться в страховании киберрисков и тщательном аудите договоров с IT-контрагентами. Важно понимать, что внедрение технологических и управленческих инноваций должно сопровождаться соответствующими мерами безопасности, чтобы инновации не создавали новых уязвимостей [6].

Таким образом, анализ статистических данных подтверждает, что цифровая трансформация несет в себе не только возможности для роста, но и фундаментальные угрозы экономической безопасности. Современные вызовы, такие как геополитически мотивированный хактивизм, усложнение кибератак с использованием технологий искусственного интеллекта и уязвимость быстрорастущих сегментов интернета вещей, требуют пересмотра традиционных подходов к риск-менеджменту. Инвестиции в защиту информационной инфраструктуры, внедрение политик нулевого доверия и постоянное повышение квалификации сотрудников становятся не просто технической необходимостью, а критическим фактором выживания и конкурентоспособности предприятия в современной экономике. Игнорирование данных аспектов с высокой долей вероятности приведет к значительным финансовым потерям, утрате репутации и потере рыночных позиций.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 №208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».
2. Афанасьева Л.А. Современные проблемы менеджмента: экономические аспекты: монография / Л.А. Афанасьева, А.А. Асеева, А.А. Белостоцкий и др. Курск: Университетская книга, 2025. 225 с.
3. Бычкова Л.В., Журавлева Е.В. Формирование цифровой зрелости учреждений здравоохранения в регионе // Сегодня и завтра Российской экономики. 2025. С. 50-63
4. Кораблева О.В. Экономическая безопасность в условиях цифровой экономики: угрозы и перспективы // Вестник экономической безопасности. 2023. № 4. С. 44-49.
5. О текущем состоянии и перспективах развития рынка информационной безопасности в Российской Федерации: аналитический доклад / под ред. А.К. Солодова. М.: Институт развития цифровой экономики, 2025. 78 с.
6. Таюрский М.А., Бычкова Л.В. Технологические и управленческие инновации // Анализ состояния и перспективы развития экономики России (АСПРЭК-2025): Материалы IX Всероссийской молодежной научно-практической конференции (с международным участием). Иваново, 2025. С. 128-130.

УДК 338.246.2

Политика комплаенс-контроля и особенности их реализации в организации

Симонятова С.Д.

*Научный руководитель: Быков В.А., канд. экон. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В условиях глобализации, усиления регуляторных требований и роста репутационных рисков особую актуальность приобретает внедрение эффективных систем комплаенс-контроля. Комплаенс предполагает соблюдение организацией требований законодательства, внутренних регламентов и этических стандартов ведения бизнеса. Ключевым ориентиром для построения современных комплаенс-систем стали международные стандарты. В 2021 году был актуализирован стандарт ISO

37301:2021 «Системы менеджмента соответствия. Требования и руководство по применению», который пришел на смену ISO 19600. В отличие от предшественника, ISO 37301 содержит жесткие требования, а не просто рекомендации, что позволяет использовать его для целей сертификации. Специализированный стандарт ISO 37001 «Системы менеджмента противодействия коррупции» устанавливает требования к антикоррупционным программам. Наличие сертификата по данным стандартам становится для многих компаний не только вопросом престижа, но и обязательным условием для участия в крупных тендерах и международных цепочках поставок.

Комплаенс-политика представляет собой формализованный документ, закрепляющий принципы, цели, механизмы и ответственность в сфере обеспечения соответствия деятельности организации установленным требованиям.

Эффективность комплаенса напрямую зависит от того, насколько грамотно выстроена его архитектура в организации. Анализ практик международных компаний, таких как NORMA Group и Trina Solar, позволяет выделить универсальные подходы к реализации. Наиболее распространенной моделью является трехуровневая система управления комплаенсом - стратегический уровень: совет директоров и комитет по аудиту определяют стратегию, утверждают программы и несут ответственность за функционирование системы. Уровень координации и методологии: комитет по комплаенсу занимается оперативным управлением, мониторингом регуляторных изменений и методологической поддержкой. Уровень исполнения: реализуется через концепцию «трех линий защиты»:

- первая линия: бизнес-подразделения (продажи, закупки, производство). Они являются «первыми ответственными» за соблюдение правил и управление рисками на своём участке;
- вторая линия: специализированные комплаенс-функции (отдел комплаенса, управление рисками, контроль качества). Они разрабатывают программы, проводят обучение и мониторинг;
- третья линия: внутренний аудит, который обеспечивает независимую оценку эффективности всей системы.

Формальное наличие политики не гарантирует её исполнения. Как отмечается в исследованиях, «системы, процедуры и политика работают ровно настолько, насколько сотрудники их понимают и следуют им». Поэтому ключевой особенностью реализации является трансляция формальных требований на уровень поведения. Инструментами здесь выступают:

- обучение и коммуникация: регулярные тренинги для разных категорий сотрудников;
- каналы сообщений: наличие безопасных, анонимных и доступных каналов связи для сообщения о нарушениях является обязательным элементом комплаенс-программы;
- личная приверженность руководства этическим нормам и нетерпимость к нарушениям создают среду, в которой комплаенс воспринимается как ценность, а не как барьер.

Несмотря на развитие методологии, реализация комплаенс-политики сталкивается с рядом системных проблем:

- формальный подход к разработке документов;
- недостаточность ресурсов;
- сопротивление персонала;
- конфликт интересов.

Для повышения эффективности комплаенс-контроля рекомендуется:

- независимая оценка комплаенс-системы;
- развитие цифровых инструментов анализа;
- переход от контроля к управлению: рассматривать комплаенс не как функцию проверки, а как часть стратегии, помогающую достигать целей устойчиво и предсказуемо.

Политика комплаенс-контроля является фундаментом современного корпоративного управления. Анализ показывает, что успешная реализация комплаенс-политики возможна лишь при соблюдении баланса между тремя ключевыми элементами: жесткой организационной структурой с четким распределением ответственности (три линии защиты); развитой этической инфраструктурой (обучение, каналы информирования); гибкими технологическими решениями, интегрированными в повседневную деятельность. В условиях усложнения регуляторной среды комплаенс перестает быть исключительно инструментом правовой защиты и трансформируется в стратегический фактор устойчивого развития и конкурентоспособности организации.

Библиографический список

1. Малыхина С.И. Комплаенс-контроль и управление рисками: пособие / Академия управления при Президенте Республики Беларусь. Минск, 2023. 138 с.
2. NORMA Group. Compliance // Annual Report 2024. С. 82-85.
3. Кириллова Т.К., Сосновский Е.С. Комплаенс-контроль в системе функционирования предприятия: правовые аспекты и экономическая эффективность [Электронный ресурс]. URL: <https://www.uprav-uchet.ru/index.php/journal/article/view/5623>

4. From Frameworks to Daily Execution: Making SO, HIPAA, and FINRA Actually Work/Process Street. URL: <https://www.process.st/frameworks-to-execution/>.

5. Integrated End-to-End Compliance Management. URL: <https://corporater.com/blog/integrated-end-to-end-compliance-management/#0>.

УДК 330.59

Доступность мер социальной поддержки семей с детьми в условиях современных демографических вызовов

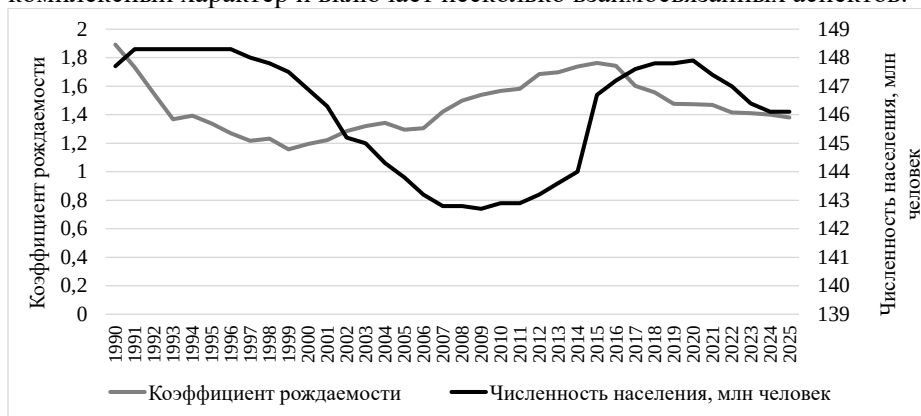
Соколов А.Д.

*Научный руководитель: Балынин И.В., канд. экон. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации*

Государственная политика в настоящее время нацелена на рост численности населения и укрепление института семьи. Демографические тенденции напрямую соотносятся с национальными целями развития Российской Федерации, утверждёнными Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309. В частности, национальная цель «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей» предполагает стабилизацию численности населения, рост суммарного коэффициента рождаемости (до 1,6 к 2030 году и до 1,8 к 2036 году) и снижение уровня бедности, прежде всего среди семей с детьми (до 12% к 2030 году и до 8% к 2036 году). Существенное значение в этом контексте имеет и национальная цель «Цифровая трансформация государственного и муниципального управления», ориентированная на развитие проактивных и клиентоцентричных государственных сервисов. При высокой дифференциации возрастных групп населения и различиях в жизненных ситуациях семей возрастает потребность в доступных и понятных цифровых инструментах, позволяющих гражданам оперативно получать информацию о положенных мерах поддержки и оценивать право на их получение. Государство ставит задачу увеличить рождаемость и снизить бедность среди семей с детьми, что требует как модернизации текущих мер их поддержки, так и формирования перечня новых [1].

В настоящее время в Российской Федерации наблюдаются демографические проблемы: коэффициент рождаемости падает (в 2015 г. – 1,762, в сентябре 2025 г. – 1,382 [3]), а численность населения сокращается, что продемонстрировано на рисунке 1. Вместе с тем демографические вызовы напрямую связаны с социально-экономическим

положением семей с детьми, которые нередко относятся к числу наиболее уязвимых категорий населения. Под социальной уязвимостью семей с детьми в данном контексте понимается совокупность факторов (например, снижение или утрата дохода одного из родителей, рост расходов семьи из-за воспитания ребенка, нестабильность занятости одного из родителей), повышающих риск ухудшения уровня жизни домохозяйства при рождении и воспитании ребёнка. Данная уязвимость, по мнению автора, носит комплексный характер и включает несколько взаимосвязанных аспектов.

Источник: составлено и рассчитано автором

Рисунок 1. Демографические показатели в Российской Федерации в 1990-2025 гг. (на 1 января соответствующего года) [3; 5]

Экономический аспект проявляется в снижении располагаемых доходов семьи в связи с различными обстоятельствами и росте обязательных расходов, связанных с содержанием ребёнка, что повышает вероятность попадания семьи в зону бедности. Также существуют институциональный и информационный аспекты: семьи сталкиваются с большим числом бюрократических барьеров, сложностью порядка получения поддержки, около 80% родителей сталкиваются с проблемами при оформлении и получении социальных выплат [4], а также недостатком ясных и систематизированных источников информации, данный вывод следует из результатов социального опроса, утверждающего, что часть населения не информирована о мерах поддержки семей с детьми, а также многие желают узнать больше информации о мерах поддержки [2]. По мнению автора статьи, это снижает эффективность мер поддержки, так как потенциальным получателям сложно определить ответы на ряд вопросов: на какие выплаты они имеют право? какие условия необходимо

выполнить? какие документы подать? как это сделать? В результате часть семей, несмотря на право на поддержку, остаётся ею неохваченной.

Учитывая, что 10,5 млн человек находятся за чертой бедности, и что семьи с детьми составляют порядка 87% от числа малоимущих домохозяйств с детьми [5], следует сделать вывод о том, что значительная часть малоимущих – это семьи, в которых есть несовершеннолетние дети. Такой расклад усиливает значимость мер социальной поддержки, рассчитанных на семьи с детьми, поскольку без адекватной поддержки семьи с детьми рискуют остаться в социально уязвимом положении. Автором делается вывод о том, что статистические данные – численность малоимущих и высокая доля семей с детьми среди них – усиливают аргумент о необходимости эффективной, адресной, доступной и информативной системы социальной поддержки, а также надёжных механизмов информационного обеспечения семей о доступных мерах.

Результаты исследования дополняют данные Росстата, показывая, что проблемы информированности носят системный характер и напрямую влияют на фактическую реализуемость мер социальной поддержки, особенно для наиболее уязвимых категорий семей. Это подчёркивает, что повышение прозрачности и адресности социальной политики требует не только сбора более детализированных статистических данных, но и развития эффективных инструментов информационного сопровождения семей с детьми.

По мнению автора, существующий спрос на социальную поддержку среди семей с детьми существенно превышает эффективность её реализации в условиях недостаточной информационной доступности. Инструмент оперативного получения полной и достоверной информации о мерах социальной поддержки (например, централизованная информационная база, удобные консультационные службы, понятные инструкции, регулярное обновление данных, мониторинг охвата) является необходимым условием для обеспечения равного доступа граждан к социальным ресурсам.

Таким образом, следует вывод о том, что прослеживается связь между бедностью и семейным положением. Это делает задачу информирования о мерах поддержки критичной для снижения уязвимости семей и повышения охвата социальной поддержкой. Статистические данные подтверждают, что семьи с детьми (особенно многодетные и с детьми раннего возраста), значительно чаще оказываются за чертой бедности. Автор приходит к выводу, что рождение ребёнка сопровождается ростом обязательных расходов и снижением дохода одного из родителей, что усиливает финансовую нагрузку на домохозяйство. В этих условиях государственные

меры поддержки выполняют компенсаторную функцию и направлены на снижение рисков ухудшения уровня жизни. С другой стороны, даже при наличии разветвлённой системы пособий и выплат их фактическая результативность во многом определяется степенью информированности граждан. Так, недостаточная осведомлённость о правах на получение поддержки приводит к неполному охвату целевых групп. В результате часть семей, объективно нуждающихся в помощи, не реализует своё право на неё.

Библиографический список

1. Батынин И.В. Совершенствование управления государственными расходами на социальную поддержку семей с детьми в контексте обеспечения стратегического развития Российской Федерации // Вестник университета. 2023. № 9. С. 12-20.
2. Две трети потенциальных родителей рассчитывают на меры господдержки при рождении ребенка [Электронный ресурс]. URL: <https://nafi.ru/analytics/dve-treti-potentsialnykh-roditeley-rasschityvayut-na-меры-gospodderzhki-pri-rozhdenii-rebenka>.
3. ЕМИСС [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/>.
4. ОНФ: почти 80 % родителей отмечают проблемы при оформлении пособий и льгот [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/24360933>.
5. Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/>.

УДК 339.9

Роль БРИКС в обеспечении экономической безопасности Российской Федерации

Терехина П.А.

*Научный руководитель: Казанцева Е.Г., д-р экон. наук, доцент
Кемеровский государственный университет*

В условиях трансформации миропорядка вопросы обеспечения экономической безопасности России выходят на первый план. Наиболее значимые угрозы во внешнеэкономической сфере связаны с беспрецедентным санкционным давлением со стороны недружественных стран, включающее блокировку национальных активов и платежей, препятствие энергетическому экспорту путём ограничения транспортировки, страхования грузов и прямых диверсий против морской и трубопроводной инфраструктуры. Технологическая блокада

препятствует импорту современных технологий и совместным научно-производственным проектам. Угрозами экономической безопасности выступают также дестабилизация глобальных цепочек поставок, логистические барьеры и давление на торговых партнёров России с целью её внешнеэкономической изоляции от мировых рынков и инвестиций [4].

Россия для преодоления данных угроз активно наращивает свой технологический и производственный потенциал, а также выстраивает новые каналы стратегического взаимодействия, в том числе в рамках межгосударственного объединения БРИКС. Цель работы — проанализировать, каким образом взаимодействие в формате БРИКС влияет на обеспечение экономической безопасности России.

Прежде всего, БРИКС представляет собой платформу для построения многополярной финансовой архитектуры, что напрямую снижает зависимость России от долларовой системы. Укрепление экономической безопасности происходит через дедолларизацию расчетов и переход на национальные валюты. Создание механизмов трансграничных расчетов, альтернативных западным, является важнейшим фактором сохранения финансового суверенитета России. Деятельность Нового банка развития (НБР) БРИКС предоставляет альтернативные источники финансирования инвестиционных проектов, не зависящие от условий МВФ или Всемирного банка, способствует развитию расчетов в национальных валютах и созданию механизмов трансграничных расчетов, не зависящих от инфраструктуры недружественных стран. Перспективным могло бы стать создание единой валюты для расчетов между странами БРИКС, однако пока этот вопрос еще не решен.

Во-вторых, объединение играет важную роль в обеспечении внешнеэкономической безопасности, особенно в условиях ограничений на экспорт энергоресурсов. Переориентация энергетических потоков с европейского на азиатский рынок, где главными потребителями выступают Китай и Индия, стала возможна благодаря тесному диалогу в рамках БРИКС. Диверсификация экспортных направлений позволяет компенсировать потери от санкций и сохранять стабильность доходной части федерального бюджета [4]. Экономический вес самого объединения БРИКС служит фундаментом для этой диверсификации. Доля стран БРИКС в мировом ВВП по паритету покупательной способности (ППС) за 2023 год увеличилась на 0,6 процентного пункта. Показатели достигли рекордных 35,7%. В то же время экономика стран G7 потеряла за прошедший год 0,4 процентного пункта и достигла 29%. На все остальные страны в прошлом году пришлось 35,3% мирового выпуска. Мировой ВВП по паритету покупательной способности в 2023 году составил 184,7 трлн. долларов [1].

Расширение БРИКС в 2024-2025 годах за счет ОАЭ, Ирана, Египта, Эфиопии и Индонезии добавило 15,8 млрд долларов к совокупному ВВП блока и усилило его ресурсный потенциал. Основной вклад роста обеспечивают Китай и Индия, на которые приходится свыше 70% экономической мощи объединения. Эта динамика подтверждает растущее влияние БРИКС и создает емкий рынок для российской продукции. Страны БРИКС являются крупнейшими импортерами не только углеводородов, но и продукции агропромышленного комплекса, что способствует развитию несырьевого неэнергетического экспорта России.

В-третьих, БРИКС является инструментом обеспечения продовольственной и технологической безопасности. Россия, будучи одним из лидеров по экспорту зерна, вносит вклад в снятие рисков голода в странах, зависимых от импорта продовольствия. В свою очередь, кооперация в сфере высоких технологий и науки с Китаем и Индией позволяет частично заместить ушедшие западные технологии и комплектующие, что на данном этапе технологического развития страны важно для импортозамещения в промышленности и обеспечения технологического суверенитета [4].

Существенным аспектом является также политическая координация в Совете Безопасности ООН и других международных организациях. Совместная позиция стран БРИКС снижает политические риски для России и способствует формированию справедливого экономического миропорядка [2].

Стратегическим направлением совместной деятельности по обеспечению экономической безопасности становится развитие транспортной связанности и выстраивание устойчивых дружественных цепочек поставок стран БРИКС, что снижает логистические риски и зависимость от традиционных, контролируемых западными странами маршрутов. Одновременно с этим углубляется кооперация в сфере информационных технологий и систем искусственного интеллекта, что относится к числу приоритетных задач в деле обеспечения технологического суверенитета и кибербезопасности как России, так и других стран БРИКС.

Отдельного внимания заслуживает взаимодействие служб финансовой разведки стран БРИКС по противодействию легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (ПОД/ФТ). Как отмечается в материалах Росфинмониторинга, регулярные семинары и совместные расследования с коллегами из финансовых разведок стран БРИКС, включая Египет, Индонезию, ОАЭ и других, позволяют обмениваться лучшими практиками выявления бенефициарных

владельцев, проведения финансовых расследований и возврата активов, что напрямую укрепляет финансовую безопасность России и ее партнеров [3].

Таким образом, участие в БРИКС повышает возможности России по защите от внешних угроз экономической безопасности во внешнеэкономической, финансовой, энергетической, технологической и других сферах. Участие в БРИКС позволяет России не только сглаживать ущерб от санкционного давления, но и продвигать парадигму мирового развития на недискриминационных условиях, создавать новые связи и союзы в рамках формирующегося многополярного мира, что напрямую коррелирует с долгосрочными национальными интересами страны.

Библиографический список

1. Доля БРИКС в мировом ВВП достигла рекордных 35,7% // «Коммерсантъ». 03.07.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6806066?ysclid=mi4p50w6475505020>.

2. Лаврентьев В.А., Лаврентьева Л. В., Сахедова Ч.А. Страны БРИКС и их влияние на мировую экономику в условиях геополитического кризиса // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2022. № 6 (64).

3. Опыт проведения финансовых расследований с коллегами из стран МЕНАФАТФ и БРИКС [Электронный ресурс]. URL: <https://fedsfm.ru/releases/9376>.

4. Экономическая безопасность / Е.Г. Казанцева, Н.С. Бондарев, И.И. Лямкин [и др.]. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2023. 230 с.

УДК 336.221

Цифровизация риск-ориентированного налогового контроля НДС: роль банковских данных и платформы АИС «Налог-3»

Тоголин В.С.

*Научный руководитель: Ниязбекова Ш.У., канд. экон. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации*

Налог на добавленную стоимость (НДС) является одним из ключевых источников доходов бюджетной системы, однако именно по этому налогу традиционно проявляются наиболее сложные схемы уклонения через «разрывы» в цепочках контрагентов. Поскольку глава 21 НК РФ предусматривает применение налоговых вычетов и возможность

возмещения налога, контроль обоснованности вычетов приобретает особую значимость [2].

В российской практике цифровая трансформация контроля по НДС опирается на развитие электронного документооборота и централизованных информационных ресурсов налогового администрирования. В исследованиях по информатизации налоговых органов подчеркивается, что АИС «Налог-3» формирует единое централизованное информационное пространство, обеспечивающее сбор и аналитическую обработку данных для формирования профилей налоговых рисков [5].

Показательным примером внедрения риск-ориентированных технологий является система АСК НДС-2, предназначенная для камерального контроля деклараций по НДС. В юридической литературе отмечается, что применение АСК НДС-2 позволяет выявлять разрывы в цепочках контрагентов и снижать вероятность неправомерного возмещения налога за счет автоматизированного сопоставления сведений счетов-фактур и деклараций [3].

Существенную роль в повышении эффективности цифрового контроля играет использование банковских данных. Налоговый кодекс РФ возлагает на банки обязанности, связанные с осуществлением налогового контроля (в частности, информирование налоговых органов об открытии и закрытии счетов и предоставление сведений по запросам) [1]. В условиях высокой доли безналичных расчетов именно платежная инфраструктура и данные по движению средств позволяют дополнить «товарные» цепочки, формируемые по счетам-фактурам, финансовыми потоками и оценить реальность операций.

Интеграция банковской информации с данными налоговой отчетности позволяет: (1) повышать качество риск-профилирования за счет сопоставления «товарных» и денежных потоков; (2) оперативнее выявлять признаки транзитных и технических компаний; (3) сокращать сроки реакции налоговых органов на формирующиеся схемы уклонения. В работах, посвященных риск-ориентированному подходу, подчеркивается необходимость расширения аналитических процедур камерального контроля и использования финансового анализа для отбора приоритетных объектов проверки [4], а внедрение АИС «Налог-3» рассматривается как инфраструктурная основа для такой аналитики [5].

Вместе с тем расширение использования банковских данных требует соблюдения баланса между фискальными интересами государства и правами участников финансового рынка. К числу практических ограничений относятся неоднородность качества первичных данных, риск

ложноположительных сигналов при автоматизированном отборе, а также необходимость обеспечения информационной безопасности и соблюдения режимов банковской и налоговой тайны. Дополнительным вызовом становится рост объема данных и потребность в стандартизованных механизмах их машинной обработки.

Для повышения фискальной эффективности и снижения рисков для добросовестного бизнеса целесообразно развивать стандарты обмена данными, унифицировать форматы взаимодействия банков и налоговых органов по ст. 86 НК РФ, а также совершенствовать алгоритмы риск-скоринга с учетом проблем ложноположительных срабатываний. Указанные меры соответствуют задачам обеспечения налоговой и экономической безопасности, поскольку повышают адресность контроля и сокращают возможности злоупотреблений при сохранении правовой определенности [4].

С позиции управления рисками и экономической безопасности организаций усиление цифрового контроля означает необходимость выстраивания системы налогового комплаенса и управления налоговыми рисками. Практика применения ст. 54.1 НК РФ ориентирует налогоплательщиков на подтверждение реальности операций, деловой цели и должной осмотрительности при выборе контрагентов [1]. Для НДС это выражается в повышении значимости непрерывного документального следа и согласованности счетов-фактур, договоров и платежей, поскольку риск «разрыва» цепочки приводит к отказу в вычетах и доначислениям [2]. В этих условиях востребованы внутренние процедуры сверки данных учета с банковскими выписками, мониторинг аномалий в платежных потоках и регулярная оценка контрагентских рисков по признакам, применяемым в риск-ориентированном контроле [4], что позволяет снижать вероятность спорных ситуаций и затрат на последующий налоговый спор при сохранении прозрачности бизнес-процессов [5].

Методически формирование риск-профиля по НДС в цифровой среде опирается на совмещение «сетевого» анализа цепочек счетов-фактур и финансовых транзакций, что позволяет выявлять устойчивые конфигурации взаимодействий, характерные для транзитных схем. В качестве признаков повышенного риска могут использоваться несоответствия между назначением платежа и предметом договора, многократная смена контрагентов при отсутствии экономической логики, концентрация операций на узком круге участников, а также аномально высокая доля заявленных вычетов и возмещений относительно оборота [2]. Для снижения ложноположительных срабатываний целесообразно применять многоуровневую верификацию: автоматизированные

контрольные соотношения и сопоставления в рамках камерального контроля, последующее истребование пояснений и документов, и лишь затем — углубленный анализ платежных потоков с учетом отраслевой специфики [3]. Прозрачность и воспроизводимость критериев риск-ориентированного отбора повышает предсказуемость налогового администрирования и способствует укреплению экономической безопасности, поскольку позволяет добросовестному бизнесу заранее корректировать внутренние процедуры и снижать издержки комплаенса [4]. Инфраструктурной основой для унификации таких подходов выступает развитие аналитических контуров АИС «Налог-3» [5].

Таким образом, цифровизация риск-ориентированного контроля НДС, основанная на сочетании АИС «Налог-3», АСК НДС-2 и использования банковских данных, позволяет усилить противодействие схемам уклонения и повысить устойчивость бюджетных доходов. Дальнейшее развитие должно сопровождаться укреплением режимов налоговой и банковской тайны, а также повышением прозрачности критериев риск-ориентированного отбора, что снижает неопределенность и поддерживает доверие к системе налогового администрирования.

На макроуровне интеграция банковских данных с АИС «Налог-3» и АСК НДС-2 повышает адресность контроля и устойчивость бюджетных поступлений по НДС. Вместе с тем для снижения регуляторных рисков важны интерпретируемость риск-скоринга и минимальные стандарты доказательственной базы при принятии контрольных решений [3], что повышает правовую определенность [1].

Библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. действ.).
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. действ.).
3. Ушаков Р.М., Ситник В.Н. АСК НДС-2 как инструмент налогового контроля и его роль в качестве средства доказывания в суде // Закон и право. 2021. № 5. С. 88–90.
4. Захарова Е.Н., Содномова С.К. Необходимость риск-ориентированного подхода в налоговом контроле // Известия Байкальского государственного университета. 2018. Т. 28. № 4. С. 650–660.
5. Филиппова Н.А., Сергачева Т.В. Оценка условий и результатов внедрения АИС «Налог-3» в налоговых органах региона // Регионология. 2017. № 1(98). С. 79–91.

УДК 78.03

Rock and Roll Is Alive: How Foreign Rock Music Changed the World

Olnov A.G.

Academic Supervisor: Zhiltsova T.N., senior lecturer

*Financial university under the Government of the Russian Federation,
Yaroslavl branch*

Music is not just a set of sounds. It is a language that needs no translation, capable of uniting millions, inspiring great deeds and even changing the course of history. Perhaps no other musical genre has had such a powerful and multifaceted impact on global culture as rock. Emerging in the mid-20th century as a rebellious challenge from the youth, it has become a global phenomenon affecting the social, political and economic spheres of society. This article, based on a research paper by a 10th-grade student, examines the influence of foreign rock music through the lens of the work of three iconic bands - Queen, Metallica and The Offspring - as well as landmark concerts that have gone down in history.

Rock (from English *rock* - “to rock”, “to sway”) originated in the USA and the UK in the 1950s. Its main distinguishing features are the use of electric guitars with various sound effects, an emphasis on rhythm, and, most importantly, energetic, expressive performance. Over more than 60 years, rock has evolved, giving rise to many styles - from light rock and roll to heavy metal and punk rock. However, its spirit of freedom and rebellion has remained unchanged, making the music the voice of generations.

Among the vast number of talented bands, three groups stand out, each of which has become a symbol of its own direction and has had a colossal impact on the development of the genre.

Emerging on the scene in the early 1970s, Queen instantly made a name for itself with its unique sound. The band’s frontman, the charismatic Freddie Mercury, vocalist Brian May, drummer Roger Taylor and bass guitarist John Deacon created a style unlike anything else. Their music was a fusion of rock, pop and even opera. The pinnacle of their work was the album *A Night at the Opera*, featuring the timeless *Bohemian Rhapsody*. This six-minute composition, combining a ballad, an operatic choir and hard rock, broke all the moulds and is still considered a masterpiece.

Queen’s songs such as *We Are the Champions* and *We Will Rock You* have become stadium anthems, played at all major sporting events around the world.

Freddie Mercury's death from AIDS in 1991 not only shocked the world but also drew unprecedented attention to the disease, helping to advance its study and treatment.

The American band Metallica went from clubs to stadiums, becoming one of the most commercially successful metal bands in history. The albums *Kill 'Em All*, *Ride the Lightning* and *Master of Puppets* set the standards for the thrash metal genre. But the real breakthrough came with the release of the self-titled *Black Album* in 1991 and the single *Enter Sandman*.

Metallica's historical significance goes beyond music. Their concert at the Tushino airfield in Moscow in 1991 as part of the *Monsters of Rock* festival became a landmark event for the entire Soviet Union. Drawing around 700 000 spectators, the concert demonstrated the unifying power of rock. Eyewitnesses recalled how even the military and police cordon, deployed to control the crowd, could not resist the force of the music. As frontman James Hetfield later said: "Before our eyes, a closed society was being reborn as a free one. People were changing right before us." Music became a universal language, understood without words, and for many Russians, Metallica's lyrics became an incentive to learn English.

While Metallica dominated the heavy music scene, Californian band The Offspring brought punk rock back to life, making it mainstream. Their album *Smash* (1994) became the best-selling independent album of all time, and the record *Americana* (1998), featuring hits like *The Kids Aren't Alright* and *Pretty Fly (for a White Guy)*, topped charts worldwide.

The Offspring brought melody, drive and social satire to punk rock. Their songs spoke to young people in a language they understood about the problems of modern society. Moreover, the band's frontman Dexter Holland is an inspiring example for the younger generation, proving that even a punk rocker can achieve great heights in science: in 2017, he earned a PhD in molecular biology.

The influence of rock cannot be imagined without legendary live performances that became events of planetary scale.

- Live Aid 1985: Queen's performance at the Live Aid charity concert at Wembley Stadium is considered a benchmark in rock history. The short 20-minute set by Freddie Mercury and the band, according to many critics, "stole the show". The energy, charisma and vocals of Mercury, along with his interaction with the crowd of thousands, have become legendary. It was a triumph not only for the band but for rock music as a whole.

- Tushino 1991: As mentioned earlier, the concert by Metallica and AC/DC in Moscow became a symbol of change. It was the first visit of "rock monsters"

to the USSR, and it forever changed Soviet youth's perception of music and freedom.

• Luzhniki 2019: Almost 30 years later, Metallica once again confirmed its love for Russian fans. At the concert in Luzhniki Stadium in support of the album *Hardwired... To Self-Destruct*, the musicians delivered a surprise, performing Viktor Tsoi's song *Gruppa Krovi* ("Группа крови"). This gesture, with Rob Trujillo singing in Russian, sparked a wave of enthusiasm and became a symbol of cultural unity, proving that true rock has no nationality.

As part of the study, a small survey was conducted among representatives of three generations: schoolchildren under 16, people aged 25–35 and people aged 40–50. The aim was to find out whether modern audiences are familiar with foreign rock classics. The results showed that the older generation is the most knowledgeable. Unfortunately, my peers are often unfamiliar with rock culture, although they have heard of bands like AC/DC, Nirvana or Green Day. This confirms the need to popularise rock heritage among young people.

In conclusion, I would like to say that music under the general name "rock" is a very ambiguous phenomenon in the world. The influence of rock on the entire musical and cultural life of a person is so great that it is simply impossible to imagine the modern world without this musical direction. Try searching the Internet for the history of rock music. Without a doubt, you will always find something interesting and absolutely new in this music for yourself.

Researching and analyzing the material, I came to the conclusion that the hypothesis I put forward was confirmed. The influence of foreign rock on world culture is very great.

Bibliographic list

1. Как это было: "Тушинское побоище" в 1991 году – самый массовый фестиваль в СССР. Часть 1. URL: <https://dzen.ru/a/XRsYHHRabwCtXx5f>.

2. Metbash-отчёт: Metallica в Москве 21 июля! Репортаж, сет-лист, фото, видео. URL: <http://metbash.ru/2019/07/metbash-report-metallica-live-in-moscow-2019/>.

3. Магия группы «Queen» на «Live Aid 1985»: как это было. URL: <https://dzen.ru/a/YgIvT-tMcWGM6syi>.

4. Группа The Offspring. URL: <https://24smi.org/celebrity/98899-offspring.html?ysclid=lf0ywbu31y836031077>.

Ecological disaster: Animal extinction in Australia — causes, consequences and conservation measures

Ardukhanyan L.A., Korolkova A.P.

Academic Supervisor: Zhiltsova T.N., senior lecturer

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
Yaroslavl branch*

In recent decades, Australia has been facing one of the most acute environmental problems — a rapid decline in the number and disappearance of native animal species. This situation is alarming not only in scientific circles, but also among the general public, since unique endemic species that make up a significant part of the world's biological diversity are under threat of extinction. Australia occupies only about 5% of the Earth's land area, but supports at least 8% of global biodiversity. At the same time, more than 2,000 species have already been officially recognized as endangered, and 19 ecosystems are undergoing a process of destruction [5].

According to environmental reports, Australia is home to more than 600,000 species of animals and plants, although only about 150,000 of them have been scientifically described. If more than 2,000 species are officially listed as threatened, this represents a significant share of documented biodiversity. In percentage terms, threatened species account for roughly 13–15% of Australia's assessed vertebrate fauna.

For comparison, biodiversity loss is also a serious problem in other countries. Within the Commonwealth nations, such as Canada and the United Kingdom, the proportion of threatened species is lower, but still significant — usually between 10–20% depending on the taxonomic group. In Russia, according to the Red Data Book, several hundred animal species are officially classified as endangered, which is a smaller percentage compared to Australia, but still reflects serious ecological challenges. Large countries such as the United States, Brazil, and India also report thousands of threatened species. However, Australia is often considered one of the countries with the highest mammal extinction rates in the world.

The main causes of the threat of animal extinction in Australia are climate change, habitat loss, invasion of invasive species and anthropogenic activities. Climate change is contributing to an increase in the frequency and intensity of forest fires, droughts, and extreme weather events, leading to ecosystem

destruction. So, the fires of 2019-2020. Huge tracts of eucalyptus forests and other habitats have been destroyed, endangering hundreds of species [1].

The destruction of the natural habitat is a consequence of agricultural land use, mining, urbanization and transport infrastructure. Habitat defragmentation forces animals to move into dangerous areas, increasing the risk of death from cars, contact with humans and predators. In addition, invasive species such as feral cats and red foxes significantly increase the pressure on the local fauna, being a serious threat to small mammals.

Statistics show that Australia has one of the highest extinction rates of land mammals on the planet. Since European colonization, more than 10% of endemic land mammals have disappeared forever, and more than 1,900 species of animals and plants are currently under threat [4].

Among the most well-known endangered species are numerous marsupials, birds, amphibians, and marine life.

— Northern quoll — assessed as endangered due to predation by invasive species, habitat destruction, and the spread of toxic cane toad (*Rhinella marina*), an invasive poisonous amphibian introduced to Australia.

— The koala population has declined significantly; the species is officially recognized as vulnerable or threatened in several regions of the country.

— Other critically endangered species include the striped wallaby, the numbat (a small insect-eating marsupial native to Western Australia), the orange yellow-bellied parrot, and the southern corroboree frog, which are extremely low in numbers due to habitat loss and disease.

A tragic example is the extinction of the Christmas Island shrew (*Crociodura trichura*), a unique species that lived on Christmas Island. The species was last reliably recorded in 1985 and was officially declared extinct by the IUCN in 2025 after decades without confirmed sightings. Its disappearance underscores the severity of the current biodiversity crisis [3].

The loss of animal species has serious consequences for ecosystems and the economy. Animals play a key role in maintaining the health of natural communities: pollination, seed distribution, and population control of other species all threaten disruption. The erosion of biodiversity reduces the resilience of ecosystems to external disturbances, exacerbating the impact of climate change.

From an economic point of view, the loss of unique species such as koalas and other endemics has a negative impact on the tourism industry, an important component of the Australian economy. In addition, the degradation of natural systems threatens traditional food sources and cultural values of indigenous peoples.

In response to the crisis, Australian authorities have implemented the Environment Protection and Biodiversity Conservation Act (1999), developed the Threatened Species Strategy (2022), and expanded protected areas. Innovative approaches are also emerging: a recently approved vaccine against chlamydia can significantly reduce koala mortality, although experts emphasize that habitat protection remains essential [2].

Non-governmental organizations such as the Australian Wildlife Conservancy and WWF Australia also play an important role in conservation programs. Habitat restoration, limiting deforestation, controlling invasive species, and environmental education are key elements of future biodiversity protection.

The problem of animal extinction in Australia reflects the global environmental crisis related to climate change and anthropogenic impact on nature. Its effective solution requires an integrated approach, including scientific research, public policy, international cooperation and active participation of society. Preserving the unique Australian fauna is not only an ecological task, but also a commitment to future generations to maintain the biological diversity of the planet.

Bibliographic list

1. Австралийские лесные пожары 2019/2020 и вымирание 113 видов животных [Электронный ресурс]. URL: <https://www.berl.ru/article/nauka/Australian-forest-fires-2019-2020-113-and-the-extinction-of-anima>.

2. Australia approves world-first vaccine to save koalas from chlamydia [Электронный ресурс]. URL: <https://apnews.com/article/australia-koala-chlamydia-vaccine-endangered-8fd0b6bf87ebe1e65c27b5f910a20ff1>.

3. Endangered Animals of Australia [Электронный ресурс]. URL: <https://aussieanimals.com/protect-wildlife/endangered-australian-animals/>.

4. Exploring Australia's Threatened Species [Электронный ресурс]. URL: <https://fnpw.org.au/news/latest-news/australian-threatened-species/>.

5. Irreplaceablewildlife [Электронный ресурс]. URL: https://www.australianwildlife.org/news-and-resources/wildlife-matters/irreplaceable-wildlife?utm_source=chatgpt.com.

УДК 004.8

AI Slop: How Generative Models Are Changing the Quality of Digital Video Content

Атрошкин Г.В., Горячева А.Н.

*Научный руководитель: Грачёва Ю.В., старший преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

In the mid-2020s, the digital environment encountered a paradox: despite the availability of tools capable of generating photorealistic images and videos, the overall quality of consumed content began to decline rapidly. This phenomenon is largely associated with a shift in media consumption formats - short videos (Reels, Shorts, TikTok) have become the dominant form of interaction with content, focusing on quick emotional stimulation. The popularity of such formats is directly related to the characteristics of modern “clip thinking”: a user spends approximately 3 to 7 seconds interacting with a single post, which necessitates making the visual component as eye-catching as possible. Platform algorithms reinforce this effect by rewarding the frequency of publications rather than their depth, thereby creating a steady demand for rapid content generation tools.

Under these conditions, ordinary users are increasingly applying methods of using generative neural networks, originally developed for professional advertising video design, to produce simplified content [2]. In such videos, music often functions as a universal trigger, replacing coherent storytelling. As noted by I. B. Navoychik, the use of AI in media content generation does not always pursue artistic goals; in many cases, it is aimed at filling informational gaps and exploiting recommendation algorithms [3]. It is within academic and journalistic discourse that the term AI Slop has become established to describe this type of “informational noise.”

An important factor in the spread of AI Slop is the possibility of technically “enhancing” initially low-quality material. According to the research of Z. A. Ismatova and S. A. Tastanova, generative adversarial networks (GANs) can significantly improve video resolution and color reproduction, remove noise, and restore details [1]. However, this technological progress has created a peculiar trap: a video may appear technically flawless - with high resolution and smooth motion - while remaining completely meaningless in terms of content. Thus, GAN models have effectively turned into a tool for producing “glossy noise,” where perfect form fully absorbs substance.

What exactly constitutes visual AI Slop? Essentially, it is a product of automated production lacking an individual authorial perspective. Unlike amateur video, which may be technically imperfect yet contain a unique idea, AI Slop is created according to predefined templates and exhibits several characteristic features.

Table 1 shows the systematized key signs of AI Slop, their manifestation and consequences for others.

Table 1. Characteristics of Visual AI Slop and Their Impact on the Audience

<i>Feature</i>	Manifestation in Video Content	Impact on the Audience and Digital Culture
<i>Fragmentation</i>	Chaotic shot changes, lack of structure	Reduced concentration, difficulty perceiving long narratives
<i>Hyper-exaggeration</i>	Unnatural imagery, sharp contrasts, excessive dynamics	Sensory overload, diminished perception of natural aesthetics
<i>Absence of narrative</i>	Focus on immediate reaction rather than storyline	Weakened interest in complex plots and analytical perception
<i>Template-based generation</i>	Repetition of solutions due to standard prompts	Standardization of visual language, blurring of boundaries of authorship

The transformation of video production also affects higher levels of creativity. As B. M. Rakhmankulov points out, the prompt (a textual query to a neural network) is becoming a new element of cinematic language [4]. The emergence of models such as Sora promises a genuine revolution in digital filmmaking: complex scenes can now be generated from textual descriptions. However, this also presents a serious risk: simplifying the process from “concept to realization” may lead to the degradation of screenwriting skills. In the hands of a master, Sora is a powerful tool for expanding creative possibilities, but in the mass segment, it risks turning into a conveyor belt for producing visual “fast food,” which by all characteristics belongs to AI Slop.

Economic and social factors further reinforce this trend. According to the analytical report State of Generative Media 2026 by the Andreessen Horowitz (a16z) foundation and the fal platform, by 2026 more than 60% of short video content on the global network will be created or modified using AI [5]. The economic motivation is obvious: producing high-quality original content requires significant time and resources, whereas generating AI Slop is almost cost-free. This allows authors to remain within the “visibility zone” of algorithms through daily publications. In the Russian segment of the internet, this trend is particularly evident among younger audiences, where formats such as brainrot animals or neural-network trash cartoons are popular - videos built solely on stimulus overload and lacking any cultural value.

The consequences of the mass spread of AI Slop are already visible in digital culture. Continuous consumption of such content leads to a decrease in the cognitive threshold of perception: users become accustomed to fragmentation,

which makes it more difficult to perceive long and complex formats such as lectures, documentaries, and classical cinema. In addition, original creators are gradually being “washed out”: professional content literally drowns in the mass of generated noise, reducing motivation for genuine creativity.

Thus, visual AI Slop is a natural outcome of the intersection between accessible generative technologies and the algorithmic model of modern platforms. The analysis shows that without the introduction of mechanisms for labeling AI-generated content and the targeted development of media literacy, the digital environment risks turning into an endless stream of meaningless images. It is crucial to remember that AI should remain a tool in the hands of the author - as suggested in the concepts of the new cinematic language [4] - rather than replace the creative process itself.

Библиографический список

1. Исмагова З.А., Тастанова С.А. Обработка и улучшение качества видео с помощью генеративных моделей (GAN) // International Journal of Science and Technology. 2025. Vol. 2. № 16. PP. 10-12.

2. Каршакова Л.Б., Страшнов А.Ю., Нагай С.С., Павлинов А.М. Методика использования генеративных нейросетей для разработки рекламного видеодизайна // Бюллетень науки и практики. 2025. Том 11. С. 162-142.

3. Навойчик И.Б. Применение искусственного интеллекта при генерации медиаконтента = Application of artificial intelligence in media content generation // Электронные системы и технологии: сборник материалов 61-й научной конференции аспирантов, магистрантов и студентов БГУИР, Минск, 21–25 апреля 2025 г. С. 853-856.

4. Рахманкулов Б.М. Промпт как новый элемент киноязыка, или как Sora может изменить будущее цифрового кино? // Культура и искусство. 2025. № 2. С. 138-150.

5. State of Generative Media 2026 // Report. Andreessen Horowitz [Электронный ресурс]. URL: <https://a16z.com/the-state-of-generative-media>.

УДК 339.9

Влияние цифровизации на региональные интеграционные процессы в Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива

Барини Хусам, Сирийская Арабская Республика

Научный руководитель: Шкваря Л.В., д-р экон. наук, профессор

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Региональные экономические интеграционные процессы значительно активизировались в последнюю четверть века во многих регионах, особенно в развивающемся мире. Это связано с тем, что на глобальном уровне растет неустойчивость в экономике, политической сфере [4], появляются и укрепляются новые тенденции, такие как декарбонизация, экологизация, цифровизация [3]. Как неустойчивость, так и новые тенденции требуют от региональных интеграционных объединений новых форм сотрудничества, а также инструментов и механизмов, что существенно трансформирует традиционные (концептуальные) подходы к региональной экономической интеграции, охватывающие главным образом торговлю, а также – на более поздних стадиях – другие так называемые «свободы», прежде всего миграцию капитала, рабочей силы

Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (далее ССАГПЗ) – один из весьма устойчивых и успешных интеграционных объединений, особенно если оценивать его не столько с точки зрения внутренней торговли (т.е. в соответствии с западными подходами и понятиями об эффективности региональной интеграции), сколько в соответствии с собственными арабскими представлениями о темпах, течении, особенностях региональной экономической интеграции, да и с целями (политическая стабильность и региональная безопасность прежде всего) ССАГПЗ.

Цифровизация как глобальная и региональная тенденция, охватывающая также и развивающийся мир, сегодня стала реальностью стран ССАГПЗ, хотя и с определенными региональными особенностями [1]:

1. Высокоразвитая инфраструктура (100% покрытия, высокий уровень проникновения, электронное правительство).
2. Наличие небольшого количества высоко амбициозных и крайне дорогостоящих проектов, как НЕОМ в Саудовской Аравии.
3. Привлечение иностранных высокотехнологичных компаний для совместной работы над некоторыми проектами в сфере цифровизации, а также специалистов.
4. Значительный уровень международного сотрудничества в цифровой сфере, например, с Китаем, Индией, а также с Российской Федерацией [5].
5. Невысокий отраслевой охват цифровизацией отраслей национальной экономики, преимущественно цифровизация распространяется на крупные традиционные (нефтегазовые) предприятия, как Сауди Арамко, к тому же находящиеся в полной или частичной государственной собственности, или в банковской сфере, в социальных секторах (образование и здравоохранение).

6. Низкий охват цифровизацией малых и средних предприятий.

Эти общие особенности, однако, имеют свою специфику на страновом уровне, например, Кувейт все больше внимания уделяет цифровым услугам, тогда как ОАЭ – цифровой международной торговле, т.е. производству [1].

Ввиду важности цифровизации для стран ССАГПЗ с точки зрения экономической диверсификации и отхода от рентной модели [3], с одной стороны, и необходимости регионального взаимодействия – с другой, цифровизация активизировала региональную экономическую интеграцию, так как страны ССАГПЗ на региональном или двух-трехстороннем уровнях стремятся не только координировать свои «цифровые» действия» но и разрабатывать общие для региона механизмы и инструменты цифровизации в некоторых аспектах – социальном, финансовом, торговле и логистике (например, «умные» порты [2]), отраслях добывающей промышленности и энергетике в целом, в том числе и возобновляемой.

Также страны ССАГПЗ весьма обеспокоены вопросами кибербезопасности и поэтому зачастую объединяют свои усилия в этом направлении, хотя целостной региональной структуры, обеспечивающей эту безопасность в регионе пока нет, как и общей региональной программы или стратегии цифровизации – как следствие того, что страны региона в большинстве своем ориентируются на те или иные стороны цифровизации, так как общий охват цифровизацией всех сторон и уровней экономики и социальной сферы пока этим странам недоступен, в том числе и по причине отсутствия собственных кадров. Однако справедливости ради стоит отметить, что и другие страны, более развитые в сфере цифровизации, например, Китай, США, государства Евросоюза не могут равномерно и последовательно охватить цифровизацией все сферы и направления, а также виды деятельности национальных экономик, из-за чего «цифровые разрывы» возникают не только между странами, но и между различными отраслями, регионами и группами населения одной страны [3].

Цифровизация становится все более актуальной задачей для стран ССАГПЗ ввиду возможного отказа мира от возобновляемого топлива (или из-за невозможности поддерживать современный уровень экспорта – в физическом и стоимостном объеме). Поэтому страны Совета активизируют свои совместные усилия в направлении цифровизации – в тех областях, которым они отдают приоритет [1].

Итак, цифровые проекты и совместные усилия по развитию и имплементации цифровизации в те или иные области национальной экономики и социальной сферы существенно укрепили интеграционное

единство стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива и можно с уверенностью говорить о том, что в этом уже достигнуты конкретные успехи, хотя трудности также сохраняются как неизбежный диалектический процесс.

Библиографический список

1. Барини Х. Цифровизация и экологизация: тренды в регионе ССАГПЗ // Россия и Азия. 2025. № 4 (34). С. 63-73.

2. Международный транспорт, международная транспортная политика и транспортная дипломатия / Билялова Л.Р., Борисов А.Н., Бяшарова А.Р., Герман Е.И., Голубчик А.М., Демин В.А., Долбик-Воробей Т.А., Ефименко Д.Б., Жанказиев С.В., Илюхина С.С., Карелина Е.А., Кожанков А.Ю., Мальцева М.В., Мамедова И.А., Пак Е.В., Панфилов И.Д., Подхалюзина В.А., Полякова Т.Ю., Савченко-Бельский В.Ю., Савченко-Бельский К.А. и др. Учебник для магистратуры / М., 2022.

3. Новые тренды цифровизации: Россия и мир / Пономаренко Е.В., Дигилина О.Б., Шкваря Л.В., Вереникина А.Ю., Меланина М.В., Налбандян А.А., Оганесян А.А., Рузина Е.И., Тыркба Х.В., Павлов А.М., Пономарева В.С. М., 2023.

4. Смирнов Е.Н. Трансформация международной торговли в условиях современных шоков развития мировой экономики // Международная торговля и торговая политика. 2025. Т. 11, № 1 (41). С. 5-26.

5. Шкваря Л.В. Перспективы сотрудничества Российской Федерации с арабскими странами // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2005. Т. 4. № 24. С. 24-32.

УДК 339.9

Сотрудничество Китая и Индонезии: современные тренды и цифровые направления

Бувина О.Е.

*Научный руководитель: Шкваря Л.В., д-р экон. наук, профессор
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова*

Международное сотрудничество в географическом и отраслевом аспектах подвергается значительной трансформации в последнюю четверть века. Оно становится все более важным фактором роста для развивающихся стран, ориентируется во все большей мере не только на развитые страны, как это сложилось в постколониальную эпоху XX в., но на страны с развивающимися экономиками, особенно такими

быстроразвивающимися и добившимися заметных успехов в экономическом развитии, как КНР.

Страны Азии, особенно Китай, занимают все более ведущие позиции в мировой экономике и международных экономических отношениях; также растет их значение на субрегиональном уровне. Например, все больше стран Азии активизируют взаимное и взаимовыгодное сотрудничество с Китаем. Большинство стран Восточной, Юго-Восточной, Западной Азии являются партнерами Китая по инициативе «Один пояс, один путь».

Многие страны Азии с большим вниманием и интересом относятся к высокотехнологичным возможностям своего устойчивого развития, традиционно считая их перспективными, а Китай – надежным партнером в цифровой сфере, так как эта страна уже добилась заметных результатов. Промышленный и особенно высокотехнологичный экспорт Китая привлекателен на рынках многих ближних и дальних соседей этой страны в Азии (и не только), в том числе быстрорастущей Индонезии [6].

Китай активизирует свое сотрудничество с АСЕАН, и, в частности, с Индонезией, как и Китай, входящей в группу БРИКС (с 2025 г.). Для активизации сотрудничества между странами подписан ряд соглашений, инициированы проекты в рамках сотрудничества «Один пояс, один путь» ОПОП). Так, Правительство Китая подписало документы о сотрудничестве в области научных и технологических инноваций с правительством Индонезии. Министерство коммерции Китая и Министерство экономической координации Индонезии подписали меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области электронной коммерции. Национальная комиссия по развитию и реформам Китая, Муниципальное народное правительство Шэньчжэня провинции Гуандун, Министерство океана и координации инвестиций Индонезии и Администрация новой столицы Нусантары подписали Меморандум о взаимопонимании по обмену опытом и сотрудничеству в планировании новой столицы Индонезии. Министерство торговли Китая, Народное правительство провинции Фуцзянь и Министерство океана и координации инвестиций Индонезии подписали меморандум о взаимопонимании для дальнейшего развития сотрудничества в строительстве «двух парков» между Китаем и Индонезией. Страны инициировали специальный план сотрудничества ОПОП в области технологий устойчивого развития, Научного плана действий ОПОП в области устойчивого развития, Специального плана сотрудничества ОПОП в области сокращения бедности в области науки и техники и Специального плана сотрудничества ОПОП в области космических информационных технологий [4].

Например, полностью достроена китайская космическая станция, и страна может передавать свой опыт Индонезии, традиционно интересующейся этим направлением [5]. Реализуется специальный план сотрудничества ОПОП в области инноваций и предпринимательства.

Усилия Китая и Индонезии, а также других стран АСЕАН направлены на создание системы прогнозирования морской среды Юго-Восточной Азии. В рамках этих усилий проведен Форум по морскому сотрудничеству между Китаем и островными странами и совместно разработал «План сотрудничества между Китаем и островными странами в области предотвращения стихийных бедствий на море и смягчения их последствий» [3].

Если говорить о более конкретных направлениях китайско-индонезийского сотрудничества, то стоит отметить процесс строительства китайско-индонезийского сервисного центра сельскохозяйственной механизации Palm Park в Индонезии, рост экспорта китайских цифровых товаров и электроники в Индонезию. Являясь крупнейшей экономикой Юго-Восточной Азии, Индонезия с населением в 286 млн, растущим средним классом и резким уровнем проникновения Интернета в совокупности составляют «золотой рынок» бытовой электроники [2]. Стоит отметить, что средний возраст населения Индонезии составляет всего 29,6 лет, и оно является естественным получателем цифровых продуктов и новейших технологий. Индонезия занимает 4-е место в мире в мире по количеству пользователей Интернета: более 200 млн пользователей Интернета заложили прочную основу для онлайн-потребления и цифровых развлечений [1].

Рынок электроники Индонезии претерпевает структурные изменения: игровые аксессуары и устройства для умного дома стали новыми полюсами роста с годовыми темпами более 10%, что свидетельствует о том, что потребительский спрос переходит от базовых функций к широкому внедрению для решения различных задач. В Индонезии сохраняется сильный спрос на импорт электроники: обрабатывающая промышленность Индонезии все еще развивается, и она чрезвычайно зависит от высококачественной и экономичной импортной электронной продукции.

Китайские поставщики охватывают практически все сегменты этого рынка – от развлекательного контента, до комплексной системы «умного дома», основанной на урбанизации, и устойчиво развивают свою экспансию на этом рынке. Ожидается, что к 2027 г. его стоимостной объем превысит 2 млрд долларов. В частности, общее число пользователей «умного дома» достигнет примерно 19,01 млн, и есть огромные

возможности для роста. Потребители чувствительны к цене и предпочитают экономичные продукты, которые просты в установке и подключении к Интернету. Сотрудничество с местными платформами электронной коммерции или системными интеграторами является ключевым направлением прорыва КНР на рынок Индонезии [3].

Итак, двустороннее китайско-индонезийское сотрудничество, особенно в цифровой и высокотехнологической сфере активно развивается на основе успешной эволюции договорно-правовой базы и развития технологий и рынка. Оно рассматривается нами как перспективное и взаимовыгодное для обеих сторон.

Библиографический список

1. Мельянцев В.А., Адлова И.С. Индонезия: основные параметры эффективности экономического и социального развития. Часть 2. // Азия и Африка сегодня. 2021. № 4. С. 5-14.

2. Новые тренды цифровизации: Россия и мир / Пономаренко Е.В., Дигилина О.Б., Шкваря Л.В., Вереникина А.Ю., Меланьина М.В., Налбандян А.А., Оганесян А.А., Рузина Е.И., Тыркба Х.В., Павлов А.М., Пономарева В.С. М., 2023.

3. Сабон В.Л. «Голубая» экономика в АСЕАН как перспективный драйвер прогресса и опыт Индонезии // Россия и Азия. 2025. № 1 (31). С. 39-47.

4. Список проектов практического сотрудничества Третьего саммита международного сотрудничества «Пояс и путь» (полный текст приложения 2). URL: <https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/content.htm>.

5. Шкваря Л.В. Индонезия и космос // Азия и Африка сегодня. 2013. № 9 (674). С. 45-48.

6. Шкваря Л.В. Экономика Индонезии: современные тенденции // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 11. С. 62-69.

УДК 339.5

Влияние Китайского Нового года на цепочки поставок в Россию

Венчакова Д.А., Маслова В.А.

*Научный руководитель: Бабаджанян Г.А., старший преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Ярославский филиал*

В современной геоэкономической ситуации Китай сохраняет позицию ключевого торгового партнера России: по итогам 2025 года доля КНР в

российском внешнеторговом обороте достигла 35%, а в структуре импорта приблизилась к 40% [2]. В этих условиях существенное значение приобретают любые факторы, способные нарушить ритмичность товаропотоков. К числу таких факторов относится Китайский Новый год (Праздник весны) — главный национальный праздник КНР, сопровождающийся самыми продолжительными в деловой жизни страны выходными и, как следствие, временной остановкой производственных и логистических мощностей [4].

Актуальность исследования обусловлена не только масштабом двусторонней торговли, но и регулярным, циклическим характером возникающих логистических проблем. Ежегодно в период с января по март российские импортеры, транспортные компании и конечные потребители сталкиваются с комплексом вызовов: ростом тарифов на перевозку, увеличением сроков доставки и временным дефицитом отдельных товарных категорий. Цель данной статьи - систематизировать ключевые эффекты влияния Китайского Нового года на логистические цепочки, выявить их причины и проанализировать адаптационные стратегии, выработанные участниками рынка за последние годы.

Ключевая особенность влияния Китайского Нового года на логистику заключается в том, что фактический период нестабильности значительно превышает продолжительность семи официальных выходных дней. Согласно анализу экспертов логистической компании INSAL, пиковая нагрузка на транспортные системы и цепочки поставок сохраняется на протяжении 6–8 недель [4]. Этот цикл включает три последовательные фазы (рис. 1).

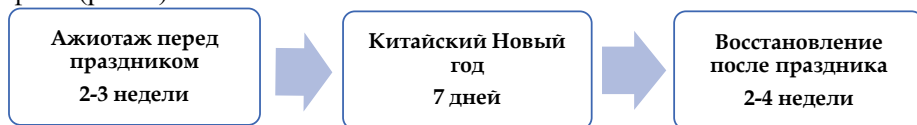

Рисунок 1. Фазы логистической нестабильности в период Китайского Нового года

Во-первых, за две-три недели до наступления праздника начинается предпраздничный ажиотаж: грузоотправители стремятся вывезти товары до остановки заводов, что перегружает инфраструктуру и, как отмечается в публикациях логистического портала Logichina, провоцирует скачок тарифов [2]. Во-вторых, следует сам праздничный период, характеризующийся массовым оттоком персонала. Миллионы рабочих покидают промышленные центры, что приводит к острому дефициту водителей и сотрудников в портах. Ситуация усугубляется пробками и

проблемами с оформлением документов: госорганы, банки и брокеры переходят на дежурный график. В-третьих, наступает фаза постпраздничного восстановления (еще 2–4 недели). Она характеризуется замедленным возвращением персонала на рабочие места и одновременной перегрузкой портов и погранпереходов накопившимися за время простоя грузами. Таким образом, период логистической нестабильности, охватывает первый квартал — январь–март.

Влияние Китайского Нового года на логистику находит количественное выражение прежде всего в увеличении сроков доставки и росте тарифов. По данным издания РБК, в феврале–марте 2025 года российские потребители получали заказы с китайских маркетплейсов с задержкой от трёх недель до месяца [3]. Причина кроется в сбоях производственного цикла: предпраздничная спешка и постпраздничный провал в отгрузках, когда складские запасы исчерпаны, а для выпуска новых партий требуется время.

Что же касается роста тарифов на перевозку, то стоимость доставки грузов из Китая в Россию начинает расти за две-три недели до праздника: по оценкам РБК, увеличение составляет 5–10%, и этот уровень сохраняется вплоть до начала второго квартала [3]. В пиковые периоды ставки на перевозку контейнера могут подниматься на 500–1000 долларов по сравнению с ноябрьскими показателями, а совокупные расходы на логистику за два-три праздничных месяца возрастают на 30–40% [4].

Рост издержек вынуждает компании-импортёров оперативно пересматривать отпускные цены либо временно сокращать ассортимент. Для конечных потребителей это оборачивается уже упомянутым увеличением сроков доставки, подорожанием товаров и дефицитом отдельных позиций. Наиболее уязвимы категории, практически полностью зависящие от китайского импорта: электроника, бытовая техника, автозапчасти и комплектующие, игрушки, детские товары, одежда и текстиль [4].

Для минимизации рисков российские импортёры выработали несколько адаптационных стратегий. Сдвиг закупочного цикла («ранний заказ») остаётся самым популярным методом: компании переносят отгрузки на декабрь–январь. Эксперты INSAL рекомендуют начинать подготовку за три месяца, формируя план закупок, покрывающий потребности до и после праздника. Специалисты также указывают конкретные сроки: бронирование мест на судах или в поездах для гарантированного отправления до праздников необходимо завершить до конца января, а расчёты с поставщиками — до 10 февраля, чтобы деньги поступили на счёт завода до ухода бухгалтерий и банков на каникулы [4].

Диверсификация каналов поставок предполагает переориентацию части грузов с морского транспорта на железнодорожный или автотранспорт через Казахстан. Однако, как отмечается в материалах ВЛТК, после праздников возникает обратная тенденция: из-за сезонной просадки объёмов ввозимых грузов цены на доставку (как автотранспортом, так и контейнерами) значительно снижаются, а количество доступного транспорта даже начинает преобладать над объёмами грузов. Правда, такое положение сохраняется лишь до выхода китайских фабрик на полную мощность [1].

Многие компании предпочитают передавать управление логистическими рисками профессиональным подрядчикам, которые заблаговременно бронируют места на судах и железнодорожных маршрутах. Крупные игроки практикуют складское хранение в России, завозя товар с запасом на собственные или арендованные склады, что позволяет торговать, пока конкуренты ожидают поставок. Кроме того, по данным РБК, часть импортёров перемещает запасы на консолидационные склады в приграничных зонах или транзитных хабах до начала февраля, обеспечивая непрерывность отгрузок даже при остановленном производстве в Китае [3].

Однако у каждой стратегии есть ограничения. «Ранний заказ» требует заморозки средств, что при высокой ключевой ставке доступно не всем. Диверсификация упирается в дефицит мощностей в пик. Проблемы с международными платежами — комиссии банков и проверки со стороны Китая — удорожают товары и увеличивают сроки доставки [1]. Кроме того, существует риск брака в предпраздничной спешке: стремясь закрыть годовой план, фабрики нередко снижают контроль качества, поэтому проверка товара перед отгрузкой в январе–феврале становится обязательной мерой безопасности [4].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что Китайский Новый год — это не форс-мажор, а регулярно наступающий, прогнозируемый период логистической нестабильности, требующий заблаговременной подготовки. Количественные параметры влияния праздника на логистику измеримы и конкретны: в пиковый период ставки на перевозки возрастают на 30-40%, сроки доставки увеличиваются на 2-4 недели, а объёмы перевозок в праздничные дни сокращаются на 60-70% [3]. Данные последствия имеют свойство накапливаться и в итоге прямо влияют на финансовое положение импортёров и их способность вовремя выполнять обязательства перед покупателями.

Российский бизнес за последние годы выработал несколько способов противостоять этим циклическим сложностям. Самые распространённые

из них — более раннее планирование закупок, использование разных маршрутов доставки, создание товарных запасов на складах и переключение между видами транспорта. Правда, все эти меры требуют серьезных вложений и четкой организации, а потому доступны далеко не всем. Небольшие фирмы с ограниченными средствами и срочные заказы, которые нельзя отложить, оказываются в наиболее уязвимом положении.

Библиографический список

1. Как влияют китайские праздники на экспорт продукции в Россию [Электронный ресурс]. URL: https://vltk25.ru/?view=page&page_id=210.
2. Ошурок, К. Китайский Новый год: значение для Китая, ВЭД и логистики с Россией [Электронный ресурс]. URL: <https://logichina.ru/blog/raznoe/kitayskiy-novyuy-god-logistika-import-ved/>.
3. Петрова А. Китайский Новый год: как логисты справляются с «золотой неделей» [Электронный ресурс]. URL: <https://companies.rbc.ru/news/lsV0sWe46V/kitajskij-novyij-god-kak-logistyispravlyayutsya-s-zolotoj-nedelej/>.
4. Смилинг Р. Влияние Китайского Нового года на бизнес, продажи и логистику в 2025 году [Электронный ресурс]. URL: <https://insal.ru/blog/vliyanie-kitaiskogo-novogo-goda-na-bizne/>.

УДК 339.9

Рост цифровизации в АСЕАН как направление развития интеграционного объединения на страновом и региональном уровнях

Гонко И.В.

*Научный руководитель: Шкваря Л.В., д-р экон. наук, профессор
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова*

АСЕАН как крупнейшее и одно из наиболее успешных региональных интеграционных объединений Азии на основе продвижения идей открытого регионализма увеличивает свою значимость в мире и АТР по ряду направлений, прежде всего – в сфере цифровой экономики, энергично развивающейся в мировой и в региональной экономиках.

Страны АСЕАН все более активно внедряют и продвигают цифровые технологии во многих областях, что способствует глубокой интеграции цифровой экономики и реального сектора экономики [2]. Они продолжают проводить последовательную политику в области цифровой экономики и научно-технических инноваций, увеличивать капиталовложения в цифровую экономику и сосредотачиваться на поддержке предприятий,

внедрение цифровых технологий и решений в сферы финансов и транспорта, образования, науки и техники, логистики, городов и других областей цифрового строительства, формируя новый динамичный драйвер для содействия экономическому, социальному и интеграционному росту [1].

Общий объем товарных транзакций в цифровой экономике в странах АСЕАН в 2024 г. составит 2263 млрд долларов, что на 15% больше по сравнению с 2023 г. Рынок электронных платежей в Сингапуре, Малайзии, Таиланде, Индонезии, Вьетнаме и на Филиппинах достиг 2220 млрд долларов, т.е. более 80% совокупного рынка электронной коммерции АСЕАН. Пять ключевых цифровых отраслей – электронная коммерция, онлайн-СМИ, еда на вынос, онлайн-бронирование путешествий и цифровые финансовые услуги, а также 4 новые цифровые отрасли – технологии здравоохранения, программные сервисы, Web3 и образовательные технологии – продолжают все более активно расширяться в этих и других странах объединения. Данные показывают, что в 2024 г. доходы стран АСЕАН от цифровой экономики составили примерно 889 млрд долларов, увеличившись на 14% в годовом исчислении. Важность цифровой экономики в продвижении и оптимизации традиционной торговли также становится все более заметной. Ожидается, что к 2030 г. доля цифровой торговли в АСЕАН составит около 10% от общего объема мировой цифровой торговли, а среднегодовые темпы роста и общий объем цифровой экономики также войдут в число лучших в мире, в том числе – благодаря страновым цифровым усилиям. Также эксперты прогнозируют, что к 2030 г. масштаб цифровой экономики стран АСЕАН достигнет 1 трлн долларов [3].

Индонезия традиционно является не только одной из наиболее экономических развитых экономик АСЕАН [6], но и стран объединения, устремленных к развитию высокотехнологичных сегментов [5]. Индонезия в последнее десятилетие одновременно приняла широкий ряд мер для содействия ускоренному росту цифровой экономики. В декабре 2023 г. правительство Индонезии выпустило белую книгу «Национальная стратегия цифрового экономического развития до 2030 года» на основе «Дорожной карты цифровой Индонезии на 2021-2024 гг.» в качестве руководства для страны по осуществлению цифровой трансформации. Правительство Индонезии постоянно увеличивает инвестиции в сети 5G, облачные вычисления и центры обработки данных для увеличения проникновения Интернета, улучшения цифровой инфраструктуры и активного развития цифровых талантов, адаптированных к промышленному развитию. Благодаря ряду мер Индонезия способствовала

энергичному развитию электронной торговли и стала основной движущей силой цифровой экономики. Кроме того, цифровые финансовые услуги Индонезии также находятся на подъеме. В соответствии с планом развития платежной системы Индонезии на 2024-2045 гг. Центральный банк Индонезии намерен включить 91,3 млн человек и 92,9 млн МСП, не вовлеченных до настоящего времени, в цифровую экономику и финансовую систему посредством цифровой трансформации. Являясь крупнейшей экономикой АСЕАН, цифровая экономика Индонезии составляет около 40% от размера АСЕАН, и она по-прежнему обладает большим потенциалом для развития цифровой экономики. Министерство торговли Индонезии прогнозирует, что к 2030 г. масштабы цифровой экономики Индонезии увеличатся с 1146 млрд долларов в 2025 г. до 3366 млрд долларов, а ее вклад в ВВП достигнет примерно 18% [4].

Вьетнам запустил новую цифровую дорожную карту для содействия развитию цифровой экономики. Правительство Вьетнама последовательно ввело ряд мер по ускорению развития цифровой экономики. В 2022 г. была опубликована «Национальная стратегия развития цифровой экономики и цифрового общества до 2025 года и перспективы на 2030 год», ключевыми целями которой стали развитие информационных технологий (ИКТ) и предприятий и продуктов цифровой экономики, содействие созданию единой цифровой платформы для всех отраслей и сфер, а также обучение базовым цифровым навыкам для 70% работающего населения страны. В 2024 г. Вьетнам ускорил выдачу лицензий 5G и заявил о своем стремлении к тому, чтобы сети 5G охватывали 99% населения к 2030 г. В последние годы, благодаря электронной коммерции и онлайн-туризму, общий объем транзакций в цифровой экономике Вьетнама постоянно увеличивался двузначными цифрами. В 2023 г. доля цифровой экономики достигла 16,5% ВВП Вьетнама, а в 2024 г. она выросла почти до 19%. Цель, поставленная правительством Вьетнама, состоит в том, чтобы стремиться к дальнейшему росту доли цифровой экономики в различных отраслях и сферах до уровня не менее 10% к 2025 г. и удвоить это число к 2030 г. Эксперты подтверждают, что цифровая экономика Вьетнама имеет относительно высокие темпы роста, со среднегодовыми темпами роста около 20%, что примерно в три раза превышает темпы роста ВВП, особенно по темпам роста электронной коммерции занимает первое место среди стран АСЕАН. Правительство Вьетнама стремится войти в тройку ведущих стран АСЕАН в области цифровой экономики [4].

Таким образом, цифровая экономика в странах АСЕАН разветвляется, развиваясь по странам и отраслям, содействуя устойчивому развитию и повышая статус стран АСЕАН в мировой цифровой экономике. Но,

несмотря на активизацию развития цифровой экономики АСЕАН, она сталкивается с рядом вызовов. Такие факторы, как «геополитические игры», торговый протекционизм, а также региональные и глобальные экономические дисбалансы и разрывы, оказывают значительное влияние на процесс развития цифровой экономики.

Библиографический список

1. Магомедова Н.А. Цифровая трансформация как фактор технологического суверенитета: вызовы и решения // Россия и Азия. 2025. № 4 (34). С. 87-97.

2. Новые тренды цифровизации: Россия и мир / Пономаренко Е.В., Дигилина О.Б., Шкваря Л.В., Вереникина А.Ю., Меланьина М.В., Налбандян А.А., Оганесян А.А., Рузина Е.И., Тыркба Х.В., Павлов А.М., Пономарева В.С. М., 2023.

3. Сабон В.Л. «Голубая» экономика в АСЕАН как перспективный драйвер прогресса и опыт Индонезии // Россия и Азия. 2025. № 1 (31). С. 39-47.

4. Сабон В.Л. Современные особенности экономической модели Республики Вьетнам // Россия и Азия. 2025. №3 (33). С. 85-99.

5. Шкваря Л.В. Индонезия и космос // Азия и Африка сегодня. 2013. № 9 (674). С. 45-48.

6. Шкваря Л.В. Экономика Индонезии: современные тенденции // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 11. С. 62-69.

УДК 004.9

Apple: How One Company Changed Technology

Denisov A.I., Chervyakov. P.S.

Academic Supervisor: Zhiltsova T.N., senior lecturer

*Financial university under the Government of the Russian Federation,
Yaroslavl branch*

Apple is one of the most influential companies in the history of modern technology. Over several decades, it has changed not only the market of electronic devices, but also the everyday habits of millions of people around the world. Today Apple is associated with innovation, quality, design, and a unique user experience. However, the company's success is connected not only with popular products, but also with its ability to transform entire industries. From personal computers to smartphones, digital applications, and custom computer chips, Apple has repeatedly introduced solutions that influenced the direction of

technological development. This is why Apple can be seen not simply as a successful business, but as a company that truly changed technology.

Apple was founded in 1976 by Steve Jobs and Steve Wozniak in California. At first, it was a small company focused on personal computers. In the early years of the computer industry, many devices were difficult to use and were often designed mainly for specialists. Apple offered a different approach. The company tried to make technology more understandable and more accessible for ordinary users. According to Encyclopaedia Britannica, Apple became the first successful personal computer company and helped bring graphical user interfaces into mass adoption. This was extremely important, because it changed the way people interacted with computers. Instead of seeing technology as something complicated and technical, users began to experience it as something practical and user-friendly.

One of the early milestones in Apple's history was the Macintosh. This product strengthened the company's image as a brand that combined technology with usability and design. Apple gradually built a reputation for creating devices that were not only functional, but also attractive and simple to use. This philosophy later became one of the company's main advantages. Apple did not focus only on technical specifications. It paid great attention to how people actually interacted with devices in daily life. That approach later became one of the reasons why Apple products stood out in a very competitive market.

The most dramatic turning point in Apple's history came in 2007, when the company introduced the iPhone. This event changed the mobile phone industry forever. In its official announcement, Apple described the iPhone as a product that combined three devices in one: a revolutionary mobile phone, a widescreen iPod with touch controls, and a breakthrough Internet communications device. This idea was revolutionary because it offered users a multifunctional product with a completely new interface based on a large multi-touch display. Instead of physical keyboards and complicated menus, users could control the device with their fingers. The iPhone was not just a new phone. It changed the concept of mobile technology itself. After its release, the smartphone industry began to develop according to standards that Apple had helped establish.

The significance of the iPhone can be explained not only by its commercial success, but also by its social impact. It changed the way people communicate, search for information, take photos, listen to music, and use the Internet. A smartphone became not just a device for calling and texting, but a central digital tool in everyday life. In this sense, Apple influenced both technology and human behavior. The iPhone helped make mobile computing a normal part of daily routines, and this influence remains visible today in the design and functions of modern smartphones from many companies.

Another major step in Apple's influence on technology was the creation of the App Store in 2008. Apple later described the App Store as a phenomenon that transformed how people live, work, and play. This platform became extremely important because it changed the role of smartphones. A phone was no longer limited to built-in functions. It became a platform that could be expanded through applications developed by third parties. As a result, users gained access to a huge variety of digital services, while developers gained an opportunity to build products, reach global audiences, and earn money. The App Store helped create a new digital economy based on mobile applications. This was one of Apple's most important contributions to the development of modern technology.

The App Store also strengthened Apple's business model. The company was no longer earning money only from hardware sales. It created a system in which software, services, and digital platforms became part of a larger ecosystem. This ecosystem approach became one of Apple's strongest strategic advantages. When users bought one Apple device, they often became interested in other Apple products and services. Over time, this created strong customer loyalty and allowed Apple to build a long-term relationship with consumers. In technological and economic terms, the company showed that the future of innovation was connected not only with devices themselves, but with integrated digital environments.

Apple's success is also connected with its ability to combine innovation with smart business strategy. According to Apple's 2025 annual report, the company's total net sales reached 416.2 billion dollars. The iPhone remained the company's largest source of revenue, generating about 209.6 billion dollars, while Services brought in about 109.2 billion dollars. These figures show that Apple is not dependent on only one product category, even though the iPhone still plays a central role. The growth of Services demonstrates the importance of subscription-based and digital income in Apple's overall strategy. Products such as iCloud and other service-based platforms help the company receive regular revenue and strengthen its position in the global market.

Apple's annual report also reflects another key feature of the company: the ability to build a stable and diversified business around technology. Apple is often associated with innovation, but innovation alone does not guarantee long-term success. Apple has managed to combine strong products, premium branding, ecosystem logic, and recurring service revenue. This is one of the reasons why it remains one of the most valuable companies in the world. Its influence therefore goes beyond engineering or product design. Apple is also an example of how technological leadership can be turned into economic power on a global scale.

A further example of Apple's role in changing technology can be seen in its transition to Apple silicon for Mac computers. In 2020, Apple officially announced that it would move the Mac to its own custom silicon in order to deliver industry-leading performance and powerful new technologies. This step was highly significant because it showed Apple's desire to control more parts of its products internally. By designing its own chips, the company could integrate hardware and software more closely, improve performance, and increase efficiency. This move also demonstrated that Apple was shaping the future of personal computing, rather than simply following existing market trends.

The transition to Apple silicon was important not only from a technical perspective, but also from a strategic one. It strengthened Apple's independence and allowed the company to differentiate its products even more clearly from competitors. In a broader sense, this decision reflected one of Apple's long-term principles: the company tries to create a complete technological experience in which all major elements work together smoothly. This principle can be seen in the relationship between the iPhone, Mac, iPad, Apple Watch, AirPods, software platforms, and services. Apple's power lies not only in individual inventions, but in the creation of connected systems that are simple for users and difficult for competitors to copy completely.

In addition, Apple changed expectations in the technology market. Consumers today often expect devices to be powerful, visually attractive, easy to use, and connected to other services. This expectation did not appear by accident. Apple played a major role in creating it. The company showed that successful technology should not be designed only for engineers or specialists. It should be designed for people in everyday life. This idea influenced the development of smartphones, tablets, computers, wearable devices, digital stores, and subscription services. Even companies that compete with Apple have had to respond to standards that Apple helped establish.

In conclusion, Apple changed technology because it consistently introduced products and systems that transformed both markets and user behavior. From its early role in personal computing to the launch of the iPhone, from the App Store to Apple silicon, the company repeatedly redefined what modern technology could look like. Apple's influence can be seen in the design of devices, the development of digital ecosystems, the growth of the app economy, and the business models of modern tech companies. For this reason, Apple should be considered not only one of the most famous companies in the world, but also one of the companies that most deeply changed the technological development of the modern era.

Bibliographic list

1. Apple Inc. Form 10-K (Annual Report) [Электронный ресурс]. URL: https://s2.q4cdn.com/470004039/files/doc_financials/2025/ar/_10-K-2025-As-Filed.pdf?.
2. Apple announces Mac transition to Apple silicon [Электронный ресурс]. URL: <https://www.apple.com/newsroom/2020/06/apple-announces-mac-transition-to-apple-silicon/>.
3. Apple Reinvents the Phone with iPhone [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.apple.com/newsroom/2007/01/09Apple-Reinvents-the-Phone-with-iPhone/>.
4. The App Store turns 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.apple.com/newsroom/2018/07/app-store-turns-10/>.
5. Apple Inc // Encyclopaedia Britannica [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/money/Apple-Inc>.

УДК 614.84

Environmental and Socio-Economic Consequences of Wildfires in California

Esipenkova K.S.

Scientific supervisor: Zhiltsova T.N., Senior Lecturer

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
Yaroslavl branch*

Wildfires are one of the most destructive natural phenomena, exerting a complex impact on natural ecosystems, the economy, and the social fabric of regions. This problem is particularly acute in the state of California, where a combination of an arid climate, prolonged periods of heat, strong winds, and high population density in the wildland–urban interface leads to the regular occurrence of large-scale fires. In recent decades, the frequency and intensity of such fires have increased significantly. Scientists increasingly link this trend to climate change, which contributes to rising temperatures, prolonged droughts, and the drying of vegetation that acts as fuel for fires. For example, in 2020, California experienced over 8,600 wildfires that burned approximately 4.3 million acres (about 1.7 million hectares), marking the largest acreage burned in the state’s recorded history [4].

The environmental consequences of wildfires in California are primarily manifested in the disruption of natural ecosystems. Large-scale burning of forests and shrubs leads to the destruction of vegetation cover and changes in landscape structure. According to expert estimates, the 2020 fires destroyed more than 4% of the state’s total area and resulted in the destruction of over

10,000 buildings and structures [4]. Research indicates that during major fires, significant areas are occupied by burned shrub ecosystems, which can constitute more than half of the affected territories, substantially altering the structure of biodiversity and ecosystem functions. The loss of vegetation contributes to increased soil erosion and deterioration of the water regime, reducing the ecosystems' capacity for natural recovery.

Another important environmental consequence is the disruption of wildlife habitats. Many animal species lose their natural shelter and food sources after large fires. Although some ecosystems are capable of gradual recovery, the restoration of forests and wildlife populations can take decades. In certain cases, repeated fires occurring within short intervals prevent full ecosystem recovery and lead to long-term degradation of natural landscapes.

Wildfires also have a significant impact through air pollution. The burning of biomass releases fine particulate matter (PM_{2.5}), carbon monoxide, nitrogen oxides, and other toxic substances into the atmosphere. During major fires, the concentration of fine particles can exceed permissible health standards by five to ten times, posing a serious threat to public health. According to research, during the period from 2006–2020, exposure to smoke from wildfires was responsible for over 5,200 premature deaths in California related to air pollution [3].

Environmental consequences also manifest in altered hydrological processes and an increased risk of secondary natural disasters. Following the destruction of vegetation cover, the probability of landslides and mudflows increases. Burned soils often lose ability to absorb water, which intensifies surface runoff during heavy rains. For instance, after a series of fires in California in 2018, mudflows in Santa Barbara County led to the deaths of 23 people and caused over \$400 million in material damage [4].

Alongside environmental aspects, wildfires exert a significant socio-economic impact. One of the most obvious consequences is the destruction of infrastructure. For example, during the Camp Fire in 2018, approximately 18,800 buildings were destroyed, making it the most destructive fire in the state's history [1]. Furthermore, large conflagrations often lead to mass evacuations: during certain periods of the fire season, over 290,000 residents have simultaneously left their homes due to the threat of fire spread [5].

The economic damage from wildfires includes both direct and indirect losses. According to economists' estimates, the total damage from wildfires in California in 2018 reached approximately \$148.5 billion, including infrastructure destruction, property loss, and reduced economic activity [2]. Additionally, the annual expenditures by state and federal agencies on firefighting range from \$2 to \$4 billion. A significant portion of economic losses

occurs in not only the immediate fire zone but also spreads to wider territories through economic linkages and supply chains.

Serious socio-economic consequences are also associated with the impact of fires on the labor market and household incomes. Fires lead to temporary business closures, job losses, and reduced incomes for workers. According to economic studies, major fires can lead to a decrease in regional gross product by \$1–2 billion within the year following the disaster, and total wage losses can reach hundreds of millions of dollars [2].

Thus, wildfires in California represent a complex environmental and socio-economic challenge. They lead to the destruction of natural ecosystems, deterioration of air quality, soil degradation, and alteration of hydrological processes. Simultaneously, fires cause massive economic losses, infrastructure destruction, reduced economic activity, and increased social vulnerability of the population. Under conditions of climate change, the risk of large fires continues to increase, necessitating the development of comprehensive strategies for wildfire prevention and management.

Bibliographic list

1. Camp Fire 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Camp_Fire.

2. Economic impact of California wildfires [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.org/abs/2208.09079>.

3. Исследование влияния дыма от лесных пожаров на смертность населения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sfchronicle.com/weather/article/california-wildfire-smoke-deaths-20319712.php>.

4. Лесные пожары в Калифорнии [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2020_California_wildfires.

5. Woolsey Fire 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Woolsey_Fire/.

УДК 659.11

Integrated marketing communications in brand promotion «The act»

Етимова К.К.

*Научный руководитель: Логинова И.Н., старший преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

An integrated marketing communications system is a comprehensive approach to managing marketing communications. The primary goal of IMC is to manage and coordinate marketing tools so they work holistically and effectively for the brand and its audience. This includes increasing brand awareness, building a strong image, increasing product demand, fostering customer loyalty, and much more. IMC is a unified strategic system within the brand policy management approach.

Key tools in IMC:

1. Advertising
2. Public relations (PR).
3. Digital marketing.
4. Direct marketing.
5. Merchandising.

A Brand as an Object of Promotion, Its Functions and Essence

A brand is not simply an organization with its product or service, but a holistic image. It encompasses the consumer's perception of the product, the customer's choice in favor of the product, its values and positioning, the emotions evoked by the product, and so on. A brand is the organization's positioning and how it is identified.

Consumers choose a product based on a holistic image of the brand. Their choice can be linked to many obvious and non-obvious factors that organizations should consider, such as interactions with friends, exposure to advertising, product availability and usefulness, and so on.

An Effective IMC Strategy and the Stages of Developing an IMC Program for a Brand [1].

Developing a unified strategy that works for a brand involves the following stages and principles:

1. The brand must have a unified message it wants to convey to the customer. Specifically, how the brand wants to be seen: what associations it will evoke, what messages it will convey, and what messages it will communicate.
2. A certain number of brands have multiple channels for distributing their products and informing customers. These channels may all be on different platforms, so it's important to communicate the same message across these channels, as follows from the first point.
3. An organization must present its brand consistently, regardless of the situation. Customers must form a unified and consistent image of the brand.
4. The brand must focus on the preferences of consumers. The product, in turn, must satisfy needs. In this case, the brand must consider the values, expectations, and behavior of the target audience to drive sales.
5. The strategy must be measurable and adaptable to different conditions.

Research:

1. Analysis of The Act brand and how the company uses key IMC tools

The act is a skincare brand. Their products are based on natural and eco-friendly ingredients. They emphasize a conscious approach to body care. The brand offers a wide range of face and body care products. The act positions itself as a brand that offers a comprehensive approach to skincare and transforms routine into pleasure.

2. The first tool is The Act's advertising. It's unobtrusive. The product's main focus is the natural ingredients, delicacy, and sensuality. This is conveyed through the minimalist packaging design with pleasant pastel colors and an aesthetically pleasing presentation. Promotion occurs through influencers' blogs. The company sends packages containing the product to bloggers in exchange for advertising. The product is promoted through barter with microbloggers, and commercially with major influencers. They often organize interactive events and sales for their audience, share information about discounts, and publish informative posts and guides. The Act uses advertising on various platforms. This makes their brand visible and in-demand. The theoretical section examines five key tools of integrated marketing communications that are important for creating a holistic strategy.

3. The Act participates in PR events aimed at creating a positive image, collaborating with organizations and other entities, and building audience loyalty. The brand participated in the InterCHARM exhibition in 2025, the largest international beauty exhibition. At the exhibition, The Act cosmetics, along with Beauty Bag Luxe gift sets, were distributed to media representatives, VIP guests, influencers, and distributors, which successfully impacted sales, brand awareness, and loyalty.

4. Digital marketing involves a strategy that can be adjusted depending on the situation. It increases brand awareness and drives sales. It relies on digital brand promotion methods. This includes product packaging, brand positioning, audience loyalty, and online promotion. The act uses email newsletters with new offers and products to inform the audience, thereby increasing brand awareness. The brand actively maintains a Telegram channel where it interacts with subscribers. The brand is also present on marketplaces where direct product sales occur.

5. Direct Marketing. The act's direct marketing is successful because the brand focuses not only on mass appeal but also on a personalized approach. This is evident in their social media: they engage in dialogue with their followers, which allows them to identify and solve consumer problems. Through direct marketing, they learn how consumers react to the product. They establish and maintain communication with their audience not only through feedback but also

through participation in exhibitions, where the brand can be discovered, collaborations with bloggers and influencers, and sales at events.

6. Merchandising. The act promotes its products through visuals: aesthetically pleasing packaging, calm tones, and minimalism. The brand also designs its exhibition spaces, which audiences appreciate. They have a stylish and minimalist appearance, without any aggressive elements. They collaborate with other agencies to create branded merchandise (sweaters, tote bags, caps) as souvenirs. All this evokes associations with the brand in the minds of consumers.

2. SWOT analysis of the “the act” brand [2].

Table 1. SWOT Analysis of the «the act» brand

Strengths	Weakness
Design, packaging, and product positioning. Customer focus and customer needs. Participation in events. Subtle advertising. Product ingredients.	High affordability Product composition Difficult to scale Product overload Rarely organizes events.
Opportunities	Threats
Scale the brand Expand the product range Open more offline stores in different cities and sell franchises More collaborations with other brands Make prices more affordable	The brand constantly adapts to trends and can't always keep up. High competition Poor reputation and negative reviews. The brand will lose value and relevance. Economic crises.

Conclusion: thus, integrated marketing communications are the fundamental foundation for effective brand promotion. IMC enables synergy across various tools. Brand success is determined by a high-quality product and the ability to effectively communicate its value to the target audience. This article focused on a comprehensive brand analysis using integrated marketing communications and their role in brand promotion. Integrated marketing communications help develop an effective strategy that achieves brand goals, making it strong and recognizable.

Bibliographic list

1. Nikitina V.S., Brand Essence: Elements and Added Value 17.02.2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-brenda-elementy-i-dobavleniya-tsennost/viewer>.

2. Financial University under the Government of the Russian Federation. Marketing. Integrated Marketing Communications. Basic Concepts of Integrated Marketing Communications (IMC). URL: <https://studfile.net/preview/2044997/page:34/>.

Measures of State Support for the Sustainable Development of the Agro-Industrial Complex in Russia and the Yaroslavl Region

Иванова В.В., Малинова Д.М.

*Научный руководитель: Грачёва Ю.В., старший преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

The Russian agro-industrial complex (AIC) faces serious challenges: climate change, demographic issues, and food security. Sustainable development requires significant investments, which many agricultural enterprises cannot afford. Government programs and public-private partnerships offer a promising solution. These not only attract resources but also accelerate technological modernization, making this topic key to developing effective agricultural policy.

The effectiveness of this approach is confirmed at the federal level. According to the Ministry of Economic Development, the state program for the development of the AIC ranked in the top 5 most effective among 40 areas, having fully met its key targets over five years. Agricultural production increased by 7,2%, and the profitability of agricultural enterprises, including subsidies, reached 18,3%, which is 2,3 percentage points above the planned target [2].

The basis of state support for the agricultural sector in Russian is an extensive system of grants and subsidies. These compensate for the expenses of farmers, help them to update their equipment, support the adoption of advanced agricultural techniques, help establish effective sales and distribution channels. Key federal support programs for 2025 are presented in Table 1.

An analysis of the demand for these programs shows a consistently high level of interest from farmers. The Agrostartup program remains the undisputed leader in terms of popularity, with approximately 1500 farms from 82 regions and 746 agricultural cooperatives receiving support during the program's duration. The figures for 2025 confirm this trend: for example, 78 applications were submitted in Yakutia for this grant, and 15 novice farmers became winners, receiving support worth a total of 64 million rubles. Overall, thanks to state support, more than 36800 entities have been engaged in small and medium-sized agribusiness, which exceeded the planned targets by 47%. Furthermore, the technical fleet is being actively renewed. Over the past year, farmers received more than 14 thousand units of equipment on preferential leasing, which is 1,7 times more than planned [2].

Table 1. Agricultural support programs available in Russia in 2025

Name	Description	Grant Amount	Financing and Term
Agrostartup	Helps entrepreneurs start a farming business.	From 5 million to 8 million rubles, depending on the project direction.	Government covers up to 90% of costs; 10% - farmer's own funds. Term: 18 months.
Agroprogress	Aimed at expanding existing farms.	Up to 30 million rubles.	Entrepreneur must invest at least 5% of the grant amount and take a loan for 70%. Term - 24 months.
Agrotourism	Supports farms that want to develop a tourism business based on the farm.	Up to 10 million rubles.	Entrepreneur must invest from 10 to 35% of the project amount. Term - 18 months.
Agromotivator	Helps participants of the Special Military Operation become farmers or agricultural producers.	a) For cattle breeding - up to 7 million rubles; b) For other directions - up to 5 million rubles.	Entrepreneur must invest at least 10% of the project amount. Term: 18 months.
Family Farm Development	Support for farms where members of the same family work.	From 5 to 30 million rubles for development, up to 20 million rubles for cost compensation.	Entrepreneur must invest at least 40% of the project amount. Term: 24 months.
Grants for the Development of Material and Technical Base	Help consumer cooperatives acquire new buildings and facilities.	Up to 70 million rubles, but not more than 60% of the project cost.	Over 40% of the project cost - own funds. Term: 24 months.

Regional policy adapts federal measures to local conditions. The Yaroslavl Region has a state program called "Agricultural Development" for 2024-2030, which provides targeted support for priority areas. The effectiveness of this approach is confirmed by specific results. Recently, six regional enterprises received more than 426 million rubles from the federal budget to cover costs under investment projects.

The key priority is dairy farming. It is planned to reach 415000 tons of milk by 2026. The funding will exceed 190 million rubles. 111,5 million rubles have been allocated for breeding livestock, including for livestock maintenance and genomic selection [1].

In 2026, 66,7 million rubles will be allocated for fodder production, including 48,7 million for land reclamation and 18 million for land introduction. Potato and other vegetable production will receive almost 35 million rubles, which is 29% higher than in 2025.

It is important to note that the region is engaged in systematic efforts not only in financial support but also in bringing new land into cultivation and modernization. Over 3000 hectares of previously unused land were brought into agricultural use during 2025, and the plans for 2026 are to bring 10000 hectares

into cultivation. Technical re-equipment also continues, 37 enterprises received 82 units of new equipment worth a total of 582 million rubles through the regional leasing system [4]. The Agro-Industrial Complex Information and Consulting Service also provides information and consulting services to potential grant recipients. In the first quarter alone, more than 500 people completed training.

In addition to budget funds, private-public partnership mechanisms are also involved. An example is the Agroagregator project with X5 Group. This project ensures the collection, processing, and delivery of farm products to the Pyaterochka chain, solving distribution issues and increasing the profitability of farms [3].

Agreements with Bazalt Agro LLC, Yaroslavl Greenhouse Complex, and Yaroslavl Broiler JSC contribute to the company's development. The last one also actively uses state support and received almost 20 million rubles to compensate for the costs of building a poultry house [5]. These partnerships strengthen production chains and attract private investments in technology and logistics.

In conclusion, the efficiency of state support is achieved through a combination of federal, regional, and private resources. Federal subsidies provide basic support, regional subsidies take into account local specifics, and the private sector contributes technology and market access. The results are clear: the profitability of agricultural enterprises, including subsidies, reached 18,3%, which is higher than the planned targets, and production output increased by 7,2%. For sustainable development, it is necessary to maintain state support, develop agricultural clusters, and integrate producers into federal logistics networks.

Библиографический список

1. В Ярославской области сохранят меры поддержки для аграриев // Министерство агропромышленного комплекса и потребительского рынка Ярославской области [Электронный ресурс]. URL: <https://portal.yarregion.ru/depts-dapk/press-center/news/>.

2. Госпрограмма развития АПК заняла пятое место по эффективности [Электронный ресурс]. URL: <https://milknews.ru/index/gosprogramma-effektivnost-apk.html>.

3. Одиннадцать инвестиционных проектов реализуют в Ярославской области в сфере АПК // "Ярославский агровестник". 2025. № 4.

4. Уборочная кампания в Ярославской области завершилась с хорошими результатами [Электронный ресурс]. URL: <https://myseldon.com/ru/news/index/338384414>.

5. Шесть ярославских предприятий АПК получают господдержку на сумму более 420 млн рублей [Электронный ресурс]. URL: <https://yarreg.ru/n5ste/>.

УДК 811.93

Влияние ChatGPT и онлайн-переводчиков на изменение культурных кодов и языкового этикета

Казакова А.С.

*Научный руководитель: Шустина И.В., канд. филол. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В современном цифровом обществе процессы коммуникации стремительно меняются под воздействием информационных технологий. Одним из наиболее значимых факторов этих изменений стало распространение систем автоматического перевода и генеративных языковых моделей, таких как ChatGPT. Данные технологии активно используются в образовательной, профессиональной и повседневной коммуникации, позволяя пользователям быстро преодолевать языковые барьеры и взаимодействовать в международной среде. Однако вместе с расширением возможностей общения происходит изменение культурных кодов и норм языкового этикета.

Языковой этикет представляет собой совокупность устойчивых речевых формул и коммуникативных норм, регулирующих поведение участников общения. Он включает формы приветствия, обращения, благодарности, извинения и другие элементы, отражающие культурные ценности общества. В различных культурах данные нормы могут значительно различаться. Например, во многих европейских языках существуют формальные и неформальные формы обращения, указывающие на уровень официальности общения и степень социальной дистанции. В некоторых культурах предпочтение отдается косвенным формам выражения просьб и отказов, тогда как в других ценится прямота и лаконичность высказываний.

Развитие онлайн-переводчиков существенно упростило межкультурное взаимодействие. Пользователи получили возможность переводить тексты на различные языки практически мгновенно, что значительно расширило возможности международного общения. Однако автоматический перевод не всегда способен корректно передавать

культурные особенности языка. Алгоритмы в первую очередь ориентированы на передачу буквального значения текста, тогда как прагматические и культурные аспекты речи могут быть утрачены или искажены [2, с. 240]. В результате некоторые элементы языкового этикета, связанные с выражением вежливости или уважения, могут интерпретироваться некорректно. Особое значение в данном контексте имеет влияние автоматических переводчиков на прагматические аспекты языка. Прагматика изучает то, как значение высказывания зависит от контекста, намерений говорящего и социальных отношений между участниками коммуникации. Автоматические системы нередко сталкиваются с трудностями при передаче таких нюансов, поскольку они требуют глубокого понимания культурного контекста. Например, ирония, намек или косвенные формы просьбы могут переводиться буквально, что иногда приводит к коммуникативным недоразумениям [1, с. 582]. В ответ на подобные ограничения пользователи начинают выбирать более прямые и однозначные формулировки, чтобы снизить вероятность ошибок перевода. Таким образом, сама структура общения постепенно адаптируется к возможностям цифровых инструментов.

Еще одним важным аспектом является изменение коммуникативных стратегий пользователей. Многие люди используют генеративные модели или онлайн-переводчики для написания писем, сообщений и академических текстов на иностранном языке. В таких ситуациях искусственный интеллект выступает посредником между различными культурными системами: пользователь формулирует мысль на одном языке, а алгоритм преобразует ее в другой, адаптируя структуру высказывания и подбирая типичные речевые формулы. Это может приводить к постепенной замене индивидуальных особенностей речевого поведения алгоритмически предложенными моделями. Со временем пользователи начинают воспроизводить подобные модели даже без помощи цифровых инструментов, что влияет на развитие и изменение языковых норм [3, с. 4]. Особое значение имеет влияние подобных технологий на формирование культурного кода у молодого поколения. Студенты и школьники активно используют цифровые инструменты в процессе общения и обучения. В результате они привыкают к стандартизированным способам выражения мыслей и более универсальному стилю коммуникации. Постепенно формируется гибридное языковое пространство, в котором элементы различных культур смешиваются и адаптируются к требованиям цифровой среды. С одной стороны, такой процесс способствует развитию глобальной межкультурной компетенции. С другой стороны, существует риск

постепенного ослабления локальных культурных традиций речевого поведения.

Таким образом, распространение онлайн-переводчиков и генеративных языковых моделей оказывает заметное влияние на культурные коды и нормы языкового этикета. Современные цифровые технологии способствуют формированию более универсального и стандартизированного стиля коммуникации, что облегчает международное взаимодействие. В то же время важной задачей остается сохранение культурного разнообразия и традиционных форм речевого поведения. Перспективным направлением дальнейших исследований является анализ того, каким образом цифровые технологии могут интегрироваться в коммуникативную практику без утраты культурной идентичности и языковых особенностей различных обществ.

Библиографический список

1. Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Межкультурная коммуникация: учебник для вузов. Москва: Юрайт, 2023. С.582-585.
2. Ruckenstein M. The Feel of Algorithms. Oakland: University of California Press, 2023. P. 240.
3. Yang S., Zhao H., Luo W. The Impact of Artificial Intelligence on Intercultural Communication // IntechOpen. 2024. PP. 1–16.

УДК 81.42

Традиционные ценности в российских и англоязычных медиатекстах Интернет-СМИ: лингвостилистический анализ

Лисигов А.В.

*Научный руководитель: Орехова Ю.М., канд. пед. наук, доцент
Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны
имени Маршала Советского Союза Л.А. Говорова*

В условиях информационного общества механизм создания картины мира почти целиком зависит от средств массовой информации (далее по тексту СМИ), которые играют решающую роль в формировании информационной картины мира, которая тесно связана с языковой картиной мира – определенного мировоззрения, идеологии, системы ценностей [2, с. 113-114]. Современные медиатексты Интернет-СМИ влияют на общественное сознание через целенаправленный выбор лингвостилистических средств, служащих для репрезентации ценностных доминант и политики государства.

Актуальность исследования обусловлена важностью изучения новостных медиатекстов как мощного инструмента идеологического и ценностного влияния на формирование общественного мнения.

Цель исследования – выявить лингвистические и стилистические средства выражения традиционных ценностей в медиатекстах российских и американских Интернет-СМИ.

Поставленная цель обусловила необходимость решения следующих задач: определить роль средств массовой информации в формировании общественного мнения; уточнить содержание понятий «лингвостилистический анализ» и «лингвостилистическое средство» применительно к медиалингвистике; привести примеры лингвостилистических средства, встречающихся в медиатекстах, опубликованных в открытых источниках сети Интернет, для популяризации традиционных российских/американских ценностей.

Объектом исследования выступают медиатексты социально-политической и военной тематики из сети Интернет, а предметом анализа – лингвостилистические средства, используемые в медиатекстах Интернет-СМИ для выражения традиционных ценностей.

Методологической базой исследования послужили теоретические концепции социально-лингвистических дисциплин, раскрывающие место и роль языковых процессов в жизни общества и личности, а также научные труды российских и зарубежных исследователей, занимающимися вопросами коммуникации, медиалингвистики, когнитивистики (Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтин, В.З. Демьянков, Т. ван Дейк, Т.Г. Добросклонская, Дж. Лакофф, Ю.М. Лотман, Н. Фэркло, Р. Якобсон).

Материалом исследования послужили информационные тексты российских и американских электронных изданий.

В контексте медиалингвистики язык особенно важен при анализе сообщений, которые мы получаем из различных источников информации. Тексты СМИ относятся к публицистическому функциональному стилю речи, основополагающей целью которых является воздействие на реципиента, задействуя различные каналы восприятия информации, чтобы убедить его в правильности выдвигаемых положений или вызвать в нем желаемую реакцию на сказанное [1]. СМИ служат мощным инструментом формирования общественного мнения за счет целенаправленного включения в медиатекст средств информационного воздействия, таких как пропаганда, риторические приемы и PR, когнитивные и психологические техники убеждения, а также элементы онлайн коммуникации.

Изучение медиаречи как инструмента воздействия на общество началось во второй половине XX века. Внимание ученых

привлекал самый широкий круг вопросов: это и определение функционально-стилевого статуса языка СМИ, и способы описания различных типов текстов, и влияние на медиаречь социокультурных факторов, и лингво-медийные технологии воздействия [2, с. 11]. Проблемы функционирования языка в СМИ описываются в самых различных аспектах с учетом как собственно языковых, так и экстралингвистических факторов, а также в свете взаимодействия языков и культур.

Анализ текстов периодической печати, радио, телевидения, а также Интернет-СМИ позволяет выявить характеристики, свойственные языку массовой коммуникации. Лингвостилистический анализ представляет собой комплексный метод изучения языковых и стилистических особенностей медиатекстов, направленный на выявление средств воздействия на аудиторию. Он включает анализ лексики, синтаксиса, тропов, риторических фигур и их роли в формировании идеологического нарратива, эмоционального тона и манипулятивных стратегий.

Языковые и стилистические средства, используемые в медиа текстах Интернет-СМИ, выступают мощным инструментом формирования целевого образа в сознании массовой аудитории. Под стилистическим средством И.Р. Гальперин понимает синтаксические, морфологические и словообразовательные формы, служащие для логического или эмоционального усиления речи [1; 3].

Главный акцент в российских и американских СМИ делается на таких ценностях, как семья, врожденная любовь к родине, приоритет духовного над материальным, обращение к истории страны, общность населения, стремление к правде.

Анализ медиатекстов Интернет-СМИ позволил выделить следующие лингвостилистические средства, используемые для представления традиционных российских и американских ценностей и направленные на усиление эмоциональности и убедительности сообщаемой информации.

- метафоры

Россия – это действительно огромная семья, можно сказать, семья семей.

We are part of the American family, bound together as one people despite our differences.

- эпитеты

живая память народа
heroic sacrifice

- эвфемизмы

Меры государственной поддержки материнства и детства помогут укрепить многодетные семьи.

Obviously, that involves kinetic military action, particularly on the front end.

- генерализация (обобщение)

Более 50% опрошенных россиян назвали крепкую семью главной традиционной ценностью в РФ.

All conservatives oppose birth rates aid.

- сравнение

Каждая семья – кирпичик государства.

The family is the cornerstone of a healthy and flourishing society.

- фразеологизмы (поговорки)

Родина-мать зовёт на защиту Отечества.

This past weekend, in a last-ditch effort, the Secretary-General of the United Nations went to the Middle East with peace in his heart

- импликация

Семья – залог процветания нации.

Declining families = declining empire.

- гипербола

Россия готова стать для мира Ноевым ковчегом с традиционным обществом.

Founders' legacy – eternal claim over all modern Americans.

- повторы и параллелизмы

Очень важно, чтобы они восприняли подлинные ценности многодетной семьи, что семья – это любовь, счастье, радость материнства и отцовства, что семья – это крепкая связь нескольких поколений, где уважение к старшим и забота о детях всегда объединяют, дают чувство уверенности, защищенности, надежности.

And, I think that's important for us as a society to continue to understand, that you cannot have a strong country without strong people. You cannot have strong people without strong values. And, you cannot have strong values without strong families.

- градация

Именно приверженность традиционным ценностям способна обеспечить устойчивость, стабильность и единство общества.

Strong families are the foundational building blocks of strong communities and, in turn, a strong nation.

- риторические вопросы

Сейчас тема традиционных ценностей звучит чуть ли не из «каждого угла». Но какие они для России, которую населяют 190 народов? Возможно, ценности у каждого из них свои?

Are traditional values making a comeback in today's fast-paced, ever-changing world?

Итак, можно сделать вывод о том, что лексические и синтаксические средства организации медиатекста служат инструментом мягкой силы, воздействующим на мировоззрение через эмоциональные коннотации, оценочную лексику и средств художественной выразительности (фигуры и тропы речи). Необходимость их анализа обусловлена потребностью выявления манипулятивных стратегий в условиях непрекращающейся информационной войны.

Библиографический список

1. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958. 333 с.
2. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. М., 2020. 180 с.
3. Илюхина В.В., Харитонов В.Ю. Эвфемизмы в языке СМИ // Актуальные вопросы современной науки и практики. Чебоксары: Чебоксарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, 2016. С. 46-52.

УДК 339.9

Исследование особенностей цифровой торговли стран Аравийского полуострова с Китаем и Россией

Наджафов Р.Н., *Азербайджанская Республика*

*Научный руководитель: Шкваря Л.В., д-р экон. наук, профессор
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова*

Становление Индустрии 4.0 в современных условиях предопределило развитие цифровых технологий, основанных на компьютерных возможностях. Эти технологии проникают во все страны мира и во все сферы социально-экономического процесса, а также в международные экономические отношения, обеспечивая технические возможности их роста, повышения эффективности и конкурентоспособности, а также скорости и возможности контроля со стороны как субъектов хозяйствования, так и государств и международных организаций [4].

Цифровизация активно «встраивается» в социально-экономическую структуру стран Персидского залива (6 нефтяных «аравийских монархий»), охватывая основные направления их хозяйственных систем и социальных процессов, а также других значимых и актуальных

направлений, таких как экологизация и декарбонизация [1], международная торговля и инвестиции [2] и др.

Особенно важным направлением для стран Аравийского полуострова во все большей степени становится внешняя торговля, так как эта форма международных экономических отношений выступает важнейшим фактором роста их экономического потенциала через приток значительных стоимостных объемов валютной выручки, укрепляет международные связи и создает новые возможности, в том числе – в сфере диверсификации экономики и решения других важных задач в условиях роста глобальной нестабильности [5; 6]. Это направление международной деятельности тем более важно для стран Аравийского полуострова, что они обладают стратегическим географическим положением важного не только в регионе, но и в мире, транспортного узла [3] и одного из крупнейших в мире торговых хабов. Для активизации внешней торговли и повышения эффективности международных расчетов используется технология блокчейн на национальном уровне, что постепенно превращает Ближний Восток в глобальный центр блокчейн-технологии.

В отношениях между Российской Федерацией и странами ССАГПЗ наблюдается консенсус в подходах к основным международным и региональным проблемам, взаимная заинтересованность в сотрудничестве с обеих сторон [7]. Для российских компаний рынок ССАГПЗ – перспективное направление благодаря возможности сотрудничества в области энергетики, электроэнергетики, атомной и альтернативной энергетики, металлургии, авиации, строительстве, транспорте, космической отрасли, сельском хозяйстве и др. При этом, сырьевая направленность российского экспорта, прежде всего в Саудовскую Аравию и ОАЭ – как продовольственного, так и минерального, не способствует стабилизации взаимной торговли. Несмотря на это, и Саудовская Аравия, и ОАЭ продолжают оставаться стратегическими российскими партнерами, поскольку Россия обладает уникальным опытом и технологиями, которые помогут Саудовской Аравии в реализации программы реформ королевства Vision-2030.

Цифровая торговля между Россией и ССАГПЗ находится на стадии развития, поскольку основными партнерами России являются другие страны, такие как Китай и Индия. А страны ССАГПЗ не являются ключевыми торговыми партнерами по объему товарооборота (так по данным на 2024 г. общий товарооборот составил более 11 млрд долларов, демонстрируя тенденцию к росту, но при это товарооборот с Индией в аналогичный временной промежуток составил уже более 70,6 млрд долларов, а с Китаем – 244,8 млрд долларов). Ключевой особенностью

цифровой торговли между Россией и ССАГПЗ следует назвать использование цифровых платформ, как инструментов для ускорения экспортно-импортных транзакций.

Рассматривая отношения между ССАГПЗ и Китаем, стоит отметить активное развитие цифровой инфраструктуры и развитие глобальной интеллектуальной сети (с привлечением китайской компании China Mobile International). В рамках сотрудничества и торговли с СМІ была построена новая ветка подводных оптоволоконных кабелей 2Africa, которая соединила 3 континента – Азию, Африку и Европу. Китайские компании играют ключевую роль в цифровой трансформации государств Персидского залива, так, к примеру, в Саудовской Аравии такие компании как Huawei, Tencent, Alibaba Cloud возглавляют проекты в области 5G, искусственного интеллекта и облачных вычислений. При этом именно углеводороды составляют основную часть китайского импорта (к примеру, нефтегазовые поступления в Султанат Оман с год составляют от 68 до 85% государственного бюджета, в то время как около 44% экспортной выручки поступает именно из Китая). Несмотря на то, что траектория двусторонних отношений демонстрирует непрерывный и ускоряющийся рост, в области цифровой торговли основным направлением сотрудничества может стать китайский экспорт продукции ИКТ.

Анализ особенностей цифровой торговли и межгосударственного сотрудничества между ССАГПЗ и Россией, а также между ССАГПЗ и Китаем показывает, что каждый из векторов взаимодействия обладает уникальными стратегиями и потенциалом для развития цифровых экономик. Китай демонстрирует лидирующие позиции в области цифровых технологий, электронной коммерции и инновации, активно внедряя их в национальную экономику и международное сотрудничество.

Библиографический список

1. Барини Х. Цифровизация и экологизация: тренды в регионе ССАГПЗ // Россия и Азия. 2025. № 4 (34). С. 63-73.
2. Бяшарова А.Р. Цифровое развитие стран Персидского залива и его влияние на международную экономику и торговлю: эмпирический анализ // Международная торговля и торговая политика. 2025. Т. 11. №1 (41). С. 165-176.
3. Международный транспорт, международная транспортная политика и транспортная дипломатия / Билялова Л.Р., Борисов А.Н., Бяшарова А.Р., Герман Е.И., Голубчик А.М., Демин В.А., Долбик-Воробей Т.А., Ефименко Д.Б., Жанказиев С.В., Илюхина С.С., Карелина Е.А., Кожанков А.Ю., Мальцева М.В., Мамедова И.А., Пак Е.В., Панфилов И.Д.,

Подхалюзина В.А., Полякова Т.Ю., Савченко-Бельский В.Ю., Савченко-Бельский К.А. и др. Учебник для магистратуры. М., 2022.

4. Новые тренды цифровизации: Россия и мир / Пономаренко Е.В., Дигилина О.Б., Шкваря Л.В., Вереникина А.Ю., Меланьина М.В., Налбандян А.А., Оганесян А.А., Рузина Е.И., Тырква Х.В., Павлов А.М., Пономарева В.С. М., 2023.

5. Савичева Е.М., Бребдани А.М., Рыжов И.В. Китай и страны Совета сотрудничества арабских стран Персидского залива: от экономических сделок к стратегическому партнерству // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2022. № 1. С. 180-196.

6. Смирнов Е.Н. Трансформация международной торговли в условиях современных шоков развития мировой экономики // Международная торговля и торговая политика. 2025. Т. 11. № 1 (41). С. 5-26.

7. Шкваря Л.В. Внешняя торговля России в XXI веке: особенности, проблемы и перспективы // Россия и Азия. 2020. № 4 (13). С. 46-63.

УДК 81

The «Pseudo-Expert» Archetype: The Role of Speech Errors in Creating Comic Characters in Film and Animation

Nechaeva V.A.

Academic Supervisor: Zhiltsova T.N., senior lecturer

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
Yaroslavl Branch*

A character's speech is one of the most effective tools a screenwriter uses to create a character. It helps reveal the character's personality, highlight their individuality and traits, and show their belonging to a certain social group. The particular interest is in cases where a character's speech does not just reflect their social status, but directly points to a key character trait: overconfidence based on ignorance. This study examines the role of specific speech mistakes, like malapropisms and occasionalisms, in creating the «pseudo-expert» archetype in film and animation.

A malapropism (from the French «mal à propos», meaning «inopportunist») is a semantic error where a word is replaced by one that sounds similar but has a different meaning [1, p. 223]. An occasionalism (from the Latin «occasionalis», meaning «accidental») is an author's neologism, created for a specific situation and only understandable within that context [1, p. 284]. The «pseudo-expert» archetype is defined as a comic character who confidently

pretends to be an expert, but in reality demonstrates ignorance, completely unaware of their own mistakes.

The most impressive examples of this archetype are Biff Tannen from the film trilogy «Back to the Future» and the seagull Scuttle from the movie «The Little Mermaid». While both create a comic effect, they represent two different versions of the «pseudo-expert»: an aggressive one (Biff) and a naively inquisitive one (Scuttle).

Biff Tannen is a classic example of an aggressive «pseudo-expert». His social dominance is built on intimidation, and his attempts to sound smarter lead to characteristic malapropisms. His catchphrase, «Make like a tree and get out of here», is a distortion of the original expression «Make like a tree and leave». The original's cleverness was a pun: «leave» sounds like «leaf». Biff replaces the simple «leave» with the rude «get out of here», which perfectly matches his role as an aggressive bully [2].

The comic effect of Biff's character is heightened by his tendency to use the offense «butthead». This lexical quirk reaches its peak in his famous phrase addressed to himself in the future: «Who are you calling butthead, butthead?» This makes his speech completely absurd. Biff, the embodiment of a «butthead», uses the offense as a mirror in which he recognizes himself, but immediately denies it.

Thus, malapropisms in Biff Tannen's speech are not random slips of the tongue, but a systematic element of his character portrait. It all visualizes the conflict between his desire for dominance and his intellectual limitations, which creates a feeling of comic contempt in the viewer.

On the other hand, the seagull Scuttle represents the naively inquisitive side of the archetype. His overconfidence is not in the distortion of existing knowledge, but in creating his own linguistic reality – occasionalisms. A found fork becomes a «dinglehopper» – a tool for styling hair, and a smoking pipe becomes a «snarfblatt» – a musical instrument. Analyzing the etymology of these words shows they aren't random: «dinglehopper» combines «dingle» (something small and sticking out) and «hop» (to jump). So, the fork became «an instrument with sticking-out things that you can use to do funny hairstyles». «Snarfblatt» includes the real word «snarf» (a growling sound). Apparently, it was chosen because of the sounds the smoking pipe made. These aren't just a play on words, but a whole system of false conclusions presented with the pompousness of a great discoverer [3].

Therefore, Scuttle creates new phrases to explain and organize the world within the limits of his own ignorance. He shows his overconfidence as a creative amateur. Scuttle brings a smile and evokes sympathy, while still being a clear representative of the «pseudo-expert» archetype.

In conclusion, malapropisms and occasionalisms serve different artistic purposes in creating the same archetype. Biff, through his mistakes, destroys the existing linguistic code, trying to claim authority for himself, which evokes comic contempt from the viewer. Scuttle, however, creates a new code to explain the world within his ignorance, which elicits sympathy. Their uncritical and absolute confidence in their own rightness is what unites both characters as a classic «pseudo-experts». Speech mistakes are not an accident, but a systematic marker that visualizes the conflict between the character's self-esteem and reality, helping the viewer understand the characters more deeply.

Bibliographic list

1. Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. M.: Soviet Encyclopedia, 1966. 608 pp.
2. Back to the future 2: [fantastic film] / director. R. Zemekis; screenplay by R. Zemekis, B. Gale; cinematographer D. Carboner; composer A. Silvestri; starring: M. J. Fox, K. Lloyd, L. Thompson, T. Wilson. USA: Universal Pictures, 1989.
3. The Little Mermaid [animated film] / directed by R. Clements, D. Musker. USA: Walt Disney Pictures, 1989.

УДК 339.9

Основные МТК в инициативе «Один пояс, один путь»

Погосова А.Р.

*Научный руководитель: Шкваря Л.В., д-р экон. наук, профессор
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова*

Си Цзиньпин, президент Китая, объявил об этой инициативе в конце 2013 г. Она представляет собой сочетание «Экономического пояса Шелкового пути» (6 основных сухопутных коридоров через Евразийский континент) и «Морского шелкового пути XXI века» (сеть морских торговых путей через Азию, Африку и Европу). В Европе МТК, возникающие в результате данной инициативы, называют «Новым шелковым путем». В целом, ОПОП направлена на создание сетей, которые позволят обеспечить более эффективное и продуктивное свободное движение товаров, а также дальнейшую интеграцию международных рынков и в физическом, и в цифровом плане [5]. ОПОП также связана со стратегией Китая «Сделано в Китае к 2025 г.», согласно которой Китай планирует вытеснить США и Японию в качестве промышленных производителей высоких технологий к 2025 г. Для этого потребуются

надежные глобальные цепочки поставок, включая порты; отсюда и инициатива «Один пояс, один путь (ОПОП)» [4].

ОПОП официально привержена принципам многосторонности и открытой экономики, продвигающей экономическую глобализацию в направлении большей открытости, инклюзивности, сбалансированности и взаимовыгодных результатов. Заявлено, что ОПОП направлена на замену отчуждения обментами между различными цивилизациями; столкновений - взаимным обучением; чувства превосходства - сосуществованием; она нацелена на укрепление взаимопонимания, взаимоуважения и взаимного доверия между различными странами. ОПОП рассматривается как путь к глобальному миру.

В сотрудничестве с ОПОП был создан АБИИ - Азиатский банк инфраструктурных инвестиций со штаб-квартирой в Пекине, который, согласно его официальному веб-сайту, является новым многосторонним финансовым учреждением, созданным для объединения усилий стран для удовлетворения огромных потребностей в инфраструктуре по всей Азии. Этому банку приписывают дальнейшее развитие связей Китая с остальным миром посредством международных финансовых операций и инфраструктуры финансирования.

Официально заявленных в ОПОП МТК [2]:

1. Новый Евразийский сухопутный мост.
2. ЭК «Китай—Монголия—Россия».
3. ЭК «Китай—Центральная Азия—Западная Азия».
4. ЭК «Китай—полуостров Индокитай».
5. ЭК «Бангладеш—Китай—Индия—Мьянма».
6. Китайско—Пакистанский экономический коридор (ЭК).

КНР придает стратегическое значение повышению связанности с АСЕАН. Это основной внутри-китайский коридор из Чунцина в залив Бэйбу (Тонкинский), а также дополнительные МТК в рамках ОПОП: ЭК Китай—Мьянма, транспортный коридор Китай—Лаос—Таиланд (с перспективой продления до Сингапура), железнодорожный и автомобильный коридор Китай—Вьетнам. Данные МТК вписываются и в план ЭСКАТО ООН по созданию в ЮВА паназиатской железнодорожной сети. Запланированы 3 железнодорожных коридора: центральный, из Куньмина через Лаос до Бангкока; западный через Мьянму и Таиланд и восточный через Вьетнам, Камбоджу и Таиланд. Все три маршрута встречаются в Таиланде, откуда железнодорожная линия продолжает соединять Малайзию и Сингапур [1].

Морской шелковый путь соединяет основные порты в Южно-Китайском и Средиземном морях через Бенгальский залив,

Восточноафриканское побережье и Суэцкий канал. Коридор включает в себя почти 30 портов [3]. Вдоль маршрутов происходит строительство гражданской и военной инфраструктуры, доходящей до Африки, а через Красное море и Ближний Восток - в Европу. Стоит отметить, что китайские инвестиции в инфраструктурные проекты чаще всего представляют собой кредиты с особыми условиями. В случае задержки выплат по займам соглашения могут предусматривать передачу Китаю контроля над портами или природными ресурсами страны-заемщика. Кроме того, значительная часть строительных работ выполняется китайскими компаниями и рабочими, а не местным населением. Это создает устойчивое присутствие Китая в регионах, где реализуются проекты в рамках МШП [6].

ОПОП сохраняет концептуальную гибкость и открытость. Сегодня конкретные траектории транспортных маршрутов в рамках большинства коридоров продолжают формироваться, что создает возможность частичного дублирования с существующими региональными и субрегиональными проектами. Коридоры ОПОП рассматриваются как интегрированные системы автомобильных и железнодорожных артерий, связывающие ключевые экономические узлы в пределах географических зон, определяемых потенциалом хозяйственного взаимодействия, а не административными или природными рубежами. Эти коридоры носят трансграничный характер, объединяя инфраструктуру нескольких государств.

Основные китайские порты МШП включают: Шанхай, Шэньчжэнь, Гонконг, Нинбо, Гуанчжоу, Цюаньчжоу, Циндао, Тяньцзинь, Далянь, Сямэнь. Основные зарубежные порты МШП, задействованные КНР, изначально сосредоточились на торговле с АСЕАН, а затем со странами Азии и Африки. Главная стратегическая цель - на десятилетия сохранить контроль Китая над этими объектами посредством долгосрочной аренды, по которой страны будут возвращать инвестиции в инфраструктуру КНР [6].

Итак, ОПОП охватывает 6 сухопутных и 1 морской МТК, каждый из которых играет ключевую роль в интеграции Китая с другими регионами мира. МШП создает альтернативы традиционным маршрутам. Мультиmodalность и транзитный потенциал этих коридоров создают возможность существенного снижения транспортных издержек, повышения скорости и надежности доставки грузов в межконтинентальном формате.

Библиографический список

1. Смирнов Е.Н. Трансформация международной торговли в условиях современных шоков развития мировой экономики // Международная торговля и торговая политика. 2025. Т. 11, № 1 (41). С. 5-26.

2. Международный транспорт, международная транспортная политика и транспортная дипломатия / Билялова Л.Р., Борисов А.Н., Бяшарова А.Р., Герман Е.И., Голубчик А.М., Демин В.А., Долбик-Воробей Т.А., Ефименко Д.Б., Жанказиев С.В., Илюхина С.С., Карелина Е.А., Кожанков А.Ю., Мальцева М.В., Мамедова И.А., Пак Е.В., Панфилов И.Д., Подхалюзина В.А., Полякова Т.Ю., Савченко-Бельский В.Ю., Савченко-Бельский К.А. и др. Учебник для магистратуры. М., 2022.

3. Темрокова А.З. Морской «Шелковый путь» и его роль в развитии межгосударственного сотрудничества Китая // Россия и Азия. 2025. № 2 (32). С. 30-39.

4. Хэ Миндзюнь. Концептуальные основы исследования международной торговли // Россия и Азия. 2024. № 4 (30). С. 81-95.

5. Шкваря Л.В., Юй Х. исторические аспекты формирования Великого шелкового пути // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2019. № 6. С. 124-132.

6. Юй Х., Шкваря Л.В. Исследование совместного российско-китайского строительства «ледяного шелкового пути» // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11. № 2. С. 833-848.

УДК 339.9

Цели региональной экономической интеграции в ЕАЭС и необходимость их развития

Саидов А.А.

*Научный руководитель: Шкваря Л.В., д-р экон. наук, профессор
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова*

Создание и развитие интеграционного объединения ЕАЭС имеет важные цели с точки зрения не только каждой страны в отдельности, но и всего региона. Еще с момента формирования западноевропейской интеграционной системы во второй половине XX века было установлено, что экономическая интеграция позволяет преодолевать кризисные и рецессивные тенденции, дает толчок развитию экономики и обеспечивает рост национального благосостояния граждан на основе 4-х экономических свобод – свободное передвижение капитала, рабочей силы, товаров и услуг внутри объединения.

В соответствии с теорией, а также теми конкретными задачами, которые стоят перед государствами ЕАЭС в различных сферах, в 2015 г. Высший Евразийский экономический совет обозначил главные направления развития экономической интеграции до 2030 г. [4]:

1. Достижение макроэкономической устойчивости, что очень важно с учетом того, что с 2014 г. мир экономически и политически разбалансировался окончательно, а та система сотрудничества, которая функционировала в XX веке «не работает», что подтверждают санкции, пиратские захваты в море кораблей независимых государств, и даже Президента суверенной страны. Для своей защиты и стабилизации ЕАЭС следует, на интеграционном (региональном) уровне, и на уровне каждой отдельной страны, предпринимать все возможные усилия по развитию экономики в тех секторах, которые у нее традиционно, в том числе во времена СССР, сформировались и функционируют (а также и сохранившиеся кооперационные связи), а также на основе развития новых возможностей стимулировать экономическую диверсификацию, повышать устойчивость своих экономик и социальной сферы и др.

2. Создание условий для роста деловой активности и инвестиционной привлекательности. Для развития экономической интеграции в ЕАЭС, как и в других региональных объединениях, нужны субъекты хозяйствования, которые взаимодействуют между собой, т.е. предприятия, прежде всего – частные, так как они более гибко реагируют на изменение рыночных и конкурентных условий. Странам нужно поддерживать свой бизнес, в том числе создавая условия для возможностей совместного предпринимательства субъектов из разных стран ЕАЭС, и создавать условия для того, чтобы у них были нормальные рыночные условия на всей территории ЕАЭС, независимо от того, какая страна является «материнской» для того или иного предприятия, и какая – принимающей. Это очень важное условие интеграционного развития, так как одни декларации государственных и надгосударственных структур не могут решать конкретные задачи производства, транспорта и других отраслей экономики и обеспечивать реальный экономический рост, а бизнесу должно быть выгодно вести деятельность, иначе она вестись не будет. Важно снижать тарифы в торговле и нетарифное регулирование [1].

3. Инновационное развитие и модернизация экономики. Сегодня мир развивается во многом не только на основе сырьевых ресурсов, но и на основе инноваций, которые в ЕАЭС пока не получили такого высокого уровня развития, как это необходимо для дальнейшего развития. Поэтому интеграционное взаимодействие именно в этой сфере очень важно, да оно и имеет традиционные основы, сформированные еще в СССР.

4. Финансовая составляющая и финансовый рынок ЕАЭС. На данном этапе ЕАЭС все еще не удалось создать развитый и цивилизованный финансовый рынок на своей территории. Поэтому как бизнес, так и интеграция в целом сталкиваются с целым рядом трудностей, даже в сфере оплаты экспорта. Во многом эти проблемы являются результатом санкций, которые США и ЕС, а также Япония, Канада и другие страны ввели против России и Беларуси. Тем важнее объединенному ЕАЭС найти решения, как организационные, так и технические, институциональные и другие, которые могли бы уменьшить сохраняющееся напряжение, вывести из серой зоны платежные обязательства и тем самым стабилизировать не только производство, но и взаимную торговлю, в том числе и с третьими странами.

5. Развитие инфраструктуры и транзитного потенциала критически важно для развития экономической интеграции. Данный вопрос в себя включает улучшение транспортных структур с целью улучшения состояния логистической системы для ускоренного перемещения товаров, доведение законодательства в соответствующих сферах до уровня благоприятствования в рамках международной интеграции, расширение участия стран во внешнеэкономических транспортных проектах и коридорах [3].

6. Развитие кадрового потенциала. Данный аспект необходим, чтобы уровень квалификации, способностей кадров шел параллельно с экономическим развитием интеграции. В некоторых странах региона с давних пор наблюдается дефицит высококвалифицированного персонала.

7. Сотрудничество в целях ресурсосбережения и повышения энергоэффективности. Данный вопрос вызывает пристальное внимание в связи с развитием глобальных трендов, в ЕАЭС нуждается в развитии [2].

8. Региональное развитие (межрегиональное и приграничное сотрудничество). ЕАЭС переводит отношения стран в приграничных зонах от формата двухстороннего до многостороннего.

9. Реализация внешнеторгового потенциала ЕАЭС сталкивается с нарастающей конкуренцией на мировом рынке. Для достижения придется решить такие задачи, как сокращение издержек в транзакционной цепочке, минимизировать влияние политических обстоятельств, сформировать дружественные отношения как минимум, «по периметру».

Но сегодня важно не только опираться на традиционные теории и подходы, но и искать новые направления сотрудничества, например, в сфере «зеленых» технологий и декарбонизации, в «голубых» сегментах экономики, а также в цифровизации необходимо быстрее внедрять современные технологии для развития интеграции и уменьшения

«цифровых разрывов», которые еще есть в ЕАЭС. Экологическая повестка и экономический рост взаимосвязаны между собой [5].

Вывод: зная базовую теорию экономической интеграции, можно точно сказать, что ЕАЭС, будучи региональной интеграцией, преследует традиционные цели в сфере экономического сотрудничества. Но нужно развивать направления интеграции в соответствии с современными реалиями и глобальными трендами.

Библиографический список

1. Ильясов П. В., Андреева Е. Л. Влияние нетарифного регулирования на международную торговлю ЕАЭС в условиях усиления протекционизма // Россия и Азия. 2023. № 3 (25).

2. Чиниев Д. Б. Современное состояние взаимной торговли в ЕАЭС: основные характеристики и тенденции // Россия и Азия. 2025. № 3 (33).

3. Международный транспорт, международная транспортная политика и транспортная дипломатия / Билялова Л.Р., Борисов А.Н., Бяшарова А.Р., Герман Е.И., Голубчик А.М., Демин В.А., Долбик-Воробей Т.А., Ефименко Д.Б., Жанказиев С.В., Илюхина С.С., Карелина Е.А., Кожанков А.Ю., Мальцева М.В., Мамедова И.А., Пак Е.В., Панфилов И.Д., Подхалюзина В.А., Полякова Т.Ю., Савченко-Бельский В.Ю., Савченко-Бельский К.А. и др. Учебник для магистратуры. М., 2022.

4. Шкваря Л.В. Международная экономическая интеграция в мировом хозяйстве. Сер. Высшее образование Бакалавриат. Москва, 2019.

5. Шкваря Л.В., Асмятуллин Р.Р. Проблемы взаимосвязи климатической повестки и экономического роста в ЕАЭС // Сегодня и завтра Российской экономики. 2023. № 113-114. С. 13-23.

УДК 8.82-312.4

A Comparative Analysis of the Russian Translations of Thomas Harris's Novel *Red Dragon*

Самсонова Е.А.

*Научный руководитель: Логинова И.Н., старший преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

The present study examines the Russian translations of the novel *The Red Dragon* by Thomas Harris published by different Russian publishing houses. The research focuses on the comparison of translation strategies used in editions

released by Eksmo and AST, as well as on identifying the differences between the translated texts and the original version.

The aim of this research is to analyze and compare the translated versions of the novel produced by the two publishers in order to identify lexical, stylistic, and semantic differences in relation to the original text. Such analysis makes it possible to evaluate the degree of translation accuracy and to determine how faithfully the translators convey the author's original meaning and stylistic features.

The relevance of this topic lies in the fact that many readers do not have the opportunity to read literary works in their original language. Translations into Russian therefore play an essential role in providing access to foreign literature for a wider audience. High-quality translation allows readers to engage with the narrative, characters, and atmosphere of a literary work without the need for dictionaries or translation tools.

The choice of this research topic is also determined by the scholarly interest in comparing the original literary text with its translated versions produced by different publishers. Translation decisions may significantly influence the perception of a literary work. For example, the addition of descriptive elements such as epithets may intensify imagery and emotional expressiveness, whereas more restrained lexical choices may create a darker or more neutral tone.

The object of this study is the novel *The Red Dragon* by Thomas Harris, which forms part of the well-known literary universe centered on Hannibal Lecter. The narrative also features Will Graham, an FBI profiler capable of understanding the psychology of serial killers, and Francis Dolarhyde, the main antagonist of the novel known as the "Tooth Fairy".

The plot is built around the three figures described above. Will Graham has to work as a profiler again at the request of his FBI chief and old friend Jack Crofford in order to find the maniac, who is nicknamed the "Tooth Fairy". To do this, he turns for help to the one who almost killed him last time – Hannibal Lecter, the cannibal whom Will put behind bars last time. Hannibal is a brilliant psychiatrist who can help Will create a psychological portrait of a maniac.

The next stage of the study involves the analysis of the publishing houses selected for comparison. The research focuses on the editions produced by Eksmo and AST, as these publishers were responsible for translating the novel *Red Dragon* by Thomas Harris into Russian.

Having outlined the chosen publishers, the study now proceeds to the analysis of the translated texts and their comparison with the original version.

The next stage of the research involves the analysis of the translation of epigraphs. An epigraph is a short quotation or statement placed before the main text of a literary work in order to introduce its central idea or thematic focus. The

edition published by Eksmo does not include an epigraph, although it is present in the original novel *Red Dragon* by Thomas Harris. The absence of this element can be considered a significant omission, as the epigraph plays an important role in shaping the reader's interpretation of the work. In contrast, the edition published by AST preserves the epigraph and therefore remains closer to the structure of the original text.

Table 1. A Comparative Analysis of the Russian Translations of the Novel *Red Dragon* by Thomas Harris Published by Eksmo and AST

	The original text	Eksmo Publishing House	AST Publishing House
Epigraph	One can only see what one observes, and one observes only things which are already in the mind. – ALPHONSE BERTILLON	Absent	Человек видит лишь то, что он замечает, а замечает то, что так или иначе присутствует в его сознании... АЛЬФОНС БЕРТИЛЬОН
Names	Will Graham, Dr. Hannibal Lecter Francis Dolarhyde	Уилл Грэм, Доктор Ганнибал Лектер, Фрэнсис Долархайд	Уилл Грэхем, Доктор Ганнибал Лектер, Фрэнсис Долархайд
Excerpt from the original text	"How much do you know?" "What was in the Miami Herald and the Times," Graham said. "Two families killed in their houses a month apart. Birmingham and Atlanta. The circumstances were similar." "Not similar. The same."	– Что ты об этом знаешь? – спросил Крофорд. – Не много. Лишь то, что напечатано в «Майами геральд» и «Таймс»: месяц назад в Бирмингеме была убита семья, позавчера в Атланте – вторая. В обоих случаях почерк схожий. – Не схожий, а одинаковый, – поправил Крофорд.	– Что тебе известно? – Только то, что писали в "Майами Геральд" и "Тайме", – ответил Грэхем. – С интервалом приблизительно в один месяц зверски вырезаны два семейства. В Бирмингеме и Атланте. И те, и другие убиты у себя дома. Обстоятельства преступлений аналогичны. – Аналогичны – не то слово. Одни и те же.

Another aspect of the analysis concerns the translation of proper names. The edition published by Eksmo renders the names of the main characters accurately. By contrast, the translation issued by AST contains an inaccurate rendering of the name of the profiler Will Graham. This discrepancy may be explained by phonetic features of the English language, since the letter "h" in the surname "Graham" is not pronounced.

In order to evaluate the overall translation strategies used by the publishers, a specific excerpt from the novel was selected for comparative analysis. The translation published by Eksmo demonstrates the use of a more interpretative or literary translation strategy. The translator introduces additional constructions such as "he answered" or "he asked," which are not explicitly present in the

original text. Furthermore, during the description of the murders of two families, the translation includes additional information that does not appear in the source text, namely: “a month ago, a family was killed in Birmingham; the day before yesterday, another in Atlanta.” Such additions represent a factual inaccuracy and lead to a distortion of the narrative details of the original work.

In contrast, the translation published by AST follows the source text more closely and avoids the introduction of additional stylistic devices or insertions. As a result, the content of the original work is conveyed more directly and with fewer deviations from the author’s narrative.

In conclusion, the analysis demonstrates that the Russian translations of the novel *Red Dragon* by Thomas Harris produced by Eksmo and AST differ both from each other and from the original text. The translation by Eksmo tends to employ a more literary and interpretative approach, which sometimes results in the omission of important elements of the text, such as the epigraph, as well as in the addition of details not present in the original narrative. The translation by AST, on the other hand, generally preserves the structure and content of the source text more accurately, although certain inaccuracies may occur in the rendering of proper names.

Bibliographic list

1. *Krasnii drakon* / Tomas Kharris; [perevod s angliiskogo V.V. Guseva]. – M.: Eksmo, 2023. 512 p.
2. *Krasnii drakon* / Tomas Kharris; [perevod s angliiskogo V.V. Guseva]. – M.: AST, 2008. 384 p.
3. *Red dragon* / Thomas Harris; Berkley books, 2008. 463 p.

УДК 314.74

The Migration Crisis in Europe and Its Implications for Russia in the 21st Century

Сычиков А.С., Чернышов И.Д.

*Научный руководитель: Грачёва Ю.В., старший преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

In 2015 Europe faced the largest inflow of refugees and asylum seekers since the Second World War: more than one million people crossed the EU’s external borders in a single year, many risking their lives on dangerous sea routes. Migration abruptly moved to the centre of European politics and security

debates and, at the same time, became an important external reference point for Russian discussions on migration, security and relations with the EU.

In 2015 more than one million migrants and refugees arrived in the EU, compared to about 280,000 arrivals in 2014. IOM data indicate roughly 1,005,000 irregular arrivals across the Mediterranean, of which over 820,000 landed in Greece and 150,000 in Italy, with only around 3% entering by land. The main countries of origin were Syria, Afghanistan and Iraq, alongside Kosovo, Albania, Eritrea, Nigeria, Iran and Ukraine, reflecting a combination of armed conflicts, political instability and socio-economic deprivation.

The humanitarian cost was extremely high: in 2015 more than 3,692 people died or went missing while trying to reach Europe, including over 3,770 deaths on the central Mediterranean route and about 800 in the Aegean Sea. Children accounted for about 20% of maritime arrivals and a disproportionate share of fatalities in the Aegean Sea, which strengthened the moral and emotional dimension of European debates.

The distribution of asylum seekers across EU member states was highly uneven. Frontline states such as Greece, Italy and Hungary faced strong pressure on asylum systems and local infrastructure, while some other members were reluctant to accept relocation quotas or preferred to tighten national control.

Media research shows that during 2015 the dominant framing in many EU countries shifted from a humanitarian image of refugees as victims towards a stronger emphasis on migration as a security threat. However, migrants soon became increasingly associated with terrorism, uncontrolled borders and risks for public order, which supported political demands for tougher border policies, new control technologies and temporary suspension of some Schengen provisions.

At the same time, a substantial part of academic and expert literature highlighted the economic and demographic contributions of migration, especially for ageing societies, and showed that asylum inflows did not necessarily worsen fiscal balances in the medium term. However, these arguments often had limited resonance in politicized public debates, where crisis and security narratives dominated.

Unlike the EU, Russia's main migration corridor is dominated by labour migrants from Central Asia and other CIS states. In the 2000s and early 2010s the corridor between Central Asia and Russia encompassed an estimated 2.7–4.2 million people—around 10–16% of the economically active population of Central Asia—making it one of the largest labour migration systems in Eurasia. In 2001–2011 more than 1.6 million citizens of Central Asian countries obtained Russian citizenship, many of them labour migrants and their families.

Recent assessments confirm that Russia remains the principal destination for Central Asian workers: in early 2023 about 350,000 citizens of Tajikistan, over 630,000 citizens of Uzbekistan and 173,000 citizens of Kyrgyzstan were working in Russia, with Central Asians forming the majority of foreign labour in construction, services and agriculture.

Russia has also received significant numbers of forced migrants from neighbouring conflict-affected territories. During the conflict in south-eastern Ukraine in 2014–2015, Russian migration authorities reported more than one million people arriving from the region, with several hundred thousand choosing long-term stay or resettlement. Later estimates suggest that, by 2022, at least 2.8 million border crossings from Ukraine to Russia had taken place, although the number of people who remained in Russia is difficult to determine and different sources give estimates of about 1.2 million and higher.

Thus, Russia faces a specific combination of migration pressures: long-term labour migration from culturally close post-Soviet states and episodic forced migration from neighbouring conflict zones.

Sociological studies indicate that a large share of Central Asian labour migrants are young men of working age with secondary or vocational education, employed mainly in low- and medium-skilled sectors, while the proportion of women and migrants with higher education is gradually increasing. Many migrants possess at least basic Russian and see integration into the Russian-language environment as a practical advantage for work and everyday life.

Compared with many EU states, where recent arrivals often come from linguistically and culturally more distant regions, this creates somewhat more favourable conditions for everyday communication and labour market integration in Russia, although it does not automatically remove social distance or discrimination. Russian research also points to internal problems: competition for low-paid jobs, concentration of migrants in specific urban districts, and the growth of xenophobic attitudes and politicization of the migration issue.

Russian migration policy over the last decade has combined stricter regulation of irregular migration—through registration, employer sanctions and border measures—with the preservation of legal channels for labour migration and selective integration instruments (language testing, educational programmes, simplified naturalization for certain categories).

Discourse analysis of Russian newspapers and expert texts allows three main discourses to be distinguished: security, humanitarian and geopolitical. Below they are summarised as they appear in the analysed materials.

Security discourse. In the security discourse migration is framed mainly as a security risk. In relation to the European crisis, refugees and other migrants are

associated with possible terrorism, crime and loss of control over borders; formulations about the “breakdown of the European migration regime” and “threats to stability” are characteristic. The EU is portrayed as divided and unable to protect its citizens, while Russia appears as a state that has preserved capacity to control borders, enforce migration rules and maintain public order. The image of the migrant is that of a potential risk carrier.

Humanitarian discourse. In the humanitarian discourse, present in part of media and expert publications, refugees are presented primarily as victims of wars and conflicts. Emphasis is placed on moral obligations, human rights and international conventions. Russia is often described as contributing to crisis resolution through diplomatic efforts and carefully planned military operations aimed at stabilizing conflict zones, rather than through mass reception of refugees. The EU appears as a space where humanitarian and security concerns intersect, and migrants as people in need of protection.

Geopolitical discourse. The geopolitical discourse links the European crisis to previous Western interventions and democratization projects in the Middle East and North Africa. In a number of texts it is argued that external interference by Western coalitions has destabilized these regions and that current refugee flows are an unintended consequence of those policies. Within this discourse the EU and the broader “West” are often presented as bearing primary responsibility for the crisis, while Russia is positioned as a responsible great power defending principles of sovereignty. Migration can also be discussed as a potential instrument of pressure when states on key transit routes influence the EU by signalling possible relaxation of border controls.

Thus, both the EU and Russia face migration challenges. At the same time, the main sources and cultural profile of migration differ, with Russia relying mainly on post-Soviet, often Russian-speaking migrants, and the EU facing more culturally distant flows. This partly explains the different trajectories of public debates and policy responses.

The concept of “weaponized migration” appears in discussions about both regions: in the European case it is linked to neighbouring regimes that threaten to facilitate flows towards the EU, while in the Russian case part of the literature warns that similar mechanisms could in principle be used against the Russian Federation. This underlines the need for long-term strategic planning and regional cooperation.

Despite political conflicts, migration and humanitarian cooperation remain potential areas for pragmatic interaction between Russia and the EU. Conflicts in the Middle East, North Africa and Eastern Europe generate population movements that affect both sides, and unmanaged migration crises can destabilize wider regions. Limited cooperation in fields such as border

management, information exchange and protection of vulnerable groups could therefore be in the rational interest of all parties, even in times of broader political tension.

In this perspective, the European migration crisis shows that migration is simultaneously a resource, a challenge and a possible instrument of pressure. Precisely for this reason, it requires informed, balanced and forward-looking policies rather than purely emotional reactions, both in Europe and in Russia.

Библиографический список

1. Ван Цзяньган. Последствия современных миграционных кризисов для социально-экономической ситуации // Социология. 2023. № 1. С. 128–132.
2. Beck M. Migration in the 21st century: Opportunity, calamity or weapon of war? A critical discourse analysis // RUDN Journal of Public Administration. 2019. Vol. 6. № 2. PP. 94–105.
3. Moen-Larsen N. “Victims of Democracy” or “Enemies at the Gates”? Russian Discourses on the European “Refugee Crisis” // Nationalities Papers. 2024. Vol. 52. № 2. PP. 430–445.

УДК 339.9

Технологическая кооперация в ЕАЭС: необходимость и возможность

Уемлянин Г.Е.

*Научный руководитель: Шкваря Л.В., д-р экон. наук, профессор
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова*

Интеграционное объединение Евразийский экономический союз является одним из наиболее крупных в мире по совокупному экономическому потенциалу и торговым параметрам, а также по объединенным транспортным и транзитным возможностям. Поэтому, несмотря на западное экономическое (в том числе торговое и финансовое) и политической давление, которое только усиливается в последние 10 лет и, видимо, может сохраниться на долгосрочную перспективу, многие страны, как соседствующие с государствами ЕАЭС, как Китай и Иран, так и далеко географически отстоящие от ЕАЭС, например, Индонезия [5] и Вьетнам, хотят сотрудничать с ЕАЭС и с его странами на двустороннем и многостороннем уровнях.

Стоит отметить, что ЕАЭС является примером классической экономической интеграции, которая находится на уровне полного

экономического союза, с развитыми «четырьмя свободами» – перемещения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы [6].

Однако есть один вопрос, на котором хотелось бы заострить внимание – это сфера технологий и технологической кооперации в ЕАЭС, так как она, несмотря на наличие «советской базы» и традиций [7], остается сегодня на очень низком относительно других сфер кооперационного и интеграционного сотрудничества уровне развития. В то же время, именно за технологиями, особенно высокими и цифровыми, будущее не только в плане стабильного социально-экономического развития в целом, но и конкурентоспособность ЕАЭС, уровень жизни его граждан (и особенно – степень их комфорта и возможностей реализации своего личного человеческого потенциала).

Наша гипотеза заключается в том, что технологическое развитие и технологическая кооперация в самом широком смысле этого слова обеспечит социально-экономический прогресс для стран ЕАЭС и объединения в целом как субъекта мировой экономики по ряду направлений – интеграционных, страновых, отдельных секторов экономики и бизнес-структур, а также кадрового развития и личностного роста.

Если говорить о социально-экономическом прогрессе, то стоит отметить, что именно современные новые и высокие технологии, особенно цифровые, способствуют диверсификации национальных экономик (в чем в странах ЕАЭС с их узкоспециализированными экономическими системами есть очень большая необходимость). Самостоятельно для многих стран решать технологические задачи очень сложно из-за отсутствия научной, производственной, финансовой базы и трудностей в сфере международного инновационного сотрудничества. В то же время внедрение различных достижений уже положительно сказывается на экономиках стран ЕАЭС [2]. Однако пока эти достижения не носят комплексного характера, который они могли бы приобрести исключительно при опоре на собственные силы и технологическую кооперацию со странами ЕАЭС, которые могли бы на кооперационных основах «выбрать» себе специализацию в рамках разделения труда и создавать высококачественный продукт для общерегионального рынка.

Устойчивый социально-экономический прогресс может обеспечить и рост уровня жизни. Но для этого нужно обеспечить повышение производительности труда, что возможно на основе внедрения современных инновационных средств производства. Это, в свою очередь, предполагает развитие производственной кооперации в инновационном секторе – для разработки современных технико-технологических решений

и внедрения впоследствии этих решений в реальном секторе экономики на территории всех стран ЕАЭС. Цифровизация может обеспечить снижение уровня бедности в странах ЕАЭС, многие из которых не отличаются высокими стандартами уровня жизни [4].

Конечно, для этого важно развивать национальные и общеЕАЭСовский рынки образования для того, чтобы можно было готовить собственные региональные и национальные кадры нужного уровня. Некоторые тенденции в этом направлении уже прослеживаются, например, в образовательный процесс все активнее внедряются цифровые технологии, которые обеспечивают высокий уровень образования и его диверсификацию в направлении новых специальностей [1]. Однако пока эти тенденции выражены недостаточно значимо и не смогли кардинально переломить ситуацию, тогда как основная масса кадров, в том числе и имеющей высшее образование, в ряде стран ЕАЭС все еще остается недостаточно квалифицированной и не соответствует мировым стандартам, не подходит для реализации высокого технологического прорыва в ЕАЭС.

Есть также примеры внедрения высоких технологий в отдельные сферы национальных экономик в странах ЕАЭС, например, в банковской, и в целом в финансовой сфере [2]. Это особенно важно сегодня, когда инвестиционное сотрудничество стран ЕАЭС с внешними и региональными партнерами не выступает сегодня катализатором внутреннего развития, а скорее сдерживает целый ряд направлений взаимодействия, особенно на уровне отдельных бизнес-структур, не получающих зачастую необходимой финансовой и кредитной поддержки от своих государств и от ЕАЭС в целом.

Региональное развитие (межрегиональное и приграничное сотрудничество). ЕАЭС переводит отношения стран в приграничных зонах от формата двухстороннего до многостороннего.

Реализация внешнеторгового потенциала ЕАЭС сталкивается с нарастающей конкуренцией на мировом рынке. Для достижения придется решить такие задачи, как сокращение издержек в транзакционной цепочке, минимизировать влияние политических обстоятельств, сформировать дружественные отношения как минимум, «по периметру».

Но сегодня важно не только опираться на традиционные теории и подходы, но и искать новые направления сотрудничества, например, в сфере «зеленых» технологий и декарбонизации, в «голубых» сегментах экономики, а также в цифровизации необходимо быстрее внедрять современные технологии для развития интеграции и уменьшения

«цифровых разрывов», которые еще есть в ЕАЭС. Экологическая повестка и экономический рост взаимосвязаны между собой [5].

Вывод: зная базовую теорию экономической интеграции, можно точно сказать, что ЕАЭС, будучи региональной интеграцией, преследует традиционные цели в сфере экономического сотрудничества. Но нужно развивать направления интеграции в соответствии с современными реалиями и глобальными трендами.

Библиографический список

1. Асмятуллин Р. Р. Особенности цифровизации образования в Узбекистане // Россия и Азия. 2022. № 3 (21). С. 41-53
2. Ашикбаева А. М. Экономическое развитие Казахстана и роль интеграции в ЕАЭС // Россия и Азия. 2021. № 1 (15). С. 34-41.
3. Раупов К. С., Бобоев М. У. Конкурентоспособность банков в Республике Таджикистан и влияние цифровизации // Россия и Азия. 2022. № 3 (21). С. 6-24.
4. Савинский А. В. Цифровое сотрудничество Киргизии в Центрально-Азиатском регионе: «нет» бедности? // Россия и Азия. 2022. № 3 (21). С. 73-86.
5. Шеров-Игнатъев В. Г. Торгово-экономические связи России с Индонезией // Россия и Азия. 2022. № 1 (19). С. 36-47.
6. Шкваря Л.В. Международная экономическая интеграция в мировом хозяйстве. Сер. Высшее образование Бакалавриат. М., 2019.
7. Шкваря Л.В. Инновационное развитие Российской Федерации в контексте участия в межгосударственной программе инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 г. // Инновации. 2010. № 11 (145). С. 11-14.

УДК 070.484

Анализ статей в СМИ англоязычной лингвокультуры периода проведения СВО

Федотов С.С.

*Научный руководитель: Мошкина Ю.В., канд. пед. наук, доцент
Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны имени
Маршала Советского Союза Л.А. Говорова*

С начала специальной военной операции, проводимой Россией с целью защиты мирного населения Донбасса, а также демилитаризации и денацификации Украины, на нашу страну вылилось много обвинений в

иноязычных СМИ. Касаемо взаимоотношений между основными оппонентами, англоязычные издательства имеют особый взгляд: часто используются слова и словосочетания, которые обедняют и оправдывают действия украинских властей и осуждают Россию, говоря о несправедливости противостояния.

Часто в статьях употребляются слова-триггеры с негативной окраской, направленные на гиперболизацию демонизации России: full-scale invasion (*полномасштабное вторжение*), ruthless attacks (*беспощадные атаки*). При этом подчеркивается и невыгодное положение Украины: loosened state (*ослабленное состояние*). В большинстве статей принято характеризовать конфликт максимально нечестным: unjustified conditions (*несправедливые условия*). Статьи под редактурой англоязычных агентств наполнены ярко-выраженными словами и словосочетаниями, которым свойственна роль гиперболизации. Помимо этого, широко востребованы конструкции из слов-триггеров, обозначающих серьёзность ситуации, что говорит о тяжёлой ситуации, возникшей в ходе вооружённого конфликта, как в пределах стран- участников, так и всего мира.

Важно отметить стиль написания: в текстах почти всегда используются конструкции It may/might/must be... (*может быть*), We/they presume/suppose (*мы/они предполагаем/ют*), presumably (*предположительно*), most likely (*наиболее вероятно*). Это свидетельствует о нерешимости иностранных издательств однозначно заявлять что-либо о вещах, в части касающихся конкретно Российской Федерации и Украины.

В статьях, посвященных непосредственному столкновению России и Украины, особо выделяют в основном действия Российской стороны. Senseless massacres (*бессмысленные зверства*) – выражение, сочетающее два довольно экспрессивных слова-триггера. При этом, часто говорится, что военнослужащие ВСУ несут *допустимые, сопутствующие потери* (Collateral damage).

Касаемо международных отношений, редакторы прибегают к частому использованию идиом. Самые популярные: to draw a line in the sand (*провести черту*), часто употребляется для обозначения решимости и стойкости позиции, употребляется по отношению решений президентов стран, вовлечённых в конфликт прямо или косвенно; cut and run (*все бросить и сбежать*) относится к действиям президента Украины Зеленского, касаемо встреч с представителями других государств. Особенно часто данная идиома стала встречаться после прихода к власти действующего президента США Трампа.

To pin someone down (*приструнить*), также является часто встречающимся выражением, при этом употребляется в широком спектре статей: от провокационных текстов о решениях тех или иных лиц, до официальных советов на международных саммитах и конгрессах, встречах между представителями стран и ведомств; обрело наибольшую популярность после серии интервью с Зеленским.

Значимая часть текста отводится к объявлению санкций или запретов по отношению к Российской Федерации, в которой прогнозируется крах потенциала России на международной арене и внутри государства, нередко упоминаются возможные политические кризисы. Для данной тематики характерны: провокативность заголовков, четко-выраженная политическая пропаганда ценностей определенных стран.

Из этого всего можно сделать вывод, что на данный момент на англоязычном поприще публицистики популярна тенденция к обращению всеобщего внимания к конфликту между Россией и Украиной, привлечения к коллективной ответственности за проведение боевых действий и призыву к открытой русофобии, с учётом подбора слов, с целью избежать излишней провокации верхов власти стран; ярко выраженное общее нежелание тех или иных лиц к переходу конфликта в мировой уровень, четко обозначены риски третьей Мировой войны и вероятность эскалации конфликта к этому.

Библиографический список

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студентов филол. и лингвист. фак. вузов. М.: Academia; СПб: Филол. фак. СПбГУ, 2004. 346 с.

2. Мошкина Ю.В. Структурно-содержательные особенности военно-политического дискурса: теоретические аспекты // Антропоцентрическая направленность лингвистических исследований поликультурного военного и политического дискурса. ЯВВУ ПВО, 2020. С. 123–131.

УДК 339.9

Необходимость и возможность решения «продовольственных разрывов» на глобальном и региональном уровнях в рамках современных глобальных тенденций цифровизации и экологизации и необходимость межстранового взаимодействия

Чухарев А.В.

*Научный руководитель: Шкваря Л.В., д-р экон. наук, профессор
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова*

В XXI веке существенно обострились многие глобальные проблемы, которые также в значительной, хотя и дифференцированной степени затрагивают различные регионы и континенты, прежде всего – развивающиеся. Одной из важных экономических, социальных и гуманитарных проблем современной экономики остается продовольственная проблема, которая в наибольшей степени затрагивает бедные и беднейшие регионы мира, а также – в значительной степени – густонаселенные государства, такие как Индия и Китай [1].

С другой стороны, такая «традиционная» глобальная проблема, как продовольственная (как и другие, столь же важные), подвергается определенной трансформации в современных условиях под влиянием тех изменений, которые сложились, особенно в последние 10 лет, в мире вследствие изменений, и весьма фундаментальных и комплексных, в мировой торговле [5], включая ее региональное переустройство (рост роли развивающихся стран в мировом товарообороте, особенно продовольственном) [6], укрепление позиций Российской Федерации на мировом продовольственном, особенно зерновом, рынке [2] и др.

Конечно, ситуация в сфере продовольственной проблемы на глобальном и региональных уровнях имеет тенденцию к обострению, так как имеет место рост населения, особенно в Африке, гипер-урбанизация, особенно в отдельных регионах Азии, общий рост уровня и качества жизни и спроса на продовольствие. Эти и другие тренды затрагивают даже беднейшие страны.

Но некоторые глобальные тенденции оказывают влияние на возможности решения продовольственной проблемы, но и обостряют эту проблему. Речь идет о цифровизации и экологизации.

Общеизвестно, что экологическая ситуация в мире имеет тенденцию к ухудшению под влиянием повышения температуры воздуха на Земле. Это повышение приводит к росту и ускорению опустынивания, деградации сельскохозяйственных земель, ухудшения ситуации в сфере использования воды в сельскохозяйственном производстве, прежде всего в растениеводстве, особенно в тех регионах, которые географически изначально расположены в неблагоприятных с точки зрения возможности ведения растениеводства, как, например, в странах Аравийского полуострова [4], и/или там, где требуется значительная ирригационная работа. Количество таких стран в мире растет, урожайность зерновых сокращается, а это обостряет продовольственную проблему. Более того, ситуация в экологической сфере не улучшится в среднесрочной перспективе.

Однако, на наш взгляд, такая глобальная тенденция, как цифровизация, охватывающая не только промышленное производство и социальную сферу, но и сельское хозяйство [3], в определенной мере может содействовать, хотя бы отчасти, решению глобальной продовольственной проблемы и смягчить ее на региональных и страновых уровнях.

В частности, человечество изобрело ряд технических решений, например, такие, как контроль, в том числе в гидрологическом плане, в наличии необходимых питательных веществ, в других параметрах состояния почвы, оптимизировать такие операции, как полив и внесение удобрений, в том числе – точечным образом, технические средства для определения «состояния здоровья» растений, предиктивную аналитику ситуации и др., которые уже применяются, как минимум, частично, в некоторых регионах мира [7].

Эти и другие цифровые решения позволяют экономить ресурсы, прежде всего воду, если речь идет о засушливых территориях, и при этом – без ущерба для культурного растениеводства в продовольственном и техническом аспектах. Они дают возможность более эффективного земледелия, что особенно важно для стран, не обладающих значительными финансовыми возможностями, а также повышать производительность труда, массово и комплексно сокращая трудозатраты, содействуя росту урожайности зерновых и тем самым обеспечивая технические цифровые возможности для решения проблемы нехватки продовольствия в мировом и региональном масштабах. Также цифровизация содействует сокращению потерь продукции растениеводства в процессе ее транспортировки и перевалки, так как цифровые технологии позволяют отслеживать и контролировать не только сам процесс перевозки в режиме он-лайн, но и температуру, влажность, другие важные параметры, что позволяет предотвращать потери качества (да и количества) перевозимой сельскохозяйственной продукции [3], особенно на длительные расстояния. Далее, цифровизация обеспечивает возможности более эффективного хранения зерновой продукции, так как контроль «климата» в зернохранилищах сегодня полностью контролируется интернетов вещей, искусственным интеллектом и другими цифровыми технологиями. Конечно, во многих странах развивающегося мира сохраняются финансовые, технологические, кадровые и другие страновые, а зачастую и региональные, проблемы, которые не позволяют им самостоятельно и в полной мере внедрять цифровые технологии в национальное сельское хозяйство, в частности, в растениеводстве и зерновом хозяйстве. Однако эта проблема отчасти решается с помощью международного

сотрудничества, например, Российская Федерация достаточно активно выступает не только как экспортер зерновых, но и как партнер в сфере цифровизации.

Подводя итог, можно отметить, что, несмотря на углубление продовольственной проблемы, в том числе в силу формирования все более неблагоприятной глобальной экологической ситуации, цифровизация как тенденция развития мировой экономики, может оказывать содействие отдельным регионам и странам, наряду с международным сотрудничеством, в смягчении «продовольственных разрывов».

Библиографический список

1. Чухарев А.В. Производство и импорт зерновой продукции как ключевые направления обеспечения продовольственной безопасности Китая // Россия и Азия. 2025. № 3 (33). С. 74-84.

2. Чухарев А.В. Потенциал и географическое распределение потоков российского зернового экспорта по регионам мира // Россия и Азия. 2024. № 1 (27). С. 31-44.

3. Новые тренды цифровизации: Россия и мир / Пономаренко Е.В., Дигилина О.Б., Шкваря Л.В., Вереникина А.Ю., Меланьина М.В., Налбандян А.А., Оганесян А.А., Рузина Е.И., Тырква Х.В., Павлов А.М., Пономарева В.С. М., 2023.

4. Русакович В.И. Сельское хозяйство Султаната Оман: современные особенности и роль современных технических возможностей развития // Сегодня и завтра Российской экономики. 2023. № 116. С. 52-62.

5. Смирнов Е.Н. Трансформация международной торговли в условиях современных шоков развития мировой экономики // Международная торговля и торговая политика. 2025. Т. 11. № 1 (41). С. 5-26. DOI: 10.21686/2410-7395-2025-1-5-28

6. Шкваря Л.В. Развивающиеся страны в мировой торговле: особенности в XXI веке // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2023. № 4. С. 98-110.

7. Шкваря Л.В. Страны Северной Африки: экономическое развитие и готовность к цифровизации // Международная торговля и торговая политика. 2022. Т. 8. № 2 (30). С. 105-117.

УДК 659.118.1

Video editing as a way to promote media products in modern media

Scherbakova D.A.

Academic Supervisor: Loginova I.N., senior lecturer

In our world, where visual transmission of information has increasingly begun to dominate, video content is becoming one of the most effective tools for promoting media products. In recent years, there has been a noticeable increase in interest in video formats across various platforms, such as social networks, video hosting sites, and streaming services. So, video editing plays a key role in creating engaging and memorable content that can capture audience's attention and increase engagement.

According to statistical research from Wyzowl, 91 percent of companies are using video as a marketing tool in 2026. This figure is 2 percentage points higher than in 2025 and represents a record high for the past decade. The survey also found that 93 percent of video marketers consider video an important part of their overall company strategy in 2026. This figure is 2 percentage points lower than in 2025, but still remains the dominant one over the past decade. This shows that video continues to be a widely adopted way to market [1].

Video editing is essential to enhance the quality, engagement, and impact of content on social media platforms. Videos have a unique ability to convey information, captivate audiences, and tell compelling stories. However, there are lots of videos circulating on social media. Social media companies use various methods, techniques and strategies to ensure that their videos get noticed and leave a lasting impact [2].

As cinematographers, videographers, wedding video producers, and video production companies they may have some of the best potential footage for scroll-defying videos. But the expertise to realize this potential lies with video editing.

Video editing carefully layers motion graphics, images, text, audio, and other effects like animation, visual effects etc. to make the visuals more interesting and engaging. All these compels the audience to view the video in its entirety and engage with your message. Engagement leads to conversions and that's how marketing performance is boosted.

The classical school of editing, pioneered by L.Kuleshov and S.Eisenstein, is now adapting to the demands of mobile platforms. The main challenge for modern media production has become the shrinking of the user's attention span. By 2025, according to Microsoft and Nielsen, the average time it takes a user to decide whether to continue watching content or skip ahead is less than 8 seconds. With constant scrolling and notifications, users simply don't have the patience to wait. The first few seconds are everything. Ultra-short content isn't a temporary trend, but the new norm. Today, people consume information in spurts and with

little patience. Clip-based thinking has become the standard. We want everything fast and immediate. Platform algorithms favor the Ultra Short format: higher completion rates, better reach, and a better chance of being featured in recommendations (especially if we're talking about TikToks, Youtube Shorts, VK-videos and so on). And brands that continue to use "classic" storytelling longer than 1.5 minutes simply can't keep up with audience's attention [3].

Maintaining brand consistency is crucial. Video editing tools empower to seamlessly infuse brand's identity into every piece of video content produced. Incorporating consistent branding elements such as logos, color schemes, and graphics, ensures you create a visual signature that resonates with the audience. This uniformity enhances brand recognition and fosters a sense of trust and familiarity among viewers [1].

Video editing can help boost audience engagement through various interactive features. Editor can seamlessly incorporate elements like captions, subtitles, and compelling calls to action. Doing so will transform passive viewers into active participants. These additions enhance the accessibility of the content and encourage viewers to take desired actions, whether it's liking, sharing, or commenting on videos. Moreover, creative editing techniques, such as dynamic transitions and visual effects, infuse excitement and intrigue into your content, captivating the audience's interest.

Also, well-edited videos convey professionalism and credibility. When social media content is polished and well-crafted, it instills trust in audience. This trust is crucial for building a loyal following and establishing brand as an authority in the industry. Moreover, professionalism in video editing goes beyond aesthetics; it also includes factors like sound quality and consistency. Viewers are more likely to stay engaged with high-quality, professionally edited videos, leading to higher viewer retention. This increased engagement can translate into improved conversion rates, as the audience is more inclined to take desired actions when they perceive brand as credible and trustworthy [2].

So, modern video editing, in the context of promotion, relies on the following principles:

1. High pacing: Reducing frame lengths and using jump-cuts (sharp transitions within a single scene) creates a sense of dynamism, preventing attention from shifting.

2. Visual hooks: Pacing the most aesthetically significant elements in the first seconds of a video to reduce bounce rates.

3. Hybridization of formats: using motion design elements, subtitles, and overlay infographics directly within the video sequence to facilitate content perception without sound.

Video editing tools are one of the factors in engagement. The promotion of a media product (be it a film, an educational course, or branded content) directly depends on the quality of its visual composition. Several aspects influence conversion:

1. Rhythmics editing and sound design: Beat-matching visuals and audio enhances emotional response and makes content catchier, which is critical for viral distribution.

2. Color grading: Using specific color schemes helps set the psychological tone of a message and enhance brand recognition (media product identity).

3. Narrative editing: The ability to create a logical chain through edits that arouse curiosity («open loops») compels viewers to watch the video to the end, which positively impacts algorithmic promotion on social media.

Now the role of short-form video platforms is high. The Tiktok, Reels, Youtube Shorts, Vk-videos and other phenomena changed the video editing paradigm. Professional editing in traditional programs (Adobe Premiere Pro, DaVinci Resolve) now competes with native mobile editing. There are specific techniques used to promote media products on these platforms. For example, seamless transition. The use of creative transitions between scenes becomes a standalone attraction, increasing repeat viewing. Also, using trending audio. Editing to popular sounds allows media products to be included in relevant algorithm selections.

The success of a media product today depends not only on the quality of the source material but also on the effective application of editing technologies to manage audience attention, emotions and behavior. Further development of the industry will be driven by the deep integration of editing solutions and machine learning algorithms, enabling the creation of highly targeted and emotionally resonant video content.

Bibliographic list

1. Video Marketing Statistics 2026. URL: <https://wyzowl.com/video-marketing-statistics/>.

2. Why video editing is crucial for social media campaigns. URL: <https://www.atulhost.com/why-video-editing-is-crucial-for-social-media-campaigns>.

3. Uspet za 8 sekund: kak pravilno sozdavat ultrakorotky content. URL: <https://markway.ru/blog/uspet-za-8-sekund-kak-pravilno-sozdavat-ultrakorotkij-kontent/>.

Секция 8. Актуальные проблемы массовой коммуникации

УДК 316.77:070.1

Особенности представления социокультурных проектов в медиапространстве

Андреева В.В.

*Научный руководитель: Цветкова О.Л., канд. пед. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В условиях цифровизации медиапространство становится не только каналом распространения информации, но и самостоятельной средой функционирования социокультурных инициатив. Для региональных проектов медиапредставление приобретает стратегическое значение, поскольку влияет на формирование имиджа, привлечение аудитории и устойчивость инициативы в долгосрочной перспективе.

Л.П. Шестеркина и А.Р. Марфицына определяют медиапроект как «разновидность социального проектирования в области медиа, представляющую собой творческую разработку, обладающую целеполаганием, задачами и характером проектируемых изменений, масштабом и конкретными сроками реализации; выполненную в использовании различных технологических платформ и направленную на достижение целей, имеющих важное социальное значение для развития общества» [3, с. 41]. Данное определение подчеркивает двойственную природу медиапроектов: с одной стороны, он реализуется в логике проектного управления, с другой – ориентирован на социально значимые результаты.

Ключевые особенности медиапроектов, распространяющиеся на социокультурные инициативы, включают: ориентацию одновременно на рынок товаров (создание контента) и услуг (реклама, коммуникационные площадки); необходимость поддержания баланса между экономической эффективностью и социальной миссией; потребление медиапродукта преимущественно в досуговое время; функционирование в условиях динамичной и неопределенной внешней среды; а также реализацию в контексте медиаконвергентности, то есть слияния различных технологий, форматов и каналов распространения информации [2, с. 137-138]. Указанные характеристики позволяют рассматривать социокультурные инициативы как особую форму медиапроектной деятельности, где

ценностное содержание и общественная значимость становятся определяющими факторами.

М.В. Шкондин рассматривает медиапространство как «систему информационных, организационных, экономических и других общественных отношений, существующую между производителями, распространителями и потребителями массовой информации и СМИ, формирующую в сознании аудитории медиакартину мира» [4, с. 145]. В данном контексте медиапространство выступает не только средством коммуникации, но и средой конструирования смыслов и общественных представлений.

Медиапространство приобретает особое значение для социокультурных проектов, когда целью является не материальный продукт, а формирование ценностей, знаний и социальных практик. Оно позволяет вовлекать аудиторию через интерактивные форматы, мультимедиа, социальные сети, онлайн- и офлайн мероприятия. Использование медиапространства расширяет охват, обеспечивает обратную связь, корректирует стратегию и повышает вовлечённость аудитории.

Медиапространство выполняет функции представления и сопровождения проектов: оно обеспечивает информационное присутствие, создает условия для диалога с аудиторией, формирует общественное мнение относительно того или иного проекта и стимулирует участие в нем. Следовательно, медиапрезентация проекта становится не вспомогательным инструментом, а структурным элементом реализации социокультурной миссии.

Социокультурные проекты решают значимые социальные задачи, поддерживают культурное наследие и создают новые формы коммуникации, сочетая проектный подход с социально-культурной направленностью. Их успешность зависит от системного подхода к структуре и технологии реализации, гибкого планирования и эффективной работы с медиа средой, превращающей заложенные культурные смыслы в доступный и интерактивный контент.

В рамках исследования был выполнен сравнительный анализ двух социокультурных инициатив, реализуемых на территории Ярославской области: проект «Текстиль» (г. Ярославль) и проект «Ленина 21» (г. Данилов). Для сопоставления были выделены следующие критерии:

- концептуальная направленность проекта и её влияние на стратегию медиапредставления;
- роль физического пространства в медиапрезентации;
- характер и форматы социокультурной деятельности;

- особенности работы с аудиторией;
- используемые медиаплатформы и каналы коммуникации;
- масштаб, регулярность и стабильность медиаприсутствия.

Проект «Текстиль» ориентирован на переосмысление индустриального наследия Ярославля и создание культурной площадки нового типа. Контент (публикации, афиши, репортажи) создает нарратив о трансформации пространства, его культурной ценности и включенности в урбанистический дискурс [6]. В свою очередь «Ленина 21» сосредоточен на сохранение исторического пространства малого города и вовлечение локального сообщества, медиастратегия менее активная, но более содержательная [5].

Существенное различие проявляется в роли физического пространства в медиапрезентации. «Текстиль» использует пространство фабрики Красный Перекоп как площадку для культурных практик, визуальный и текстовый контент подчеркивает масштаб и историю индустриальной среды. «Ленина 21» фокусируется на доме как на «главном действующем объекте»: публикации фиксируют процесс восстановления, раскрывают историю и контекст действий.

Различия прослеживаются также и в формате деятельности. Форматы «Текстиля» разнообразны – выставки, мастер-классы, экскурсии, лекции, аудиопрогулки; медиаконтент регулярный, формирующий динамичный образ. «Ленина 21» характеризуется ограниченным и нерегулярным набором активностей, акцент сделан на смысловую значимость контента.

Аудитория проектов также различна. «Текстиль» ориентирован на широкую аудиторию – жителей Ярославля, туристов, профессиональные сообщества; медиа стимулируют интерес, формируют имидж и узнаваемость. «Ленина 21» работает преимущественно с узкой, специализированной аудиторией – активисты, волонтеры, культурные сообщества; медиаконтент укрепляет внутренние связи и вовлечённость.

Соответственно различаются и используемые каналы коммуникации. «Текстиль» использует соцсети и сайт для массового охвата и формирования медиаобраза; «Ленина 21» – локальные платформы для поддержки коммуникаций внутри сообщества.

Различия в регулярности и масштабе публикаций отражают разные модели медиапредставления: для проекта «Текстиль» – активное медиасопровождение, широкий охват, формирование образа проекта; для «Ленина 21» – работа с локальным сообществом, контекстный контент и укрепление связей между участниками проекта. Интенсивность публикаций не критична: главное – соответствие медиастратегии

концепции проекта, реализация социокультурной миссии и поддержка связи со своей аудиторией.

Таким образом, проекты «Текстиль» и «Ленина 21» демонстрируют разные подходы к использованию медиапространства, отражающие их стратегические цели и специфику аудитории. «Текстиль» ориентирован на широкую аудиторию, активно использует социальные сети и стимулирует вовлечение участников через разнообразные мероприятия. «Ленина 21» работает с узкой локальной аудиторией, медиа здесь служат скорее для поддержки существующих коммуникаций. Исследование показывает, что медиапространство является гибкой и вариативной средой, адаптирующейся под цели, масштаб и характер проекта. Эффективное использование медиаплатформ требует четкого понимания стратегии и характера взаимодействия с аудиторией. В современных условиях медиапрезентация должна быть целенаправленной, соответствовать концепции проекта и способствовать реализации его социокультурной миссии.

Библиографический список

1. Боронина Л.Н., Сенук З.В. Основы управления проектами: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 134 с.
2. Плотников В.А., Шамина О.А. Медиапроект: понятие, особенности, аспекты управления качеством // Управленческое консультирование. 2022. № 9 (165).
3. Шестеркина Л.П., Марфицына А.Р. Проектная журналистика и современные тенденции журналистского образования // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2019. № 1. С. 40–48
4. Шкондин М.В. Функциональная целостность медиасистемы // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2014. № 2. С. 144–149.
5. Ленина 21 [Электронный ресурс]. URL: <https://lenina21.ru>.
6. Текстиль [Электронный ресурс]. URL: <https://txtl.space>.

УДК 659.4

Коммуникационное сопровождение услуг аренды загородной недвижимости в цифровой среде

Бойцова М.О.

*Научный руководитель: Виноградова К.Е., канд. полит. наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный экономический университет*

Рынок по предоставлению услуг аренды загородной недвижимости активно развивается, повышается уровень локальной конкуренции. Под локальной конкуренцией подразумевается ситуация, когда объекты расположены в непосредственной территориальной близости. В этих условиях необходима четко выверенная стратегия коммуникационного продвижения. Коммуникационное продвижение невозможно представить без использования цифровых инструментов: большинство коммуникационных кампаний реализуются в гибридном формате, сочетая онлайн- и офлайн-каналы взаимодействия с аудиторией [1].

Целью исследования является выявление и анализ эффективных особенностей коммуникационного сопровождения услуг аренды загородной недвижимости в цифровой среде, которые обеспечивают конкурентное преимущество. Основным методом исследования является кейс-стади – изучение коммуникационного сопровождения трех компаний-конкурентов, которые расположены в Ломоносовском районе Ленинградской области. Своей плотностью по размещению объектов аренды Ломоносовский район обязан близости к г. Санкт-Петербургу и к популярным туристическим локациям (например, таким как Петергоф, Музей-заповедник Ораниенбаум и др.), а также живописной природой. Гостевые дома и базы отдыха, которые расположены рядом характеризуются предоставлением схожих, а значит и конкурентных, основных и дополнительных услуг.

Критериями оценки эффективности коммуникационного сопровождения в рамках данного метода исследования послужили: охват представленности компании в цифровых платформах; функциональность цифровых ресурсов; информационная и визуальная специфика контента. Также мы изучили наиболее популярные типы контента, разделив их на шесть групп: информационный, развлекательный, пользовательский, продающий, вирусный и вовлекающий [5].

Первая компания-конкурент – база отдыха «Гармония», представлена на двух цифровых платформах: официальный сайт и социальная сеть «ВКонтакте». По проведении аудита сайта было выявлено, что он является многостраничным и включает разделы: «О нас», «Дома», «Сауна и купель», «Отзывы», «Контакты». Ключевой особенностью функционала сайта является наличие модуля «Бронирование», благодаря которому пользователь может совершить целевое действие без перехода на другую платформу. Подобный модуль размещен в сообществе «ВКонтакте» что, в свою очередь, увеличивает вероятность целевого действия. Контент-анализ постов (проанализировано 42 поста, размещенных в период октября 2024 г. по март 2026 г.) показывает, что основным типом контента является

продающий, посты содержат прямые призывы к действию. Также компания размещает вовлекающий контент – проводит розыгрыши, конкурсы, опросы, стимулирует пользователя совершить действие в сообществе (оставить комментарий, проголосовать, поставить реакцию, подписаться). Например, под одним из постов с розыгрышем в сообществе «ВКонтакте» от 24 декабря 2025 года пользователи оставили 289 лайков, 408 комментариев и сделали 60 репостов. Доля комментариев (53,9 %) и доля репостов (7,9 %) указывает на достаточную эффективность размещения вовлекающего контента. Также компания публикует пользовательский контент – отзывы реальных гостей. Благодаря своему живому тону такие материалы формируют доверие к бренду и сокращают психологическую дистанцию между компанией и ее потенциальными потребителями [4, с. 267].

Вторая компания-конкурент – загородные коттеджи ЁЛКИ имеет цифровое представительство в социальной сети «ВКонтакте», официальный сайт и собственное приложение для мобильных устройств. Опция бронирования возможна на всех трех платформах. В коммуникационном сопровождении компании прослеживается акцент на информационной и визуальной составляющих: подробно описаны услуги, размещены фото- и видеоматериалы об инфраструктуре комплекса. В социальной сети «ВКонтакте» компания преимущественно публикует вирусный контент, который отличается своей высокой виральностью. Часто размещаются «клипы» – короткие вертикальные видео, которые дают возможность «реализовать максимальное количество идей, интегрировать тренды, сделать контент более вирусным и релевантным» [3, с. 20]. Таким образом, компания в своем сообществе «ВКонтакте» при публикации «клипов» в 2025-2026 году активно привлекала новых подписчиков, поскольку видео попадали в рекомендации и их охват составлял не менее 1 тысячи просмотров. Наиболее высокие показатели были у клипов о трендах отдыха или оригинальных идеях досуга (до 9 200 просмотров).

При изучении коммуникационного продвижения третьей компании-конкурента – загородные коттеджи «Мишка на прудах», было выявлено, что компания ориентируется на мультиплатформенность. Бренд представлен на таких цифровых платформах как: социальная сеть «ВКонтакте», официальный сайт, мессенджеры Telegram и MAX. Все ресурсы взаимосвязаны интерактивными элементами, на каждом ресурсе есть возможность бронирования. Такой подход обеспечивает омниканальность, которая интегрирует разрозненные медиаканалы в единую систему для непрерывной коммуникации с целевыми аудиториями

[2, с. 139]. Например, для перехода между официальным сайтом и мессенджером Telegram используется интерактивный блок на сайте, который информирует о получении промокода при бронировании в Telegram-канале компании. Сравнительный анализ материалов за 2024-2026 гг. показал, что в большей степени контент дублируется на всех ресурсах, а преобладающим типом контента является продающий (информирование о специальных предложениях, сезонных акциях и скидках). В большей степени омниканальность поддерживается благодаря вовлекающему контенту и использованию таких форматов как розыгрыши и конкурсы. Например, при проведении розыгрыша от 2 февраля 2026 года одним из главных условий являлась подписка на сообщество компании «ВКонтакте». Поскольку информация о проведении конкурса дублируется, пользователи переходят в сообщество «ВКонтакте» с других платформ и таким образом, обеспечивается прирост подписчиков. Также мы можем отметить высокую вовлеченность пользователей на публикации с розыгрышем в отличие от других постов – 209 лайков, 455 комментариев и 57 репостов. В данном случае комментарии составили более 60 % от всех взаимодействий – это крайне высокий показатель, который свидетельствует о том, что публикация стимулирует активное участие.

Таким образом, по результатам исследования было выявлено, что у каждой из компаний-конкурентов на рынке услуг аренды загородной недвижимости в Ломоносовском районе сформировались как общие, так и различные особенности коммуникационного сопровождения в цифровой среде. Среди общих особенностей: возможность бронирования на всех платформах, акцент на информационной и визуальной достаточности контента. Тем не менее, у компаний-конкурентов сформировались и свои особенности коммуникационного продвижения. Компания «Гармония» делает акцент на продающем, вовлекающем и пользовательском контенте. Проведение конкурсов, розыгрышей и опросов позволяет поддерживать постоянную вовлеченность аудитории. Компания «ЁЛКИ» отдает предпочтение вирусному контенту в формате коротких видеороликов. Компания «Мишка на прудах» уделяет внимание омниканальности, обеспечивая переходы пользователей между своими платформами, таким образом поддерживая активность на всех платформах сразу. Омниканальность выступает фактором удержания аудитории, однако без дифференциации контента по платформам существует риск снижения уникальности коммуникационного опыта.

В условиях локальной конкуренции компании по предоставлению услуг аренды загородной недвижимости уделяют внимание качеству коммуникационного продвижения, визуальной и информационной подаче,

интерактивности. Анализ кейсов показал, что эффективность коммуникационного продвижения в цифровой среде определяется не отдельными инструментами, а степенью взаимосвязи контентной стратегии и уровня интеграции каналов.

Библиографический список

1. Виноградова К.Е. Цифровая стратегия продвижения бренда в коммуникационной стратегии организации // Коммуникации в условиях цифровой трансформации: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 29–30 ноября 2022 года. СПб: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2022. С. 42-45.

2. Емельянов С.М. Коммуникационная стратегия брендинга в условиях цифровых технологий // Брендинг как коммуникационная технология XXI века: Материалы VII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 01–02 марта 2021 года / Под редакцией А.Д. Кривоносова. СПб: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2021. С. 136-140.

3. Кащук А.А. Тренды цифрового видеоконтента: вертикальный формат кадра и актуальные платформы // Коммуникации в условиях цифровых изменений: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 28–29 ноября 2023 года. СПб: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2023. С. 19-21.

4. Сухостав Е.В. Влияние пользовательского контента на доверие к бренду // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 10 (128). С. 265-269.

5. Цифровые технологии в рекламе и связях с общественностью / К.В. Аксенов, К.Е. Виноградова, А.А. Горячев [и др.]. Пб: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2020. 107 с.

УДК 070:654:331

Медиапроект «Ближе к делу» как двусторонняя платформа профориентации и HR-коммуникаций

Буторина Т.С.

*Научный руководитель: Цветкова О.Л., канд. пед. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Современная молодежь функционирует в условиях беспрецедентной информационной перегрузки. Появление новых профессий, цифровизация экономики и стремительная трансформация рынка труда существенно усложняют процесс профессионального самоопределения [1]. Согласно данным ВЦИОМ (2023), 50% российских школьников либо не уверены в выборе профессии, либо вовсе не имеют профессиональных ориентиров [4]. Одновременно 65% компаний в России испытывают трудности с наймом мотивированных молодых специалистов, что свидетельствует о системном разрыве между системой образования и актуальными запросами рынка труда.

Традиционные методы профориентации (тестирование, лекции, консультации) демонстрируют недостаточную эффективность при работе с поколением Z, психологические особенности которого характеризуются клиповостью восприятия, визуальным центризмом и выраженным недоверием к официальным источникам информации [2; 3]. В сложившихся условиях возникает объективная потребность в новых инструментах, способных соединить запросы молодежи и потребности бизнеса в едином доверительном коммуникативном пространстве.

Цель данной статьи — представить и обосновать модель двусторонней профориентационной платформы на примере проекта «Ближе к делу», в которой производство контента для бизнеса становится основой устойчивого развития сообщества для молодежи.

Поколение Z (родившиеся в 1997–2012 гг.) характеризуется цифровой нативностью: онлайн-пространство выступает для его представителей естественной средой коммуникации, обучения и поиска информации [3]. Среди ключевых психологических особенностей данной возрастной группы исследователи выделяют: визуальный центризм, фрагментарность восприятия, прагматизм, запрос на аутентичность и недоверие к официальным источникам информации [2].

Кризис профессионального самоопределения в цифровую эпоху детерминирован двумя ключевыми факторами.

Во-первых, информационный шум: молодые люди сталкиваются с избыточным потоком противоречивых сведений, рейтингов и стереотипов о профессиях. Отсутствие доверенных фильтров приводит к тому, что выбор осуществляется фактически вслепую.

Во-вторых, доминирование клипового восприятия: неспособность к длительной концентрации внимания делает неэффективными традиционные форматы профориентационной работы.

Эмпирические данные подтверждают системный характер проблемы: 19% школьников не знают, где найти подходящий вуз, 14% испытывают

дефицит информации о профессиях, 11% не имеют поддержки родителей в вопросах профессионального выбора [4].

Проект «Ближе к делу» реализован как двусторонняя платформа (B2B2C), интегрирующая молодежную аудиторию и работодателей посредством производства специализированного контента.

Для молодежной аудитории (B2C) проект выполняет функцию карьерного навигатора и включает:

- открытое сообщество в социальной сети ВКонтакте с бесплатным профориентационным контентом (подкасты с экспертами, короткие видео, тесты, полезные материалы);
- закрытый канал в мессенджере Telegram с эксклюзивным контентом (стажировки, вакансии, шаблоны резюме) на условиях ежемесячной подписки.

Для бизнес-структур (B2B) проект выступает в качестве креативного производственного агентства, предлагая комплексные решения по формированию HR-бренда и повышению узнаваемости компании:

- размещение вакансий в сообществе с применением медиаинструментов;
- производство аудиовизуального контента (подкасты, видеоинтервью с сотрудниками, посты и проморолики);
- аналитическое сопровождение и оценка эффективности коммуникации с целевой аудиторией.

Ключевое конкурентное отличие проекта заключается в трансформации языка коммуникации между компаниями и потенциальными сотрудниками. Вместо формализованных описаний вакансий проект транслирует ценности, корпоративную культуру и миссию организаций на язык, релевантный восприятию поколения Z, — через экспертные подкасты, истории сотрудников и видеоэкскурсии. Сообщество выполняет функцию «витрины», где работодатели демонстрируют свою аутентичность, а молодежь получает возможность увидеть реальную профессиональную среду.

Оценка эффективности проекта осуществлялась с применением комплекса методов: количественный анализ метрик социальных сетей, анкетирование целевой аудитории (N=106), контент-анализ обратной связи. Количественные результаты апробации за первый месяц работы (август–сентябрь 2025 г.) представлены в таблице 1.

Таблица 1. Ключевые показатели эффективности медиапроекта «Ближе к делу»

Показатель	Август	Сентябрь	Динамика, %
Аудитория сообществ (совокупно)	37	120	+324
Средний охват публикации	836	1154	+138
Количество посещений	527	1017	+193
Просмотры контента	9 600	18 300	+191

Экспоненциальный рост аудитории (+324%) свидетельствует о востребованности предложенного формата. Опережающая динамика показателей вовлеченности (охват +138%, просмотры +191%) подтверждает соответствие контент-стратегии паттернам медиапотребления целевой аудитории. Качественные результаты, полученные в ходе опроса участников сообщества, представлены на рисунке 1.

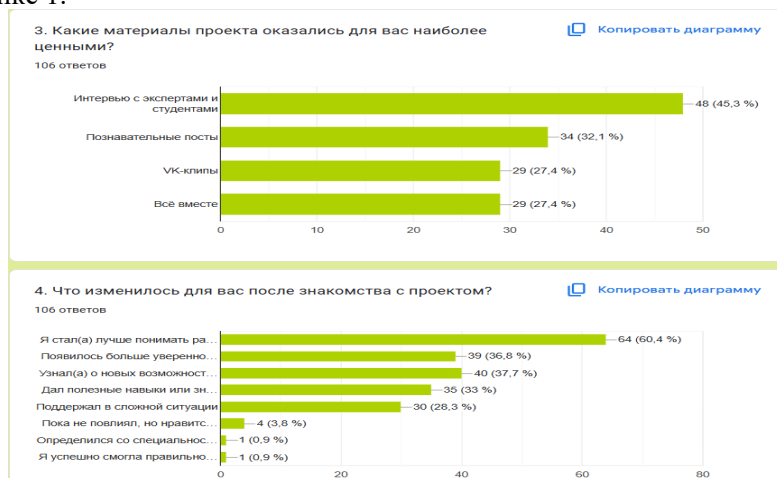

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов о влиянии проекта на процесс профессионального самоопределения (N=106)

60,4% респондентов отметили повышение уровня информированности о существующих профессиях, 36,6% указали на рост уверенности в профессиональном выборе. Контент-анализ обратной связи фиксирует формирование доверительного отношения к проекту и снижение

ситуативной тревожности, связанной с необходимостью профессионального самоопределения.

Опыт реализации проекта «Ближе к делу» демонстрирует, что современная профориентация может приобретать экономически устойчивые формы при условии выстраивания двусторонней платформенной модели. Производство контента для бизнеса (подкасты, видеоинтервью, сторителлинг) выступает драйвером развития бесплатного сообщества для молодежи, а сформированная лояльная аудитория становится ценным активом для работодателей, заинтересованных в привлечении мотивированных молодых специалистов.

Предложенная модель не только способствует решению проблемы профессионального самоопределения в условиях информационной перегрузки, но и формирует качественно новый уровень коммуникации между поколениями, где доверие и аутентичность выступают базисными основаниями выбора. Проект обладает потенциалом тиражирования в других регионах и предметных областях как эффективный инструмент реализации государственной молодежной политики.

Библиографический список

1. Бурнаева Е.М., Саломатова С.Н. Цифровая профориентация как необходимая реальность // Управление образованием: теория и практика. 2022. № 1 (47). С. 34–43.

2. Зверева Е.А., Хворова В.А. Поколения Y и Z: особенности медиапотребления // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. № 6. С. 132–139.

3. Осипов К.В. Специфика молодёжной интернет-аудитории [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-molodoyozhnoy-internet-auditorii/viewer>.

4. Профориентация: хорошо, но мало! [Электронный ресурс]. URL: <https://share.google/0OCJTpvS2QmnWEZf3>.

УДК 070:004.738.5:008

Типология моделей подкастов культурной тематики в русскоязычном медиaprостранстве

Воронова Д.С.

*Научный руководитель: Цветкова О.Л., канд. пед. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Подкастинг закрепился в цифровом медиапространстве как устойчивый формат. Особое место занимают подкасты о культуре. Они не только информируют, но и предлагают способы интерпретации искусства, кино, литературы. При внешнем сходстве такие проекты реализуют разные редакционные стратегии. Цель работы заключается в выделении моделей культурных подкастов на основе сравнения содержательных, структурных и организационных параметров.

Материалом стали три русскоязычных проекта. Они отобраны по принципу тематической близости и различия производственных моделей. Это подкасты «Зачем я это увидел?» (Arzamas), «Крупным планом» (Кинопоиск), «(Не)критично» (независимый проект). Методом выступил контент-анализ эпизодов за период октябрь 2024 – октябрь 2025 года. Анализ проводился по пяти блокам параметров: формальные характеристики, тематика, дискурс, интерактивность, организация.

В результате выделены три модели. Они различаются по способу производства, целевой аудитории и функции.

Первая модель называется институционально-музейной. Проекты этого типа создаются в партнёрстве с культурными институтами. Примером служит подкаст «Зачем я это увидел?» (Arzamas). Его ведущие – редактор и заместитель директора Пушкинского музея. Тематика привязана к событийной повестке музеев и выставок. Хронометраж длинный (47–95 минут), периодичность нерегулярная и синхронизирована с календарём событий. Дискурс строится на совместном размышлении ведущих. Термины объясняются через метафоры. Аудитория состоит из слушателей с начальным интересом к культуре. Функция заключается в адаптации институционального знания для широкой публики.

Вторая модель называется корпоративно-массовой. Проекты производятся крупными медиаплатформами. Примером выступает подкаст «Крупным планом» (Кинопоиск). Тематика подчинена новостной повестке и потребительскому спросу. Основное содержание – обсуждение премьер и массовых жанров. Частота выпусков высокая (до пяти в месяц), хронометраж короткий или средний (17–65 минут). Дискурс строится на диалоге с распределением ролей между ведущими. Один выполняет функцию журналиста-энтузиаста, другой – эксперта-академика. Аудитория массовая и ориентирована на навигацию в культурном потоке. Функция проекта сводится к помощи в выборе и формированию потребительских привычек.

Третья модель называется независимо-профессиональной. Проекты создаются малой командой, часто без прямой коммерческой цели. Примером служит подкаст «(Не)критично». Ведущие – искусствоведы,

выпускники ВШЭ. Тематика сфокусирована на внутренних механизмах культурной индустрии. Обсуждаются экспертиза, карьерные стратегии, профессиональные проблемы, этические дилеммы. Периодичность умеренная (два выпуска в месяц), хронометраж средний (35–40 минут). Дискурс строится на интервью с гостем или равноправном диалоге. Акцент делается на личном опыте и рефлексии. Аудитория узкая, профессиональная. Функция заключается в критическом анализе индустрии и формировании профессионального сообщества.

Основания для выделения моделей заданы тремя факторами. Первый фактор – способ производства и тип учредителя. Институциональные проекты опираются на поддержку музеев или университетов. Корпоративные встроены в экосистему платформ. Независимые существуют за счёт ресурсов команды. Второй фактор – отношение к временной повестке. Одни проекты синхронизированы с внешними событиями. Другие работают в режиме оперативного реагирования. Третьи подчиняются внутренней редакционной логике. Третий фактор – глубина проработки материала и степень подготовленности аудитории. Массовые проекты ориентированы на быструю навигацию. Институциональные предлагают развёрнутое осмысление. Профессиональные сосредоточены на анализе скрытых механизмов.

Сравнение моделей показывает, что различия не сводятся к тематике или стилю ведущих. Каждая модель представляет собой устойчивую комбинацию производственных условий, редакционных решений и аудиторных ожиданий. Институционально-музейная модель работает с культурным наследием и переводит академическое знание на доступный язык. Корпоративно-массовая модель встраивается в повседневные практики и предлагает оперативную навигацию. Независимо-профессиональная модель создаёт пространство для рефлексии над нормами и границами самой индустрии.

Предложенная типология может использоваться для прогнозирования развития сегмента культурных подкастов. Она также применима для разработки новых проектов с учётом целевой аудитории и доступных ресурсов.

Библиографический список

1. Ануфриева Г.В. Подкасты как новая дискурсивная практика русскоязычных масс-медиа / Г.В. Ануфриева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. № 10. С. 45–51.
2. «Зачем я это увидел?»: подкаст. URL: <https://arzamas.academy/podcasts/299>.

3. Круглова Л.А. Проблемы подкастинга в России / Л.А. Круглова, Д.З. Мамедов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. № 6. С. 112–119.

4. «Крупным планом»: подкаст. URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/podcasts/>.

5. «(Не)критично»: подкаст. URL: <https://vk.com/nekritichnopodcast>.

УДК 659.1.012.12

Просветительские подкасты как способ формирования информационной грамотности

Ворохобина С.Д.

*Научный руководитель: Шустина И.В., канд. филол. наук, доцент
Финансовый университет при правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В современном мире общество стремительно меняется из-за огромных потоков информации и повсеместного внедрения цифровых технологий. На первый план выходит информационная грамотность, которая подразумевает навыки поиска, критической оценки, анализа и применения информации. Эффективным средством ее формирования являются просветительские подкасты — формат массовой коммуникации, сочетающий в себе доступность, удобство и мощный образовательный заряд.

Влияние просветительских медиа, в частности подкастов, на развитие информационной грамотности имеет многогранный характер и осуществляется через ряд взаимосвязанных процессов. Основным механизмом выступает моделирование исследовательского поведения. Хорошо сделанный просветительский подкаст часто выстраивается как расследование: ведущий формулирует вопрос и наглядно показывает путь к его решению. В процессе расследования он привлекает различные источники: архивные материалы, научные статьи, интервью с экспертами и подвергает их критическому анализу. Таким образом, подкаст становится своего рода «методологическим проводником», иллюстрируя слушателю последовательность поиска информации и критерии оценки её достоверности. Другим важным механизмом является стимуляция критического и аналитического мышления. Это достигается через столкновение аудитории с разнообразием взглядов в формате обсуждений или диалогов с представителями разных научных направлений, что

формирует умение скептически воспринимать упрощенные объяснения. Помимо этого, задача разбора сложных идей и их доступного изложения помогает слушателю понять структуру знаний в той или иной сфере, что служит базой для самостоятельной критической рефлексии. Многие проекты активно противодействуют мифам и дезинформации, показывая на конкретных примерах механизмы их появления, что эффективно защищает от манипулятивных воздействий.

Значимую роль играет и формирование мотивационного фундамента. Захватывающий и качественный просветительский контент способен вызвать у аудитории интерес к познанию, любопытство и осознанную потребность в достоверных сведениях.

Осознание важности экспертных знаний, формируемое через регулярное потребление такого контента, превращается в мощный внутренний стимул для самостоятельного развития навыков информационной грамотности. Опосредованное влияние на это оказывает и сама природа аудиоформата, который, в отличие от визуальных медиа, развивает навыки концентрации, восприятия сложной информации на слух и абстрактного мышления, что является важным дополнением для эффективной работы с информацией.

Для решения исследовательских задач была выбрана стратегия качественного анализа просветительских медиа, ориентированных на популяризацию научного знания и развитие навыков работы с информацией. В качестве эмпирической базы исследования использованы три российских подкаст-проекта: «Arzamas», «ПостНаука» и «Хакни мозг». Эти подкасты отличаются тематическим охватом, форматом и аудиторией, что позволяет рассмотреть формирование информационной грамотности с разных сторон – от академически точной лекционной подачи до более свободной, популяризаторской интерпретации научных идей.

На основе контент-анализа трех популярных российских проектов удалось выявить специфику их тематического наполнения, особенности научно-популярной подачи и характерные модели представления знаний. Результаты исследования показали, что каждый подкаст формирует информационную грамотность посредством собственных специфических механизмов. «Arzamas» ориентирован на гуманитарное знание и способствует развитию навыков интерпретации культурных текстов, исторических фактов и сложных антропологических концептов. Подкаст помогает слушателям увидеть многослойность культурных явлений, научиться критически относиться к источникам и учитывать вариативность интерпретаций. «ПостНаука» акцентирует внимание на

научной строгости и доказательности информации, демонстрируя слушателям методы современной науки и подчеркивая важность проверки данных, достоверных источников и научной аргументации. Благодаря этому у аудитории формируются элементы научной и цифровой грамотности, способность распознавать псевдонаучные суждения и корректно интерпретировать результаты исследований. «Хакни мозг», в свою очередь, ориентирован на психологическую и нейробиологическую проблематику. Он помогает раскрыть природу когнитивных искажений, объясняет механизмы восприятия и мышления, а также критикует популярные мифы о работе мозга и психических расстройствах. Таким образом, слушатели учатся более осознанно относиться к информации о здоровье, поведении и психологических процессах.

В совокупности контент-анализ показал, что просветительские подкасты действительно обладают значительным образовательным потенциалом и представляют собой эффективный инструмент формирования информационной грамотности. Они соединяют научность содержания с доступной формой изложения, создают условия для формирования критического взгляда на информацию и стимулируют аналитическое мышление. Регулярное обращение к подобным медийным форматам способствует развитию устойчивых навыков оценки достоверности данных, пониманию происхождения научных знаний, умению выявлять манипуляции и избегать поверхностных интерпретаций.

Библиографический список

1. Официальный сайт «Arzamas» [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/mag>.
2. Официальный сайт «ПостНаука» [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/postnauka>.
3. Официальный сайт «Хакни мозг» [Электронный ресурс]. URL: <https://mozg.mave.digital/>.
4. Информационная грамотность [Электронный ресурс]. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Информационная_грамотность.

УДК 659

Гость как архитектор диалога: анализ интервью в программе «Подкаст.Лаб»

Галкина А.С.

*Научный руководитель: Шустина И.В., канд. филол. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Современная массовая коммуникация активно трансформирует традиционные жанры, стремясь удержать внимание аудитории. Особую популярность сегодня приобретает портретное интервью: зритель жаждет заглянуть за кулисы жизни известных людей [1]. В научной традиции интервью определяется как диалог журналиста и респондента с чёткой фиксацией ролей [2], акт коммуникации, направленный на получение общественно значимой информации [4]. Семантика слова восходит к английскому «inter» (взаимодействие) и «view» (взгляд, мнение), что подчёркивает суть жанра — обмен мнениями, фактами и сведениями [3].

Особое место занимает телеинтервью — аудиовизуальный формат живого общения, где журналист работает в режиме реального времени без права на монтаж [1]. Успех такого интервью зависит от остроты тем, живых вопросов и умения интервьюера управлять диалогом [5].

Программа Первого канала «Подкаст.Лаб» позиционирует себя как «ночные разговоры, которые невозможно пропустить». Это цикл интеллектуальных дискуссий с компетентными экспертами и актуальными спикерами. В рамках данного исследования проанализированы три выпуска рубрики «Не лыком шиты»: «Ювелирные украшения», «Русский след в истории Коко Шанель» и «Бал: этикет и дресс-код». Цель анализа — выявить, как личность гостя влияет на организацию диалога и превращение интервью в тематический подкаст.

Оценка интервьюируемых проводилась по 12 критериям: вовлеченность в диалог, уровень знаний в теме, умение слышать и слушать (разделены), невербальная коммуникация, использование конкретных примеров и статистики, репутация гостя, контроль громкости и темпа речи, эмоциональный фон, зрительный контакт, реакция ведущего, использование примеров из жизни (добавлен в ходе анализа).

Ключевым инструментом стал количественный подсчёт ответов по трём категориям: фактологические знания по теме, использование конкретных примеров и статистики, обращение к личному опыту.

Выпуск 1 «Ювелирные украшения» (модель «звезда + эксперт»). Ольга Серябкина продемонстрировала модель поведения неэкспертной звезды. Уровень её знаний в теме оказался невысок — всего 6 фактологических реплик и 3 отсылки к статистике против 15 ответов, наполненных личным опытом. Певица чувствовала себя комфортно: открытая поза, спокойный темп речи, расслабленная мимика. Из 16 вопросов ведущей лишь два касались профессиональной стороны подкаста, остальные — личного опыта. Серябкина стала «мостиком» между зрителем и экспертом, задавая вопросы («Что такое кольцо безопасности?») и провоцируя эксперта на развернутые ответы. Юлиана Коцоева, стилист по украшениям, выступила

классическим экспертом: 22 ответа по теме, 16 с конкретными примерами. Она продемонстрировала уверенную подачу и умение слушать. Из 33 вопросов к ней лишь 9 были личными, остальные — профессиональные. Ведущая намеренно начинала с разогревающих вопросов, чтобы снять напряжение в кадре, но Юлиана быстро включилась в диалог. Итог выпуска: гармоничный подкаст, где звезда привлекла аудиторию, а эксперт удержал её содержанием.

Выпуск 2 «Русский след в истории Коко Шанель» (конфликт экспертов). Елена Елисеева — настоящий эксперт: 34 фактологических ответа, 17 с конкретными примерами, всего одна история из личного опыта. Однако в студии она оказалась в позиции мудрого наблюдателя: второй эксперт, Ольга Михайловская, взяла на себя роль соведущей. Елена ни разу не перебила собеседниц, сохраняла открытую позу, спокойную мимику и уверенный зрительный контакт, даже когда её перебивала собеседница. Ольга Михайловская при глубоких знаниях (30 фактологических ответов, 17 с примерами) продемонстрировала отсутствие навыка активного слушания. Она регулярно перебивала и ведущую, и коллегу, диалог то и дело превращался в монолог. Невербальные сигналы выдавали напряжение: при активной мимике тело оставалось зажатым, зрительный контакт — урывками, в некоторых моментах считывалась ирония к словам собеседников.

Татьяна Геворкян не делала замечаний, она невербально (поворотом корпуса, прямым взглядом) адресовала вопросы Елисеевой. Типология вопросов: 10 закрытых, 6 открытых, 3 каскадных, 3 справочных. Закрытые вопросы доминировали, так как ведущей требовалась сверить собственные знания с реальностью. Итог выпуска: содержательный подкаст, но с напряженной динамикой. Экспертиза без эмоционального интеллекта создает турбулентность, однако тактичность второго эксперта и гибкость ведущей спасают диалог.

Выпуск 3 «Бал: этикет и дресс-код» (идеальная модель). Вадим Ветерков сосредоточился на мужской культуре балов: 23 фактологических ответа, 17 с примерами, одна реплика личного опыта. Он проявил себя как джентльмен: когда речь шла о женщинах, слово брала Марьяна, когда о мужчинах — эстафета переходила к нему. Ветерков дополнял коллегу, но не перебивал, уступал даме слово, дожидался паузы, даже когда хотелось немедленно внести ремарку. Марьяна Скуратовская: 41 фактологический ответ, 34 с конкретными примерами, всего один с отсылкой к личному опыту. Историк моды держалась уверенно. Ни разу не перебила собеседников, слышала каждый вопрос и отвечала именно на него, при этом глаза горели неподдельным интересом.

Татьяна Геворкян задавала преимущественно открытые вопросы, провоцируя экспертов на развёрнутые ответы. Типология вопросов включала все виды: открытые, закрытые, альтернативные, каскадные, справочные. При этом Геворкян не просто «включала магнитофон», а умело провоцировала на сравнения, просила детали, уточняла нюансы.

Итог выпуска: идеальный тематический подкаст. Два эксперта не конфликтовали, а дополняли друг друга; ведущая не давила авторитетом, а направляла диалог.

Сравнительный анализ трёх выпусков позволяет сформулировать ключевые закономерности:

1. Чем выше уровень знаний гостя в теме интервью, тем больше тематических вопросов он получает и тем насыщеннее становится подкаст. Эксперты с глубокими знаниями (Скуратовская, Елисеева, Ветерков) практически не обращаются к личному опыту, уступая место фактам и статистике. Гости с низким уровнем подготовки (Серябкина) замещают знания жизненными примерами, переводя разговор в русло душевной беседы.

2. Открытые вопросы доминируют в диалогах с экспертами (выпуск о балах — 14 открытых против 8 закрытых). Закрытые и каскадные вопросы чаще используются для уточнения или проверки собственных знаний ведущей. Вопросы с личной историей ведущей появляются только при работе с неэкспертными гостями для установления доверительного контакта.

3. Роль ведущей. Татьяна Геворкян продемонстрировала виртуозную способность адаптироваться к любому составу гостей: с неэкспертной звездой выстраивает доверительный диалог, где обе становятся «интервьюерами» для третьего участника; с конфликтующими экспертами использует невербальную коммуникацию для сохранения баланса; с идеальным дуэтом занимает позицию заинтересованного ученика, задающего правильные вопросы.

4. Умение слушать — критический навык. Выпуск о Шанель показал: даже глубочайшую экспертизу может загубить отсутствие активного слушания. И наоборот: тактичность Елены Елисеевой и джентльменство Вадима Ветеркова создают атмосферу, в которой подкаст раскрывается максимально.

Подкаст становится настоящим тематическим и запоминающимся ровно настолько, насколько его участники готовы не только говорить, но и слушать. Идеальный баланс достигается, когда эксперты делятся знаниями, звезды — личным опытом, а ведущая чутко дирижирует этим оркестром. Именно такие выпуски — как разговор о балах — остаются в

памяти зрителей источником новых знаний и интеллектуального удовольствия.

Библиографический список

1. Галкина А.С. Особенности поведения интервьюера в зависимости от интервьюируемого в жанре теле-интервью (на примере программы «Подкаст.Лаб»). Ярославль, 2024.

2. Антонова В.И., Савинова Я.С. Интервью — жанр современной журналистики: технологии творческой лаборатории Леонида Плешакова [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intervyu-zhanr-sovremennoy-zhurnalistiki-tehnologii-tvorcheskoy-laboratorii-leonida-pleshakova>.

3. Кутний А.И. Виды интервью на современном телевидении и способы его подготовки к эфиру [Электронный ресурс]. URL: <https://relga.ru/articles/2737/>.

4. Балабай Р.Ю. Интервью на современном телевидении: формы и стили [Электронный ресурс]. URL: http://elibrary.sgu.ru/VKR/2018/42-03-02_005.pdf.

5. Колышкина Т.Б., Шустина И.В. Коммуникативные способы и средства как инструмент раскрытия собеседника в жанре портретного интервью // Современная коммуникативистика. 2025. № 2(75). С. 72-79.

УДК 304.44 + 374.1.

Книжный клуб как социокультурное пространство (проект на основе модели RACE)

Горбань М.М.

*Научный руководитель: Цветкова О.Л., канд. пед. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Социокультурное пространство – это уникальное пространство создания смыслов, ценностей, идей, существующее на культурном и социальном основаниях. Книжный клуб как социокультурное пространство – инструмент формирования читательской культуры и построения «высокой» коммуникации. Читательская культура есть часть культуры человека, имеющая исключительное значение с точки зрения развития его ума и души. «Высокая» коммуникация представляет собой взаимодействие близких по духу, мировоззрению и ценностям людей, требующее приложения интеллектуальных и душевных усилий. Проблема

формирования читательской культуры в XXI веке имеет особое значение. Дефицит человеческой коммуникации, в особенности «высокой», в современном мире очевиден. Создание проекта книжного клуба как социокультурного пространства с использованием модели RACE в качестве гибкой и адаптивной методики решения проблем предлагает определенное решение выявленной проблемы.

Книжный клуб – объединение людей, способствующее формированию и повышению интереса к чтению, развитию читательской грамотности, совершенствованию отношений человека со словом [1].

Мы дали книжному клубу название «Восхождение». Предполагается, что объединение расположилось в стенах Ярославского филиала Финансового университета.

Проект книжного клуба был создан согласно модели RACE в четыре этапа: исследование, действие, коммуникация, оценка.

На первом этапе было проведено исследование. Мы определили цель и миссию книжного клуба, проанализировали его внутреннюю и внешнюю среду, выявили используемые каналы продвижения, сформулировали проблему, поставили цель и задачи программы.

Целью объединения стало формирование повышенного уровня читательской культуры у студентов в условиях «высокой» коммуникации посредством чтения и обсуждения художественной литературы. Миссией явилось приобщение студентов к художественной литературе в пространстве «высокой» коммуникации.

По результатам SWOT-анализа мы сделали вывод, что сильные стороны являются ценной основой для функционирования книжного клуба, слабые требуют качественной проработки, возможности подлежат использованию в случае увеличения масштабов реализации поставленной цели; угрозы носят весьма относительный характер, заключая в себе потенциал для развития клуба.

По результатам STEEP-анализа мы выявили, что наиболее значимыми по силе влияния на деятельность объединения являются социальные факторы, за ними следуют технологические, затем – политические, после – экономические.

Рассмотрение стейкхолдеров книжного клуба показало, что как внутренние (основатель, преподаватель), так и внешние заинтересованные лица (участники, администрация, конкуренты) имеют значение для эффективного функционирования объединения.

Исследование целевой аудитории проводилось методом классического сегментирования по социально-экономическим (род занятий) и психографическим (интересы) критериям. В первом случае мы выделили

два сегмента: студенты, род занятий которых напрямую связан с литературой (авторы и соавторы литературных проектов, создатели объединений в области чтения, книжные блогеры) и студенты, род занятий которых не связан с литературой. Во втором случае мы выделили также два сегмента: студенты, интересы которых сосредоточены на литературе (чтение отечественной и зарубежной литературы, написание и публикация собственных произведений прозы и поэзии, научно-исследовательская деятельность в области чтения) и студенты, интересы которых не сосредоточены на литературе (в область их интересов могут входить живопись, музыка, танцы, театр, фотография и другие виды искусства, а литература являться второстепенной). Сегментация продемонстрировала необходимость разностороннего подхода к участникам клуба с точки зрения формата встреч и каналов продвижения.

Конкурентный анализ проводился с целью выявления свободной ниши. В ходе анализа изучались действующие книжные клубы города Ярославля. Критериями сравнения выступили: миссия, тематика, формат встреч, график встреч, ведущий, участники, каналы продвижения, виды постов в социальных сетях, архив. В результате проведения конкурентного анализа мы сделали выводы по данным шести критериям: миссия – совместное погружение в книгу, тематика – художественная русская и зарубежная литература, формат встреч – офлайн-встречи, график встреч – функционирование по сезонам (одна встреча в месяц), ведущий – основатель клуба, участники – все заинтересованные студенты, каналы продвижения – социальные сети и официальный сайт филиала, виды постов – посты-анонсы и посты-отчеты, архив – фотоотчеты и посты о проведенных встречах.

В качестве используемого канала продвижения задумывались личные беседы.

Проблемой явилось формирование читательской культуры в пространстве «высокой» коммуникации в студенческой среде. Целью программы стало создание пространства для формирования повышенного уровня читательской культуры в пространстве «высокой» коммуникации у студентов.

На втором этапе была разработана стратегия и тактика программы. Мы провели работу над каналами продвижения и инструментами.

Работа над каналами продвижения была представлена совершенствованием используемого и выявлением новых, среди которых мы выделили: социальные сети, печатные объявления, студенческую газету. Личные беседы как канал продвижения могут быть преобразованы в беседы с элементами презентации. В качестве социальных сетей мы

предложили ВКонтакте и Телеграм. Сообщество книжного клуба ВКонтакте представляется пространством для транслирования деятельности объединения, релевантны следующие виды постов: посты-анонсы, посты-напоминания, посты-отчеты, тематические и новостные посты. Страница объединения в Телеграме задумывается как способ погружения студентов в мир художественной литературы и тесного взаимодействия с участниками. В дополнение к классическим постам-анонсам, постам-напоминаниям и постам-отчетам мы предложили тематические, вовлекающие и развлекательные посты. Печатные объявления как офлайн-канал продвижения могут использоваться в качестве уведомления о встрече, ее тематике, месте и времени. В студенческой газете в офлайн- и онлайн-формате возможен анонс о клубе и его первой встрече.

Работа над инструментами включала в себя внедрение новых форматов встреч. Среди них мы выделили: лекции, семинары, обсуждение произведений литературы и смежных видов искусства, книгообмены, тематические встречи, встречи с творческими людьми, встречи с абитуриентами. Классическими явились встречи-обсуждения.

На третьем этапе была реализована программа согласно стратегии и тактике. Мы изучили коммуникацию с аудиторией через каналы продвижения и форматы встреч.

Коммуникация через каналы продвижения предполагает, что беседы с элементами презентации могут стать основным каналом офлайн-коммуникации на первых этапах развития книжного клуба; коммуникация в социальных сетях должна носить регулярный характер; срок размещения печатных объявлений будет зависеть от даты анонса встречи в социальных сетях; студенческая газета может использоваться на первом этапе деятельности клуба. Коммуникация через форматы встреч предполагает ежемесячное проведение встреч-обсуждений. В перспективе лекции, семинары, обсуждения произведений литературы и смежных видов искусства, книгообмены могут организовываться не более двух раз в месяц, тематические встречи и встречи с творческими людьми – носить менее частотный характер, встречи с абитуриентами – проводиться в дни открытых дверей или период приемной кампании.

На четвертом этапе мы провели оценку программы в два этапа: предварительную и текущую.

Предварительная оценка основывалась на результатах первого, второго и третьего этапов. Мы заключили, что, во-первых, исследование книжного клуба «Восхождение» проведено; во-вторых, стратегия и тактика программы разработаны; в-третьих, план реализации программы в

соответствии с ними составлен. Текущая оценка предполагала прогнозирование возможных вопросов в ходе реализации программы. Мы разделили вопросы на три группы. Вопросы первой группы связаны с организацией встреч, второй – с каналами продвижения, третьей – с перспективами развития.

Использование модели RACE в качестве гибкой методики способно обеспечить разработку эффективной и осуществимой программы действий. Реализация проекта книжного клуба «Восхождение» как социокультурного пространства в стенах Ярославского филиала видится средством формирования читательской культуры у молодого поколения и построения «высокой» коммуникации.

Библиографический список

1. Горбань М.М. Книжный клуб: интерактивное средство формирования читательской культуры у молодого поколения // Коммуникация – Общество – Человек / Сборник научных трудов IV Национальной научно-практической конференции научно-педагогических и практических работников с международным участием / кол. авторов; под ред. Т.Б. Колышкиной и И.В. Шустинной. С. 412-415.

2. Шакирова Е.Ю. Социокультурное пространство современности: основные характеристики // Культура. Духовность. Общество. 2013. № 7.

УДК 316.776

Медиаобраз образовательных организаций в цифровой сфере (на примере онлайн-школы «Вебиум»)

Грибанова Н.О.

*Научный руководитель: Шустина И.В., канд. филол. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В условиях активного развития цифровой сферы всё больше организаций переходит в онлайн-формат работы и следит за своими социальными сетями. Хочется отметить рынок образовательных услуг, который один из первых в большей степени перешёл в онлайн. Для того чтобы быть конкурентоспособными, им важно формировать и сохранять медиаобраз, которые будет не только выделять их преимущества, но и способствовать увеличению прибыли и созданию бренда. Расширение возможностей работы в интернете и развитие цифровых

коммуникационных каналов создают отличные условия взаимодействия образовательных организаций с аудиторией.

Медиаобраз образовательной организации представляет собой совокупность представлений об организации на основе коммуникации с аудиторией через различные информационные каналы (официальные сайты, аккаунты в социальных сетях, посыл в рекламе, ключевые офферы в контенте). Медиаобраз отражает ключевые ценности и идеи образовательной организации, а также доносит до пользователей её миссию и формирует репутацию [1].

На современном рынке образовательные организации используют инструменты медиакommunikation для продвижения своих образовательных услуг и привлечения новых лидов. В условиях высокой конкуренции на рынке онлайн-образование является одним из ключевых факторов конкурентоспособности организации. Он формируется за счёт контент-маркетинга, персонализации коммуникаций, активного и яркого присутствия в социальных сетях и использования доступных визуальных форматов подачи информации [2].

В качестве примера формирования медиаобраза образовательных организаций можно привести онлайн-школу «Вебиум». Она занимается подготовкой школьников 8-11 классов к государственным экзаменам. Вебиум активно использует большое количество цифровых каналов для взаимодействия с аудиторией. Основными являются каналы в социальных сетях у каждого преподавателя, официальный сайт в Интернете и различная контекстная реклама на других площадках и в других каналах.

При анализе медиакommunikationной деятельности онлайн-школы «Вебиум» были выделены ключевые характеристики её медиаобраза. Во-первых, это персонализация образовательного бренда. Онлайн-школа активно продвигает преподавателей как экспертов своего предмета. Тут складывается образ каждого преподавателя, формируя единую картину видения о школе. Преподаватели в этой ситуации выступают не только экспертными и опытными наставниками, но и сильными публичными фигурами в цифровой среде онлайн-образования. Это способствует формированию доверия среди аудитории и лояльность пользователей образовательной платформы.

Во-вторых, это развлекающий и вовлекающий контент. Преподаватели в социальных сетях регулярно выкладывают вертикальные и горизонтальные видео, а также часто в их каналах встречаются разборы заданий, вариантов и частых ошибок прошлых учеников. Путём контент-анализа коммуникаций каждого преподавателя и онлайн-школы в целом можно говорить о том, что благодаря этому инструменту организация

увеличивает верх маркетинговой воронки, тем самым привлекая большее количество новых подписчиков.

В-третьих, это социальная коммуникация с аудиторией. Менеджеры чатов активно взаимодействуют с аудиторией в социальных сетях, быстро отвечая на их вопросы, обрабатывая возражения и комментарии, а также используя в чате различные механики на вовлечение и удержание. Преподаватели часто запускают прямые эфиры для общения с аудиторией и ответа на самые часто задаваемые вопросы. Эти действия способствуют формированию ощущения открытости и безопасности для пользователя, что в свою очередь положительно влияет на репутацию образовательной организации.

Кроме того, важным фактором является регулярная демонстрация результатов подготовки с образовательной организацией. Каждую неделю в каналах преподавателей публикуются успешные кейсы учеников, через которые они показывают преимущества подготовки в Вебиуме. Подобная практика хорошо влияет на мышление пользователя, формируя доверительное отношение к организации.

Следует также отметить, что медиаобраз формируется не только, через контент в социальных сетях организации, но и через пользовательский контент. На различных форумах, рекомендательных видео в социальных сетях можно увидеть положительные отзывы и успешных кейсы от учеников онлайн-школы. Это существенно влияет на восприятие пользователем организации и повышает доверие к ней.

Таким образом, медиаобраз образовательных организаций представляет собой сложную систему коммуникаций, включающую различные инструменты взаимодействия с аудиторией. В условиях развития цифровой экономики эффективная работа с медиакоммуникациями становится важным фактором укрепления на рынке и успешного функционирования. Проведённый контент-анализ образовательной организации онлайн-школы «Вебиум» показывает, что создание успешного медиаобраза в современном мире требует системного подхода. Тут речь идёт про разработку медиастратегии, создание качественного контента и активное взаимодействие с аудиторией в социальных сетях. Пример с онлайн-школой «Вебиум» демонстрирует, что грамотное использование медиакоммуникационных инструментов позволяет образовательным организациям эффективно формировать свою репутацию и укреплять позицию на рынке.

Библиографический список

1. Баранова Е. А. Цифровые медиа в образовательной коммуникации // Медиаобразование. 2023. № 3. С. 45-52.

2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общества и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2020.

УДК 808

Медиаобраз Ярославского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Дубова В.С.

*Научный руководитель: Шустина И.В., канд. филол. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Современные образовательные учреждения сталкиваются с необходимостью формирования своего медиаобраза в условиях активного использования веб-технологий и социальных сетей. В условиях высокой конкуренции на рынке образовательных услуг, репутация учебного заведения и доверие абитуриентов становятся ключевыми факторами при выборе учебного заведения. Ярославский филиал Финансового университета, как региональный представитель крупного образовательного учреждения, активно использует медиаплатформы для формирования своего имиджа, привлечения абитуриентов и укрепления репутации среди целевой аудитории.

Медиаобраз представляет собой презентацию объектов и явлений через средства массовой коммуникации, где основное внимание уделяется визуальному и символическому отображению реальности. Формирование медиаобраза университета активно влияет на восприятие как его студентов, так и других заинтересованных групп. Суть медиапродукта состоит в том, чтобы не только информировать аудиторию, но и воздействовать на её восприятие, создавая положительное отношение через качественный контент и грамотный дизайн.

Социальные сети и веб-технологии играют важную роль в формировании медиаобраза образовательных учреждений. Они создают пространство для информирования абитуриентов, формирования информационной среды, укрепления репутации университета и создания канала доверия через цифровой контент. Важно, что в рамках этих коммуникаций используются инструменты, которые обеспечивают двустороннее взаимодействие, вовлекая аудиторию в процесс создания контента.

Корпоративный стиль университета — неотъемлемая составляющая медийной идентичности учебного заведения. Логотипы, шрифты, цвета и другие элементы визуальной символики должны быть единообразными и понятными, что помогает укрепить привлекательность и репутацию учебного заведения. Эти элементы дизайна укрепляют последовательность образа и способствуют выделению университета среди конкурентов.

Активное участие студентов в клубах, организациях и мероприятиях университета также является важным аспектом формирования медиаобраза. Использование социальных сетей для демонстрации достижений учебного заведения и студенческой жизни способствует не только привлечению внимания студентов, но и укреплению репутации университета как места, где реализуются перспективы для самореализации.

Группа Ярославского филиала Финансового университета в социальной сети ВКонтакте представляет собой эффективный инструмент для распространения информации и формирования образовательного сообщества. Через этот канал поддерживается связь между студентами, преподавателями и абитуриентами, что способствует созданию положительного имиджа университета и его успешной репутации среди целевых групп.

Для анализа эффективности медиакommunikаций и формирования медиаобраза был проведен контент-анализ публикаций группы ВКонтакте «Ярфинунивер». Результаты показали, что группа активно использует различные виды контента: видеоматериалы, посты о приёмной кампании, студенческой жизни и университетских мероприятиях. Однако уровень вовлеченности аудитории в различные темы оказался неодинаковым, с наибольшим интересом к материалам, связанным с приёмной кампанией и студенческой жизнью, и меньшим интересом к темам, связанным с финансовыми аспектами учебного процесса.

Для более глубокого понимания отношения целевой аудитории к медиаобразу Ярфинунивера была разработана анкета и проведен опрос. Результаты показали разнообразие восприятия контента различными категориями респондентов. Студенты университета разделяются на две группы: одни ценят информативность и практическую ценность контента, другие предпочитают более развлекательный и легкий подход. Студенты других вузов оценили контент неоднозначно, что указывает на необходимость улучшения качества и презентации информации. Родители абитуриентов выразили обеспокоенность качеством контента, искали актуальную и вдохновляющую информацию, которая могла бы помочь поддержать их детей в процессе поступления.

Родители студентов, в свою очередь, отметили запутанность контента и необходимость его упрощения для лучшего восприятия.

Абитуриенты ценят контент, который сочетает в себе привлекательность и полезность, что подчеркивает важность учета разнообразных интересов при его создании. Это также подтверждает необходимость создания материалов, которые будут интересны и полезны для всех категорий пользователей, включая студентов, родителей и абитуриентов.

Медиаобраз Ярфинунивера активно формируется через контент в социальных сетях. Взаимодействие с аудиторией, участие в мероприятиях и создание разнообразных публикаций способствуют укреплению репутации университета. Однако для достижения максимальной эффективности важно учитывать различные интересы и потребности целевой аудитории, создавая контент, который будет одновременно интересным и полезным для всех категорий пользователей.

В заключение можно выделить несколько рекомендаций для улучшения медиаобраза университета. Во-первых, необходимо учитывать предпочтения разных категорий целевой аудитории, создавая контент, который будет сочетать информативность и развлекательные элементы. Во-вторых, важно улучшить представление финансовых аспектов учебного процесса, а также уделить внимание потребностям родителей абитуриентов и студентов. В-третьих, стоит усилить использование видеоконтента и интерактивных форматов для увеличения вовлеченности и интереса аудитории.

Библиографический список

1. Волкова И.С. Медиаобраз современного вуза: теоретические и практические основы // Медиялфавит. 2018. № 1 (23).

2. Гребенкин Ю.И. Медиаобраз вуза образовательного центра как важнейший момент формирования имиджа образовательного учреждения // Социальные и гуманитарные науки. Современные проблемы теории и практики. 2019. № 4 (58).

3. Петров И.В. Медийный образ российских вузов: актуальные тенденции // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. Т. 12. № 41.

4. Романова И.А. Медиаобразы вузов в контексте современных коммуникаций и информационной экономики // Экономика. Белорусский экономический журнал. 2017. № 1.

**Соотношение элементов продакт-плейсмент в литературных произведениях и телевизионных сериалах
(на примере произведений Т. Устиновой)**

Зюзикова П.П.

*Научный руководитель Колышкина Т.Б., канд. филол. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Технология продакт-плейсмент часто встречается в разных художественных произведениях, связанных с именем одного автора: книги А. Марининой, Т. Устиновой, Д. Донцовой и других авторов, по мотивам произведений которых сняты позже художественные фильмы или сериалы. Рамазанова, кандидат экономических наук, так определяет эту технологию: «Продакт-плейсмент – рекламный приём, заключающийся в том, что реквизит в фильмах, телевизионных передачах, компьютерных играх, музыкальных клипах или книгах имеет реальный коммерческий аналог. Обычно демонстрируется сам рекламируемый продукт или его логотип, или упоминается о его хорошем качестве» [1]. Возникает естественный вопрос, как соотносятся элементы продакт-плейсмент, заявленные в книгах, с экранизацией.

Для изучения этого вопроса мы провели контент-анализ соотношения элементов продакт-плейсмент в литературных произведениях (на примере романов Т. Устиновой) и их экранизациях, используя сплошную выборку, анализируя все единицы совокупности.

К единицам генеральной совокупности относятся все элементы, подверженные анализу, а именно: 31 телесериал, 1 фильм - экранизации романов Т. Устиновой, а также 38 книг (детективные романы Т. Устиновой).

Данные систематизировали по годам. Год выпуска первой экранизации (2004 год) — год выпуска последней экранизации (2023 год). Первая выпущенная книга (1999 год) — последняя выпущенная книга, вошедшая в анализ (2022 год). Не все печатные источники были экранизированы, поэтому они были исключены из исследования.

В сериалах/фильмах: «Саквояж со светлым будущим», 2006; «Гений пустого места», 2008; «Отель последней надежды», 2016; «Колодец забытых желаний», 2016; «Хроника гнусных времен», 2015; «Неразрезанные страницы», 2015; «Ковчег марка», 2015; «Вселенский

заговор», 2016; «Селфи с судьбой», 2018; «Серьга Артемиды», 2020; «Большое зло и мелкие пакости», 2005; «Развод и девичья фамилия», 2005; «Мой генерал», 2006 продакт-плейсмент не представлен.

Кроме того, стоит обратить внимание на рекламу автомобилей, представленную при помощи технологии продакт-плейсмент в фильмах и сериалах. Год выпуска сериала или фильма влияет на рекламу, размещённую в нём. Чем «старше» экранизация, тем меньше вставок с рекламой автомобильных марок мы можем заметить. В экранизациях, выпущенных с начала 2009 года и позднее, марки автомобилей частично или полностью закрыты (скотч, блюр, сняты узнаваемые знаки). На данные изменения оказывает влияние закон. Автомобильная марка может считаться товарным знаком, реклама которого строго регламентируется законодательными актами.

Анализ показал, что технология продакт-плейсмент в фильмах и сериалах, снятых по детективным романам Т.В. Устиновой, выпущенных с 2004 по 2023 годы, используется недостаточно активно. 38% экранизаций включают в себя рекламные вставки. 62% экранизаций не несут в себе элементов продакт-плейсмент.

Товарные категории, которые чаще всего используются в фильмах и сериалах для рекламы при помощи продакт-плейсмент: продукты питания (напитки и еда), алкогольная продукция, марки автомобилей, техника. Реже упоминаются названия лекарственных препаратов, кормов для кошек и марки спортивных товаров.

Следует отметить, что в литературных произведениях Т.В. Устиновой, рекламных вставок больше, чем в экранизации этих же произведений. 61% литературных произведений включает в себя рекламные вставки. 39% романов не несут в себе элементов продакт-плейсмент.

В рассмотренных книгах на 23% больше рекламы, чем в проанализированных телесериалах и фильмах. Это может быть связано с тем, что материалы, размещаемые на телевидении, имеют более строгое законодательное регулирование и более высокую стоимость размещения.

Можно отметить и общее в размещении продакт-плейсмент в литературных произведениях и в сериалах/фильмах. В каждом носителе реклама органично вписана в сюжет. Она часто является дополнением образа героя и соответствует статусу, подчёркивая положение действующего лица в обществе.

Сходств рекламируемых товаров в книгах и экранизациях выявлено не было.

Чем позднее выпущен фильм (по году выпуска), тем более маловероятно можно встретить в нем продакт-плейсмент. Это также может

быть связано с ужесточением законодательного регулирования в сфере телевидения и рекламы и повышением цен на размещение рекламы.

Стоит обратить внимание на то, что продакт-плейсмент в сериалах/фильмах более явный, чем в литературных произведениях. Потребитель видит знакомые логотипы и упаковки, слышит названия брендов и считывает то, как пользуется товаром тот или иной герой сериала/фильма. Это повышает эффективность технологии, но может вызвать триггер для зрителя, если рекламные вставки будут частыми и очень прозрачными.

Библиографический список

1. Рамазанова З.А. К вопросу о роли ProductPlacement в интегрированных маркетинговых коммуникациях // Вопросы структурирования экономики. 2016. № 1. С. 206–211.

УДК 7.067

Формирование традиционных духовно-нравственных ценностей средствами современной киноиндустрии

Иванова К.Ю.

*Научный руководитель: Шустина И.В., канд. филол. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал.*

Современное общество сталкивается с множеством вызовов, связанных с моральными и духовными ценностями. В условиях глобализации и стремительного развития технологий, особенно в области медиа, киноиндустрия занимает важное место в формировании мировоззрения и нравственных ориентиров аудитории. Кино, как искусство и массовая коммуникация, обладает уникальной способностью влиять на сознание зрителей, формируя их представления о традиционных духовно-нравственных ценностях.

В связи с этим актуальность темы связана с возрастающей ролью медиа в формировании мировоззрения. Современная киноиндустрия – это мощный инструмент воздействия на сознание и подсознание миллионов людей. Понимание механизмов этого воздействия становится критически важным для осмысления процессов социализации и духовно-нравственного развития общества.

Ввиду комплексного и многоаспектного характера поставленной проблемы, требующей анализа содержания кинематографических

произведений, был выбран метод контент-анализа, позволяющий систематически анализировать содержание фильмов, выявлять духовно-нравственные ценности, содержащиеся в них.

В качестве эмпирической базы были выбраны пять фильмов последних лет, представляющих разные жанры: «Пророк. История Александра Пушкина», «Папа умер в субботу», «Кракен», «Отряд светлячков» и «Надо снимать фильмы о любви».

Ключевым элементом практической части стало использование в качестве источника данных отзывов зрителей на сайте «Отзовик». Этот подход позволяет сместить фокус с авторского замысла на реальное восприятие аудитории, выявить, какие ценности действительно актуализируются и находят эмоциональный отклик у зрителя.

Категории для анализа были напрямую взяты из Указа Президента РФ № 809, что обеспечило высокую степень объективности и соответствия государственным приоритетам. В Указе представлено 17 ценностей: «Жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [1].

После проведения анализа были получены результаты:

1. Выявлен рейтинг наиболее востребованных зрителями ценностей. Лидерами по частоте и яркости упоминаний в отзывах стали:

- «жизнь» – как ценность правдивого, многогранного изображения человеческого бытия, его сложностей и продолжения после утрат.
- «крепкая семья» – как основа взаимопонимания, примирения и поддержки, особенно в кризисные моменты.
- «историческая память и преемственность поколений» – как способ связи с прошлым, формирования гордости и осмысления подвига предков.
- «патриотизм» – напрямую связываемый зрителями с героическим прошлым и любовью к Родине.

Эти категории являются стержневыми для современного кинопотребления, что свидетельствует о глубоком запросе аудитории на идентификационные, укореняющие и объединяющие смыслы.

2. Обнаружен пласт ценностей, присутствующих имплицитно. Такие категории, как «Взаимопомощь», «Коллективизм» (в «Кракене»), «Служение Отечеству», «Достоинство» и «Свобода творчества» (в «Пророке»), нашли отражение в кинопродуктах, но часто выступают не как

самостоятельная тема, а как неотъемлемая часть сюжета о профессионализме, долге или творческом поиске.

3. Выделены слабо выраженные и непредставленные категории. В отзывах практически не встречались прямые упоминания «Справедливости», «Гражданственности», «Гуманизма» и «Единства народов России». Это позволяет сделать вывод, что либо данные темы не являются центральными для выбранных картин, либо они настолько органично вплетены в нарратив, что не фиксируются зрителем как отдельная ценность. Это указывает на потенциальную нишу для будущих кинопроектов.

Проведённый анализ показал, что современный российский кинематограф в значительной степени работает в русле задач, обозначенных в Указе № 809. Он активно и успешно формирует запрос на патриотизм, историческую память и семейные ценности, что прямо соответствует целям укрепления национальной идентичности. Однако наблюдается определённый дисбаланс: акцент смещён в сторону личностно-семейных и историко-патриотических тем, в то время как социально-гражданственный блок ценностей (справедливость, гуманизм, гражданственность) остаётся менее проявленным в массовом зрительском восприятии.

В заключение можно отметить, что современный кинематограф является мощным и многогранным ресурсом для формирования и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей. Дальнейшие исследования, направленные на расширение аналитической базы и углубление понимания механизмов воздействия, позволят более эффективно использовать этот ресурс в образовательных и воспитательных целях.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

2. Алексеенок А.А., Наливайко К.В., Поляков А.А. Социологический анализ влияния кинематографа на духовную жизнь современной молодёжи [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskiy-analiz-vliyaniya-kinematografa-na-duhovnuyu-zhizn-sovremennoy-molodezhi/viewer>.

3. Бояк Т.Н. Содержание понятия «духовно-нравственные ценности» [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-ponyatiya-duhovno-nravstvennye-tsennosti/viewer>.

4. Майкова В.П., Молчан Э.М., Покровская Т.П. Духовно-нравственные ценности как феномены социальных систем [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovno-nravstvennyye-tsennosti-kak-fenomeny-sotsialnyh-sistem/viewer>.

УДК 7.067

Метод контент-анализа как инструмент исследования музыкальной культуры

Кангина С.А.

*Научный руководитель: Шустина И.В., канд. филол. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В современном мире музыкальная индустрия является инструментом для формирования образов стран. Музыка способна отражать и формировать общественное мнение, национальную идентичность и культурное самосознание. Исследование образа России в музыкальной культуре представляется особенно актуальной задачей в контексте глобальных процессов и растущего интереса к национальной самобытности.

В качестве основного метода исследования выступает контент-анализ, позволяющий объективизировать и количественно выразить содержание текстовой информации, выявить скрытые смыслы и частотные паттерны. Для выделения первичных категорий был использован ассоциативный эксперимент.

Контент-анализ — это «достаточно строгий научный метод, который предполагает систематическую и надежную фиксацию определенных элементов содержания некоторой совокупности документов с последующей количественной обработкой полученных данных».

На первом этапе был проведен ассоциативный эксперимент, в ходе которого респондентам предлагалось ответить на вопрос, что для них включает понятие «родина». Было получено 64 ассоциации, на основе которых выделено 19 ключевых категорий для контент-анализа: родственники, друзья, народные обычаи, история, культура, любовь родителей, место силы, дар как безвозмездность, дар как богатство, народное единство, место реализации, опыт, красота природы, красота архитектуры, дом, домашние животные, ностальгия, память, духовность.

Для анализа были отобраны восемнадцать песен 2023-2025 годов. В ходе исследования проводился подсчет частотности упоминания каждой из выделенных категорий.

Анализ выявил явное преобладание мотивов, связанных с патриотизмом, базовыми ценностями и уникальной природой страны.

Первое место по частоте занимает «народное единство» (16 упоминаний), что свидетельствует о построении музыкального повествования вокруг идеи сплочения и коллективной мощи. На втором месте — «место реализации» (14 упоминаний), отражающее восприятие Родины как пространства для воплощения личных амбиций.

Высокую частоту показали «красота природы» (13 упоминаний) и «место силы» (13 упоминаний), формирующие образ России как сакрального пространства, заряжающего энергией. Практически одинаковую частоту имеют «дар как богатство» (13 упоминаний), «память» (12 упоминаний) и «дар как безвозмездность» (12 упоминаний), что даёт представление о России как о щедрой Родине – хранительнице исторической памяти.

Категории «дом» (11 упоминаний) и «духовность» (10 упоминаний) служат эмоциональным и моральным стержнем образа. Категории «родственники» и «друзья» (по 8 упоминаний) подчеркивают важность межличностных связей. «История» и «опыт» (по 7 упоминаний) связывают образ страны с процессом развития и изменением жизни, а также со сложным, порой драматичным прошлым, которое рассматривается как источник мудрости и стойкости.

Категории «красота архитектуры» (1 упоминаний), «культура» (3 упоминаний) и «народные обычаи» (4 упоминаний) представлены слабо, что свидетельствует о смещении фокуса с созданных человеком культурных объектов на универсальные природные и духовные концепции.

Анализ выявил взаимосвязь категорий: «народное единство» тесно связано с «местом реализации», «красота природы» — с «местом силы» и «даром как богатством», а «духовность» формируется через «историю» и «память», также личные сферы («дом», «родственники», «друзья») являются отражением «народного единства».

Проведенное исследование показало, что современный музыкальный образ России выстраивается вокруг патриотизма и сплочения. Доминируют идеи народного единства, личной реализации и силы родной земли, подкрепленные исторической памятью и духовными ценностями.

Выявленные тенденции тесно связаны с актуальной общественно-политической обстановкой. Музыкальная индустрия транслирует образ

сильной, единой и самобытной России, что способствует укреплению общества в целом и личности каждого человека в современном мире.

Библиографический список

1. Алавердян А.А. Песенные формы как средство влияния на формирование общественного мнения [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pesennye-formy-kak-sredstvo-vliyaniya-na-formirovanie-obschestvennogo-mneniya>.

2. Гравер А.А. Образ, имидж и бренд страны: понятия и направления исследования [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-imidzh-i-brend-strany-ponyatiya-i-napravleniya-issledovaniya>.

3. Ерохин В.С. К вопросу о понятии национальной идентичности [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-natsionalnoy-identichnosti>.

4. Пашиян И.А. Контент-анализ как метод исследования: достоинства и ограничения [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontent-analiz-kak-metod-issledovaniya-dostoinstva-i-ogranicheniya>.

5. Титова Л.Г., Турчина В.С. Музыка как инструмент политической социализации молодежи [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzyka-kak-instrument-politicheskoy-sotsializatsii-molodezhi>.

УДК 316.77

Средства адресации в рекламе молодежных товаров

Кузнецова А.О.

*Научный руководитель: Шустина И.В., канд. филол. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Реклама сегодня является ключевым элементом, формирующим потребительские предпочтения. Она имеет особенное влияние на рынке молодежных товаров, поэтому исследование молодежной рекламы, основным методом которого являлся контент-анализ, позволяет выявить частотность и эффективность каждого средства адресации [1].

Результаты контент-анализа демонстрируют преобладание определенных языковых средств адресации во всех изученных рекламных текстах. Наиболее распространенными являются побудительные

конструкции, а также вопросительные и восклицательные предложения. Реже применяются личные и притяжательные местоимения, разговорная лексика и сленг. Наименьшую частотность имеют неполные предложения, эмоционально-оценочная лексика, каламбуры, метафоры и стихотворная форма текста или слогана. Аллюзии и фразеологизмы (устойчивые выражения) в исследуемой выборке полностью отсутствуют.

На основе полученных данных выявляются закономерности в использовании языковых средств адресации в различных товарных категориях. Общей тенденцией для подавляющего большинства текстов является активное использование побудительных конструкций и вопросительных/восклицательных предложений. Менее распространены личные и притяжательные местоимения, разговорная лексика и сленг, которые также присутствуют, но не столь регулярно. К редким средствам отнесены неполные предложения, эмоционально-оценочная лексика, каламбур, метафоры и стихотворная форма текста, которые практически не встречаются. Аллюзии и фразеологизмы являются полностью отсутствующими средствами [5].

Наблюдается зависимость между выбором средств адресации и характером товарной категории. Так, группы, связанные с технологиями или их использованием (мобильные операторы, банки, сервисы доставки, медиа), часто опираются на средства, побуждающие к действию, а также на разговорный или сленговый язык. Категории, ориентированные на личные потребности и желания (одежда, еда, рестораны быстрого питания), чаще используют личные местоимения, эмоционально-оценочную лексику и вопросительные/восклицательные конструкции для усиления эмоционального воздействия и персонализации сообщения. Примечательна низкая популярность «сложных» средств адресации, таких как метафоры, аллюзии, фразеологизмы и стихотворная форма, в молодежной рекламе: они либо крайне редки, либо отсутствуют, что может быть объяснимо общей тенденцией к упрощению рекламных текстов.

Результаты контент-анализа указывают также на явное преобладание определенных аудиальных средств в рекламных роликах. Так, в категории «музыкальное сопровождение» доминирует мажорное звучание, используемое для создания позитивного эмоционального фона и связи продукта с положительными переживаниями. Минорное звучание встречается реже, так как создание негативного контекста для большинства товаров нежелательно.

В «шумовом фоне» преобладают предметно-функциональные звуки (например, рёв мотора, щелчок камеры), которые помогают «увидеть» товар в действии и делают рекламу реалистичной. Естественно-природные

шумы (шум моря, треск огня) используются реже, в основном для создания атмосферы натуральности или умиротворения [3].

Среди «фонетических приёмов» самым частым средством являются фонетические повторы, делающие речь ритмичной и запоминающейся. Языковая игра встречается реже, так как требует больше усилий для восприятия. Созвучные лексемы практически не применяются.

В «голосовых характеристиках» наиболее представлен высокий голос (обусловленный присутствием и мужских, и женских голосов). Самый частотный темп речи — средний, как наиболее комфортный для восприятия информации. Медленный темп используется для акцента, быстрый — крайне редко. Мужской голос используется чаще как более авторитетный, женский — для рекламы товаров, связанных с заботой и красотой. Детский голос встречается лишь в единичных случаях. Таким образом, в рекламе преобладают мажорная музыка, предметно-функциональные звуки, фонетические повторы, средний темп речи и мужской голос, что указывает на стремление к созданию позитивного, реалистичного и убедительного сообщения.

Помимо этого, исследование видеоряда также позволяет сделать вывод о доминировании в современной рекламе таких тенденций, как анимационные форматы (мультипликация), которые занимают лидирующее положение, что объясняется их зрелищностью и адаптивностью; оптимистичные и эмоциональные сценарии, способствующие формированию позитивного настроения и прочных связей с маркой; кратковременные видео как наиболее востребованный тип контента, соответствующий динамичному образу жизни и обеспечивающий оперативную передачу основной идеи.

Неиспользование графических, провокационных и эпатажных сюжетов, наряду с ограниченным применением детализированных и наглядных форматов, свидетельствует о выборе рекламодателей в пользу более сдержанного, доброжелательного и сжатого метода взаимодействия с потребителем [4].

Таким образом, доминирование побудительных конструкций и вопросов в сочетании с продуманным подбором голосовых характеристик и визуальных решений образует сбалансированную комбинацию средств адресации, эффективно влияющую на целевую группу потребителей [2].

Библиографический список

1. Акчурина Е.М. Молодёжь как целевая аудитория современной рекламной компании // Всероссийский журнал научных публикаций. 2011. № 5(6) [Электронный ресурс]. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/molodyozh-kak-tselevaya-auditoriya-sovremennoy-reklamnoy-kompanii>.

2. Жукова Е.А., Федоненко К.С. Реклама как средство коммуникации и ее влияние на потребительское поведение молодежи // Молодой исследователь Дона. 2017. № 5(8) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reklama-kak-sredstvo-kommunikatsii-i-ee-vliyanie-na-potrebitelskoe-povedenie-molodezhi>.

3. Колышкина Т.Б. Анализ рекламного текста: учебник для вузов / Т.Б. Колышкина, Е.В. Маркова, И.В. Шустина. М.: Издательство Юрайт, 2025. 299 с.

4. Ромат Е.В. Реклама: История. Теория. Практика. СПб [и др.]: Питер, 2002. 544 с.

5. Шустина И.В. Языковые средства адресации в рекламе молодежных товаров / И.В. Шустина, А.О. Кузнецова // Экономика и управление: теория и практика: VII национальная научно-практическая конференция научно-педагогических и практических работников с международным участием, посвященная 105-летию Финансового университета, Ярославль, 21 июня 2024 года. Ярославль: Финансовый университет при Правительстве РФ, 2024. С. 265-269.

УДК 316.752

Отражение ценностей патриотизма и исторической памяти в текстах песен современных российских исполнителей

Лебедева Н.В.

*Научный руководитель: Шустина И.В., канд. филол. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В наше время вопрос сохранения традиционных ценностей становится всё более важным. Свободный доступ к информации в интернете приводит к тому, что моральные ориентиры и культурные нормы начинают размываться. Люди сталкиваются с огромным количеством контента, который не всегда соответствует их мировоззрению или принципам. В таких условиях массовая культура играет огромную роль, влияя на то, как формируются взгляды и убеждения людей. Музыка, как часть массовой культуры, является способом передачи идей. Через тексты песен до слушателей доносятся мысли о любви, дружбе, справедливости, патриотизме и других важных идеалов. В связи с этим целью данной

работы является анализ способов отражения ценностей патриотизма и исторической памяти в текстах песен современных российских исполнителей.

Как отмечает Бояк Т.Н. в своем исследовании, нравственная культура выполняет две основные функции: показывает стабильность и прогрессивность развития общества. Высокий уровень культуры личности и социальных групп способствует укреплению общественных устоев, тогда как её снижение, сопровождается ростом психологической напряженности, нетерпимости и конфликтности в социуме [2, с. 1]. Таким образом, защита традиционных ценностей становится основой для обеспечения социальной стабильности и сохранения социокультурной идентичности.

Одной из базовых ценностей выступает «патриотизм», который рассматривали Воронцов С.А., Понеделков А.В., Вилков А.А. в своей статье. Он определяется в Философском словаре (1987) как «нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы родины» [3, с. 1]. Исследователи представляют патриотизм инструментом укрепления государственности и сохранения социокультурной идентичности. Не менее важной категорией является «историческая память». Бараш Р.Э. понимает ее как «общественный консенсус по поводу значимости для нации конкретных событий истории, способствовавших формированию социокультурного своеобразия государства». Особую роль здесь играют «драматичные, запоминающиеся события, такие как войны» [1, с. 2]. В рамках данного исследования мы будем рассматривать память о Великой Отечественной войне в текстах песен современных исполнителей.

Рассмотрев теоретические подходы, перейдем к анализу музыкального материала. Некоторые исполнители стремятся сделать свои музыкальные композиции доступными и понятными для слушателей, поэтому прямо утверждают о важности какой-либо ценности и стараются использовать легкие формулировки. Такой подход избавляет всех от возможных двусмысленных фраз и сложных раздумий, ведь здесь напрямую передаются мысли автора. Например, для раскрытия ценности исторической памяти ярко выражена идея преемственности поколений и гордости за прошлое. В композиции «В памяти людей» исполнители SHAMAN и SHAMI передают единство народа через веру и готовность жертвовать собой ради высших идеалов. В строках: «Мы за единство веры в Бога, за простой народ // Не страшно ради Бога жизнь отдать, что в рай нас приведёт», – отдельная судьба человека связывается с исторической,

где память о предках становится основой единства народов. А песня ST «О победе» посвящена мечте о Великой Победе. «Если спросят, о чём мечтаю//Я отвечу, не тая//Я мечтаю о Победе», – эти строки демонстрируют, что ценность исторической памяти здесь превращена в личную мечту, которую исполнитель открыто представляет слушателям. Песня Олега Газманова «Время героев» усиливает патриотическую тему через прямое обращение к молодёжи. Строки «Добрый пример//Дедов отцов//Для молодых//Для пацанов//Это наш гимн» превращают историческую память в повседневный пример для подражания. Газманов говорит открыто, тем самым воспитывает в молодом поколении чувство гордости за страну.

Однако более ярким способом отражения ценностей является использование средств художественной выразительности. С помощью таких приемов, как метафора, олицетворение, эпитет, гипербола духовно-нравственные ценности проникают в сознание людей и обретают эмоциональную убедительность. Они делают текст одновременно и ярче, и понятнее для слушателей, потому что чаще всего обращаются не к разуму, а к чувствам.

В патриотических песнях, таких как «Матушка» Татьяны Куртуковой и «Ах ты степь широкая» от MIA BOYKA и Миши Марвина, которые отражают ценность «патриотизма», эпитеты показывают уважение и гордость за просторы русской земли. Татьяна Куртукова показывает типичный символ «белой» березы. Использованный троп сразу обращает слушателей в воспоминания о родных краях, создает образ чистоты и красоты русской природы. Еще более значимым является эпитет «Святая» применительно к Руси – он делает понятие родины особенным, как что-то духовно важное, а не просто место, где мы живем. Прилагательное «раздольная» в песне «Ах ты степь широкая» помогает авторам описать страну: оно вызывает мысли о свободе, легкости, больших пространствах России. Гордость в данном случае берет верх за счет необъятных просторов степей, описанных в произведении. Таким образом, авторы песен выражают любовь к родине и тем самым формируют чувство патриотизма и у слушателей.

В песне Татьяны Куртуковой «Русская дорога» в строках: «Где родная сторона, а такая лишь одна —//Нам историей великой по рождению дана» раскрывается ценность исторической памяти, благодаря эпитету «великой» (историей). Помимо усиления красоты композиции, прием выполняет функцию подчеркивания важности почитания прошлых достижений России. Вместе с этим, у слушателя осознает связь с прошлым благодаря фразе «по рождению дана», а все это помогает формировать

ценное представление об истории. В этом произведении у аудитории создается чувство сопричастности к «великому» историческому пути и гордости за свою страну.

Гипербола также создает образ бесцельного подвига при раскрытии ценности исторической памяти. Примером этого является песня «7000 сердец» Григория Лепса. Числовая гипербола «семь тысяч живых» обращается к ветеранам Великой Отечественной войны. Они отстояли за мир своими жизнями, поэтому люди сейчас помнят их заслугу. Троп заставляет слушателя задуматься о значении памяти и подвига, о том, как важно сохранять и передавать эти ценности.

А в патриотической песне Mitropolskaya «Родина» олицетворение превращает душу в живое существо: «душа радуется и рвется в пляс». Она представляет собой живность, способную испытывать человеческие чувства. Любовь к родной земле и её богатой истории наполняет душу энергией и светом. А в композиции YNNI «Родина внутри», наоборот, родина оживает внутри человека: «Родина...//Оживет во мне голосом». Оба произведения подчеркивают связь между человеком и его страной.

Таким образом, современные исполнители стараются показывать духовно-нравственные ценности как в прямом смысле через прямые упоминания о родине и истории, так и с помощью средств выразительности, которые делают тексты более запоминающимися. Музыка играет важную роль в обществе, ведь она адаптирует универсальные моральные ориентиры на язык современных эмоций и образов, делая их понятными для большинства. Поэтому популярную музыку можно рассматривать не как угрозу уничтожения традиционных ценностей, а способ передачи их следующим поколениям.

Библиографический список

1. Бараш Р.Э. Историческая память как ценностное основание гражданской идентичности российского общества 2020-х гг. // Социум и власть. 2024. № 4 (102).
2. Бояк Т.Н. Содержание понятия «Духовно-нравственные ценности» // Вестник БГУ. 2015.
3. Воронцов С.А., Понеделков А.В., Вилков А.А. Патриотизм как базовая ценность российского государственного управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2015. № 3.

Использование социальных медиа в разработке стратегий продвижения российских брендов в индустрии моды

Мухомина К.Г.

*Научный руководитель: Колышкина Т.Б., канд. филол. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Активное развитие цифровых технологий преобразовали маркетинговые коммуникации, что особенно заметно в постоянно меняющейся индустрии моды. Социальные сети теперь не просто каналы распространения информации, они превратились в основные платформы для построения бренда, взаимодействия с потребителями и приобретения товаров. Интеграция социальных медиа становится не просто конкурентным преимуществом, а необходимостью для существования и развития модных брендов.

Социальные медиа – не просто множество цифровых платформ, это абсолютно новая парадигма коммуникации, которая основана на идеологии и технологиях Web2.0. ключевое определение данного термина дают исследователи Андреас Каплан и Майкл Хенляйн. Они характеризуют социальные медиа как «группу интернет – приложений, основанных на идеологических и технологических основах Web 2.0 и позволяющих создавать и обмениваться пользовательским контентом (User-GeneratedContent, UGC)» [4].

Социальные медиа отличаются от традиционных СМИ интерактивностью (двусторонняя связь), активным созданием пользовательского контента (клиенты как соавторы бренда) и ролью сообществ, в которых доверие к мнению участников выше, чем к рекламе.

От небольших платформ для личного общения социальные медиа эволюционировали в основной, незаменимый, и многофункциональный канал маркетинговых коммуникаций. Их способности интерактивного диалога, точного таргетинга, мгновенной обратной связи и прямых продаж делает их не просто инструментом, а ключевой средой существования бренда для современного потребителя. Как заключают Каплан и Хенляйн: «социальные медиа позволяют компаниям устанавливать прочную связь с потребителями, развивать отношения своевременно и часто с низкими затратами», что в современной конкурентной среде является не просто преимуществом, а необходимостью [4].

Как отмечает лингвист Н.Г. Асмус, «виртуальная коммуникация характеризуется «совмещением категории автор – читатель». В традиционных СМИ журналист – это автор, а аудитория – пассивные зрители. В социальных сетях каждый пользователь постоянно меняет эти роли. Вы – «автор», когда публикуете пост или сторис, и быстро становитесь «читателем», реагируя на контент друзей, блогеров или новостных страниц. Асмус также выделяет ««статусное равноправие участников». Иерархия, которая свойственна реальному общению, в пространстве социальных сетей размыта. Комментарий студента может получить больше ответов и лайков, чем, например, пост профессора, а мнение обычного потребителя – вызвать бурный спор, если оно вирально распространится» [1].

Визуализация модной индустрии, потенциал сторителлинга, мощь инфлюенсеров и привлекательность контента помогает социальным сетям быть не просто каналом коммуникации, но и основным инструментом сопровождения клиентов по всей воронке продаж. Воронка продаж – это маркетинговая модель, которая отражает путь клиента от знакомства с брендом до покупки и послепродажного обслуживания. Объединение визуальных стратегий с движениями потребителей является фундаментом нынешних маркетинговых подходов в fashion-сегменте.

Диалогичность, виральность и пользовательский контент – три связанных между собой элемента, на которых держится коммуникация в соцсетях. Диалогичность делает из коммуникации интерактивный сетевой процесс, виральность устанавливает законы распространения информации в диалоге, а UGC создает его содержательное наполнение, превращая каждого пользователя в творца медиасреды.

Целевая аудитория и её ценности играют особую роль в формировании маркетинговых стратегий. Чаще всего в индустрии моды, так как здесь покупка изделий часто является выражением личных мнений, социальной идентичности и статуса.

«Человек стремится найти баланс между индивидуальностью и коллективностью, это выражается в принадлежности к обществу через моду. Одежда здесь связывает клиентов с обществом, помогает найти поддержку и ощущение общей идентичности. В наше время бренды часто пользуются этим механизмом, создают общества потребителей, которые помимо вкусов объединены между собой ещё и общими ценностями» [3]. Так мода превращается в социальный феномен, который отражает культурную динамику общества.

Модные бренды часто используют визуальные элементы для того, чтобы создавать уникальные образы, которые потом могут стать частью

какого-то культурного кода. Визуальная идентичность бренда помогает создать долговечные эмоциональные связи с аудиторией. Для этого используют качественные фотографии, стильный дизайн для постов, используют фильтры, а также эффекты в видео или фото.

Социальные медиа становятся неотъемлемой частью брендов, которые стремятся визуально воздействовать на аудиторию, делать акцент на каких-то деталях и атмосфере, которые невозможно передать через текст.

Соломон подчеркивает, что «визуальный контент играет ключевую роль в формировании восприятия бренда, поскольку потребители реагируют на изображения быстрее, чем на текст. Визуальные элементы становятся триггерами, которые создают эмоциональные связи, повышают вовлеченность и влияют на принятие решений» [5].

Специфика маркетинга в индустрии моды определяется особенностями потребительских ценностей. Покупка одежды связана не только с функциональной необходимостью, но и с самовыражением, демонстрацией статуса и принадлежностью к определенной социальной группе.

В рамках исследования был проведен анализ рекламных стратегий российских брендов на основе типологии Ю.К. Пироговой, выделяющей рационалистическую и проекционную модели коммуникации [2]. Рационалистические стратегии (родовая, преимущества, уникального торгового предложения, позиционирования) строятся на логических аргументах и выгоде для потребителя. Проекционные стратегии («имидж марки», аффективная стратегия, стратегия резонанса) направлены на формирование эмоционального отклика и символического образа.

Анализ показал, что в массовых сегментах рынка доминируют рационалистические стратегии, акцентирующие внимание на скидках, выгоде и сервисных преимуществах. Однако в индустрии моды ключевую роль играют проекционные стратегии, формирующие атмосферу бренда и эмоциональную вовлеченность аудитории. Например, использование визуального сторителлинга, подборок образов и пользовательского контента усиливает идентификацию потребителя с брендом.

Наиболее эффективной для fashion-сегмента является комбинированная модель продвижения. Проекционные стратегии формируют стиль и ценностный контекст (примерно 60–70% коммуникации), тогда как рационалистические инструменты обеспечивают конверсию за счет акцента на сервисных преимуществах (бесплатная доставка, примерка, возврат, акции). Подобный синтез позволяет одновременно укреплять лояльность и стимулировать продажи.

Современные тренды подтверждают усиление роли социальной коммерции и инфлюенсер-маркетинга. Сотрудничество с микро- и нано-инфлюенсерами повышает доверие аудитории, а встроенные инструменты покупки в социальных сетях сокращают путь клиента от интереса к покупке. Дополнительным фактором становится акцент на устойчивости и инклюзивности, что особенно значимо для молодежной аудитории.

Таким образом, социальные медиа выступают не только каналом коммуникации, но и стратегической платформой развития бренда в индустрии моды. Эффективное продвижение российских fashion-компаний требует интеграции эмоционального позиционирования и рациональной аргументации, адаптации контента под специфику платформ и активного вовлечения аудитории в процесс коммуникации.

Библиографический список

1. Асмус Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 250 с.
2. Пирогова Ю.Г. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации. URL: <https://psycho.ru/library/190>.
3. Fashion Style&PopularCulture. URL: <https://intellectdiscover.com/content/journals>.
4. Kaplan A.M., Haenlein M. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of Social Media // Busi-ness Horizons. 2010. Vol. 53(1). P. 59–68.
5. Solomon M.R. Consumer Behavior: Buying, Having, and Being. Pearson Education, 2017.

УДК 070

Этика журналиста в эпоху персонализированного контента

Назарычева А.М.

*Научный руководитель: Цветкова О.Л., канд. пед. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В цифровую эпоху человека окружает постоянный поток информации, выполняющий роль фона. Аудитория сама определяет для себя те СМИ, которым доверяет, и, наоборот. Прослеживается тенденция стремления читателей к достоверной, объективной и точной информации. Сложность в том, чтобы найти определенный источник и уделить ему время для формирования доверия к нему.

Проблема этического регулирования журналистского труда находится в поле общественного внимания уже более века. Человек доверяет традиционным СМИ, хотя и в них допускают ошибки. Что касается аудитории и её уровня доверия в эпоху персонализированного контента, то ситуация менее доверительная, поэтому, рассмотрение этических нарушений в журналистских материалах остаётся актуальным в эпоху персонализированного контента [2].

Объективность, точность, достоверность и другие характеристики информации относятся к этике профессиональной деятельности сотрудников СМИ. Это ценности, которыми руководствуется человек в процессе создания материала. Однако существуют и личные ценности человека, от которых невозможно отказаться в профессиональной среде. Вопрос следования журналистами этическим нормам, как и проблема их нарушения, остаётся открытым.

Осознание профессиональных последствий собственной деятельности и ответственности за публикуемый контент является для журналиста одним из ключевых факторов профессиональной деятельности.

Что же понимается под понятием «этические нарушения»? Этические нарушения - действия, противоречащие нормам, принципам и ценностям профессиональной деятельности журналиста, которые затрагивают формирование ценностей общества. В цифровую среду, в условиях стремительного развития технологий, вопросы этики имеют все большее значение.

В основном, журналист сталкивается с «этическими конфликтами» в процессе сбора и обработки информации и публикации материала. Человек получает большинство информации из СМИ, но проблема достоверных источников остаётся одной из главных. Вопрос качественной журналистики стоит не на последнем месте. В эпоху цифрового контента, когда вокруг человека постоянно информационный шум и перегрузка, сложно найти источник, которому можно доверять, это становится проблемой «непрофессионализма журналистов». Вследствие этого подрывается авторитет СМИ [1]. В разное время ценности журналиста были отличающимися, так как на них влияли и политика, и социальная, и экономическая сфера, а также аудитория и уровень журналистики в ту или иную эпоху. Несмотря на это, определяющими оставались достоверность информации, точность и объективность.

Работа журналиста зависит и от социально-экономических условий и уровня журналистики в настоящее время, поэтому в определённый период от профессионалов требуют конкретных качеств и навыков. В эпоху персонализированного контента от журналиста требуют оперативности,

инициативности, адаптивности и объективности. Также на принципы работы журналиста влияют и изменения технологий: распространение интернета, формирование органов саморегулирования, профессиональных кодексов, факторы, меняющие восприятие контента аудиторией. В зависимости от вышеперечисленных условий определяется ценностные ориентации журналистской деятельности.

Важным аспектом ценностных ориентиров журналистов является поколение человека. В настоящее время разница между поколениями отражается во всех сферах, не исключая и журналистскую среду. «Теория поколений», описываемая в работах Н. Хоува и В. Штрауса, объясняется как «социологическая теория, которая разделяет людей, рождённых в разные временные промежутки и воспитывавшихся в определённых условиях».

Проведя кейс-анализ, выделены следующие типы этических нарушений, которые прослеживались в материалах современных СМИ: дезинформация общества; пренебрежение точностью материала; манипуляция обществом; введение общества в заблуждение; недобросовестное унижение репутации (организаций, компаний и т.д.); публикация личных материалов опрошенных без их согласия; нарушение конфиденциальности; несоблюдение корпоративных правил; разрушение моральных устоев; разжигание социальных конфликтов.

Множество публикаций содержат нарушения, которые могут привести к различным последствиям. Читателю нужно отбирать материал, который хочется прочитать, хотя главная задача журналистов - информировать аудиторию. Поднимается проблема востребованности аудитории в СМИ, в условиях анализа читателем достоверных источников.

Что же является ключевой целью журналиста? Главной целью работы журналиста считается признание общества, а личной целью - честность перед аудиторией и самим собой.

Каждое средство массовой информации обладает определённым репутационным статусом, который формируется в процессе его деятельности. Что такое репутация? Репутация представляет собой совокупность характеристик, позволяющих судить о надёжности, добросовестности и устойчивости медиаструктуры. Она складывается на основе оценок и установок аудитории и играет значимую роль в формировании общественного мнения, а также в уровне доверия к публикуемым материалам.

Существуют каналы, имеющие спорную репутацию, то есть несколько раз они были замечены за нарушениями этических норм. К таким изданиям относятся РЕН ТВ, НТВ, ОТР и др. [3].

Вследствие анализа статей из разных источников выявлены этические нарушения: распространение недостоверной информации, использование эмоционально окрашенных фраз с манипулятивным эффектом, нарушение объективности, нарушение принципа соблюдения баланса, введение аудитории в заблуждение, унижение репутации, детализация процесса смерти. Эти нарушения подрывают уровень доверия аудитории к СМИ, вводят читателя в заблуждение, унижают репутацию предприятий, влияют на неистинное сформировавшееся общественное мнение, влекут отток читателей, нарушают конфиденциальность и права личности и снижают качество публикаций СМИ.

Этические нарушения в СМИ - частое явление, требующее комплексного решения. Соблюдение законодательной базы, профессиональных этических кодексов и стандартов, а также корпоративной культуры становится необходимостью в сфере медиа. Укрепление этической культуры, развитие критического мышления у аудитории и контроль органов за СМИ способно улучшить уровень материалов, восстановить доверие общества к журналистике, как источнику достоверной, точной, объективной и значимой информации в эпоху персонализированного контента.

Библиографический список

1. Капитан Т.Ф. Трансформация манипулятивных практик в современных медиа и этика журналиста в цифровую эпоху // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 6. С. 86–95.

2. Мухаметжанова В.С., Костина Е.Д. Нравственные аспекты продвижения общественных развлекательных площадок среди молодежи в информационно-коммуникационной сети Интернет // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 2. С. 210–221.

3. Тулупов В.В. Репутация СМИ и доверие к журналистике // Социально-гуманитарные знания. 2019. №. 8. С. 49.

УДК 316.77

Дезинформация в российском онлайн-пространстве: масштабы, источники и общественные последствия

Нордифо А.Б.

*Научный руководитель: Пальцун И.Н., канд. экон. наук, доцент
Донецкий национальный университет экономики и торговли
им. Михаила Туган-Барановского*

Одной из острых проблем современности является распространение ложной информации, включая недостоверные новости и манипуляционный контент. Интернет может позволить любому человеку выступать в роли источника информации, что снижает уровень медиаконтроля и затрудняет проверку фактов. В итоге формируется недоверие к новостям в интернете, что нередко приводит к формированию ложных стереотипов и предвзятых мнений, влияющих на общественное мнение и даже на политические процессы.

Российские социологические исследования подтверждают широкое распространение дезинформации. По данным опроса, проведённого Rambler&Co, в августе–сентябре 2025 г., более 90% россиян сталкивались с недостоверной информацией в интернете, при этом 37% респондентов отмечали, что такие фейки чаще всего встречаются в социальных сетях, а 24% - в мессенджерах, тогда как традиционные медиа реже упоминались в этом контексте. Кроме того, лишь 8% респондентов заявили, что не сталкивались с фейками; большинство участников опроса сообщило, что они способны распознавать ложные сообщения по отсутствию источников [1]. Это свидетельствует о высокой распространённости недостоверной информации и активной вовлечённости населения в её восприятие и идентификацию.

Недостоверные сообщения могут формировать искажённые представления о социальных группах, событиях, провоцировать страх, недоверие и конфликтность. Такие эффекты приобретают системный характер и выходят за рамки отдельных событий. По результатам анкетирования жителей г. Иркутска, 78% респондентов сталкивались с фейковой информацией различного характера, а 67% опрошенных считают распространение фейков социально опасным, связывая его с материальным и психологическим ущербом и повышением уровня тревожности в обществе [2, с. 246].

Распространение недостоверной информации усиливает социальную напряжённость и поляризацию общественного мнения тем, что информационные сообщения перестают быть нейтральным носителем фактов и превращаются в маркер идентичности и инструмент конфликта. В интернете люди не просто получают информацию - они выбирают её в соответствии со своими предубеждениями, ценностями и групповой принадлежностью. Люди предпочитают видеть в основном те сообщения, которые подтверждают их собственные взгляды, и при этом игнорируют или отбрасывают альтернативные позиции, что усиливает различные точки зрения и делает их более непримиримыми друг к другу.

Поддерживаем мнение О.В. Савина, что «эффективное противодействие дезинформации и пропаганде в цифровом мире невозможно без развития медиаграмотности» [5, с. 71], ключевым элементом которой выступает критическое мышление, позволяющее выявлять манипулятивные техники и оценивать достоверность информации.

Источники зачастую ориентированы на определённую аудиторию, часто содержат эмоционально насыщенный и провоцирующий контент. Эмоции (страх, возмущение, гнев) усиливают восприятие таких сообщений и способствуют тому, что люди не просто принимают их за истину, но и активно реагируют на них, распространяя дальше, вступая в споры и конфликты. Это не только ухудшает качество общественного дискурса, но и разжигает межгрупповую вражду, поскольку разные сегменты общества начинают воспринимать друг друга как источники угрозы или недостоверной информации, а не как равноправных собеседников.

Результаты опроса медиахолдинга Rambler&Co также показали, что большинство россиян (56%) заявили о кратном приросте дезинформации за последний год, 13% стали реже сталкиваться с дезинформацией, так как научились лучше ее фильтровать информацию, 11% не заметили изменений в количестве дезинформации, а 20% заявили, что не следят за ситуацией. По данным опроса, при обнаружении подозрений на дезинформацию, 53% россиян проверяют ее в нескольких источниках, 35% игнорируют подобную информацию, 7% пропускают «тревожные сигналы», а 4% сначала верят, но потом уточняют детали.

Также 23% россиян заявили, что видят прогресс в борьбе с фейками, 20% считают, что ничего не изменилось, 15% не задумываются об этом, а 9% заявили, что ситуация стала лучше. Говоря об эффективности борьбы с фейками, 28% считают, что лучший способ – подробные разборы в СМИ, 25% назвали полезными комментарии экспертов и официальных источников, 7% выбрали короткие посты в соцсетях, 8% - специальные рубрики в медиа, а 5% - видеообзоры [3].

Другое российское исследование [4] подтверждает, что более 90% опрошенных россиян сталкивались с фейками на различных платформах массовой коммуникации, что само по себе создает постоянный фон информационной неопределённости. Такое повсеместное присутствие недостоверной информации не только затрудняет критическое восприятие новостей, но и усиливает различия в интерпретации одних и тех же событий разными социальными группами.

Согласно результатам исследования Rambler&Co и РИА Новости, основной платформой для таких недостоверных новостей являются социальные сети и мессенджеры. В то время как другие источники, такие как телевидение, интернет-издания и региональные СМИ, играют менее значительную роль (табл. 1).

Таблица 1. Основные платформы распространения недостоверной информации [3]

Источник распространения	% упоминаний
Социальные сети	64%
Телевидение	16%
Интернет-издания	15%
Региональные СМИ	5%

Данные в таблице показывают, что хотя традиционные медиа остаются важным источником информации, в интернете роль социальных сетей и мессенджеров как каналов распространения дезинформации более выражена.

В исследованиях часто рассматриваются проблемы недостоверных новостей, манипуляций в СМИ и влияния социальных сетей на общественное мнение. Однако меньше внимания уделяется влиянию крупных платформ на свободу слова, а также воздействию искусственного интеллекта.

Телевидение, интернет-издания и региональные СМИ, занимают менее заметные позиции в распространении дезинформации, что может свидетельствовать о большем уровне контроля и редакционной ответственности. Несмотря на это, процент респондентов, замечающих фейки в интернете и СМИ, всё ещё остаётся значительным, что указывает на потребность в улучшении стандартов журналистики и повышении медиаграмотности населения.

Библиографический список

1. Rambler&Co: 92% россиян сталкивались с фейками [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/tech/55240633-rambler-co-92-rossiyan-stalkivalis-s-feykami/>.

2. Нежкина Л.Ю., Душкин А.С. Распространение фейков как способ манипулирования общественным сознанием в интернет-пространстве // Российский девиантологический журнал. 2024. № 4(2). С. 237–249.

3. Rambler&Co: 56% россиян отметили прирост фейков в 2025 году [Электронный ресурс]. URL: <https://finance.rambler.ru/money/55705310-rambler-co-56-rossiyan-otmetili-prirost-feykov-v-2025-godu/>.

4. Исследование: более 90% опрошенных россиян сталкивались с фейками [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20231214/feyki-1915671398.html>.

5. Савина О.В. Медиаграмотность как фактор противодействия дезинформации и пропаганде в цифровой среде // Постсоветский материк. 2024. № 1(45). С. 64–76.

УДК 316.77

Цифровая верификация в эпоху информационных войн: фотография как доказательство

Петрова В.К.

*Научный руководитель: Цветкова О.Л., канд. пед. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В эпоху, когда реальность стала полем битвы, а информация её главным оружием, фотография оказалась на передовой. Когда-то бывшая неоспоримым документом, «следом реальности», сегодня она стала идеальным инструментом для создания альтернативных правд. Цифровая революция подарила невиданные возможности, но вместе с ними и фундаментальный кризис доверия: любой снимок может быть бесследно изменён, а эмоционально заряженная подделка распространяется быстрее опровержения. Фотография, на протяжении полутора веков служившая «документом по умолчанию», в цифровую эпоху утратила эту привилегию и превратилась в программируемый медиум [1]. Концепция индексальности фотографии основана на семиотической категории индекса Чарльза Пирса. По Пирсу, фотография является индексальным знаком – знаком, связанным с объектом через непосредственную физическую связь: свет, отражённый от объекта, оставляет отпечаток на фотоматериале. Это делает фотографию «следом реального». Однако уже в аналоговую эпоху доверие к индексальности использовалось для манипуляции [2].

Цифровая революция осуществила онтологический сдвиг. Произошёл разрыв индексальной цепи. Классическая цепь: объект → свет → химический отпечаток → изображение. В цифровую эпоху: объект → свет → оцифровка → [программируемая среда] → изображение. Квадратные скобки – новое звено, где данные могут быть произвольно изменены. Фотография перестала быть следом, она стала версией реальности.

Кризис индексальности спровоцировал сдвиги в ключевых сферах. В праве цифровое фото утратило статус доказательства по умолчанию. В журналистике скорость распространения фейков превысила скорость верификации. Для исторической науки цифровой файл – данные, которые можно бесследно изменить.

Ответом на вызов стала трехуровневая методология цифровой верификации.

Первый уровень – контекстуальный анализ. Это реконструкция истории изображения в сети. Ключевой инструмент – обратный поиск (Yandex.Images, TinEye). Задача – выявить самую раннюю публикацию. Если фото текущего события появлялось в сети за несколько лет до него – это признак манипуляции.

Второй уровень – внутренняя критика источника. Анализ опирается на две группы улик. Первая – метаданные файла (EXIF), но они условны: их можно стереть. Вторая – логика изображения: свет и тени, перспектива, целостность деталей. Это поиск «швов» монтажа.

Третий уровень – референтная проверка. Цель которой установить связь изображения с реальным миром. Проверка геолокации (картографические сервисы), хронологии (погодные архивы), смысловой правдоподобности (поведение людей в кризисных ситуациях) [3].

Действенность подхода демонстрируется на примерах.

Пример 1. Фотография «Человек на балконе» (якобы 11 сентября 2001 г.) <https://i.ytimg.com/vi/59U6Ay0NUro/maxresdefault.jpg> Контекстуальный анализ: обратный поиск не выявил публикаций в новостных архивах 2001 года, первые упоминания – спустя годы на конспирологических сайтах. Референтная проверка: на Северной башне ВТЦ нет балконов такого типа; расслабленная поза не соответствует поведению в эпицентре трагедии.

Пример 2. Коллаж «Эйнштейн на велосипеде и атомный гриб». <https://speakingo.com/wp-content/uploads/2022/11/fejkowe-foty-angielski-online-2.webp> Контекстуальный анализ: это арт-коллаж, а не документальное фото. Внутренняя критика: нарушение масштаба, разное освещение, разная зернистость. Референтная проверка: фото Эйнштейна сделаны в конце 1930-х – начале 1940-х годов, первое ядерное испытание – июль 1945 года. Эйнштейн не мог наблюдать этот взрыв.

Примеры образуют спектр – от географической подмены до сложных симулякров. Объединяет их попытка использовать индексальность фотографии для легитимации ложного утверждения.

Современный кризис доверия – закономерный результат эволюции. Фотография утратила невинность, из пассивного документа превратилась в активный аргумент. Предложенная методология – способ заменить её

практикой доказательного исследования. В мире, где изображение формирует факты, верификация становится краеугольным камнем информационной безопасности.

Библиографический список

1. Книга технических и промышленных производств / под общ. ред. А. Шредер. СПб: Изд-во Т-ва «Общественная польза», 1860. 480 с.
2. Аверьянова О.Н. Фотограмма: проблемы индексальности // Вестник Московского университета. 2017. № 5. С. 125–142.
3. Соколов Б.Г., Гурьева М.М. Трансформации фотографии в социальных медиа // Международный журнал исследований культуры. – 2019. № 2 (35). С. 89–101.

УДК 070.41

Влияние редакционной политики издания на освещение новостей в мире моды

Реутова И.А.

*Научный руководитель: Шустина И.В., канд. филол. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Мода в XXI веке существует не только как индустрия производства одежды и образов, но и как медиальная реальность: показ становится событием, которое продолжает «жить» в обзорах, подборках, репортажах, аналитике и визуальных нарративах. В таком режиме мода проявляется как система знаков, где смысл создаётся через описание, классификацию и интерпретацию деталей - от силуэта и ткани до сценографии и кастинга [1].

Журналистский материал о показе при этом редко является нейтральным «зеркалом» происходящего. Он формируется в рамках редакционной политики конкретного издания: именно она задаёт правила отбора тем, допустимую интонацию, степень критичности, жанровую форму и визуальную стратегию сопровождения. Поэтому один и тот же показ может быть представлен как художественное высказывание, как культурный симптом, как индустриальный показатель или как рыночный сигнал — в зависимости от того, какие смыслы издание считает значимыми и как понимает собственную роль в модной коммуникации [2].

Актуальность темы определяется тем, что редакционная политика модного издания напрямую влияет на «видимость» модных событий и на то, какие интерпретации закрепляются в публичном пространстве. В

условиях конкуренции за внимание аудитории редакционные решения становятся механизмом управления фокусом восприятия: что подчеркнуть в коллекции, какие элементы назвать ключевыми, какой контекст предложить читателю и какие визуальные акценты сделать центральными. Через это формируется не только оценка конкретного показа, но и более широкий горизонт ожиданий — представления о «важном», «современном», «допустимом» и «успешном» в моде [3].

Для определения того, каким образом редакционная политика различных модных изданий влияет на освещение новостей о ключевых модных показах и какие устойчивые различия проявляются в тоне, фокусе, оценочных суждениях и визуальной подаче, необходимо

- раскрыть понятие и структуру редакционной политики модного издания;
- охарактеризовать специфику редакционной политики в модных СМИ на стыке журналистики, искусства и коммерции;
- описать внешние и внутренние факторы, формирующие редакционную политику;
- обосновать выбор эмпирического материала для практической части;
- применить сравнительный контент-анализ для сопоставления освещения выбранных показов в разных изданиях;
- интерпретировать выявленные различия через особенности редакционной политики каждого издания.

Редакционная политика — это система устойчивых принципов и правил, которые определяют, как издание отбирает темы, выстраивает повестку и оформляет материалы [5]. В ней закрепляется не только «что писать», но и «как писать»: допустимая тональность, жанровые форматы, стандарты аргументации, требования к фактам и источникам, а также визуальная логика подачи. Редакционная политика работает как механизм целостности: она связывает отдельные тексты в единый стиль и делает медиа узнаваемым для аудитории.

В модных изданиях значение редакционной политики особенно заметно, потому что мода существует как культурная и визуальная система знаков, а описывать её — значит переводить образы в смысл [1]. Один и тот же показ может быть представлен как художественное высказывание, как индустриальная новость, как экономический сигнал или как культурный комментарий — и это различие часто объясняется не «фактами показа», а выбранной редакцией рамкой интерпретации. В таком подходе важно учитывать, что медиа не просто отражают события, а организуют их понимание.

С точки зрения медиаисследований редакционная политика выполняет ещё одну функцию — конструирует значимость. Когда событий много (например, во время недель моды), издание вынуждено ранжировать поток: какие показы вывести в центр, какие «сжать» до подборки или заметки, а какие вовсе не заметить. Таким образом, редакционная политика становится системой координат, которая управляет и смыслом, и приоритетами: что именно будет считаться новостью в мире моды и как эта новость будет «прочитана» аудиторией.

Чтобы использовать понятие редакционной политики как рабочий инструмент анализа, важно разложить его на компоненты. В таблице 1 представлена структура редакционной политики модного издания, которую можно применять при описании.

Таблица 1. Структура редакционной политики модного издания

Компонент	Что включает	Как проявляется в материалах о показах
Миссия и ценности	роль издания, культурная позиция, приоритеты (канон/эксперимент/индустрия/социальная повестка)	какие смыслы считаются главными: эстетика, рынок, культура, политика, наследие
Целевая аудитория	предполагаемый читатель, уровень «погружения», ожидания от языка и формата	простота/сложность лексики, степень «инсайдерскости», объясняющий или экспертный тон
Тематические приоритеты	постоянные темы: показы, тренды, бизнес, архив, знаменитости	какие события получают максимум внимания и какие остаются на периферии
Язык и тональность	стиль речи, допустимая оценочность, ирония, критичность	восторженная, нейтральная, аналитическая или критическая манера описания
Жанровая матрица	обзор показа, репортаж, интервью, эссе, подборка «лучшие образы»	жанр задаёт интерпретацию: «витрина», «анализ», «история», «критика», «новость»
Визуальная стратегия	типы изображений и критерии отбора	какие кадры становятся «доказательством» и какие акценты усиливают текст
Редакционные стандарты	правила фактчекинга, источники, структура, заголовки, стиль	повторяемость «почерка», единая логика аргументации и подачи
Отношения с индустрией	доступ к показам, партнёрства, реклама, границы автономии	степень критики, выбор тем, возможные «слепые зоны» и осторожность формулировок

Выделенные компоненты могут использоваться как теоретическая основа для объяснения различий в освещении показов: какие элементы коллекции выделяются, каким тоном задаётся оценка, какой контекст предлагается читателю и как визуал подкрепляет или перенаправляет смысл текста.

На уровне структуры редакционная политика проявляется как набор взаимосвязанных компонентов, которые в совокупности формируют

«механизм» работы издания. И речь идёт не о формальном перечне элементов, а о динамической системе: изменение одного компонента (например, смена аудитории или переход на цифровую модель) неизбежно перестраивает тональность, жанровый набор и визуальные стандарты [6]. Для модных медиа такая взаимосвязь особенно характерна, поскольку здесь контент создаётся на стыке текста и изображения, а скорость обновления повестки заставляет редакцию опираться на устойчивые правила отбора и интерпретации.

Редакционная политика модных СМИ формируется в особых условиях: мода одновременно является эстетической практикой, социальным языком и коммерческой индустрией [2]. Поэтому fashion-издание вынуждено постоянно балансировать между тремя логиками — журналистской, культурно-художественной и рыночной. Если в «классической» новостной журналистике редакционная политика чаще строится вокруг критериев общественной значимости, актуальности и достоверности, то в модных медиа к ним добавляется необходимость интерпретировать визуальные формы и поддерживать репутацию издания как авторитетного посредника вкуса. В результате редакционная политика модного СМИ обычно включает не только правила отбора тем, но и нормы эстетической оценки: что признаётся «качественным», «актуальным», «сильным», «смелым» или, наоборот, «вторичным» и «коммерческим».

Однако редакционная политика не возникает «сама по себе»: она формируется под воздействием набора внешних и внутренних факторов, которые задают изданию рамки возможностей и одновременно направляют его стратегию [5]. Для модных СМИ эта зависимость особенно заметна, поскольку они работают в индустрии, где медиаповестка тесно связана с коммерческими интересами брендов, доступом к событиям и динамикой вкусовых норм. В результате редакционная политика становится не только идеологическим выбором редакции, но и практическим компромиссом между культурной позицией, ожиданиями аудитории и инфраструктурой модного рынка.

Анализ редакционной политики позволяет увидеть, как медиа конструируют смысл модных событий, каким образом различаются способы их интерпретации в изданиях с разными целями, аудиториями [4].

Редакционная политика должна рассматриваться как система координат, задающая правила отбора тем, тональность, тип аргументации и визуальную стратегию, то есть как механизм, который определяет не только «о чём» пишет медиа, но и «как» именно оно превращает событие в смысл. При этом специфика модных СМИ проявляется особенно ярко: мода функционирует одновременно как эстетический объект, как

культурный язык и как коммерческая индустрия, поэтому редакционная политика здесь неизбежно складывается на пересечении журналистских принципов, культурной легитимации и рыночных условий.

Список использованных источников

1. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 512 с.
2. Липовецкий Ж. Империя эфемерного: мода и её судьба в современном обществе. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 336 с.
3. McCombs M.E., Shaw D.L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // Public Opinion Quarterly. 1972. Vol. 36, No. 2. P. 176–187.
4. Entman R.M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // Journal of Communication. 1993. Vol. 43, No. 4. P. 51–58.
5. Krippendorff K. Content Analysis: An Introduction to Its Methodology. 4th ed. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2018. 472 p.
6. Бергер Дж. Искусство видеть / пер. с англ. Е. Шраги. СПб: Клаудберри, 2012. 184 с.

УДК 316.773.4

Цифровой медиаобраз губернатора Ярославской области: роль социальных сетей и онлайн-СМИ

Рыбакова А.А.

*Научный руководитель: Шустина И.В., канд. филол. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Сегодня социальные сети и онлайн-СМИ стали одними из основных средств взаимодействия региональных властей с аудиторией. С помощью этих каналов политические лидеры могут транслировать ключевые решения и выстраивать диалог с жителями. Более того, данные средства помогают сформировать общественное восприятие деятельности как всего правительства региона, так и губернатора.

В рамках исследования было проанализировано присутствие губернатора Ярославской области в социальных сетях, которые являются основными каналами коммуникации региональной власти с аудиторией. Анализ охватил период с 1 декабря 2025 года по 1 марта 2026 года. Данный период позволил выявить тенденции в стратегии позиционирования главы региона в сети.

Губернатор Ярославской области ведет официальные аккаунты на нескольких площадках. ВКонтате и МАХ выступают основными платформами для развернутого информирования аудитории, поэтому посты в них дублируются. В этих социальных сетях публикуются подробные отчеты о мероприятиях, официальные заявления, фото- и видеоматериалы. Аккаунты используются для освещения стратегических решений и оперативных рабочих моментов.

Через визуальные сюжеты подчеркивается системность управления. Показываются этапы реализации проектов, контроль над исполнением поручений, координация работы ведомств. Кадры с посещения школ, больниц, дорог и других социально значимых объектов акцентируют внимание на заботе о благополучии жителей.

В контент-плане также предусмотрены тематические блоки, приуроченные к памятным датам и праздникам. Такой подход помогает показать губернатора как часть сообщества, разделяющего общие ценности и традиции.

Присутствие губернатора Ярославской области в ВКонтате и МАХ выстраивается как единая система. Дублирование контента на двух площадках позволяет обеспечить стабильность коммуникации. Информация доходит до аудитории вне зависимости от предпочтений пользователей в выборе платформ.

Коммуникация губернатора в соцсетях носит многоплановый характер. Через официальные аккаунты принимаются запросы граждан, которые затем прорабатываются профильными ведомствами.

Ключевые сообщения транслируются через выбор тем и тональность публикаций. Визуальный ряд подкрепляет эти послы и формирует целостное восприятие деятельности главы региона.

Онлайн-СМИ играют не менее важную роль в формировании медиаобраза губернатора Ярославской области. Они дополняют ту информацию, которая публикуется в социальных сетях. Через публикации в региональных интернет-изданиях у аудитории складывается комплексное представление о стиле управления, приоритетах и личностных качествах главы региона.

Значимую роль играет выбор тем и ракурсов подачи. Онлайн-СМИ информируют о событиях с участием губернатора и создают нарративы. Например, подчеркивают его роль как инициатора преобразований, переговорщика с федеральным центром или посредника между бизнесом и жителями региона. Заголовки и визуальные материалы усиливают воздействие.

Онлайн-СМИ не только выступают каналом информирования, но и объясняют, что конкретно делает глава региона. Их материалы дополняют официальный нарратив, создают контекст для оценки решений и формируют многослойный медиаобраз, который складывается из сочетания оперативных новостей, аналитических материалов, визуальных образов и обратной связи аудитории в комментариях и соцсетях. Этот образ меняется в зависимости от редакционной политики изданий, общественной повестки и способности губернатора и его команды выстраивать диалог с медиасредой.

Сопоставление медиаобразов губернатора Ярославской области, который формируется в социальных сетях и онлайн-СМИ, позволяет выявить как точки пересечения, так и заметные расхождения в подаче информации. В официальных аккаунтах губернатора акцент делается на демонстрации активной работы: публикуются отчёты о встречах, инспекциях, подписании документов. Такой подход создает образ открытого, активного лидера, который лично вовлечен в решение проблем региона. Визуальный ряд в соцсетях, в котором он показан в разных ситуациях, подчеркивает доступность губернатора.

В то же время освещение деятельности губернатора в онлайн-СМИ носит более аналитический характер. Региональные издания фиксируют события и встраивают их в широкий контекст. Они сопоставляют события с планами развития области, оценивают с точки зрения социальной и экономической значимости, соотносят с ожиданиями жителей. В результате медиаобраз в СМИ оказывается многослойным. Он включает в себя черты эффективного управленца и характеристики политика, действующего в сложной системе интересов.

На основе проведённого анализа можно сформулировать несколько практических выводов и рекомендаций. Во-первых, важно сохранять баланс между официальным и неформальным стилем в социальных сетях. Демонстрация рабочих процессов должна дополняться обычными жизненными историями, чтобы губернатор не воспринимался исключительно как чиновник. Во-вторых, целесообразно активнее использовать потенциал онлайн-СМИ для раскрытия сложных тем. Например, сопровождать анонсы крупных проектов экспертными комментариями или инфографикой, которая упростит восприятие данных. В-третьих, стоит развивать механизмы оперативной реакции на критические публикации. Нужно не игнорировать спорные оценки, а предлагать конструктивный диалог. Наконец, полезно синхронизировать контент-стратегии. Важно планировать ключевые сообщения так, чтобы

они последовательно раскрывались и в соцсетях, и в СМИ, создавая единое информационное поле вокруг ключевых инициатив губернатора.

Грамотное управление цифровым медиаобразом позволяет не только повысить прозрачность деятельности региональной власти, но и укрепить связь между руководством области и её жителями. В условиях растущей цифровизации общества такая коммуникация становится ключевым фактором устойчивого развития региона и повышения доверия к институтам власти.

Библиографический список

1. Колышкина Т.Б., Шустина И.В. Способы создания медиаобраза руководителя региона // Гуманитарные технологии в современном мире: сборник статей X Международной научно-практической конференции. Калининград: Полиграфычъ, 2022. С. 226-229.

2. Ольшанский Д.В. Политический PR. СПб: ПИТЕР, 2003. 544 с.

3. Складенко К.В. Политический имидж: к исследованию понятий // Экономика и социум. 2020. № 11 (78).

4. Уракова В.А. К проблеме исследования медиаобраза политического лидера // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 3.

УДК 316.77

Речевая агрессия в телевизионных ток-шоу и ее восприятие молодежной аудиторией

Сафонова П.Г.

*Научный руководитель: Шустина И.В., канд. филол. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Актуальность исследования речевой агрессии в медиапространстве обусловлена ее распространённостью в телевизионном контенте, в частности, в ток-шоу, ориентированных на широкую аудиторию. Телевизионные ток-шоу, будучи одним из наиболее рейтинговых форматов, сознательно используют конфликт и речевую агрессию как ключевые элементы драматургии, что оказывает влияние на коммуникативные установки зрителей, особенно молодежи.

В рамках исследования был проведен детальный контент-анализ пяти выпусков телевизионной программы «Мужское и женское», вышедших в эфир на Первом канале в период с 13 по 17 октября 2025 года. Анализ строился на фиксации единиц наблюдения по трем основным категориям:

лексические проявления (оскорбления, уничижительные сравнения, негативно окрашенные оценочные суждения), интонационные параметры (повышение громкости, крик, сарказм) и невербальные проявления (жесты, мимика, поза).

Проведенный анализ позволил определить наиболее распространенные формы речевой агрессии и выстроить их в порядке убывания частоты использования. Наиболее частотной категорией стали оценочные высказывания (24%), выполняющие функцию морального осуждения и используемые для усиления эмоционального воздействия. Показательными примерами являются фразы ведущей Юлии Барановской: «Как можно жить в таких условиях, когда дети спят без света?» и «Вы позорите своих детей, они страдают из-за вас!».

Следующей по распространенности формой стал повышенный тон и крик (19%), используемые как средство доминирования и психологического давления в пиковые моменты конфликта. Третье место занял сарказм (15%), чаще всего используемый ведущими, например, Александром Гордоном: «Ну да, конечно, вы идеальная мать — просто соседи все выдумали!».

Грубые выражения и прямые оскорбления составили 13% от общего числа проявлений. Агрессивная невербалика (активная жестикуляция, напряженная мимика) заняла 11%. Насмешки проявились в 9% случаев, сравнения и метафоры — в 6%. Наименьшую частотность имели нецензурные выражения (3%), зафиксированные лишь в одном выпуске и исключительно в виде цитирования.

Качественный анализ выявил динамику и источники агрессии. Ведущие (Ю. Барановская и А. Гордон) последовательно выступали в роли главных инициаторов конфликта, используя сарказм, оценочные высказывания и риторические вопросы для создания атмосферы публичного морального суда. Участники конфликта проявляли агрессию в более прямой форме — через крики, взаимные оскорбления и обвинения. Аудитория в студии выполняла роль «хора», усиливая эффект общественного порицания.

Динамика агрессии в рамках каждого выпуска имела четкую сценарную логику: в завязке ведущие задавали напряженный тон, в фазе развития конфликта градус возрастал, в кульминации и развязке агрессия спадала, уступая место моральным выводам и ультиматумам.

Для исследования восприятия речевой агрессии молодежной аудиторией было проведено анкетирование 102 респондентов. Результаты показали, что большинство зрителей смотрят ток-шоу редко (40,2%) или

от случая к случаю (31,4%), в основном с целью пассивного отдыха (73,5%) или развлечения (47,1%).

Подавляющее большинство зрителей отчетливо идентифицируют в ток-шоу различные формы речевой агрессии: повышенный тон и крик (78,4%), перебивание собеседника (76,5%), иронию и сарказм (60,8%). При этом 39,2% респондентов относятся к использованию речевой агрессии нейтрально, что свидетельствует о ее привычности как элемента формата.

Большинство опрошенных (48%) считают, что агрессия в ток-шоу скорее не отражает реальную жизнь, воспринимая программы как искусственно сконструированное зрелище. При этом 45,1% респондентов прагматично допускают оправданность агрессивного поведения, если оно привлекает зрителей.

Подавляющее большинство респондентов не испытывают эмоциональной разгрузки после просмотра ток-шоу (41,2% скорее не согласны, 24,5% абсолютно не согласны), что опровергает теорию катарсиса. Большинство (52,9%) отрицают прямое влияние конфликтных шоу на собственную речь, однако 45,1% признают, что подобные шоу делают грубый стиль общения в обществе более привычным.

Мнение аудитории разделилось относительно гипотетического исключения агрессии из программ: 32,4% считают, что стало бы скучно, а 31,4% — комфортнее. Подавляющее большинство (74,5%) видят основную причину использования речевой агрессии в желании создателей создать драму и привлечь зрителей.

Анализ открытого вопроса, где требовалось распознать проявления агрессии в тексте, показал, что аудитория демонстрирует высокий уровень понимания и верного распознавания как явных признаков (оскорбления, крик), так и манипулятивных тактик.

Таким образом, речевая агрессия является не случайным, а системным и сознательно используемым элементом формата ток-шоу «Мужское и Женское». Она выполняет ключевые функции драматизации конфликта, инструмента публичного осуждения и средства удержания внимания аудитории. Молодежная аудитория осознает искусственную природу этой агрессии, воспринимает ее как элемент сценарного приема, но при этом признает ее вклад в нормализацию грубого стиля общения в общественном дискурсе.

Список литературы

1. Дорцева Е.В. Современная российская молодежь как целевая аудитория деструктивной пропаганды // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 2. С. 114-136.

2. Щербинина Ю.В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления: учеб. пособие. М.: Флинта, Наука, 2023.

УДК 338

Антикризисные коммуникационные стратегии бренда: сравнительный анализ кейсов

Сергеева В.Ю.

*Научный руководитель: Цветкова О.Л., канд. пед. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал.*

Современная бизнес-среда характеризуется высокими репутационными рисками. Скорость распространения информации в цифровую эпоху способна превратить локальный инцидент в масштабный скандал за несколько часов. В этих условиях эффективные антикризисные коммуникации становятся необходимым инструментом защиты и восстановления доверия к бренду.

Кризис в деятельности бренда можно определить как событие, которое угрожает нарушить работу организации и несет финансовую и репутационную угрозу [4]. Для выбора верной стратегии важна точная диагностика типа кризиса. по сфере возникновения кризисы делятся на внешние и внутренние, по динамике протекания – на неожиданные, назревающие и непрерывные [5].

Теоретическую базу антикризисных коммуникаций составляют несколько ключевых моделей. Ситуационная теория кризисных коммуникаций (SCCT) Т. Кумбса связывает выбор стратегии с уровнем воспринимаемой ответственности организации (жертва, виновник, несчастный случай). Теория восстановления имиджа У. Бенуа предлагает набор стратегий от отрицания до принятия мер по исправлению ситуации [5]. Наиболее современный подход – теория обновления – рассматривает кризис как возможность для позитивной трансформации бренда [2].

В ходе исследования был проведен сравнительный анализ трех кейсов, представляющих различные подходы к управлению ими.

Кризис Lego в начале 2000-х годов был классическим примером внутреннего назревающего кризиса. Чрезмерное увлечение диверсификацией, отход от основного продукта (конструктора) и потеря фокуса на потребителе привели к рекордным убыткам. Новое руководство реализовало стратегию, основанную на теории обновления. Ключевыми

мерами стали: возвращение к истокам («назад к кирпичикам»), закрытие непрофильных направлений, рационализация производства и развитие партнерства с крупными франшизами. Коммуникация строилась на демонстрации контроля и акценте на ценности креативности, что позволило укрепить позиции глобального лидера [3].

Кризис «Вкусно – и точка» носил совершенно иной характер – внешний и неожиданный. Уход McDonald's с российского рынка в 2022 году поставил под угрозу существование 850 ресторанов и 62 тыс. сотрудников. Новый владелец применил комбинированную стратегию, сочетающую демонстрацию ответственности (SCCT) и создание нового национального бренда на базе старого (теория обновления). Ключевыми факторами успеха стали: скорость перезапуска, сохранение команды и поставщиков, фокус на преемственности вкуса и качества при одновременном формировании новой идентичности. Несмотря на волну критики в адрес ребрендинга, компании удалось быстро восстановить рыночные позиции [1].

Противоположным примером служит кейс бренда Pims в 2025 году. Внутренний, неожиданный кризис был спровоцирован публикацией рекламного ролика «Pims Police», содержащего сцену агрессивного обыска девушки. Видео наложилось на острый социальный контекст (обсуждение реальных случаев домогательств), что вызвало масштабную волну негатива и хештег #nopims. Первоначальная реакция руководства (отрицание проблемы, высокомерие, закрытие комментариев) продемонстрировала грубейшее нарушение принципов антикризисного управления. Отсутствие эмпатии и попытки переключить внимание на другой ролик лишь усугубили ситуацию. Только запоздалое признание ошибок и смена команды позволили начать процесс реабилитации, однако репутационный ущерб оказался крайне серьезным [6].

Сравнительный анализ успешных кейсов позволяет выделить общие принципы эффективных антикризисных стратегий. Во-первых, фокус на фундаментальной ценности для потребителя: Lego сделал ставку на универсальность конструктора, а «Вкусно – и точка» - на узнаваемый вкус и скорость обслуживания. Во-вторых, приоритет внутренней аудитории и партнеров: стабилизация работы с сотрудниками и поставщиками создала прочный фундамент для дальнейшей работы. В-третьих, прозрачность и демонстрация контроля: публичное признание проблем в сочетании с четким планом действий формировало доверие. В-четвертых, гибкость в применении теоретических моделей: успешные компании комбинируют подходы, адаптируя их под конкретные обстоятельства.

Таким образом, универсальной антикризисной стратегии не существует. Ее эффективность зависит от точной диагностики типа кризиса, осознанного выбора теоретических моделей и готовности руководства действовать оперативно, прозрачно и с фокусом на сохранении ключевых ценностей бренда.

Библиографический список

1. Дошли до «точки»: что стало с сетью McDonald's в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/483155-dosli-dotocki-cto-stalo-s-set-u-mcdonald-s-v-rossii>.

2. Евстифеева Е.О. Управление кризисом: роль коммуникации в ходе организационного кризиса: реферат статьи Марсен С. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2021. № 2. С. 162–167.

3. Как спасали Lego и Hasbro, меняя стратегии развития [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vedomosti.ru/management/blogs/2016/06/06/643760-kak-igrushechnie-kompanii-realizuyut-strategii>.

4. Мягков А.А. Теория ситуационной кризисной коммуникации в управлении организации // Организационно-экономические и инновационно-технологические проблемы модернизации экономики России: сб. ст. XII Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 24–25 июня 2022 г. / под науч. ред. В. Н. Лазарева, Б. Я. Татарских. Пенза: Пензенский ГАУ, 2022. С. 189–193.

5. Новоселова К.М. PR-подходы к управлению репутацией в ситуациях HR-кризиса // Экономика. Управление. Финансы. 2025. № 2 (40). С. 465–478.

6. Сооснователь Pims – впервые открыто о скандале и культуре отмены [Электронный ресурс]. URL: <https://style.rbc.ru/life/693aa0379ad81fd30d2>.

УДК

Факторы влияния на формирование медиаграмотности молодого поколения

Силаева Е.А.

*Научный руководитель: Цветкова О.Л., канд. пед. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Современное поколение взрослеет в условиях тотальной цифровизации. Интернет и социальные сети стали не просто каналами получения информации, но и ключевым пространством для социализации, образования и досуга. Однако цифровая среда несет в себе серьезные риски: фейковые новости, манипуляции сознанием, кибербуллинг. В связи с этим медиаграмотность перестает быть узкопрофессиональным навыком, превращаясь в базовую компетенцию, необходимую каждому для личной безопасности и эффективного функционирования в обществе.

Формирование медиаграмотности – сложный многофакторный процесс. Он не возникает спонтанно с появлением у молодого человека смартфона, а складывается под влиянием комплекса социальных институтов и индивидуальных особенностей. Понимание этих факторов позволяет не только диагностировать текущий уровень компетенций молодежи, но и выстраивать эффективные стратегии медиаобразования.

В научной литературе медиаграмотность рассматривается как комплексная характеристика личности, включающая несколько компонентов: когнитивный (понимание медиатекстов), критико-аналитический (способность оценивать достоверность и выявлять манипуляции), ценностно-этический (ответственность в сети), практико-креативный (создание контента) и рефлексивный (анализ собственного медиапотребления) [1].

На формирование этих компонентов оказывают влияние различные институциональные факторы. Первым и основополагающим институтом является семья. Как отмечает И.В. Чельшева, именно в семье закладываются основы «цифровой гигиены», формируются первые привычки потребления информации и неформальная культура использования гаджетов. Однако в современном мире часто наблюдается «цифровой разрыв»: техническая компетентность детей превосходит родительскую, что снижает воспитательный потенциал семьи.

Вторым ключевым фактором выступает система образования. Школа и вуз обладают уникальным потенциалом для системного, а не стихийного развития медиаграмотности. Интеграция элементов медиаобразования в учебные дисциплины (анализ источников на истории, проверка фактов на информатике, создание контента в рамках проектной деятельности) позволяет охватить все компоненты медиакомпетентности. Однако, по замечанию Е.А. Бондаренко, эта работа часто носит фрагментарный характер.

Не менее значимым фактором является сама медиасреда. Интернет и социальные сети — это амбивалентный институт. С одной стороны, алгоритмы, создающие «пузыри фильтров», сужают кругозор, а высокая

скорость распространения информации провоцирует распространение фейков. С другой стороны, цифровая среда дает молодежи инструменты для творчества и реализации практико-креативного компонента, а также выступает площадкой для неформального обучения через блогеров-просветителей. Наконец, государство выступает системным интегратором, задавая стандарты (например, Приказ Минкомсвязи № 22 «О Критериях медиаграмотности») и финансируя образовательные программы, что создает необходимые рамочные условия.

Для проверки теоретических положений и выявления актуального состояния медиаграмотности было проведено эмпирическое исследование среди студентов Ярославского филиала Финансового университета при Правительстве РФ. В анкетировании приняли участие 105 студентов в возрасте от 18 до 22 лет. Исследование было направлено на диагностику медиаповедения, критического мышления и цифровых привычек молодежи. Полученные результаты позволили конкретизировать, как именно различные факторы влияют на формирование медиаграмотности.

Влияние цифровых привычек и интенсивности потребления. Данные показали, что интернет занимает доминирующее место в жизни студентов: 80% опрошенных проводят в сети от 5 до 7 и более часов ежедневно. Основными источниками информации являются Telegram и TikTok. Эта среда характеризуется высокой скоростью распространения непроверенной информации и наличием анонимных источников. Высокая вовлеченность сама по себе не гарантирует грамотности, но создает предпосылки для нее, одновременно повышая уязвимость. Студенты, проводящие в сети больше времени, чаще сталкиваются с рисками, что должно актуализировать потребность в защитных механизмах, однако на практике этого не происходит без внешнего обучающего воздействия.

Уровень развития критико-аналитического фактора. Исследование выявило разрыв между знанием терминов и практическими навыками. Большинство студентов знакомы с понятиями «фейк-ньюс» и «кликбейт», однако при оценке достоверности информации значительная их часть ориентируется на мнение блогеров или знакомых, а не на официальные источники. Это свидетельствует о том, что знание терминов не всегда перерастает в устойчивый навык верификации. Студенты склонны выбирать осторожную стратегию в явно подозрительных ситуациях, но могут пропускать более тонкие манипуляции. Данный фактор напрямую коррелирует с качеством образования: те, кто проходил обучение основам фактчекинга, демонстрируют более высокие результаты в ситуационных заданиях.

Фактор цифровой гигиены и безопасности. Исследование показало средний уровень сформированности этого фактора. Несмотря на осведомленность о кибербезопасности, 28 человек из 105 используют единый пароль для всех аккаунтов, а 12 вообще не задумываются о безопасности. Это говорит о недостаточной дисциплине и непонимании реальных рисков. Здесь особенно заметно влияние семейного воспитания и неформального опыта, так как в школьной программе этим вопросам часто уделяется недостаточно внимания.

Социально-психологический и рефлексивный факторы. Многие студенты признают, что цифровая среда влияет на их эмоциональное состояние, вызывая усталость и тревогу. Около половины респондентов отмечают, что иногда жалеют о своих действиях в социальных сетях (поспешных комментариях или репостах). Это указывает на наличие рефлексивного потенциала, который, однако, не всегда реализуется в момент принятия решения. Наличие поддерживающей среды — друзей или семьи, с которыми можно обсудить увиденное, — смягчает негативные последствия и способствует развитию осознанности.

Институциональный образовательный фактор. Наиболее значимым выводом стал запрос на системное обучение. Значительная часть студентов ранее не проходила формального обучения медиаграмотности, но большинство выразили заинтересованность в интерактивных лекциях, мастер-классах и разборе реальных кейсов. Это подтверждает, что потенциал вузов и школ как факторов влияния используется не в полной мере, а молодежь готова к восполнению этого пробела.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что формирование медиаграмотности молодого поколения находится под перекрестным влиянием нескольких групп факторов. Интенсивное, но неотрефлексированное медиапотребление создает среду риска. Несистемное семейное воспитание и недостаточная интеграция медиаобразования в школьные и вузовские программы приводят к тому, что когнитивная база (знание терминов) опережает развитие практических критико-аналитических и этических навыков.

Эмпирические данные подтверждают, что для преодоления этого разрыва необходим комплексный подход. Эффективное формирование медиаграмотности возможно только при синергии усилий семьи (формирование базовых привычек), образовательных институтов (системное развитие навыков) и государства (создание стандартов и поддержка программ). При этом любая стратегия должна учитывать психологические особенности молодежи, их запрос на интерактивность и

практическую пользу, что позволит превратить стихийный процесс освоения цифрового мира в осознанное и управляемое развитие.

Библиографический список

1. Жижина М.В. Медиаграмотность как стратегическая цель медиаобразования: о критериях оценки медиакомпетентности // Медиаобразование. 2016. № 4.

УДК 659.1.012.12

Оценка инфографики в урбанистическом пространстве (на примере города Ярославль)

Ситникова Е.Ю.

*Научный руководитель: Колышкина Т.Б., канд. филол. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Современная городская среда формируется не только архитектурой, но и визуальными коммуникациями. Инфографика как инструмент визуализации данных обеспечивает навигацию, снижает когнитивную нагрузку и участвует в формировании идентичности города. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью оценки того, насколько существующие инфографические решения в Ярославле соответствуют ожиданиям жителей.

Эмпирическую базу исследования составил интернет-опрос (167 опрошенных). На первом этапе был проведен ассоциативный эксперимент (32 респондента, 320 ассоциаций), выявивший ядро восприятия города: «исторический», «красивый», «культурный», «туристический». Эти данные легли в основу разработки анкеты, включающей закрытые вопросы, шкалу Лайкерта и семантический дифференциал.

Анализ показал, что основным инструментом навигации для 80,2% респондентов являются мобильные приложения. Городские указатели и схемы использует лишь четверть опрошенных, что может свидетельствовать о недостаточном доверии к физической навигационной инфраструктуре. Наиболее острая нехватка понятной инфографики, по мнению респондентов, наблюдается на остановках общественного транспорта (64,1%), в исторических местах и парках.

Кластерный анализ оценок навигации, представленный на рисунке 1, выявил три группы критериев. Наиболее значимыми для горожан оказались функциональные характеристики: «понятные»,

«информативные», «полезные», к которым примыкают «достоверные» и «актуальные». Эстетические критерии («визуально привлекательные», «современные») сформировали отдельный, менее приоритетный кластер.

Выявлены гендерные различия: мужчины в первую очередь ценят пользу и достоверность, тогда как женщины демонстрируют более сложную структуру оценок, сочетая функциональные требования с вниманием к визуальной эстетике и современности оформления.

Факторный анализ семантического дифференциала показал, что образ города формируется пятью факторами. Доминирует фактор положительных эмоционально-эстетических характеристик (привлекательный, жизнерадостный, красивый), что создает благоприятную основу для внедрения новых визуальных решений. В совокупности данные факторы демонстрируют многослойность восприятия города, от эстетической привлекательности и эмоционального комфорта до переживания динамики, традиционности и напряженности городской среды. Такая структура подтверждает, что визуальный образ города формируется комплексно и включает взаимосвязанные эмоциональные, структурные и культурные компоненты.

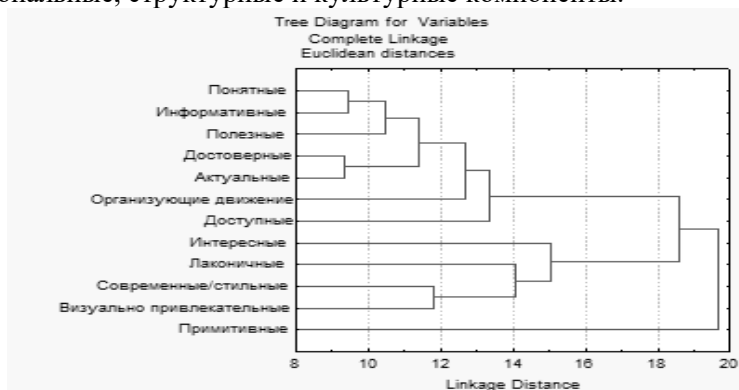

Рисунок 1. Дендрограмма ответов на вопрос «насколько Вы согласны с утверждением, что указатели и навигация, которые используются в городской среде Ярославля, соответствуют указанным критериям» (выборка в целом)

Таким образом, инфографика в Ярославле воспринимается жителями преимущественно как функциональный инструмент. Эстетическая составляющая важна, но вторична. Существующая навигационная система частично удовлетворяет потребности, однако требует модернизации,

особенно в зонах транспортных узлов и туристических маршрутов, с учетом выявленных критериев понятности, актуальности и доступности.

Библиографический список

1. Зинурова А.А. Формирование визуального образа городской среды средствами графического дизайна (на примере городов России) // Управление устойчивым развитием. 2021. № 3. С. 74-80.

2. Коноваленко М.Ю., Коноваленко В.А. Теория коммуникации: учебник. М.: Юрайт, 2020. 415 с.

УДК 659.1.012.12

Актуальные проблемы коммуникации в работе ООО «Спектр»

Соболева А.Е.

*Научный руководитель: Колышкина Т.Б., канд. филол. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Коммуникативные ресурсы являются важным инструментом в работе любой компании на данный момент. Их использование позволяет быстро передать и получить информацию от клиента к покупателю и обратно. На разных этапах развития общества медиаресурсы были представлены по-разному. В современном мире широко распространены такие ресурсы, как онлайн-площадки, мессенджеры и различные приложения, необходимые для быстрой коммуникации для людей, находящихся в разных местах.

Целями данной статьи является ознакомление с актуальными проблемами, которые могут помешать для оперативной работы с клиентами ООО «Спектр».

ООО «Спектр» действует с 21 марта 2019 года. Основное направление экономической деятельности – производство строительно-монтажных работ. Организация работает по 19 направлениям. Особенности организационной структуры в том, что у нее нет филиалов. Категория субъекта – микро, что предполагает штат сотрудников до 15 человек. ООО «Спектр» является участником на Федеральном ресурсе, имеет 1 договор финансовой аренды (лизинга).

Ниже представлены дополнительные виды деятельности:

- разработка строительных проектов;
- строительство жилых и нежилых зданий;
- разработка и снос зданий;
- подготовка строительной площадки;

- разведочное бурение;
- еще 14 видов деятельности [2].

Для организации коммуникаций компания использует несколько социальных сетей, а именно: «ВКонтакте» и «Одноклассники».

Целями данных медиаресурсов является:

- оперативное общение с клиентами;
- отчет или исправление ошибок в работе;
- оперативное размещение новой информации;
- размещение новых вакансий или изменений в ценах;
- персональный подход к каждому покупателю;
- отчет о проделанной работе [1].

Указанные выше медиаресурсы имеют множество полезных дополнительных функций, которые позволяют работать с клиентами. С недавнего времени для оперативного общения с клиентами организация начала использовать российский сервис обмена сообщениями – «МАХ».

Некоторые проблемы в работе с сервисом:

- собственные аккаунты неисправны;
- отсутствие собственных групп;
- нестабильное управление.

Наша компания осуществляла создание собственных групп, где должна быть выложена информация только о строительных работах. Кроме того, можно увидеть реальные страницы работников данной организации.

Нами установлено, что социальная сеть «ВКонтакте» является наиболее успешной в поиске новых заказчиков различных строительных работ. Социальная сеть «Одноклассники» в настоящее время не имеет серьезных успехов в поиске потенциальных заказчиков.

В связи с этим можно порекомендовать руководству ООО «Спектр» отказаться от использования социальной сети «Одноклассники» и сосредоточить все внимание на одном ресурсе «ВКонтакте».

Мессенджер «МАХ» необходимо оставить для быстрых сообщений с клиентами. Это еще важно и потому, что в организации нет отдельной должности SMM-менеджера, который бы занимался продвижением.

Что касается выбранной социальной сети, то стоит обратить внимание на следующие направления работы по организации коммуникации с клиентами:

- создание чат-ботов, для оптимального общения с клиентами и быстрой реакции на запросы;
- подробное информирование о работе организации и тех услугах, которые она оказывает;

- иллюстрирование работы организации фотографиями в социальной сети;
- изменение колористики страниц в социальной сети;
- публикация отзывов о работе организации от крупных заказчиков.

Библиографический список

1. Абрамов В. С. Стратегический менеджмент. М.: Юрайт. 2024. 435 с.
2. Мегарез [Электронный ресурс]. URL: <https://mega-rez.ru>.

УДК 793.3:659.1:379.8-053.6

Способы продвижения танцевальных фестивалей для молодежной аудитории (на примере K-pop cover dance)

Соколова Е.А.

*Научный руководитель: Цветкова О.Л., канд. пед. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В современном медиaprостранстве фестивальные движения занимают важное место как платформа для творческой самореализации молодежи. Особую популярность среди молодых людей приобретают танцевальные фестивали направления K-pop cover dance, что делает актуальным поиск эффективных инструментов их продвижения. Цель данной работы — на основе контент-анализа Telegram-каналов выявить наиболее результативные стратегии коммуникации с молодежной аудиторией.

Фестивальный продукт представляет собой комплексное понятие, включающее не только конкурсную программу, но и уникальную атмосферу, возможности для социализации и самовыражения [1]. Для молодежи как целевой аудитории, характеризующейся «клиповым мышлением» и высокой степенью интеграции в цифровую среду, особую ценность приобретает возможность принадлежать к сообществу единомышленников [3]. Молодые люди доверяют лидерам мнений внутри своего сообщества больше, чем прямой рекламе. Следовательно, эффективное продвижение требует отказа от традиционных методов в пользу создания уникального эмоционального опыта и выстраивания диалога [4].

Ключевыми инструментами продвижения выступают событийный маркетинг, активное присутствие в социальных сетях и мессенджерах, а также выстраивание системы социального партнерства. Применительно к K-pop cover dance фестивалям эти инструменты приобретают специфику:

общение ведется на языке фанатов с использованием особых терминов и мемов, доминируют визуальные платформы (TikTok, YouTube), а ключевыми партнерами становятся не СМИ, а администраторы фан-групп и популярные хореографы К-пор направления [2].

Для подтверждения этой гипотезы был проведен контент-анализ публикаций (246) в Telegram-каналах шести фестивалей К-пор cover dance, проводимых в Ярославле и Вологде (K-ONE, K-pop Cover Dance Battle, FAP, D-WAY, K-Zone, КлюкВо) за период январь-сентябрь 2024 г. Анализ позволил выделить три модели коммуникационных стратегий.

Информационно-пассивная (K-ONE, FAP, КлюкВо): каналы функционируют как «доска объявлений» с преобладанием нейтральных текстовых постов, низкой интерактивностью и редким использованием элементов бренда. Результат — низкая вовлеченность аудитории (в среднем 5-20 реакций).

Профессиональный имидж (K-pop Cover Dance Battle, K-Zone): стратегия сочетает информационные посты с системным использованием фирменного стиля, логотипов и хештегов. Это создает образ надежного и технологичного мероприятия, поддерживая стабильно высокую вовлеченность (30-80 реакций).

Ориентированная на сообщество (D-WAY): наиболее эффективная модель, основанная на диалоге с подписчиками. Высокая интерактивность (опросы, обсуждения), разнообразие контента (лайф-контент, видео) и эмоциональная честность превращают подписчиков в активных участников жизни фестиваля. Данная стратегия обеспечила максимальные показатели вовлеченности (до 143 комментариев на пост).

Таким образом, успех продвижения танцевальных фестивалей в цифровой среде определяется не просто информированием, а комплексным подходом. Ключевыми факторами эффективности являются: системное использование элементов бренда для формирования имиджа, высокий уровень интерактивности и двусторонней коммуникации, а также создание эмоционально окрашенного и разнообразного контента. Наиболее перспективной представляется стратегия, направленная на культивацию сообщества, где мессенджер становится пространством для сотворчества и равноправного диалога организаторов и аудитории.

Библиографический список

1. Аликиперов И.М., Яковлева А.А. Роль фестивальной деятельности в продвижении любительских танцевальных коллективов // Управление культурой. 2023. №2 (6). С. 42–46.

2. Кузьмина Н.В. Партнёрство креативных индустрий и некоммерческих организаций в контексте территориального развития // Вестник МГУКИ. 2022. №4 (108). С. 120–128.

3. Акчурина Е.М. Молодёжь как целевая аудитория современной рекламной компании // Всероссийский журнал научных публикаций. 2011. №5 (6). С. 23–24.

4. Манихин А.А. Понятие, сущность и преимущества событийного маркетинга // Российское предпринимательство. 2010. №3-1. С. 152–156.

УДК 65.497

Особенности PR-стратегий продвижений направлений подготовки «Медиакоммуникации» в вузах Ярославля

Стельмаченко М.С.

*Научный руководитель: Цветкова О.Л., канд. пед. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В условиях растущей конкуренции на рынке образовательных услуг и изменений в потребительских предпочтениях, эффективные PR-стратегии становятся ключевыми для вузов, стремящихся привлечь студентов и укрепить свою репутацию. Современные студенты активно используют цифровые платформы для поиска информации о вузах, поэтому важно адаптировать PR-стратегии к новым реалиям. Это позволяет не только повысить видимость учебного заведения, но и создать позитивный имидж, способствующий привлечению талантливых абитуриентов.

«Продвижение направлений подготовки» — это комплекс мер, направленных на увеличение спроса на образовательное учреждение в целом или на конкретные направления подготовки и специальности, а также на привлечение большего количества обучающихся, в том числе на коммерческой основе [1, с. 25].

К методам продвижения относятся создание и распространение контента в социальных сетях (информационные посты о направлениях подготовки, преимуществах обучения, отзывы студентов и выпускников, информация о профессорско-преподавательском составе и инфраструктуре, проведение онлайн-мероприятий (вебинары и конкурсы для привлечения внимания к аудитории), а также отслеживание эффективности проводимых мероприятий и корректировка стратегии продвижения в соответствии с результатами.

Значение продвижения для вуза заключается в том, что оно помогает образовательной организации развиваться, обеспечивать устойчивость и рост.

Основные критерии, по которым сравниваются PR-стратегии, включают в себя определение целевой аудитории, на которую направлены коммуникационные усилия (абитуриенты, партнёры, конкуренты, сотрудники или студенты). Важным аспектом является использование конкретных инструментов PR, таких как официальный сайт, социальные сети, различные мероприятия, а также создание контента, который распространяется через эти каналы: новости, образовательные программы, достижения, события и аспекты студенческой жизни. Не менее значимым является подход к взаимодействию с аудиторией, то есть уровень информационной поддержки, вовлеченности и обратной связи. Также особое внимание уделяется внутренним PR-кампаниям, ориентированным на сотрудников и студентов. Наконец, важно учитывать наличие или отсутствие определенных инструментов и методов, что позволяет понять, какие средства коммуникации активно используются, а какие — нет или задействованы не в полной мере [2, с. 69].

Проведенный анализ показывает, что все три образовательные учреждения активно применяют внешние PR-стратегии для привлечения абитуриентов, информирования партнеров и демонстрации своих конкурентных преимуществ. Основными каналами коммуникации являются их официальные сайты и социальные сети. Ярославский филиал Финансового университета, ЯрГУ имени П.Г. Демидова и ЯГПУ имени К.Д. Ушинского активно используют платформы ВКонтакте, Telegram и Rutube. Для привлечения аудитории широко используются различные мероприятия, такие как дни открытых дверей, конференции, выставки и спортивные турниры.

В отличие от других вузов, Ярославский филиал Финансового университета активно использует механизмы стимулирования и поощрения выдающихся сотрудников и студентов, вдохновляя их на достижение высоких результатов.

Классификации PR-стратегий для продвижения направления "Медиакоммуникации" Ярославского филиала Финансового университета показывают, что данный подход является всесторонним и охватывает все важнейшие аспекты продвижения. Основные идеи можно объединить в две группы по критериям классификации. Во-первых, по целям и задачам, где подчеркивается многообразие PR-деятельности: продвижение направления включает работу над формированием имиджа, позиционированием, демонстрацией экспертности, созданием

уникальности и развитием партнерских связей. В то же время необходимо привлекать абитуриентов через информирование, создание интереса и поддержку при поступлении, а также удерживать и развивать текущих студентов, обеспечивая комфортную среду, вовлеченность и карьерные перспективы. Важной составляющей является выстраивание отношений с внешней средой, включая работодателей, власти, СМИ и общественность. При этом успех в одной области напрямую влияет на другие: положительный имидж и успешные выпускники способствуют привлечению новых студентов и укреплению связей с бизнесом. Стратегии четко ориентированы на разные целевые аудитории — потенциальных и текущих студентов, их родителей, работодателей и медиа, что подчеркивает их целенаправленность. Также особое внимание уделяется практической составляющей, связанной с актуальностью, соответствием требованиям рынка труда и успешным трудоустройством выпускников.

Во-вторых, по используемым инструментам и каналам коммуникации, стратегия предполагает интеграцию традиционных и современных цифровых методов. Эффективное продвижение требует работы со СМИ, публикаций и пресс-конференций, а также активного использования цифровых платформ, таких как социальные сети, контент-маркетинг и email-рассылки. Онлайн-присутствие играет важную роль в построении диалога с аудиторией, повышении узнаваемости и вовлеченности, что особенно актуально для медиа-направления. Кроме того, мероприятия и событийные PR-активности позволяют создать живой опыт взаимодействия и продемонстрировать ценность направления. Успех цифровых стратегий во многом зависит от качества и разнообразия создаваемого контента — видео, статей, постов и образовательных материалов.

Можно сделать вывод о том, что данная классификация PR-стратегий отражает современный, многоуровневый и интегрированный подход к продвижению образовательного направления. Для Ярославского филиала Финуниверситета, развивающего "Медиакоммуникации", крайне важно последовательно реализовывать эти стратегии, уделяя особое внимание формированию долгосрочной репутации и имиджа, а также оперативному привлечению абитуриентов и поддержанию высокого уровня студенческой жизни. Важным аспектом является гармоничное сочетание традиционных методов работы со СМИ и мероприятий с современными цифровыми инструментами, такими как социальные сети, контент-маркетинг и email-рассылки. Активное взаимодействие со всеми заинтересованными сторонами, включая студентов, работодателей, СМИ

и общественность, станет залогом успешного развития направления и укрепления его позиций на рынке образовательных услуг.

Классификация PR-стратегий для продвижения направления "Медиакоммуникации" ЯрГУ им. П.Г. Демидова демонстрирует комплексный и системный подход к формированию и укреплению имиджа, привлечению и развитию студентов, а также взаимодействию с внешней средой. Использование разнообразных инструментов и каналов коммуникации, а также баланс между массовыми, региональными, краткосрочными и долгосрочными стратегиями позволяют эффективно достигать поставленных целей. Такой многоаспектный подход способствует повышению узнаваемости направления, укреплению его позиций в образовательной и медиа-среде, а также созданию устойчивого имиджа, ориентированного на будущее развитие и научное лидерство.

Классификация PR-стратегий для направления «Медиакоммуникации» ЯГПУ им. К.Д. Ушинского охватывает имидж, репутацию, узнаваемость и привлечение целевых аудиторий. Стратегии строятся по двум осям: целевые аудитории и конкретные задачи. Для абитуриентов главные задачи — формирование прочной репутации, полнота информации об программах и позитивный образ в целом. Студенческую аудиторию привлекают через акцент на студенческой жизни, профессиональном развитии и карьерных перспективах. Внешним партнёрам (компании, СМИ, другие вузы) — построение взаимовыгодных отношений, информирование о деятельности центра и привлечение проектов. PR-стратегии ориентированы на информирование и вовлечение заинтересованных сторон через современные цифровые инструменты и соцсети. Подход является многоаспектным и учитывает имидж, репутацию, узнаваемость и привлечение аудиторий. Взаимодействие с целевыми группами направлено на достижение конкретных целей и задач продвижения направления. Применение цифровых технологий обеспечивает актуальность и своевременность стратегий. ЯГПУ демонстрирует структурированный и целенаправленный подход к PR для развития направления «Медиакоммуникации».

Таким образом, все три вуза осознают важность PR-деятельности и используют разнообразные инструменты для достижения своих целей. Тем не менее, можно заметить различия в уровне активности и применении определенных каналов, что может быть обусловлено их особенностями, приоритетами и доступными ресурсами.

Библиографический список

1. Николаев С.И. PR в образовании: практические аспекты. Казань: Казанский университет, 2019. 164 с.

2. Григорьев Н.И. Основы PR: учеб. пособие. СПб: Питер, 2019. 178 с.

УДК 32.019.51

Переключение информационной повестки как инструмент кризисных коммуникаций: кейс Дональда Трампа

Стренин А.А., Удодова К.

Научный руководитель: Морева А.Н., преподаватель

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Социальные медиа дали общественности прямой канал коммуникации в обход СМИ. Президентство Трампа показало стратегию «наводнения инфополя»: он сознательно избегал традиционных СМИ в пользу постов и видео, чтобы отвлекать внимание от нежелательных тем [1].

Цель исследования – проанализировать механизм переключения повестки на примере кейсов февраля и марта 2026 года. Анализируется реакция президента в течение 48 часов после публикации критических новостей – период, который в исследованиях новостного цикла рассматривается как критическое окно для внедрения альтернативной повестки [2].

6 февраля 2026 года The Guardian опубликовал расследование: фирма, связанная с правительством ОАЭ, приобрела 49% криптовалютного стартапа World Liberty Financial семьи Трампа. Сделка состоялась за четыре дня до инаугурации в январе 2025 года [3].

Информационный повод приобрел негативную окраску в силу того, что участие иностранного государства в капитале бизнеса, принадлежащего действующему президенту, является нетипичной практикой и может интерпретироваться как потенциальный конфликт интересов или возможный канал неправомерного влияния. Однако Трамп, вместо реакции на обвинения, разворачивает параллельную кампанию, не связанную с исходным инфоповодом.

6 февраля появляется видео с расистским образом: лица Барака и Мишель Обамы наложены на изображения обезьян, в контексте теорий заговора о выборах-2020. 7 февраля Трамп отказывается извиняться, несмотря на критику однопартийцев [4].

Эмпирический анализ повестки 6–8 февраля демонстрирует успех стратегии. Исходный инфоповод о сделке с ОАЭ исчез из топ-новостей. The Guardian, CNN, AP переключились на скандал вокруг расистского видео, его удаление и реакцию истеблишмента.

Кейс демонстрирует стратегию эскалации новых конфликтных тем, не связанных с исходным негативом. Вместо защиты от обвинений в коррупции Трамп создает альтернативный повод с более высоким вирусным потенциалом.

5 марта 2026 года журнал TIME опубликовал статью «Trump's War», сопроводив её обложкой с кепками MAGA, где слово «America» заменено названиями стран, включая Иран [5]. Критика строилась на использовании риторики MAGA против самого Трампа: начатая 1 марта военная операция против Ирана противоречила антиинтервенционистским корням движения.

Анализ активности Трампа в Truth Social в 48-часовое окно (5–7 марта) демонстрирует стратегию перехвата нарратива. 6 марта он публикует пост с требованием от Ирана «безоговорочной капитуляции» и вводит новый слоган: «СДЕЛАЕМ ИРАН СНОВА ВЕЛИКИМ (MIGA!)» [4]. В этом посте вводится слоган MIGA как позитивный для себя контрнарратив, обещая Ирану «великое будущее» после капитуляции.

Сравнительный анализ новостной повестки 5–7 марта демонстрирует успешность примененной стратегии. Исходный инфоповод о критической статье TIME занимал доминирующие позиции 5 марта (NPR, Guardian, NYT, BBC), однако уже к 6–7 марта фокус сместился на эскалацию войны и требование безоговорочной капитуляции. Иранский президент Масуд Пезешкиан был вынужден публично опровергать возможность капитуляции, заявляя, что возможность капитуляции «всего лишь грезы».

Данный кейс демонстрирует эволюцию инструментария переключения повестки. Если в февральском кейсе Трамп использовал эскалацию новой конфликтной темы (расистский скандал), то в марте он применил более сложную стратегию: перехват и переосмысление слогана, использованного против него.

Таким образом, оба рассмотренных кейса подтверждают эффективность переключения информационной повестки как инструмента кризисных коммуникаций Дональда Трампа. Стратегия эскалации новых конфликтных тем в сочетании с эмоционально заряженной риторикой и авторскими слоганами позволяет систематически вытеснять нежелательные инфоповоды из информационного пространства и формировать альтернативную медиаповестку. Дальнейшее изучение феномена на расширенном материале позволит выявить устойчивые паттерны и оценить долгосрочные последствия.

Библиографический список

1. Bauder D. Trump takes unconventional approach to communicating to the public about war in Iran [Электронный ресурс].

URL: <https://www.timesunion.com/entertainment/article/trump-takes-unconventional-approach-to-21951392.php>.

2. Ткачева Н.В., Вартанов С.А., Дунас Д.В., Гуреева А.Н. К вопросу о теоретическом понимании новостей в цифровую эпоху: трансформация структуры, сил влияния, «жизненного цикла» // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2016. – № 3. – С. 3–24.

3. Bazzi M. Trump's family is embroiled in a \$500m UAE scandal. We've hardly noticed [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2026/feb/06/trump-family-uae-crypto-deal>.

4. Donald J. Trump [Электронный ресурс]. URL: <https://truthsocial.com/@realDonaldTrump>.

5. Courtellesa E. Trump's war [Электронный ресурс]. URL: <https://time.com/7382697/trump-iran-war/>.

УДК 659.1:316.346.2-055.2

Трансформация образа женщины в рекламе «нового» глянца

Титова Е.Н.

*Научный руководитель: Цветкова О.Л., канд. пед. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Современная медиасреда сегодня находится в состоянии активной трансформации, вызванной сменой общественных ориентиров и ценностных парадигм. В этом контексте особого внимания заслуживает феномен «нового» глянца, заявившего о себе в последнее десятилетие как о пространстве, продвигающем идеи многообразия и естественности.

Однако, будучи изначально коммерческим проектом, такой медиапродукт неизбежно оказывается в зоне конфликта между социально-ориентированной риторикой и рыночными механизмами. В связи с этим закономерно возникает вопрос: как именно трансформируется образ женщины в рекламе таких изданий и насколько эта трансформация глубока по сравнению с устоявшейся «классической» моделью? Обратимся к результатам эмпирического исследования. Сравнительный анализ рекламных образов в изданиях «классической» и «новой» волны позволяет зафиксировать структурные изменения в репрезентации женственности. Если «классический» глянец (условные Harper's Bazaar 2000-х или журнал «Лиза») формировал образ женщины через пассивную позу, акцент на

фрагментированном теле и императивные слоганы, призывающие «быть неотразимой», то «новый» глянец демонстрирует принципиально иные коды.

Тем не менее за этой внешней либерализацией скрываются более сложные механизмы. Как показал анализ вербального ряда, императив «добейся совершенства» сменился поддерживающим посылом «ты достаточна», но коммерческая природа сообщения никуда не исчезла. Она лишь стала менее очевидной: если раньше реклама прямо обещала красоту через покупку, то теперь она предлагает идентичность и самореализацию через потребление. Показательна и трансформация ценностных ориентиров: на смену внешней привлекательности и статусу приходят индивидуальность и аутентичность, что соответствует общей тенденции к индивидуализации в обществе. При этом, как свидетельствуют данные, глубина этих изменений напрямую зависит от культурного контекста: американские издания культивируют модель «корпоративного феминизма» и карьерных достижений, французские — элитарную инклюзивность как маркер изысканного вкуса, тогда как в массовом сегменте, например, в журнале «Лиза», по-прежнему сильны традиционные гендерные стереотипы.

Таким образом, исследование позволяет говорить о том, что «новый» глянец не отменяет потребительскую парадигму, а лишь усовершенствует её инструментарий. Миф о недостижимом идеале сменяется мифом о естественности, но эта естественность столь же тщательно сконструирована, как и прежняя гламурность. Ретушь не исчезла — теперь она редактирует само понятие «подлинности», встраивая его в коммерческую логику.

Осмысление данного феномена требует опоры на фундаментальные теоретические подходы. В частности, семиотическая теория Р. Барта дает инструментарий для анализа того, как визуальные и вербальные элементы рекламы производят скрытые смыслы, маскируя социальную обусловленность под «природную» данность. Дополняет эту оптику концепция символического капитала П. Бурдьё, позволяющая увидеть в гляцевых изданиях агентов символического производства, легитимирующих определенные иерархии. Если обратиться к эволюции самого глянца, то «классический» его этап, пришедшийся на 1980–2000-е годы, характеризовался формированием жестких стандартов, где женский образ конструировался преимущественно как объект созерцания, а реклама выполняла эскапистскую функцию. В противовес этому «новый» глянец, начиная с 2010-х годов, манифестирует отказ от унифицированных

канонов, делая ставку на демонстрацию естественности и расширение репрезентации [1].

Ключевые различия в репрезентации женственности проявляются по целому ряду параметров. Прежде всего, трансформации подвергается визуальный язык рекламы. Если в «классическом» глянце доминировала объективированная и пассивная поза модели с акцентом на фрагментированное изображение тела и неизменную универсальную улыбку, то в «новом» глянце мы наблюдаем принципиально иную субъектную позицию: прямой уверенный взгляд в камеру, позы, передающие действие или осмысленное состояние, а также разнообразие выражений лица, среди которых появляются задумчивость, сосредоточенность и даже скепсис.

Параллельно с визуальными трансформациями меняется и вербальный ряд. Императивные конструкции, свойственные «классической» рекламе и призывающие «добиться совершенства» или «быть неотразимой», замещаются побудительными и поддерживающими сообщениями, ориентированными на самореализацию: «создавай свое будущее», «ты достаточна», «вдохновляйся». Вместо создания проблемы и чувства неполноценности реклама «нового» глянца транслирует позитивный нарратив принятия.

Наконец, принципиально иными становятся акцентируемые ценности. На смену внешней красоте, молодости, статусу и успеху в личной жизни приходят самореализация, карьера, личностный рост, индивидуальность и аутентичность. Ценности смещаются из сферы «иметь» — вещи, статус, партнера — в сферу «быть»: успешной, осознанной, уникальной, что соответствует общей тенденции к индивидуализации в современном обществе.

Яркой иллюстрацией стратегий «нового» глянца в российском медиапространстве выступает журнал «Мнение редакции* может не совпадать». Само название издания представляет собой провокативный жест, который, по словам генерального продюсера Тины Канделаки, призван резонировать с аудиторией, формирующей «современную Россию модной и технологичной». Однако наиболее показательным с точки зрения трансформации медиаязыка является не столько публичная задача, сколько внутренняя логика коммуникации издания со своим читателем. Журнал сознательно эксплуатирует узнаваемые визуальные коды «классического» глянца, но подвергает их бережной, но последовательной деконструкции в угоду актуальным форматам. Если традиционный глянец всегда стремился к «натурализации» своих идеалов и, следовательно, к невидимости собственных риторических приемов, то «новый» глянец в лице «Мнения

редакции» демонстрирует принципиально иную стратегию. Его «дерзость» заключается в выходе за пределы мягкого символического насилия: издание не просто транслирует ценности через визуальные образы, но открыто манифестирует свою позицию, вступая в диалог с аудиторией и даже бросая ей вызов. Выход журнала в свет в 2025 году, стал не столько конкуренцией за героя, сколько демонстрацией новой рыночной реальности, где эксклюзивность уступает место множественности интерпретаций одного и того же образа. Таким образом, в данном случае мы наблюдаем переход от скрытого внушения к открытой рефлексии и провокации как новым инструментам построения диалога с искушенным потребителем.

Библиографический список

1. Хабекирова З.С., Хачецукова З.К., Шхумишхова А.Р. Реклама в глянцевого изданиях как инструмент маркетинга [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reklama-v-glyantsevyh-izdaniyah-kak-instrument-marketinga/viewer>.

УДК 659.1.012.12

Оценка ценностных ориентаций студентов Ярославского филиала финансового Университета при правительстве РФ

Тумакова М.Д.

*Научный руководитель: Колышкина Т.Б., канд. филол. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В настоящее время, молодежная аудитория считается более восприимчивой к изменениям, новшествам. Молодежь - наиболее подвижная часть населения, находящаяся под постоянным влиянием рекламных кампаний, которые сказываются на их мировоззрении и принятии решений. Студенты являются будущим общества. Осознание их ценностей, мотивации и приоритетов позволяет не только глубже понять их поведение и выбор, но и спрогнозировать будущие тенденции в профессиональной деятельности и общественной жизни.

Понятие «ценности» в теории рассматривается как относительно стабильные убеждения личности о том, что является важным и желательным в жизни. Ценностные ориентации — это устойчивые внутренние установки, отражающие степень значимости различных ценностей для конкретного индивида и направляющие его поведение и

решения. Таким образом, система ценностей выступает как структурированная совокупность элементов, связывающих индивидуальные представления с культурными и социальными нормами.

Формирования ценностей у человека начинается с раннего детства и зависит от биологических, психологических и социальных факторов. Основным механизмом является усвоение и закрепление культурных ценностей через опыт социализации. С ранних лет ребёнок перенимает нормы и установки социальной среды, которые становятся его внутренними ориентирами и регуляторами поведения.

Развитие личности как процесс интеграции в различные социальные группы изучалась А.В. Петровским, который утверждал, что «формирование личности определяется взаимоотношениями ребенка с членами референтной группы. Если какая-либо группа является наиболее значимой для ребенка по сравнению с остальными, то он принимает ее ценности, моральные нормы и формы поведения. На каждом возрастном этапе ребенок включается в новую социальную группу, которая становится для него референтной. Сначала это семья, детский сад, затем школьный класс и т.д. Любая такая группа характеризуется своими видами деятельности и особыми типами ценностей. Именно эти деятельностно-опосредованные влияют на формирование ценностей у ребёнка» [2].

Культура формирует и регулирует ценности, помогая понять их значимость. Усвоение ценностей включает адаптацию и переработку на основе личного опыта.

Профессиональная и социальная деятельность важны для формирования ценностных ориентаций, особенно в студенческом возрасте, когда происходит смена ролей, расширение социальной среды и накопление опыта. Этот период характеризуется осознанием и критическим осмыслением ценностей, что может привести к их закреплению или трансформации. Формирование ценностей — это длительный процесс, в котором переплетаются индивидуальные особенности и социально-культурное влияние.

Для исследования было проведено анкетирование «Оценка ценностных ориентаций студентов» участие, в которой приняли участие 218 человек с первого по третий курс бакалавриата. Студенты представляли следующие образовательные направления: Экономика (Бизнес-архитектура и аналитика; Финансовая разведка, управление рисками и экономическая безопасность; Экономика и финансы), Менеджмент, Медиакоммуникации и медиатехнологии, Государственное и муниципальное управление, Журналистика. Основой для создания анкеты стала система ценностей, предложенная М. Рокичем [1]. Поскольку

исследование проводилось среди студентов разных направлений и курсов, для каждого направления была составлена отдельная анкета.

Полученные результаты были объединены в таблицы по группам респондентов, которые совпадали с направлениями обучения.

В результате анализа данных по каждой группе было выявлено 5 значимых факторов, объясняющих в итоге процент дисперсии.

Проведённый анализ показывает значительное рассеивание ценностных ориентаций среди групп учащихся, что связано с их направлением обучения и личностной зрелостью.

Взгляды студентов на профессиональную свободу варьируются от незрелых ожиданий полной независимости до реалистичного признания неизбежных рамок и регламентов. Студенты направлений «Журналистика» и «ГМУ» осознают, что их будущая деятельность не будет абсолютно свободной, что говорит о большем понимании специфики своих профессий. Менеджеры, хотя и неограниченны в своих решениях, демонстрируют не столько видимость свободы, сколько активное использование гибкости для нестандартного мышления.

Студенты направления «Медиакоммуникации» и «ГМУ» демонстрируют ярко выраженный индивидуализм и эгоцентризм, игнорируя важность тесных связей. Но есть и противоречие, для студентов «Экономика» и «ГМУ» карьерный успех напрямую зависит от наличия семьи и друзей, что говорит о их расчётливом использовании социальных связей для достижения профессиональных целей, а не на внутреннюю ценность. На этом фоне ярко выделяются студенты направления «Журналистика», для которых построение долгосрочных отношений во всех сферах жизни является ключевым, подчеркивая их более социальную и эмпатическую направленность. Менеджеры рассчитывают на социальное взаимодействие и гибкость.

Стремление к финансово обеспеченной жизни присутствует у каждого направления, но способы её достижения и ожидания относительно источников сильно различаются. Для группы «Медиакоммуникации» характерно пассивное ожидания помощи от семьи, а для студентов направления «Экономика», наоборот характерно активное и целеустремленное планирование личного финансового успеха через собственную деятельность. Студенты направления «Государственное и муниципальное управление» рассчитывают на смешанные источники дохода.

Отношение к личностному развитию также неоднородны. Если студенты направления «Экономика» отрицают необходимость личностного роста и внешнюю оценку, то студенты направления

«Журналистика», напротив готовы постоянно развиваться, а студенты направления «Менеджмент» ищут удовольствие в работе. Студенты направления «ГМУ» ценят стабильность, а не интересную работу или поиск новых решений.

Таким образом, анализ ценностных ориентаций студентов Ярославского Филиала финансового университета показал различия в их приоритетах в зависимости от направления обучения. Студенты «Экономики» и «Медиакоммуникаций» стремятся к финансовому успеху, но часто проявляют инфантилизм и эгоцентризм. «ГМУ» предпочитают стабильность, здоровье и прагматизм. «Журналисты» ориентированы на постоянный рост и длительные отношения, а «Менеджеры» выделяются гибкостью, нестандартным мышлением и удовольствием от работы. Эти различия формируют разнообразные, порой противоречивые стратегии достижения целей.

Библиографический список

1. Горькая Ж.В. Психология ценностей: учебное пособие. Самарский университет, 2014.
2. Петровский А.В. Общая психология. Учеб. для студентов пед. ин-тов. Под ред. А.В. Петровского. М., 1976.

УДК 316.7:791.43

Трансформация образов мультипликационных героев: сравнительный анализ

Турчина М.К.

*Научный руководитель: Цветкова О.Л., канд. пед. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Мультипликация как вид художественного творчества является одним из наиболее динамично развивающихся направлений современной культуры. Мультфильмы формируют ценности, транслируют социальные нормы, служат инструментом культурной коммуникации и создаются на основе архетипических образов.

За последние десятилетия анимационная индустрия потерпела глобальные изменения. Произошел переход от традиционной рисованной и кукольной мультипликации к цифровым технологиям, CGI, 3D-анимации. Эти изменения повлияли на художественные образы

персонажей, изменив их внешность, эмоциональную выразительность, характер, роли в сюжете и социальные функции.

«Образ» – это одно из основных понятий в культурологии, он является сложным и абстрактным. В различных работах «образ» сопоставляется или отождествляется с понятиями «символ», «икона», «изображение».

«Архетип» – понятие, которое древнегреческие философы применяли в значении «первообраз, образ, образец». Приводятся некоторые архетипы, которые были наиболее интересны К.Г. Юнгу. Среди выделенных им архетипов следует назвать такие архетипы, как: Мать, Самость, Тень, Персона, Анима и Анимус, Герой, Мудрец.»

Инструменты трансформации образа в современном искусстве

В искусствоведении трансформация – это изменение формы или содержания образа при сохранении его узнаваемого ядра. В мультипликации тема трансформации образа может проявляться в следующем:

- визуальная трансформация: смена стиля техники анимации и рисовки (пример: от 2D к CGI или 3D);

- характерологическая трансформация: изменение характера героя, его действий, речи, мыслей – отражает изменение культурных установок и ожиданий;

- идеологическая трансформация: смещение/изменение ценностей героя (пример: моральные принципы).

Рассмотрим трансформацию образов мультипликационных героев на примерах.

Критерии анализа трансформации персонажа:

1. Визуальные изменения образа:

- стилистика и художественные принципы;

- детализация;

- влияние технологий (2D/3D, CGI, digital painting);

2. Психологические изменения и характер:

- темперамент, поведение, эмоции;

- архетипические черты и их трансформация;

- усложнение/упрощение характера;

3. Идеологические и культурные различия:

- новые ценности и нормы, отраженные в персонаже;

4. Изменения в нарративе:

- роль в старом сюжете и новая (в ремейке или продолжении);

- отношения с другими персонажами;

5. Влияние аудитории и медиа пространства:

- адаптация под новые поколения;
 - глобализация;
 - создание «универсального» или «модернизированного» персонажа.
- Мультсериал «Ну, погоди!».

Старый Волк показывал, как нельзя себя вести в обществе, а новый Волк транслирует то, как трудно быть успешным и счастливым в обществе, где социальные правила размыты, а выбор почти безграничен. Глобально, суть мультсериала осталась прежней, но фокус с общества сменился на внутренний мир Волка.

Мультфильм «Крокодил Гена»/ «Чебурашка».

Крокодил Гена прошел трансформацию от спокойного, мудрого, доброжелательного героя, созданного в советской мультипликации, до персонажа с развитой эмоциональностью, внутренними противоречиями и более реалистичным внешним видом.

Современный образ Гены отражает запрос общества на психологически сложных героев и глубокие истории.

Мультсериал «Маша и Медведь».

Образ Маши сохранил ключевые черты – непосредственность, эмоциональность, активность, которые сделали персонажа узнаваемым и популярным. В новых сезонах Маша становится более многогранной личностью. Усовершенствование CGI-технологий позволяет раскрывать ее характер через мимику и пластику, делая ее более «живой».

Проведенное исследование позволило рассмотреть с разных сторон феномен трансформации образов мультипликационных героев, выявить причины изменений, рассмотреть влияние культурных, технологических, социальных и рыночных факторов на современную анимацию.

Художественный образ в мультипликации является многослойным. Он состоит из внешнего вида персонажа, психологических характеристик, архетипов, поведения, ценностей, норм, транслируемых зрителю. Это объясняется тем, что мультипликация – форма искусства, которая соединяет визуальное, звуковое, культурное и смысловое представление об окружающем мире.

Библиографический список

1. Бычков В.В. Художественный образ. Эстетика: учебник для вузов. М.: Академический Проект, Фонд «Мир», 2011. 265 с.
2. Ланщикова Г.А. Трансформация и стилизация в художественно-композиционном формообразовании / Г.А. Ланщикова, Е.В. Скрипникова // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 8 (50). Часть 5. С. 48-50.
3. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.

Создание коммуникационной стратегии для кадрового агентства

Филиппова Е.С.

*Научный руководитель: Цветкова О.Л., канд. пед. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

На современном рынке труда кадровые агентства сталкиваются с высокой конкуренцией, снижением доверия соискателей и работодателей, а также фрагментацией коммуникационных каналов (социальные сети, job-порталы, корпоративные сайты, приложения). Основная проблема – отсутствие эффективной коммуникационной стратегии, которая учитывает цифровую трансформацию, поведенческие паттерны целевых аудиторий и интеграцию онлайн- и офлайн-каналов. Отсутствие целостной коммуникационной стратегии снижает узнаваемость агентства, доверие к нему и эффективность привлечения клиентов и кандидатов.

Согласно обзору рынка HR Tech (совокупность технологических решений, направленных на автоматизацию процессов управления персоналом) в России 2025 года, подготовленному Key 2 Sales и опубликованному на платформе РБК, объём рынка HR Tech в 2024 году достиг 280,1 млрд рублей с ростом на 27%, что обусловлено цифровизацией кадрового администрирования, ростом удалённой занятости и дефицитом квалифицированных кадров [5].

Исследование IC-Битрикс и веб-интегратора «Факт» (2024) подтверждает, что компании с численностью до 2000 сотрудников активно автоматизируют рекрутинг и оценку персонала, однако многие процессы остаются фрагментированными, а инвестиции в коммуникации и брендинг недостаточны [7].

Эти данные подчёркивают актуальность разработки интегрированной коммуникационной стратегии для кадровых агентств, позволяющей сосредоточить ресурсы на стратегическом позиционировании бренда и сложных процессах взаимодействия с аудиторией в условиях цифровой трансформации.

Прежде чем перейти к практическим этапам, необходимо определить ключевые понятия. Следуя логике Ф. Котлера, комплекс маркетинговых коммуникаций представляет собой совокупность основных средств воздействия на целевую аудиторию: рекламы, стимулирования сбыта, пропаганды и личной продажи [1]. Для кадрового агентства этот комплекс

приобретает специфические черты, так как его «товаром» выступают, с одной стороны, услуги по подбору персонала для компаний-клиентов, а с другой – вакансии и карьерные возможности для кандидатов.

Следовательно, коммуникационная стратегия кадрового агентства – это долгосрочный план действий, направленный на формирование и поддержание устойчивого положительного образа агентства как экспертного партнера для бизнеса и привлекательного работодателя для соискателей. Данная стратегия призвана обеспечить синергию всех коммуникативных усилий для достижения бизнес-целей.

Этапы разработки коммуникационной стратегии. Первый этап разработки стратегии предполагает всестороннее исследование внутренней и внешней среды. В диссертационном исследовании, выполненном на примере компании Kelly Services, использован комплекс методов, включающий SWOT-анализ, экспертное интервью, контент-анализ публикаций и анализ цифровых каналов коммуникации [4]. Необходимо проанализировать рыночные тренды, конкурентов. Провести аудит текущих коммуникаций, сегментировать целевые аудитории, определить цели и задачи, которые будет решать наш бренд. Как подчеркивают А.М. Локтева и В.Н. Акулинин, несоответствие между декларируемыми ценностями бренда и реальным поведением сотрудников способно свести на нет любые маркетинговые усилия [2]. Поэтому анализ внутренних коммуникаций и корпоративной культуры является обязательным элементом подготовительного этапа.

Центральным элементом стратегического фундамента выступает ценностное предложение работодателя – совокупность уникальных преимуществ, которые компания предлагает своим сотрудникам и соискателям. Исследование Уральского федерального университета предлагают технологию разработки HR-бренда через пошаговый алгоритм, включающий: проведение опроса и анализ восприятия HR-бренда организации и конкурентов, разработку EVP (employer value proposition), тестирование концепции HR-бренда, создание креативной коммуникационной стратегии [3].

На следующем этапе, на основе проведенного анализа и сформулированного EVP осуществляется выбор конкретных средств распространения информации.

Ключевым условием эффективности коммуникационной стратегии выступает согласованность внутренних и внешних коммуникационных усилий. Как отмечают А.М. Локтева и В.Н. Акулинин, налаженные корпоративные коммуникации выстроенная культура организации – это залог положительной репутации компании. Сотрудники, ощущающие

уважение и поддержку, становятся более лояльными и мотивированными, что напрямую отражается на внешнем восприятии бренда [4].

Заключительный этап предполагает разработку системы показателей для оценки результативности коммуникационной стратегии. В исследовании В.Т. Султанова выделяются следующие группы метрик. Во-первых, показатель привлекательности работодателя: количество резюме на одну вакансию, время закрытия вакансий, стоимость подбора. Во-вторых, показатели увлеченности и удержания: уровень текучести кадров, индекс вовлеченности, доля сотрудников, рекомендующих компанию. В-третьих, коммуникативные метрики: охват и вовлеченность в социальных сетях, тональность упоминаний в СМИ, количество публикаций, доля UGC-контента [6].

В заключении хотим сказать, что разработка коммуникационной стратегии для кадрового агентства представляет собой сложный многоуровневый процесс, требующий интеграции классических маркетинговых подходов и современных концепций HR-брендинга.

Библиографический список

1. Котлер Ф., Основы маркетинга / пер. с англ. – СПб.: Питер, 2012.
2. Локтева А.М., Акулинин В.Н. Бренд в каждом сотруднике: PR-стратегии через внутренние коммуникации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. №11. С. 176-182.
3. Луткова А.В., Новикова А.И., Лысенко Е.В. Влияние внешнего HR-бренда на привлечение соискателей в условиях кадрового голода // Весенние дни науки ИнЭУ. Екатеринбург: Ажур, 2024. С. 650-655.
4. Манкевич Е.В. Development of communication strategies for a recruiting agency's consulting services promotion: F case study of Kelly Services / выпускная квалификационная работа. СпбГУ, 2025.
5. РБК. Компании [Электронный ресурс]. URL: <https://companies.rbc.ru/news/Aif34QUUDR/ryinok-hr-tech-v-rossii-obzor/>.
6. Султанов В.Т. Механизм продвижения HR-бренда компании в условиях кадрового дефицита // Молодой ученый. 2024. № 49. С. 173-176
7. Фактор цифровых трансформаций: исследование рынка HR-технологий [Электронный ресурс]. URL: <https://fact.digital/files/hrresearch.pdf>.

Цифровые платформы как средство коммуникации

Харитонов А.А.

*Научный руководитель: Бычкова Л.В., канд. экон. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Курский филиал*

В настоящее время массовая коммуникация быстро меняется под влиянием развития цифровых технологий и того, как люди стали по-новому получать и воспринимать информацию. Старые модели общения уже не работают как раньше, из-за чего образуются новые проблемы, которые следуют осмыслить [2].

Одной из таких актуальных проблем является неравенство, которое искусственно создано алгоритмами коммуникационных платформ. Это значит, что цифровые алгоритмы распределяют, какую информацию, будут видеть пользователи, формируя тем самым общественное мнение. В социальных сетях ленты новостей и рекомендации не просто показывают контент, но и строят для каждого читателя свою картину происходящих событий. Тем самым усиливаются так называемые «информационные пузыри», когда потребитель видит только то, что подтверждает его мнение [1].

Особенно остро эта проблема проявилась в кризисных ситуациях, когда информации становится очень много, а ее достоверность ничем не подкреплена. Пандемия коронавируса наглядно показала такое явление, как «инфодемия», когда совместно с вирусом быстрыми темпами распространялся поток ложной информации [3]. Это привело к таким последствиям, как снижение доверия к официальным источникам, усиление социальной тревожности и поляризация общественного мнения. Цифровые платформы, в частности и социальные сети, стали главными распространителями фейков [5]. На сегодняшний день проблема распространения ненадежной информации, которая влияет на мнение населения, по-прежнему остается актуальной.

Раньше со словом «медиа» возникали такие ассоциации, как газета, радио, телевизор. Была редакция с журналистами, которые отвечали за достоверность информации. Сегодня это понятие размылось. Любой человек с телефоном может завести свой канал и транслировать фейковую информацию, жертвами которой становятся доверчивые читатели. Также тяжело идентифицировать изначального автора, ведь контент в цифровом

мире можно бесконечно копировать, переделывать и смешивать. Это в совокупности создает трудности для ученых, которые стараются объяснить, как новые технологии влияют на культуру и на то, как люди видят друг друга в публичном пространстве [4].

Чтобы справиться с этими проблемами, мало просто перечислить трудности. Нужно глубоко их осмыслить и найти способы решения на практике. Как пишет М.И. Макеев, появление «новых медиа» заставляет по-новому взглянуть на то, что такое общение. Сегодня платформы влияют на то, как мы видим реальность, потому что технические алгоритмы тесно переплетаются с нашей жизнью [3]. Значит, изучая цифровые платформы, нельзя думать только о технологиях. Нужно обязательно смотреть на то, как они меняют общество, культуру и экономику.

Поэтому так важны исследования в области управления и инноваций. Новые технологии и новые способы управления всегда идут вместе. Цифровые платформы создают новые риски, но они же дают и способы, как с ними бороться [5]. Например, можно внедрять автоматическую проверку контента, создавать алгоритмы, которые находят фейки, и налаживать обратную связь с людьми.

Чтобы справиться с проблемами цифрового общения, нужен комплексный подход. Снизить негативные последствия, такие как потеря авторства, недоверие людей, жизнь в «информационных пузырях», можно только с помощью нескольких мер [4]. Во-первых, нужно учить людей: повышать их медиаграмотность, критически оценивать информацию и вести себя этично в сети. Во-вторых, нужны четкие правила для платформ. Они должны объяснять, как работают их алгоритмы, и нести ответственность за ложную информацию. В-третьих, сами платформы должны модерировать контент и проверять факты [4].

Подводя итог, следует отметить, что цифровые платформы – это сложное и неоднозначное явление в современной коммуникации. С одной стороны, они дают каждому доступ к информации и возможность высказаться. С другой стороны, они создают неравенство с помощью алгоритмов, распространяют фейки и ухудшают общественные настроения, особенно когда случаются кризисы [2]. Выход здесь не в том, чтобы отказаться от платформ, а в том, чтобы они развивались. Тогда они смогут приносить реальную пользу как средство коммуникации.

Библиографический список

1. Ефанов А.А. Алгоритмическая асимметрия как новая социальная проблема цифровой эпохи // Коммуникология. 2021. Т. 9. № 2. С. 45-52.

2. Адамьянц Т.З. Массовая коммуникация в условиях чрезвычайных ситуаций (на примере пандемии коронавируса) // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 112-120.

3. Макеенко М.И. Новые медиа: к вопросу о теоретическом осмыслении феномена // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2020. № 4. С. 3-18.

4. Афанасьева Л.А. Современные проблемы менеджмента: экономические аспекты: монография / Л.А. Афанасьева, А.А. Асеева, А.А. Белостоцкий и др. Курск: Университетская книга, 2025. 225 с.

5. Таюрский М.А., Бычкова Л.В. Технологические и управленческие инновации / М.А. Таюрский, Л.В. Бычкова // Анализ состояния и перспективы развития экономики России (АСПРЭК-2025): Материалы IX Всероссийской молодежной научно-практической конференции (с международным участием). Иваново, 2025. С. 128-130.

УДК 070

История трэвел-журналистики в России

Хуснутдинова В.А.

*Научный руководитель: Колышкина Т.Б., канд. филол. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В советский период выезд за границу для большинства граждан был практически невозможен, поэтому телевизионные программы о путешествиях приобрели особое значение. Они выполняли важную просветительскую функцию, знакомя зрителей с миром и жизнью в разных регионах.

Развитие трэвел-журналистики началось в 1960-е годы. Как отмечает А.А. Ревенко, «рост интереса к научно-популярным фильмам привел к появлению новой формы работы с ними. В 1958 году при Доме Союзов был организован первый «Клуб кинопутешествий». Его популярность подтолкнула на создание телевизионной версии» [2].

«Основоположителем жанра стал режиссер Владимир Шнейдеров, который использовал метод репортажной съемки, выступая не наблюдателем, а участником событий», считает Л.В. Долгова [1].

18 марта 1960 года вышла передача «Клуб путешественников». Изначально 60-минутные выпуски выходили раз в месяц в прямом эфире. Первым ведущим был Владимир Шнейдеров. После его смерти программу продолжил Юрий Сенкевич. Гостями студии становились известные

исследователи: археологи, географы и путешественники, включая Федора Конюхова и Жака Майоля. Темы выпусков охватывали всё разнообразие мира: от африканских племен и гонок на собачьих упряжках до археологических экспедиций и жизни малых народов СССР.

Анализ выпусков позволяет выделить два основных формата подачи материала. Моноформат и полиформат. Первый посвящен одной стране. Например, выпуск о Мексике 1984 года включал в себя: приветствие, исторический экскурс, легенды, рассказ о современной культуре, искусстве и ремеслах. Выпуск сопровождается нарезкой коротких видеосюжетов. Они очень редкие, буквально 4-5 сюжетов за 60 минут показа. По мимо этого идут аудио вставки, представляющие из себя мелодии. Полиформат затрагивает множество тем. Данный формат не имел четкой структуры и затрагивал от 3 тем. Например, выпуск 1989 года объединял сюжеты о путешествующей датской семье, культуре Вепсов, жизни в Пскове и творчестве художника. Переходы между темами часто были резкими, а само повествование строилось на нарезке видео и фотографий.

Программы отличались спокойной, монотонной манерой речи ведущих, использованием женского и мужского голоса за кадром и музыкальным сопровождением. Также стоит отметить, что речь была безграмотна, иногда неразборчива.

Как пишет А.А. Ревенко, «в советский период отсутствовала конкуренция между каналами, но программы с авторитетными ведущими привлекали огромную аудиторию. Этот этап заложил фундамент для дальнейшего развития туристских программ на отечественном телевидении. А следующий этап внес ряд значительных перемен в становление и развитие туристских программ» [2].

В 1990–2000-е годы телевидение пережило кардинальные изменения. Распад СССР, отмена ограничений на выезд за границу и коммерциализация СМИ привели к кризису научно-популярного вещания. Программы о путешествиях превратились в информационно-развлекательный продукт, ориентированный на рейтинги и рекламу. Турагентства начали спонсировать съёмки в обмен на упоминание в эфире. Телепродукт стал товаром.

14 января 1992 года на 1-м канале «Останкино» вышла программа, ставшая символом периода. Её ведущий Дмитрий Крылов сам писал сценарии и монтировал выпуски. В отличие от советской степенности, «Непутевые заметки» предлагали лёгкий, ироничный взгляд на мир.

Это были 15-минутные выпуски, которые строились по чёткой схеме: яркое вступление, динамичный репортаж с места событий и

запоминающееся прощание. Крылов использовал музыкальное сопровождение, спецэффекты (например, имитацию моментальных фотоснимков) и вовлекал в съёмки сына Митю. Информация подавалась не сухими фактами, а через забавные наблюдения. В выпуске «Вива, Мексика» можно увидеть сильные изменения в подаче: ведущий с иронией обыгрывал стереотипы о мексиканских сериалах и впервые открыто озвучил спонсоров - «Аэрофлот» и туристические фирмы. Это стало маркером нового времени.

Контрастом «Непутевым заметкам» стала программа «Вояж, вояж» (1999–2000) на канале СТС. По сути, это были оплаченные турфирмами видеоролики без просветительской ценности. Проект быстро закрыли из-за откровенно рекламного характера.

В это же время российские каналы начали транслировать передачи иностранного производства. У зрителей появился выбор, а рынок трэвел-журналистики стал разнообразнее.

К концу 2000-х программы о путешествиях окончательно сменили вектор. Речь ведущих стала грамотной и живой, монтаж современным, а подача лёгкой и увлекательной. Основной функцией таких передач стало не просвещение, а развлечение и информирование о туристических возможностях, которые, несмотря на открытые границы, для многих оставались недоступными по экономическим причинам.

В начале 2000-х годов трэвел-журналистика переживает настоящий расцвет. Как отмечает А.А. Ревенко, «рекламный “бум” идет на спад, и зритель требует не просто рекламы туруслуг, а содержательной информации о странах: климате, традициях, культуре и менталитете» [2]. Количество программ исчисляется тысячами.

Одной из знаковых программ стала «Их нравы» на канале НТВ (2003–2014) с Дмитрием Захаровым. Выпуск длился 30 минут и включал 3–4 сюжета о жизни в разных странах. Акцент делался на местных жителях, их обычаях, традициях и кухне. Глубокий голос Захарова, известного по дубляжу фильмов, придавал программе особую атмосферу.

Структура передачи была четкой: вступление с планом выпуска, основная часть с интервью героев и завершение. Упор делался на народ. Как подчеркивает А.А. Ревенко, «программа успешно реализовывала просветительскую функцию, подбирая уникальные факты и воспитывая толерантность к другим культурам» [2].

С десятилетия жанр уходит в развлекательное русло. Появляются программы, делающие ставку на личный опыт и зрелищность.

«Далеко и ещё дальше с Михаилом Кожуховым» (2010–2011) представляла собой авторский трэвел-очерк. Ведущий показывал

труднодоступные маршруты через призму истории, культуры и личных размышлений, активно общаясь с местными жителями. Это был вдумчивый монолог-рассуждение.

Кулинарное трэвел-шоу «Еда, я люблю тебя!» на канале «Пятница» (с 2015 года) предложило оригинальный формат: трое ведущих знакомятся с местной кухней в разных ценовых сегментах - от ресторанов до стрит-фуда и традиционных семейных обедов. Через еду программа рассказывает о жизни и истории регионов.

В последние годы особенно активен телеканал «Пятница», предлагающий разнообразные форматы. Рассмотрим далее.

«Трэвел-баттл» (2022) - два блогера на ограниченный бюджет соревнуются в создании лучшего маршрута. Яркий монтаж, юмор и подростковый сленг ориентированы на молодую аудиторию.

«Руссо экспрессо» (2022) - знаменитости путешествуют на поезде «Москва - Владивосток», посещая попутные города и выполняя задания.

«Пробный переезд» - программа оценивает города России для постоянного проживания: работа, жилье, развлечения, еда.

«За волшебством» (2024) - ведущая Мария Ивакова исследует места через магию, ритуалы и древние традиции.

Кроме того, возникает новый гибридный формат - реалити-шоу о путешествиях: «Выжить в Дубае», «Сокровища императора» и другие. Участники проходят испытания, знакомясь с культурой и особенностями страны. Например, в «Сокровищах императора» игроки исследуют древние провинции Китая.

Современный этап можно охарактеризовать как развлекательно-просветительский. Рынок трэвел-программ сильно расширился, каждый зритель может найти шоу на свой вкус. Ведущие стали эмоциональнее и открытее, активно используют юмор, современный монтаж и взаимодействие с местными жителями. При этом просветительская функция сохраняется, но подается в более легкой, адаптированной под запросы аудитории форме.

Таким образом первый период характеризует себя, как просветительский, выпуски можно сравнить с лекциями. Второй считается информационно-развлекательным, нам перестают давать полезную информацию о месте, упор идет на коммерцию. Заключительный этап развлекательно-просветительским, в нем появляется множество программ для каждого, которые дают нам полезную информацию в разных интерпретациях.

Библиографический список

1. Долгова Л.В. Развитие жанровой системы телевизионной трэвел-журналистики в контексте истории [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/conf/artcult/archive/247/12693/>.

2. Ревенко А.А. Тематическая направленность и целевое назначение программ о путешествиях и туризме на отечественном телевидении [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tematicheskaya-napravlennost-i-tselevoe-naznachenie-programm-o-puteshestviyah-i-turizme-na-otechestvennom-televidenii/viewer>.

УДК 659.1.012.12

Оценка интернет-мемов молодежной аудиторией

Шаверина Д.А.

*Научный руководитель: Колюшкина Т.Б., канд. филол. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Интернет-мемы стали неотъемлемой частью цифровой коммуникации, особенно ярко это проявляется в молодежной среде. Выполняя не только развлекательную, но и ряд социально значимых функций, они выступают инструментом трансляции культурных кодов, позволяют людям получать эмоциональную разрядку и способствуют сплочению различным виртуальных сообществ. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение особенностей их восприятия и оценки различными группами пользователей.

Нами было проведено исследование, направленное на выявление отношения молодежной аудитории к интернет-мемам. Было установлено, что подавляющее большинство респондентов (90,2%) регулярно или периодически сталкивается с мемами, при этом 94% используют их в собственной коммуникации. Это свидетельствует о глубокой интеграции данного феномена в повседневные коммуникативные практики, о чем было сказано ранее. Качественный анализ определений понятия «интернет-мем», предложенных молодыми людьми, выявил четкую зависимость восприятия от их основного вида деятельности. Для школьников мем – это прежде всего элемент развлекательного контента («прикол в инете», «смешная картинка»). Студенты демонстрировали более глубокое осмысление феномена, определяя мем как «единицу интернет-культуры», «универсальную шутку, понятную большому

количеству человек». Работающая молодежь (служащие, рабочие) акцентировала в своих ответах внимание на коммуникативной и социально-интегрирующей функциях, называя мемы «способом поддержания связи», «приемом для начала разговора» и «инструментом для создания общности среди незнакомых людей».

Анализ функций по модели Р.О. Якобсона показал, что ведущими молодежь считает эмотивную (34%) и фактическую (24%), что закрепляет за мемом роль средства для быстрого выражения эмоций и налаживания контакта. При этом доминирующим форматом становятся видеомемы (50%), которые благодаря синтезу визуального, аудиального и текстового компонентов постепенно вытесняют статичные изображения. Это, вероятно, коррелирует с развитием клипового мышления и стремлением к более быстрому потреблению контента у молодых людей.

Респондентам предлагалось также оценить конкретные интернет-мемы. Кластерный анализ эмоций показал, что наиболее сильный и универсальный отклик у всех групп респондентов вызывают мемы, эксплуатирующие общечеловеческие ситуации. В таких случаях они выступают способом быстрого осмысления событий, объединяя пользователей общим переживанием [1].

Самым успешным стал мем с грустным котом и подписью о бесконечности рабочих будней, вызвавший высокие показатели радости, умиления, интереса и доверия как у учащихся, так и у работающих. Это подтверждает тезис о том, что мемы выступают в роли эффективного средства консолидации, позволяя людям с разным опытом находить общие смыслы.

В остальных случаях эмоциональная реакция напрямую зависела от личной вовлеченности в тему. Так, интернет-мем про низкую зарплату оставил учащихся равнодушными, но вызвал чрезвычайно яркий отклик у работающих респондентов.

Аналогичная ситуация проявилась при оценке мема про рабочую взаимовыручку («Один за всех и все за одного!» в интерпретации перекладывания обязанностей), где работающие показали наивысшие за все исследование баллы интереса и доверия.

Мемы, утратившие актуальность – так называемые баяны – и контент с нейтральной или откровенно грустной тональностью, например, мем про одиночество человека и его телефон, не вызывают значимых эмоций и остаются незамеченными аудиторией. Эмоции скуки и раздражения в отношении таких изображений оказались доминирующими.

Особый интерес представляет анализ мемов, содержащих сгенерированные искусственным интеллектом изображения. Реакция на

изображение вызвало полярные реакции: от восторга и интереса у одной части аудитории до отвращения и тревоги у другой. Это подтверждает мысль о том, что именно поликодовость, то есть одновременное задействование вербального и визуального каналов, наделяет мем особой выразительностью, но при диссонансе компонентов может приводить к отторжению [2].

Таким образом, интернет-мем сегодня выходит за рамки простой шутки, становясь весьма многогранным социальным и коммуникативным феноменом. Его оценка молодежной аудиторией является сложным процессом, в котором ключевую роль играет соответствие жизненному контексту и ценностным ориентациям респондента. Мемы доказали свою эффективность как инструмент совладания со стрессом и репрезентации коллективного опыта, позволяя молодежи помимо развлечения осмыслять непростые аспекты реальности – от межличностных отношений до глобальных проблем. Следовательно, анализ молодежной оценки мемов может служить индикатором скрытых социальных настроений и актуальных проблем, с которыми сталкиваются различные группы внутри молодого поколения.

Библиографический список

1. Аскерова С.А. Функции мема как социокультурного феномена современного киберпространства / С.А. Аскерова, Т.В. Смирнова // Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения: сборник статей V Международной (75 Всероссийской) научно-практической конференции. 2020. № 3. С. 778–782.

2. Канашина С.В. Интернет-мем как поликодовый текст // Языковое бытие человека и этноса. 2018. № 19. С. 43–48.

УДК 316.776.33

Влияние редакционной политики телеканала на способы подачи новостей

Шемякина М.И.

*Научный руководитель: Шустина И.В., канд. филол. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Редакционная политика телеканала — это фундамент, на котором строится весь информационный контент и способы его донесения до

аудитории. Она задаёт тематику материалов и определяет подходы к их освещению, напрямую влияя на восприятие информации зрителями.

В эпоху информационной перенасыщенности, когда аудитория имеет доступ к множеству новостных каналов, редакционная политика становится решающим фактором позиционирования телеканала. Она задаёт чёткие критерии отбора событий для эфира, определяет логику их компоновки и структуру выпуска, а также набор коммуникативных приёмов, направленных на удержание внимания зрителей.

Целенаправленное выделение экономических, политических или социальных тем выполняет двойную функцию: с одной стороны, формирует у аудитории определённую систему взглядов, а с другой влияет на коллективное восприятие актуальных процессов и явлений. Редакционная политика не ограничивается организацией потока информации, а активно участвует в построении смысловых рамок, в которых общество осмысливает происходящие события.

Для проверки гипотезы о влиянии редакционной политики на подачу новостей был проведён комплексный анализ выпусков трёх федеральных телепрограмм — «Сегодня» (НТВ), «Вести» («Россия 1») и «Время» («Первый канал») — за 1 и 4 ноября 2025 года. Обоснование выбора дат связано с их представительностью: выпуски данного периода содержали как оперативные данные, так и аналитические материалы, что позволило оценить динамику изменения подходов к формированию новостной повестки и проследить механизмы редакционного воздействия в разных контекстах. В ходе исследования применялись методы контент-анализа, сравнительного анализа структуры выпусков и оценки эмоциональной нагрузки материалов.

Результаты анализа показали, что каждый из телеканалов обладает уникальным стилем и методами подачи новостей, которые последовательно реализуются в редакционной политике. Так, программа «Сегодня» на НТВ выстраивает выпуски по принципу «эмоциональной дуги»: начиная с тревожных военных новостей, она постепенно переходит к положительным историям из сферы науки и техники. В фокусе внимания — российские военные успехи и вопросы миграции в Европе. При этом доля зрительской аудитории НТВ составляет около 10%, а отличительными чертами подачи выступают энергичный монтаж и явное преобладание оперативной информации над аналитикой [1]. Такой подход создаёт ощущение постоянной вовлечённости в происходящее, но при этом оставляет мало пространства для глубокого осмысления событий.

Телепрограмма «Вести» на «России 1» способствует формированию у аудитории чувства национального единства, акцентируя внимание на

преимущества поколений и нравственной силе российского общества. Структура выпусков сочетает интенсивные военно-политические отчёты с трогательными рассказами о детях и животных, что создаёт эффект эмоционального контраста и усиливает воздействие ключевых сообщений. Аудитория канала, достигающая 12–14% и особенно популярная среди женщин среднего возраста, ценит традиционность подхода и особый патриотизм подачи. Он выражается в тёплой цветовой гамме кадров, плавных переходах между сюжетами и музыкальным сопровождением, включающим фольклорные мотивы. В результате формируется образ сплочённого общества, опирающегося на исторические традиции и духовные ценности.

Новостной выпуск «Время» на «Первом канале» сосредоточен на демонстрации государственной позиции и её эффективности. Программа умело сочетает оперативное информирование с аналитикой: наряду с обзором текущих мировых конфликтов в эфир включаются подробные материалы о внутренних реформах и критические оценки западных инициатив. Канал занимает лидирующие позиции среди зрителей старшего поколения благодаря сбалансированной подаче и глубине анализа. Оформление соответствует стандартам качества: уместная инфографика, комментарии экспертов и продуманный видеоряд. Всё это создаёт образ надёжного и авторитетного источника информации, способного не только сообщать факты, но и объяснять их значение.

Анализ показал, что структура, последовательность сюжетов и длительность разделов напрямую зависят от редакционной политики конкретного телеканала, отражающей его индивидуальную концепцию и стратегические цели. Механизмы влияния редакционной политики проявляются в нескольких ключевых аспектах. Во-первых, редакции формируют тематическую повестку в соответствии со своей спецификой: НТВ концентрируется на горячих точках и социальной проблематике, «Россия 1» делает упор на духовно-патриотическую линию, а «Первый канал» объединяет внутреннюю и внешнюю политику, акцентируя достижения страны. Благодаря этому складывается узнаваемая для аудитории информационная картина.

Во-вторых, подача новостей строится на контрасте: тяжёлые сюжеты о конфликтах и кризисах сменяются позитивными историями об успехах, науке и героизме, что стабилизирует восприятие и позволяет управлять настроением зрителей. Визуальное оформление и стилистика речи ведущих также соответствуют редакционной политике: НТВ использует динамичный монтаж, натуралистичную съёмку и терминологию военного и криминалистического характера; «Россия 1» придерживается

торжественного стиля в съёмке и сценографии, а речь ведущих отличается возвышенной интонацией; «Первый канал» отдаёт предпочтение сдержанности, инфографике и официальному деловому стилю.

Структура выпуска тоже отражает редакционную стратегию: например, сюжеты об экономике и культуре на НТВ чаще размещают в конце, а на «Первом канале» им отводят центральное место. Это влияет на восприятие тем и формирует представление о приоритетах телеканала.

Реакция аудитории подтверждает наличие различий в восприятии новостных программ. Большинство зрителей «России 1» ощущают патриотический подъём и вдохновляются качеством показываемого материала [4]. Поклонники НТВ особо ценят честность и прямолинейность сообщений, отмечая, что такой подход позволяет им быстрее ориентироваться в сложной информационной среде [3]. Аудитория «Первого канала» выделяет объективность и глубину анализа представленной информации, подчёркивая, что именно это делает программу надёжным источником знаний о происходящем в стране и мире [2].

На основании проведённого исследования можно сделать ряд ключевых выводов. Прежде всего, редакционная политика играет центральную роль в создании уникального стиля и формата новостей, который напрямую формирует восприятие зрителей. Она не сводится к формальному набору инструкций, а представляет собой гибкий инструмент, позволяющий телеканалам реагировать на изменения рынка, адаптироваться к запросам аудитории и поддерживать высокую степень лояльности зрителей. Эффективность редакционной политики оценивают не только по рейтингам, но и по тому, насколько успешно она удерживает внимание аудитории и формирует общественное мнение.

Дальнейшие исследования стоит направить на то, как технологии меняют традиционные модели редакционной политики. Прежде всего нужно разобраться, как адаптировать новости для социальных сетей, так как там информация подаётся совсем не так, как на телевидении. Кроме того, интересно изучить, как меняется работа телеведущих, ведь в настоящее время зрители хотят не просто узнать факты, а получить их объяснение с учётом своих ценностей и интересов.

Таким образом, редакционная политика представляет собой не фиксированный набор правил, а гибкую систему, которая развивается вместе с медиaprостранством. Она влияет не только на методы трансляции новостей, но и на формирование информационной культуры общества. В динамично меняющейся медиасреде именно способность редакции

оперативно адаптировать свою политику определяет конкурентоспособность и долгосрочную устойчивость телеканала.

Библиографический список

1. Обзор ведущих российских телеканалов: доли, аудитория, специфика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.formula-advert.ru/stati/obzor-vedushhix-rossijskix-telekanalov-doli-auditoriya-speczifika>.
2. Отзывы о ТВ-канал "Первый" [Электронный ресурс]. URL: https://otzovik.com/reviews/perviy_kanal_russia_moscow/?order=date_desc.
3. Отзывы о Телеканал НТВ (Россия) [Электронный ресурс]. URL: https://otzovik.com/reviews/telekanal_ntv/?order=date_desc.
4. Отзывы о Телеканал "Россия 1" [Электронный ресурс]. URL: https://otzovik.com/reviews/telekanal_russia_1/.

УДК [659.123.1:305]-053.2

Бинарность гендерных ролей в рекламе для детей

Щербакова А.А.

*Научный руководитель: Цветкова О.Л., канд. пед. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В настоящее время реклама оказывает глобальное влияние на индивидов. Она является не просто коммерческим инструментом продвижения товаров и услуг, но и агентом социализации, формирующим картину мира, наши ценности, убеждения и нормы поведения. Однако наибольшему давлению рекламы подвергается детская целевая аудитория, которая активно начинает познавать самих себя и окружающий мир.

Современные реалии, в которых растут и социализируются дети, создают условия для огромного потока рекламного контента, который способен воздействовать на умы подрастающего поколения, почти полностью формируя представления о гендерных моделях поведения. Это может приводить к подкреплению традиционных, устоявшихся в обществе представлений о «мужских» и «женских» качествах в абсолютно различных сферах деятельности индивидов, тем самым ограничивать их потенциал.

Гендерные стереотипы увековечивают неравенство между мужским и женским полом, что сказывается как на социальном, так и на психическом благополучии мужчин и женщин. Они обладают эмоционально-

оценочными характеристиками, что приводит к формированию гендерного сознания у индивидов [4].

В чем заключается бинарность гендерных ролей? Эта концепция относится к представлению о том, что существует исключительно два гендера (мужской и женский), каждый из которых обладает набором социальных ролей, норм поведения, имеет свою иерархию ценностей, свойственных женскому или мужскому полу в конкретном обществе [2].

Гендерная бинарность навязывает индивидам границы их существования, которые принято считать «биологическими». Однако гендер обретается в процессе социализации путем постоянного навязывания гендерных ролей и установок, начиная с самого раннего детства [4].

Согласно дискурсивному представлению практик образного и языкового употребления М. Фуко «вторичный дискурс» рекламы транслирует гендерные роли и социальные стереотипы. Именно «вторичный дискурс» явно или неявно (с помощью знаков и кодов) отражает существующее иерархическое гендерное неравенство. Он показывает, кто пользуется предлагаемыми товарами, что они должны с ними делать и как это влияет на будущее восприятие реальности [2].

Рекламные коммуникации навязывают детской аудитории ложные ценности и нормы, правила поведения, установки, предпочтения, что с каждым разом отдаляет детей от реальной картины мира. При этом дети впитывают эти установки, поэтому сознание детей с просмотром рекламных роликов становится огромным хранилищем различного рода стереотипов, в том числе гендерных [1].

С самых ранних лет реклама способна манипулировать индивидами (в силу возрастных и психических особенностей), навязывая им действия, которые «соответствуют» их гендерной роли: девочка в будущем должна быть хозяйственной, большую часть времени проводить дома на кухне, а мальчик в будущем должен быть умным, работоспособным, умеющим владеть сложными механизмами т.д.

Реклама устанавливает негласные правила о том, с какими игрушками должны играть мальчики и девочки, какую одежду они должны носить (и главное, каких цветов), какие увлечения должны их интересовать и т.д. В этой гендерной дифференциации, которая разделяет всё материальное и нематериальное на мужское и женское, заключается бинарность гендерных ролей [3].

Наиболее ярко гендерные аспекты представлены в рекламе детских игрушек. Однако и в рекламе продуктов питания, одежды, канцелярии,

уходовых детских средств присутствуют символы и знаки, которые иногда неявно, но транслируют гендерные стереотипы.

Для того, чтобы реклама была максимально эффективной, рекламодатели используют различные инструменты, которые будут привлекать адресата (детскую аудиторию). Наиболее четко отражают бинарность гендерных ролей звуковое сопровождение, лексические приемы и визуальные элементы.

Для анализа нами были взяты 3 рекламных ролика: реклама игрового набора Hot Wheels «Монстр-трак Вулкан Арена», реклама кукол Baby Born «Маленькая девочка и мальчик Baby Born» и рекламный ролик коллаборация «Hot Wheels» и «Barbie», в котором представлена мебель для детской комнаты.

Рекламный контент бренда Hot Wheels последовательно воспроизводит бинарные гендерные стереотипы, закрепляя маскулинные ролевые модели. Использование рок-музыки, низкого мужского тембра и экспрессивных интонаций формирует атмосферу агрессивного драйва и силы. Звуковой ряд апеллирует к «мужским» качествам: бесстрашию, концентрации и воле к победе, а терминология борьбы («арена», «монстр», «битва») и императивы («Да начнется гонка!») конструируют образ игры, как «поля битвы». Также в рекламе преобладают «агрессивные» цвета: синий, черный (серый) и красный. Упаковка и дизайн траков ориентированы на «мужскую» эстетику, имитируя гоночные трассы, городские пейзажи и строительные площадки. Данная реклама активно формирует исключительно «мужские» качества, такие как быстрая скорость, мощь, стремление к соревновательности и интерес к приключениям с помощью психологических приемов, которые скрытно оказывают глобальное влияние на укрепление гендерных ролей в обществе.

Реклама «Маленькая девочка и мальчик Baby Born» транслирует установку, что материнство и домашний уют — это исключительная привилегия и жизненная цель женщины. С помощью мелодии создается ощущение домашней теплоты, нежности маминых рук, заботы, а эмоциональный детский голос создает атмосферу любви и радости. Совокупность представленных музыкальных элементов формирует подсознательное представление о доме, как безопасном, уютном месте, где главная роль отдается «идеальной» матери. Использование глаголов заботы («покормим», «наденем») и уменьшительно-ласкательных слов («ложечка», «водичка») нормализует бытовой труд. Важно отметить, что в большей степени слова из рекламного текста описывают не игрушечного малыша, а действия «матери», поэтому конструируется образ «маленькой

мамы». Пастельная палитра (розовый, белый, бежевый) символизирует мягкость, чистоту и пассивность. Отсутствие ярких, «агрессивных» цветов подавляет активность и подчеркивает роль девочки как хранительницы порядка.

Рекламная коллаборация «Hot Wheels» и «Barbie» выстраивает жесткую бинарную оппозицию, разделяя интересы детей на «декоративно-пассивные» (девочки) и «динамично-активные» (мальчики). Мир «девочек» озвучен «волшебными» звуками и легкими мелодиями, транслирующими нежность. Далее он сменяется на мир «мальчиков» ярким звуком торможения или разгона автомобиля. Мелодия в этот момент меняется на более «драйвовую», становится интонационно ниже, чем мелодия, звучащая у девочек. Реклама также навязывает бинарные паттерны поведения через эпитеты. Девочки — это «принцессы» в «фантастическом» мире моды и сна. Сочетание всех эмоционально окрашенных слов будто сподвигает девочек скорее пойти спать, потому что они должны быть прилежными и послушными. Мальчики — «смелые» гонимые, нацеленные на действие, приключения и конкуренцию. Механика и транспорт позиционируются как исключительно мужская сфера. В выбранной мною рекламе бинарность гендерных ролей наиболее ярко выражена в цветовой гамме общей картины. Вся комната для девочек выполнена в розовом цвете (символизирует красоту, нежность и тягу к моде). Полной противоположностью становится комната мальчиков, которая выполнена в красном, черном и хромированных цветах. Создается атмосфера спортивных соревнований, которые со сном никак не связаны.

В заключении хотим сказать, что рекламные ролики и сообщения продолжают активно использовать дифференцированный подход с помощью многообразных маркетинговых инструментов, которые на психологическом уровне способны внедрять в сознание детей гендерные установки. Реклама диктует правила поведения, которые распространяются на важнейшие сферы жизни каждого индивида. Гендерное деление проявляется в визуальном оформлении, в лексических приемах, в мультимедийном сопровождении и контексте использования тех или иных товаров, которые в подавляющем большинстве закрепляют стереотипные модели поведения.

Таким образом, родителям важно прививать детям ценности, не ограниченные навязанными гендерными стереотипами: покупать гендерно-нейтральные игрушки, учить детей мыслить критически, всесторонне поддерживать различные хобби и увлечения ребенка, а также стараться ограничивать постоянное воздействие медиаконтента на детей.

Библиографический список

1. Бабенко А.А. Психологическое влияние телевизионной рекламы на детскую аудиторию [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23590234_42353036.pdf.
2. Грошев И.В. Рекламные технологии гендера [Электронный ресурс]. URL: <https://forum.steelfactor.ru/index.php?app=core&module>.
3. Damiano M. Learning Gender Roles: Advertising and Children: a dissertation [Электронный ресурс]. URL: <https://spectrum.library.concordia.ca/id/eprint/.pdf>.
4. Исаев Д.Д. Деконструкция гетеронормативной матрицы [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dekonstruktsiya-geteronormativnoy/viewer>.

УДК 070:159.942.5

Феномен ностальгии и его репрезентация в современном медиапространстве

Щербакова Д.А.

*Научный руководитель: Цветкова О.Л., канд. пед. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Современные медиа (прежде всего телевидение и киноиндустрия) увидели в ностальгических образах большой коммерческий потенциал, благодаря чему вновь и вновь появляются документальные и художественные фильмы и сериалы, в которых детально реконструируется «атмосфера незабываемых нулевых, девяностых, восьмидесятых».

Чтобы передать определённые чувства и настроения того или иного времени, создатели медиапродуктов используют конкретные приёмы и механизмы: визуальный ряд, музыкальное сопровождение, характеры персонажей, сюжетные линии и др.

Проведенный анализ на основе трёх российских сериалов показывает, что художественные приёмы (цветокоррекция, костюмы, нарративы, флэшбеки) работают как определяющие коды эпохи и одновременно как средства эмоционального вовлечения, а платформенные и рыночные механизмы усиливают ностальгию, превращая память в товар, закрепляя определённые образы прошлого, что даёт потребителю ознакомиться с эпохой или погрузиться в неё заново.

Таким образом, ностальгия выступает как мощный психоэмоциональный ресурс. В условиях современной неопределенности

этот ресурс привлекает зрителя, предлагая безопасное, комфортное и наполненное различными эмоциями пространство для рефлексии, знакомства с прошлым или его воспоминанием.

Библиографический список

1. Абрамов Р.Н. Время и пространство ностальгии // Социологический журнал: Теория и методология. 2012. № 4.
2. Почему (и по чему) мы испытываем ностальгию? [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/companies/ispsystem/articles/916554/>.

Секция 9. Актуальные проблемы и пути развития правового регулирования деятельности бизнеса и органов власти

УДК 342.5

Полномочия Банка России при осуществлении банковского надзора за деятельностью кредитных организаций: проблемы правоприменения

Абдулина П.О.

*Научный руководитель: Азеева М.А., старший преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В соответствии со статьей 56 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» Банк России является органом банковского регулирования и банковского надзора. Его ключевая функция — постоянный надзор за соблюдением кредитными организациями законодательства РФ, нормативных актов Центробанка и установленных ими обязательных нормативов.

Банк России в рамках своих надзорных полномочий может:

- 1) запрашивать и получать отчетность и документы;
- 2) проводить проверки;
- 3) требовать устранения нарушений (выдавать предписания);
- 4) применять санкции: штрафы, ограничения на операции, запрет на реорганизацию, требование о замене руководителей;
- 5) устанавливать нормативы и правила деятельности [1].

На начало 2026 года под надзором Банка России находится 306 действующих банков, при этом доля системно значимых кредитных организаций продолжает увеличиваться, концентрируя более 80% активов банковского сектора.

В целях профилактики нарушения обязательных требований Банк России регулярно проводит обобщение правоприменительной практики, результаты которого публикуются на официальном сайте ЦБ РФ в сети «Интернет», в «Обзорах надзорных мероприятий», докладах руководства на форумах Ассоциации банков России, а также в информационных письмах и разъяснениях Департамента банковского регулирования и аналитики.

На основе статистических данных за 2023, 2024, 2025 года были выявлены следующие тенденции в правоприменительной практике Банка

России:

- исходя из годового отчета 2024 года произошло значительное сокращение числа проверок кредитных организаций (со 154 до 104). При этом количество более мягких мер (писем и консультативных надзоров) выросло на 153 единицы. Проблема здесь заключается в эффективности такого подхода: насколько рекомендации действенны и не снижается ли из-за этого общая дисциплина;

- в 2023 году на кредитные организации было наложено 556 штрафов, а в 2024 году только 314. Снижение более чем на 43%. Это коррелирует с увеличением рекомендательных писем. С одной стороны, правоприменение становится более гибким, но с другой — грань между профилактикой и попустительством очень тонка;

- в отчете за 2025 год указано, что число жалоб на кибермошенничество выросло в 1,8 раза, а на методы социальной инженерии — на 45,9%. Блокировка подозрительных счетов, как мера противодействия, вызвала рост жалоб по этой теме в 2,2 раза. Надзорный механизм здесь вступает в противоречие с интересами потребителей. Выполняя указания ЦБ РФ по блокировкам, банки вынуждены ограничивать доступ к счетам, что вызывает недовольство клиентов. Проблемой правоприменения является в балансе между защитой от мошенников и доступностью сервиса;

- в 2024 году Банк России дважды повышал макропруденциальные надбавки по потребительским кредитам и ввел их по автокредитам для сдерживания закредитованности. Возникает проблема мониторинга исполнения этих требований. Надзор должен проверять не только формальное соблюдение нормативов, но и реальное качество кредитных портфелей и методик оценки банками кредитного риска [2, 3, 4].

Также анализ материалов правоприменительной практики позволяет выявить характерные проблемные вопросы правоприменения при осуществлении банковского надзора:

- широкое использование «мотивированного (оценочного) суждения» при отсутствии эффективных механизмов досудебного обжалования ставит банки в положение, где формально законные действия могут быть признаны нарушением на основе субъективной оценки надзорного органа. Фактически отсутствует реальная возможность апелляции на решения ЦБ РФ;

- внедрение новых методик оценки (например, оценки экономического положения) и оценочных категорий (таких как «высокорисковые активы») происходит без должной прозрачности и четкой корреляции с существующими стандартами финансовой отчетности;

- чрезмерная детализация нормативных актов и введение сложных требований (например, по расчету риск-чувствительного лимита на обремененные активы) увеличивают административную нагрузку и издержки кредитных организаций на комплаенс;

- существующая практика указывает на неравенство условий для банков разного масштаба: крупные системно значимые банки и банки в концентрированных рыночных условиях сталкиваются с более «терпимым» отношением, что создает конкурентные преимущества и ставит под сомнение единообразие надзорной практики;

- введение высоких штрафов (до 1% от капитала) за отдельные виды нарушений при отсутствии обязательных досудебных процедур и предварительных предупреждений может не соответствовать принципам справедливости и соразмерности наказания;

- надзорная практика фиксирует случаи, когда банки формально подходят к оценке рисков (например, воспринимая статус «госкомпании» как безусловную гарантию), что приводит к искажению отчетности и недостаточному формированию резервов [2; 3; 4].

В 2023–2025 годах в ходе проведения надзорных мероприятий выявлены многочисленные нарушения обязательных требований, включая:

- занижение величины необходимых резервов на возможные потери и завышение стоимости активов (как в случае с банком «Спутник», у которого выявлена крупная недостача наличности и полная утрата капитала);

- несоблюдение требований «противолегализационного» законодательства и участие в сомнительных валютных операциях;

- нарушения прав потребителей при привлечении вкладов, выдаче потребительских кредитов и навязывании дополнительных услуг;

- недостаточный контроль за кредитованием заемщиков с высокой долговой нагрузкой;

- применение «схемных» операций в ипотечном кредитовании, искажающих реальную стоимость и риски [2; 3; 4].

Обобщение практики правоприменения позволяет выработать дополнительные рекомендации поднадзорным субъектам по соблюдению требований в области банковского надзора. Так, Банком России предлагается:

- разработать и внедрить эффективные системы внутреннего контроля, ориентированные на реальную, а не формальную оценку рисков;

- обеспечить своевременное формирование резервов на возможные потери в соответствии с экономической сущностью операций;

- уделять особое внимание качеству корпоративного управления и процедурам ПОД/ФТ;
- учитывать при оценке кредитоспособности заёмщиков не только формальные признаки (например, наличие господдержки), но и реальное финансовое положение.

Излагаемые в выступлениях руководства Банка России, информационных письмах и публичных консультациях проблемные вопросы должны служить ориентиром для кредитных организаций при осуществлении банковской деятельности, побуждать добросовестно исполнять предъявляемые обязательные требования, чтобы минимизировать риск применения надзорных мер принуждения.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)».
2. Годовой отчет Банка России 2023 год [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/49041/ar_2023.pdf.
3. Годовой отчет Банка России 2024 год [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/55239/ar_2024.pdf.
4. Отчет о работе с обращениями январь-декабрь 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru/Collection/Collection/File/4.pdf>.

УДК 34.047

Концессионное соглашение как инструмент балансирования публичных и частных интересов в рамках региональной инвестиционной политики

Бабаджанян Г.А.

*Научный руководитель: Кваша О.В., канд. юрид. наук
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В условиях сохраняющейся ограниченности бюджетных средств и одновременной потребности регионов в модернизации инфраструктуры особое значение приобретают механизмы государственно-частного партнерства. Концессионные соглашения занимают в этом ряду особое место, поскольку позволяют, с одной стороны, привлекать частные инвестиции в создание и реконструкцию объектов публичной инфраструктуры, а с другой — сохранять их в государственной (муниципальной) собственности. Как отмечается в преамбуле

Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях», целью данного правового института является не только привлечение инвестиций в экономику, но и обеспечение эффективного использования публичного имущества на взаимовыгодных условиях [1].

Однако сама конструкция концессионного соглашения включает в себе внутреннее противоречие. Будучи по своей правовой природе договором, концессия одновременно выполняет функцию публично-правового инструмента региональной инвестиционной политики. Это предопределяет несовпадение двух разнонаправленных интересов. Публичный партнер заинтересован в безусловном соблюдении сроков создания (реконструкции) объекта, его соответствии установленным требованиям и обеспечении доступности услуг для населения. Частный партнер, в свою очередь, ориентирован на возврат инвестиций, получение прибыли и минимизацию предпринимательских рисков.

Поиск баланса между этими интересами составляет суть концессионных правоотношений. В идеальной модели концессионное соглашение должно выступать тем правовым инструментом, который синхронизирует публичные и частные начала. Однако практика последних лет демонстрирует, что достижение такого баланса сопряжено с серьезными трудностями. Свидетельством тому служат многочисленные корректировки заключенных соглашений, вызванные изменением экономических условий, а также активная нормотворческая деятельность органов законодательной власти регионов, включая как реализацию права законодательной инициативы на федеральном уровне, так и принятие собственных законов, развивающих концессионное законодательство [5].

Цель настоящей статьи состоит в выявлении отдельных проблемных аспектов правового регулирования концессионных соглашений как инструмента балансирования указанных интересов.

Для понимания механизмов балансирования интересов необходимо обратиться к правовой природе концессионного соглашения. Частноправовой элемент проявляется в том, что концессионное соглашение заключается в форме договора. Стороны формально и юридически равны при его заключении, согласовании условий и определении взаимных прав и обязанностей. Концессионер действует на свой риск и в своем интересе, что характерно для предпринимательской деятельности. Его частный интерес заключается в возврате инвестированных средств, получении прибыли от эксплуатации объекта, в долгосрочности осуществления соответствующей деятельности, как элемента стабильности предпринимательства, что заложено в сущности концессионного соглашения, а также в минимизации рисков. Публично-

правовой элемент обусловлен особым статусом концедента и целевым назначением соглашения. Публичный партнер действует в интересах неопределенного круга лиц, в т.ч. населения соответствующей территории. Объект концессионного соглашения находится в публичной собственности и предназначен для удовлетворения общественных потребностей. Это предопределяет наличие у концедента особых контрольных полномочий, права на одностороннее расторжение соглашения при нарушении публичных интересов, а также обязанности по обеспечению доступности услуг для потребителей [3]. Следует учитывать, что публичный субъект, реализующий свои функции, не всегда свободен в определении формы взаимоотношений с хозяйствующим субъектом, и концессионное соглашение является для него зачастую безальтернативной формой, как, например, предусмотрено статьей 28.1 федерального закона от 27.07.2010 № 190-ФЗ «О теплоснабжении» относительно передачи во владение и (или) пользование объектов теплоснабжения [2].

Таким образом, дуализм правовой природы концессионного соглашения выражается в том, что, оставаясь договором, как основной гражданско-правовой конструкцией, определяющей взаимоотношения сторон и направленной на достижение соответствующего результата, оно одновременно служит формой реализации государственной функции, предполагающей наличие и реализацию публичных, соответственно, властных полномочий. Указанная двойственность предопределяет объективное существование несовпадения интересов, который подлежит правовому регулированию в целях достижения разумного компромисса.

Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» закрепляет систему правовых механизмов, призванных обеспечить баланс публичных и частных интересов. Защита публичных интересов обеспечивается, прежде всего, конкурсным порядком заключения соглашения (статьи 21–29), позволяющим публичному партнеру выбрать наиболее эффективного инвестора. Тем самым обеспечивается недискриминационный доступ к публичному имуществу. В период действия соглашения публичный партнер наделяется контрольными полномочиями: в соответствии со статьей 9 Закона концедент вправе осуществлять контроль за соблюдением концессионером условий соглашения. Крайней мерой защиты выступает возможность одностороннего расторжения концессионного соглашения публичным партнером (часть 5 статьи 13) в случаях, когда неисполнение концессионером обязательств создает угрозу причинения вреда жизни или здоровью людей [1].

В свою очередь, законодатель предусмотрел механизмы, гарантирующие соблюдение интересов частного партнера. Центральное место среди них занимает стабилизационная оговорка (статья 20), гарантирующая концессионеру, что неблагоприятное изменение законодательства в период действия соглашения не ухудшит его положение. Важным инструментом выступает возможность инициирования концессионером требования изменения условий соглашения при существенном изменении обстоятельств либо возникновении обстоятельств непреодолимой силы, (часть 3.4 статьи 13), обязывающая концедента его рассмотреть [1]. Механизм согласования изменений с антимонопольным органом (часть 3.8 статьи 13) выполняет двойственную функцию: он защищает публичные интересы, не допуская необоснованного пересмотра конкурсных условий, и одновременно создает для концессионера предсказуемый порядок корректировки соглашения.

Предусмотренные законом механизмы создают нормативную основу для балансирования интересов, однако они носят преимущественно рамочный характер. Реальное наполнение баланса зависит от конкретных условий заключаемых соглашений и практики правореализации на региональном уровне.

Нормативная основа балансирования интересов сталкивается с серьезными вызовами при ее реализации в рамках региональной инвестиционной политики. Во-первых, сохраняется проблема соотношения диспозитивного и императивного начал. Ключевые параметры баланса формируются на стадии разработки конкурсной документации, где возникает риск смещения баланса в пользу публичного партнера, который может включать в документацию условия, излишне обременительные для концессионера. Во-вторых, остро стоит проблема гарантий частного инвестора при существенном изменении обстоятельств: предусмотренная законом возможность пересмотра условий отсылает к статье 451 Гражданского кодекса РФ, критерии которой носят оценочный характер. Это порождает правовую неопределенность, поскольку в условиях макроэкономической нестабильности доказывание наличия всех четырех условий, необходимых для изменения соглашения, представляет значительную сложность для концессионера [4]. В-третьих, наблюдается асимметрия ответственности сторон. Статья 12 Федерального закона «О концессионных соглашениях» детально регламентирует ответственность концессионера за качество объекта, включая обязанность безвозмездного устранения нарушений и гарантийные сроки. Аналогичной специальной нормы, детализирующей ответственность публичного партнера за

неисполнение встречных обязательств, закон не содержит: его ответственность подчиняется общим правилам статьи 16 Закона и гражданского законодательства, что требует от концессионера доказывания незаконности действий и применения более сложных процедур взыскания [1]. Наконец, институциональные проблемы региональной публичной власти — сложная структура органов и недостаточная определенность их компетенции — могут создавать для концессионера дополнительные административные барьеры [3].

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов. Двойственная правовая природа концессионного соглашения объективно предопределяет наличие несовпадения интересов сторон. Задача правового регулирования заключается в создании эффективных механизмов его согласования. Федеральный закон закрепляет необходимый нормативный каркас, однако предусмотренные механизмы носят рамочный характер. Основные проблемы достижения баланса интересов возникают на стадии реализации названных норм, в частности, в процессе правоприменения: риск смещения баланса при разработке конкурсной документации, неопределенность критериев существенного изменения обстоятельств, асимметрия ответственности сторон, а также институциональные сложности организации публичной власти на региональном уровне.

Перспективными направлениями совершенствования правового регулирования представляются уточнение на федеральном уровне критериев существенного изменения обстоятельств, усиление гарантий возмещения убытков частного партнера, а также унификация требований к конкурсной документации на региональном уровне [5]. Эффективность концессионного соглашения как инструмента региональной инвестиционной политики напрямую зависит от того, насколько полно в нем учтены и сбалансированы интересы обеих сторон. Только при условии симметричной правовой защиты концессия способна выполнять свою основную функцию — привлекать частные инвестиции в развитие публичной инфраструктуры при сохранении общественных интересов.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (ред. от 28.11.2025).
2. Федеральный закон от 27.07.2010 № 190-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О теплоснабжении».
3. Письмо Министерства финансов РФ от 09.04.2025 № 02-13-09/35295 «О наделении юрлиц отдельными правами и обязанностями концедента».

4. Письмо Министерства финансов РФ от 24.02.2025 № 02-13-09/17277 «О предоставлении дополнительных средств из бюджета концессионеру».

5. О внесении изменений в Федеральный закон «О концессионных соглашениях» (в части совершенствования правового регулирования): проект федерального закона № 140808-8.

УДК 347.91/.95

Процедура медиации как альтернативный способ урегулирования спора

Бараева А.А.

*Научный руководитель: Секерина С.Е., преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В существующих реалиях, характеризующихся высокой плотностью коммуникаций в бизнесе, семье и обществе, количество конфликтов неизбежно растет. Многие споры решаются в судебном порядке. При этом урегулирование ситуации путем принятия судебного решения, которое бы устроило обе стороны и сохранило между ними партнерские отношения, происходит нечасто. Именно в этом контексте особую значимость приобретают альтернативные процедуры урегулирования споров, и в первую очередь - медиация.

Судебное разбирательство по своей природе подразумевает «победу» одного участника и «поражение» другого, что неизбежно ведет к возникновению вражды и разрыву социальных связей. Именно в этой точке возникает потребность в иных методах, ориентированных не на противостояние, а на поиск компромисса. Таким механизмом и выступает медиация. В современном юридическом и социальном контексте под медиацией понимается процедура урегулирования спора при содействии независимого, нейтрального, не заинтересованного в данном конфликте лица - медиатора, который помогает сторонам выработать взаимоприемлемое и жизнеспособное решение, удовлетворяющее их интересы.

Главное отличие медиации от суда заключается в том, что решение не навязывается сторонам извне, а рождается в процессе их равноправного диалога. Медиатор организует коммуникацию, помогая оппонентам услышать друг друга и самостоятельно найти выход из сложных ситуаций.

Обращаясь к термину, важно понимать сущность данной процедуры: «медиация – это особым образом организованные переговоры с участием нейтрального посредника (медиатора), который содействует сторонам в выработке взаимовыгодного решения. Такой подход является одним из наиболее эффективных способов восстановления нарушенных субъективных прав» [3, с. 258].

Любой тип гражданского или арбитражного дела может быть урегулирован путем медиации, если стороны согласны, что он должен быть урегулирован таким путем. Кроме того, медиация доступна еще до подачи иска. Понимая потенциал и преимущества мирного разрешения споров при посредничестве медиатора, в процесс продвижения медиации включились судебское сообщество, адвокаты, органы власти, общественные организации и бизнес-структуры. В настоящее время значительно укрепил позиции Федеральный закон от 27 июля 2010 г. №193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации) [1].

Основополагающие принципы урегулирования закреплены в ст. 3 указанного закона: процедура медиации проводится при взаимном волеизъявлении сторон на основе принципов добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора.

В последние годы прослеживается четкая линия законодателя: суды не просто должны разрешать споры, но и активно способствовать примирению сторон.

В зависимости от того, на каком этапе находится конфликт, какова его природа и какого эффекта хотят добиться стороны, выделяют несколько видов медиации.

Представляется, что самая эффективная ее форма — это досудебная медиация, которая проводится на этапе, когда конфликт уже назрел, стороны понимают, что самостоятельно договориться не могут, но еще не наступил момент подачи искового заявления в суд.

Другим видом медиации является судебное применение. Это процедура, которая запускается после того, как иск уже подан в суд. Законодатель, понимая перегруженность судов и остроту социальных конфликтов, предусматривает механизмы примирения и на этой стадии.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о форме результата медиации. Многие ошибочно полагают, что итогом медиации обязательно должно быть соглашение, которое потом несут утверждать в суд. Существует такое понятие, как закрытое медитативное соглашение. В этом

случае соглашения остается их частной договоренностью, никто, кроме них и медиатора, не знает его условий. Это встречается в семейных спорах и бизнесе. Таким образом, выбор вида медиации зависит от конкретной ситуации. Следует отметить, что согласно ст.12 Закона о медиации, «Медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной без передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, в случае его нотариального удостоверения имеет силу исполнительного документа».

Учитывая универсальность медиации как инструмента, все же существуют категории дел, где ее применение дает максимальный эффект. К ним относят семейные споры, корпоративные конфликты, экономические споры, трудовые споры.

Когда мы говорим об альтернативном урегулировании споров, часто возникает вопрос: возможна ли медиация в спорах с государством? Однако законодательство и практика последних лет доказывают, что примирение возможно и здесь, хотя и со своей спецификой. Главное отличие споров, вытекающих из административных (налоговых, таможенных, антимонопольных) правоотношений, заключается в том, что стороны не могут «торговаться» по вопросам законности. При этом предметом переговоров становится не законность требования, а технология его исполнения.

Эффективность медиации в арбитражном процессе можно оценить по трем ключевым критериям: экономическая эффективность, фактор времени и сохранение деловых отношений. Процедура примирения в арбитражном суде раскрыта в главе 15 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ) [2]. Медиация позволяет существенно сократить издержки, которые неизбежны в суде. Арбитражный процесс имеет жесткие процессуальные сроки. Но фактическое разрешение спора может происходить длительное время по объективным причинам (например, назначение судебных экспертиз, привлечение к участию в деле соответчиков или третьих лиц). Медиация же, учитывая принцип добровольности действия сторон, предлагает совершенно иную скорость.

Как и любой социальный институт, особенно относительно новый для российской правовой системы, медиация сталкивается с некоторыми препятствиями. Анализ этих проблем необходим для понимания того, почему потенциал медиации используется далеко не в полную силу и в каком направлении нужно двигаться дальше. Одной из проблем является низкая информированность населения. Несмотря на то, что закон действует уже более 10 лет, для большинства граждан и даже для

значительной части предпринимательского сообщества слово «медиация» остается либо нераскрытым, либо ассоциируется с чем-то абстрактным.

В России исторически сложилась установка на поиск «правды» в суде, причем правды, понимаемой как победа одной стороны над другой. Многие адвокаты и юристы, к которым клиент обращается в первую очередь, часто не заинтересованы в рекомендации медиации. Их модель действий построена на ведении судебных процессов, сборе доказательств, написании жалоб. Часто такие действия нацелены не на результат, а на получение оплаты за юридические услуги.

Стало очевидно, что для успешной работы по внедрению медиации потребуется прежде всего качественная подготовка тех, кто будет причастен к этой работе: необходимо обучений судей, работников аппарата судов, самих медиаторов, а также разработка модели взаимодействия профессиональных медиаторов.

И наконец, любой правовой инструмент может быть использован не по назначению. В случае с медиацией такой риск называется псевдомедиацией или фиктивной медиацией.

Как итог следует сказать, что альтернативные способы урегулирования споров способны снизить нагрузку на судебную систему, сократить издержки на проведение судебных процессов и ускорить рассмотрение дел. Это имеет положительный результат. Это, безусловно, так, если предполагать, что от года к году число дел, которые рассматриваются с применением института примирения, будет расти в геометрической прогрессии. Но главное заключается в том, что примирительные процедуры – это наиболее цивилизованный способ разрешения конфликтов. Общество, в котором стороны спора готовы сесть за стол переговоров, найти приемлемый вариант разрешения ситуации, пойти на взаимные уступки, наконец, услышать друг друга, имеет значительно больше шансов на то, чтобы улучшить социальную составляющую, что очень важно для развития государства.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (ред. от 26.07.2019).
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024).
3. Калашникова С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2020. 304 с.

«Трудовая подмена» при самозанятости: анализ практики и пути совершенствования правового регулирования

Барашкова М.С., Добренькая Е.А.

Научный руководитель: Кваша О.В., канд. юрид. наук

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Введение эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (НПД) в 2018 году стало одним из наиболее значимых событий в российской налоговой политике последних лет. Целью эксперимента являлась легализация теневых доходов самозанятого населения и снижение административной нагрузки на микробизнес, которые были достигнуты лишь отчасти. С одной стороны, более 14 миллионов граждан легализовали свою деятельность. С другой стороны, низкие налоговые ставки и отсутствие обязательных страховых взносов превратили режим НПД в инструмент агрессивной налоговой оптимизации.

Ключевая проблема — подмена трудовых отношений. Работодатели, стремясь минимизировать фискальную нагрузку (НДФЛ 13% + страховые взносы ~30%), инициируют принудительную регистрацию работников в качестве самозанятых. Формально вступая в гражданско-правовые отношения, стороны фактически реализуют трудовые правоотношения, для которых характерны черты определенной зависимости, признаки которой сохраняются в измененных гражданско-правовых отношениях.

Правовая фикция «самозанятого» влечет за собой серьезные последствия: работник лишается права на оплачиваемые отпуск, больничные, зачет времени работы в трудовой стаж (в отсутствие добровольных взносов), а государство недополучает средства в социальные фонды. Судебная практика последних лет, включая позицию Верховного Суда РФ, демонстрирует ужесточение подхода к таким схемам, однако законодательство в настоящий момент остается инертным.

Правовой режим НПД регулируется Федеральным законом от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход». Анализ закона показывает, что изначально он был ориентирован на максимальную либерализацию и простоту, что обернулось отсутствием защитных механизмов от злоупотреблений.

Согласно ч. 1 ст. 4 Закона № 422-ФЗ, налогоплательщиками признаются физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели. Объектом налогообложения в силу ч. 1 ст. 6 являются доходы от реализации товаров [2]. Легальное определение «самозанятого» в законе отсутствует, что создает сложности для отграничения данного статуса от иных форм экономической активности.

Статья 4 Закона № 422-ФЗ устанавливает запрет на применение НПД для лиц, осуществляющих перепродажу товаров, реализующих подакцизные товары, или имеющих наемных работников [2]. Однако закон не содержит запрета на ситуацию, при которой единственным или основным источником дохода самозанятого является один заказчик. Именно этот критерий (экономическая зависимость) является маркером трудовых отношений в практике Верховного Суда Российской Федерации. Закон № 422-ФЗ игнорирует данный критерий, допуская ситуацию, когда лицо формально является «независимым подрядчиком», а фактически находится в штате.

Часть 1 ст. 15 Закона № 422-ФЗ освобождает заказчика от обязанности уплачивать страховые взносы за самозанятого, при условии наличия чека, сформированного в приложении «Мой налог» [2]. Это ключевой экономический стимул для бизнеса. Однако отсутствие обязательных отчислений означает, что период работы в статусе самозанятого не формирует пенсионные права. Таким образом, действующая модель создает оптимальные условия для бизнеса за счет социальной незащищенности работника.

Поскольку Закон № 422-ФЗ не содержит механизмов противодействия фиктивной самозанятости, сложилась ситуация, при которой суды вынуждены «преодолевать» формально-юридический подход, применяя материальные критерии трудового права.

Анализ судебной практики, в том числе Определение Верховного Суда РФ № 310-ЭС24-24050 от 08.08.2025, позволяет выделить следующие признаки, указывающие на фиктивность самозанятости [1]:

1. Устойчивый характер отношений: систематическое заключение договоров с одним и тем же лицом на протяжении длительного времени.
2. Интеграция в деятельность заказчика: выполнение работником функций, соответствующих основному виду деятельности компании, с использованием оборудования заказчика и на его территории.
3. Экономическая зависимость: получение оплаты, которая является единственным или основным источником дохода (более 90%).

4. Процедурный контроль: подчинение распорядку дня, графику работы и указаниям заказчика, что характерно для трудовой функции, а не для самостоятельного оказания услуг.

5. Фиксированная оплата труда: ежемесячные выплаты в одинаковом размере, привязанные к календарным периодам, а не к объему выполненных работ.

Выявленный разрыв между формально-юридическим статусом налогоплательщика НПД и фактическими трудовыми отношениями требует не просто корректировки правоприменительной практики, а системных изменений в Федеральный закон № 422-ФЗ. Предлагаемый ниже комплекс мер основан на принципах немецкой и французской моделей регулирования «ложной самозанятости» и адаптирован к российской правовой реальности [3].

Во-первых, предлагается дополнить статью 4 Федерального закона № 422-ФЗ, устанавливающую перечень лиц, которые не вправе применять НПД, пунктом 4 следующего содержания: «физические лица, доход которых от реализации товаров (работ, услуг) в пользу одного заказчика (взаимозависимых с ним лиц, включая группу лиц) превышает 85 процентов от общего дохода физического лица, учитываемого при определении налоговой базы по налогу на профессиональный доход, по итогам календарного года, если иное не доказано заказчиком или физическим лицом в порядке, установленном федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным по контролю и надзору в области налогов и сборов.»

Данная поправка обяжет стороны либо перейти на трудовой договор, либо предоставить заказчику возможность доказывать разовый и проектный характер работ.

Во-вторых, в рамках эксперимента предлагается создать новую категорию — «профессиональный доход с социальным участием» внесением изменения в статью 15 Закона № 422-ФЗ, предусмотрев, что в случае превышения объема оказанных услуг в пользу одного заказчика установленного лимита (например, 1 млн рублей в год), если отношения при этом не подпадают под полную переквалификацию в трудовые, заказчик обязан уплачивать в консолидированный бюджет страховые взносы по пониженной ставке (например, 5% от полной суммы, выплаченной самозанятому). Данные взносы будут обеспечивать участие работника в системе обязательного медицинского страхования и формирование его пенсионных прав, что позволит сохранить гибкость режима, но при длительном сотрудничестве обеспечит минимальные

социальные гарантии, а также снизит мотивацию бизнеса к бесконечному использованию «дешевого» труда самозанятых.

В-третьих, предлагается дополнить ст. 14 ФЗ № 422, регламентирующую порядок исчисления налога, обязанностью по указанию в чеке идентификатора заказчика с последующим автоматическим анализом ФНС доли дохода, а также внедрить обязанность для заказчиков, превысивших порог взаимодействия с самозанятыми (например, 50 самозанятых или фонд оплаты услуг более 5 млн рублей в год), предоставлять в налоговые органы обоснование гражданско-правового характера отношений по запросу в превентивном порядке.

В-четвертых, представляется необходимым внесение в Трудовой кодекс РФ и Закон № 422-ФЗ нормы, предусматривающей, что при переквалификации отношений в судебном порядке заказчик обязан возместить в Социальный фонд России стоимость страховых взносов, подлежавших уплате исходя из минимального размера оплаты труда, с уплатой процентов (по аналогии со статьей 236 ТК РФ). Данная норма создаст механизм защиты работника и выступит дополнительным сдерживающим фактором для работодателя, который будет осознавать, что даже при отсутствии налоговой проверки работник вправе самостоятельно инициировать судебное разбирательство и взыскать упущенную выгоду в виде непоступивших страховых взносов.

Режим налога на профессиональный доход зарекомендовал себя как эффективный механизм вывода из тени доходов самозанятого населения, однако его применение в условиях правовой неопределенности породило проблему фиктивной самозанятости, требующую законодательного решения. Действующая редакция Закона № 422-ФЗ, разработанная как временный эксперимент, не учитывает сложности социально-трудовых отношений и порождает подмену трудовых отношений. Правовая неопределенность создает условия для налоговой оптимизации, нарушая трудовые права граждан и сокращая поступления страховых взносов. Предложенный комплекс мер, включающий критерий экономической зависимости и дифференциацию социального страхования, позволит сохранить низкую ставку для независимых подрядчиков и защитить работников от недобросовестных работодателей, обеспечивая баланс интересов государства, бизнеса и самозанятых.

Библиографический список

1. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 08.08.2025 № 310-ЭС24-24050 по делу № А83-21915/2023.

2. Федеральный закон "О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход" от 27.11.2018 № 422-ФЗ.

3. Иванова Н.В. О возможности юридической оптимизации налоговой составляющей специальных налоговых режимов // Финансовое право. 2011. № 6. С.12-13.

УДК 342.7

Конституционная формула «человек, его права и свободы – высшая ценность» как основа для принятия управленческих решений

Бодрова К.О.

Научный руководитель: Кваша О.В., канд. юрид. наук

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Ярославский филиал

Статья 2 Конституции Российской Федерации провозглашает: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Эта лаконичная формула является фундаментом всего конституционного строя России. Для государственного и муниципального служащего понимание глубинного смысла этой нормы критически важно, поскольку именно оно превращает чиновника из простого исполнителя инструкций в представителя публичной власти, чья деятельность подчинена главной конституционной цели — обеспечению достойной жизни и свободного развития человека.

Формула «высшая ценность» имеет глубокое философско-правовое начало. В её основе лежат идеи естественного права, согласно которым права принадлежат человеку от рождения, являются неотчуждаемыми и предшествуют государству. Государство не «дарует» права, а лишь признаёт их и берёт на себя обязательство по их защите. В этом смысле «высшая ценность» означает, что интересы человека, его достоинство, безопасность и благополучие являются главным ориентиром и конечной целью функционирования всей политической системы.

Важно различать иерархию ценностей в управленческой практике. Такие конституционно-значимые цели, как обеспечение обороноспособности, территориальной целостности государства или экономическое развитие, безусловно, важны. Однако они не могут рассматриваться как самодостаточные. Целостность государства

необходима для защиты прав его граждан, а экономическое развитие — для повышения уровня их жизни. Если управленческое решение, направленное на укрепление государства, ведёт к нарушениям прав человека, оно становится конституционно порочным, так как средство (государственная мощь) подменяет собой цель (благо человека).

Данная норма переворачивает традиционную логику отношений в цепочке «государство — общество — человек», утверждая приоритет обратной связи: «человек — общество — государство». Государство, являясь политической организацией общества, реализует свое предназначение через деятельность своих органов и должностных лиц, которые призваны служить обществу, состоящему из конкретных людей. Соответственно, статья 2 Конституции РФ — это не просто декларация, а норма прямого действия, обладающая высшей юридической силой и системообразующим значением для всей правовой системы.

Во-первых, она обязывает государство в лице всех его органов и должностных лиц «признавать, соблюдать и защищать» права человека.

Во-вторых, этот принцип пронизывает всё законодательство. Любой закон, постановление или ведомственный приказ должны приниматься с учётом положений статьи 2. Если нормативный акт ущемляет права и свободы без конституционно значимых оснований (например, для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья), он может и должен быть оспорен и отменён, признан не подлежащим применению, в том числе, Конституционным Судом РФ.

В-третьих, в правоприменении данный принцип обязывает чиновника толковать любые сомнения и споры в пользу гражданина.

Для будущего государственного и муниципального служащего понимание принципа высшей ценности человека является не абстрактной теорией, а повседневным инструментом профессиональной деятельности. Признание человека высшей ценностью изменяет цель взаимодействия власти и населения: на смену идеологии контроля приходит идеология служения и оказания услуг. Эффективность работы ведомства оценивается не по количеству вынесенных постановлений, иных актов или проведённых проверок, а по качеству и доступности услуг для конкретного человека безотносительно от их вида (выдача паспорта, регистрация прав на недвижимость, иное). Удобство гражданина становится критерием эффективности.

Каждое решение, будь то строительство дороги, изменение налоговой ставки или реорганизация школы, должно проходить проверку на предмет возможного ограничения или нарушения прав и свобод. Важно, чтобы решения оценивались, с точки зрения их влияния на жизнь людей,

учитывали мнение граждан. Решение, которое формально улучшает экономические показатели региона, но лишает жителей отдалённого посёлка доступа к медицинской помощи или образованию, не может считаться легитимным, так как нарушает конституционный приоритет.

Право на информацию (ст. 24 Конституции РФ) и право на участие в управлении делами государства (ст. 32) являются прямым следствием принципа высшей ценности человека. Гражданин имеет право знать, какие решения готовятся, и влиять на них. Отсюда вытекает обязанность органов власти к транспарентности: публиковать проекты решений, проводить публичные слушания, общественные обсуждения. Цифровые платформы, такие как сайты ведомств и портал «Госуслуги» выступают инструментами реализации конституционного требования об открытости власти перед человеком.

Формула «человек — высшая ценность» меняет статус самого чиновника, который перестаёт быть «начальником» и становится служащим, обязанным отчитываться перед обществом. Принцип сервисного государства предполагает уважительное отношение к каждому гражданину, посетителю, вежливость, компетентность и стремление к разрешению его проблем. Грубость, волокита, формализм — это не просто нарушения служебной дисциплины, а фактическое отрицание конституционной аксиомы о ценности человека.

Финансирование образования, здравоохранения, культуры, социального обеспечения с точки зрения конституционной формулы является не «благотворительностью» и не «нагрузкой на бюджет», которую можно сократить в условиях кризиса в первую очередь. Это прямая обязанность государства по созданию условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7 Конституции РФ). Инвестиции в человека (человеческий капитал) становятся приоритетным направлением бюджетных расходов, поскольку именно они обеспечивают реализацию высшей ценности. Социальная политика, таким образом, выступает не как обременительные траты, а как защита и развитие главного ресурса страны.

Конституционная формула «человек, его права и свободы — высшая ценность» представляет собой не просто философский постулат, а действующий правовой императив высшей силы. Для государственного и муниципального управления это означает смену парадигмы: от власти как господства к власти как служению. Реализация этого принципа в повседневных решениях каждого органа власти и каждого служащего является необходимым условием легитимности публичной власти. Только то управление, которое ставит в центр человека, способно быть

эффективным, получать поддержку общества и обеспечивать долгосрочное благополучие и стабильность в стране. Игнорирование же этого принципа неизбежно ведёт к отчуждению власти от народа и, в конечном счёте, к утрате доверия и деградации системы управления.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года.

2. Нудненко Л.А. Конституционное право России: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2023. 560 с.

3. По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П.

УДК 342

Защита прав граждан России за рубежом в условиях санкционного режима: роль консульских учреждений и МИД

Бугакова А.П.

Научный руководитель: Кваша О.В., канд. юрид. наук

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Ярославский филиал

С 2022 года Российская Федерация столкнулась с беспрецедентным санкционным давлением со стороны, так называемых, недружественных стран, что отразилось на правах российских граждан. По данным Московского бюро по правам человека нарушения прав россиян фиксируются примерно в 50 государствах [6]. Санкционный режим создал не только экономические барьеры (блокировка счетов, отказы в обслуживании), но и проявился как фактор политически мотивированных преследований. В этих условиях работа консульских учреждений и Министерства иностранных дел (МИД) стала приобретать ключевое значение для реализации конституционного права граждан на защиту за пределами государства, поскольку прежние механизмы защиты, основанные на беспрекословном соблюдении международных договоров, взаимном уважении представителей государств, оказались в состоянии разрушения. В создавшейся ситуации постараемся проанализировать, как

российская дипломатическая служба адаптируется к новым вызовам и какие инструменты использует для защиты соотечественников за рубежом.

Согласно пункту 2 статьи 61 Конституции РФ, «Российская Федерация гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за её пределами» [1]. Это означает, что органы государственной власти РФ, дипломатические и консульские учреждения РФ обязаны обеспечивать полную реализацию гражданами своих прав согласно Конституции РФ, законам и международному праву. Если раньше работа консула ограничивалась, преимущественно, стандартными процедурами - выдачей паспортов, регистрацией актов гражданского состояния, нотариальными действиями, - то сегодня её содержание существенно изменилось.

Важно отметить, что из-за гражданства, происхождения или даже не прямой связи с Россией люди всё чаще оказываются в зоне повышенного риска. Проявлениями этого являются инициирование уголовных дел по политическим мотивам, аресты по надуманным обвинениям (вплоть до шпионажа), принудительное выдворение граждан из страны проживания либо создание условий невозможности проживания или взаимодействия с соотечественниками, родственниками. Предлог «соблюдения санкционных режимов» используется в качестве основания для экономической дискриминации, включающей заморозку активов и блокировку банковских счетов.

Ситуация усугубилась и организационными проблемами: в феврале 2022 года из-за действий недружественных государств закрылись 22 загранучреждения МИД России (в Германии, Прибалтике, Польше, Бельгии, Дании, Чехии и др.) [5]. Это привело к существенному сокращению доступа к консульским услугам для россиян в Европе. Кадровый голод, спровоцированный высылками сотрудников, вынуждает оставшихся специалистов дипломатических структур работать с предельной нагрузкой. Наглядным примером является ситуация, сложившаяся в 2022–2023 годах в консульских отделах Европы. В этот период заметно участились обращения от российских матерей, проживающих за пределами России, не имевших возможности получить алименты от бывших супругов, проживающих в РФ. Прежде подобные вопросы решались через компетентные органы стран ЕС на основании Минской конвенции 1993 года о правовой помощи [3]. После прекращения её действия приставы ЕС перестали принимать российские исполнительные листы без специального штампа – апостиля. Процедура легализации документа и ранее не была простой, а в новых условиях стала практически невыполнимой: оригиналы документов нужно было отправлять из Европы в Россию и обратно, но из-за проблем с почтовым

сообщением сделать это быстро оказалось невозможно. В итоге консульствам пришлось буквально «в ручном режиме» объяснять иностранным чиновникам, как признавать российские документы, — хотя раньше этот процесс осуществлялся практически в автоматическом режиме и не требовал вмешательства дипломатов.

Несмотря на массовую высылку российских дипломатов и закрытие генконсульств в Европе, российские дипломаты успешно адаптировались к изменившимся геополитическим условиям. Как отметил директор Консульского департамента МИД России А.В. Климов, загранучреждения даже в усеченном составе полностью выполняют возложенные задачи [4].

В рамках своей деятельности консульские учреждения осуществили ряд ключевых задач. В 2023 году, после закрытия воздушного пространства для российской авиации рядом европейских стран, консульства столкнулись с проблемой возвращения российских граждан, оказавшихся в «транзитных ловушках» в третьих странах. Дипломатам пришлось в экстренном порядке прорабатывать альтернативные маршруты выезда через дружественные государства и взаимодействовать с авиавластями стран, не присоединившихся к санкциям. Это потребовало от консульских работников нестандартных решений и значительного увеличения нагрузки в условиях сокращенного штата.

Несмотря на кадровые и логистические ограничения, продолжают выполнять ключевые задачи. Например, в 2023 году консульские органы выдали приблизительно 468 тысяч заграничных паспортов, что на 30% превышает показатели предыдущего года [5]. Это косвенно свидетельствует о росте числа россиян, выезжающих за рубеж и нуждающихся в консульской поддержке в условиях санкционного режима. Кроме того, в 2024 году Аппарат Уполномоченного по правам человека, взаимодействуя с Министерством иностранных дел, получил около 630 обращений от российских соотечественников, требующих правовой защиты — многие из них были связаны именно с санкционной дискриминацией.

МИД России на межгосударственном уровне выполняет важную двойную функцию – выступает в роли «фильтра» и «адвоката», решая ключевые внешнеполитические задачи.

Во-первых, МИД активно противостоит правовому нигилизму со стороны западных стран. Речь идет о систематических нарушениях Венской конвенции о консульских сношениях 1963 года: зарубежные государства нередко отказывают российским консульским работникам в доступе к арестованным соотечественникам [2]. Министерство иностранных дел тщательно фиксирует такие случаи, доказательную базу

для последующих дипломатических демаршей и обращений в международные инстанции.

Во-вторых, Россия проводит курс на переориентацию внешнеполитических усилий на Восток. На фоне закрытия дипломатических миссий в западных странах Россия активно развивает дипломатическое присутствие в Африке и Азии. В частности, были открыты новые посольства в таких странах, как Нигер, Сьерра-Леоне и Южный Судан. Эта стратегия позволяет не только укрепить международные позиции, но и решить «географию безопасности» для российских туристов, обеспечивая им дополнительную защиту в указанных регионах.

В-третьих, МИД способствует цифровизации консульских услуг. Ключевым шагом в этом направлении стало введение единой электронной визы (ЕЭВ). Этот инструмент не только упрощает процедуру въезда в Россию, но и помогает поддерживать связь с соотечественниками, находящимися за границей. Эффективность нововведения подтверждается статистикой: к 2025 году было оформлено свыше 767 тысяч электронных виз [5].

Внутреннее законодательство России адаптируется к внешним вызовам: контрсанкционные меры продлены на 2026 год — это позволяет гражданам использовать режим параллельного импорта для ввоза личного имущества и защищает их имущественные права. Что касается граждан, находящихся за границей и имеющих неисполненные обязательства перед российским правосудием, здесь государство действует точно: консульские учреждения продолжают оказывать им базовую помощь (например, в экстренных ситуациях), однако такие лица не могут рассчитывать на содействие в оформлении документов, если это противоречит требованиям российского законодательства или создает риски уклонения от правосудия. Таким образом, государство стремится соблюдать баланс между конституционной гарантией защиты всех граждан и необходимостью пресекать злоупотребления правом.

Проведенное исследование свидетельствует, что МИД и консульские учреждения вынуждены сочетать традиционные дипломатические методы с механизмами антикризисного реагирования. Защита прав и интересов граждан России за пределами страны в период санкций приобрела более многомерный характер, что подтверждается следующим:

- санкционный режим создал принципиально новые вызовы, включая политически мотивированные преследования и экономическую дискриминацию российских граждан;

- несмотря на сокращение штата и закрытие загранучреждений в недружественных странах, консульская служба демонстрирует способность адаптироваться к кризисным условиям;

- значимыми направлениями развития становятся цифровизация услуг, переориентация дипломатического присутствия на страны Азии и Африки, а также отстаивание прав россиян в международных инстанциях.

В то же время эффективность защиты напрямую зависит от политической воли государств пребывания. Консул не может отменить решение иностранного суда, но обязан сделать всё возможное, чтобы права гражданина не были нарушены процессуально. В условиях, когда международное право всё чаще приносится в жертву политической конъюнктуре, именно профессиональная работа дипломатов становится последним бастионом на пути произвола в отношении российских граждан за рубежом.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.

2. Венская конвенция о консульских сношениях от 24 апреля 1963 г. // Сборник международных договоров СССР. – Вып. XLV. – М., 1991.

3. Нудненко Л.А. Конституционное право России: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2023. 560 с.

4. Интервью директора Консульского департамента МИД России А.В. Климова «Парламентской газете» (15 декабря 2025 года) // МИД России. 2025.

5. Доклад МИД России «О нарушениях прав российских граждан и соотечественников в зарубежных странах» (2024-2025).

6. Московское бюро по правам человека. Аналитический отчет «Дискриминация российских граждан за рубежом в условиях санкционного режима». М., 2025.

УДК 379.85

Проблемы классификации гостиниц (правовой аспект)

Бухаркина С.С.

*Научный руководитель: Азеева М.А., старший преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Правовое регулирование классификации гостиниц в Российской Федерации в последние годы претерпевает существенные изменения. Если ранее нормативное регулирование было ориентировано преимущественно на присвоение категории именно гостинице как отдельному объекту туристской инфраструктуры, то в настоящее время законодатель перешёл к более широкому подходу. В действующей редакции Федерального закона № 132-ФЗ используется категория «средство размещения», которая охватывает различные виды объектов временного проживания и тем самым расширяет сферу правового регулирования [1].

Необходимость внесения указанных изменений обосновывалась в пояснительной записке к законопроекту о внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», размещённой на официальном сайте Государственной Думы. В документе отмечается, что действовавшая ранее модель регулирования охватывала преимущественно гостиницы и не учитывала значительное разнообразие иных объектов временного проживания, активно функционирующих на туристском рынке. В этой связи законодатель поставил задачу формирования единой системы государственного учёта средств размещения и обеспечения прозрачности рынка туристских услуг посредством введения обязательной классификации и ведения единого государственного реестра соответствующих объектов.

Изменения, внесённые в закон в конце 2025 года, конкретизировали порядок проведения классификации и закрепили обязательность формирования единого государственного реестра классифицированных средств размещения. Существенным нововведением стало установление юридического значения внесения сведений об объекте в данный реестр. Именно наличие записи в реестре теперь рассматривается как подтверждение того, что средство размещения прошло установленную процедуру классификации и вправе осуществлять соответствующую деятельность.

В редакции указанного закона от 29 декабря 2025 года уточнены случаи обязательности классификации, закреплены положения о едином реестре классифицированных средств размещения, а также установлено, что юридически значимым фактом признания объекта прошедшим классификацию является внесение сведений о нём в соответствующий реестр [1]. Тем самым законодатель придал процедуре классификации публично-правовой характер, увязав её не только с качественными характеристиками услуг, но и с цифровым механизмом государственного контроля.

Дальнейшее развитие данных положений получило в Постановлении Правительства РФ № 1951 [2], которым утверждено Положение о классификации средств размещения. В отличие от прежней модели регулирования, данный акт вводит чёткое разграничение между типом средства размещения и его категорией. Если категория традиционно ассоциируется с уровнем сервиса (звёздностью), то тип определяется функциональными характеристиками объекта. Такая конструкция, с одной стороны, обеспечивает более детализированную правовую оценку, однако, с другой стороны, порождает дополнительные вопросы правоприменения, в частности, в части корректности позиционирования объекта в рекламных материалах и на цифровых платформах бронирования.

Постановление Правительства РФ № 1952 [3] регламентирует порядок ведения единого реестра классифицированных средств размещения и закрепляет цифровую модель подтверждения статуса. Включение сведений в реестр приобретает значение юридического факта, от которого зависит законность осуществления деятельности. Таким образом, акцент регулирования смещается с материальной проверки соответствия установленным требованиям к процедурам внесения и актуализации сведений.

Анализ материалов правоприменительной практики, включая обзоры судебных решений и аналитические публикации в правовых информационных системах, показывает, что значительная часть возникающих споров связана не столько с фактическим уровнем оказываемых гостиничных услуг, сколько с нарушениями установленной процедуры классификации. На практике основаниями для привлечения к ответственности чаще выступают ошибки при оформлении документов, несвоевременное внесение или обновление сведений в государственном реестре, а также несоблюдение отдельных требований нормативных актов, регулирующих порядок прохождения классификации.

Особого внимания заслуживает принятие Постановления Правительства РФ № 1912 [4], вступающего в силу с 1 марта 2026 года. Указанный акт утверждает новые Правила предоставления гостиничных услуг и услуг иных средств размещения. В отличие от ранее действовавших норм, регулирование распространяется не только на гостиницы, но и на иные средства размещения, подлежащие классификации. Тем самым законодатель завершает формирование единой нормативной конструкции, связывающей классификацию и договорные отношения с потребителем.

Сравнительный анализ прежней и действующей моделей позволяет выявить несколько ключевых различий. Во-первых, расширен круг

регулируемых объектов: вместо узкого понятия «гостиница» используется более широкая категория «средство размещения» [1]. Во-вторых, изменён юридический механизм подтверждения статуса: ранее существенное значение имело наличие свидетельства о присвоении категории, в настоящее время — наличие записи в реестре [3]. В-третьих, новые правила предоставления услуг [4] синхронизируют сведения, указываемые в договоре и публичной информации, с данными государственного реестра, что усиливает защиту прав потребителей.

Вместе с тем выявляются и проблемные аспекты. Терминологическая трансформация требует переоценки статуса значительного числа объектов размещения. Возникают вопросы о допустимости использования в наименовании слов «гостиница» или «отель» при ином типе средства размещения. Дополнительные риски связаны с цифровизацией контроля: несвоевременное обновление сведений в реестре либо технические ошибки могут повлечь административную ответственность независимо от фактического уровня оказываемых услуг.

Аналогичная позиция высказывается и в научных публикациях, посвящённых реформированию системы классификации средств размещения. Так, Р. Ф. Киселева отмечает, что переход к модели централизованного государственного реестра и расширение круга объектов, подлежащих классификации, направлены на повышение прозрачности туристского рынка, однако одновременно требуют дальнейшей нормативной и методической проработки отдельных процедур, связанных с подтверждением статуса средств размещения и актуализацией сведений в реестре [5].

Правоприменительная практика последних лет показывает, что классификация постепенно приобретает межотраслевой характер. Нарушения в сфере классификации влекут не только административные последствия, но и могут служить основанием для предъявления требований о защите прав потребителей, включая расторжение договора и взыскание убытков. Тем самым институт классификации выходит за рамки туристского законодательства и начинает активно взаимодействовать с нормами гражданского и административного права.

Анализ научных публикаций, размещённых в специализированных правовых базах и научных электронных библиотеках, подтверждает, что современная система классификации рассматривается как элемент государственной политики в сфере обеспечения качества и прозрачности туристского рынка.

В научной и правовой литературе также обращается внимание на необходимость соблюдения разумного баланса между усилением

публичного контроля со стороны государства и недопущением избыточного административного воздействия на хозяйствующие субъекты, осуществляющие деятельность в сфере оказания услуг размещения. Отмечается, что чрезмерное усложнение регулятивных процедур способно создавать дополнительные барьеры для предпринимательской деятельности и негативно отражаться на функционировании соответствующего сегмента рынка. В этой связи особую значимость приобретает формирование такой системы правового регулирования, которая одновременно обеспечивала бы эффективный государственный контроль и не приводила бы к неоправданному увеличению административной нагрузки на участников рынка.

Проведённый анализ законодательных изменений, реализованных в период 2024–2026 гг., позволяет говорить о постепенном формировании новой модели регулирования в сфере средств размещения. В рамках данной модели институт классификации приобретает более широкое функциональное значение. Он рассматривается не только как механизм допуска субъектов к осуществлению деятельности на рынке услуг размещения, но и как важный инструмент защиты прав и законных интересов потребителей. Существенную роль в этой системе играет государственный реестр средств размещения, который выступает основным источником официальной информации о субъектах, имеющих право осуществлять соответствующую деятельность. В этой связи юридически значимым фактом становится внесение сведений о средстве размещения в указанный реестр, что подтверждает правомерность осуществления деятельности в данной сфере.

На основании вышеизложенному, следует отметить, что дальнейшее совершенствование нормативного регулирования должно быть направлено на устранение выявленных противоречий и пробелов в законодательстве, а также на более чёткую регламентацию процедурных аспектов классификации средств размещения. Кроме того, важным направлением развития является формирование единообразной правоприменительной практики. Лишь при условии согласованного учёта публичных интересов государства и законных интересов предпринимательского сообщества система классификации сможет эффективно выполнять возложенные на неё функции, обеспечивая необходимый уровень качества и безопасности услуг размещения.

Библиографический список

1 Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации».

2 Постановление Правительства РФ от 27.12.2024 № 1951 «Об утверждении Положения о классификации средств размещения».

3 Постановление Правительства РФ от 27.12.2024 № 1952 «О ведении единого реестра классифицированных средств размещения».

4 Постановление Правительства РФ от 27.11.2025 № 1912 «Об утверждении Правил предоставления гостиничных услуг и услуг иных средств размещения».

5. Киселева Р. Ф. К вопросу предварительной оценки реформы классификации средств размещения 2025 года // Аналитические материалы гостиничной отрасли. 2025.

УДК 342.41

Конституционная ценность семьи и её обеспечение через механизмы права

Волкова К.А., Смирнова В.Д.

Научный руководитель: Кваша О.В., канд. юрид. наук

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Ярославский филиал

Семья во все времена была основой общества. В современной России ее значение официально признано на самом высоком уровне. Конституция РФ не просто упоминает семью, а ставит ее под особую защиту государства. Это значит, что забота о семье перестала быть только личным делом граждан и превратилась в важную задачу для всей страны. В связи с этим актуальным является вопрос о практической реализации данного принципа. Анализ того, как основные законы, государственные программы и судебная практика направлены на укрепление семьи, позволяет утверждать: сегодня семья в России — это не только частная жизнь, но и полноценный правовой институт. Данный тезис будет доказан далее на основе анализа ключевых нормативно-правовых актов и научных исследований.

Актуальность изучения статуса семьи продиктована его уникальной двойственностью. С одной стороны, согласно статье 38 Конституции РФ, семья находится под защитой государства, что закрепляет её публично-правовое значение [1]. С другой стороны, семейные отношения остаются одной из наиболее интимных сфер человеческой жизни, где вмешательство извне должно быть исключительно деликатным и обоснованным. Этот дуализм порождает правовые коллизии, особенно на фоне новых

социальных вызовов: цифровизации быта, трансформации гендерных ролей, роста числа альтернативных форм семейной организации.

Как верно отмечает исследователь Агеева А.В., правовой статус семьи формируется на стыке конституционных гарантий и отраслевых предписаний, однако юридическая наука до сих пор не выработала универсального определения этой базовой ячейки общества [3]. Таким образом, научный и практический интерес заключается в поиске оптимального баланса, при котором конституционные гарантии не остаются благими пожеланиями, но и не подавляют естественную автономию семейного союза.

Наш анализ приводит к выводу, что современный правовой статус семьи в России переживает этап качественной трансформации. Государство последовательно усиливает свои гарантийные обязательства, наполняя конституционные нормы конкретным социальным и финансовым содержанием, но параллельно с этим усложняется и идеологический компонент семейной политики.

Конституционный фундамент, заложенный статьями 7 и 38, задает высочайший уровень защиты. Однако ключевая задача права - перевести этот уровень в плоскость конкретных правоотношений. Семейный кодекс Российской Федерации (далее - СК РФ), в статьях 1 и 63, выступает основным таким «переводчиком» [2]. Принципы добровольности брака, равенства супругов и приоритета детских интересов, закрепленные в СК РФ, создают каркас для построения современных семейных отношений, свободных от патриархальной архаики. При этом мы считаем, что закон, возлагая на родителей обязанность по воспитанию и образованию детей (ст. 63 СК РФ), фактически признает семью первичным и ключевым агентом социализации, делегируя ей публичную функцию, которую государство обязуется поддерживать, но не подменять.

Воплощение этой поддержки в жизнь - прерогатива государственной семейной политики, воплощенной в правовые нормы, которая в последние годы приобретает всё более системный и ценностно-ориентированный характер. Как справедливо указывают Миронцева С.А. и Гнедаш А.А., меры поддержки вышли далеко за рамки единовременных пособий, превратившись в комплексную систему, включающую материнский капитал, налоговые вычеты, жилищные программы и, что немаловажно, идеологическое наполнение, такое как проведение Года семьи [4; 3]. На наш взгляд, эта «мягкая сила» - пропаганда традиционных семейных ценностей - стала неотъемлемой частью правового поля. Государство через право не просто защищает уже существующие семьи, но и активно формирует общественный запрос на определенную, многодетную и

ответственную модель семейной жизни, рассматривая её как основу демографического суверенитета.

Наиболее убедительным доказательством реальности конституционных гарантий выступает не только законодательная, но и судебная практика. Акты Конституционного Суда РФ служат мостом между высокими принципами и жизнью простых граждан. Яркий пример - определение от 29.11.2024 № 3045-О, которое подтвердило необходимость учета периодов ухода за детьми при исчислении пенсионного стажа [5]. Эта позиция важна по двум причинам. Во-первых, она имеет конкретное экономическое измерение, подтверждая социальную защищенность, прежде всего, женщин. Во-вторых, она символически признает труд по воспитанию детей общественно полезным и равноценным профессиональной деятельности, что качественно меняет взгляд на ценность семейных обязанностей в правовом поле.

Не менее значимым является Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2025 № 6-П, роль которого не только в устранении конфликта существующих норм в возникшей правовой ситуации (признаны ч.1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» не соответствующими статьям 7, 19 (ч. 1), 38 (ч. 1 и 2), 39 (ч. 1), 55 (ч. 3) и 67.1 (ч. 4) Конституции РФ), прямым правовым следствием которой является пересмотр правоприменительных актов всех судебных инстанций по делу с участием заявителя Щаниковой М. Ю., претендовавшей на выплаты в пользу детей-двойняшек, зачатых с помощью вспомогательных репродуктивных технологий (ЭКО) после смерти отца детей. Но и в обозначении и одновременном решении имеющейся правовой неопределенности в виде констатации юридического равенства социальной защиты детей вне зависимости от природы их появления, а также без учета срока, предусмотренного ст.48 ч. 2 СК РФ, для автоматического определения отца ребенка. Решение указанной неопределенности является важным учитывая сопоставляемую с 2024 годом (32 тысячи) динамику рождаемости детей, связанную с ЭКО [6].

Однако, на наш взгляд, правовая защита семьи сталкивается и с новыми вызовами, которые законодатель только начинает осознавать. Речь идет о защите семьи в цифровой среде (право на цифровое забвение для детей, приватность семейной переписки), о правовом статусе фактических брачных отношений, о балансе между контролем за благополучием ребенка и невмешательством в семейные дела. Развитие законодательства идет методом проб и ошибок, а судебная практика зачастую опережает медлительный нормотворческий процесс.

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

- статус семьи в РФ эволюционировал от объекта пассивной защиты к активному субъекту, выполняющему публично-значимые функции;
- государственная поддержка института семьи носит комплексный характер, органично соединяя экономические инструменты (выплаты, льготы) с идеологическим проектированием желаемой семейной модели;
- Конституционный Суд РФ играет ключевую роль в конкретизации и реализации гарантий, данных семье;
- перед российским семейным правом стоят новые, несистемные вызовы, связанные с технологическим прогрессом и изменением социальных практик. Будущее развитие института будет зависеть от способности права гибко реагировать на эти изменения, не отказываясь от своих охранительных и регулятивных, т.е. фактически поддерживающих семью функций.

Таким образом, правовой статус семьи в современной России – это динамичная, развивающаяся конструкция. Она прочно стоит на конституционном фундаменте, но её наполнение и реальная сила определяются постоянным диалогом между законодателем, правоприменителем и обществом.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 14.07.2022).

3. Агеева А.В. Конституционно-правовой статус семьи в Российской Федерации: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.02 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/konstitutsionno-pravovoi-status-semi-v-rossiiskoi-federatsii>.

4. Миронцева С.А. Государственная семейная политика и формирование семейных ценностей в современной России [Электронный ресурс]. URL: <https://journalsr.kubsu.ru/article/view/285>.

5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.11.2024 № 3045-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ш. на нарушение его конституционных прав частью двенадцатой статьи 15 Федерального закона “О страховых пенсиях”».

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 февраля 2025 г. № 6-П по делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10

Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки М.Ю. Щанниковой».

УДК 347.214.2

Правовые аспекты вовлечения в хозяйственный оборот неиспользуемого федерального имущества и объектов культурного наследия

Гераскин И.В.

*Научный руководитель: Азеева М.А., старший преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Одним из важных направлений деятельности органов исполнительной власти является повышение эффективности управления государственным имуществом на соответствующей территории. На территории Ярославской области проводятся мероприятия по передаче инвесторам неиспользуемых объектов государственной и муниципальной собственности и вовлечению объектов культурного наследия в хозяйственный оборот.

Следует отметить, что на территориях субъектов Российской Федерации зачастую расположено большое количество неэксплуатируемых, заброшенных объектов, находящихся в федеральной собственности. Структурные подразделения Федерального агентства по управлению государственным имуществом (Росимущества) как правило территориально удалены от указанных объектов и даже располагаются в иных субъектах. В частности МТУ Росимущества во Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской областях размещается в г. Владимир. В результате чего контроль за содержанием и состоянием неэксплуатируемого федерального имущества является затруднительным.

В целях решения данной проблемы в 2024-2025 годах в рамках исполнения постановления Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации «О государственной поддержке социально-экономического развития Ярославской области» от 3 апреля 2024 года № 96-СФ на территории Ярославской области проведена инвентаризация всего неиспользуемого недвижимого имущества, включая объекты, находящиеся в федеральной собственности. Ярославская область стала пилотным регионом по вовлечению в оборот неиспользуемого федерального имущества, проект был поддержан Советом Федерации [3].

По результатам анализа более 2500 объектов недвижимости, находящихся в федеральной собственности и расположенных на территории региона, выбран 281 объект, подлежащий осмотру, по итогам которых выявлено 97 зданий, находящихся в неудовлетворительном состоянии.

Передача имущества из федеральной собственности в собственность субъектов Российской Федерации осуществляется в соответствии со статьей 154 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации

в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в том числе имущество подлежит передаче в региональную собственность в случае если указанное имущество используется органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными унитарными предприятиями, государственными и муниципальными учреждениями для исполнения установленных законодательством полномочий [2].

Следовательно, наличие факта использования федерального имущества региональными органами государственной власти, подтвержденного, например, договором аренды либо безвозмездного пользования является, среди прочего основанием передачи имущества на иной уровень собственности.

В результате проведенной работы 65 объектов было передано в собственность Ярославской области. Часть объектов включена в прогнозный план (программу) приватизации, утвержденную Законом Ярославской области от 13 декабря 2024 года № 93-з «О прогнозном плане (программе) приватизации имущества, находящегося в собственности Ярославской области, на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» и успешно реализована на общую сумму 83 млн. руб. [4,5]. Оставшаяся часть планируется к реализации в текущем году.

В рамках данной статьи, следует также рассмотреть особенности вовлечения в хозяйственный оборот объектов культурного наследия (далее - ОКН).

В Ярославской области очень много памятников культуры, архитектуры и конечно, в связи с недостатком средств, которые требуются

на их достойное содержание, восстановление, многие объекты, находятся в тяжелой ситуации. Своим внешним видом они портят виды населенных пунктов. Поэтому помимо непосредственно мероприятий по приватизации государственных ОКН на территории Ярославской области проводится работа по их изъятию у недобросовестных собственников для их последующей продажи с публичных торгов в соответствии с Федеральным законом от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [1].

В 2025 году на территории Ярославской области было подано более 180 исков в суд об изъятии, 35 уже удовлетворены – 3 объекта реализованы [5].

Преимуществами вовлечения объектов культурного наследия в хозяйственный оборот являются: снятие финансового бремени с бюджетной системы, привлечение инвестиций в реставрацию (частные инвестиции могут быть больше и быстрее государственных) эффективное приспособление к современному использованию (заброшенные объекты (особенно промышленной архитектуры) обретают «новую жизнь» через инвестиции), новый этап функционирования ОКН (реставрация и эксплуатация объекта создают новые рабочие места, отреставрированный объект – точка притяжения туристов – импульс для развития территории).

Присутствуют и риски передачи ОКН в частную собственность, а именно: утрата (риск утраты) исторической ценности (неквалифицированная реставрация, длительное отсутствие мер по сохранению объекта), нецелевое использование (наличие объекта только как экономического актива без намерения сохранения и реставрации), невыполнение охранных обязательств (недобросовестность собственника).

При этом в последнее время все более актуальной становится проблема, когда число объектов, выставленных на приватизацию, значительно превосходит спрос среди потенциальных покупателей. Кроме того, экономическая нестабильность и неопределенность в политической сфере также оказывают негативное влияние на инвестиционные решения.

Безусловно основная задача государства в сохранении объектов культурного наследия и придания ответственными хозяевами им нового востребованного функционального содержания, для этого представляется целесообразным введение льготных налоговых режимов, сопровождение проектов по сохранению и реставрации ОКН в субъектах Российской

Федерации органами исполнительной власти по принципам «единого окна» и иные меры поддержки.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

2. Федеральный закон от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

3. Постановление совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации «О государственной поддержке социально-экономического развития Ярославской области» от 3 апреля 2024 года № 96-СФ.

4. Закон Ярославской области от 13 декабря 2024 года № 93-з «О прогнозном плане (программе) приватизации имущества, находящегося в собственности Ярославской области, на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов».

5. Государственная информационная система торгов [Электронный ресурс]. URL: <http://torgi.gov.ru/new/public>.

УДК 342.59

Институт президентской власти и эффективность разделения властей в России: является ли система сдержек и противовесов рабочей моделью?

Грищенко М.А.

*Научный руководитель: Гордеев А.Г., канд. ист. наук., доцент
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

Дискуссия об эффективности принципа разделения властей в России в контексте построения правового государства не теряет актуальности и по сей день. Спорить о общенациональной значимости проблемы не имеет смысла, так как особенно остро данный вопрос встаёт при попытке проанализировать ход истории в России, где долгое время была

утверждена сильная центральная власть, и относительно недавние исторические события в России 1993 года, которые по сути своей и придали теории разделения властей формальное закрепление. Однако одно дело – закрепить, другое дело – следовать этому. В связи с этим целью данного исследования является определение, является ли система сдержек и противовесов в Российской Федерации рабочей моделью взаимодействия ветвей власти или «декоративным» институтом, а также дать оценку эффективности работы данного механизма.

Концепция разделения ветвей власти была сформулирована более трех сотен лет тому назад. Её создателем по праву считается Шарль Луи Монтескье [4, с. 372], который оформил теорию в том виде, в котором она зафиксирована как в конституции России, так и в подавляющем большинстве других стран [1]. Суть данной доктрины заключается в дифференциации государственной власти на три её независимые составляющие ветви (законодательная, исполнительная, судебная) для предотвращения злоупотребления ей и недопущения узурпации, а также защиты прав граждан путём работы механизма сдержек и противовесов, при котором три центра власти взаимно контролируют друг друга через ограничения полномочий [7]. То, что для одного органа издержки, для другого – противовес [2]. Согласно данной теории при прочих равных создаётся такое положение дел, при котором не одна власть не способна «перетянуть одеяло», абсолютизовав себя. Так, например, Законодательная власть издаёт законы, правовые нормы, правила, по которым должно жить общество, исполнительная - придаёт законам жизнь, она их воплощает, судебная - в свою очередь стоит на страже исполнения обществом данных законов, наказывая провинившихся путём вынесения судебного решения. По версии Джона Локка [3, с. 20-26], несмотря на то, что парламент лишён силового блока, он способен и главное должен контролировать правительство через издание законов, которое правительство обязано исполнять; утверждение бюджета; выражение недоверия правительству, согласование назначения министров. Таким образом, идея подразумевает распределение власти между её ветвями в «относительно равных пропорциях» с возможностью взаимного контроля для предупреждения тирании и диктатуры глав одной из ветвей.

Принцип разделения властей закреплён в 10 ст. Конституции РФ. Вместе с тем ст. 11 Конституции РФ наделяет субъективными правами и юридическими обязанностями не три органа власти (как подразумевается), а четыре вместе с президентом РФ. Такая формулировка не даёт однозначного определения места президента в системе власти. С одной стороны, президент не входит не в одну из ветвей, лишь координирует их

деятельность (ст. 80); с другой – именно он её «осуществляет», обладая на это весомыми полномочиями. Многими правоведами отмечается, что Президент РФ де-факто сосредотачивает в своих руках значительный объем государственной власти, а заложенный в Конституции механизм сдержек и противовесов является всего лишь на всего фикцией [8].

Согласно ст. 80 Конституции РФ утверждается, что президент является «гарантом Конституции РФ». Однако идея Монтескье гласит, что гарантом исполнения Конституции должен стоять не один конкретный человек, а вся система сдержек и противовесов в целом, включая институты гражданского общества [4, с. 397]. Так, например, Общественная палата РФ сдерживающими полномочиями практически не обладает, так как она формируется из граждан, утверждаемых Президентом РФ.

Согласно ст. 83 Конституции РФ Президент РФ, однако, не являясь главой исполнительной власти, «осуществляет общее руководство Правительством РФ», оказывая решающее влияние на его деятельность и формирование состава. Так, например, он с согласия Госдумы назначает Председателя Правительства, принимает решения об его отставке, об отставке всего Правительства РФ, имеет право председательствовать на его заседаниях и отклонять его постановления. Таким образом, исполнительная власть фактически подчинена и подконтрольна Президенту РФ, что наиболее ярко подчеркивает факт того, что Правительство слагает свои полномочия перед вновь избранным Президентом РФ (ст. 116 Конституции РФ). При таком положении дел особенно возрастает роль Администрации Президента РФ – госоргана, контролирующего исполнение решений главы государства, во многом дублируя решения Правительства. Контроль исполнительной власти прямо или косвенно (через председателя или министров) относит к подведомственности Президента силовой блок, состоящий из Минобороны, Росгвардии, МВД, ФСБ, СВР, что придает государственной власти главный её признак – аппарат принуждения.

Кроме влияния на исполнительную власть, президент имеет ряд полномочий, направленных на судебную власть. Согласно 128 ст. Конституции РФ президент представляет кандидатур на пост председателя КС РФ, ВС РФ и самих судей КС РФ и ВС РФ. Более того именно Президент назначает председателей, зампредов и судей других федеральных судов. Данный факт вполне вероятно на практике может приводить к бюрократизации процессов подбора кандидатур, отсутствия гласности. Несмотря на провозглашённый принцип независимости судебной власти, на практике от исполнительной власти она зависима в

материально-техническом плане, а от законодательной в контексте определения последней полномочий судебной власти путём принятия законов.

Однако несмотря на вышесказанное механизм сдержек и противовесов кристаллизуется именно в отношениях Президента РФ с Федеральным собранием (законодательной властью). Так, например, помимо законодательных полномочий, парламент утверждает ключевые назначения, обладает правом отрешения Президента от должности (по особым основаниям), которая, однако по мнению многих правоведов значительно усложнена [5]. «Противовесом» данного полномочия у парламента выступают «сдержки» Президента, выраженные в праве вето и роспуска Госдумы. Однако несмотря на это следует учитывать, что право вето преодолимо, если Госдума и Совет Федерации повторно одобряют закон 2/3 голосов, а роспуск нижней палаты парламента предусмотрен лишь в случаях, когда она трижды отклонит предложенные президентом кандидатуры Председателя Правительства или дважды выразит недоверие Правительству. Таким образом, законодательная власть фактически контролирует Президента РФ.

Подводя итог вышесказанному, система сдержек и противовесов в России не может быть однозначно названа ни утопией, так как на сегодняшний день три ветви власти успешно справляются со своими задачами, ни полноценной рабочей моделью в её классическом понимании, которая не предусматривает такой разросшийся институт Президентства. Это рабочая, но еще структурно-несбалансированная, недоработанная под российские реалии модель, где механизмы взаимного контроля существуют, но их эффективность и симметричность существенно ограничены концентрацией властных ресурсов в одном центре.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных от 30 декабря 2008 г., 5 февраля 2014 г., 21 июля 2014 г., 14 марта 2020 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования июля 2020 г.).
2. Здоровцева А.А. Система сдержек и противовесов как непосредственный элемент принципа разделения властей // Ученые заметки ТОГУ: электронное научное издание. 2013. Т. 4. № 4. С. 115–120.
3. Лезина Е.П. Политико-правовое учение Джона Локка / Е. П. Лезина, Д. Э. Голов // Контентус. 2022. № 1 (114). С. 20–26.
4. Монтескье Ш.Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. 672 с.

5. Мордвинова И.А. Проблема конституционно-правового выражения системы сдержек и противовесов // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 22 (123). С. 43–48.

6. Сапаргалиев Л.С. О системе сдержек и противовесов в деятельности органов государственной власти // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2006. № 2 (3). С. 30–33.

7. Чеботарев Г.Н. Принцип разделения властей в государственном устройстве Российской Федерации. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 1997. –220 с.

8. Чиркин В.Е. Некоторые современные вопросы разделения властей и совершенствования национального законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1 (62). С. 12–17.

УДК 34:341

Роль и значение права на мир в социальном развитии современного общества

Демирли К.И., Азербайджанская Республика

*Научный руководитель: Гусейнов Т.И., д-р юрид. наук, профессор
Бакинский государственный университет*

Если мы обратим внимание на политическую карту современного мира и происходящие политические процессы, то увидим, что во всех регионах мира существуют различные виды противоречий, нет ни одного региона, где бы не было противоречий или конфликтов международного и транснационального характера. Некоторые из противоречий и конфликтов носят экономический характер, другие проявляются в виде войн, в некоторых регионах противоречия подтверждаются ростом числа тяжких преступлений. Независимо от формы, любое противоречие или конфликт создает препятствия для нормального развития общества. Государства и общества тратят дополнительные ресурсы на предотвращение противоречий, а предотвращение и прекращение войн занимает гораздо больше времени. Естественно, в этом случае не может быть и речи о каком-либо развитии. Иными словами, мир является важным фактором развития общества, решения социальных проблем и лучшей защиты прав человека.

Мы можем утверждать, что мир является состоянием государства и общества, свободное от любых человеческих конфликтов и насилия. В условиях мира вся деятельность страны и людей протекает беспрепятственно и поэтому мир можно считать признаком развития и

процветания. Мир развивается во многих направлениях. Помимо более традиционных политических и социальных сфер мира, отдельные люди выражают свою озабоченность по поводу мира и участвуют в его достижении различными способами, в том числе посредством ненасильственных действий и революций. Они участвуют в построении более мирного мира и способствуют общему пониманию того, что насилие не является решением. Именно поэтому ученые считают, что люди рассматривают мир не только как мирную среду для себя и для общества, но и как инструмент трансформации, как неотъемлемую часть нашей естественной и преднамеренной эволюции [1, с. 192]. В отличие от военного времени права человека редко нарушаются в мирное время. Люди могут свободно передвигаться с места на место, не испытывая страха. Они могут вести свой бизнес без каких-либо препятствий. Люди уважают права друг друга.

Мир является одним из важнейших социальных условий для всестороннего развития и гармоничного существования современного общества, личности и мира в целом. Поэтому право на мир не следует рассматривать просто как философский идеал или политическую цель; скорее, оно представляет собой основополагающее право, лежащее в основе реализации всех других прав человека. В различных научных областях можно дать разные объяснения термину «мир». Мир – это одновременно философское понятие и психологический фактор, мир – это предметный элемент международных отношений и других социальных наук. В то же время, мир – это явление, имеющее огромное значение для сферы права.

Взаимодействие мира и права можно рассматривать в нескольких направлениях. Прежде всего, фактор мира отражен как элемент во всех общих принципах права. Теория права в целом и главная функция права – сохранение мира, содействие миру и достижение мирного сосуществования. Анализ исторического развития права также показывает, что до настоящего времени ни одна международно-правовая или национальная правовая норма не призвала к нарушению мира, не подчеркивала, что мир является негативным фактором. Идя дальше, можно сказать, что фактически главной целью создания всех правовых норм является мир, и одной из главных функций права является сохранение мира.

Анализ мира с правовой точки зрения также показывает, что возможно формирование отдельной области права комплексного характера - право мира. То есть мир может представлять собой отдельную комплексную область права. Кроме того, обзор права мира, как комплексная область

права, включает в себя, помимо прочего, субъективное право на мир людей. Право на мир людей — это одновременно и индивидуальное право каждого человека, и коллективное право общества на мир [2, с. 54]. Право на мир считается важнейшим правом и необходимым условием для жизни человека, реализация которых требует поддержки глобального общества. Первоначально создание Организации Объединенных Наций вселяло уверенность в то, что она достигает этой важной цели и решает большую часть проблем, вызванных разногласиями и растущими войнами. К сожалению, это не так, и мы по-прежнему наблюдаем рост числа столкновений, внутренних конфликтов и внешних войн по всему миру. Поэтому необходимо выявить препятствия на пути реализации этого права и стремиться к их устранению. При ближайшем рассмотрении становится ясно, что одной из главных причин существующих разногласий и бесконечных войн во всем мире является неэффективность Организации Объединенных Наций (ООН), созданной с целью поддержания мира и безопасности во всем мире. Однако ООН сталкивается со значительными трудностями в признании, структуре и исполнении в области права на мир, которые в основном обусловлены правовыми причинами. Поэтому нынешние научные исследования в этой сфере должны быть направлены на выявление существующих недостатков, включая дефекты и пробелы, в деятельности Организации Объединенных Наций по поддержанию мира и безопасности во всем мире.

Установление мира и отсутствие насилия являются одними из важнейших и критически необходимых условий для человеческого достоинства. Не следует игнорировать тот факт, что большинство примеров естественных прав развиваются и реализуются наряду с правами, закрепленными законодательно. Окончание Второй мировой войны стало поворотным моментом для возрождения понятия «права на мир». Это возрождение в некоторой степени стало результатом страха перед нацизмом и военной политикой, которая не уважала личность. Первоначально это возрождение нашло отражение в Уставе Организации Объединенных Наций. Во многих случаях Устав указывает на права человека, основные свободы, право на мир, равенство и беспристрастность. Однако печально осознавать, что в настоящее время даже основные требования, вытекающие из Устава ООН, постоянно нарушаются, а международное сообщество оказывается весьма слабым, когда превосходящие национальные державы демонстрируют свою физическую силу.

Библиографический список

1. Bailliet C., Larsen K.M. Promoting peace through international law. United Kingdom, Oxford: Oxford University Press. 2015. 447 p.

2. Barbey C. Links between peace, democracy and human Rights // Revista Internacional de Filosofia. Suplemento. Vol. 20. № 1. March 2015. PP. 185-200.

УДК 343.9.01; 340.114.5

Деформация правосознания как фактор влияния на вероятность участия в финансовом мошенничестве в современный период

Евсеева Е.А.

Научный руководитель: Кваша О.В., канд. юрид. наук

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Стремительный рост финансового мошенничества в современный период — это не просто следствие развития технологий, но и отражение глубоких изменений в общественном сознании. Ежегодно увеличиваются объемы цифровых платежей, а вместе с ними растет и изощренность финансовых афер. За существующей тревожной статистикой часто стоит не только злой умысел правонарушителей, но и искаженное восприятие людьми правовых норм и финансовых рисков, то есть то, что в праве называется деформацией правосознания. Вне правовой терминологии это означает, что, многие либо не знают, как защитить себя, либо оправдывают сомнительные действия иными причинами.

Попытаемся разобраться, как внутренние установки человека повышают его шансы либо стать жертвой, либо оказаться соучастником, а иногда и организатором мошенничества. Для этого необходимо определить, что понимается под деформацией правосознания и каковы ее основные формы, проследить связь с поведением субъекта (человека) в финансовой сфере, а также классифицировать наиболее распространенные современные схемы обмана. Исходя из этого, мы постараемся ответить на вопрос: является ли ситуация безнадежной, либо существуют способы ее изменения через преодоление деформации правосознания и повышение грамотности населения.

Правосознание — это совокупность взглядов, идей, чувств, оценок и установок, выражающих отношение людей к праву, законности, правосудию, их представление о том, что является правомерным, а что — нет. Его деформация представляет собой искажение или разрушение этих

взглядов, при котором человек или группа людей перестают адекватно воспринимать нормы права, их ценность и обязательность.

В правовой литературе выделяется несколько распространенных форм деформации правосознания [1, с. 54].

Правовой нигилизм представляет собой осознанное игнорирование требований закона, не всегда связанное с преступным умыслом. Проявлением такого отношения является пренебрежение элементарными правилами, установленными нормативными актами, например, нарушение ПДД, неуплата налогов. Подобные нарушения имеют массовый характер с тенденцией к их росту.

В отличие от нигилизма, правовой инфантилизм — это наиболее мягкая форма искажения, заключающаяся в несформированности правовых знаний и установок. Проявлениями инфантилизма в обществе является: подписывание договоров без прочтения, незнание базовых прав, например, работник не знает о праве на отпуск, порядке оплаты сверхурочных работ; потребитель не знает, как вернуть некачественный товар.

Под правовым фетишизмом, в отличие от указанных выше форм деформации, понимается преувеличенная оценка значимости права и его всеобъемлющей регулирующей функции, что сопоставимо со «слепой» верой в его возможности. В практическом поле эта убежденность субъекта означает безграничную веру в решаемость любой возникающей проблемы фактом наличия нормы права, формализованностью процедуры, например, наличие письменного договора, расписки понимается в качестве абсолютной гарантии, защитного средства от негативных последствий в виде неисполнения обязательства. В реальной ситуации, оказавшись обманутым, не учитывая, что мошенники продумывают обход формально существующих правил, такое лицо испытывает разочарование в «силе закона», а неоднократность аналогичных ситуаций может сформировать у него противоположное отношение к праву – правовой нигилизм.

Рассмотренная взаимосвязь между формами деформации правосознания и ростом финансового мошенничества становится особенно очевидной в современных условиях цифровизации, в т.ч. в сфере экономики. Несмотря на систематическую информированность населения СМИ ежедневно увеличивается число «жертв» сетевых мошенников, которые разрабатывает все новые и новые механизмы и способы хищения денежных средств у граждан. Этому способствуют такие качества сети «Интернет», как анонимность пользователей, сложность в идентификации и высокая скорость распространения информации, делают ее наиболее привлекательной средой для совершения мошеннических действий.

По данным заместителя начальника следственного департамента МВД России Данила Филиппова, ущерб, причиненный гражданам мошенниками за период с января по август 2025 года, составил 134 миллиарда рублей. Это число демонстрирует рост по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, когда ущерб составил 116 миллиардов рублей.

Виды финансового мошенничества эволюционируют вместе с технологическим прогрессом. Среди наиболее распространенных форм, нацеленных на граждан, можно выделить следующие [2, с. 72]:

- фишинг — это мошеннические электронные письма или текстовые сообщения, рассылаемые киберпреступниками, выдающими себя за представителей законных учреждений. Их цель - обманом заставить человека разгласить конфиденциальную информацию: номера банковских счетов, пароли или персональные данные;

- социальная инженерия — этот тип мошенничества предполагает установление доверительных отношений с человеком через каналы коммуникации (телефонные звонки, электронная почта, мессенджеры). Цель - завоевать доверие жертвы настолько, чтобы она добровольно поделилась важной информацией или совершила финансовые операции;

- скимминг — мошенничество с банкоматами. Преступники устанавливают на банкоматы небольшие устройства (скиммеры), позволяющие незаконно собирать данные карт пользователей. После сбора информации преступник может использовать ее для онлайн-покупок, денежных переводов и т.д.

Как правило, разные социальные группы сталкиваются с разными видами мошенничества. Представители старшего поколения и работающие пенсионеры чаще подвергаются звонкам из «банка» или «правоохранительных органов». Молодые люди 25–34 лет, особенно те, кто временно не работает, чаще становятся мишенью мошенников, предлагающих «легкий» заработок на инвестициях. Студенты и работающие учащиеся чаще других получают сообщения с вредоносными ссылками.

Эту тенденцию подтверждает и Всероссийский опрос, проведенный Аналитическим центром НАФИ в мае 2025 года. В ходе исследования были опрошены 1,6 тыс. человек старше 18 лет из всех регионов России. Выборка репрезентирует население России по полу, возрасту, географии и типу населенного пункта, статистическая погрешность не превышает 3,1%. Согласно опросу, с попытками мошенничества чаще всего сталкивались респонденты старше 60 лет (98%), работающие учащиеся и студенты (99%), а также граждане, занятые домашним хозяйством или находящиеся

в декретном отпуске (97%). Опрос также отразил, что не сталкивались с мошенниками за последний год только 6% россиян [3].

Очевидно, что преступность и деформация правосознания тесно взаимосвязаны. В современных условиях, особенно с развитием цифровой экономики и криптовалют, деформация правосознания стала ключевым фактором, повышающим риск участия в финансовом мошенничестве как в роли жертвы, так и в роли пособника или организатора.

Мошенники всегда стараются держать руку на пульсе времени: следят за новинками, отслеживают социальные изменения и изобретают новые способы обмана. В связи с этим важно изучить проблемы, с которыми сталкиваются правоприменители при расследовании и профилактике такого рода преступлений, чтобы своевременно обновлять рекомендации.

Таким образом, деформация правосознания, особенно в формах нигилизма и инфантилизма, создаёт питательную среду для финансового мошенничества. Она ослабляет внутренние психологические барьеры против противоправных действий у одних и снижает способность к критической оценке рисков у других.

Несмотря на то, что с развитием технологий мошеннические схемы все время видоизменяются, адаптируются к новой реальности и приобретают своего рода «интеллектуальный» характер, способы противодействия и остаются почти неизменными [4]. Не существует единого решения проблем, связанных с финансовым мошенничеством. Государствам приходится применять комплексные подходы с учетом разных социально-экономических условий. Необходимо постоянно обновлять законодательство, проводить просветительскую работу среди граждан и принимать меры для снижения рисков и обеспечения безопасности финансовых операций.

При этом важно понимать, что основные обстоятельства, приводящие к увеличению числа жертв финансового мошенничества, связаны с экономическими трудностями. Многие потерпевшие состоят в браке и, учитывая финансовые обстоятельства перед семьей, остро нуждаются в деньгах в краткосрочной перспективе, что делает их более уязвимыми. Кроме того, значительная доля мошеннических сценариев строится на методах социальной инженерии. Поэтому задача финансовой грамотности сегодня заключается не столько в оттачивании навыков «психологического противостояния» конкретным схемам, сколько в формировании общего критического мышления и навыков правильной оценки рисков, осознанности того, что любой финансовый вопрос требует времени для принятия решения, совета с близкими. Подобные принципы финансового поведения позволят распознать психологическое давление,

вовремя прекратить контакт и не совершить необдуманных действий в состоянии стресса.

Библиографический список

1. Чертова Н.А., Ершова И.В. Теория государства и права: учебное пособие / под ред. Н.А. Чертовой. М.: [б. и.], 2023. 200 с.

2. Данилова Е.П., Портняга Е.М. Финансовое мошенничество в современном мире // SIBERIAN SOCIUM. Тюмень: ТюмГ, 2023. С. 67-97.

3. 94% россиян сталкивались с мошенничеством за последний год [Электронный ресурс]. URL: <https://nafi.ru/analytics/94-rossiyan-stalkivalis-s-moshennichestvom-za-posledniy-god/>.

4. Финансовая грамотность и риски мошенничества [Электронный ресурс]. URL: <https://zpp.rosпотребнадзор.ru/news/regional/491303>.

УДК 347.451.031

Потребительский «экстремизм»: новый правовой феномен или злоупотребление правами

Желтикова М.В.

*Научный руководитель: Федорова Н.Б., канд. техн. наук, доцент
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Краснодарский филиал*

В современных экономических условиях предприниматели чаще стали сталкиваться с потребительским «экстремизмом». Это определение применяется в деловой среде, но никак не закреплено в законодательстве. Под ним обозначают случаи, когда потребитель (клиент) превысил свои права и оказал давление на бизнес ради получения необоснованной выгоды. Такие покупатели могут создавать искусственные претензии, которые могут заставить компанию вернуть деньги, предоставить товар или услугу бесплатно.

Прецедент, который связан с «экстремизмом» подобного рода, на который чаще всего ссылаются, произошел в 1992 г. в Соединенных Штатах Америки. Ситуация случилась с женщиной, которая заказала горячий кофе в сети ресторанов быстрого питания «McDonald's». По своей невнимательности она получила сильный ожог, из-за чего был подан иск на компанию. В итоге женщине была выплачена большая денежная компенсация.

Данный случай стал «прародителем» похожих исков. Например, женщина подала в суд на торговый центр из-за прыгнувшей на неё белки.

Она утверждала, что ТЦ «не предупредил» ее об этих животных. Дело завершилось компенсацией в 20 миллионов долларов. Также был известный, но печальный случай о «сушке животных». Пожилая женщина из США после мытья своего домашнего питомца решила высушить его с помощью микроволновки. Такой «эксперимент» закончился плохо, и хозяйка подала в суд на производителя техники, получив при этом большую сумму компенсации. Эта ситуация вынудила производителей прописывать в инструкциях специальные фразы, например, «Внимание! Не сушите в СВЧ животных!».

Граждане Российской Федерации почти всегда недоумевают, когда видят подобные странные предупреждения об эксплуатации в инструкциях. Таким способом компании пытаются защитить себя от исков со стороны непорядочных потребителей.

Говоря о появлении случаев потребительского «экстремизма» в России, называют период 90-ых годов. В это время открывались первые юридические организации, которые работали в сфере защиты прав потребителей. Так, по данным Роспотребнадзора за 2018 год было направлено более 3 тысяч обращений от потребителей, чьи законные права были нарушены. Около 50% из них были связаны с нарушениями в договорах.

В 2002 году произошел первый крупный скандал с российским производителем «Кока-Колы». Главными виновниками стали братья Алмазовы, которые украли с завода бракованные бутылки и хотели получить компенсацию из-за «найденного» в них стекла. Компания провела собственное расследование и крупных выплат удалось избежать.

Ранее уже было сказано, что понятие «потребительский экстремизм» не закреплено на законодательном уровне. Для решения спорных ситуаций судьи используют положения Гражданского Кодекса РФ (пределы осуществления гражданских прав).

Опираясь на Уголовный Кодекс РФ (ст.159), можно определить действия, попадающие под определение «потребительский экстремизм». Это действия потребителей, осуществляемые с намеренным причинением вреда; злоупотребление положением; недобросовестное поведение покупателей и получателей услуг; умышленные противоправные деяния потребителей, совершаемые через обман для получения имущества предпринимателей [1].

К основным группам, которые подвержены риску, относятся такие категории бизнеса как: розничная торговля, сфера обслуживания (отели, салоны красоты, рестораны и т.п.) и электронная коммерция. Обычно недобросовестные потребители, ищущие выгоду, пользуются правом на

обмен непродовольственных товаров надлежащего качества по статье 502 ГК РФ. Покупатели могут также постоянно обновлять гардероб, приобретая и возвращая вещь в течении 14 дней.

Появление «экстремистов» объясняется принятием в 1992 году Закона РФ «О защите прав потребителей». Данный закон даёт большое количество прав гражданам. В новой редакции постановления Пленума Верховного суда РФ о судебной практике по защите прав потребителей были закреплены права потребителей (например, потребитель мог подать иск в суд на продавца или поставщика не только по месту нахождения ответчика, но и по своему месту жительства). Наше законодательство однозначно рассчитано на добросовестного потребителя, а в суде именно он признается слабой стороной. Этим и пользуются «экстремисты».

Не следует забывать и про популярную фразу, подчеркивающую важность покупателя и его интересов – «клиент всегда прав». Этот слоган является частью маркетинговой стратегии компании, когда всё делается для клиентов. В совокупности с широкими полномочиями, предоставляемыми Законом «О защите прав потребителей», мы получаем риск для бизнеса. Вместо того, чтобы отстаивать свои права и инициировать товароведческое исследование, компания предпочитает выплатить компенсацию ради сохранения репутации и времени, которое уйдет на судебные процессы. Обычно результаты подобных разбирательств предсказать невозможно.

В 2019 году были внесены некоторые изменения в статью Закона «О защите прав потребителей». Это было сделано для предотвращения потребительского «экстремизма». Данные нововведения стали некой защитой для разных сфер бизнеса от необоснованных исков и требований со стороны потребителей и клиентов. Теперь часть денежной компенсации должна была выплачиваться не пострадавшему, а государству. По мнению руководства, подобные изменения должны заставить обращаться в суд только тех людей, права которых действительно были нарушены.

Существуют другие способы противостояния потребительскому «экстремизму». Во-первых, компании или производителю необходимо обеспечить надежную правовую базу. Например, хорошим вариантом будет указывать не абстрактные фразы в условиях выполнения договора («своевременно», «в кратчайшие сроки»), а точную дату. Во-вторых, обеспечить безопасность клиента и предоставить качественные товары (услуги). Как было выяснено, подать в суд на компанию могут за любой недочет, будь то скользкий пол или царапина на товаре. Необходимо прописать правила эксплуатации, даже если они кажутся очевидными (например, «Не глотать!», «Осторожно – скользко!»). В-третьих, активно

продвигаться в социальных сетях и следить за репутацией бренда. В век активного использования Интернета каждый желающий имеет возможность написать отзыв о приобретенном товаре или оказанной ему услуге. Нужно следить и реагировать на плохие комментарии и отзывы, решать конфликты с потребителями до их обращения в суд [4].

Если рассматривать международный опыт регулирования отношений с потребителями и компаниями, то для этого существуют разные модели. В некоторых странах есть суды, которые признают хозяйствующие субъекты потребителями, следовательно, особыми правами потребители не наделены. В России законы определили потребителя как слабую сторону, а субъект, осуществляющий производство – участником рынка. Именно поэтому права у потребителей защищаются особым образом.

Исходя из всего вышесказанного, можно рассматривать понятие потребительский «экстремизм» как отдельный вид злоупотребления гражданским правом [3]. Оно имеет особенность, которая основана на положении участников потребительских правоотношений. В данном случае потребитель выступает слабой стороной, которому необходима государственная поддержка в защите прав. Однако, это не юридическое определение, а преимущественно рыночная проблема. Компания обязана грамотно фиксировать все сделки и выстраивать диалоги с клиентами, ведь покупатель не всегда оказывается прав и в этом случае поддержка должна предоставляться уже производителю.

По нашему мнению, должна быть сформирована определенная система взаимоотношений между потребителями (клиентами) и продавцами (компаниями). Необходимо закрепить понятие «потребительский экстремизм» на уровне закона, а также внести поправки в Закон «О защите прав потребителей». Важно указать положения об ответственности потребителя в случае злоупотребления правами.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.03.2026).
2. Ахмедова З.А., Тажудинова К.А. Потребительский экстремизм в современной России // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2021. № 4.
3. Потребительский терроризм — не более чем выдумка со стороны бизнеса [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/discussion/2021/09/27/potrebitelskij_terrorizm_ne_bolee_chem_vydumka_so_storony_biznesa__intervyu_s_mihailom_orlovym.
4. Что такое потребительский терроризм и экстремизм: всегда ли клиент прав, и как защитить репутацию компании [Электронный ресурс].

URL: <https://topfacemedia.com/blog/chto-takoe-potrebitelskij-terrorizm-i-kak-zashchitit-reputaciyu-brenda>.

УДК 347.736

Цифровизация процедур банкротства: актуальные проблемы правового регулирования и пути развития механизмов реализации

Жукова Е.Е.

*Научный руководитель: Девятковская И.А., старший преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Цифровизация процедур банкротства – ключевой фактор повышения эффективности взаимодействия бизнеса, физических лиц и органов государственной власти. В условиях экономической нестабильности, усугубленной санкциями и постпандемным восстановлением, Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — ФЗ № 127) совершенствуется под влиянием национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», что выражается во внедрении электронного документооборота и публичных реестров.

Ключевыми реестрами цифровой инфраструктуры выступают Единый федеральный реестр сведений о банкротстве (ЕФРСБ) и информационная система «Мой Арбитр». Их функционирование позволяет автоматизировать процессы подготовки документов, сократить административные издержки и ускорить судебные и банкротные процессы. Однако ключевая проблема заключается в том, что темпы технологического развития опережают совершенствование нормативной базы, порождая правовую неопределенность.

Правовая основа цифровизации банкротства опирается на ФЗ № 127, который дополнен нормами об электронном документообороте и юридической значимости цифровых нововведений. Юридическую силу электронных документов обеспечивает Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи», что делает легитимным удаленное взаимодействие участников процесса.

Развитие судебной практики сыграло важную роль во внедрении информационных технологий. Так, интегрировано положение Постановления Пленума ВС РФ № 57 от 26.12.2017 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование

документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов», устанавливающего обязательность электронного взаимодействия в арбитражных судах через «Мой арбитр», в судах общей юрисдикции через ГАС «Правосудие». Это позволило участникам процесса подавать заявления о банкротстве онлайн и ознакомливаться с судебными актами по делу, минимизируя временные потери.

С января 2025 году действуют изменения в ФЗ № 127, устанавливающие электронное взаимодействие для арбитражных управляющих (включая финансовых управляющих в банкротстве физлиц – специалистов по контролю доходов и сделок должника) с операторами платформы цифрового рубля. Тем не менее, регулирование блокчейн-реестров остается фрагментарным, что тормозит внедрение передовых технологий и создает риски оспаривания результатов процедур в судах, где кредиторы или должники оспаривают ключевые итоги банкротства (включение требований в реестр, утверждение отчётов, распределение имущества), аргументируя недопустимостью блокчейн-записей как доказательств из-за отсутствия норм в ФЗ № 127.

Механизмы цифровизации процедур банкротства реализуются через многоуровневую инфраструктуру, которая интегрирует ключевые платформы в единую сеть.

Прежде всего, ЕФРСБ на портале fedresurs.ru связан с платформой электронных торгов torgi.gov.ru. В 2025 г. за первые три квартала было зафиксировано более 203 тыс. торгов – рекордный показатель роста, как отмечают операторы электронных площадок [2].

Параллельно через «Мой Арбитр» арбитражные суды принимают заявления о банкротстве в электронном виде с обязательным использованием КЭП (усиленная квалифицированная электронная подпись), а система мониторинга сделок с имуществом должника (интегрирована с ЕФРСБ и Росреестром через API (набор правил для взаимодействия программ)) отслеживает статусы для предотвращения выводов активов.

Кроме того, ФНС с 2026 года планирует расширить доступ управляющих к данным не только о должнике, но и о зависимых лицах, руководителях и участниках, что повысит эффективность анализа финансового состояния. Об этом сообщил замглавы ФНС Константин Чекмышев на форуме «Банкротства» [5]. Эти инструменты минимизируют риски мошенничества, ускоряют процедуру и способствуют ее прозрачности.

Однако данный прогресс сопровождается серьезными проблемными вопросами, которые вытекают из технических и правовых ограничений инфраструктуры.

Цифровизация увеличивает уязвимость системы к кибератакам и техническим сбоям. В свою очередь, сбои в работе электронных площадок могут привести к срыву торгов или пропуску процессуальных сроков. Так, например, в 2024 г. совершена DDoS-атака (кибератака, перегружающая серверы запросами) на ГАС «Правосудие». Хакеры получили доступ к серверам системы, где хранились данные о судебных делах и информация о гражданах, участвующих в судебных процессах, что напрямую усугубляет риски утечек данных из реестров с конфиденциальной информацией о должниках в соответствии со ст. 19 Федерального закона от 27.07.2006 ФЗ-152 «О персональных данных» [4].

Для преодоления этих преград на законодательном уровне целесообразно внести в ФЗ № 127 отдельную главу о цифровых платформах с обязательным переходом на отечественное программное обеспечение и внедрением блокчейн-реестров и смарт-контрактов. Важно определить их правовую природу, установить требования к содержанию и форме, предусмотреть механизмы разрешения споров, связанных с их исполнением. Для внедрения искусственного интеллекта нужно установить правовые определения понятий «искусственный интеллект» и «нейросеть», а также создать стандарты для их применения в юридической практике.

Перспективы реальны, но без доработки законодательства и развития стандартов внедрение затормозится. Введение отдельной главы позволит сформировать правила использования алгоритмов не только в процедурах банкротства, но и в юридической среде в целом.

Таким образом, цифровизация процедур банкротства - инструмент развития правового регулирования взаимодействия бизнеса и органов власти. Комплексное решение проблемных вопросов усилит экономическую устойчивость, минимизируя риски для кредиторов и должников, а также обеспечит реализацию национальных проектов.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (последняя редакция).
2. Падение объемов продаж имущества банкротов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.audit-it.ru/news/finance/1125863.html>.
3. Самые крупные хакерские атаки в России с 2021 по 2025 год [Электронный ресурс]. URL: <https://www.computerra.ru/309334/samye-krupnye-hakerskie-ataki-v-rossii-s-2021-po-2025-god/>.

4. Смарт-контракты и блокчейн в российском праве: возможности и ограничения [Электронный ресурс]. URL: <https://mosdigitals.ru/blog/smart-kontrakty-i-blokchejn-v-rossijsk>.

5. ФНС расширит перечень данных о банкротстве [Электронный ресурс]. URL: <https://profile.ru/news/society/fns-rasshirit-perechen-dannyh-v-bankrotstve-dostupnyh-arbitrazhnym-upravlyajushhim-onlajn-1785454/>.

УДК 346.14

Свобода рынка или контроль государства? Теоретические подходы к правовому регулированию бизнеса

Захаров И.А.

Научный руководитель: Кваша О.В., канд. юрид. наук

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Понимание природы, функций и пределов вмешательства государства в экономику является одним из фундаментальных вопросов политико-правовой мысли. На протяжении столетий различные идеологические течения предлагали собственные модели взаимоотношений власти, общества и индивида. Либеральная, социал-демократическая и консервативная традиции сформировали наиболее влиятельные концепции государства, которые не только определили развитие политической философии, но и продолжают оказывать непосредственное влияние на формирование современной правовой политики.

Опираясь на научные исследования, проведем анализ указанных подходов, уделив внимание не только теоретическому осмыслению роли государства в каждой из доктрин, но и практическому преломлению этих идей в актуальной российской правовой действительности – на примере института самозанятых, закрепленного в Федеральном законе № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» [1]. Это позволяет не только выявить философские основания различных моделей, но и проследить, как абстрактные идеологические принципы воплощаются (или вступают в противоречие) в конкретных нормах и правовой практике.

Классический либерализм сформировал образ государства, чьи функции строго ограничены защитой естественных прав и свобод человека. Как отмечает А.В. Корнев, либеральная идеология исходит из примата индивида над обществом, а общества – над государством.

Государство понимается как продукт общественного договора, инструмент, созданный для гарантии неотчуждаемых прав, прежде всего, права на собственность и личную безопасность. Его легитимность обусловлена не традицией или волей Бога, а согласием управляемых и строгим следованием закону. В экономической сфере это воплотилось в принципе «laissez-faire» (фран. – «пусть всё идёт, как идёт»), предполагающем минимальное вмешательство государства в рыночные механизмы. Государство выступает в роли «ночного сторожа», который охраняет порядок, но не вмешивается в естественный ход экономических процессов [5, с. 45-47].

В противоположность классическому либерализму, социал-демократия отстаивает активную и расширенную роль государства в регулировании общественных отношений. А.Т. Дробан подчеркивает, что эволюция реформистских концепций в XX веке привела к отказу от марксистской идеи «отмирания» государства. Государство стало восприниматься не как орудие классового господства, а как нейтральный арбитр, способный в рамках демократических институтов уравнивать интересы труда и капитала [4, с. 112-115]. Ключевым воплощением этого подхода стала концепция государства «всеобщего благоденствия», которое берет на себя обязанности по обеспечению полной занятости, развитию систем социального страхования, здравоохранения и образования. В этой парадигме государство – не «ночной сторож», а активный участник экономических отношений, гарантирующий достойный уровень жизни и социальную защищенность, смягчая тем самым издержки рыночной экономики [4, с. 78-80].

Консервативная традиция предлагает принципиально иной взгляд на природу государства. А.В. Корнев указывает, что консерватизм рассматривает государство не как искусственный конструкт «общественного договора», а как продукт органического, исторического развития. Его авторитет основан на традиции, преемственности и уважении к исторически сложившимся институтам. Сильное государство является гарантом стабильности, порядка и иерархии, оно призвано защищать не абстрактные права индивида, а конкретный социальный организм – нацию, культуру, религию [5, с. 89-92]. А.А. Васильев углубляет этот анализ, акцентируя духовные аспекты консервативной мысли, особенно в ее российском изводе. Легитимность государства проистекает из высшего, божественного порядка, а его законы должны отражать нравственные и религиозные заповеди [3, с. 155-158]. Таким образом, консервативное государство – это не слуга индивида и не инженер социальной справедливости, а хранитель устоев и моральный

наставник, чья сила заключается в способности противостоять как радикальному индивидуализму, так и утопическим проектам переустройства общества [3, с. 201-203].

Интересно проследить, как описанные теоретические подходы проявляются в современной российской правовой действительности. Ярким примером столкновения и смешения разных моделей выступает правовой статус самозанятых, закрепленный в Федеральном законе № 422-ФЗ [1].

При введении в 2019 году режима налога на профессиональный доход государство изначально выступило в роли классического «ночного сторожа»: гражданам предложили простую регистрацию, минимальные налоговые ставки (4-6%) и освобождение от обязательных страховых взносов [1]. Целью было предоставить максимальную свободу предпринимательской инициативы и легализовать («вывести из тени») тех, кто получал нерегулярный доход. Это отражает классический либеральный принцип, описанный А.В. Корневым: государство лишь создает правила игры, но не вмешивается в дела индивида [5, с. 45-47].

Однако практика реализации закона выявила его противоречия. Бурный рост числа самозанятых (с прогнозируемых 2,4 млн. до фактических 15 млн. [6]) привел к тому, что крупный бизнес начал массово переводить штатных сотрудников в этот статус для экономии на налогах и социальных взносах. Это явление стало вызовом для государства. Возникла угроза социальной незащищенности целого класса «новых пролетариев», лишённых оплачиваемых отпусков, больничных и пенсионных накоплений. Государство, которое в социал-демократической парадигме должно быть гарантом социальной справедливости [4, с. 112-115], столкнулось с дилеммой: либо сохранить либеральный режим, либо ужесточать регулирование.

Попытки усилить регулирование и контроль в отдельных отраслях привели к неожиданным последствиям. Например, в рамках Федерального закона от 29.12.2022 № 580-ФЗ «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации» [2], были введены обязательные реестры перевозчиков и дополнительные требования к водителям (стаж, отсутствие штрафов), обернувшиеся тем, что значительная часть самозанятых водителей (около 2,5 млн. человек), вместо регистрации в государственных системах, ушла из правового поля в «теневые» чаты, что создало благодатную почву для нарушений. Это наглядно демонстрирует, как консервативный подход, стремящийся к жесткому упорядочиванию общественных отношений и защите «устоев» через детальную регламентацию [5, с. 89-92; 4, с. 155-158], может вступать

в конфликт с экономической реальностью и приводить к разрушению легальных практик. Закономерно законодательная власть оказалась перед выбором: либо ужесточать контроль, либо искать более гибкие, смешанные механизмы. Предложение запретить самозанятым работать с юридическими лицами стало попыткой вернуть институт к его первоначальному либеральному смыслу, отсекая возможности для злоупотреблений, но сохраняя государственное регулирование для контроля за этим процессом.

Проведенный анализ теоретических подходов и их проекции на конкретный правовой институт позволяет сделать ряд выводов. Чистые модели – будь то либеральное «минимальное государство», социал-демократический «государство всеобщего благоденствия» или консервативный «хранитель традиций» – в реальной политике встречаются крайне редко. Наиболее перспективной для современного мира, и для России в особенности, видится модель осознанного и сбалансированного гибрида.

История с правовым регулированием самозанятых в России демонстрирует, что абсолютизация одного подхода неизбежно порождает проблемы в других сферах. Чрезмерный либерализм ведет к социальной незащищенности и потере бюджетных доходов, тогда как жесткое консервативное регулирование разрушает экономическую активность и толкает граждан в «теневой» сектор. Наиболее перспективной представляется модель осознанного и сбалансированного сочетания различных подходов: либеральной свободы для развития предпринимательской инициативы, социал-демократических гарантий для защиты граждан и консервативной стабильности для сохранения управляемости общества. Именно поиск такого баланса составляет основное содержание современной правовой политики в России и определяет пути дальнейшего развития институтов регулирования бизнеса.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход».
2. Федеральный закон от 29.12.2022 № 580-ФЗ «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации».
3. Васильев А.А. Консервативная правовая идеология России: теологические и духовные аспекты. М.: Проспект, 2023. 464 с.

4. Дробан А.Т. Социал-демократия и государство: эволюция реформистских концепций государства в XX веке. М.: Социально-политическая мысль, 2008. 327 с.

5. Корнев, А. В. Государство и право в контексте консервативной и либеральной идеологии: опыт ретроспективного анализа. М.: Проспект, 2012. 405 с.

6. ФНС: в 2025 году самозанятые заработали свыше 3 трлн. рублей [Электронный ресурс]. URL: <https://expert.ru/amp/news/fns-v-2025-godu-samozanyaty-zarabotali-svyshe-3-trln-rubley/>.

УДК 34.03

Договорная форма сопровождения инвестиционных проектов по принципу «одного окна»: анализ на примере судебной практики разрешения споров в сфере инвестиционных проектов

Захарова С.А.

Научный руководитель: Кваша О.В., канд. юрид. наук

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Согласно пункту 1 статьи 2 Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», под государственной услугой понимается деятельность уполномоченного органа исполнительной власти субъекта РФ, осуществляемая по запросам заявителей в пределах установленных полномочий [1].

В Ярославской области функции по сопровождению инвестиционных проектов по принципу «одного окна» (далее – сопровождение проектов) возложены на специализированную организацию - акционерное общество «Корпорация развития Ярославской области», которая в соответствии с указом Губернатора Ярославской области от 16.03.2023 № 52 [2]. выполняет задачи агентства развития. Данная организация находится в ведении исполнительного органа Ярославской области – министерства инвестиций и промышленности Ярославской области.

Исходя из приведенных выше положений, сопровождение проектов следует квалифицировать как государственную услугу, непосредственным исполнителем которой, согласно приказу департамента инвестиций и промышленности Ярославской области от 07.12.2017 № 298-ОД «Об утверждении Порядка сопровождения инвестиционных проектов,

реализуемых и (или) планируемых к реализации на территории Ярославской области, по принципу "одного окна"», выступает указанная специализированная организация.

Как и любая государственная услуга, данный процесс подлежит административному регламентированию. Соответствующий Порядок сопровождения проектов в Ярославской области (далее – Порядок) утвержден вышеупомянутым приказом № 298-ОД и регламентирует процедуру как начала, так и прекращения сопровождения проектов. Однако следует отметить, что действующий Порядок не содержит положений, регулирующих разрешение споров, которые могут возникнуть в процесс сопровождения проектов, что не означает отсутствие таких споров или вероятность возникновения конфликтных ситуаций.

Для иллюстрации механизма разрешения подобных споров в смежной сфере рассмотрим дело №А78-2834/2024 (АО «КРДВ» против ООО «Арт-Габбро»). В рамках данного спора АО «КРДВ» требовало расторжения соглашения с резидентом свободного порта Владивосток в связи с неисполнением последним обязательств по финансовым вложениям. Резидент, в свою очередь, ссылаясь на форс-мажорные обстоятельства (пандемия COVID-19) и изъятие земельного участка, предоставленного для реализации проекта, в пользу госоргана. Суд, удовлетворяя иск, указал на отсутствие доказательств существенного влияния пандемии на деятельность ответчика, а также на то, что изъятие земельного участка не освобождает от обязанности по реализации проекта в предшествующий этому период, т.е. с даты заключения договора аренды до даты изъятия; резидент мог найти другой участок для реализации проекта. Ключевым фактором, позволившим суду принять решение, стало наличие заключенного между сторонами соглашения, которое предметно закрепляло их права, обязанности и основания для его расторжения.

Данный пример наглядно демонстрирует преимущества договорной формы при получении организацией государственных услуг в инвестиционной сфере. Наличие соглашения позволяет [4]:

1. Чётко определить права и обязанности сторон. Договор фиксирует роли участников проекта (инвестора, получателя инвестиций, подрядчика, заказчика и др.), их права и обязанности. В нём отражаются:

- предмет договора (цели проекта, объём инвестиций, направления их использования);
- сроки реализации проекта и этапы его выполнения;
- условия предоставления средств (порядок и график платежей);
- требования к качеству работ и результатам проекта;

- порядок контроля за ходом реализации проекта со стороны инвестора;

- условия распределения прибыли или иных выгод от проекта.

Это исключает двусмысленности и разногласия относительно ожиданий каждой стороны.

2. Распределить и управлять рисками. Инвестиционные проекты сопряжены с высокими рисками (нецелевое использование средств, задержки сроков исполнения, рост затрат и др.). Договор позволяет распределить риски между участниками и предусмотреть меры их минимизации:

- условия целевого использования инвестиций (например, через специальные счета, с которых средства списываются только после подтверждения целевого характера платежа);

- механизмы контроля за расходованием средств (аудиторские проверки, отчёты);

- санкции (неустойка, убытки, иное) за нарушение сроков, некачественное выполнение работ;

- форс-мажорные обстоятельства и порядок действий при их наступлении.

3. Заложить механизм разрешения споров. В договоре могут содержаться арбитражные оговорки или указание на конкретную юрисдикцию, что ускоряет и упрощает процесс урегулирования конфликтов по сравнению с общими судебными процедурами, а также досудебный порядок урегулирования разногласий (например, переговоры, медиация).

4. Обеспечить юридическую определённости и исполнимость проекта. Наличие договорной базы подтверждает обязательства сторон, что критически важно для привлечения соинвесторов, кредиторов и партнеров, а также снижает риски признания сделки недействительной

5. Обеспечить прозрачность через контроль и отчётность. Обязанность получателя инвестиций предоставлять регулярную отчётность о ходе проекта, использовать определённые стандарты учёта и контроля позволяет инвестору оперативно реагировать на отклонения от плана.

6. Адаптироваться к изменениям. Гибкие условия договора, допускающие корректировку при существенном изменении обстоятельств, (например, при значительном изменении рыночных условий) позволяет адаптировать проект к меняющейся, новой ситуации без необходимости полного его прекращения.

Таким образом, представляется целесообразным рассмотреть вопрос о применении договорной модели при сопровождении инвестиционных

проектов по принципу «одного окна». Внедрение договорных начал позволило бы не только восполнить существующий пробел в регламентации ответственности и порядка разрешения споров, но и учитывать индивидуальные особенности как самого проекта, так и организации-инвестора.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

2. Указ Губернатора Ярославской области от 16.03.2023 № 52 «Об утверждении инвестиционной декларации Ярославской области, о внесении изменений в указ Губернатора области от 15.03.2022 № 54 и признании утратившими силу отдельных указов Губернатора области».

3. Приказ департамента инвестиций и промышленности Ярославской области от 07.12.2017 № 298-ОД «Об утверждении Порядка сопровождения инвестиционных проектов, реализуемых и (или) планируемых к реализации на территории Ярославской области, по принципу "одного окна"».

4. Агнесса О.И. Договорные формы инвестирования в законодательстве и практике российской федерации // Legal Concept. 2024. № 3.

УДК 346.147

Правовые возможности использования специальных налоговых режимов как инструмента управления рисками легитимности для субъектов малого и среднего бизнеса

Захарченко М.А., Люляев Н.С.

Научный руководитель: Кваша О.В., канд. юрид. наук

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Ярославский филиал

В условиях роста числа занятых в сфере малого и среднего предпринимательства (далее - МСП) и современной цифровизации налогового администрирования вопрос выбора системы налогообложения перестал быть исключительно прерогативой бухгалтерского учета. Сегодня этот вопрос правовой легитимности хозяйствующего субъекта. Проблема заключается в том, что стремление к минимизации налоговых издержек зачастую входит в противоречие с требованиями статьи 54.1 НК РФ, запрещающей искажение фактов хозяйственной жизни с целью

получения значительной налоговой выгоды [2]. Актуальность исследования обусловлена необходимостью формирования устойчивой правовой модели бизнеса, способной противостоять контрольным мероприятиям ФНС и судебным спорам.

Рассмотрим правовые возможности использования специальных налоговых режимов как инструмента управления рисками легитимности для субъектов МСП на примере отдельных налоговых режимов.

Упрощенная система налогообложения (далее – УСН) является наиболее распространенным правовым режимом, предоставляющим субъектам МСП право на освобождение от уплаты ряда налогов (налог на прибыль, налог на имущество организаций, НДС для ИП) и замену их единым налогом. В 2025-2026 годах право на применение УСН возникает при соблюдении установленных законом лимитов: годовой доход — не более 450 млн рублей, численность работников — до 130 человек [1]. Выбор объекта налогообложения — «доходы» (ст. 346.14 НК РФ) — определяет меру налоговой обязанности. «Доходы» - ставка 6% от всей выручки. «Доходы минус расходы» - ставка 15% от чистой прибыли.

Ключевой правовой риск УСН в 2025 году связан с утратой освобождения от НДС. С 1 января 2025 года налогоплательщики УСН признаются плательщиками НДС в силу закона (глава 21 НК РФ). Однако законодатель предусмотрел правовой механизм (диспозитивную норму), позволяющий избежать этой обязанности: если доход за 2024 год (или с момента регистрации) не превысил 60 млн. рублей, налогоплательщик получает автоматическое освобождение от уплаты НДС. В противном случае, для сохранения легитимности расчетов с контрагентами, предприниматель обязан исчислять НДС, выбирая одну из предусмотренных ставок (5% или 7%), что должно быть закреплено в учетной политике на срок не менее 12 кварталов.

Патентная система налогообложения (далее – ПСН) — представляет собой специальный налоговый режим, правовая природа которого заключается в приобретении права на осуществление определенного вида деятельности (определяется региональным законодательством, например, ремонт обуви, аренда, перевозки) без привязки к фактически полученному доходу. Налоговая база определяется не реальной выручкой, а потенциально возможным годовым доходом, устанавливаемым региональным законодательством (ст. 346.47, 346.48 НК РФ). Правовой режим ПСН доступен исключительно ИП при соблюдении ограничений: доход до 60 млн. рублей в год и численность работников не более 15 человек [1]. Имеются и иные запреты, например, торговать некоторыми видами маркируемых товаров. Главное правовое преимущество ПСН —

фиксированная стоимость патента, что позволяет прогнозировать налоговую нагрузку, однако несет в себе риск утраты права на режим при превышении лимитов, что влечет автоматический перевод на общую систему налогообложения (ОСНО) и доначисление налогов за весь период.

Налог на профессиональный доход (далее – НПД) – это экспериментальный правовой режим (Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ), предоставляющий физическим лицам и ИП легальный статус без обязательной регистрации в качестве ИП (хотя, и не запрещая её) [3]. Законодатель жестко ограничивает сферу его применения: запрет на наличие наемных работников, годовой доход не более 2,4 млн. рублей, запрет на перепродажу товаров (кроме вещей собственного производства), подакцизных товаров, осуществления добычи/продажи полезных ископаемых. Ставки зависят только от того, кто является заказчиком: физическое лицо — 4%, юридическое лицо и ИП — 6%. При этом отсутствие обязанности уплачивать фиксированные страховые взносы, отсутствие сложной отчетности, необходимости в онлайн-кассе — это не только финансовая выгода, но и существенное правовое послабление.

Анализ практики использования названных специальных налоговых режимов (НПД, УСН, ПСН) в предпринимательской деятельности позволяет выделить отдельные правовые риски и инструменты их минимизации:

1. Риск утраты права на применение режима (утрата налоговой правосубъектности в рамках спецрежима): данный риск реализуется при нарушении императивных требований НК РФ. Для УСН — это переход на ОСНО (общая система налогообложения) при превышении лимитов доходов (ст. 346.13 НК РФ); Для ПСН — утрата права и пересчет налогов по ОСНО при нарушении условий (ст. 346.45 НК РФ). Для НПД — снятие с учета при несоответствии требованиям ст. 4 Закона № 422-ФЗ. Правовым инструментом снижения данного риска выступает внедрение системы комплаенс-контроля (превентивного мониторинга), позволяющего своевременно корректировать деятельность для соблюдения ценовых критериев.

2. Риск переквалификации договорных отношений — налоговые органы в рамках контрольной работы активно выявляют схемы подмены трудовых отношений гражданско-правовыми договорами (ст. 15 ТК РФ) с самозанятыми. При установлении признаков зависимости (графика рабочего времени, предоставление рабочего места, отсутствие у «самозанятых» иных заказчиков) договор гражданско-правового характера может быть переквалифицирован в трудовой. Правовым последствием

является риск доначисления страховых взносов (30%) и НДФЛ, а также в привлечении к административной ответственности.

3. Риск признания схемы «дробления бизнеса» незаконной: наиболее сложный правовой риск, связанный с применением ст. 54.1 НК РФ. Стремясь остаться в рамках спецрежимов, предприниматели часто прибегают к искусственному разделению (дроблению) бизнеса — созданию нескольких юридических лиц или ИП, формально самостоятельных, но фактически контролируемых одними лицами и ведущих единую деятельность (например, разделение торгового зала между аффилированными ИП на ПСН для сохранения права на патент). Судебная практика рассматривает такие действия как злоупотребление правом, направленное на получение необоснованной налоговой выгоды. Правовые последствия: консолидация доходов всех участников схемы, доначисление налогов по ОСНО, отказ в возмещении НДС, а также потенциальная налоговая и административная ответственность

Несмотря на обозначенные риски, правомерное использование специальных режимов служит ключевым инструментом легализации или «обеления» предпринимательской деятельности.

Во-первых, НПД позволил легализовать предпринимательский доход миллионам граждан, полностью устранив риск привлечения к ответственности за незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ) при условии соблюдения требований закона.

Во-вторых, прозрачность налоговых выплат повышает правовой статус бизнеса в противодействия легализации доходов (в рамках 115-ФЗ), что открывает доступ к льготному кредитованию и государственным закупкам. В современном правовом поле легитимность выступает не просто формальным требованием, а нематериальным активом, повышающий инвестиционную привлекательность и устойчивость бизнеса к внешним проверкам.

Таким образом, изложенное формирует вывод: выбор спецрежима должен быть результатом не только экономического расчета, но и тщательной правовой экспертизы на предмет соответствия критериям добросовестности, установленным законодательством, опробированным судебной практикой и фискальными органами.

Библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ: ред. от 01.01.2025 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340.

2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ: ред. от 01.01.2025 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824.

3. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: Федеральный закон № 422-ФЗ от 27.11.2018: ред. от 08.08.2024 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 49 (часть I). Ст. 7494.

УДК 347.66

Доверительное управление наследственным имуществом как инструмент обеспечения стабильности бизнеса

Зейсина А.Р.

Научный руководитель: Девятковская И.А., старший преподаватель Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Ярославский филиал

Смерть владельца бизнеса зачастую ставит под угрозу существование предприятия. Период в шесть месяцев, отведенный законом для принятия наследства, в контексте активной деятельности бизнеса может превратиться в «правовой вакуум». В ряде случаев без надлежащего управления контрагенты разрывают договоры, счета блокируются, а корпоративные конфликты обостряются. В данных условиях доверительное управление наследственным имуществом (ст. 1173 ГК РФ) выступает не просто как мера охраны имущества, а как критически важный инструмент обеспечения экономической стабильности [1].

Договор доверительного управления имуществом – это договор, по которому одна сторона (учредитель управления) передает второй стороне (доверительному управляющему) на определенный срок имущество в доверительное управление, а последняя обязуется управлять этим имуществом в интересах контрагента или указанного им лица (выгодоприобретателя). Договор доверительного управления имуществом является реальным, взаимным, возмездным, но в случаях, предусмотренных законом или договором, может быть безвозмездным [3].

Основная цель доверительного управления в наследственных правоотношениях заключается в поддержании ценности активов и обеспечении их функционирования. В контексте корпоративного права доверительный управляющий берет на себя важнейшие функции: от голосования на общих собраниях участников до контроля за действиями

единоличного исполнительного органа. Вместе с тем вопрос об объеме полномочий управляющего остается дискуссионным: существует позиция, согласно которой доверительный управляющий ограничен в реализации неимущественных корпоративных прав. В случае возникновения споров о правомерности таких ограничений доказательство факта причинения вреда интересам наследников возлагается на последних в судебном порядке.

Практическая реализация данного института сопряжена с рядом существенных проблем. Особую сложность в обеспечении стабильности бизнеса представляет процедурный аспект учреждения управления. Согласно Регламенту совершения нотариальных действий, кандидатура управляющего и условия его вознаграждения определяются на основании заявлений наследников [2]. Однако закон оставляет открытым вопрос о правомочиях иных заинтересованных лиц (кредиторов, бизнес-партнеров или сотрудников компании) в инициации данного процесса в случае бездействия наследников. Представляется обоснованным расширение круга лиц, имеющих право на обращение к нотариусу, поскольку их законные интересы напрямую зависят от непрерывности деятельности предприятия.

Существующий судебный порядок разрешения споров между наследниками о кандидатуре управляющего критически затянут, что диктует необходимость введения сокращенных процессуальных сроков или точечного применения специальных обеспечительных мер (например, запрета на изменение устава до назначения управляющего). При этом введение подобных мер должно быть обусловлено конкретными фактами, чтобы не препятствовать необходимым процедурам, таким как увеличение уставного капитала или смена наименования. Учитывая, что действующее процессуальное законодательство уже предусматривает ускоренный порядок рассмотрения заявлений об обеспечении иска, приоритетом должно стать не автоматическое введение запретов, а повышение эффективности их применения в корпоративных спорах.

Практическая реализация механизма также осложнена требованиями юридической техники. Методические рекомендации рекомендуют нотариусу согласовывать проект договора со всеми принявшими наследство лицами, что в условиях внутрисемейных конфликтов неизбежно ведет к задержкам [4]. Использование заложенного в п. 7 ст. 1173 ГК РФ инструмента множественности управляющих (по одному от каждой конфликтующей группы) является выходом, однако требует филигранной настройки их полномочий в договоре. При этом законодательная норма о расторжении договора в случае разногласий

между управляющими (актуальная при реализации механизма множественности лиц на стороне управляющего) нуждается в уточнении. Так же, как и в ситуациях с единственным управляющим, процедура прекращения полномочий должна быть четко регламентирована: целесообразно сначала требовать отчет о деятельности и лишь затем прекращать полномочия, чтобы избежать полной потери контроля над активами в момент передачи дел.

Существенным препятствием для стабильности бизнеса остаются временные затраты на предварительную оценку имущества и получение согласия органов опеки (в случае, если среди наследников есть, например, несовершеннолетние). На практике данные процедуры могут занимать значительное время, в течение которого бизнес-активы остаются фактически бесконтрольными. В связи с этим наиболее эффективным инструментом превентивной защиты бизнеса выступает назначение исполнителя завещания (душеприказчика). Обладая статусом управляющего в силу закона, он нивелирует необходимость согласования кандидатур и позволяет незамедлительно приступить к защите корпоративных интересов, минимизируя риски «бесхозного» периода [5].

Подводя итог, можно сделать вывод, что доверительное управление наследственным имуществом является ключевым механизмом обеспечения непрерывности бизнес-процессов в период смены собственника. Однако анализ правоприменительной практики и нотариальных регламентов выявляет критический диссонанс между динамикой коммерческих отношений и длительностью наследственных процедур. Основным барьером для стабильности активов остается временной фактор: необходимость предварительной оценки имущества, согласование кандидатуры управляющего со всеми группами наследников и получение разрешений органов опеки создают опасный управленческий вакуум, способный привести к необратимому снижению стоимости бизнеса.

Для преодоления выявленных проблем представляется необходимым реформирование процессуальных аспектов учреждения управления. Это подразумевает не только внедрение сокращенных сроков судебного рассмотрения споров о назначении управляющего, но и расширение круга лиц, имеющих право инициировать данную процедуру. При этом наиболее эффективным инструментом превентивной защиты остается развитие института исполнителя завещания, который позволяет минимизировать бесконтрольный период и незамедлительно приступить к защите корпоративных интересов. В данной связи представляется необходимым закрепить обязательный порядок назначения душеприказчика в случаях,

когда в состав наследства входят активы, требующие непрерывного управления: доли в уставном капитале, голосующие акции и предприятия как имущественные комплексы. Данные меры позволят исключить временной разрыв между смертью наследодателя и формальным оформлением договора доверительного управления нотариусом.

Через синхронизацию норм наследственного и корпоративного права доверительное управление трансформируется из пассивной меры охраны в активный инструмент профессионального менеджмента, гарантирующий устойчивость предприятия в транзитный период.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): Федеральный закон от 26 ноября 2001 года № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024).
2. Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования: приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 30 августа 2017 года № 156.
3. Григорьева А.Г., Сушкова И.А. Доверительное управление наследственным имуществом // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 10.
4. Методические рекомендации по оформлению наследственных прав (утв. решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 25 марта 2019 г., протокол № 03/19).
5. Павлова Г.А. Доверительное управление наследственным имуществом: регулирование и некоторые практические аспекты // Имущественные отношения в РФ. 2021. № 10 (241).

УДК 342

Проблемные вопросы правореализации в сфере кадрового обеспечения государственной службы в органах МЧС России аттестованных сотрудников

Зиновьева А.Н.

*Научный руководитель: Азеева М.А., старший преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Эффективность работы МЧС России напрямую зависит от качества кадрового состава. Специфика ведомства заключается в многообразии

правовых режимов прохождения службы: здесь одновременно трудятся военнотруженики, сотрудники федеральной противопожарной службы (ФПС ГПС), федеральные государственные гражданские служащие (ФГГС) и работники, заключившие трудовой договор. Такое «смешение» правовых институтов создает уникальные вызовы в сфере правореализации.

Основным документом, регулирующим обеспечение государственной службы в органах МЧС России аттестованных сотрудников, определяет Федеральный закон от 23 мая 2016 года № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1]. Закон преследует цель обеспечения федеральной противопожарной службы квалифицированными и физически подготовленными кадрами, способными выполнять задачи пожаротушения, спасения и профилактики чрезвычайных ситуаций. Комплектование осуществляется на основе принципов законности, открытости, равного доступа граждан к службе и профессионального отбора.

Однако, на практике кадровая политика сталкивается с рядом проблем, негативно влияющих на служебные отношения и мотивацию сотрудников.

Рассмотрим дело № 02-8366/ 2024 от 27.01.2025 [2]. Сотрудник ведомства обратился в суд с иском об оспаривании дисциплинарного взыскания, признании незаконным заключения по результатам проверки. Дисциплинарное взыскание на истца наложено за ненадлежащий контроль за выполнением подчиненными должностными лицами возложенных задач. Разрешая заявленное истцом требование о признании незаконным и отмене приказа о наложении дисциплинарного взыскания от 19.03.2024 № 194 в виде выговора, суд, на основе оценки собранных по делу доказательств по правилам ст. 67 ГПК РФ, приходит к выводу, что факты нарушения должностных обязанностей, выразившиеся в ненадлежащем контроле за выполнением подчиненными должностными лицами возложенных задач, в судебном заседании не установлены, не подтверждаются представленными в материалы дела письменными доказательствами и ответчиком не подтверждены, приведенные в заключении обстоятельства, вменяемые истцу как проступок, не могли служить основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности. На основании изложенного, руководствуясь ст.ст. 194-199 ГПК РФ, суд решил: исковые требования к МЧС России об оспаривании дисциплинарного взыскания, признании незаконным заключения по результатам служебной проверки – удовлетворить частично. Признать

незаконным и отменить приказ МЧС России о наложении дисциплинарного взыскания в виде выговора.

Рассмотрев данное дело, можно сделать вывод, что при наложении сотрудникам ведомства дисциплинарных санкций в отдельных случаях нарушаются процессуальные нормы. Это одна из проблем правореализации кадровой политики в структуре. Как показывает практика выше, дисциплинарное взыскание на сотрудника наложили без достаточных на то оснований, а именно отсутствовала доказательная база, что не соответствует законодательным и внутренним нормативным актам. Такие решения руководства вызывают у сотрудников чувство несправедливости, необоснованности и недоверия, из-за этих факторов растет и судебная практика по данному вопросу. Например, в деле №2-404/2020 от 27.05.2020 [3], истец обратился в суд о признании приказов о привлечении к дисциплинарной ответственности незаконными, но в удовлетворении исковых требований ему было отказано. Поскольку в некоторых случаях отсутствует прозрачность решений и невозможность сотрудников предоставить свои объяснения, истцы обращаются в суд с надеждой на изменение решений руководства.

Повышение прозрачности данных процедур, строгое соблюдение законодательной базы и внутренних нормативных актов позволит укрепить доверие к руководству, полагаться на него в тех или иных ситуациях, а самое главное свести к минимуму обращение в суд за разрешением конфликтов по данной проблематике.

Выше я затронула вопрос о том, что не всегда, когда сотрудник обращается в суд за разрешением вопроса, с которым он не согласен, выносится решение в пользу истца. Не мало примеров, когда требуют признать увольнение из структуры незаконным и восстановиться в работе. Например, в делах № 2-4755/2024 от 12.02.2025 и № 2-537/2021 от 20.07.2021 [4; 5] истцам было отказано в удовлетворении их требований, суды признали увольнения законными и обоснованными, исходя из представленных материалов. Несмотря на то, что законодательство было строго соблюдено и Министерство действовало исключительно в рамках правовых актов, подобные дела показывают еще одну проблему – не понимание мотивов и оснований увольнений, недоверия к руководству, что влечет за собой обращение в суд. Тут опять мы сталкиваемся с вопросом прозрачности решений, поскольку сотрудникам не разъяснены побуждения руководства, возникают конфликты, которых можно было избежать в ходе бесед сотрудник-работодатель и разъяснении позиций каждой стороны.

Чтобы минимизировать риск правовых споров, сохранить доверие в трудовых отношениях, не подрывать авторитет руководства и ведомства в целом, важно беседовать с сотрудниками, уведомлять их о каждом решении, информировать о причинах увольнения, повышать прозрачность процедур.

Подводя итог, можно сказать, что кадровая политика МЧС – это не только подбор высококвалифицированных кадров, но и умение грамотно, а самое главное законно, с соблюдением всех правовых норм, реализовывать свою политику в сфере трудовых отношений. Рассмотренные примеры судебной практики, говорят о том, что одним из главных вопросов является повышение прозрачности процедур кадрового отделения. Улучшение правового регулирования кадровых процессов и повышение прозрачности управления персоналом должны быть приоритетными направлениями развития правореализации кадровой политики.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 23.05.2016 № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

2. Решение по делу № 02-8366/2024 от 27.01.2025 - об оспаривании дисциплинарного взыскания, признании незаконным заключения по результатам служебной проверки / Закон РФ. URL: Решение по делу № 02-8366/2024 от 27.01.2025.

3. Решение по делу № 2-404/2020 от 27.05.2020 - 43RS0001-01-2019-009966-64 / Судебные и нормативные акты РФ. URL: Решение № 2-404/2020 2-404/2020(2-6873/2019;)~М-6762/2019 2-6873/2019 М-6762/2019 от 26 мая 2020 г. по делу № 2-404/2020: СудАкт.ру.

4. Решение по делу № 2-4755/2024 от 12.02.2025 - о признании увольнения незаконным, восстановлении на работе, взыскании компенсации за время вынужденного прогула / Закон РФ. URL: Решение по делу № 2-4755/2024 от 12.02.2025.

5. Дело № 2-537/2021 ~ М-243/2021, первая инстанция / Субъекты РФ. URL: № 2-537/2021 ~ М-243/2021 от 09.04.2021 - Советский городской суд (Калининградская область) - АКТОФАКТ.

Государственное регулирование предпринимательской деятельности в условиях цифровизации экономики

Иноземцева Е.А.

*Научный руководитель: Пальцун И.Н., канд. экон. наук, доцент
Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского*

Данная статья посвящена изучению изменений в государственном регулировании предпринимательской деятельности, вызванных развитием цифровой экономики. Анализируются особенности формирования правовой среды, механизмы налоговой оптимизации и защиты прав потребителей в новом технологическом укладе. Изучаются современные подходы к поддержке малых и средних предприятий, испытывающих влияние цифровизации. Выявлены проблемные зоны регулирования и предложены возможные способы их элиминирования.

Современная цифровизация оказывает значительное воздействие на экономические процессы, создавая условия для возникновения новых видов бизнеса и моделей управления. Предпринимательская деятельность адаптируется к новым условиям, что требует соответствующих мер со стороны государства. Возникают особые требования к законодательному обеспечению предпринимательской активности, включая налоговую политику, защиту интеллектуальной собственности и контроль за качеством товаров и услуг, предоставляемых потребителям через электронные площадки.

Переход к цифровой экономике способствует появлению новых форм ведения бизнеса, таких как электронная торговля, услуги по запросу («Uber-экономика»), краудсорсинг и использование больших данных. Важнейшими аспектами становятся:

- платформы e-commerce (рост числа сделок, совершаемых через интернет-магазины и маркетплейсы);
- фриланс-площадки (развитие гибких трудовых отношений, позволяющих заниматься бизнесом вне привязанности к традиционному офису);
- онлайн-сервисы финансовых операций (внедрение электронных платежных систем, цифровых кошельков).

При этом возникают значительные проблемы, обусловленные необходимостью точной идентификации субъектов предпринимательской

деятельности, строгого исполнения законодательных требований, эффективной борьбы с противоправными действиями и надежной защитой законных интересов потребителей [2].

Для эффективного регулирования предпринимательской деятельности государство должно учитывать меняющиеся реалии цифровой экономики. Среди ключевых направлений выделяются:

- регуляторный аудит и оценка воздействия нормативных актов;
- минимизация барьеров для входа на рынок;
- снижение издержек для бизнеса;
- налоговая политика:
 - разработка механизмов упрощенного налогообложения для малых предприятий;
 - переход на автоматическое налогообложение через электронные сервисы;
- защита персональных данных:
 - обеспечение конфиденциальности пользователей при осуществлении транзакций в сети Интернет;
- информационная безопасность:
 - предотвращение киберугроз;
 - неправомерное использование конфиденциальной информации [1].

Необходимо отметить, что одним из приоритетов является создание благоприятных условий для внедрения технологических новшеств, включая поддержку венчурного финансирования и налоговых преференций для инвесторов.

Особое значение приобретает поддержка именно малых и средних предприятий, поскольку они наиболее активно используют преимущества цифровизации. Реализуемые государством меры включают:

- специальные налоговые режимы;
- грантовую помощь и субсидии;
- обучение и консультативную поддержку предпринимателей [3].

Таким образом, формирование устойчивой конкурентоспособности малого и среднего бизнеса становится важным элементом общей стратегии экономического роста.

Несмотря на предпринимаемые усилия, внимания требуют следующие ключевые проблемы:

- несовершенство правового регулирования отдельных сфер бизнеса;
- низкая эффективность мониторинга рынков;
- недостаточный уровень доверия населения к современным финансовым инструментам.

Перспективные направления совершенствования связаны с дальнейшим внедрением цифровых технологий в государственный сектор, усилением международного сотрудничества в сфере регулирования цифровой экономики и созданием единой информационной экосистемы для взаимодействия бизнеса и власти.

Цифровизация экономики предъявляет государству высокие требования к качеству и своевременности принимаемых решений. Гармонизация усилий частных инициатив и государственной политики позволяет создать оптимальные условия для устойчивого роста предпринимательства, способствуя экономическому развитию страны в целом.

Библиографический список

1. Алексеев А.А., Давыдова Е.В. Налоговая политика в условиях цифровой трансформации // Экономика и управление. 2023. № 3. С. 45-56.
2. Бондаренко Н.Н. Информационное общество и новая реальность права // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 32–38.
3. Василевский Ю.М. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в условиях цифровизации экономики // Журнал российского права. 2022. № 2. С. 15-23.

УДК 339

Аспекты определения страны происхождения товара

Колесник А.В., Саханович В.Д.

Научный руководитель: Волкова И.А., д-р экон. наук

Омский государственный университет путей сообщения

Актуальность исследования обусловлена возрастающей значимостью определения страны происхождения товаров в контексте глобализационных тенденций и интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Корректное установление происхождения товаров является фундаментальным условием для эффективного применения таможенно-тарифных мер, защиты национального товаропроизводителя и реализации внешнеторговой политики государства. В условиях усложнения транснациональных цепочек создания стоимости, развития системы международных торговых соглашений и роста масштабов фальсификации, вопросы унификации и

точности методологии определения происхождения приобретают особую научную и практическую значимость.

Целью работы стало определение актуальных способов и выявление основных препятствий при определении страны происхождения товара в рамках таможенно-тарифного регулирования. Объектом исследования является таможенно-тарифное регулирование, предмет исследования - правила определения страны происхождения товаров в контексте международной торговли и таможенного контроля в ЕАЭС.

В процессе исследования были использованы следующие методы: анализ, сравнение, качественная оценка и сбор эмпирических данных.

Определение страны происхождения товара является одним из важных аспектов при ввозе товаров на таможенную территорию Евразийского экономического союза. Указанный процесс представляет значительную роль при установлении преференциальных режимов, определении пошлин и защитных мер и др.

Под страной происхождения товара понимается страна, в которой товары были полностью произведены/подвергнуты достаточной переработке в соответствии с критериями достаточной переработки товаров, установленными Правилами определения страны происхождения товаров [1].

Существует два типа правил, определяющих, из какой страны происходит товар:

1. Непреференциальные правила: применяются в ситуациях, когда вводятся различные торговые ограничения, такие как нетарифные меры, специальные защитные или антидемпинговые меры, направленные на защиту внутреннего рынка. Они также используются для товаров, происходящих из стран, которые не имеют соглашений о свободной торговле с Россией или ЕАЭС, и не являются получателями тарифных преференций от ЕАЭС.

2. Преференциальные правила: устанавливаются с целью предоставления льготного тарифного режима для развивающихся и наименее развитых стран (далее – РС и НРС). Они применяются к товарам, которые происходят из стран, входящих в Содружество Независимых Государств (СНГ).

Определение происхождения товаров, вывозимых с таможенной территории Союза, осуществляется по правилам, установленным Комиссией, если иные правила не установлены международными договорами в рамках Союза, международными договорами Союза с третьей стороной или международными договорами государств-членов с третьей стороной.

Статья 46 Таможенного кодекса Евразийского экономического Союза указывает, что таможенная пошлина - обязательный платеж, взимаемый таможенными органами в связи с перемещением товаров через таможенную границу. Указанные таможенные пошлины напрямую связаны со страной происхождения товара, так как в условиях предоставления преференциального режима торговли с определенными категориями стран и в отношении отдельного перечня товаров они могут взиматься частично или же не взиматься вовсе. Учитывая, что размер таможенных пошлин, подлежащих уплате при перемещении товаров через таможенную границу, временами может достигать достаточно крупных размеров, не является удивительным факт, что участники ВЭД зачастую предпринимают попытки снизить суммы таможенных пошлин посредством совершения правонарушений - занижение сумм таможенных пошлин через представление недостоверных сведений, поддельных документов, сертификатов о происхождении товара, лицензий и др. [5].

Достоверное определение страны происхождения товаров, а также тщательная проверка сведений, представляемых декларантами в таможенные органы, в данном случае является гарантией соблюдения законодательства, обеспечения стабильности бюджета и экономической безопасности страны.

Таблица 1. Применение ставки ввозной таможенной пошлины в зависимости от страны происхождения товара [4]

Страна происхождения товара	Применение ставки ввозной таможенной пошлин
Страны РНБ (режим наибольшего благоприятствования)	Предельные (базовые) ставки
Развивающиеся страны	75 % предельной ставки
Наименее развитые страны	Освобождение
Страны ЗСТ (зона свободной торговли)	Освобождение (кроме тарифных изъятий)
Не применяется РНБ (режим наибольшего благоприятствования)	Предельная ставка x2 (двойные ставки пошлин)

Помимо таможенных пошлин уплате подлежат также налог на добавленную стоимость (НДС), акцизы, взимаемые при ввозе товаров на таможенную территорию ЕАЭС и базирующиеся на стоимости и количестве ввозимых товаров, и таможенные сборы за совершение различных операций с товарами и другие услуги таможенных органов.

На перечисленные таможенные платежи преференциальный режим, зависящий от страны происхождения товаров, не распространяется.

Все ставки таможенных платежей зафиксированы в различных актах:

- ставки таможенных пошлин содержатся в Едином таможенном тарифе Евразийского экономического союза;

- ставки налога на НДС - в статье 164 Налогового кодекса Российской Федерации;

- ставки акцизов - также в Налоговом кодексе Российской Федерации, в статье 193;

- ставки таможенных сборов - Постановление Правительства РФ от 28.11.2024 № 1637 "О ставках и базе для исчисления таможенных сборов за совершение таможенных операций, связанных с выпуском товаров".

Увеличение объемов международной торговли порождает ряд трудностей с установлением страны происхождения товаров, пересекающих таможенную границу ЕАЭС. Главная причина этих сложностей – Отсутствие единых правил и множество различных правовых актов, регулирующих определение страны происхождения, создают препятствия для участников таможенных процедур.

Еще одной проблемой является недостаточный уровень квалификации сотрудников таможенных органов, в обязанности которых входит организация контроля правильности определения страны происхождения товаров [2].

Так же немаловажными проблемами являются:

1. Сложные цепочки поставок. В глобализированной экономике товары часто производятся из компонентов, которые поступают из разных стран. Это затрудняет определение страны происхождения.

2. Разные правила и стандарты. Каждая страна может иметь свои собственные правила для определения страны происхождения, что создает путаницу для производителей и потребителей.

3. Фальсификация данных. Некоторые компании могут указывать неверную информацию о стране происхождения для получения конкурентных преимуществ или снижения налогов.

4. Изменение статуса. Товары могут менять статус в зависимости от этапа производства (например, сборка или переработка), что также влияет на определение их происхождения.

5. Торговые соглашения. Различные международные соглашения могут влиять на правила определения страны происхождения, что усложняет соблюдение требований.

6. Потребительская осведомленность. Потребители могут быть не осведомлены о том, как и почему страна происхождения важна, что затрудняет принятие обоснованных решений о покупке.

7. Технические и юридические аспекты. Необходимость соответствовать техническим стандартам и юридическим требованиям может усложнять процесс определения страны происхождения. Эти факторы подчеркивают необходимость четких и прозрачных систем учета и маркировки товаров, чтобы облегчить понимание их происхождения как для производителей, так и для потребителей [3].

Из всего вышесказанного вытекает, что Правительство Российской Федерации активно использует дифференцированные нетарифные механизмы и тарифные преференции, привязанные к стране происхождения товара. Это стратегический инструмент экономической политики, призванный укрепить внутреннее производство, расширить международную торговлю и увеличить экспортный потенциал. В этом контексте, безупречное установление страны происхождения становится фундаментом для оптимизации таможенных операций и углубления экономического взаимодействия с другими странами.

Библиографический список

1. Соглашение о Правилах определения страны происхождения товаров в Содружестве Независимых Государств (Заключено в г. Ялте 20.11.2009) (ред. от 08.06.2023).

2. Толмачева Т.А. Проблемы определения страны происхождения товаров и пути их решения // Управление, экономика и право: проблемы, исследования, результаты: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 26–27 августа 2021 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2021. С. 217-221.

3. Бреева Д.Д. Страна происхождения товара: основные проблемы ее определения и их решение // Молодежь и кооперация: Сборник статей и тезисов докладов по итогам Всероссийского научно-образовательного фестиваля студенческих научных обществ (СНО) образовательных организаций Российской Федерации, Чебоксары, 18–20 сентября 2024 года. – Чебоксары: Российский университет кооперации, 2024. С. 44-47.

4. Шепенко Р.А. Определение страны происхождения товара для таможенных целей // Законодательство. 1999. № 6. С. 55-62.

5. Иванова И.О. Определение страны происхождения товаров в таможенном деле, и порядок применения // Инновационная экономика и общество. 2022. № 1(7). С. 53-60.

Правовые проблемы и перспективы развития антимонопольного регулирования в Российской Федерации на примере деятельности Федеральной антимонопольной службы

Кусин И.Н., Товаровский В.А.

*Научный руководитель: Быков В.А., канд. экон. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Проблема антимонопольного регулирования в научной и прикладной литературе рассматривается как одно из ключевых направлений исследования правового обеспечения рыночной экономики, однако степень её разработанности существенно варьируется в зависимости от рассматриваемых аспектов. В современных исследованиях особое внимание уделяется трансформации конкурентных отношений в условиях цифровизации, что обусловлено развитием платформенных бизнес-моделей, ростом значения данных и усилением роли крупных технологических компаний. Отмечается, что традиционные подходы к определению доминирующего положения и оценке рыночной власти постепенно утрачивают свою эффективность, поскольку не учитывают специфики цифровых рынков, включая сетевые эффекты и масштабируемость цифровых платформ. В этой связи подчеркивается необходимость модернизации антимонопольного законодательства и внедрения новых методов анализа, основанных на использовании цифровых технологий и больших данных [4].

Деятельность Федеральной антимонопольной служба Российской Федерации в современных условиях характеризуется расширением сфер регулирования и усложнением правоприменительной практики [2]. Важным направлением работы является контроль за деятельностью хозяйствующих субъектов в условиях цифровой экономики, где традиционные инструменты антимонопольного воздействия требуют адаптации. Практика показывает, что ФАС России активно формирует новые подходы к регулированию, включая разработку рекомендаций для цифровых платформ, анализ алгоритмического ценообразования и выявление антиконкурентных соглашений в электронной среде. При этом особое значение приобретает использование аналитических инструментов и цифровых технологий, позволяющих выявлять нарушения и оценивать состояние конкурентной среды [3].

Современная правоприменительная практика демонстрирует, что антимонопольное регулирование сталкивается с рядом системных проблем. Одной из наиболее значимых является сложность доказывания антиконкурентных соглашений и злоупотреблений доминирующим положением, особенно в условиях цифровых рынков, где взаимодействие участников осуществляется посредством алгоритмов и автоматизированных систем. Это существенно затрудняет сбор доказательств и требует развития новых методов правового и экономического анализа. По данным ФАС России, ежегодно рассматривается более 7 тыс. дел о нарушении антимонопольного законодательства, что свидетельствует о сохраняющейся масштабности проблем в сфере защиты конкуренции [3]. Кроме того, отмечается высокая степень неопределённости правоприменения, связанная с отсутствием единых подходов к оценке поведения участников рынка, что создаёт дополнительные риски для бизнеса и снижает предсказуемость регулирования [5].

Важным аспектом является также влияние антимонопольного регулирования на предпринимательскую деятельность. С одной стороны, деятельность ФАС России направлена на защиту конкуренции и создание равных условий для всех участников рынка, с другой — избыточная регуляторная нагрузка может ограничивать развитие бизнеса, особенно в сегменте малого и среднего предпринимательства [1]. В этой связи актуальным становится поиск баланса между эффективным государственным контролем и созданием благоприятной деловой среды. Одним из перспективных направлений является развитие института антимонопольного комплаенса, который позволяет хозяйствующим субъектам самостоятельно предотвращать нарушения и выстраивать взаимодействие с государственными органами на основе принципов добросовестности и прозрачности.

Анализ современных тенденций показывает, что дальнейшее развитие антимонопольного регулирования должно быть связано с его цифровой трансформацией и усилением аналитической составляющей. По оценкам международных исследований, доля цифровой экономики превышает 15 % мирового ВВП, что усиливает необходимость развития механизмов регулирования цифровых рынков [4], [5]. Использование больших данных, автоматизированных систем мониторинга и алгоритмических методов анализа позволяет повысить эффективность выявления нарушений и снизить административную нагрузку на бизнес [3]. Кроме того, важным направлением является совершенствование законодательства с учётом

особенностей цифровых рынков, включая разработку специальных норм, регулирующих деятельность цифровых платформ и экосистем.

Таким образом, антимонопольное регулирование в Российской Федерации находится на этапе активной трансформации, обусловленной изменением экономической среды и развитием технологий. Деятельность Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации играет ключевую роль в обеспечении конкурентной среды, однако требует дальнейшего совершенствования правовых и институциональных механизмов. Внедрение современных подходов к регулированию, развитие цифровых инструментов и снижение административных барьеров позволят повысить эффективность антимонопольной политики и обеспечить устойчивое развитие экономики [4].

Библиографический список

1. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Документ предоставлен СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.gov.ru> (дата обращения: 02.03.2026).
3. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2024 год // Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.gov.ru/documents> (дата обращения: 02.03.2026).
4. Развитие антимонопольного регулирования в условиях цифровой экономики // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru> (дата обращения: 02.03.2026).
5. Антимонопольная политика в России: современные вызовы и перспективы // Вопросы экономики. 2022. № 7. С. 45–58.

УДК 328.185

Проблемы и пути совершенствования антикоррупционного механизма в Российской Федерации

Лобачев Р.А.

*Научный руководитель: Азеева М.А., старший преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Коррупция продолжает оставаться одной из наиболее серьезных угроз устойчивому развитию российского государства и общества. За семнадцать лет, прошедших с принятия Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», в стране сформирована разветвленная система антикоррупционного законодательства и институциональных механизмов. Однако, как справедливо отмечают исследователи, наличие развитой нормативной базы не гарантирует ее эффективной реализации [2].

Актуальность темы обусловлена сохраняющимся высоким уровнем коррупционных проявлений, их тотальным характером, пронизывающим все сферы государственного управления, а также концептуальными изменениями в антикоррупционной политике, происходящими в 2024-2025 годах. Цель настоящей статьи — выявить ключевые проблемы функционирования антикоррупционного механизма в России и предложить пути его совершенствования с учетом новейших тенденций законодательного регулирования и правоприменительной практики.

Российская Федерация обладает обширной нормативной правовой базой в сфере противодействия коррупции. Базовый Федеральный закон № 273-ФЗ создал основу для выстраивания системы запретов, ограничений и обязанностей для государственных и муниципальных служащих. По оценке Генеральной прокуратуры РФ, федеральное законодательство, устанавливающее антикоррупционные стандарты, является одним из лучших в мире, прошло экспертизу различных международных мониторинговых органов и эффективно работает на практике [4].

Одной из фундаментальных проблем российской антикоррупционной политики является реализация преимущественно уголовно-правовой модели противодействия коррупции. Суть данной модели заключается в том, что механизм противодействия направлен на выявление и привлечение должностных лиц к уголовной ответственности, тогда как меры предупредительного характера либо игнорируются, либо применяются бессистемно и с невысокой практической эффективностью [3].

Значительная часть нарушений выявляется не в результате внутреннего контроля, а в ходе прокурорских проверок, что свидетельствует о слабой эффективности ведомственных механизмов самоконтроля. Внутренние антикоррупционные подразделения действуют практически во всех министерствах и ведомствах, однако их эффективность часто зависит от позиции руководства. Когда контроль воспринимается как элемент репутационной политики, а не как

инструмент реального надзора, борьба с коррупцией теряет практический смысл.

Формальный характер контроля проявляется и в работе комиссий по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов, которые нередко ограничиваются рассмотрением отчётов и формальными проверками деклараций. Отсутствует комплексная оценка рисков, основанная на конкретных управленческих процессах — закупках, управлении имуществом, выдаче разрешений и лицензий.

Существенные изменения в системе антикоррупционного контроля произошли в декабре 2025 года. Подписанный Президентом Российской Федерации закон отменяет обязательное ежегодное декларирование доходов для государственных служащих. Вместо справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера вводится автоматизированная система «Посейдон», которая будет осуществлять постоянный мониторинг финансового положения, доходов, расходов и имущества чиновников [5]. Эта реформа вызывает неоднозначные оценки экспертов. С одной стороны, постоянный контроль потенциально может быть более оперативным по сравнению с ежегодным декларированием доходов. С другой стороны, замена публичной отчётности на закрытый мониторинг создаёт риск концентрации информации в узком круге лиц и снижения уровня общественного доверия, которое строилось, в том числе, на публичности органов государственной власти.

Научное сообщество обосновало необходимость принципиального изменения состояния антикоррупционной работы путём реализации предупредительно-профилактической модели противодействия коррупционным отклонениям. Это предполагает смещение акцента с уголовного преследования на выявление и устранение причин и условий, способствующих коррупции.

Для федеральных органов исполнительной власти необходим переход к риск-ориентированному подходу, при котором внимание концентрируется не на формальных признаках, а на уязвимых точках управленческого цикла — закупках, управлении имуществом, выдаче разрешений и лицензий. Отдельные ведомства, такие как Министерство финансов Российской Федерации и Федеральное казначейство, активно внедряют систему риск-ориентированного аудита, и этот опыт заслуживает распространения.

Достижение большей прозрачности и подотчётности органов власти напрямую зависит от активизации участия гражданского общества.

Научные исследования подтверждают потребность в создании механизма цифрового общественного контроля, что предполагает обеспечение доступа общественности к системе «Посейдон» в той или иной форме.

Целесообразно закрепить практику публичной отчётности руководителей федеральных органов власти о предпринимаемых мерах по предупреждению коррупции. Несмотря на нормативное закрепление этой обязанности с 2023 года, значительная часть отчётов остаётся недоступной для граждан, что подрывает доверие к системе.

Ключевым направлением выступает защита лиц, сообщающих о фактах коррупции. Без надёжных гарантий безопасности для заявителей институт сообщения о коррупционных правонарушениях носит лишь формальный характер.

Заслуживает внимания предложение о закреплении прямой юридической (административной) ответственности организаций за непринятие мер по предупреждению коррупции. В настоящее время статья 13.3 Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» устанавливает общую обязанность организаций разрабатывать антикоррупционные меры, но механизм привлечения к ответственности за её неисполнение отсутствует. Целесообразно также категориальное разграничение организаций на основе риск-ориентированного подхода с установлением обязательных антикоррупционных мер для каждой категории.

Одним из наиболее действенных инструментов профилактики коррупции является эффективное урегулирование конфликта интересов. В 2025 году Генеральной прокуратурой инициировано увольнение в связи с утратой доверия более 700 лиц, причём акцент смещён на выявление грубых нарушений, а не технических ошибок в декларациях [4]. Перспективным направлением является закрепление на нормативном уровне негативных последствий для уволенных в связи с утратой доверия — в частности, запрета на замещение соответствующих должностей в течение определённого срока. Данная мера повысит неотвратимость негативных последствий для коррупционеров.

В Российской Федерации создана масштабная нормативно-правовая база для противодействия коррупции, но главная проблема для государства заключается в её практическом применении. Несмотря на многочисленные успехи в выявлении и пресечении коррупционных преступлений, есть понимание о том, что системных сдвигов в снижении общего уровня коррупции в стране не происходит. Поэтому необходимо продолжать совершенствовать нормативно-правовую базу для борьбы с коррупцией, а также активно внедрять новейшие разработки, такие как

государственная информационная система в области противодействия коррупции «Посейдон».

Библиографический список

1. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

2. Чуркин В.Н. Стимулирование организаций к разработке и принятию мер по предупреждению коррупции // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 1. С. 126-137.

3. О некоторых аспектах противодействия коррупции на современном этапе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 26-33.

4. Интервью Александра Гуцана информационному агентству ТАСС. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/en/gprf/mass-media/news/main/e8319975/>.

5. Указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2022 г. № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации».

УДК 658.7

Правовые аспекты взаимодействия органов прокуратуры с органами государственного контроля (надзора) и органами муниципального контроля

Мазова К.Р.

*Научный руководитель: Азеева М.А., старший преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Взаимодействие органов прокуратуры с органами государственного контроля и органами муниципального контроля приобретает особое значение в условиях реформы контрольно-надзорной деятельности и формирования единой системы публичной власти. На конституционном уровне оно опосредовано тем, что согласно статье 129 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры определяются федеральным законом [1]. Такое регулирование предопределяет опору на Закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 (далее – Закон о прокуратуре), Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в

Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ (далее – Закон № 248-ФЗ)/ Именно в их совокупности просматриваются правовые контуры взаимодействия прокуратуры с органами государственного и муниципального контроля при защите прав граждан и организаций.

Закон о прокуратуре, конкретизируя конституционные положения, закрепляет прокуратуру как единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации (статья 1). В статье 21 Закона о прокуратуре определен предмет надзора, включающий соблюдение законов органами государственной власти, органами местного самоуправления и органами контроля, а также соответствие законам издаваемых ими правовых актов [2]. При этом прямо установлено, что органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы, а проведение проверки возможно лишь при наличии информации о нарушении закона, которую невозможно проверить без такой проверки (пункты 1–2 статьи 21). Уже из этих норм следует, что взаимодействие прокуратуры с контрольными органами строится на сочетании надзорного начала и уважения к их самостоятельным полномочиям, а защита прав граждан и организаций достигается через обеспечение законности самой контрольно-надзорной деятельности.

Закон № 248-ФЗ задает современную модель государственного контроля (надзора) и муниципального контроля на основе принципов законности, соразмерности вмешательства в деятельность контролируемых лиц, приоритета профилактики и риск-ориентированного подхода (статьи 7–10, 22–25) [3]. Элементами правового механизма взаимодействия с прокуратурой выступают закрепление информационных систем и Единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий (статьи 17, 19), межведомственного взаимодействия при осуществлении контроля (статья 20), а также согласование ежегодного плана, согласование внеплановых контрольно-надзорных мероприятий (статья 56).

Таким образом, Закон № 248-ФЗ формирует прозрачное поле для постоянного обмена информацией между контролирующими органами и прокуратурой, в котором надзорные полномочия последних направлены не на дублирование контрольных функций, а на проверку соблюдения установленных процедур и пределов вмешательства в права граждан и организаций.

Характерным примером нормативного закрепления «позитивного» взаимодействия прокуратуры и контрольных органов является статья 63 Закона № 248-ФЗ, предусматривающая право прокурора требовать

проведения контрольного (надзорного) мероприятия. Такое требование, направляемое в рамках надзора за исполнением законов и соблюдением прав и свобод человека и гражданина, должно содержать, в частности, вид мероприятия, срок его проведения, а также материалы и обращения, в рамках которых определяется его предмет (часть 1 статьи 63). Тем самым прокурор, не будучи органом государственного контроля, фактически инициирует использование ресурсного и экспертного потенциала контрольного органа, когда без специальных проверочных действий невозможно обеспечить реализацию прав граждан и организаций. В обратном направлении взаимодействие проявляется в согласовании с органами прокуратуры внеплановых контрольных (надзорных) мероприятий, что вытекает из совокупности положений статей 57, 60, 61 и 66 Закона № 248-ФЗ и подзаконного регулирования порядка такого согласования. Отказывая в согласовании, прокурор предотвращает необоснованные вмешательства в деятельность контролируемых лиц и тем самым выполняет превентивную правозащитную функцию.

Анализ правоприменительной практики показывает, что нормативная модель взаимодействия далеко не всегда обеспечивает достаточную определенность. Также, А.С. Вербилева, исследуя правовое регулирование межведомственного взаимодействия прокуратуры и контрольных органов, указывает на недостаточную конкретизацию разграничения надзорных полномочий прокуратуры и компетенции контрольных органов [4, с. 96]. Это, по ее мнению, приводит к дублированию проверок, конфликту юрисдикций и росту административной нагрузки на заказчиков при одновременном использовании сходных сигналов о нарушениях как оснований для реагирования разных органов.

Принципиальное значение имеет различие прокурорского надзора и государственного контроля (надзора). Из пункта 1 статьи 21 Закона о прокуратуре вытекает, что предметом надзора являются как соблюдение законов органами контроля и их должностными лицами, так и соответствие законам принимаемых ими правовых актов. При этом сами контрольные органы действуют в рамках Закона № 248-ФЗ, применяя меры воздействия к контролируемым лицам, тогда как прокуратура оценивает законность и обоснованность, как этих мер, так и процедур их применения. Указанная конструкция исключает отождествление прокурорского надзора с контролем, но одновременно встраивает его в общий механизм публичной контрольно-надзорной деятельности.

Реформа контрольно-надзорной деятельности, реализуемая, в том числе через Закон № 248-ФЗ и Закон № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации», ориентирована на снижение

административного давления и повышение эффективности контроля. Однако С.Г. Хусайнова на основе анализа результатов прокурорских проверок показывает, что, несмотря на сокращение числа плановых и внеплановых проверок благодаря усилиям органов прокуратуры, бизнес продолжает испытывать значительную нагрузку со стороны контролирующих органов, а риск-ориентированный подход реализуется неоднородно [5, с. 1415].

Специфика муниципального уровня проявляется через нормы Закона № 33-ФЗ. Статья 39 этого закона закрепляет, что органы местного самоуправления организуют и осуществляют муниципальный контроль за соблюдением требований, установленных муниципальными правовыми актами по вопросам непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, а также в предусмотренных федеральными законами случаях – требований, установленных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации. При этом прямо указывается, что организация и осуществление видов муниципального контроля регулируются законодательством о государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации, то есть Законом № 248-ФЗ. Такая конструкция объективно включает органы муниципального контроля в сферу надзора прокуратуры, которая оценивает как законность муниципальных правовых актов, устанавливающих обязательные требования, так и соблюдение процедур контрольно-надзорной деятельности, в том числе с точки зрения прав граждан и организаций на уровне муниципальных образований.

Таким образом, взаимодействие органов прокуратуры с органами государственного и муниципального контроля представляет собой сложную правовую конструкцию, основанную на разграничении функций, но предполагающую тесную координацию действий. Нормативная база, сформированная Конституцией РФ, Законом о прокуратуре, Законом № 248-ФЗ и Законом № 33-ФЗ, обеспечивает институциональные предпосылки для такого взаимодействия, однако эффективность защиты прав граждан и организаций во многом зависит от практической наполняемости этих норм: качества информационного обмена, согласованности планирования и исполнения контрольных мероприятий, единообразного применения риск-ориентированного подхода.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп. от 25 декабря 2023 г. № 659-ФЗ).

2. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ.

3. Вербилева А.С. Проблемы координации прокурорского надзора и деятельности контрольных органов в предупреждении нарушений в закупках по 44-ФЗ и 223-ФЗ // Электронный научный журнал «Дневник науки». 2025. № 11. С. 92-104.

4. Хусяйнова С.Г., Кузнецов М.Н. Вопросы обеспечения законности в сфере государственного контроля (надзора), муниципального контроля в Российской Федерации в современных условиях // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15. № 4. С. 1413–1421.

УДК 343.7

Правовые основы преднамеренного и фиктивного банкротства

Макеева М.О.

Научный руководитель: Кваша О.В., канд. юрид. наук

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Ярославский филиал

Институт банкротства (несостоятельности) представляет собой сложное правовое и экономическое явление, возникающее вследствие неэффективного управления хозяйствующим субъектом, нерационального использования ресурсов или воздействия экономических кризисов. По своей природе банкротство может быть объективным (закономерным) следствием рыночных условий либо результатом умышленных действий. Если закономерное банкротство, вызвано реальными финансовыми трудностями и ошибками в управлении, то умышленное банкротство (преднамеренное или фиктивное) является противоправным деянием, направленным на уклонение от исполнения обязательств перед кредиторами.

В настоящее время имеется значительное количество судебных дел, имитирующих банкротство. Преднамеренное и фиктивное банкротство остаются распространенным экономическими правонарушениями, ответственность за которые предусмотрена статьями 14.12 и ст. 14.13 КоАП РФ, а также статьями 196 и ст. 197 УК РФ.

Согласно ст. 196 УК РФ под преднамеренным банкротством понимается совершение руководителем или учредителем юридического лица, а равно индивидуальным предпринимателем, действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность удовлетворять

требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнять обязанность по уплате обязательных платежей, при условии, что эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб (более 3 500 000 рублей). К типичным способам совершения данного деяния относятся: создание новых юридических лиц, с последующим выводом активов, совершение неравноценных мнимых и притворных сделок, внесение недостоверных сведений в бухгалтерскую документацию, а также получение заведомо невыгодных займов, ухудшающих финансовые показатели организации.

Фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ) представляет собой заведомо ложное публичное объявление руководством или учредителем о несостоятельности юридического лица или аналогичные заявления индивидуального предпринимателя.

Принципиальное отличие от преднамеренного банкротства заключается в том, что при фиктивном банкротстве должник обладает реальной возможностью удовлетворить требования кредиторов, но сознательно дезинформирует их и суд о своем финансовом положении.

Правоприменительный процесс в данной сфере можно условно разделить на несколько стадий, ключевой из которых является выявление признаков противоправных деяний:

1. Определение фактических обстоятельств дела и юридически значимых фактов. Основным инструментом выявления признаков преднамеренного и фиктивного банкротства служит анализ финансового состояния должника. Порядок его проведения регламентируется Постановлением Правительства РФ от 27.12.2004 №855 (Временные правила) и Постановлением Правительства РФ от 25.06.2003 №367. Согласно п.2 ст. 20.3 Федерального закона «О несостоятельности» (банкротстве) арбитражный управляющий обязан анализировать финансовое состояние должника и выявлять указанные признаки, информируя о них кредиторов и компетентные органы. [1]. В ходе процедуры исследуется период не менее двух лет до возбуждения дела о банкротстве. Анализуются учредительные документы, договоры, бухгалтерская отчетность и иные материалы. [3]. Для выявления признаков фиктивного банкротства (п. 11-13 Временных правил) арбитражный управляющий оценивает способность должника удовлетворить требования кредиторов на дату подачи заявления. По результатам проверки составляется заключение, которое направляется в суд, собранию кредиторов и в правоохранительные органы. [2].

2. Проблемы квалификации и выбор нормы права. Квалификация деяния напрямую зависит от размера причиненного ущерба, в зависимости

от которого применяются нормы КоАП РФ или УК РФ. Однако анализ правоприменительной практики и данных судебной статистики свидетельствует о сложности применения «чистых» составов ст. 196 и 197 УК РФ. Как демонстрируют данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ (см. Таблицу 1) [4], количество осужденных по ст. 196 и 197 УК РФ несопоставимо мало по сравнению с квалификацией по статьям о мошенничестве (ст. 159 УК РФ) или присвоении и растрате (ст. 160 УК РФ).

Таблица 1. Статистические данные Судебного департамента

Показатель	Осуждено	Оправдано	Лишение свободы	Условное лишение свободы	Штраф
Ч.1 ст. 196 УК РФ	198	0	7	0	0
Ст. 197 УК РФ	1	0	0	1	0
Ч.3, ст. 159 УК РФ (мошенничество с использованием служебного положения)	5845	22	1426	2361	1403
Ч.4, ст. 159 УК РФ (мошенничество группы лиц в крупном размере) – более 250 000 руб.	5817	42	3071	2548	43

Столь незначительное число приговоров по специальным составам (ст. 196, 197 УК РФ) объясняется неудачной конструкцией диспозиций данных норм, что порождает трудности в толковании и доказывании. Правоохранительные органы, не будучи специалистами в сложном банкротном законодательстве, предпочитают переквалифицировать деяния на «общеуголовные» составы (мошенничество, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием), доказывание по которым является более устоявшимся. Кроме того, для применения ст. 196 и 197 УК РФ необходимо установить прямую причинно-следственную связь между действиями руководителя и наступлением банкротства, что технически сложно [5].

Установлено, что преднамеренное и фиктивное банкротство носят длящийся характер, а основную роль в их обнаружении играют документальные проверки, проводимые арбитражными управляющими. Однако эффективность борьбы с данными преступлениями сдерживается несовершенством законодательной техники. Сложность доказывания

умысла и причинно-следственной связи, а также высокий порог крупного ущерба вынуждают правоприменителя использовать смежные составы преступлений. Представляется, что для повышения эффективности норм необходима корректировка диспозиций ст. 196 и 197 УК РФ, а также развитие межведомственного взаимодействия арбитражных управляющих и правоохранительных органов на этапе выявления признаков преступлений.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».
2. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. N 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства».
3. Постановление Правительства РФ от 25 июня 2003 г. N 367 «Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа».
4. Портал Судебной статистики РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.api-пресс.пф>.
5. Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru>.

УДК 347

Проблема ограничения прав продавцов-предпринимателей в зависимости от функциональных возможностей маркетплейса: правовой и технологический аспект

Малышкин П.В.

Научный руководитель: Гельдибаев М.Х., д-р юрид. наук, профессор Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

Доминирование маркетплейсов в цифровой торговле формирует новую парадигму предпринимательства, где классические правовые отношения продавца и коммерческого посредника переносятся в цифровую среду [1, с. 75]. Ключевая проблема заключается в том, что права и экономические возможности продавцов-предпринимателей зачастую ограничиваются не столько явными условиями договора, сколько функциональной архитектурой и дизайном самой программной платформы. Это создает ситуацию «цифровой связанности», при которой формальная правовая самостоятельность предпринимателя вступает в

противоречие с его фактической подконтрольностью технологическим решениям оператора платформы. Необходимым выглядит систематизация основных форм функционально-технологических ограничений, налагаемых маркетплейсами на продавцов, и провести их правовую оценку на предмет соответствия принципам добросовестности, разумности и справедливости, а также нормам о защите конкуренции.

Нередко предприниматели сталкиваются с теми или иными функциональными ограничениями, при условии, что отношения продавца и маркетплейса регулируются договором (офертой) [2]. Но в действительности, реальный режим деятельности определяют функции платформы: алгоритмы ранжирования, система управления скидками, модули коммуникации и аналитики. Эти функции, не будучи предметом переговоров и часто непрозрачные, де-факто становятся неотъемлемой и определяющей частью договорных отношений, формируя «цифровой суверенитет» платформы и ограничивая «цифровой суверенитет» продавца.

Можно выделить следующие основные группы ограничений, непосредственно влияющих на предпринимательские права: алгоритмическое управление видимостью, выражается в непрозрачных и не поддающихся влиянию продавца алгоритмах поиска и рекомендаций, которые становятся инструментом косвенного принуждения к определенной модели поведения (например, к постоянному снижению цен или участию в акциях) для сохранения места в выдаче; обязательность участия в промо-механиках: техническая реализация систем скидок и акций часто делает неучастие в них коммерчески невыгодным, а гибкая настройка – невозможной, что лишает продавца свободы в определении ценовой политики и уровня маржинальности; ограничение прямых коммуникаций и клиентского капитала в виде строгих функциональных запретов на обмен контактами и ссылками в чатах, препятствуют установлению прямых отношений с потребителем, не позволяя продавцу формировать лояльную клиентскую базу вне экосистемы платформы; зависимость от встроенных сервисов и данных, как отсутствие удобной технической интеграции со сторонними логистическими и платежными системами, а также предоставление аналитики в агрегированном, усеченном виде ограничивают свободу выбора контрагентов и возможность для продавца проводить глубокий независимый анализ своего бизнеса.

Представленные функциональные ограничения могут быть оценены с нескольких правовых позиций. С гражданско-правовой точки зрения подобные скрытые условия могут ставить предпринимателя в заведомо

невыгодное положение, что может служить основанием для их оспаривания. Более того, создание подобных технологических и функциональных препятствий реализации прав, может рассматриваться как нарушение принципа добросовестности [3], в соответствии с положениями Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку формальная свобода предпринимателя технически блокируется.

С точки зрения антимонопольного законодательства, то для маркетплейсов, занимающих доминирующее положение, навязывание продавцам определенной модели поведения через архитектуру платформы, не оставляющее им реальной альтернативы, может быть квалифицировано как злоупотребление доминирующим положением путем навязывания невыгодных условий.

Функциональные возможности маркетплейсов эволюционировали из инструмента в самостоятельный, не всегда правомерный регулятор предпринимательской деятельности. По мнению авторов, сложившийся дисбаланс требует адаптации правового подхода. Одним из вариантов, видится развитие правоприменительной практики, учитывающей функциональные ограничения как существенный элемент договорных отношений в цифровой среде, подлежащий оценке на предмет добросовестности. Целесообразным является рассмотреть введение для операторов цифровых платформ, занимающих доминирующее положение, специальных принципов «функциональной прозрачности» и «технологической нейтральности». Это может включать обязанность раскрывать ключевые, не затрагивающие коммерческую тайну, параметры алгоритмов ранжирования, обеспечивать возможность разумной интеграции с альтернативными сервисами и предоставлять продавцам доступ к сгенерированным ими данным в машиночитаемом формате.

Также по мнению авторов требуется научная разработка доктрины «цифровой связанности хозяйствующих субъектов» для адекватного описания новых форм зависимости в экосистемах цифровых платформ и выработки соответствующих правовых механизмов защиты.

Таким образом, обеспечение справедливого баланса между инновационным развитием цифровых платформ и защитой прав предпринимателей требует перехода от оценки лишь текста договоров к комплексному анализу их технологической реализации.

Библиографический список

1. Малышкин П.В. Трансформация субъектов малого и среднего предпринимательства в электронной коммерции: маркетплейсы, риск и адаптация / П. В. Малышкин, В. А. Якубовская // Трансформация бизнеса и общественных институтов в условиях цифровизации экономики:

сборник научных трудов VII Национальной (русской) научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17–18 апреля 2025 года. СПб: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2025. С. 75-78.

2. Публичная оферта маркетплейса Wildberries. Версия № 82. Дата вступления в силу 24.09.2025. Портал ООО РВБ. <https://seller.wildberries.ru/terms/ru>.

3. Голышев В.Г. О принципах разумности и добросовестности в гражданском праве / В.Г. Голышев, А.В. Голышева, О.В. Ефимова [и др.] // Актуальные проблемы современного законодательства Российской Федерации: Сборник статей. М.: Саратовский источник, 2022. С. 33-41.

УДК 311.3:343.9(470)

Статистический анализ факторов преступности в Российской Федерации

Малюшина А.А.

*Научный руководитель: Снатенков А.А., кан. экон. наук, доцент
Российский Экономический Университет имени Г.В. Плеханова
Оренбургский филиал*

Развитие предпринимательской деятельности и эффективность функционирования органов государственной власти во многом зависят от качества правового регулирования. Законодательство в сфере бизнеса направлено на формирование стабильных и прозрачных правил экономической деятельности, а также на обеспечение общественного порядка.

Динамика преступности является важным индикатором социально-экономического благополучия государства. Преступность, как форма девиантного поведения, представляет собой не только угрозу отдельным гражданам, но и вызов устойчивости всего общества. Рост преступности подавляет экономическую активность, подрывает доверие к институтам власти, создает атмосферу незащищенности, увеличивает риски ведения бизнеса и способствует развитию теневой экономике.

Цель данной работы – выявить и количественно оценить влияние факторов, способствующих распространению преступности в России и обосновать роль правового регулирования деятельности бизнеса и органов власти в профилактике правонарушений.

Проблема преступности в России вызывает пристальное внимание не только правоохранительных органов и научного сообщества, но и широкой общественности. На рисунке 1 представлена динамика коэффициента преступности в России за 2012 – 2024 гг.

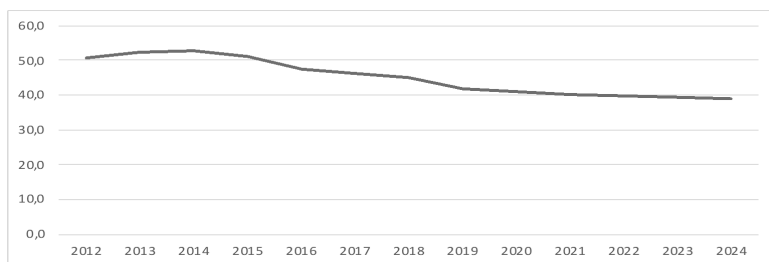

Рисунок 1. Динамика коэффициента преступности в России

Анализ динамики преступности в РФ за указанный период показывает общую тенденцию к снижению данного показателя, что отображает положительные изменения в социально-экономической сфере и системе регулирования. Незначительное и кратковременное увеличение наблюдалось в 2014 году, однако в последующие годы коэффициент преступности продолжил снижаться.

Для проведения эконометрического анализа были использованы данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) за 2012 – 2024 годы [1]. Выборка данных охватывает Российскую Федерацию. В качестве зависимой переменной (Y) выступил коэффициент преступности на 100 тыс. населения. В качестве объясняющих переменных (X) были выбраны следующие показатели:

- X1 – Уровень безработицы, %, отражающий долю безработных среди экономически активного населения.
- X2 – Доход на душу населения, руб./месяц, характеризующий уровень материального благосостояния населения.
- X3 – Плотность населения, млн. человек, показывающий концентрацию населения на территории.
- X4 – Число зарегистрированных краж (включая кражи имущества, угоны и т.д.) на 100 000 населения, отражающее уровень имущественной преступности.
- X5 – Число зарегистрированных мошенничеств на 100 тыс. населения, отражающее уровень преступлений, связанных с обманом и злоупотреблением доверием.

Для оценки параметров модели с учетом временного аспекта применен метод наименьших квадратов (МНК) [2]. Рассчитана матрица парных коэффициентов корреляции для определения факторов, которые могут быть включены в модель множественной регрессии (рис. 2) [2].

	Y	X1	x2	x3	x4
Y	1				
X1	0,717189324	1			
x2	-0,454239435	-0,770321014	1		
x3	-0,202188867	-0,33889484	0,286238469	1	
x4	0,748427601	0,502223921	-0,369180798	0,247735748	1

Рисунок 2. Корреляционная матрица влияния факторов на уровень преступности в Российской Федерации

После анализа матрицы было принято решение о включении в модель факторов со значениями коэффициента корреляции выше 0,7. Такими факторами являются X1, X2 и X4. Поскольку фактор X2 имеет отрицательную корреляцию, для дальнейшего анализа были выбраны факторы X1 и X4. Данные показатели напрямую связаны с условиями ведения бизнеса и эффективностью деятельности органов власти в сфере регулирования занятости и защиты имущественных прав.

Регрессионный анализ с использованием отобранных факторов представлен на рисунке 3 [3].

вывод итогов									
Регрессионная статистика									
Множественный R	0,846129607								
R-квадрат	0,715935312								
Нормированный R-квадрат	0,659122374								
Стандартная ошибка	3,09268113								
Наблюдения	13								
Дисперсионный анализ									
	df	SS	MS	F	Значимость F				
Регрессия	2	241,0609266	120,5304633	12,60162457	0,001849636				
Остаток	10	95,64676573	9,564676573						
Итого	12	336,7076923							
		Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение	Нижние 95%	Верхние 95%	Нижние 95,0%	Верхние 95,0%
Y-пересечение		21,81071079	6,806381532	3,204450219	0,009420305	6,64514766	36,97627392	6,64514766	36,97627392
X1		4,729655644	2,019604617	2,341872069	0,041207832	0,229696131	9,229615156	0,229696131	9,229615156
x4		2,04128E-05	7,6631E-06	2,663783881	0,023744561	3,33839E-06	3,74873E-05	3,33839E-06	3,74873E-05

Рисунок 3. Результаты регрессионной статистики

Исходя из полученного корреляционно-регрессионного анализа, сформировано следующее уравнение:

$$Y = 21,8 + 4,7X1 + 2,04X4$$

Высокое значение множественного коэффициента корреляции (R = 0,85) свидетельствует о тесной связи между зависимой переменной и отобранными факторами. Коэффициент детерминации (R² = 0,72) указывает на то, что 72% дисперсии коэффициента преступности

объясняется включенными в модель факторами. На долю неучтенных факторов приходится 28% вариации.

Согласно модели, в среднем, при увеличении уровня безработицы на 1% коэффициент преступности возрастет на 4,73 тыс. человек. Аналогично, при повышении числа зарегистрированных краж на 1% коэффициент преступности увеличится на 2,04.

Опираясь на результаты регрессионного анализа (рис.3) были получены показатели: значение $F_{\text{факт}} > F_{\text{табл}}$, $tx1 > t_{\text{табл}}$, $tx2 > t_{\text{табл}}$. С помощью критерия Фишера и распределения Стьюдента, можно видеть, что уравнение регрессии является статистически значимыми.

К основным проблемам правового регулирования деятельности бизнеса можно отнести нестабильность законодательства и избыточное административное давление со стороны органов власти, что неоднократно отмечается в научных исследованиях. Данные факторы ограничивают возможности предпринимателей и способствуют росту нелегальной экономической активности [4].

В качестве путей развития правового регулирования деятельности бизнеса и органов власти следует выделить повышение стабильности нормативно-правовой базы, развитие цифровых форм взаимодействия с предпринимателями, а также переход к профилактической модели контроля и надзора. Реализация данных мер позволит снизить уровень правонарушений и создать благоприятные условия для устойчивого социально-экономического развития.

На основе полученных результатов анализа коэффициента преступности в Российской Федерации за период 2012-2024 годы, можно отметить его зависимость от ряда социально-экономических факторов. С помощью корреляционно-регрессионного анализа были определены наиболее значимые факторы, влияющие на величину коэффициента преступности это уровень безработицы и число зарегистрированных краж. Таким образом, результаты проведенного исследования подтверждают, что эффективность правового регулирования деятельности бизнеса и органов власти напрямую связана с уровнем преступности и социально-экономическим развитием государства.

Библиографический список

1. Российский статистический ежегодник. 2024: Стат.сб./Росстат. – Р76 М., 2024 – 630 с.
2. Социально-экономическое развитие регионов России: тенденции, проблемы, перспективы: электронный сборник II Всероссийской научно-практической конференции, проведенной 08 декабря 2021 года. – Волгоград: Сфера, 2022. 358 с.

3. Тимофеева Т.В., Снатенков А.А. Практикум по социальной статистике. Оренбург.: Издательский центр ОГАУ, 2007.

4. Журавлева Д.И., Статистическое изучение уровня преступности населения в Российской Федерации: монография / Д.И. Журавлева, Л.А. Давлетшина. Москва: Русайнс, 2022. 96 с.

УДК 379.85

Правовое регулирование молодёжной политики в Ярославской области: анализ регионального законодательства

Метлинова М.О.

*Научный руководитель: Азеева М.А., старший преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В современной России молодёжная политика выделена в число приоритетных направлений государственного управления. На федеральном уровне сформирована база, включающая Основы государственной молодёжной политики до 2025 года (пролонгированные фактически до утверждения новых) и Федеральный закон «О молодёжной политике в Российской Федерации» [1]. Однако ключевая роль в реализации этой политики отведена регионам, которые обладают правом конкретизировать меры поддержки с учётом местной специфики.

Ярославская область является одним из динамично развивающихся в социально-экономическом плане регионов Центральной России, где вопросам самореализации молодёжи уделяется повышенное внимание. Цель данной работы — анализ региональной нормативно-правовой базы, регулирующей молодёжную политику в Ярославской области, и выявление проблем её реализации на современном этапе (по состоянию на начало 2026 года).

Базовым региональным актом выступает Закон Ярославской области «О молодёжной политике» [2]. Данный закон не просто дублирует федеральные нормы, но и устанавливает специфические региональные меры. Ключевым нововведением последних лет стало законодательное закрепление таких инструментов, как «молодёжный бюджет» и грантовая поддержка молодёжных инициатив в рамках государственной программы «Развитие молодёжной политики в Ярославской области» [3]. Анализ динамики финансирования этой программы представлен в таблице 1.

Таблица 1. Динамика финансирования мероприятий молодёжной политики из бюджета Ярославской области (2023–2025 гг.)

Год	Общий объём финансирования (млн руб.)	Доля расходов на поддержку молодёжных инициатив (%)
2023	145,2	12,5
2024	162,8	15,3
2025	198,4	18,7

Представленные данные свидетельствуют о положительной динамике бюджетных ассигнований. В 2025 году прирост финансирования по сравнению с 2023 годом составил более 36%, что коррелирует с поручениями Президента РФ по итогам Года молодёжи [5].

Однако анализ правоприменительной практики и экспертных оценок [4] позволяет выявить ряд системных проблем, препятствующих эффективной реализации законодательства.

Во-первых, сохраняется дисбаланс в распределении средств между городскими округами (Ярославль, Рыбинск) и муниципальными районами. Нормативы обеспеченности молодёжной инфраструктурой в районах области значительно ниже, чем в областном центре, что противоречит принципу равенства доступа к мерам поддержки, закреплённому в ст. 4 Закона № 40-з [2].

Во-вторых, наблюдается дефицит кадров в сфере молодёжной политики на муниципальном уровне, что связано с отсутствием эффективных механизмов закрепления специалистов, несмотря на принятые в 2024 году поправки в областное законодательство о статусе специалиста по работе с молодёжью.

Третий аспект, требующий внимания, связан с функционированием механизмов "молодёжного бюджета". Несмотря на их нормативно-правовое закрепление, они сталкиваются с вызовами, обусловленными недостаточным уровнем бюджетной грамотности среди целевой аудитории и сложностью административных регламентов для инициативных групп.

Следовательно, анализ регионального законодательства Ярославской области демонстрирует, что правовая база в целом адекватна и соответствует общероссийским трендам. Наблюдаемый рост финансирования отрасли формирует благоприятные предпосылки для реализации стратегических задач. Однако эффективность правового регулирования снижается под воздействием факторов территориальной дифференциации и дефицита квалифицированных кадров. Решение указанных проблем требует не столько внесения изменений в законодательные акты, сколько совершенствования подзаконных

нормативных актов и разработки ведомственных программ, направленных на нивелирование диспропорций в возможностях для молодёжи из различных муниципальных образований региона.

Библиографический список

1. О молодёжной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ (ред. от 01.01.2026).
2. О молодёжной политике в Ярославской области: Закон Ярославской области от 11.10.2021 № 40-з (ред. от 15.05.2025).
3. Об утверждении государственной программы «Развитие молодёжной политики в Ярославской области» на 2023–2030 годы: Постановление Правительства Ярославской области от 25.01.2023 № 45-п.
4. Афанасьева Е.В. Региональные особенности реализации молодёжной политики в субъектах ЦФО // Вопросы политологии и социологии. 2025. № 4. С. 88–95.
5. Доклад о реализации молодёжной политики в Ярославской области в 2025 году [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yarsport.ru/analitika>.

УДК 342

Молодежное предпринимательство – одно из направлений государственной политики

Мясникова В.И.

*Научный руководитель: Секерина С.Е., преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Развитие предпринимательской деятельности является одним из ключевых факторов социально-экономического развития государства. В современных условиях особую значимость приобретает вовлечение молодёжи в предпринимательскую деятельность, поскольку молодые люди обладают высоким уровнем инновационной активности, гибкостью мышления и готовностью к внедрению новых технологий [1].

Исследователи отмечают, что молодёжное предпринимательство играет важную роль в формировании конкурентоспособной экономики, стимулирует инновационное развитие и способствует созданию новых рабочих мест [2]. В связи с этим государство реализует комплекс мер, направленных на развитие предпринимательской активности среди молодёжи, включая правовое регулирование, финансовую поддержку и образовательные программы [3].

В то же время эффективное развитие предпринимательства невозможно без функционирования системы государственного контроля, обеспечивающей соблюдение законодательства и защиту прав участников экономических отношений [4].

В научной литературе понятие «молодёжное предпринимательство» рассматривается как особая форма предпринимательской деятельности, осуществляемая гражданами молодого возраста и характеризующаяся специфическими социально-экономическими условиями функционирования [5].

Согласно современным исследованиям, молодёжное предпринимательство можно определить, как самостоятельную инициативную деятельность молодых граждан, направленную на систематическое получение прибыли посредством использования имущества, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг.

Развитие молодёжного предпринимательства имеет важное значение для экономики государства, поскольку способствует: формированию инновационной предпринимательской среды; повышению занятости населения; развитию малого и среднего бизнеса; формированию предпринимательских компетенций у молодёжи.

Исследователи отмечают, что молодые предприниматели обладают рядом особенностей, отличающих их от представителей других возрастных групп. Среди таких особенностей выделяются высокая склонность к инновациям, активное использование цифровых технологий и стремление к созданию новых бизнес-моделей.

Государственный контроль является важным элементом системы государственного управления и представляет собой деятельность уполномоченных органов государственной власти, направленную на обеспечение соблюдения законодательства, предупреждение правонарушений и защиту общественных интересов.

Правовое регулирование государственного контроля в сфере предпринимательства осуществляется посредством комплекса нормативно-правовых актов, регулирующих отношения между государством и субъектами предпринимательской деятельности.

Государственный контроль в сфере молодёжного предпринимательства представляет собой систему правовых и организационных мер, направленных на обеспечение законности предпринимательской деятельности молодых предпринимателей и реализацию государственной политики поддержки бизнеса.

Основными направлениями государственного контроля в данной сфере являются: регистрационный контроль за созданием субъектов

предпринимательской деятельности, налоговый контроль, финансовый контроль за использованием государственных субсидий и грантов, контроль соблюдения трудового и административного законодательства.

Кроме контрольных функций государство реализует меры поддержки молодёжного предпринимательства. К ним относятся образовательные программы, грантовая поддержка стартапов, консультационные услуги и развитие инфраструктуры поддержки бизнеса.

По мнению исследователей, эффективная государственная политика в сфере молодёжного предпринимательства должна сочетать меры контроля и поддержки, создавая благоприятные условия для развития предпринимательской активности молодёжи.

Таким образом, молодёжное предпринимательство является важным элементом развития современной экономики и формирования инновационного потенциала общества. Государственный контроль играет значительную роль в обеспечении законности предпринимательской деятельности и формировании благоприятной предпринимательской среды.

Вместе с тем эффективное развитие молодёжного предпринимательства возможно только при сочетании контрольных функций государства с мерами стимулирования предпринимательской активности молодёжи.

Совершенствование правового регулирования, снижение административных барьеров и развитие инфраструктуры поддержки предпринимательства могут способствовать более активному вовлечению молодёжи в предпринимательскую деятельность и развитию национальной экономики.

Библиографический список

1. Артюхин О.А., Крицкая А.А. Государственное регулирование предпринимательской деятельности в России // Вестник СПбУ МВД России. 2025. № 1. С. 15–28.

2. Балашова Е.Г. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в современных условиях // Юридический аналитический журнал. 2024. № 3. С. 45–56.

3. Гончарова О.Ю., Мальцева О.В. Институционализация молодежного предпринимательства в России // Государственное и муниципальное управление. 2020. № 4. С. 112–125.

4. Куприна С.А. Формирование предпринимательских компетенций молодежи // Вопросы образования. 2022. № 2. С. 78–92.

5. Назаров М.А. Государственная политика поддержки предпринимательства в России // Экономика и управление. 2021. № 5. С. 34–47.

УДК 347.1

Понятие и правовая природа корпоративного договора

Николенко Д.Ю.

Научный руководитель: Кваша О.В., канд. юрид. наук

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Термин договор, является межотраслевым и используется для согласованного регулирования различных отношений между сторонами в сфере, например, трудового, административного, финансового права. Но наиболее широкое применение договорная конструкция находит именно в гражданском праве. Одним из наиболее сложных и дискуссионных институтов современного гражданского права является корпоративный договор. Существующие законодательные подходы и складывающаяся правоприменительная практика свидетельствуют о необходимости дальнейшего реформирования данного института с учетом интересов бизнес-сообщества и актуальных моделей ведения экономической деятельности.

В соответствии с п.1. ст. 67.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) корпоративным договором признается договор между участниками хозяйственного общества, об осуществлении своих корпоративных прав (или воздержания от их осуществления) определенным образом. В частности, такой договор может обязывать стороны голосовать определенным образом на общем собрании участников общества, согласованно осуществлять иные действия по управлению обществом, приобретать или отчуждать доли в его уставном капитале (акции) по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств, либо воздерживаться от их отчуждения до наступления определенных обстоятельств [1].

Таким образом, корпоративный договор можно определить как соглашение, позволяющее партнерам фиксировать договоренности о совместном владении и управлении бизнесом, распределении прибыли, порядке голосования, а также особенностях входа в общество и выхода из него. Сторонами корпоративного договора могут выступать не только

участники общества, но и третьи лица (инвесторы, кредиторы, бенефициары и т.п.), а в случаях, прямо предусмотренных законом, и само общество [2; 3].

Принимая решение о создании акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью, партнеры не всегда прогнозируют возникновение разногласий, полагаясь на императивные нормы законодательства и устав. Однако на практике устав, являясь формальным документом, часто не способен урегулировать все многообразие корпоративных отношений. В этом контексте корпоративный договор выступает в качестве гибкого инструмента, позволяющего учесть все нюансы, дополняющего устав и устраняющего его пробелы как основного документа.

В силу принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ) стороны (партнеры) не связаны жесткими законодательными ограничениями, они вправе включить в корпоративный договор любые условия, не противоречащие законодательству и основам правопорядка. К таковым относятся, например, механизм разрешения споров тупиковых ситуаций при голосовании, порядок отчуждения доли, условия привлечения внешнего финансирования (кредитование, инвестирование и т.п.) [6].

Наличие корпоративного договора существенно упрощает судебное рассмотрение споров, хотя первоначально арбитражные суды не всегда признавали силу за такими соглашениями. В настоящее время сформировалась устойчивая практика их защиты [4]. При отсутствии договора решение конфликта зачастую сводится к применению диспозитивных норм закона (например, пропорционально долям), а судебные разбирательства могут затягиваться на годы, парализуя деятельность организации.

Основаниями для заключения корпоративного договора служат различные обстоятельства, такие как: неравный вклад партнеров в бизнес; разные потребности в дивидендах; расхождения по вопросам стратегии развития; риски вхождения в бизнес нежелательных третьих лиц; потребность в инвестициях и т.д. Корпоративный договор призван обеспечить защиту таких интересов сторон, как: справедливое распределение прибыли; обеспечение стабильности управления компанией; определение порядка поручительств и залогов; соблюдение конфиденциальности; установление ответственности за нарушение и т.д. [5; 6].

Гражданский кодекс не устанавливает ограничений по срокам заключения корпоративного договора. Он может быть подписан как непосредственно после регистрации организации, так и спустя любой

период времени (месяц, год, десять лет). Не ограничено и количество соглашений: в обществе с несколькими участниками возможно заключение как единого многостороннего договора, так и нескольких двусторонних соглашений. Ключевым требованием является непротиворечивость их условий друг другу, уставу общества.

Важной особенностью является конфиденциальность корпоративного договора: участники не обязаны раскрывать его содержание третьим лицам, включая государственные органы (налоговую инспекцию), за исключением случаев, прямо установленных законом [2; 3].

Эффективность применения корпоративных договоров существенно снижается вследствие недостаточной проработки их условий на предварительном этапе. Простое техническое задание (брифинг) для юристов без участия самих партнеров в обсуждении ключевых вопросов приводит к тому, что итоговый документ оказывается формальным и нежизнеспособным.

Истинная ценность корпоративного договора становится очевидной лишь в момент возникновения разногласий. Однако нередко выясняется, что составленный без должной подготовки документ не позволяет эффективно разрешить практические проблемы. Хотя он и ускорит судебное разбирательство за счет отсутствия явных юридических ошибок, он не способствует сохранению партнерских отношений и бизнеса. В связи с этим заключение корпоративного договора должно начинаться с партнерской сессии (переговоры), в рамках которой партнеры должны согласовать существенные условия, направленные на предотвращение конфликтов. Только после обсуждения ключевых аспектов целесообразно составление письменного соглашения, отвечающего интересам бизнеса.

Правовая природа корпоративного договора не является однозначной и продолжает вызывать дискуссии в научной литературе. Анализ позволяет сделать вывод, что по способу заключения он является консенсуальным, по значению для действительности – каузальным. Корпоративный договор может быть как двусторонним, так и многосторонним, как возмездным, так и безвозмездным. Он порождает как имущественные, так и организационные обязательства, а в силу особого доверительного характера отношений отнесен к фидуциарным сделкам [5].

В рамках договорного регулирования действует принцип автономии воли, что предоставляет сторонам широкие возможности, включая (для договоров с иностранным элементом) выбор применимого права.

Для более глубокого понимания правовой природы корпоративного договора необходимо проследить эволюцию его правового регулирования. До законодательного закрепления (до 2009 года для АО и до 2011 года для

ООО) такие соглашения заключались исходя из принципа свободы договора (*de lege lata*). Однако судебная защита предоставлялась, лишь тем положениям (условиям), которые развивали и конкретизировали императивные нормы законодательства, но не противоречили им.

В настоящее время сформировалась достаточно обширная правоприменительная практика и естественно возникает потребность как в совершенствовании действующих на сегодняшний день законодательных норм, так и в обновлении доктринальных подходов к пониманию данного института.

Таким образом, можно резюмировать, что корпоративный договор, в современный период, является эффективным и востребованным инструментом регулирования отношений участников внутри любой корпоративной структуры. Данный правовой институт, в отличие от устава, позволяет учесть нестандартные ситуации и баланс интересов между участниками и инвесторами, обеспечивая тем самым стабильность и предсказуемость ведения бизнеса.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): от 30.11.1994 № 51-ФЗ: (ред. от 25.11.2025).
2. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 30.11.2024).
3. Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 № 14.
4. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16.05.2014 № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью».
5. Шиткина И. С. Корпоративное право: учебник. М.: Статут, 2019.
6. Юрлов и Партнеры. Адвокатское Бюро [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yurlov.ru>.

УДК 342.735

Право на «творческое выражение» и право на «защиту»: практические коллизии реализации свободы творчества в современной России

Новикова А.А.

*Научный руководитель: Кваша О.В., канд. юрид. наук
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Что есть свобода творчества в современной России: абсолютное право автора на самовыражение или ценность, ограниченная публичными интересами? Ответ на этот вопрос приходится искать каждый раз, когда искусство выходит к зрителю. Художественная провокация, самовыражение, эпатаж, сатира, социальная критика неизбежно проверяются на прочность правовыми рамками — защитой чести и достоинства, чувств верующих, основ конституционного строя и нравственности.

Проблемы «права на провокацию» и «права на защиту» лежат в основе конституционного спора о балансе частных и публичных интересов. Когда абстрактная конституционная норма встречается с живой реальностью — выставкой, перформансом, театральной постановкой или уличным искусством, — возникает множество вопросов без очевидных ответов. Где проходит грань между эпатажем как художественным высказыванием и оскорблением, нарушением права иных лиц? Кто и как должен это определять: суд, чиновник, общественный совет или сам художник?

По сути, это спор о пределах допустимого. Художник, реализуя свое право на творчество, тестирует общество на прочность, а общество в свою очередь, выставляет защитные барьеры в виде законов об экстремизме, защите чувств верующих, охране государственной тайны. В этой коллизии сталкиваются не просто нормы права, а фундаментальные ценности — свобода самовыражения и социальная стабильность, право на поиск истины и право на защиту от травмирующей информации.

Конституция Российской Федерации создает сложную систему координат для понимания свободы творчества. С одной стороны, статья 44 гарантирует каждому свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества. Статья 29, в свою очередь, закрепляет свободу мысли и слова, а также право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

Однако эти свободы не являются абсолютными. Ключевое значение для понимания пределов творческого самовыражения имеет часть 3 статьи 55 Конституции РФ, которая устанавливает, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Важно подчеркнуть: сам творческий процесс как таковой не нуждается в правовых рамках и не может быть ими ограничен. Ограничения вступают в силу на этапе публичной демонстрации результатов творчества, когда

произведение становится доступным неопределенному кругу лиц и может восприниматься неоднозначно.

Особого внимания в этом контексте заслуживает статья 31 Основ законодательства Российской Федерации о культуре. Она устанавливает обязанности государства обеспечивать свободу субъектов культурной деятельности. Согласно этой статье, органы власти вправе вмешиваются в творческую деятельность граждан, за исключением случаев, когда такая деятельность ведет к пропаганде войны, насилия и жестокости, а также расовой, национальной, религиозной или иной исключительности. При этом запрет культурной деятельности может быть осуществлен только по решению суда и лишь в случае нарушения законодательства.

Эта конституционная коллизия между свободой и ограничениями находит свое отражение в громких судебных процессах последних лет.

Резонансным стало дело режиссера Евгении Беркович и драматурга Светланы Петрийчук, осужденных в июле 2024 года на шесть лет за «оправдание терроризма». Поводом для уголовного преследования послужил спектакль «Финист — Ясный Сокол», рассказывающий о российских женщинах, вышедших замуж за бойцов запрещенной в России террористической организации ИГИЛ. На суде Беркович заявила: «Я поставила спектакль, чтобы предотвратить терроризм. К террористам я испытываю только осуждение и отвращение». Однако суд счел иначе. Данный случай демонстрирует наиболее острую форму коллизии: столкновение творческого высказывания с антитеррористическим законодательством. Произведение, задуманное, по мнению автора, как предупреждение об опасности, было интерпретировано правоприменителем как оправдание террористической идеологии.

Оценка этого и подобных дел невозможна без учета более широкого контекста. Россия - многоконфессиональная страна, где в целом отсутствуют острые противоречия на межрелигиозной почве, за исключением случаев крайнего экстремизма отдельных лиц. Этот паритет во многом является результатом последовательной государственной политики, направленной на пресечение провокаций. В этой связи пресечение экстремизма и разжигание ненависти предоставляется приоритетной задачей: цена здесь - человеческие жизни, и их защита важнее абсолютной свободы самовыражения.

Другую грань проблемы иллюстрирует скандал вокруг петербургского музея современного искусства «Эрарта». Летом 2024 года музею грозили административные штрафы за демонстрацию картины белорусского художника Сергея Гриневича «Фестиваль». На полотне изображены танцоры в традиционных костюмах и трое охранников, а с 2020 года к

экспонату прилагалась надпись «Жыве Беларусь!» («Да здравствует Беларусь!»). Экспертиза пришла к выводу, что этот лозунг использовался в качестве символа двумя коллаборационистскими подразделениями времен Второй мировой войны.

Это дело иллюстрирует коллизию между художественным контекстом и символическим значением. Для автора и музея надпись могла быть частью высказывания, отсылкой к современным событиям (протестам в Беларуси 2020 года). Для правоохранителей — символом, подпадающим под законодательство о противодействии экстремизму и нацистской пропаганде. Возникает закономерный и принципиальный вопрос: что важнее — авторский замысел или восприятие зрителя (и эксперта)? Исходя из позиции, обозначенной выше, любое оправдание фашизма и нацизма должно пресекаться законом, независимо от авторской позиции. Хотя стоит отметить, что формальный подход, например, «заблюривание» исторических символов в кино, может искажать историческую правду.

Рассмотренные прецеденты ставят фундаментальный вопрос о роли государства в сфере творчества. Должно ли оно выступать исключительно арбитром, карающим за нарушения, или его задача — создавать условия для диалога между художником, обществом и властью?

Статья 31 Основ законодательства о культуре четко определяет, что власть выступают гарантом прав и свобод в области культуры, защищая их через законодательство и государственную политику. Принцип невмешательства в творческую деятельность имеет четкие исключения, а запреты могут вводиться только судом.

Свобода творчества — это не анархия и не вседозволенность. Как и любое конституционное право, она имеет пределы, очерченные правами других лиц. Где же должна проходить эта граница? Оптимальным представляется рубеж, где произведение искусства перестает быть высказыванием и превращается в прямое действие, причиняющее прямой вред. Кистью, словом, камерой можно ранить, оскорбить, спровоцировать ненависть, но можно просвещать. Отличие первого от второго — в мере соразмерности, в уважении к человеческому достоинству и готовности к диалогу.

Ярким примером поиска этого баланса стала недавняя ситуация с назначением Константина Богомолова - художественного руководителя Школы-студии МХАТ. К. Богомолов – безусловно, свободный художник, однако его работы часто вызывают вопросы с точки зрения соответствия классическим традициям и нормам общественной морали. Назначение вызвало шквал критики со стороны известных деятелей культуры, и в итоге Богомолов отказался от должности. Этот случай уникален тем, что

общественное мнение выступило против решения официального органа, фактически «отменив» назначение и продемонстрировав, что существуют неформальные границы, переход которых ведет к отторжению обществом.

Для будущего государственного служащего понимание этих границ — не абстрактное знание, а практический инструмент принятия решений. Государственная власть в сфере культуры призвана создавать условия для диалога: между художником и зрителем, между творцом и обществом, между правом и свободой. И в этом диалоге у каждой стороны есть своя правда и свое право — право на провокацию и право на защиту.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г.: с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.
2. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1: ред. от 28.02.2023.
3. Аржевитина А. Дело Беркович и Петрийчук: приговор, в чем обвиняли, кто за них заступался [Электронный ресурс]. URL: <https://news.ru/russia/delo-berkovich-i-petriychuk-prigovor-v-chem-obvinyali-kto-za-nih-zastupalsya>.
4. Суд в Петербурге прекратил дело о пропаганде нацизма против Эрарты: о решении Василеостровского районного суда по картине «Фестиваль» [Электронный ресурс]. URL: <https://mr-7.ru/articles/2024/08/20/peterburgskii-sud-prekratil-administrativnoe-delo-o-propagande-natsizma-protiv-erarty-news>.

УДК 347

Правила одобрения крупных сделок в обществах с ограниченной ответственностью

Перфильева Е.А.

*Научный руководитель: Секерина С.Е., преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В процессе финансово-хозяйственной деятельности юридические лица нередко заключают крупные сделки. Для общества с ограниченной ответственностью (ООО) крупная сделка – это всегда риск. Риск потерять контроль над бизнесом, риск финансовых потерь и риск судебных разбирательств. Законодательство устанавливает четкие правила одобрения крупных сделок, призванные защитить имущественные

интересы участников общества от необдуманных или недобросовестных действий исполнительного органа. Нарушение этих правил может привести к признанию сделки недействительной со всеми вытекающими последствиями [2].

Для этого необходимо определить, что такое крупная сделка, как правильно рассчитать ее стоимость, кто и в каком порядке должен давать согласие на ее совершение, и чем грозит несоблюдение установленных процедур.

Согласно пунктам 1 и 2 статьи 46 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон), крупной сделкой считается сделка (в том числе заем, кредит, залог, поручительство) или несколько взаимосвязанных сделок, которые одновременно отвечают двум ниже указанным основным критериям [1].

1. Выход за пределы обычной хозяйственной деятельности. Сделка не должна быть характерна для общества, то есть ее совершение может привести к прекращению деятельности общества или изменению ее вида либо существенному изменению ее масштабов. Например, продажа основного производственного цеха для торговой компании будет крупной сделкой, а закупка очередной партии товара — нет.

2. Количественный критерий. Предметом сделки является имущество, цена или балансовая стоимость которого составляет 25 и более процентов балансовой стоимости активов общества. Балансовая стоимость активов определяется по данным финансовой отчетности на последнюю отчетную дату.

Важно помнить, что понятие «крупная сделка» не привязано к какой-то фиксированной сумме. Для одной компании порог в 25% может составлять 100 тысяч рублей, а для другой — несколько миллиардов.

Для правильной квалификации сделки необходимо знать не только процент, но и то, какую именно стоимость имущества сравнивать с активами. Здесь есть нюансы, зависящие от типа сделки.

При отчуждении имущества (продажа, мена) сравнивается наибольшая из двух величин: балансовая стоимость этого имущества или цена его реализации.

При заключении договора купли-продажи имущества идет сравнение цены приобретения (покупки) с активами общества.

В случае передачи имущества во временное пользование (аренда, ссуда) сравнению подлежит балансовая стоимость передаваемого имущества с активами общества. Если договор аренды заключен на

неопределенный срок, сумма арендных платежей рассчитывается за один год.

Понятие взаимосвязанных сделок также играет ключевую роль. Если общество заключает несколько мелких договоров, объединенных одной целью и непродолжительным периодом времени, они могут быть признаны взаимосвязанными, и их общая стоимость будет суммироваться для определения критерия «крупных сделок».

Принятие решения о согласии на совершение крупной сделки является компетенцией общего собрания участников общества.

Однако не все сделки подлежат процедуре одобрения. Закон об Обществах с ограниченной ответственностью предусматривает ряд исключений, при которых положения ст.46 Закона не применяются. Так, сделка не считается крупной или на нее не нужно получать одобрение, даже если формально она подпадает под критерии, в следующих случаях.

Единственным участником общества является физическое лицо, которое одновременно выполняет функции единоличного исполнительного органа (директора). В этом случае воля участника и директора совпадают, и сделка не требует отдельного одобрения.

Не требует согласия ситуация, когда сделка совершается в процессе реорганизации общества (например, договор о слиянии или присоединении).

Если общество приобретает долю или часть доли в своем собственном уставном капитале в случаях, предусмотренных законом, это также не требует согласия общего собрания участников общества.

В случаях, когда сделка заключена на тех же условиях, что и предварительный договор, если сам предварительный договор был надлежащим образом одобрен как крупная сделка, одобрение также не требуется.

Кто принимает решение об одобрении? По общему правилу, решение о согласии на совершение крупной сделки принимает общее собрание участников общества. Однако уставом общества может быть предусмотрена более сложная компетенция органов управления. Например, согласно п.3 ст.46 Закона к компетенции совета директоров (наблюдательного совета), может быть отнесено одобрение крупных сделок в случае, когда стоимость имущества по сделке составляет от 25 до 50 процентов стоимости активов общества [1]. Следует отметить, что сделки, стоимость которых превышает 50% активов, в любом случае должны одобряться только общим собранием участников.

Процедура одобрения крупной сделки требует четкого соблюдения формальностей. Ее можно разбить на несколько этапов [3].

Шаг 1. Инициирование и подготовка. Директор или иное заинтересованное лицо должно инициировать вопрос о необходимости совершения сделки. На этом этапе готовится проект договора или его существенные условия, а также проводится расчет, подтверждающий, что сделка является (или не является) крупной.

Шаг 2. Созыв собрания (заседания). Уполномоченный орган (общее собрание или совет директоров) созывается в порядке, установленном уставом и законом. Участники должны быть уведомлены о повестке дня, включающей вопрос об одобрении конкретной сделки, с указанием всех ее существенных условий.

Шаг 3. Проведение собрания и голосование. Решение о согласии на совершение крупной сделки принимается большинством голосов от общего числа голосов участников общества, если необходимость большего числа голосов не предусмотрена уставом. При голосовании на совете директоров решение принимается большинством от числа избранных членов совета.

Шаг 4. Оформление решения. Результаты голосования оформляются в письменной форме - протоколом (для собрания) или решением единственного участника.

Важным моментом является содержание решения об одобрении. Закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» предъявляет строгие требования к содержанию решения об одобрении крупной сделки. Оно должно содержать следующие сведения:

1. Сведения о сторонах и выгодоприобретателях. Если сделку планируется заключить на торгах, или стороны невозможно определить на момент одобрения, это требование можно не указывать.

2. Предмет сделки.

3. Цена сделки. Допускается указание не конкретной цены, а порядка ее определения или минимальных и максимальных параметров (например, «продать по цене не ниже 1 млн руб.»).

4. Иные существенные условия или порядок их определения.

В решении также можно указать срок его действия. Если срок не указан, то по общему правилу, основанному на судебной практике и рекомендациях, согласие считается действительным в течение одного года с даты его принятия. Однако, если впоследствии основные условия сделки (цена, предмет, стороны) изменяются, она считается новой сделкой и требует нового одобрения.

Следует обратить внимание, если в обществе один участник, он не проводит собрание, а оформляет письменное решение единственного участника об одобрении крупной сделки. Даже если этот единственный

участник является и директором, согласие все равно рекомендуется оформить письменно, чтобы избежать споров с контрагентами.

Последующее одобрение: закон допускает возможность одобрения крупной сделки уже после ее совершения (последующее одобрение). Это своего рода «лекарство» для уже заключенного и, возможно, исполняемого договора.

Нарушение порядка одобрения имеет свои последствия. Крупная сделка, совершенная без надлежащего согласия, является оспоримой, что может повлечь для общества негативные последствия.

Таким образом, во избежание финансово-хозяйственных и корпоративных рисков необходимо принятие взвешенных решений на заключение сделок и корректное их оформление.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 28.12.2025).
2. Абалакова А. Оспаривание сделок с заинтересованностью и крупных сделок в ООО: актуальные тенденции судебной практики 2025 г. // Журнал «Акционерное общество». 2026. № Февраль (261) 2026.
3. КонсультантПлюс. Путеводитель по корпоративным спорам: Вопросы судебной практики: Крупные сделки ООО.

УДК 340

Гарантии индивидуальной предпринимательской деятельности

Пимакова А.А.

*Научный руководитель: Кузнецова С.О., канд. юрид. наук
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Как известно, существует легальное определение предпринимательской деятельности. Так, согласно абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ, под такой деятельностью понимается «самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение, прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке».

Ученые-цивилисты предлагают более широкое толкование данного понятия. В частности, в трудах Е.А. Рыбалки представлено комплексное определение: предпринимательство представляет собой

профессиональную деятельность зарегистрированных субъектов, которые на свой риск и под повышенную ответственность осуществляют производство товаров, выполнение работ или оказание услуг. Эта деятельность характеризуется самостоятельностью, инновационностью и направленностью на достижение как частных, так и общественных интересов. При этом предприниматели могут использовать как собственный труд, так и привлекать наемных работников для получения положительного социально-экономического результата в индивидуальном или коллективном формате.

В российском законодательстве существует четкая иерархия правовых норм, регулирующих предпринимательскую деятельность. На вершине этой системы находятся фундаментальные положения, зафиксированные в различных статьях Конституции РФ (8, 9, 34, 35 и других). Они гарантируют равноправную защиту всех форм собственности и декларируют свободу в сфере предпринимательства. Для детальной регламентации бизнес-отношений приняты специальные федеральные законы. Среди ключевых нормативных актов в этой области можно выделить законодательство о регистрации бизнеса, поддержке малого предпринимательства и лицензировании определенных видов деятельности. Эти и другие федеральные законы формируют следующий уровень правового регулирования после конституционных норм.

Законодательная база предпринимательской деятельности в России представлена множеством документов разного уровня. Ведущую роль играет Гражданский кодекс РФ, который систематизирует основные правовые нормы в этой сфере. Нормативно-правовое регулирование также осуществляется через документы различных уровней власти: от президентских указов и правительственных постановлений до региональных и муниципальных актов, включая документацию профильных ведомств.

Чтобы выявить специфику индивидуального предпринимательства, следует прежде всего установить его характерные особенности, отличающие от других форм бизнеса. Индивидуальное предпринимательство можно рассматривать как частный случай предпринимательской деятельности в целом, где первое является подвидом второго. Формулируя дефиницию индивидуального предпринимательства, важно учитывать эту иерархическую взаимосвязь между общим понятием предпринимательства и его индивидуальной формой.

В соответствии с законодательством, особый статус индивидуального предпринимателя приобретается после официальной регистрации

физического лица в государственных органах. Этот статус характеризуется несколькими ключевыми особенностями. Законом предусмотрен ряд специальных требований к лицам, желающим вести индивидуальную предпринимательскую деятельность. При этом важно отметить, что правоспособность и дееспособность предпринимателя возникают одновременно в момент его регистрации, что является существенным отличием данной формы ведения бизнеса. Именно субъект деятельности выступает основным дифференцирующим фактором в этой ситуации.

Предпринимательская активность может осуществляться как индивидуально, так и коллективно — это служит практическим воплощением конституционных гарантий, закрепленных в 34 статье Основного закона России, которые предоставляют гражданам право свободно распоряжаться собственными возможностями и имуществом в целях ведения бизнеса.

Законодательство не делает различий между гражданами и организациями в сфере бизнеса, наделяя их одинаковыми правами и обязанностями при осуществлении коммерческой деятельности. Такой паритетный подход к физическим и юридическим лицам как равноправным участникам предпринимательских отношений закрепился не только в теоретических исследованиях, но и получил широкое признание в практическом применении права. При этом любые субъекты бизнеса вправе самостоятельно определять условия своей деятельности, если они не противоречат действующему законодательству.

Существуют определенные теоретические противоречия и упущения в общепринятой трактовке предпринимательских субъектов, которые заслуживают критического рассмотрения, хотя мы и не стремимся полностью опровергнуть данную концепцию.

В законодательстве термин «способности» применим исключительно к физическим лицам, что подтверждается соответствующим разделом Конституции РФ. На сегодняшний день не существует теоретической базы, определяющей концепцию «способностей» для юридических лиц, если не приравнивать их к «возможностям». Хотя «возможности» вполне могут характеризовать деятельность организаций, они не тождественны понятию «способности», которое по своей природе может относиться только к человеку как одушевленному существу. Поэтому некорректно рассматривать предпринимательскую деятельность юридических лиц через призму их «способностей».

Рассматривая определения предпринимательской деятельности в конституционном праве, стоит обратиться к научным трактовкам. Особый интерес представляет формулировка Е.А. Закружной, которая описывает

это право как возможность индивида проявлять свои личностные качества и таланты в бизнес-среде. По её мнению, предприниматель, официально зарегистрировавший свой статус, действует на свой страх и риск, стремясь к регулярному получению дохода через создание и управление коммерческим предприятием. При этом его деятельность характеризуется системностью и целенаправленностью действий в рамках собственного дела.

Невозможно вести предпринимательскую деятельность через создание юридического лица - такого мнения придерживаются Ерохина Т.В. и Закружная Е.А. По их убеждению, индивидуальная предпринимательская активность допустима исключительно в формате прямой деятельности физического лица, которое действует самостоятельно, принимая на себя все риски и ответственность, не прибегая к образованию юридического лица. Самостоятельность в гражданском обороте, независимая имущественная ответственность и действия от собственного имени характерны как для граждан, так и для юридических лиц. Ерохина Т.В. обосновывает различие между этими субъектами гражданского права, подчеркивая, что каждый из них владеет отдельным имуществом. Автор акцентирует внимание на том, что физические и юридические лица представляют собой принципиально разные категории участников правоотношений, несмотря на схожесть их правового положения в гражданском обороте.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025).
2. Рыбалка Е.А. Особенности правового статуса индивидуальных предпринимателей // Юрист-Правоведь. 2015. № 5. С. 69-73.
3. Аганина Р.Н. Модернизация института государственного контроля предпринимательской деятельности / Р.Н. Аганина, Т.А. Андропова // Право и политика. 2020. №. 2. С. 36-47.
4. Иванюта П.П. К вопросу о сущности и специфике специальных правовых режимов предпринимательской деятельности // Власть закона. 2024. С. 177-185.

**Аудит как форма независимого контроля деятельности организаций:
нормативно-правовое регулирование в РФ и его соотношение с
международными стандартами**

Порошина Д.О.

*Научный руководитель: Секерина С.Е., преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В системе финансового контроля современного государства аудит занимает особое место, выступая связующим звеном между формированием финансовой информации и ее использованием широким кругом заинтересованных лиц. Основополагающая цель аудита как независимого негосударственного финансового контроля заключается в обеспечении доверия к информации, создаваемой участниками экономических отношений.

Правовая природа аудита характеризуется дуализмом: с одной стороны аудитор действует как независимый эксперт, реализуя публично значимую функцию, с другой – выступает как предприниматель, оказывающий услуги на возмездной основе. Аудит реализуется в общественном интересе, что отличает его от иных видов предпринимательской деятельности.

Правовую основу аудиторской деятельности в Российской Федерации образует многоуровневая система нормативных актов, выстроенная по иерархическому принципу. Базовым законодательным актом выступает Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности», который определяет правовые основы регулирования, требования к субъектам аудиторской деятельности, порядок осуществления аудита и контроля за его качеством [1].

Федеральные стандарты аудиторской деятельности (ФСАД), разработанные по аналогии с международными стандартами аудита (МСА), регламентируют работу аудиторских групп, выступая регулятором при возникновении споров и обеспечивая соблюдение требований к проведению аудиторской проверки. МСА представляют собой общепринятые профессиональные правила и нормы, разрабатываемые Международной федерацией бухгалтеров (IFAC) и обеспечивающие единообразие и высокое качество аудиторских услуг во всем мире. Это предопределило содержательную близость ФСАД и МСА.

В целом, тексты стандартов можно признать равнозначными, хотя для повышения эффективности их применения необходима дальнейшая адаптация международных норм к российским правовым и экономическим реалиям [4]. Однако при общности концептуальной основы между МСА и ФСАД существуют и определенные различия, касающиеся как структуры, так и содержания отдельных положений (см. таблицу 1).

Таблица 1. Сравнительная характеристика МСА и ФСАД

Критерий сравнения	МСА	ФСАД
Основа подхода	Риск-ориентированный подход, глубокая проработка оценки рисков и их влияния, высокая эффективность выявления критических нарушений	Формализованный подход к рискам (элементы риск-анализа присутствуют, но менее детализированы)
Взаимодействие управленческими структурами	Информационное взаимодействие с широким кругом лиц: совет директоров, службы внутреннего контроля, управления рисками	Коммуникация ограничена руководством и представителями собственника
Структура взаимосвязи	Целостная система с перекрестными ссылками, интегрированная с Международным стандартом контроля качества	Самостоятельные документы, меньшая степень интеграции
Объем процедур	Требует большего объема аудиторских процедур и более детального документирования	Меньшая детализация требований к процедурам и документации

Ключевое отличие заключается в степени реализации риск-ориентированного подхода. Международные стандарты нацелены в значительной мере на выявление риска, его оценку как в целом, так и по отдельным статьям или процессам. ФСАД, при наличии элементов риск-анализа, остаются более формализованными в отношении работы с рисками. Существует также ряд МСА, не имеющих прямых аналогов в российском правовом поле.

Важно подчеркнуть, что в настоящее время российские аудиторы обязаны применять как федеральные, так и международные стандарты, поскольку МСА введены в действие на территории РФ соответствующими приказами Минфина [3]. Это создает ситуацию «двойного регулирования», когда национальные стандарты продолжают действовать, но международные также имеют обязательную силу.

Стратегические ориентиры развития аудиторской деятельности в Российской Федерации на среднесрочную перспективу определены Распоряжением Правительства Российской Федерации от 22.11.2024 № 3386-р «Основные направления государственной политики в сфере

бухгалтерского учета, финансовой отчетности и аудиторской деятельности до 2030 года» [2]. Этот документ задает вектор развития отрасли, исходя из понимания бухгалтерского учета, финансовой отчетности и аудиторской деятельности как неразрывной цепочки подготовки и предоставления достоверной информации о деятельности экономического субъекта широкому кругу заинтересованных пользователей.

Доверие пользователей к финансовой информации призван обеспечивать именно независимый аудит, что подчеркивает его ключевую роль в системе корпоративных отношений и инвестиционной привлекательности российского бизнеса.

В документе констатируется, что в результате реализации предшествующей Концепции развития аудиторской деятельности до 2024 года [2] был достигнут ряд существенных результатов:

- повышение прозрачности на рынке аудиторских услуг, создание системы взаимодействия контрольных органов с потребителями услуг;
- усиление правил независимости аудиторских проверок и дифференциация требований к ним по принципу пропорциональности;
- объединение всех субъектов в единой саморегулируемой организации аудиторов (СРО) с дополнительными регуляторными функциями;
- новая модель экзамена аудиторов, объективно оценивающая теоретические знания и способность их применять;
- внедрение риск-ориентированного подхода, устранение дублирования функций, процедура признания заключений ненадлежащими.

Аудит как форма независимого контроля занимает важное положение в системе финансового контроля, сочетая публичную значимость и частноправовую природу реализации. Ключевыми принципами аудита являются независимость, объективность, профессиональная компетентность и конфиденциальность.

Нормативно-правовое регулирование аудиторской деятельности в РФ представляет собой многоуровневую систему, включающую законодательные акты, федеральные стандарты и международные стандарты аудита, введенные в действие на территории России. Соотношение российских и международных стандартов аудита представляет собой сложную и динамичную систему, в которой национальное регулирование последовательно сближается с глобально признанными подходами.

Государственная политика в сфере аудиторской деятельности, определенная до 2030 года, направлена на дальнейшее укрепление доверия

к институту аудита, совершенствование регулирования на принципах пропорциональности и развитие интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Библиографический список

1. Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (в ред. от 26.12.2024). Документ предоставлен СПС «КонсультантПлюс».

2. Распоряжение Правительства РФ от 22.11.2024 № 3386-р «Основные направления государственной политики в сфере бухгалтерского учета, финансовой отчетности и аудиторской деятельности до 2030 года». Документ предоставлен СПС «КонсультантПлюс».

3. Приказ Минфина России от 09.01.2019 N 2н "О введении в действие международных стандартов аудита на территории Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых приказов Министерства финансов Российской Федерации" (ред. от 16.10.2023). Документ предоставлен СПС «КонсультантПлюс».

4. Стандарты аудита финансовой отчетности, международные стандарты аудита [Электронный ресурс]. URL: <https://www.klerk.ru/blogs> (дата обращения: 18.02.2026).

УДК 347.734.5

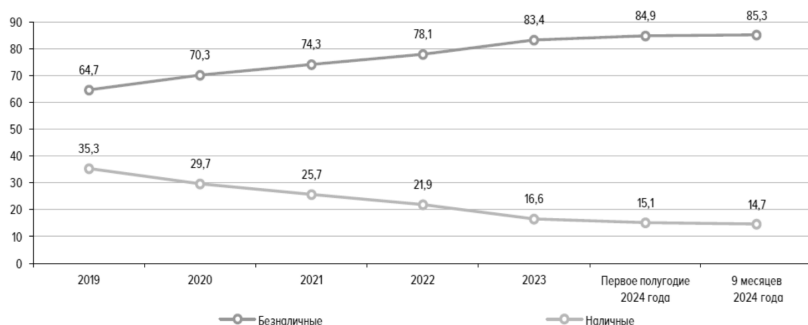
Проблемы правового регулирования расчетных операций с использованием платежных карт

Савина Е.С.

*Научный руководитель: Кузнецова С.О., канд. юрид. наук
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В последние годы, в условиях западных санкций, активно развивается национальная платежная система и, как следствие, растет доля безналичных платежей. Согласно данным Банка России, доля безналичных платежей в розничном обороте выросла с 70,3% на начало 2021 года до 83,4% на начало 2024 года, а по итогам 9 месяцев 2024 года составила 85,3% [5]. Однако развитие этого сегмента сопровождается рядом проблем правового регулирования, требующих научного осмысления и практического решения.

Динамика развития доли безналичных платежей в розничном обороте приведена на рисунке 1.

Источник: данные Банка России.

Рисунок 1. Динамика развития доли безналичных платежей в розничном обороте за 2019–2024 гг. [5].

Основными нормативно-правовыми актами, регулирующими операции с платёжными картами, являются:

1) Гражданский кодекс РФ (ГК РФ):

- ст. 845 (договор банковского счёта);
- ст. 847 (порядок распоряжения средствами на счёте);
- ст. 862 (формы безналичных расчётов).

2) Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе» (в редакции от 20.02.2026) [1]. Устанавливает правила осуществления переводов денежных средств, включая операции с использованием платёжных карт.

3) Положение Банка России от 24.12.2004 № 266-П (ред. от 28.09.2020) «Об эмиссии платёжных карт и об операциях, совершаемых с их использованием» [4]. Регламентирует порядок эмиссии карт, операции с ними, систему управления рисками.

4) Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» [2]. Обязывает кредитные организации идентифицировать держателя карты при совершении операций.

5) Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» [3]. Применяется при рассмотрении споров между банками и держателями карт.

6) Уголовный кодекс РФ (УК РФ):

- ст. 159 (мошенничество);
- ст. 187 (неправомерный оборот средств платежей).

Существенной проблемой правового регулирования операций с использованием платёжных карт является отсутствие специального закона

«О платёжных картах», что приводит к фрагментарности регулирования. Это подтверждается статистикой, в 2023 году было зафиксировано 120 тыс. жалоб на действия платёжных агентов, связанных с некорректным зачислением средств или взиманием скрытых комиссий.

Текущее законодательство не даёт чёткого определения платёжной карты как юридического объекта, соответственно недостаточно четко регламентируются вопросы ответственности банка за несанкционированные операции. Также существует множество неясностей, касающихся правового статуса платежной карты как платежного инструмента. Как и банковская карта, инструментами для оплаты могут являться платежные стикеры, использование биометрических данных для оплаты («оплата улыбкой», «оплата сетчаткой глаза»), все эти инструменты привязываются к банковскому счету владельца, отличаясь от банковской карты, в основе своей, менее массовым применением, соответственно использование более удобных и продвинутых инструментов вызовет аналогичные вопросы в будущем.

Существуют ситуации, когда банк выпускает дополнительную карту, привязанную к счету клиента, при этом карта выпускается на третье лицо, эмбоссирование на карте также выполняется для третьего лица, таким образом плательщиком является другое лицо, не владелец счета, что опять же вызывает трения между клиентом и банком, поскольку дополнительная карта ограничена в правах при обращении к счету клиента (например офис банка, служба поддержки). В то же самое время банки устанавливают ограничения по программе лояльности для дополнительных карт, исключая расходы, проведенные по ним из программ для начисления кэшбэка, а также исключая из общих расходов клиента, для учета в программах лояльности, расходы по дополнительным картам несмотря на то, что в условиях банка прописано, что учитываются все счета клиента для данных программ. Банки такие расходы учитывают как отдельно проведенные операции, несмотря на принадлежность счета одному и тому же физическому лицу. Это приводит к правовым противоречиям: счета принадлежат клиенту – владельцу счета, а карта нет; плательщик с платежной картой один, владелец счета другой.

Есть ситуации, когда банк выпускает дополнительные карты только на имя владельца счета, что выглядит вполне правомерно, но не совсем понятно для каких целей клиенту 5 карт только на его имя, поскольку согласно действующего законодательства распоряжаться ими может только сам держатель карты, без возможности передачи третьему лицу. Банки «уходят» от таких ограничений, предлагая клиенту написать любое

имя на карте, то есть выпустить дополнительную карту на третье лицо, что опять же приводит ко всем вышеописанным проблемам.

Платежная карта также, согласно действующего законодательства, является собственностью банка, поскольку является инструментом доступа к банковскому счету.

Согласно статистике Банка России по мошенническим операциям, в 2025 году объем операций без добровольного согласия клиентов увеличился по сравнению с 2024 годом на 6,4%, а их количество – на 31,2%.

Также в 2025 году наблюдалась тенденция к снижению средней суммы одной операции без добровольного согласия клиента: она составила 18,6 тыс. рублей, что ниже аналогичного показателя прошлого года (в 2024 году – 22,9 тыс. рублей), количество мошеннических операций с использованием платежных карт по-прежнему было самым высоким среди остальных типов операций и составило 980,46 тыс. операций, а их объем составил 7075,78 млн. руб.

Наиболее уязвимая группа пострадавших – лица в возрасте 18–22 лет: они становятся жертвами мошенников на 60% чаще, чем люди 48–62 лет.

Уже в начале 2026 года количество временных блокировок карт и счетов физлиц составило 2–3 млн за первые недели года, тогда как ранее в месяц блокировалось около 330 тыс. переводов.

Таким образом, для решения ключевых проблем неопределенности статуса платежных карт и борьбы с мошенническими операциями по картам, необходимо комплексное совершенствование нормативно правовой базы.

Таковыми ключевыми мероприятиями по совершенствованию регулирования могут быть, например:

- 1) создание и принятие закона «О платежных инструментах», в котором необходимо будет определить правовую природу платежной карты, а также существующих в данный момент платежных инструментах, установить права и обязанности сторон этих взаимоотношений, проработать и закрепить механизмы защиты от мошенничества, а также регламентировать порядок оспаривания операций;

- 2) проработать механизмы «охлаждения» денежных средств на банковских счетах, например запрет обналичивания денежных средств с банковского счета на 72 часа при поступлении крупной суммы от физического лица;

- 3) запустить образовательные программы для молодёжи и пожилых людей для повышения финансовой грамотности, а также в рамках данных

программ провести информационные кампании о правилах безопасного использования банковских карт.

Совершенствование законодательства и повышение финансовой грамотности станут ключевыми факторами развития безналичной экономики в России.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе» (в ред. от 20.02.2026).
2. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» (в ред. от 20.02.2026).
3. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026).
4. Положение Банка России от 24.12.2004 № 266-П (ред. от 28.09.2020) «Об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием» (Зарегистрировано в Минюсте России 25.03.2005 № 6431).
5. Основные направления развития национальной платежной системы на период 2025–2027 годов [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/content/document/file/170680/onrnps_2025-27.pdf.

УДК 369.012

Понятие и сущность социального обеспечения граждан, имеющих детей

Сафарова Э.Н.

*Научный руководитель Азеева М.А., старший преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В соответствии с частью 1 статьи 7 Конституции Российской Федерации Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [1]. Указанное положение определяет социальную направленность государственной политики, на основе которой формируется система социальной защиты населения.

Развивая данный принцип, часть 1 статьи 39 Конституции Российской Федерации устанавливает, что каждому гарантируется социальное

обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом. Так, право на социальное обеспечение признаётся одной из основных социальных гарантий государства.

Особое значение в системе конституционных норм имеет статья 38 Конституции Российской Федерации, согласно которой материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Данное положение закрепляет приоритет государственной поддержки семей с детьми как самостоятельного направления социальной политики Российской Федерации, которое представляет собой совокупность правовых, экономических и организационных мер, осуществляемых государством с целью возмещения дополнительных расходов, связанных с рождением, воспитанием и содержанием детей, а также обеспечения минимально допустимого уровня материального благополучия семьи. Указанные меры направлены не только на поддержку конкретных семей, но и на достижение общественно значимых целей, включая повышение рождаемости и снижение уровня детской бедности.

Исторически правовое регулирование помощи семьям с детьми в Российской Федерации было ориентировано преимущественно на поддержку социально уязвимых категорий, к которым относились многодетные семьи, неполные семьи, а также семьи с низким уровнем дохода. Такой подход сохраняется и в настоящее время, что отражается в целенаправленном предоставлении мер социальной защиты лицам, наиболее в них нуждающимся при назначении большинства социальных выплат.

В научной литературе отсутствует единый подход к определению социального обеспечения граждан, имеющих детей. Так, Галаганов В. П. рассматривает социальное обеспечение как совокупность общественных отношений, регулируемых нормами права, по предоставлению гражданам пособий, услуг и иных форм социальной помощи при наступлении социально значимых обстоятельств [2]. По мнению Мачульской Е.Е., - социальное обеспечение представляет собой систему перераспределения государственных и негосударственных средств, направленную на компенсацию утраченного дохода и дополнительных расходов семьи [3]. В социологическом аспекте социальное обеспечение рассматривается как механизм поддержания приемлемого уровня жизни социально нуждающихся групп населения.

В широком смысле социальное обеспечение граждан, имеющих детей, выражается в деятельности государства по предоставлению социальных выплат, льгот и услуг. В узком смысле оно понимается как система

денежных выплат, предоставляемых при наступлении юридически значимых обстоятельств, таких как рождение ребёнка, уход за ним либо наличие статуса многодетной семьи.

Правовую основу социального обеспечения граждан, имеющих детей, образуют Конституция Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» и иные нормативные правовые акты федерального и регионального уровней [4].

В настоящее время в Российской Федерации предусмотрена система государственных пособий и мер социальной поддержки граждан, имеющих детей. К основным видам таких выплат относятся пособие по беременности и родам, ежемесячное пособие в связи с рождением и воспитанием ребёнка, единовременное пособие при рождении ребенка, ежемесячное пособие по уходу за ребенком, а также меры социальной поддержки многодетных семей. Единое ежемесячное пособие носит комплексный характер и направлено на поддержку семей на различных этапах рождения и воспитания ребёнка, в связи с чем в правоприменительной практике оно нередко рассматривается как универсальная мера государственной поддержки.

Указанные выплаты имеют целевой характер и направлены на частичное возмещение утраченного дохода либо дополнительных расходов, возникающих у семьи в связи с рождением и воспитанием детей.

К существенному элементу системы социального обеспечения относится принцип адресности, при котором право на получение отдельных выплат ставится в зависимость от уровня среднедушевого дохода семьи. Несмотря на обоснованное расходование бюджетных средств, применение данного принципа на практике порождает ряд проблем, поскольку оценка нуждаемости семьи не всегда объективно отражает её реальное материальное положение.

К числу основных проблем следует отнести сложность реализации права на получение отдельных видов социальных выплат, обусловленной необходимостью сбора значительного количества документов и подтверждения доходов семьи.

Кроме того, на практике регулярно применяется формальный подход со стороны органов социальной защиты при принятии решений о назначении пособий, что приводит к необоснованным отказам в предоставлении мер поддержки. Существенной проблемой также остаётся неоднородность правового регулирования на региональном уровне, проявляющаяся в различиях условий предоставления и размеров отдельных выплат в субъектах Российской Федерации. Это, в свою

очередь, приводит к дискриминации, выражающейся в фактическом неравенстве граждан в реализации права на социальное обеспечение в зависимости от места их жительства. Наряду с этим определённые трудности вызывает и применение принципа адресности, поскольку оценка нуждаемости семьи не всегда объективно отражает её реальное материальное положение.

Особое значение для развития института социального обеспечения семей с детьми имеет практика Конституционного Суда Российской Федерации. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 29.06.2021 № 30-П указано, что меры государственной поддержки семей с детьми должны обеспечивать реальную защиту социальных прав и соответствовать принципам равенства и справедливости. Суд признал неконституционным правовое регулирование, которое лишало отцов детей, рождённых с использованием суррогатного материнства и воспитываемых в семье совместно с супругой-усыновителем, права на получение материнского (семейного) капитала. Конституционный Суд подчеркнул, что такие семьи выполняют социально значимую функцию воспитания детей и не могут быть поставлены в худшее положение по сравнению с иными семьями, имеющими детей [5].

Данное постановление свидетельствует о том, что нормы о социальном обеспечении всё чаще толкуются в более широком и социально ориентированном смысле, а приоритет отдаётся интересам ребёнка и семьи в случае спорной ситуации.

Таким образом, несмотря на развитие законодательства и наличие различных мер государственной поддержки, институт социального обеспечения граждан, имеющих детей, в настоящее время сталкивается с рядом актуальных проблем. К их числу относится формальный подход органов социальной защиты при принятии решений о назначении пособий, сложность подтверждения права на социальное обеспечение, а также неоднозначность регионального правового регулирования. Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства в сфере социального обеспечения граждан, имеющих детей, а также повышения эффективности правоприменительной практики.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.).

2. Галанов В.П. Право социального обеспечения: учебник, 8-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2014. 448 с.

3. Мачульская Е.Е. Право социального обеспечения: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2026. 408 с.

4. Федеральный закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей».

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2021 № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей" в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области».

УДК 346.7

Некоторые правовые аспекты преференциального режима свободный порт Владивосток

Сергеева А.А.

*Научный руководитель: Девятковская И.А., старший преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

«Свободный порт Владивосток» (далее - СПВ) – особый правовой режим осуществления предпринимательской деятельности, установленный федеральным законом от 13.07.2015 № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток» (далее – Закон о порте) [1]. Указанный режим действует на территории 5 регионов: Сахалинской области, Камчатского края, Хабаровского края, Чукотского автономного округа, Приморского края.

В рамках преференциального режима СПВ предоставляется определенный набор льгот для инвесторов, среди которых стоит выделить пониженные тарифы страховых взносов (7,6% - 10 лет); пониженная ставка налога на прибыль при зачислении в федеральный бюджет (0% в течение 5 лет); пониженная ставка налога на прибыль при зачислении в бюджет субъекта Российской Федерации (0% - первые, 10% - следующие 5 лет) и др.

Также для резидентов существуют административные преференции, среди которых можно выделить специальные сокращенные сроки по осуществлению контрольных проверок, право использовать товарный знак «Сделано в ТОР и СПВ Дальний Восток», благодаря которому компании могут принимать участие в конгрессо-выставочных мероприятиях, а также, что немаловажно, получать рекламную поддержку бренда; режим «единого окна» для резидента и др. [2].

Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики огласило предложение по расширению действия режима СПВ на весь регион, что получило огласку и положительный отклик [3]. Так, например, Губернатор Приморского края Олег Николаевич Кожемяко сообщил в своем ежегодном инвестиционном послании о планах по расширению границ свободного порта Владивосток на семь муниципалитетов региона [4]. Однако, в настоящее время фокус направлен на точечные изменения только в регионах, где действует данный режим, что замедляет развитие макрорегиона.

Несмотря на свою узконаправленность, Закон о порте требует системной доработки, так как некоторые его положения противоречат действующим нормативно-правовым актам на федеральном и региональном уровнях. Так, согласно статье 8 Закона о порте предоставлением земельных участков резидентам преференциального режима занимаются Минвостокразвития России и АО «Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики». Однако, согласно статьям 11 и 39.2. Земельного кодекса Российской Федерации выделение земель из муниципальной собственности, которые составляют основную часть территории с режимом СПВ, находится в компетенции местных органов власти. В результате возникает юридическая коллизия – противоречие при распределении полномочий. Для решения данной проблемы необходимо внести изменения в Земельный кодекс, где стоит определить случаи, когда выделение земель из муниципальной собственности могут осуществлять Минвостокразвития России и АО «Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики». Это позволит установить определенный законом порядок, который не будет противоречить нормам.

Также в СПВ существует проблема, связанная с ускорением порядка проверки и учета судов. Так, упрощенный порядок проверки и учета судов в режиме «единого окна» установлен ст. 22 Закона о порте во всех пунктах пропуска через Государственную границу Российской Федерации, где действует данный режим. Однако часть 22 указанной статьи ограничивает действие упрощенного порядка таможенного оформления, предполагая его действие только для пунктов пропуска через границу государства, действующих на территории СПВ в Приморском крае. Это создает препятствия для эффективного таможенного оформления и негативно сказывается на стабильности и предсказуемости условий для крупных инвестиционных проектов, включая сферу рыбопромыслового флота, что препятствует развитию регионов Дальнего Востока Российской Федерации.

Для решения проблем развития СПВ необходимо расширить действие режима на территории макрорегиона, упразднив часть 22 ст. 22 Закона о порте. Данная мера позволит ускорить поток грузов, упорядочить нормативное регулирование по вопросу развития СПВ.

Особые условия режима СПВ способствуют созданию стабильных и предсказуемых условий для реализации крупных инвестиционных проектов (в том числе в сфере рыбопромыслового флота), что способствует повышению экономической привлекательности территории, привлекая новых резидентов, созданию новых компаний, производству жизненно важной продукции, предоставлению востребованных услуг, развитию необходимой инфраструктуры, обеспечению рабочих мест и улучшению качества жизни людей в регионе.

Вместе с тем развитие свободного порта Владивосток и его влияние на экономику Дальнего Востока России требует комплексного подхода и системной доработки действующего законодательства. Предложение о расширении режима на весь регион является важным шагом к улучшению инвестиционного климата и ускорению экономического роста. Однако текущее ограниченное действие преференциального режима и существующие юридические коллизии создают препятствия для эффективного функционирования СПВ.

В связи с этим реализация предложенных мер не только улучшит условия для резидентов, но и создаст стабильную и предсказуемую среду для реализации крупных инвестиционных проектов, способствуя тем самым устойчивому развитию Дальнего Востока Российской Федерации.

Библиографический список

1. О свободном порте Владивосток: Федер. закон от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ: [принят Государственной Думой 3 июля 2015 г.: одобрен Советом Федерации 8 июля 2015 г.].

2. Дальневосточный бренд [Электронный ресурс]. URL: <https://brand.erd.ru/about>.

3. Минвостокразвития предлагает расширить режим СПВ на территорию всего Дальнего Востока [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9097315>.

4. Границы СПВ хотят расширить на семь муниципалитетов Приморья [Электронный ресурс]. URL: <https://eastussia.ru/news/granitsy-spv-khotyat-rasshirit-na-sem-munitsipalitetov-primorya/>.

Правовое регулирование отношений, связанных с проведением процедуры банкротства застройщика, проблемы правоприменения

Смирнова Д.А.

*Научный руководитель: Кузнецова С.О., канд. юрид. наук
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Институт банкротства застройщиков занимает особое место в системе российского законодательства. Уникальность данного правового режима обусловлена необходимостью защиты прав участников долевого строительства — наиболее уязвимой категории кредиторов, перед которой у государства возникают публично-правовые обязательства по обеспечению конституционного права на жилище.

Формирование специальных правил банкротства застройщиков прошло путь от появления первых особенностей в 2011 году до создания разветвленного механизма с участием публично-правовой компании «Фонд развития территорий». Данная статья посвящена анализу современного состояния правового регулирования и выявлению ключевых проблем правоприменения.

Определение застройщика в целях банкротства закреплено в подпункте 1 пункта 1 статьи 201.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве). Застройщиком признается юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, к которым имеются требования о передаче жилых помещений либо денежные требования, при условии привлечения ими средств участников строительства. Ключевое значение имеет не формально-юридический статус должника, а фактическое осуществление деятельности по аккумулированию средств граждан для строительства многоквартирного дома [1; 3].

Судебная практика сформировала расширительное толкование понятия застройщика. Верховный Суд РФ в Обзоре № 3 (2016) указал, что застройщиком может быть признано не только лицо, непосредственно заключившее договоры с дольщиками, но и организация, фактически аккумулирующая денежные средства, даже при отсутствии прямых договорных связей. Данный подход направлен на пресечение злоупотреблений, когда используются агентские договоры или посреднические схемы для уклонения от ответственности [3].

Принципиальное значение имеет позиция о том, что специальные нормы применяются независимо от наличия у должника прав на земельный участок и разрешения на строительство. Единственный критерий — факт привлечения средств и наличие требований к должнику. Сфера применения ограничена строительством многоквартирных домов: на дома блокированной застройки (таунхаусы) действие параграфа 7 главы IX Закона о банкротстве не распространяется [1; 3].

Законодательством установлен специализированный процедурный режим, ориентированный на защиту прав дольщиков. Субъектный состав расширен: помимо традиционных кредиторов, в деле участвуют участники строительства, Фонд развития территорий, контролирующие лица и региональные органы власти. Арбитражный управляющий обязан иметь аккредитацию Фонда или специализированной саморегулируемой организации и подтвердить опыт ведения процедур банкротства застройщиков (п. 2.1 ст. 201.1 Закона о банкротстве) [1,2].;

Участникам строительства предоставлено право выбора способа защиты: требование о передаче жилого помещения в натуре (включается в специальный реестр) либо денежное требование (в четвертую очередь реестра). Требования о передаче жилых помещений признаются обеспеченными залогом прав застройщика на объект незавершенного строительства и земельный участок, что дает приоритет при удовлетворении (п. 1 ст. 201.9). Для предъявления требований установлен 60-дневный срок, пропуск которого не влечет отказа во включении в реестр, но может изменить очередность.

Ключевой проблемой стала судьба залоговых прав кредиторов, не являющихся участниками строительства (банков и инвесторов). Федеральный закон от 27.06.2019 № 151-ФЗ предусматривал прекращение залога при передаче имущества Фонду без компенсационного механизма. Данное регулирование основывалось на позиции Верховного Суда РФ (определение от 16.04.2018 № 305-ЭС16-10864) об отсутствии у залога дольщиков свойств полноценного обеспечения [4].

Конституционный Суд РФ в постановлении от 21.07.2022 № 34-П признал такой подход неконституционным, указав на нарушение гарантий права собственности и принципа равенства. Во исполнение принят Федеральный закон от 08.08.2024 № 282-ФЗ, установивший механизм восстановления прав бывших залоговых кредиторов: размер компенсации определяется пропорционально объему непогашенных требований исходя из стоимости переданного Фонду имущества; выплата осуществляется в два этапа — 10% в течение пяти дней, остальное по мере реализации имущества, но не позднее трех лет.

Правоприменительная практика выявила ряд проблем. Одна из них — конкуренция залоговых прав участников долевого строительства и иных залогодержателей. Двойственный статус дольщиков (кредиторы по требованию о передаче помещений и залоговые кредиторы) создает риски удвоения требований. Неопределенность сохраняется в методике расчета компенсации бывшим залоговым кредиторам: отсутствует единое мнение, следует ли исчислять компенсацию исходя из консолидированной стоимости всего имущества либо отдельно по каждому объекту [1; 3].

Существенное значение имеет вопрос о действии закона во времени. Верховный Суд РФ в определении от апреля 2025 года подтвердил, что применяется законодательство, действовавшее на дату возбуждения дела о банкротстве, что исключает распространение новых правил на отношения, возникшие до вступления изменений в силу. Актуален также вопрос распределения текущих платежей при передаче имущества Фонду: в определении от 14.10.2025 № 308-ЭС23-7931 указано, что задолженность по текущим платежам, образовавшаяся после обращения Фонда с заявлением о намерении стать приобретателем, подлежит погашению за счет Фонда [3].

Таким образом, институт банкротства застройщиков представляет собой специализированный механизм, сформировавшийся для защиты прав участников долевого строительства. Его ключевая особенность — автономное понятие застройщика, определяемое фактическим осуществлением деятельности по привлечению средств граждан. Процедурный режим содержит существенные гарантии для дольщиков: право выбора способа защиты, признание требований обеспеченными залогом, возможность передачи объектов Фонду для завершения строительства.

Наиболее значимым событием стало восстановление баланса интересов залоговых кредиторов, не являющихся участниками строительства. Федеральный закон № 282-ФЗ устранил правовую неопределенность, установив механизм поэтапной компенсации.

Вместе с тем сохраняются проблемы: конкуренция залоговых прав, отсутствие единообразной методики расчета компенсаций, вопросы действия закона во времени и распределения текущих платежей. Дальнейшее совершенствование законодательства должно быть направлено на разрешение указанных проблем при сохранении баланса интересов всех участников и обеспечении конституционного права граждан на жилище.

Библиографический список

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2025).
2. Фонд развития территорий: официальный сайт. URL: <https://фрт.рф>.
3. Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://www.vsrф.ru/>.
4. О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве...» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27.06.2019 № 151-ФЗ (ред. от 08.08.2024).

УДК 658.7

Историко-правовой аспект запроса котировок как способа определения поставщика (подрядчика, исполнителя) для государственных и муниципальных нужд

Сухарева Е.К.

*Научный руководитель: Азеева М.А., старший преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

История развития запроса котировок как способа определения поставщика (подрядчика, исполнителя) представляет собой интересный пример эволюции механизмов закупок, которые стремятся обеспечить прозрачность и конкурентоспособность на рынке. На сегодняшний день запрос котировок в электронной форме имеет значительные отличия от той процедуры, которая была прописана в законе более десятка лет тому назад. Путь данного способа закупки — это путь от простого сбора бумажных ценовых предложений в конвертах до полностью электронных процедур. За последние годы по запросу котировок отмечена положительная динамика развития.

Как способ закупки запрос котировок берет свое начало в Указе Президента РФ от 08.04.1997 № 305 [1]. В Указе запрос котировок могли использовать в случае, если у поставщика уже есть имеющийся товар и на сумму, не превышающую 2500 МРОТ.

Далее был принят Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ [2]. Он закреплял официальное понятие запроса котировок. Из данного определения можно выделить следующие признаки: 1) электронное извещение; 2) адресовано неопределенному кругу лиц; 3) информирует о потребностях заказчика.

Суть его заключается в том, что заказчик путем размещения на официальном сайте единой информационной системы размещает извещение, в котором содержится информация о потребности в товарах (работах, услугах), адресованная неограниченному кругу лиц. Победителем признавался участник, предложивший наиболее низкую цену контракта. Срок опубликования извещений если сумма не превышала пятьсот тысяч рублей не мог составлять менее, чем семь рабочих дней до дня истечения срока подачи заявок, а если сумма закупки не превышала двести пятьдесят тысяч рублей, то не менее чем за четыре рабочих дня. Отметим, что несмотря на электронное извещение участник мог подать заявку в письменной форме в незапечатанных конвертах, в отличие, например, от конкурса [4]. По требованию участника заказчик или уполномоченный орган обязаны были выдать расписку о получении заявки также в письменной форме. Контракт заключался не ранее, чем через семь дней после официального опубликования протокола. Регламент запроса котировок на тот момент способствовал возникновению оппортунизма заказчиков и исполнителей, позволяя оформлять победу аффилированному лицу под видом минимального ценового предложения. Несостоятельность данного метода с точки зрения антикоррупционной устойчивости признавалась на всех уровнях, включая органы власти. В результате, уже в 2011 году ФАС России рассматривал возможность полного отказа от запроса котировок как от коррупционного способа определения поставщика [4].

Однако, с принятием Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ недостатки запроса котировок старались нивелировать [3]. Так, ценовое предложение участники закупки подавали уже в запечатанных конвертах, а с 2019 года подача ценовых предложений происходит на электронных площадках. Среди преимуществ электронных запросов котировок выделяются: снижение административных затрат, сокращение времени на подготовку документации, повышение уровня прозрачности, повышение эффективности анализа закупок и сбора статистических данных.

Как ранее отмечалось, предел начальной максимальной цены изначально был не более 500 тысяч рублей, затем повысили до 3 миллионов, а в настоящее время составляет 10 миллионов рублей. То есть показатель превысил исходный в двадцать раз. Параллельно с этим, законодатель оптимизировал процедурные сроки: период от публикации извещения до момента окончания приема заявок сокращен до 4 рабочих дней, а на опубликование протокола подведения итогов закрепили срок не более 2 рабочих дней. Существенной корректировке подверглось и ограничение годового объема запроса котировок: ранее действовавшее

правило не позволяло превышать 20% совокупного годового объема закупок (либо альтернативный лимит в 100 миллионов рублей при СГОЗ от 500 миллионов рублей). С 2026 года это ограничение отменили полностью. В итоге, по статистике единой информационной системы в сфере закупок мы видим тенденцию увеличения проведения закупок запросом котировок. В 2022 году данный способ закупки составлял 0,87% от всего объема закупок, в 2023–2,05%, в 2024–3,33%, в 2025 – уже 3,95% [5]. Анализ практики применения запроса котировок в электронной форме в Ярославской области за период 2022–2025 гг. демонстрирует устойчивый и кратный рост популярности данной процедуры. Если в 2022 году было заключено 1333 таких контракта, то по итогам 2025 года их количество достигло 5618. Таким образом, за четыре года число контрактов, заключенных путем запроса котировок, выросло более чем в 4 раза (на 321,46%). Этот рост сопровождается динамикой и в денежном выражении. Совокупная стоимость контрактов по результатам запроса котировок увеличилась с 0,43 млрд рублей в 2022 году до 5,53 млрд рублей в 2025 году. Рост суммы составил 1173,37%. В 2022 году на запрос котировок приходилось лишь 4,93% от общего числа контрактов, то в 2025 году показатель увеличился до 22,06%. В структуре общего финансирования показатель вырос – с 0,78% до 5,43%. Приведенные данные подтверждают тенденцию развития запроса котировок.

Таким образом, запрос котировок как способ определения поставщика для нужд государства прошел значительный путь своего развития и продолжает адаптироваться к современным реалиям и требованиям. Тот факт, что законодатель в последних поправках к 44-ФЗ расширил возможности его использования для заказчиков, подчеркивает усиление значимости данной процедуры на сегодняшний день.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 08.04.1997 № 305 «О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд.
2. Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд».
3. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд".
4. Цыганков С.С., Торохов Ю.С. Некоторые размышления о запросе котировок в российских государственных закупках // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 12–2. С. 348–354.

5. Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок [Электронный ресурс]. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html>.

УДК 349.414

Публичное назначение земель и коммерческие интересы: проблемы правового регулирования застройки в зоне ЮНЕСКО на примере города Ярославля

Трошина А.Д.

*Научный руководитель: Секерина С.Е., преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Сохранение исторического облика города является важной задачей государства в сфере культуры, политики и развития общества.

Исторический центр Ярославля, включенный в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, подлежит охране как живая историческая городская среда, сохраняющая ценность не только отдельных зданий, но и пространственной структуры, панорам, силуэта и исторического ландшафта. Поэтому правовое регулирование данной сферы направлено на территорию как на особый пространственный комплекс, в пределах которого режим использования земельных участков приобретает публично-правовой характер. Актуальность рассматриваемого вопроса по назначению таких участков сохраняется, поскольку задачи, стоящие перед муниципальным образованием, нередко идут вразрез с коммерческим интересом отдельных лиц.

Режим использования земельных участков регулируется на федеральном и региональном уровнях. Это выражается в следующем.

Во-первых, статья 99 Земельного кодекса РФ [1] относит земли, на которых расположены объекты культурного наследия народов Российской Федерации (памятники истории и культуры) и достопримечательные места, к землям историко-культурного назначения.

Во-вторых, статья 34 Федерального закона от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [2] закрепляет, что в зонах охраны устанавливается особый режим использования земель и земельных участков, ограничивающий хозяйственную деятельность и в ряде случаев запрещающий строительство.

В-третьих, статья 5.1 того же закона связывает использование земельного участка в границах объекта культурного наследия с необходимостью сохранения самого объекта и его археологического, исторического и ландшафтного контекста. Следовательно, земельный участок в зоне наследия не утрачивает гражданско-правовую оборотоспособность полностью, но его использование подчиняется публичной цели сохранения культурной среды.

На региональном уровне данная модель конкретизирована постановлением Правительства Ярославской области от 31.05.2023 г. № 523-п [3], которым утверждены границы объединенной зоны охраны объектов культурного наследия города Ярославля, режимы использования земель и требования к градостроительным регламентам в границах этих зон.

Значение данного правового акта для земельных отношений состоит в том, что именно он переводит общие требования федерального законодательства в прикладной режим конкретных участков: определяет, какие виды использования допустимы, какие параметры застройки возможны, где приоритет принадлежит сохранению исторической панорамы, а где допускается ограниченное преобразование территории. Иначе говоря, публичное назначение земли получило территориально определенное содержание [5].

Вместе с тем сам по себе статус объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО не всегда получает в российском праве прямое земельно-правовое выражение. Международные документы ЮНЕСКО, включая Руководство по выполнению Конвенции, исходят из того, что государство должно заранее уведомлять Всемирный центр наследия о крупных проектах реставрации или новом строительстве, способных повлиять на выдающуюся универсальную ценность объекта. Это прямо вытекает из пункта 172 Operational Guidelines [5]. Однако в национальной системе разрешительной документации данное требование не во всех случаях трансформировано в самостоятельное юридическое основание для отказа в предоставлении права на использование участка либо в выдаче разрешения на строительство. Отсюда и возникает ключевая коллизия: международная обязанность государства существует, но для правообладателя конкретного земельного участка она не всегда выражена как четкое и предсказуемое ограничение его правомочий.

Именно этот разрыв между международным и внутренним регулированием имеет место в земельно-правовых спорах на территории города Ярославля. ЮНЕСКО и консультативные органы ранее указывали на негативное влияние новых строительных проектов на силуэт,

археологию и городскую ткань исторического центра Ярославля, а также на отсутствие должной оценки воздействия и неполноту информации, направляемой в Центр всемирного наследия. Тем самым проблема носит не единичный, а системный характер: спор возникает не только вокруг высоты или архитектуры отдельного здания, но и вокруг самого вопроса, какие именно земельно-правовые ограничения должны считаться обязательными для участков, находящихся внутри объекта и его буферной зоны.

Для понятия ситуации можно отметить споры, которые вызвали резонансные настроения в городе. Например, воссоздание Успенского кафедрального собора на Волжской набережной рядом со Стрелкой, строительство торгово-офисного центра на площади Волкова, проект строительства гостиницы с инженерными коммуникациями по Волжской набережной в районе дома № 1.

Не менее значим и дополнительный пример, касающийся точечной застройки 2015-2019 годов в историческом центре Ярославля. В публичных и экспертных материалах этот период характеризовался ростом конфликтов вокруг новых объектов в зоне ЮНЕСКО, общественными протестами и критикой в адрес практики согласования проектов без достаточной предварительной оценки их влияния на историческую среду. Для исследования правового регулирования земельных отношений данный сюжет важен тем, что точечная застройка продолжается и в настоящее время. Чаще всего она формально опирается на титул правообладателя участка и на локальные разрешения, но фактически затрагивает общее благо - сохранность исторического ландшафта, археологического слоя, визуальных коридоров и культурной идентичности территории. Иными словами, коммерческое освоение здесь воздействует не только на «свой» участок, но и на пространственную ценность всей охраняемой территории [4].

Таким образом, основная правовая проблема состоит не в отсутствии норм как таковых, а в их фрагментарности. Земельное законодательство закрепляет категорию историко-культурных земель и общий приоритет их целевого назначения. Закон об объектах культурного наследия вводит особые режимы и запреты. Международные документы ЮНЕСКО требуют предварительного уведомления и оценки воздействия крупных проектов. Однако между этими блоками нет единой связки, которая позволяла бы заранее и однозначно определить пределы коммерческого освоения участков в историческом центре города. Отсюда возникают споры о том, является ли конкретное ограничение обязательным, в каком

акте оно должно быть закреплено и может ли отсутствие международного согласования само по себе блокировать хозяйственный проект.

Представляется, что для устранения данной неопределенности необходимо, во-первых, прямо закрепить в российском законодательстве о культурном наследии и в смежных нормах земельного и градостроительного права специальный режим участков, расположенных в границах объектов Всемирного наследия и их буферных зон.

Во-вторых, следует нормативно определить случаи, когда сведения о проекте подлежат обязательному направлению в структуры ЮНЕСКО и установить юридические последствия несоблюдения этой процедуры.

В-третьих, нужно усилить земельно-правовую составляющую охраны: отражать соответствующие ограничения не только в общих охранных актах, но и в данных ЕГРН, правилах землепользования и застройки, документации по планировке территории и условиях предоставления публичных земельных участков.

Таким образом, земельные участки, расположенные в зоне, находящейся под охраной ЮНЕСКО, входящие в состав исторического центра города Ярославля – это не просто культурная ценность, а территория с особым юридическим режимом, где правомочия собственника или арендатора земли изначально ограничены охранной функцией. Коммерческое использование таких участков допустимо лишь в той мере, когда не происходит разрушения исторической среды, а публичный интерес не подменяется частной выгодой. На примере города Ярославля видно, что без более четкой имплементации международных обязательств в национальный режим земель историко-культурного назначения даже детализированное региональное регулирование не устраняет конфликт полностью.

Библиографический список

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 30.01.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026).
2. Федеральный закон "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" от 25.06.2002 № 73-ФЗ (в ред. от 15.10.2025 № 374-ФЗ).
3. Постановление Правительства Ярославской области от 31.05.2023 № 523-п "Об утверждении границ объединенной зоны охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), расположенных на территории города Ярославля, режимов использования земель и требований к градостроительным регламентам в границах данных зон".

4. Аливердиева М.А., Муртазалиева К.Р. Некоторые особенности правового режима земель историко-культурного назначения // Закон и право. 2020. № 10. С. 64-66.

5. Влияние системы охраны всемирного наследия на регулирование земельных отношений // Сибирский юридический вестник. 2023. № 4. С. 112-118.

УДК 347.78

Сценический костюм и художественный образ как объекты интеллектуальной собственности

Трузгина Д.А.

*Научный руководитель: Азеева М.А., старший преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

В современном обществе интеллектуальная собственность представляет собой важнейший правовой механизм, обеспечивающий защиту результатов творческой и инновационной деятельности. В соответствии с международной практикой и материалами Стокгольмской конференции 1967 года, интеллектуальная собственность охватывает права на литературные, художественные и научные произведения, исполнительскую деятельность, изобретения, промышленные образцы, товарные знаки и иные результаты интеллектуального труда.

В российском праве система охраны интеллектуальной собственности окончательно сформировалась в 1990-е годы и включает авторское право, смежные права и институты промышленной собственности [1]. Интеллектуальная собственность выполняет функции защиты прав создателей, стимулирования инноваций, формирования конкурентных преимуществ и инвестиционной привлекательности, а также упорядочивания рыночных отношений.

Одними из специфических объектов интеллектуальной собственности в сфере искусства являются сценический костюм и художественный образ в народном танце. Согласно статье 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации, объектами авторского права признаются произведения науки, литературы и искусства, включая хореографические произведения и произведения декоративно-прикладного искусства [1]. Именно в рамках этих категорий возможна правовая охрана художественного образа и сценического костюма, однако их квалификация осложняется

необходимостью разграничения фольклорной основы и авторской обработки [2].

Художественный образ в народном танце может рассматриваться как объект авторского права лишь в случае, если он представляет собой оригинальную хореографическую композицию, созданную конкретным балетмейстером. Традиционные движения, ритмические формулы и композиционные приёмы, существующие в рамках фольклора, не подлежат охране. Вместе с тем авторская переработка этих элементов – их отбор, композиционное объединение, драматургическое развитие и пространственная организация – может обладать признаками оригинальности и образовывать самостоятельное хореографическое произведение.

Сценический костюм в народном танце допускает двойную правовую квалификацию. Он может охраняться как произведение декоративно-прикладного искусства при наличии художественной выразительности и оригинального замысла, а также как промышленный образец – при условии регистрации и ориентации на воспроизводство [1]. Традиционная национальная одежда как элемент фольклора правовой охране не подлежит, однако её сценическая интерпретация, выраженная в изменении пропорций, цветовой гаммы, орнаментики и конструктивных решений, может приобретать статус охраноспособного объекта [3].

Ключевым критерием охраноспособности как сценического костюма, так и художественного образа является оригинальность авторского решения, а не новизна отдельных элементов [5]. Функциональные элементы костюма, обусловленные исключительно техническими требованиями исполнения танца, не охраняются – защите подлежит лишь их художественное воплощение.

Особую сложность представляет разграничение неохраноспособных фольклорных элементов и охраноспособной авторской обработки. К первому уровню относятся традиционные движения, орнаменты, сюжеты и формы одежды, ко второму – оригинальная драматургия постановки, уникальные хореографические связки, пространственные композиции и авторская стилизация костюма.

Дополнительные правовые коллизии возникают в связи с коллективным характером создания художественного образа народного танца. Постановка часто является результатом совместной деятельности балетмейстера, художника по костюмам, музыкального редактора и исполнителей, что предполагает режим соавторства [4]. Отсутствие документального оформления вкладов участников затрудняет защиту прав при коммерческом использовании постановок.

Смежные права исполнителей также играют значимую роль: конкретное исполнение народного танца охраняется независимо от статуса самой хореографической композиции, однако такие права не распространяются на хореографический текст как таковой [1].

Таким образом, сценический костюм и художественный образ в народном танце занимают двойственное положение в системе интеллектуальной собственности. Их фольклорная основа относится к общественному достоянию, тогда как авторская интерпретация может приобретать статус охраноспособного объекта при наличии оригинальности и творческого вклада. Это требует тщательного документирования процесса создания произведений и выработки более чётких критериев разграничения фольклора и авторского творчества, что особенно важно для сохранения баланса между развитием современного искусства и защитой нематериального культурного наследия.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федер. закон от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

2. Гаврилов Э.П., Еременко В.И. Авторское право и смежные права: учебное пособие. М.: Норма, 2022. 320 с.

3. Гуляева О.Н. Сценический костюм в структуре хореографического образа // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2021. № 2. С. 140–145.

4. Кондратьева Е.А. Авторское право на произведения хореографии: проблемы правовой охраны // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2021. № 6. С. 32–38.

5. Копылов А.Ю. Особенности гражданско-правовой охраны персонажей и художественных образов как объектов авторского права // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 226–235.

УДК 340.114, 340.149

Право и мораль: грани взаимодействия в современном обществе

Фомина М.В.

Научный руководитель: Кваша О.В., канд. юрид. наук

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Тема соотношения права и морали лишь на первый взгляд кажется абстрактно-философской. В действительности она ежедневно затрагивает каждого человека, поскольку практически любая жизненная ситуация может быть рассмотрена через призму двух вопросов: «Что говорит закон?» и «Будет ли это по-честному?». Именно здесь сталкиваются и взаимодействуют право как система официальных норм, обеспеченных государственным принуждением, и мораль как совокупность представлений о добре, справедливости, долге и достоинстве.

Проблема, на которую мы хотим ответить в данной статье, формулируется так: как именно право и мораль связаны между собой, где проходят границы их самостоятельности и в чём выражается их взаимное влияние? Для нас важно понять, может ли право быть эффективным, если оно идёт вразрез с массовыми моральными убеждениями, и, наоборот, насколько мораль способна изменяться под давлением правовых норм.

Актуальность темы обусловлена несколькими обстоятельствами. Российское общество переживает ценностные и правовые трансформации: принимаются новые законы, вызывающие жаркие дискуссии. Усиливается ценностный плюрализм: рядом существуют разные моральные коды – религиозные, светские, профессиональные. Растут требования к справедливости правоприменения: люди всё чаще оценивают решения судов не только с формально-юридических, но и с нравственных позиций. Всё это делает вопрос о связи права и морали практической необходимостью. В рамках статьи мы опираемся на работы Н.Л.А. Харт, Дж.Финнис, А.А. Гусейнова и Н.А. Шавеко [1–4].

Право и мораль нередко описывают как два параллельных регулятора поведения. Оба отвечают на вопрос «Как следует поступать?», оба содержат представления о должном и недопустимом. Однако при ближайшем рассмотрении становятся очевидны глубокие различия. Право характеризуется формализованностью и связью с государственным принуждением. Это система общеобязательных норм, за нарушение которых предусмотрены юридические санкции. Эти нормы закреплены письменно: в законах, кодексах, подзаконных актах. Мораль, напротив, существует в виде неписаных правил – традиций, обычаев, внутренних убеждений, поддерживаемых общественным мнением и совестью.

По мнению Н.Л.А. Харт, право и мораль нельзя полностью отождествлять: в правовой системе есть множество норм, нейтральных с точки зрения нравственности (например, технические правила регистрации сделок), и, наоборот, далеко не все моральные требования получают правовое закрепление [3, с. 159]. Из этого следует важный вывод: сам по себе юридический характер нормы не делает её морально

ценной, а отсутствие правовой формы не отменяет нравственной значимости требования. В то же время, как подчёркивает J. Finnis, устойчивый и легитимный правопорядок невозможен без опоры на базовые моральные блага: справедливость, уважение к человеческому достоинству, общее благо [4, с. 85]. Если законы систематически игнорируют эти ценности, у граждан неизбежно возникает ощущение произвола. История знает примеры, когда формально действующее право вступало в жёсткое противоречие с совестью большинства – в таких условиях правоприменение либо превращается в насилие, либо норма тихо саботируется.

Таким образом, между правом и моралью можно провести своего рода «границу компетенций». Они различаются по источнику (право создаётся государством, мораль складывается стихийно), по форме выражения (правовые нормы – в текстах, моральные – в обычаях и убеждениях), по характеру санкций (юридические и социально-психологические). Но при этом их содержательные поля постоянно пересекаются: одни и те же требования (например, запрет убийства и кражи) одновременно являются и правовыми, и моральными.

На наш взгляд, именно мораль задаёт исходную рамку для правотворчества. Законодатель – член общества, носитель определённых нравственных убеждений. Он может пытаться абстрагироваться, но полностью уйти от влияния массовых представлений о справедливости и долге ему невозможно. А.А. Гусейнов обращает внимание на то, что мораль прокладывает «линию разграничения» между тем, что общество считает допустимым, и тем, что оно готово осудить [1, с. 12]. Право затем переводит часть этих нравственных установок в кодифицированную форму: так появляются запреты на убийство, пытки, дискриминацию, защита чести и достоинства. Исторический опыт подтверждает эту логику. Идеи естественных прав человека сначала были сформулированы философами как нравственные требования и лишь затем нашли выражение в декларациях и конституциях. Без стоящего за ними морального движения эти документы остались бы пустой декларацией.

Полагаем, что без минимального морального консенсуса попытки насаждать закон сверху обречены. Там, где общество внутренне не готово принять норму, закон рискует стать либо мёртвой буквой, либо источником перманентного конфликта.

Вместе с тем было бы ошибкой представлять мораль как первичную и неизменную, а право – как механический перевод нравственных требований в юридическую плоскость. Процесс идёт и в обратную сторону: принятые законы постепенно перестраивают моральный климат.

Эта «обратная связь» часто недооценивается. Когда государство последовательно проводит политику защиты прав женщин, детей, людей с инвалидностью, это меняет не только юридическую, но и повседневную реальность. То, что раньше считалось «естественным» (например, жестокое обращение в семье), постепенно начинает восприниматься как недопустимое и с моральной точки зрения. Н.А. Шавеко подчёркивает, что право и мораль постоянно обмениваются содержанием: одни и те же социальные ожидания могут сначала возникать как нравственные, затем закрепляться в праве, а через юридические механизмы укрепляться в моральном сознании [2, с. 47]. Правовые реформы нередко становятся точкой отсчёта для изменения общественной морали.

Хороший пример – сфера защиты персональных данных и цифровой приватности. Ещё недавно свободная публикация чужих фотографий казалась многим безобидной. Сегодня, после принятия соответствующих правовых норм и расширения практики привлечения к ответственности, общественное мнение всё чаще воспринимает такие действия как нравственно сомнительные. Здесь право явно опережает массовые привычки, но со временем подтягивает их к новому стандарту.

Особенность современной ситуации состоит в том, что общество утрачивает иллюзию единой, монолитной морали. В рамках одного государства сосуществуют разные ценностные системы: религиозные и светские, традиционалистские и либеральные, профессиональные этические кодексы и субкультурные нормы. Это серьёзно осложняет вопрос о том, на чью именно мораль должно опираться право. В таких условиях, на наш взгляд, правовая система вынуждена выполнять роль «минимальной морали». Она фиксирует требования, необходимые для совместной жизни людей с разными убеждениями: запрет насилия, защита базовых прав личности, соблюдение договоров, ответственность за причинённый вред. Всё, что выходит за пределы этого минимума и касается «правильного» образа жизни, совести, убеждений, остаётся в поле личной или групповой морали.

С другой стороны, попытка полностью отделить право от морали и свести его к чистой технике управления ведёт к утрате доверия к государству. Когда закон воспринимается как набор произвольных инструкций, не укоренённых в ценностях, граждане начинают искать способы его обойти. Право должно опираться на ценности, разделяемые достаточно широкой частью общества, но не превращаться в инструмент навязывания одной моральной доктрины всем без исключения.

Рассмотрев различные аспекты проблемы, можно прийти к следующим обобщениям. Во-первых, право и мораль – два

самостоятельных, но взаимосвязанных механизма регулирования. Во-вторых, мораль оказывает существенное влияние на содержание права: нормы, радикально расходящиеся с нравственным чувством большинства, саботируются. В-третьих, право активно воздействует на моральное сознание, закрепляя новые стандарты поведения. Со временем то, что воспринималось как «чисто юридическое требование», начинает осознаваться как нравственное. В-четвёртых, в условиях ценностного плюрализма право играет роль минимального общего знаменателя, обеспечивающего совместную жизнь людей с разными убеждениями.

Итоговый вывод: эффективное и справедливое правовое государство возможно только тогда, когда право и мораль находятся в состоянии сложного, но честного диалога. Право должно слышать мораль, опираясь на базовые ценности общества, а мораль – принимать во внимание реальные правовые механизмы защиты человека. Игнорирование любой из этих сторон ведёт либо к правовому формализму без доверия, либо к морализаторству без реальных гарантий.

Библиографический список.

1. Гусейнов А.А. Мораль и право: линия разграничения // Lex Russica. 2018. № 8. С. 7-22.
2. Шавеко Н.А. Право и мораль: соотношение в общетеоретическом аспекте: монография. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2014. 91 с.
3. Hart H.L.A. The Concept of Law. Oxford: Clarendon Press, 1961. 320 p.
4. Finnis J. Natural Law and Natural Rights. Oxford: Oxford University Press, 1980. 425 p.

УДК 658.71

Проблемные вопросы при формировании плана закупок отдельными видами юридических лиц

Чемармазович И.О.

*Научный руководитель: Азеева М.А., старший преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Формирование плана закупок является первым и одним из наиболее ответственных этапов закупочной деятельности, предусмотренной Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ "О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц" (далее — ФЗ-223) [1].

Заказчик размещает в единой информационной системе план закупки товаров, работ, услуг на срок не менее чем один год. План закупок является долгосрочным документом, определяющим потребности заказчика и обеспечивающим прозрачность его намерений для всех потенциальных поставщиков. Однако на практике при формировании плана закупок многие заказчики сталкиваются с организационно-техническими проблемами, так и правовыми вопросами. Эти проблемы часто становятся предметом споров в арбитражных судах.

Отсутствие данного документа или неправильное оформление его является нарушением, которое может повлечь административную ответственность и служить в последующем основанием для оспаривания дальнейших закупок. Ключевым документом для заказчика в этом вопросе является Постановление Правительства РФ от 17.09.2012 г. N932 "Об утверждении Правил формирования плана закупки товаров (работ, услуг) и требований к форме такого плана" [3].

Данное постановление определяет: правила формирования плана закупки и требования к форме плана закупок.

На основании этого мы можем сделать промежуточный вывод, что план закупок — это публично-правовой документ, который обязывает заказчика действовать в рамках плана закупок и отражать в данном документе все изменения, связанные с деятельностью заказчика.

Несмотря на однозначное регулирование, на практике возникает ряд вопросов и проблем, связанных с формированием плана закупок. Их можно определить, как нарушения обязанностей, предусмотренных ФЗ-223 и Постановлением N 932, что находит отражение в судебной и антимонопольной практике.

Одной из категорий нарушений является пропуск сроков размещения как первоначального плана закупок на год, так и вносимые изменения в утвержденный план, уже после того, как началась процедура закупки. Заказчику необходимо помнить, что изменение необходимо вносить не только по предметам закупки и их техническим характеристикам, но и отслеживать сроки, в которые необходимо было разместить закупку, ведь если по плану закупки извещение нужно было разместить в марте, а фактически ее размещают в августе, тут тоже нужно внести изменение в план закупок. Нарушения срока размещения плана закупок влечет за собой административную ответственность и регулируется ч. 2 ст. 7.30.4 КоАП РФ [2].

Частой ошибкой является полное отсутствие в плане закупок или чрезмерное количество закупок у единственного поставщика при недостаточных основаниях для выбора этого способа закупки. В

соответствии со ст. 3.6 Закона Ф3-223 порядок подготовки и осуществления закупки у единственного поставщика устанавливается в Положении о закупках заказчика, но он не должен ограничивать конкуренцию на рынке. В данном вопросе принято, что закупки у единственного поставщика признаются целесообразными, если закупаемые товары, работы, услуги обращаются на низко конкурентных рынках или проведение конкурентных процедур нецелесообразно ввиду объективных причин.

Нередкой ошибкой в формировании плана закупок является несоответствие кода ОКПД2 предмету закупки. Несоответствие кода может привести к ошибкам при размещении информации и ошибкам в статистических данных и при поиске закупок поставщиками. Примером этой ошибки может служить Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Ханты-Мансийскому автономному округу - Югре от 10 ноября 2025 г. № 086/07/3-2168/2025 [5]. Заказчик неправильно указал код ОКПД2 при формировании закупки, тем самым нарушив принцип закрепленный в части 6.1 статьи 3 Ф3-223 и не исполнив Постановление Правительства РФ от 23.12.2024 № 1875 "О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц"[4].

Кроме того, требуется тщательно следить за обоснованием начальной максимальной ценой контракта (НМЦК) и соответствием его плану закупок. Ошибки на данном этапе бывают следующими: округление цены или арифметические ошибки в расчетах, обоснование НМЦК уже после включения ее в план закупок, несоответствие НМЦК в плане закупок значению, указанному в обосновании или полное отсутствие обоснований НМЦК, включенной в план закупок.

Проблемные вопросы формирования плана закупок отдельными видами юридических лиц носят комплексный характер, объединяя в себе элементы нарушения федерального закона, подзаконных актов и принципов публичного управления. Для решений этих проблем необходим единый подход. Только путем строгого соблюдения законодательства, основанного на единстве федеральных, подзаконных норм и судебных актов, можно обеспечить реальную прозрачность и конкуренцию в закупочной деятельности, что является главной целью Ф3-223.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Документ

предоставлен СПС «Консультант Плюс».

2. Федеральный закон от 28.12.2024 № 500-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

3. Постановление Правительства РФ от 17.09.2012 г. № 932 "Об утверждении Правил формирования плана закупки товаров (работ, услуг) и требований к форме такого плана".

4. Постановление Правительства РФ от 23.12.2024 № 1875 "О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц".

5. Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Ханты-Мансийскому автономному округу - Югре от 10 ноября 2025 г. № 086/07/3-2168/2025.

УДК 342.2

От Вестфалии к чему? Траектория развития государственного суверенитета

Шнейдер М.А.

Научный руководитель: Кваша О.В., канд. юрид. наук

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Понятие государственного суверенитета, сформулированное в классической теории как абсолютная, верховная и неделимая власть государства на своей территории и его независимость во внешней политике, сегодня переживает период глубокой трансформации. Актуальность исследования обусловлена острым противоречием между традиционными принципами суверенитета и реалиями современного мира, пронизанного процессами глобализации и цифровизации. Проблема заключается в следующем: может ли государство сохранить классический суверенитет в условиях, когда транснациональные вызовы (от изменения климата и киберугроз до экономических кризисов) игнорируют государственные границы, а международные организации и правовые режимы налагают все больше ограничений на свободу действий национальных правительств?

Теоретическая значимость темы связана с необходимостью переосмысления и адаптации базовой категории конституционного и международного права к новым политическим и экономическим реалиям. Практическая актуальность определяется поиском баланса между защитой национальных интересов, государственной идентичности и необходимостью коллективных действий для решения глобальных проблем. Представляется интересным проанализировать современные вызовы государственному суверенитету, рассмотреть его трансформацию на примерах и сформулировать прогнозы относительно его будущего в мировой системе.

Исторически суверенитет стал краеугольным камнем Вестфальской системы международных отношений, основанной на принципе суверенного равенства государств. Однако в XX-XXI веках эта модель подверглась эрозии. По мнению исследователей, глобализация объективно ограничивает свободу действий государства, особенно в экономической и информационной сферах [5].

В наше время сформировалось несколько ключевых подходов к пониманию современного суверенитета. С одной стороны, существуют теории «размывания» или «конца суверенитета», согласно которым государство утрачивает свою центральную роль. С другой стороны, более взвешенная позиция заключается в том, что суверенитет не исчезает, а трансформируется и адаптируется [3; 4]. Государство остается главным фактором, обеспечивающим безопасность и правопорядок, но вынужденно делегирует часть своих полномочий наднациональным структурам или делится ими в рамках международного сотрудничества.

Важным аспектом стала концепция «ответственного суверенитета», предполагающая, что права государства на невмешательство взаимосвязаны с его обязанностью защищать собственное население и соблюдать международные нормы. Нарушение этих обязанностей может, согласно некоторым трактовкам, легитимизировать вмешательство международного сообщества, что является серьезным отступлением от классической вестфальской модели. Таким образом, современный суверенитет все чаще предстает не как абсолютная, а как относительная и условная категория.

Наша точка зрения заключается в том, что в современную эпоху происходит не упадок, а качественная трансформация суверенитета. Он эволюционирует от жесткой, территориально замкнутой модели к более гибкой и сетевой. Этот процесс имеет как правовые, так и политико-экономические измерения:

Правовое измерение: конституции и международные договоры. На национальном уровне суверенитет остается ключевым конституционным принципом. Яркий пример — Конституция Российской Федерации, в которой закреплено: «Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию» и «Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации» [1]. Это декларация классического понимания верховенства государственной власти.

Однако на практике это верховенство сталкивается с требованиями международного права. Государства добровольно, в расчете на получение определенных выгод, ограничивают свой суверенитет, ратифицируя международные договоры и вступая в организации. Уже в преамбуле Устава ООН говорится о стремлении народов «соединить наши силы для поддержания международного мира и безопасности» [2], что предполагает определенное согласование суверенных воль.

Институциональное измерение: между сотрудничеством и интеграцией. Анализ постсоветского пространства на примере Содружества Независимых Государств (СНГ) наглядно иллюстрирует эту двойственность. С одной стороны, само создание СНГ в 1991 году стало актом утверждения национального суверенитета бывших советских республик. В Соглашении о создании СНГ прямо указано намерение сторон «развивать свои отношения на основе взаимного признания и уважения государственного суверенитета» [2]. Это был «развод» суверенных государств.

С другой стороны, сразу же были заложены механизмы добровольного ограничения суверенитета в определенных сферах для достижения общих целей. Статьи Соглашения предусматривали координацию внешней политики, сотрудничество в формировании общего экономического пространства, сохранение общего военно-стратегического пространства и единого контроля над ядерным оружием. Здесь мы видим классическую модель «пула суверенитетов», где государства передают часть своих исключительных компетенций общим координирующим институтам. Интересно, что даже в момент создания этой модели отдельные участники, как, например, Молдова, сразу делали оговорки, стремясь ограничить свое участие лишь экономическим сотрудничеством и исключить военно-политические аспекты как угрозу своему суверенитету [2]. Это демонстрирует избирательный, прагматичный подход современных государств к делегированию полномочий.

Экономическое и цифровое измерение: новые границы. Самые серьезные вызовы сегодня исходят не столько от политических институтов,

сколько от глобальных экономических и технологических сил. Мобильность капитала, цифровые платформы, действующие в глобальном масштабе, киберпространство, не имеющее четких границ, — все это создает «зоны», где традиционный государственный суверенитет слаб или неприменим. Государство борется за налоговый суверенитет с транснациональными корпорациями, за информационный суверенитет — с глобальными медиа-гигантами, за безопасность — с хакерами из другой части света. В этих условиях реальный суверенитет все больше зависит от технологической и экономической состоятельности страны.

Подводя итоги, можно сформулировать некоторые выводы относительно природы и возможного будущего государственного суверенитета:

1. От абсолютного к функциональному и ответственному. Классическая модель абсолютного, ничем не ограниченного суверенитета уходит в прошлое. Ей на смену приходит модель функционального суверенитета, где объем самостоятельности государства определяется его способностью эффективно решать внутренние и внешние задачи, а также соблюдать взятые на себя международные обязательства. Концепция «суверенитета-как-ответственности» становится новой нормой в международных отношениях.

2. Избирательная интеграция как стратегия. Будущее — не за полным отказом от суверенитета в пользу наднациональных структур (как в ЕС) и не за изоляционистским его отстаиванием. Наиболее вероятным сценарием видится развитие гибкой, избирательной интеграции. Государства будут формировать «суверенные пулы» по конкретным вопросам: совместная безопасность, контроль за миграцией, регулирование цифровой среды. Они будут добровольно и обратимо делегировать полномочия в одних областях, жестко охраняя их в других. Суверенитет не будет переходить из крайности в крайность («есть/нет»), а станет набором опций, которые государство может настраивать в зависимости от сферы.

Технологический суверенитет как новая граница. Ключевым полем битвы за суверенитет в XXI веке станут технологии. Способность государства обеспечивать кибербезопасность, контролировать критическую информационную инфраструктуру, развивать собственные технологические цепочки и стандарты будет определять его фактическую независимость. Цифровой суверенитет станет неотъемлемой частью суверенитета государственного.

Таким образом, государственный суверенитет не упраздняется и не обесценивается. Он проходит болезненную, но необходимую адаптацию к сложной, взаимосвязанной реальности. Современное государство

вынуждено постоянно балансировать между защитой своей автономии и необходимостью сотрудничества для выживания. Суверенитет будущего — это не неприступная крепость, а умный, динамичный и открытый для взаимодействия, но при этом защищенный дом в глобальной сети, фундамент которого по-прежнему опирается на волю народа, легитимность власти и верховенство национального права.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации.
2. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (г. Минск, 8 декабря 1991 года).
3. Гринин Л.Е. Национальный суверенитет в век глобализации // Суверенитет. Трансформация понятий и практик / Под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. М.: МГИМО, 2008.
4. Ильин М.В. Суверенитет: вызревание понятийной категории в условиях глобализации // Политическая наука. Суверенитет в условиях глобализации. Опыт полиций Запада и Востока: Сб. науч. тр. / Под ред. И.В. Кудряшовой. М.: МГИМО, 2005.
5. Катков А.Д. Процесс глобализации и проблема ограничения суверенитета (векторы политико-академической дискуссии) // Вестник XXI века. 2018.

УДК 342.9

Европейский опыт и зарубежные модели правового регулирования института обжалования в административном праве

Юрченко И.А.

*Научный руководитель: Азеева М.А., старший преподаватель
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал*

Зарубежный опыт обжалования решений и действий органов публичной власти как правило базируется на сочетании обязательного досудебного (административного) порядка и специализированного судебного контроля. Основной целью является защита прав граждан и бизнеса через механизмы, обеспечивающие прозрачность, законность и оперативность.

В связи с этим досудебное обжалование действий (бездействия) или решений административных органов зачастую выступить эффективным средством защиты прав и свобод частных лиц, позволяющим и ускорить, и

упростить разрешение публично-правовых конфликтов. При этом развитие российской теории и практики важно соотносить с положительным опытом иных государств, имеющих богатые административно-правовые традиции и функционирующих в условиях многоуровневой правовой системы, включая наднациональный и международный уровни права.

Европейский вектор развития правовых систем, особенно в контексте интеграционных процессов, предопределяет потребность в приближении национального правопорядка к европейским стандартам. Это в полной мере относится и к институту обжалования в административном праве. Как справедливо отмечает Д.В. Лученко, возможность обжалования следует рассматривать как условие демократичности сферы государственного управления, её способности реально обеспечивать и защищать права человека [1]. Международный институт административных наук выделяет четыре группы принципов, общих для западноевропейских стран: надежность и предсказуемость (правовая определенность), открытость и прозрачность, ответственность, а также производительность и эффективность публичной администрации. Право на обжалование является необходимой и важной составляющей реализации этих принципов.

В соответствии со ст. 13 Конвенции о защите прав человека и основополагающих свобод, каждый, чьи права нарушены, имеет право на эффективное средство юридической защиты в национальном органе. Как указывается в Докладе о верховенстве права Венецианской комиссии (2011 г.), доступ к правосудию в независимых судах, включая судебный контроль за административными актами, является ключевым элементом правового государства. При этом европейские стандарты предусматривают наличие как судебных, так и внесудебных (административных) процедур обжалования. Рекомендация Совета Европы № R (86) 12 поощряет применение дружественного урегулирования споров вне судебной системы, а Рекомендация Rec (2001) 9 выделяет такие альтернативные средства, как внутреннее (ведомственное) рассмотрение, примирение, посредничество и арбитраж.

Мировой практике известны четыре основные модели организации административной юстиции, сложившиеся под влиянием исторических и правовых традиций конкретных государств:

1. Административная модель (Франция). Органы административной юстиции входят в исполнительную ветвь власти. Система включает три уровня: Государственный совет (высшая инстанция), административные апелляционные суды и региональные административные трибуналы.

Независимость административных судов во Франции провозглашена фундаментальным принципом решениями Конституционного Совета. Государственный совет также выполняет функцию советника правительства по административно-правовым вопросам, а его решения фактически создают прецеденты для административных органов [3].

2. Общесудебная модель (Российская Федерация, страны бывшего СССР). Специализированные органы административной юстиции отсутствуют. Жалобы на действия органов исполнительной власти рассматриваются судами общей юрисдикции в рамках административного судопроизводства. С принятием Кодекса административного судопроизводства РФ данный институт стал неотъемлемой частью общей системы судебной защиты.

3. Квазисудебная модель (Великобритания, США). Существует система специализированных трибуналов по рассмотрению административных споров, которые подконтрольны судам общей юрисдикции. В Великобритании действует двухуровневая система, возглавляемая Советом трибуналов и административной юстиции. Судьи трибуналов обладают привилегиями, сходными с членами судебных органов, что сближает их с классическим правосудием.

4. Административно-судебная модель (ФРГ). Система специализированных административных судов, которые входят в единую судебную систему страны, но обладают независимостью как от администрации, так и от судов общей юрисдикции. Система включает административные суды (первая инстанция), высшие административные суды земель (апелляция) и Федеральный административный суд (кассация). Общей чертой немецкой и французской моделей является универсальная подведомственность — в орган административной юстиции может быть подана любая жалоба, имеющая административный характер [2].

Одной из ключевых проблем является соотношение административного (досудебного) и судебного обжалования. Как отмечается в научной литературе, в целом для стран Европы присуща кодифицированность института административного обжалования в рамках законов об административной процедуре (Германия, Австрия, Испания, страны Балтии). Однако единой общеевропейской модели процедуры не существует. На практике используются две формы: либо обжалование вышестоящему руководителю (органу), либо создание при государственных органах специальных апелляционных структур квазисудебного характера. Примером последней могут служить совещательные комиссии в муниципалитетах Нидерландов.

В российской практике доминирует факультативность административного обжалования, когда неиспользование досудебного порядка не препятствует обращению в суд. Этот подход соответствует стремлению оградиться от бюрократического произвола и утвердить авторитет судебной власти. В то же время в ряде европейских стран (Венгрия, Латвия, ФРГ) обязательность досудебного урегулирования является условием принятия дела к судебному разбирательству.

Интересен опыт Франции в части правового регулирования досудебного обжалования. Несмотря на наличие более 150 обязательных процедур, французский законодатель не устанавливает обязательности досудебного обжалования в качестве общего правила. Эффективность добровольного обжалования обеспечивается за счет четких механизмов: наличия у частного лица права на получение итогового решения (через институт «молчания» администрации, которое по истечении двух месяцев признается отказом), а также преемственности досудебной и судебной стадий. Государственный совет Франции постановил, что обращение в рамках добровольной процедуры приостанавливает сроки на обращение в административный суд, что стимулирует граждан к попыткам мирного урегулирования спора.

Важным аспектом является вопрос о приостановлении исполнения обжалуемого акта. В России и Франции жалоба, поданная в рамках добровольной досудебной процедуры, по общему правилу автоматически не приостанавливает действие акта. Однако если во французском праве существует развитая система обеспечительных мер, применяемых судьей по срочным вопросам (включая приостановление исполнения на досудебном этапе), то российское законодательство в этой сфере находится в стадии формирования и часто отдает приоритет публичным интересам, что может снижать привлекательность досудебного обжалования для частных лиц.

Отдельного внимания заслуживает институт квазисудебных органов в системе исполнительной власти. Опыт показывает, что создание специализированных апелляционных подразделений (например, департаментов апелляций в налоговой службе или административных коллегий в антимонопольном комитете) не всегда обеспечивает должную автономию и эффективность. В качестве успешной модели рассматривается экспертно-апелляционный совет при органе лицензирования, формируемый из государственных служащих, ученых и представителей общественности. Такой «смешанный» способ формирования позволяет сочетать профессионализм с независимостью.

Европейские стандарты судебного обжалования требуют не только наличия эффективного средства защиты, но и возможности обжалования судебного решения. Европейский суд по правам человека исходит из достаточности двухуровневой системы административных судов. В связи с этим в национальном законодательстве необходимо предусматривать меры по предупреждению злоупотреблений правом на кассационное обжалование, чтобы обеспечить быстрое рассмотрение дел и исполнение судебных решений.

В заключение следует отметить, что учет европейского правового опыта является необходимым условием развития института обжалования. Основными направлениями совершенствования могут стать: определение оптимального соотношения между обязательными и факультативными досудебными процедурами; внедрение успешных моделей квазисудебных органов (по примеру экспертно-апелляционных советов); обеспечение преемственности досудебных и судебных процедур (включая вопросы сроков); совершенствование механизмов приостановления исполнения актов в целях баланса публичных и частных интересов; а также дальнейшее развитие специализированной системы административной юстиции, что является общеевропейской тенденцией.

Библиографический список

1. Лученко Д.В. О европейском правовом опыте в развитии института обжалования в административном праве // Актуальные проблемы российского права. 2012. С. 175-180.

2. Тимошинова С.Б. Зарубежный опыт признания незаконными решений, действий (бездействия) органов государственной власти в порядке административного судопроизводства // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2018. № 2. С. 189–194.

3. Курындин П.А. Право на досудебное обжалование актов и действий административных органов: особенности реализации в России и Франции // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4 (89). С. 7–18.

МОЛОДЕЖЬ, НАУКА, ПРАКТИКА

Научное издание

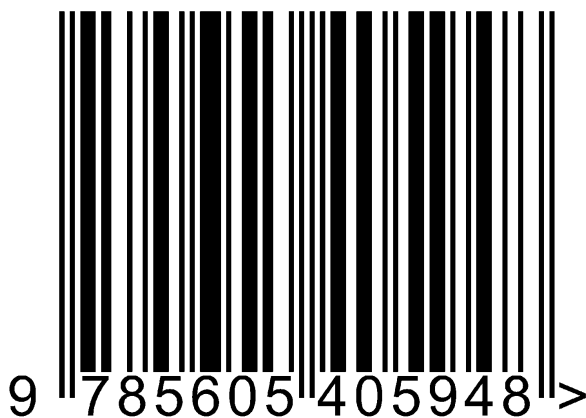
*Сборник научных трудов
66-й Международной научно-практической конференции
студентов, магистрантов и аспирантов,
посвященной 90-летию Ярославской области*

Том 2

20 марта 2026 года

Компьютерная верстка Монахов И.А.

ISBN 978-5-6054059-4-8

Подписано в печать 07.04.2026. Формат 60х90/16.

Усл. печ. л. 37. Тираж 30 экз. Заказ № 2105.

Отпечатано в ООО «ПКФ «СОЮЗ-ПРЕСС»
150062, г. Ярославль, пр-д Доброхотова, д.16, кв.158
Тел.: (4852) 58-76-33, 58-76-37
E-mail: kancler2007@yandex.ru

